

Венгеро-российский культурно-просветительский фонд
«Dialogorum»

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Венгеро-российский культурно-просветительский фонд
«Dialogorum»

**Политика и культура:
проблемы взаимодействия
в современном мире**

Будапешт — Киров
2019

УДК 304.42(076)

ББК 65/67

П-50

Рецензенты: **Едошина И. А.** — доктор культурологии, профессор

Машковцев А. А. — доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Руководитель проекта — **Н. Зария** (Венгрия)

Осипова Н. О., доктор филологических наук, профессор (Россия) —
ответственный редактор;

Круглова Л. К., доктор философских наук, профессор (Россия);

Сидоров В. А., доктор философских наук, профессор (Россия)

Варга Беата, PhD, Habil. Associate Professor (Венгрия)

П-50 Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. —
Будапешт: Изд-во Selmeczi Bt.; Киров: ООО «Издательство «Радуга-Пресс»,
2019. — 523 с.

ISBN 978-5-6042991-7-3

Материалы сборника охватывают широкий спектр проблем культуры, включенных в широкий круг политических процессов. Центральное место отводится роли культурного фактора во внешней и национальной политике. Авторы — ученые, политики, деятели искусства, представители ведомственных и творческих организаций разных стран на страницах издания размышляют об актуальных проблемах современности, связанных с новым типом отношений в политической панораме современного мира.

Издание адресовано специалистам-гуманитариям, преподавателям и студентам вузов, работникам профильных учреждений и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами взаимодействия политики и культуры.

Ответственность за точность цитирования и соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

УДК 304.42(076)

ББК 65/67

ISBN 978-5-6042991-7-3

© Культурно-просветительский фонд «Dialogorum»

© Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT), Венгрия

© ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», Россия

© Коллектив авторов

Содержание

От редколлегии	6
Раздел 1. Культура в системе политических процессов: исторический опыт и современные вызовы	
<i>Синецкий С. Б.</i> Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке.....	8
<i>Баранов Н. А.</i> Российский опыт взаимодействия политики и культуры в контексте нарративных практик.....	18
<i>Круглова Л. К.</i> Государственная культурная политика, национальный интерес и глобализация: пути гармонизации.....	28
<i>Кемень Л.</i> Взаимодействие естественного и искусственного интеллекта	36
<i>Осипова Н. О.</i> Архетипические формулы как культурная матрица власти.....	41
<i>Блохина А. Е.</i> Проблемы и перспективы культурного взаимодействия в контексте современных международных отношений.....	49
<i>Коваль Е. А.</i> Язык вражды в современном политическом дискурсе: европейская модель противодействия.....	55
<i>Vasileva S.</i> UNESCO activity for enhancing cultural cooperation in the Balkan region of Europe	65
<i>Шатилов А. Б.</i> «Неоевразийство» как реинтеграционная идеология постсоветских элит: вызовы и перспективы	73
<i>Лепешкина Л. Ю.</i> Советская культурная политика: спор о достижениях.....	79
<i>Пуховская Н. Е.</i> Особенности политической культуры Германии: искажение исторической памяти и формирование национальных мифов	86
<i>Кишиш К.</i> Преподавание русского языка в военных целях в Венгрии в конце XIX – начале XX века	99
<i>Хашеми О.</i> Культурная политика современной России: читать Пушкина, поддерживать Путина.....	106
<i>Надь И.</i> Актуальность Иштвана Бибо – мыслителя и философа.....	114
<i>Игнаточкина О. В.</i> Вьетнамская война как внешнеполитический фактор трансформации культурной парадигмы американского общества.....	120
<i>Копысова Н. В.</i> Духовное и политическое в человеке: трагедия раздвоения	128
<i>Яковлева А. В.</i> Филантропия как ресурс развития социокультурной сферы: опыт России и Венгрии.....	136
<i>Салтанович И. П.</i> Социокультурные ловушки инноваций и парадоксы постсоциализма в Беларуси	144
<i>Варга Б.</i> Региональные варианты исторической памяти в Украине	154
<i>Жадунова Н. В.</i> Влияние политических и культурных процессов на современные стратегии становления личности: вопросы адаптации и социализации мигрантов.....	161
<i>Шуб М. Л.</i> Политика памяти: основные тренды российской коммеморативной стратегии (на примере г. Челябинска).....	169

<i>Фомин Э. В.</i> Венгрия в аспекте чувашского западоведения.....	179
<i>Титова Т. А., Фролова Е. В., Гущина Е. Г.</i> Политика в сфере межнациональных отношений в Республике Татарстан: взгляд изнутри.....	186
<i>Сулейманова М. Н.</i> Процессы национально-культурного возрождения народов и региональная политика: развитие взаимодействия (на примере Республики Башкортостан).....	193
<i>Романовский Е. А.</i> Трансформируя чеченскую идентичность	201
<i>Власова Т. А.</i> Региональный туризм в Удмуртской Республике: между сохранением наследия и коммерческой выгодой.....	206
Раздел 2. Политические процессы в художественном и медийном поле культуры	
<i>Сидоров В. А.</i> Медийные деструкции в политической панораме мира	216
<i>Василенко И. В.</i> Цифровая культура как инструмент манипулирования в современных политических системах.....	226
<i>Колесникова Н. Л.</i> Российская цифровая дипломатия — элемент мягкой силы	234
<i>Пожаров А. И.</i> Новое Средневековье в новых медиа: к вопросу о реконструкции истории.....	243
<i>Федоров В. В.</i> Эстетика деконструкции официального предвыборного медиадискурса как речевой практики «иной» культуры в независимых интернет-медиа	253
<i>Атрохин А. М.</i> Отражение скандала вокруг ложки П-2 в советской политической журналистике	258
<i>Левицкая Т. В.</i> «Кто дал им право?» Роль публицистических работ Н. А. Лухмановой в общественной жизни России рубежа XIX — XX вв.	263
<i>Урядова А. В.</i> Выставочная деятельность русских художников-эмигрантов в контексте политики.....	270
<i>Зыховская Н. Л.</i> Актуальные образы современного литературного героя в контексте культурно-художественной политики влияния на аудиторию	281
<i>Тужилкина Е. М., Кошелев Г. К.</i> Современное искусство в пространстве «новых медиа»: влияние на общественно-политические процессы.....	291
<i>Загидуллина М. В.</i> Русское кино: эстетика атмосферности в аспекте культурной политики.....	300
<i>Котеленец Е. А., Затуловская М. С., Лаврентьева М. Ю.</i> «Красный миф» в кинематографе США	308
<i>Рудинская И. И.</i> Сюжет «вождь на трибуне» в искусстве сталинской эпохи.....	315
<i>Попова О. В.</i> Каналы получения политической информации российской молодежью: опыт межрегионального исследования	324
<i>Топчий И. В.</i> Креативное комментирование политических новостей в социальных медиа.....	334
<i>Антонова Е. Е., Дженакова Е. В.</i> Интеграция научного потенциала как основа развития информационного общества.....	344
<i>Минаева Л. В.</i> Политический аспект образовательного телевидения.....	350
<i>Foortai F.</i> Clip as a visual form of modern practical philosophy	358
<i>Юрлова С. В.</i> Мифологема героя-демиурга как основа медиаобраза В. Путина	366
<i>Беляева М. А.</i> Музейные практики как инструмент региональной политики брендинга территории.....	375

<i>Новосёлов М. В.</i> «Старые» и «новые» медиа: влияние на имидж мусульманских государств.....	386
<i>Кабанова А. В.</i> Политическое влияние социальных движений как новых медиа.....	392
<i>Гузельбаева И. А.</i> Официальное искусство как инструмент власти (опыт периода перестройки в Татарской АССР)	396
Раздел 3. Язык и образование в диалоге национальных культур и политических идей	
<i>Медведева Н. Е.</i> Национально-культурная специфика смены установок в структуре языка политического лидера.....	403
<i>Майорова А. В.</i> Эвфемия в политическом дискурсе.....	412
<i>Турагин В. Ю.</i> Системность юридических терминов как форма проявления культуры законоотворчества.....	417
<i>Абгарян Н. Б.</i> Ситуация диглоссии в политическом дискурсе на этапах становления новогреческого языка.....	425
<i>Белоусова В. В.</i> Лингвокультурная медиация: эффективная деятельность специалиста в поликультурной среде	434
<i>Логина П. Г.</i> Вербальный имидж Эмманюэля Макрона как средство формирования образа главы французского государства.....	441
<i>Зубанова Л. Б.</i> Культура и культурная политика в восприятии современной российской молодежи.....	450
<i>Хантурова И. Е.</i> Основные вызовы и тенденции в обучении межкультурной коммуникации в профессиональном образовании (высшая школа) в условиях глобализации и информатизации современного общества.....	460
<i>Мартынова М. Д.</i> Интегративные и адаптивные практики студентов-мигрантов в современной системе высшего образования России (на примере провинциального города)	463
<i>Лесничкова Л.</i> Етнолингвистичното многообразие в фокуса на унгарската и българската езикова политика	474
<i>Симеонова К.</i> О некоторых явлениях и тенденциях в современном болгарском и русском политическом дискурсе	483
<i>Барысенка В. У.</i> Беларуская мова як аснова фарміравання полікультурнай кампетэнтнасці замежных студэнтаў у Рэспубліцы Беларусь.....	489
<i>Кньш Л. С.</i> Адукацыйны турызм як крыніца лінгвакультуралагічнай кампетэнтнасці студэнтаў-замежнікаў	495
<i>Азисова Н. Н.</i> Влияние национально-культурных общественных организаций на формирование традиционных семейных ценностей молодежи в условиях глокализации.....	501
<i>Абаева Г. Б.</i> Полиязычное образование в Казахстане	507
<i>Емельянова Е. В.</i> Языковые процессы в Казахстане и их влияние на интеграцию страны в мировое культурное пространство.....	513

От редколлегии

Материалы сборника, инициатором которого выступил Венгеро-российский культурно-просветительский фонд «Dialogorum», нацелены на введение проблем культуры в широкий круг политических процессов, повышение роли культурного фактора во внешней и национальной политике. Именно в сфере международного сотрудничества, обращенного к интеллектуальному и духовному миру человека, лежат возможности преодоления острых международных проблем, выдвинутых нашей эпохой. Авторы — ученые, политики, деятели искусства, представители ведомственных и творческих организаций разных стран — на страницах издания размышляют об актуальных проблемах современности, связанных с новым типом отношений в политической панораме современного мира. Это повышение эффективности международного сотрудничества научных и культурно-образовательных организаций; роль культуры в современном мире; репрезентация политики в медийном, художественном и образовательном поле культуры; интеграция научного потенциала специалистов-гуманитариев на основе создания инновационной межкультурной образовательной среды.

Принципиальное значение имеет установка на комплексный, интегративный подход к обозначенной проблематике, что позволило объединить под одной обложкой интеллектуальный потенциал разных сфер гуманитарного знания (в том числе и прикладных) — философии, политологии, культурологии, социологии, журналистики, искусствоведения, филологии, а также специалистов-практиков в области образования, музейной практики, туризма. Их статьи составили содержание трех разделов: *«Культура в системе политических процессов: исторический опыт и современные вызовы»*, *«Политические процессы в художественном и медийном поле культуры»*, *«Язык и образование в диалоге национальных культур и политических идей»*.

Многие статьи носят дискуссионный характер, их проблематика затрагивает приоритеты и цивилизационные парадигмы современной российской политики, влияние трансграничности на политический процесс, вопросы преодоления языка вражды в политическом диалоге, процесс медийных деструкций в политической панораме мира, своеобразии нарративных практик в российском опыте взаимодействия политики и культуры, наблюдение над тенденциями реинтеграционной идеологии. Ряд материалов посвящен политическим процессам в странах ближнего и дальнего зарубежья, морфологии политических конфликтов, их художественной и публицистической репрезентации, архетипическим формулам власти в их современном проявлении.

Особое место отводится вопросам, связанным с региональной политикой, её ролью во внутренней политике государств. Это проблемы сохранения этнокультурного

наследия, работы с иностранными студентами и мигрантами, анализ состояния русистики в Западной Европе, сфера межнациональных отношений и способов противостояния экстремизму.

В контексте бурных трансформаций современного информационного пространства неизбежно повышается роль медийной сферы в политических процессах, что определяет высокую значимость «цифровой дипломатии», поднимает проблему манипулирования средствами цифровой культуры, а также использования возможностей «soft power» и «smart power» в международных отношениях и предвыборных технологиях. Все эти формы составляют политический медиадискурс с очень сложной структурой и множественными системными связями.

Раздел 1. Культура в системе политических процессов: исторический опыт и современные вызовы

Синецкий Сергей Борисович,

доктор культурологии, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе, Челябинский государственный институт культуры, Россия, г. Челябинск, sbs62@mail.ru

УДК 008.001

Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке

Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ № 3200.2018.6), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Аннотация. В статье представлены три ключевых вектора культурной политики, исходя из цивилизационных парадигм, сформировавшихся к концу первого десятилетия XXI века: традиционалистской, инновационной и междцивилизационной (адаптирующей). Приводится сравнительный анализ альтернативных моделей цивилизационных состояний различных сообществ. Смысл культурной политики на глобальном уровне заключается в поддержании баланса традициональности и инновационности, для обеспечения сохранения человечества как вида в рамках соответствующих цивилизационных форматов.

Ключевые слова: культура, культурная политика, цивилизация, цивилизационная парадигма, будущее.

Sergei Sinetski

Doctor of Cultural Studies, Vice-rector for research and innovation, Chelyabinsk State Institute of Culture, Russia, Chelyabinsk

Universal Priorities and Civilizational Paradigms of Cultural Policy in the XXI Century

Abstract. The article presents three key vectors of cultural policy, based on the civilizational paradigms formed by now, that is by the end of the first twenty years of the XXI century. There are the traditionalist, innovative and intercivilizational (adapting) paradigms behind the research. This article gives a comparative analysis of alternative civilizational states in different communities. The meaning of the cultural policy at the global level is to maintain balance of tradition and innovation. Moreover, cultural policy ensures the preservation of humanity as the species within the relevant civilizational formats.

Key words: culture, cultural policy, civilization, civilizational paradigm, future.

Констатация комплексной проблемности состояния человеческого социума стала общим местом в гуманитарном дискурсе первого десятилетия XXI века. Внимание научного сообщества постепенно концентрируется вокруг нескольких факторов, наиболее существенных для углубленной концептуальной проработки перспектив человечества как «единой семьи» (Carl Wieland) с учетом все более оформляющихся цивилизационных различий составляющих его макросоциумов.

Ключевыми взаимосвязанными факторами, определяющими современную социокультурную ситуацию, являются ускорение времени и научно-техническая революция.

Под ускорением времени мы понимаем, естественно, не ускорение движения часовой стрелки, но постоянное увеличение количества культурно-детерминированных операций, осуществляемых в единицу времени. Одним из первых (1970 год) в новейшей истории феномен ускорения времени обозначил в своей монографии «Шок будущего» Э. Тоффлер. Несмотря на то, что книга была написана еще до наступления эры Интернета, в ней точно представлены тенденции и основные последствия изменения скорости социального времени.

Подробный и разноаспектный анализ ускорения социального времени в исторической ретроспективе дан в монографических трудах немецкого социолога Р. Хартмут (Rosa Hartmut). В своих работах автор аккумулирует основные идеи западных ученых различных областей знания, обращающихся к соответствующей проблематике. В ее монографиях приводится большое количество примеров из различных областей человеческой практики, эмпирически подтверждающих существование самого факта «ускоряющейся современности» [1; 2].

Об актуальности проблематики ускорения времени говорит тот факт, что на момент написания данной статьи при запросе «Acceleration Social Time» на платформе для обмена исследовательскими работами Academia.edu выпадает более 100 000 названий научных публикаций, выполненных учеными из разных стран мира. Яркой иллюстрацией, подтверждающей факт прогрессирующего ускорения времени, является оценка ситуации, данная С. П. Капицей: «Известно, что Древний мир длился три тысячи лет, средние века — уже 1000, Новое время — 300 лет, Новейшая история — чуть более 100. Скажем, если история Египта и Китая исчислялась династиями и продолжалась тысячелетия, Римская империя только распадалась тысячу лет, то современные империи исчезали за десятки лет, а советская и того быстрее. Дальше время истории сжиматься уже просто не может, так как есть предел — жизнь человека» [3].

Если сам факт радикального ускорения времени более не требует доказательств, то охват им различных человеческих сообществ нуждается в уточнении. Дело в том, что далеко не все население планеты несет условно равную нагрузку, связанную с вовлеченностью в новую темпоральность. Так, одной из значимых констатаций, сделанных Э. Тоффлером, является идея о разной скорости изменений, происходящих в различных сегментах глобального социального организма. «Будущее проникает в настоящее с разной скоростью. Таким образом, можно сравнивать скорость разных процессов по мере их развертывания. Мы знаем, например, что по сравнению с био-

логической эволюцией видов культурная и социальная эволюции происходят чрезвычайно быстро. Мы знаем, что некоторые общества технологически или экономически трансформируются быстрее, чем другие. Мы также знаем, что разные секторы одного и того же общества показывают разную скорость изменения» [4, с. 33]. Данный вывод, служащий эвристическим основанием для выдвижения гипотез цивилизационного будущего нашей планеты, разделяют многие ученые. «Социальное время ... — понятие неоднородное — пишут В. М. Жеребин, О. Н. Вершинская и О. Н. Махрова. — Прежде всего, для человечества в целом, отдельной нации, социальной группы или индивидуума — это поток происходящих событий или возникающих ситуаций, плотность которого и скорость может меняться» [5, с. 73]. Отсутствие «единой оси времени» и существование «многолинейной модели исторического времени» (параллельно протекающих временных процессов) находит свое подтверждение в расчетах, выполненных С. Н. Гринченко и Ю. Л. Шаповой [6]. О параллельном существовании различной социальной темпоральности свидетельствуют результаты исследований О. В. Головашиной [7]. На неодинаковую темпоральность различных социальных систем указывает и Р. Хартман, обращая внимание на наличие у них «собственных внутренних временных рамок» и возможности жить с разной скоростью, что делает возможной системную десинхронизацию и появление «неодновременности одновременного» [2, с. 259–276]. Обстоятельный анализ феноменов «темпоральность», «историческая память», «время» в контексте культурологической парадигматики дан в диссертационных исследованиях современных российских авторов И. А. Ильинской [8] и М. Л. Шуб [9].

Для понимания цивилизационных перспектив человечества важно зафиксировать отсутствие единого темпорального мейнстрима в его развитии. Этот факт, как правило, игнорируется учеными при оценке складывающейся ситуации. Традиционно, основные проблемы человечества видятся в неконтролируемом ускорении времени. Однако гораздо большую проблему может представлять темпоральная несовместимость (рассогласованность) больших человеческих сообществ.

Вторым важным фактором, определяющим современную социокультурную ситуацию, является научно-техническая революция. Данная тема предельно активно обслуживается различными общественными и гуманитарными науками, популяризируется в публицистическом и художественном творчестве. Бессмысленно здесь перечислять конкретные примеры, характеризующие современную НТР, ибо все они присутствуют в актуальном информационном пространстве, эмпирически фиксируются в повседневной жизни. Революционность изменений заключается в сочетании радикализирующейся функциональности инноваций и скорости их рутинизации и архаизации. Изобретения, появляющиеся в качестве инноваций, нередко устаревают и становятся неактуальными уже к моменту их освоения условной критической массой пользователей (вспомним кассеты VHS, пейджеры, механические накопители информации и др.). Прогнозы развертывания НТР, описанные в работах А. А. Болонкина, И. В. Вишева, М. Диринга, К. Дрекслера, К. Келли, В. М. Кишинца, Р. Курцвейла, С. Лема, Д. Нейсбита (и многих других адептов футурологии), становятся тен-

денциями, все более набирающими темп. Тем не менее для понимания остроты ситуации укажем на три основополагающих вектора современной НТР.

Первый связан с курсом на принципиальное продление человеческой жизни, а в перспективе — достижение человеком «практического бессмертия» (В. И. Вишев).

Второй связан с совершенствованием технологий клонирования животных, отдельных органов человека и вероятной легализацией клонирования самого человека.

Третий, в своем объективном смысле, направлен на изменение самой природы человека под воздействием трех активно развивающихся научных направлений: биоинженерии, нанотехнологий, информационных технологий.

Системное описание каждого из обозначенных векторов НТР было выполнено нами ранее [10, с. 108—148]. Здесь лишь добавим указание на имманентные любой НТР технологические изменения, происходящие во всех без исключения сферах хозяйственной деятельности. В данном конкретном случае это взрывное развитие робототехники, беспилотных летательных аппаратов и автомобилей, умных гаджетов и других технологических инноваций, в комплексе радикально изменяющих как социальные отношения, так и среду бытования.

Однако, по аналогии с темпоральными процессами, далеко не все человечество сколько-нибудь равномерно включено в процессы НТР. Рядом с обществами высокотемпоральными, инновационными, сосуществуют, соседствуют общества низкотемпоральные, традиционалистские. По сути, речь идет о различных цивилизационных путях, а возможно, и о разных направлениях рационально осуществляемой эволюции (Б. Х. Банати). Мы полагаем, что целый ряд противоречий, наблюдаемых в отношениях между человеческими сообществами (не обязательно локализующихся в рамках конкретных государств и иных административных границ), предопределен вовсе не борьбой за территорию и полезные ископаемые (как это часто представляется внешне) и не амбициями лидеров. Источником наиболее значительных конфликтов является цивилизационно-культурный антагонизм, несовместимость стратегических ориентиров-образов будущего, принимаемых противоборствующими сообществами. Речь о действительно фундаментальном выборе, интегрирующем ключевые ментальные и культурные парадигмы, определяющие специфичность конкретных социумов. Такие, по сути, цивилизационные парадигмы обобщенно можно маркировать знаками «Future» («будущее») и «Retro» («назад»). Подробный параметрический анализ каждого из указанных цивилизационных типов представлен нами в работе «Концепты “Retro” и “Future”: актуальные индикаторы типологизации регионов» [11]. Здесь же будет подробно описан культурологический аспект их сосуществования и объективная роль каждого для перспектив человечества как вида.

Знаком «Future» мы маркируем сообщества, условно относящиеся к цивилизации западного типа: страны Западной Европы, США, Канада, Япония, Южная Корея (список далеко не исчерпывающий). Указанные страны со всей очевидностью выбрали инновационный путь развития. Несмотря на географическую разбросанность, данные страны представляют единый регион, имеющий основанием близкий набор ценностей, схожую методологию общественного управления, взаимоадаптированную

систему стандартизации, образования, юридических норм. Интенционально сюда относятся Китай и Индия. Логика развития инновационных сообществ может быть обозначена как движение от известного к неизвестному, из прошлого в будущее, от «точки запуска» к бесконечному постижению мира, глобальному эксперименту.

Знаком «Retro» мы обозначаем, в первую очередь, сообщества ряда стран арабского (Саудовская Аравия, Иордания, Йемен, Ливия, Сирия и др.) и среднего востока (Афганистан), южной (Пакистан) и юго-западной Азии (Иран), целого ряда стран Африки (Эфиопия, Мали, Сомали, Нигерия и др.). Сообщества, проживающие в указанных странах (и цивилизационно близкие им), жестко отстаивают догматы традиции, воспроизводя социально-экономические отношения, свойственные доцифровым хозяйственным укладам. Интенционально сюда относятся многие исламские диаспоры, все активнее размещающиеся в географическом пространстве Западного мира. Логика развития традиционалистских сообществ может быть обозначена как стремление к сохранению устойчивости, возвращение к апробированному, абсолютизация собственной аутентичности.

Помимо двух названных цивилизационных типов существуют промежуточные (маргинальные) с менее выраженными интенциями развития. Однако именно цивилизационные сообщества, мейнстримно определившиеся как «Future» или «Retro», определяют глобальную ситуацию в мире.

Выдвигая гипотезу разделения человечества на большие группы с альтернативными векторами цивилизационного развития, мы придерживаемся принципа безоценочности. Мы полагаем, что разные варианты цивилизационного бытования человечества на данном историческом этапе обеспечивают необходимый баланс для его сохранения как вида. В то же время необходимо осознавать, что сосуществование этих цивилизационных миров носит в целом конфликтный характер. Нередко конфликт приобретает острые формы, вплоть до физического противостояния. Такой конфликт вытекает из различных нормативно-ценностных установок — культурной несовместимости «Future» и «Retro» сообществ.

Пользуясь принципом конгруэнтности при анализе многочисленных определенных культур, последнюю можно определить как сочетание объективно усвоенных, воспроизводимых и транслируемых норм мышления и деятельности и субъективно принятых ценностей, определяющее содержание общественной жизни [см. подробнее 10, с. 37]. Именно сочетание тех или иных норм и ценностей определяет самобытность сообщества, обеспечивает возможность самоидентификации его членам, отличия своих от чужих. Как справедливо отмечал М. Хайдеггер, «в сущности культуры заложено то, что она, будучи . . . опекаем высших благ, берет на попечение и самое себя и таким образом делается культурной политикой» [12, с. 135–136]. М. Хайдеггер, в свойственной ему манере, объяснил двойственную генетическую функцию культуры: самосохраняться, воспроизводясь в традициях, и осуществлять экспансию в пространство других культур. Любая культура стремится к доминированию путем

распространения собственных норм и ценностей на как можно большее количество людей. Здесь, естественно, возможны нюансы, но в статье мы будем вынуждены их игнорировать для соблюдения формата.

Очевидно, что нормативно-ценностное содержание культур, лежащих в основе рассматриваемых цивилизационных типов, принципиально различно. Остановимся лишь на наиболее очевидных различиях, проявляющихся в рутинных культурных практиках.

1. Характер коммуникаций, объективно воспроизводящийся в любых институционально организованных группах с разной степенью выраженности (в зависимости от типа группы и локальной традиции): семья, общество, образование, производство, управление и др.

Future-культура	Retro-культура
Конкурентный, диффузный (демократический)	Вертикальный, армейский (контролируемый)

2. Семейно-родовые отношения как воспроизводимый социальный мировоззренческий паттерн.

Future-культура	Retro-культура
Автономные, без обязательств, суверенизирующие новые поколения за пределами семьи	Кооперативные, преемственные, взаимобязывающие, интегрирующие новые поколения внутри семьи (рода, клана)

3. Отношения с внешним социальным окружением по критерию «открытость» — «закрытость».

Future-культура	Retro-культура
Разнообразие образов, самопрезентационность, публичность	Консервативность, интимность, избирательность (предписанная семейной традицией)

4. Готовность к риску и распределение ответственности за рискованные действия.

Future-культура	Retro-культура
Риск имманентен социализации. Ответственность за рискованные действия несет лично субъект, принимающий решение действовать	Риск нежелателен. Ответственность за рискованные действия распределены между членами семьи (переносятся на семью)

5. Отношение к различным практикам репродуктивности и самомодернизации.

Future-культура	Retro-культура
Позитивное. Готовность включаться в эксперименты по зачатию и вынашиванию детей, использовать пластическую хирургию, психологические практики и т. д.	Негативное. Традиционализм при выполнении репродуктивной функции, обращение к косметической медицине, психологическим практикам лишь в экстренных ситуациях (опасность для жизни и здоровья)

На более высоком уровне обобщений различия будут такими:

1. Отношение к жизни и смерти.

Future-культура	Retro-культура
Смерть — ошибка природы, которую нужно преодолеть	Смерть — фатальная неизбежность, с которой нужно смириться

2. Ведущая мировоззренческая парадигма.

Future-культура	Retro-культура
Движение от известного (рождение ребенка) к расширяющемуся неизвестному — бесконечности жизни и новым открытиям	Движение от неизвестного (рождение ребенка) к конкретизирующемуся известному — к смерти через апробированные практики бытия

3. Смысл жизни

Future-культура	Retro-культура
Самореализация, творчество, удовольствие	Выполнение субъективно понимаемого долга, соответствие требованиям общества, подвиг

Интересно, что подавляющее большинство работ на тему будущего рассматривают человечество как условно единое общество, находящееся под влиянием одних и тех же тенденций развития. Однако даже простое сопоставление приведенных различий позволяет говорить как минимум о двух больших социальных группах, живущих в разных культурных мирах. Существование этих групп носит зачастую остроконфликтный характер в силу объективных экспансионистских интенций каждой из культур. Экспансия Future-культуры осуществляется с помощью экспорта технологий, высокотехнологичных товаров, расширения пространства виртуальной реальности, образовательных и научно-просветительных проектов. Экспансия Retro-культуры осуществляется через массовую миграцию своих адептов в пространство культуры-

конкурента, образовательных и просветительных проектов традиционалистского содержания. На линиях прямого соприкосновения данных культур практически постоянно фиксируется ситуация конфликта. Последнее актуализирует тему осуществления специальной культурной политики, обеспечивающей максимально мирное сосуществование данных культурно-цивилизационных сообществ.

Культурную политику можно определить как целенаправленную, перспективно (долгосрочно) ориентированную деятельность, обеспечивающую развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей.

Таким образом, в XXI веке культурная политика будет представлена как минимум в трех цивилизационных парадигмах:

- во-первых, сохранится ее условно традиционная парадигма, реализуемая в обществах Homo Sapiens, сохранивших собственно человеческие биосоциальные свойства, темпоритмы реакций, традиционалистские способы социализации и т. п. Традиционалистские общества в целом, с поправкой на интенсификацию коммуникативных процессов, сохраняют свойственные современным людям физические и ментальные свойства;

- во-вторых, все более отчетливо оформляется парадигма, адекватно отражающая сущность общества новых людей, вступивших в процесс преобразований себя и окружающего мира на основе достижений научно-технического прогресса, вплоть до преобразования в кибернетическое состояние;

- в-третьих, предстоит выработать междивизиационную культурную политику, обеспечивающую мирное соседство представителей разных цивилизаций.

Формирование третьей, междивизиационной парадигмы требует

- во-первых, понимания потенциала каждого культурно-цивилизационного типа для обеспечения выживания и воспроизводства человечества как вида;

- во-вторых, свойственных им ограничений, рисков для будущего человечества.

В самом общем укрупненном виде такие возможности и ограничения таковы:

Возможности	Тип культуры	Ограничения
Достижение в перспективе XXI века радикального продления жизни	Future-культура	Отсутствие массового опыта долгожительства. Несформированность экономического запроса на использование прирастающего населения
Создание в перспективе XXI века эффективных технологий воспроизводства живых существ не половым путем, а также технологий радикального интеллектуального и телесного совершенствования человека		Отсутствие опыта массовой социализации людей «из пробирки», понимания их социального и юридического статуса. Отсутствие социального опыта и юридических оснований сосуществования традиционных и кибернетических людей (а также искусственного интеллекта)
Обеспечение в перспективе XXII века экспансии за пределы планеты Земля		Риск техногенных катастроф, связанных с производством и использованием новых видов энергии, топлива, глобальных ошибок искусственного интеллекта

Апробированность и привычность воспроизводства человека половым путем, понятность жизненного пути, форм его организации и длительности этапов	Retro-культура	Риск несоответствия традиционного темпорального уклада жизненного цикла личности сложившейся ситуации ускорения социального времени
Апробированность и привычность способов воспроизводства и бытования человека в условиях индустриального, аграрного и более ранних типов хозяйства		Риск несоответствия архаичных способов хозяйствования требованиям роста производительности труда, склонность к глобальной стагнации
Высокая адаптированность к жизни в условиях социальной нестабильности и ограниченности ресурсов		Склонность к решению проблем силовым путем, восприятие нужды и конфликта как нормы

В целом Future-культура обеспечивает инновационный прорыв в высокотехнологичное будущее, но с весьма непредсказуемыми последствиями для сохранения человека как сложившегося природного вида. Retro-культура обеспечивает воспроизводство сложившихся практик бытования человека с постепенной их архаизацией, влекущей радикальное снижение качества жизни, вплоть до сегментарного популяционного вырождения. Становится очевидным, что ключевыми для человечества являются риски, связанные с его глобальной монокультуризацией. Условная победа одной из культур в исторически короткой перспективе приведет к разрушению баланса традиции и новации, обеспечивающего поступательный, без явных витальных угроз эволюционный процесс.

Смысл культурной политики на глобальном — межгосударственном и международном — уровне заключается в том, чтобы удерживать два альтернативных цивилизационно-культурных сообщества от взаимного уничтожения; формировать систему норм и ценностей будущего с учетом перспектив научно-технического прогресса, формирующего свойства и качества нового человека. Речь о поддержании баланса воспроизводственности и инновационности. С одной стороны, для предотвращения конфликтности и хаоса культурная политика должна обеспечивать преемственность и постепенность развития. С другой — поддерживать необходимый темп инновационных преобразований, необходимый для эффективного поиска или создания новых ресурсов, позволяющих человечеству самосохраниться как виду и перейти на новую эволюционную ступень.

Как справедливо отмечает Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума в Женеве, «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи — времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [13, с. 14]. Ни в культурной или административной практиках, ни в теоретических представлениях (концепциях) не имеется готовых шаблонов (аналогов) осуществления по сути междивизиационной культурной политики. Социальные структуры, отвечающие за интеллектуальное обеспечение человечества, столкнулись с проблемами, которые ранее им решать не приходилось. В этом смысле состоятельность человечества как вида зависит от качества интеллектуальных систем, которые ему удалось сгенерировать к настоящему времени.

Список использованной литературы

1. Hartmut R. Alienation and acceleration, towards a critical theory of late-modern temporality. Malmö : NSU Press, 2010. 111 p.
2. Hartmut R. Social acceleration: a new theory of modernity / translated by J. Trejo-Mathys. New York : Columbia University press, 2013. 512 p. (New Directions in Critical Theory (Book 32)).
3. Капица С. П. Почему мельчают гении: во всем виновата теория сжатия времени, убежден профессор Сергей Капица : интервью с С. П. Капицей / вел Ю. Медведев // Российская газета. 2006. 11 янв. URL: <http://www.rg.ru/2006/01/11/genii.html/> (дата обращения: 04.04.2019).
4. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.
5. Жеребин В. М., Вершинская О. Н., Махрова О. Н. Современное восприятие времени и ускорение темпа жизни // Народообразование. 2014. № 2. С. 72–82.
6. Гринченко С. Н., Шапова Ю. Л. Историческое время и модели его «ускорения» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3(31). С. 40–45.
7. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // Философия и общество. 2016. № 3. С. 42–56.
8. Ильинская Е. А. Образ и концепт времени как факторы генезиса и динамики культурных систем : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 теория и история культуры. СПб. : СПбГУП, 2017. 42 с.
9. Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 теория и история культуры. Челябинск : ЧГИК, 2018. 43 с.
10. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 288 с.
11. Синецкий С. Б. Концепты «Retro» и «Future»: актуальные индикаторы типологизации регионов // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. / Обществ. палата Челяб. обл. ; НОУ ВПО «Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладощина». Челябинск, 2014. С. 196–199.
12. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет : пер. с нем. М. : Гнозис, 1993. 464 с.
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. (Top Business Awards).

Баранов Николай Алексеевич,

доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия, г. Санкт-Петербург, nicbar@mail.ru

УДК 32.019.5

Российский опыт взаимодействия политики и культуры в контексте нарративных практик

Аннотация. Современная российская политика выстраивается из национального прошлого, примененного в зависимости от различных обстоятельств, к актуальному настоящему. Россия впитывает в себя те характерные черты инородной политической культуры, которые на данном этапе развития в наибольшей степени отвечают потребностям общества и которые общество в состоянии перенять, и отвергает такие черты, к восприятию которых большинство граждан России еще не готово. Таким образом, продолжается формирование нарративных практик, характеризующих преемственность и связность российской политики в современных условиях.

Ключевые слова: политическая культура, культурологическая парадигма, культурно-ценностный конфликт, «историческая колея», «западничество», «почвенничество».

Nikolay Baranov

Doctor of Sciences in Politics, Professor, Department of international relations, The North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Saint-Petersburg

Russian experience of political and cultural interaction in the context of narrative practices

Abstract. Modern Russian politics is built from a national past, applied depending on various circumstances, to the actual present. Russia absorbs those characteristic features of a foreign political culture that at this stage of development most meet the needs of society and which society can adopt and rejects those features that most citizens of Russia are not yet ready to accept. Thus, the formation of narrative practices that characterize the continuity and coherence of Russian politics in modern conditions continues.

Key words: political culture, cultural and cultural paradigm, cultural-value conflict, "historical track", "westernism", "soil science".

В начале 1960-х годов американский политолог Габриэль Алмонд начал использовать термин «политическая культура» для обозначения системы символов, убеждений и ценностей, благодаря которым становится возможным определить ситуацию, в которой происходит политическое действие. С тех пор в политических исследованиях современных обществ стали применяться культурологические подходы, свидетельствующие о повышении значимости культуры для политической практики. В результате сложилась «культурологическая парадигма, предполагающая зависимость политических действий и концепций от особенностей культуры, в том числе и культуры политической того или иного общества» [1, с. 397]. Авторы фундаментального

труда «Современная политическая наука: методология» [1, с. 389–408] акцентируют внимание на незавершенности культурологической парадигмы политологии как общей концепции культурного влияния на политику и как конкретной теории культурологического исследования определенной конкретной политики.

Культурно-ценностный конфликт между Россией и западными странами, ярко проявившийся в 2010-е годы, инициировал интерес к политико-культурным исследованиям, лежащим в основе складывающихся межгосударственных взаимоотношений. Непонимание современной российской политики, переходящее порой в удивление, свидетельствует о социально-культурных различиях России и большинства европейских стран, что проявляется в различном наборе нарративных практик, с помощью которых происходит конструирование социального опыта с учетом преемственности и связности, обеспеченные нарративом. Применительно к изучению особенностей современной российской политики может быть использован термин «национальный нарратив», под которым О. Ю. Малинова понимает смысловую схему исторического повествования, которая описывает и «объясняет» генеалогию сообщества, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями. Такого рода схемы, по ее мнению, «задают шаблоны для интерпретации конкретных эпизодов прошлого, выступая в качестве важнейшего механизма социального конструирования идентичности» [2, с. 6].

Современная российская политика выстраивается из национального прошлого, примененного в зависимости от различных обстоятельств к актуальному настоящему. Конструирование настоящего посредством обращения к цепи исторических событий, подтверждающих тесную взаимосвязь в политико-идеологическом контексте, становится широко распространенной практикой.

Действительно, в содержании современной российской политики лежат политико-культурные основания: присущие народу традиции в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования политики будущего. Россия оказалась той страной, которая, не сумев стать успешной рыночной экономикой и не построив демократические институты, за счет привычного экстенсивного развития и сильной эффективной просвещенно-персоналистской власти смогла добиться определенных успехов, породив, таким образом, у других стран, не справившихся с либерально-рыночными и демократическими преобразованиями, надежды на успешное развитие в другой — не либерально-демократической — парадигме.

В научном дискурсе политическая культура чаще всего рассматривается как политическое измерение культурной среды в конкретном обществе, как характеристика поведения конкретного народа, особенностей его цивилизационного развития. В этом смысле политическая культура выражает движение присущих народу традиций в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования политики будущего [3, с. 346–364].

Политическая культура формируется десятилетиями и столетиями. Она — результат познания объективных политических процессов и соответствующих выводов из них. Поэтому без исследования ее генезиса, становления, динамики внутренних

различий и целостности анализ специфики политической культуры невозможен. Специфика, обусловленная особенностями исторического развития, позволяет говорить об особом генотипе российской политической культуры. Так, на образование государственности большое влияние оказала вечевая культура Древней Руси, специфика которой заключалась в неприятии инноваций, угрожающих установившимся порядку и правилам, в нацеленности на воспроизводство локальных миров. Отголоски такой архаики существуют и поныне.

Географическое расположение России между Европой и Азией серьезно повлияло на российское общество. Страна оказалась на месте пересечения двух социокультурных типов: европейского или личностно-центрического, в центре внимания которого находится личность, ее свобода, естественные права, и азиатского, или социоцентрического, ориентирующегося на общество, кол лектив, государство. При этом взаимодействие этих двух социокультурных типов в российском обществе весьма своеобразно: оно предполагает не просто переплетение, взаимообогащение содержанием обоих типов, но и непрерывную борьбу между ними. Возникающие на этой основе дуализм, двойственность, противоречивость и конфликтность политической культуры наиболее рельефно находят свое отражение и по сей день в противоборстве «западников» и «почвенников», западной модели развития и модели самобытного пути России. Т. И. Заславская предложила в культурном плане признать Россию «маргинальным членом европейской семьи, занимающим в ней примерно такое же место, как Плутон в Солнечной системе» [4, с. 63].

О российских неопределенностях относительно самоопределения России достаточно много пишут как отечественные, так и зарубежные исследователи. Так, характеризуя российские метания в первые годы после распада СССР, французский историк и политолог Элен Каррер д'Анкосс отмечала, что «Россия разрывалась между европейским предназначением, на которое продолжала претендовать, но которое от нее ускользнуло, и возможностями, открывающимися ей в Азии» [5, с. 3]. В качестве эпиграфа для своей работы французский исследователь выбрала цитату из работы Н. А. Бердяева: «Россия должна сознать себя и Западом, Северо-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [6, с. 22].

Другой французский исследователь Арно Леклерк, специализирующийся на геополитике России и стран СНГ, подчеркивает, что «каждый раз, когда Россия стремилась быть просто европейской державой, она испытывала разочарования и теряла свои позиции как сильное государство, способное управлять судьбами мира. Напротив, всегда, когда ей удавалось обрести равновесие между Европой и Азией, Россия оказывалась на пике своего могущества» [7, с. 25].

По мнению сингапурского политика Билахари Каусикана, «евроазиатская идея в ее современной инкарнации есть последнее колебание исторического маятника после почти катастрофических экспериментов по вестернизации “шоковых терапевтов” в ранний постсоветский период». Б. Каусикан констатирует: «...судьба России — чтобы ее считали “азиатской” на Западе и “западной” в Азии» [8, с. 33].

Специфику роли и места России определяло также огромное геополитическое пространство, на котором сосуществовали народы с различными типами культур. В этих условиях сформировалась ярко выраженная этатистская ориентация политической культуры. В России государство воспринимается, по выражению Э. Баталова, как «становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель всей жизни» [9, с. 7–22]. В условиях отсутствия гражданского общества такое восприятие отражало реальную роль государства, причем не только в царское время, но и в советский период, когда необходимо было удержать победу социализма в капиталистическом окружении. Без сильного государства добиться международного признания было невозможно, поэтому большевистская власть сделала все возможное для этатистской направленности советской политической культуры. В постсоветское время этатистская традиция была ослаблена, однако она вскоре возобновилась вместе с усилением роли федерального центра, что явилось причиной усиления вертикали власти.

Государствоцентричность оборачивается сакрализацией верховной власти, т. е. стойким ее восприятием как санкционированной внечеловеческими силами. Неизменным атрибутом образа лидера в массовом сознании выступает не способность согласовывать позиции и достигать компромисса, а умение навязывать свою волю. Лидер предстает главным объектом патерналистских ожиданий, чему способствует живучая историческая память об «отцах-благодетелях», черпаемая из российской политической традиции. В результате сложилось убеждение, что только от государя, его ума и просвещенности зависит благосостояние страны.

История российского государства тесно связана с православием. Православная церковь выступала духовной опорой русских, противостояла мусульманскому Востоку и католическому Западу. Православная вера сыграла важную роль в формировании идей о величии России, ее масштабности, патриотизме и преданности отечеству, особом пути России, ставших важнейшими компонентами политического сознания россиян. Русская православная церковь активно участвует в политической жизни страны, поддерживая нравственные, с ее точки зрения, инициативы политической власти, направленные на укрепление традиционных ценностей государства.

Характер и направленность общекультурных ориентаций раскрывает место политических явлений в структуре ценностей личности, группы, общества. Значение мировоззренческих ориентаций состоит в том, насколько выбор политических позиций человека зависит от испытываемых им предпочтений к индивидуальным или коллективным ценностям. Так, история России показывает в отличие от государств Запада, испытавших на себе воздействие капитализма, что жители нашей страны веками ориентировались главным образом на нормы общинного коллективизма. Он воплощал в себе приоритет интересов семьи, общины, сословия, коллектива, класса, государства, общества перед целями и ценностями отдельной личности, потребностями индивида. «Ценности порядка, стабильности, устойчивости в русском “проекте” связаны с идеей общности, символическим сплочением в коллективное единство “мы”», — отмечает И. И. Глебова [10, с. 68]. Такое коллективное единство в условиях современного

противостояния с ведущими западными державами является гарантом политической стабильности и устойчивости власти.

По мнению А. А. Галкина и Ю. А. Красина, с начала XXI века в России стали разворачиваться процессы, формирующие демократическую культуру. Во-первых, происходит осознание, что демократия не тождественна сложившемуся в 1990-е годы режиму и группам правящей элиты, называемой себя «демократами», что способствует возрождению оценки демократии как положительной и политически мобилизующей идеи. Во-вторых, через практику «дикого рынка» происходит осознание отсутствия автоматической связи между рыночными и демократическими преобразованиями и открывается возможность превращения демократии в цементирующее ядро общественно-политических отношений, не сводимое только к рыночным реформам. В-третьих, демократические процедуры становятся неотъемлемым элементом общественно-политического образа жизни народа, к которому общество быстро привыкает [11, с. 237–238].

В силу объективных обстоятельств Россия всегда будет испытывать потребность в сильном, эффективном государстве, что не может не сказаться на политической культуре. В демократическом государстве власть ограничивают граждане, защищающие частный или групповой интерес и действующие в рамках гражданского общества. Поэтому антиэтатизм в политической культуре должен быть направлен не на разрушение государства, а на ограничение его экспансионистских тенденций, преодоление патерналистских ожиданий и развитие способности к самоорганизации.

С точки зрения А. Ахиезера, «общество не может обеспечить свое существование в усложняющемся мире, не вовлекая в процесс диалогизации все большего числа людей. Центральная задача политологии в постсоветском обществе — искать пути воспроизводства либеральной культуры, социокультурный фундамент которой пока еще слаб, совершенствуя на этой основе общество и государство, способствуя достижению базового консенсуса, преодолению раскола между всеми элементами нравственного схематизма. А для этого необходимы определенные нравственные основания — прежде всего развитие гуманизма (который в свое время не был воспринят духовной элитой из византийской культуры), христианская идея любви, вытеснение на периферию культуры агрессивности, ненависти, убеждения, что “мир лежит во зле”, мироотреченности (последняя была активно воспринята из византийского наследия)» [12, с. 74].

В то же время следует согласиться с А. В. и П. В. Лукиными, задавшимися вопросом: насколько необходимо России принятие всех либеральных ценностей, которые на данный момент исповедуются на Западе, и «способна ли Россия выдвинуть собственную модель, с неменьшими уровнями свободы и достатка, но более рациональным подходом к моральным ценностям, который бы не противоречил чаяниям и культуре большинства ее населения?» [13, с. 381].

По мнению М. Я. Гефтера, Россия не может соразмерять свое движение только с западным типом развития, но она вынуждена учитывать всемирный опыт, внутри

которого гигантские противоречия и разломы сочетаются с той универсальностью, которая нам необходима [14, с. 74].

Потребность в восприятии ценностей, не характерных для российского общества, но привлекательных с точки зрения их воплощения в реальной жизни, стала в конце 1980-х — начале 1990-х годов реакцией на разочарование в советском образе жизни. Однако неспособность их практического применения как по субъективным, так и по объективным причинам подтолкнула общество к тем ценностным приоритетам, которые оказались привычными, подтверждая актуальность теории Д. Норта path dependence («зависимость от траектории предшествующего развития») [15, с. 130], которая объясняет институциональные изменения сложившейся в обществе системой ценностей, неформальными нормами и правилами, имеющими глубокие корни в жизни народов и связанными со стереотипами поведения больших групп населения.

У. Г. Николаева такой тренд в развитии российского общества называет «архаизацией» — изменениями, которые сопровождаются возрождением социальных отношений и форм, типичных для самых ранних стадий социального развития. По ее мнению, процессы архаизации объясняют рост популярности в современной российской экономической науке концепций «исторической колеи» (А. Аузан), теорий «зависимости от предшествующего пути развития» (Д. Норт). При этом определяющим фактором является не культура, не традиции и не менталитет, а реанимация «архаических экономических отношений, опутывающих будто паутиной все хозяйственные и распределительные процессы» [16].

Восприимчивость к архаическим моделям мировосприятия У. Г. Николаева связывает с аномией российского общества после кризисных 1990-х годов. В России же архаизация усугубляется еще и тем, что власть с радостью потакает желаниям основной массы обывателей, нередко намеренно формирует подобные настроения, оперируя при этом громкими формулами: «возрождение великой державы», «восстановление национальных традиций», поиск «особого пути», обретение «высокой духовности» и т. д. В условиях высокотехнологичной, прежде всего телевизионной пропаганды на уже подготовленное аномией общественное сознание накладывается культурно-идеологическая матрица, причем со всеми необходимыми образами «друзей» и «врагов», «патриотов» и «предателей».

Существующий в российском обществе консервативный запрос возник в числе других причин и как реакция общества на антироссийскую политику западных стран и несовершенство либеральной демократии. Оказалось, что западные государственные институты направляют весь свой мощный ресурс на формирование определенной точки зрения относительно происходящих в мире (особенно в России) событий, применяя при этом дискриминационные меры в отношении несогласных журналистов, теле- и радиоканалов, политиков, активистов общественных организаций. Антироссийская политическая кампания, предпринятая на Западе в преддверии проходящих в России крупных спортивных событий — Олимпиады, чемпионата мира по футболу, в очередной раз показала обществу чужеродность Запада и еще больше сплотила общество и

власть в России. Любые несправедливые, с точки зрения российского обывателя, действия, предпринимаемые Западом в отношении России, служат мощным мобилизационным фактором сплочения власти и общества, являясь основой авторитарного тренда страны. Следует согласиться с Г. Явлинским в том, что если бы после окончания холодной войны западные страны включили Россию «в существующий миропорядок на условиях, которые воспринимались бы российским политическим классом и большинством граждан как достойные», то отношение к власти, исторически сложившееся в российском общественном сознании, было бы другим [17, с. 69–70].

Постимперский синдром, охвативший россиян после присоединения Крыма, направленный на объединение «русского мира» в противовес Западу, в значительной степени выступил консолидирующим фактором между обществом и властью, минимизировал требования граждан в рамках внутренней политики. Н. Зубаревич полагает, что «поддержка политики Путина по “собираанию русских земель” сохранится надолго, это ценностный выбор подавляющего большинства россиян вне зависимости от места проживания» [18].

В XXI веке произошла трансформация политической системы России при доминирующем влиянии консервативных тенденций, разделяемых значительной частью населения и реализуемых как во внешне-, так и внутривнутриполитической практике. Такой вектор ее развития был реализован в политике президента В. В. Путина, который, по мнению А. В. Лукина, отвечает общественному политическому идеалу как совокупности «доминирующих представлений о том, какой должна быть власть в стране и какую политику эта власть должна проводить» [13, с. 277].

Следует согласиться с мнением отечественного ученого о том, что «не В. В. Путин создал авторитарный режим в России, но постсоветская политическая культура и неудачные реформы привели к власти В. В. Путина с его авторитарной программой» [13, с. 341]. Особая роль в этой программе возложена на государство за счет снижения влияния гражданских институтов.

Не дождавшись приглашения в клуб мировых держав, определяющих судьбы планеты, Россия стала осуществлять великодержавную политику наперекор западным государствам. Такая политика, которая поддерживается большинством населения страны, не стала откровением для Запада, так как, по выражению Г. Киссинджера, «российская политика всегда следовала собственному ритму, причем так продолжалось на протяжении столетий» [19, с. 74].

Наступательная политика власти с социально-консервативных позиций, политические неудачи либеральных оппозиционных сил, их неспособность достигнуть согласия в противостоянии с властью привели к снижению востребованности либеральных идей и демократических практик в политическом режиме. В результате доминирующим фактором самоидентификации граждан явилась политика, направленная на воссоздание великой России. Поддержка соотечественников, ярко проявившаяся в присоединении Крыма, дополняет в целом государственную политику, основанную на исторической справедливости, великодержавии, уникальности российского пути и патриотизме. Причем такая политика коррелируется ожиданиями населения, которое в своем

большинстве поддерживает политическую власть, ее реализующую. Возникшую ситуацию А. Аузан характеризует как «готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе», которую российский экономист связывает с возвращением «к традиционному для России государственническому контракту, когда люди соотносят себя с государством и его возможностями» [20].

Трудно не согласиться с точкой зрения И. Б. Фан, считающей, что «каждый из распространенных в массовой культуре и сознании стереотипов — особого пути, великодержавности, особой русской ментальности, единства — представляет собой продукт мифологизации и идеологизации реальности. Эти стереотипы, как элементы целенаправленно формируемой имперской идеологии, упрощают и замещают реальность, препятствуя пониманию и решению проблем общества во всей их сложности» [21, с. 255].

В то же время в условиях XXI века, характеризующегося открытостью к глобальным переменам, тезис о великодержавности сталкивается с проблемой. Так, по мнению Г. Л. Тульчинского, «в современном обществе величие страны определяется не столько размерами, ресурсами и военной мощью, сколько ее “престижем”, привлекательностью для “новых людей”, человеческого капитала, являющегося трендом развития общества» [22, с. 117]. И действительно, потребность в создании достойных условий для жизни в российском обществе возрастает, что свидетельствует о снижении значимости великодержавной консолидации общества и власти.

Следует отметить, что содержание культуры прошлого используется российской властью «весьма избирательно и сохраняется лишь то, что легитимирует существующий политический режим» [21, с. 247]. Однако консервативное наполнение социального и политического пространства в современной России, связанное с обращением к историческим ценностям и привычным политическим институтам, обеспечивает стабильность в краткосрочной перспективе. Для реализации стратегических задач необходимо формировать политическую систему с открытой социальной средой, эффективно функционирующими политическими институтами, развитым гражданским обществом и модернизаторски ориентированной политической элитой. А после геополитических процессов последних лет стало очевидным, что демократизация политической системы является уделом не внешних акторов, заявляющих о заинтересованности в демократизации России, но на деле препятствующих данному процессу, а исключительно россиян — граждан, для которых небезразлична эффективность институтов и практик в российской политике. При этом можно согласиться с О. Ю. Малиновой в том, что «во многом формальный характер декларируемых ценностей является главным препятствием для конструирования нового исторического нарратива, способного связать прошлое с настоящим и будущим» [2, с. 176].

В условиях глобализации изменяются представления исследователей о культуре. Так, на основе фундаментального доклада ООН о развитии человека 2004 года культура понимается как подверженное изменениям многомерное пространство межчеловеческих отношений, в котором люди определяют себя не только через этническую принадлежность, но и через язык, класс, политические взгляды, гражданские роли

[23, с. 99]. Происходящие политико-культурные изменения дают основания полагать, что и в современной России может сформироваться гражданская культура, которая будет носить смешанный характер, так как нельзя двигаться вперед, отрицая все, что было создано предшествующими поколениями. Основными источниками такой культуры могут стать современная политическая практика, которая через правовые акты будет приобретать легитимный характер; западная политическая культура, являющаяся источником необходимых ценностей; национальная традиция, корректирующая формирующуюся политическую культуру.

Россия — страна, которая ищет свой путь в XXI веке. Вектор развития для страны является определяющей категорией для ее характеристики в качестве современной или архаичной. В. Л. Иноземцев называет Россию «несовременной страной», движущейся не в том направлении, которое избрали успешные страны, а в противоположном — «по полосе встречного движения» [24, с. 24]. Несмотря на столь непривлекательный образ, описываемый достаточно последовательным оппонентом власти, следует отметить, что перемены в стране происходят и эти перемены связаны с социокультурным восприятием реальности основной массы населения страны. Строительство будущего в условиях информационного общества невозможно без учета интересов молодого поколения, которое все меньше ориентируется на традиционные ценности и поддерживает те, которые адекватно отвечают потребностям эффективного развития. Политическая власть вынуждена прислушиваться к этому мнению и вносить коррективы в культурно-ценностные ориентиры. Поэтому продвижение к современности является единственным способом сохранения страны в качестве состоявшегося субъекта в современном мире.

Список использованной литературы

1. Современная политическая наука: методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. 776 с.
2. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
3. Баранов Н. А. Эволюция современной демократии: политический опыт России : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2009. 437 с.
4. Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 400 с.
5. Каррер д`Анкосс Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 431 с.
6. Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Репринтное воспроизведение издания 1918 г. М. : Философское общество СССР, 1990. 240 с.
7. Леклерк А. Русское влияние в Евразии: Геополитическая история от становления государства до времен Путина. М. : Альпина Паблицер, 2014. 367 с.

8. Каусикан Б. Конец холодной войны // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 28–40.
9. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // *Pro et Contra*. 2002. № 3. С. 7–22.
10. Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М. : Наука, 2006. 332 с.
11. Галкин А. А., Красин Ю. А. Россия: Quovadis? М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. 274 с.
12. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // *Pro et Contra*. 2002. № 3. С. 51–76.
13. Лукин А. В., Лукин П. В. Умом Россию понимать. М. : Изд-во «Весь Мир», 2015. 384 с.
14. Гефтер М. Я. Россия. Диалоги вопросов. М. : Утопос, 2000. 88 с.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
16. Николаева У. Г. Грозит ли России новое Средневековье // *Независимая газета*. 2016. 25 окт. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/9_6843_middleages.html (дата обращения: 08.04.2019).
17. Явлинский Г. А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. М. : Медиум, 2015. 264 с.
18. Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // *Полит. ру*. 17.01.2016. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 08.04.2019).
19. Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : Изд-во АСТ, 2015. 512 с.
20. Аузан А. А. «Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе». URL: https://globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Gotovnost-k-samoogranicheniyam-v-obmen-na-prinadlezhnost-k-velikoi-derzhave-17065 (дата обращения: 08.04.2019).
21. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
22. Тульчинский Г. Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб. : Алетейя, 2014. 175 с.
23. Паин Э. А. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М. : Мысль, 2017. 266 с.
24. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М. : Альпина Паблицер, 2018. 406 с.

Круглова Лариса Константиновна,

доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и психологии,
Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова,
Россия, г. Санкт-Петербург, lkkruglova@gmail.com

УДК 351.85.

Государственная культурная политика, национальный интерес и глобализация: пути гармонизации

Аннотация. Национальный интерес любой страны заключается в максимальном развитии человеческого капитала. Соответствующая этому государственная культурная политика должна иметь своей главной целью гармоническое развитие личности. Осуществление культурной политики такого рода исключает возможность столкновения национальных интересов различных стран и способствует их гармонизации. Благодаря этому становится возможным реализация наиболее благоприятного из всех возможных сценариев глобализации — глобализация с человеческим лицом. Основным моментом содержания этого сценария является объединение человечества для решения глобальных проблем. Важнейшие из них: устранение военных угроз, преодоление экологического кризиса и создание условий для гармонического развития человека.

Ключевые слова: культурная политика, национальный интерес, культура, глобализация с человеческим лицом, сценарии глобализации, универсальный гуманизм.

Larisa Kruglova

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Department of of philosophy, cultural studies and psychology Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russia, Saint-Petersburg

State cultural policy, national interest and globalization: ways of harmonization

Abstract. The national interest of any country is to maximize the development of human capital. The corresponding state cultural policy should have as its main goal the harmonious development of the individual. The implementation of cultural policies of this kind excludes the possibility of conflicting national interests of different countries and contributes to their harmonization. This makes it possible to implement the most favorable of all possible scenarios of globalization — globalization with a human face. The main points of the content of this scenario is the unification of humanity to solve global problems, the most important of which are the elimination of military threats, overcoming the environmental crisis and creating conditions for harmonious development of human.

Key words: cultural policy, national interest, culture, globalization with a human face, globalization scenarios, universal humanism.

Одним из устойчивых стереотипов мирового общественного сознания является представление о непримиримом противоречии между национальными интересами и процессом глобализации, набирающим в настоящее время всё большую силу и встречающим всё большее сопротивление со стороны антиглобалистов, которые позициони-

руют себя как защитники национальных интересов. При этом считается само собой разумеющимся, что государственная культурная политика, призванная, по определению, стоять на страже национальных интересов, не только не смягчает накал противоречий между национальными интересами, но, напротив, обостряет их.

Между тем, как представляется, на самом деле государственная культурная политика может быть выстроена таким образом, чтобы она являлась мощным фактором удовлетворения национальных интересов и одновременно, не вопреки, а благодаря этому, способствовала бы усилению позитивных сторон процесса глобализации.

Чтобы доказать это, необходимо определить, какие реалии обозначаются теми концептами, о которых идёт речь в данной статье: глобализация, национальный интерес, государственная культурная политика.

Начнем с глобализации. Этим концептом принято обозначать процесс объединения человечества и формирование глобальной цивилизации. А. Тойнби называл точную дату начала этого процесса — середина XX века. На самом деле глобализация берёт своё начало со времен великих географических открытий, но к середине XX века она обрела свои зримые черты. При этом реалии глобализационного процесса таковы, что для их осмысления больше всего подходит сравнение происходящего с абсурдистской пьесой, которая одновременно разыгрывается по нескольким сценариям. По меньшей мере, их три.

Главные действующие лица одного из них — это транснациональные компании, готовые весь мир превратить в конвейер по производству прибылей. Вполне понятно, что эти устремления кардинальным образом противоречат национальным интересам и, соответственно, никак не могут быть согласованы с государственной культурной политикой, вектором которой является сохранение культурного своеобразия той или иной страны.

Движущей силой разворачивания сюжета другого сценария глобализации является политика некоторых сверхдержав, претендующих на мировое господство. Нет необходимости доказывать, что, согласно этому сценарию, национальные интересы и культурная политика, направленная на их достижение, приносятся в жертву политическим амбициям сверхдержав, или, как точнее, видимо, говорить в настоящее время, некой сверхдержавы.

Но есть и другой сценарий глобализации. В его основе — необходимость и возможность объединения человечества для решения глобальных проблем, важнейшими из которых являются устранение военных угроз, преодоление экологического кризиса и, что самое главное, создание условий для гармонического развития человека. Этот вариант сценария глобализации может носить название «глобализация с человеческим лицом». Вполне понятно, что реализация такого сценария не только не ущемляет национальных интересов каких-либо государств, но, напротив, в полной мере им соответствует. Очевидно также, что неотъемлемой чертой глобализации с человеческим лицом является использование и умножение того богатства, которое представляет собой разнообразие этнических и национальных культур.

Однако, несмотря на явные преимущества третьего сценария, в реальной жизни, как выше уже говорилось, все три сценария разыгрываются одновременно. Абсурдистский характер происходящего усиливается за счет того, что действующим лицом всех трех сценариев является движение антиглобалистов, которое тоже имеет весьма неоднозначную направленность. Один его тренд — отстаивание прав народов и государств на суверенитет и на сохранение своей культурной самобытности, другой тренд движения антиглобалистов — противодействие жизненно необходимому объединению человечества.

Есть основания полагать, что одним из важнейших средств, с помощью которого можно было бы покончить с абсурдом происходящего, представляющего собой угрозу жизни человечества, является культура и, соответственно, государственная культурная политика.

Представляется, что достаточно полно содержание этого понятия охватывает следующее определение: культурная политика — это «особого рода деятельность, которая включает в себя такие компоненты:

- определение целей и направлений развития культуры в соответствии с интересами субъектов разного уровня (государств, различных социальных групп и т. д.),
- выбор средств достижения поставленных целей,
- организация и осуществление практических действий, направленных на достижение поставленных целей» [1, с. 241].

Дальнейшие шаги в осмыслении феномена культурной политики и той роли, которую она играет в гармонизации национальных интересов и глобализации, связаны с тем или иным понятием культуры.

В настоящее время в российской науке о культуре наибольшее признание получили три подхода к определению и, соответственно, к изучению культуры. Это — аксиологический, семиотический и деятельностный. Каждый из них позволяет увидеть весьма существенные стороны культуры.

Так, с позиций аксиологического подхода становится очевидным то обстоятельство, что всё, что существует в культуре, — это ценности, то есть с этих позиций определяется содержание культуры.

Семиотический подход позволяет увидеть знаково-символическую форму, в которую заключено содержание культуры.

С позиций деятельностного подхода открывается возможность установить движущую силу развития культуры, каковой является деятельность человека.

Однако, как представляется, ни совокупность этих подходов, ни, тем более, каждый из них в отдельности не являются достаточно операциональными для того, чтобы их можно было использовать для определения целей культурной политики и, соответственно, способов их достижения.

Так, в соответствии с аксиологическим подходом в качестве цели культурной политики может рассматриваться сохранение и приумножение ценностей культуры. Но каких именно ценностей? Где ценностное ядро культуры? В рамках аксиологического подхода найти ответ на эти вопросы невозможно.

С позиций семиотического подхода цель культурной политики можно усмотреть в изучении и сохранении знаково-символической оснастки культурных кодов, характерных для той или иной культуры. Однако для уяснения содержания, которое заключено в эту форму, сторонники семиотического подхода вынуждены использовать аксиологический подход, и тогда, как говорилось выше, они встречаются с теми вопросами, на которые невозможно дать убедительный ответ, оставаясь в рамках аксиологического подхода.

В соответствии с деятельностным подходом в качестве цели культурной политики может рассматриваться увеличение разнообразия видов человеческой деятельности, их доступности для всех членов общества. Но при этом без ответа остается вопрос о критериях, по которым может быть выстроена иерархия видов деятельности, и, что самое главное, без ответа остаётся вопрос о конечной и высшей цели человеческой деятельности.

Ситуацию коренным образом меняет антропологический подход, с позиций которого культура определяется как способ саморазвития человека.

Такой подход к определению, пониманию и изучению культуры логически связан со смыслом положения «человек есть творец и творение культуры», которое в культурологии играет ту же роль, что и аксиомы в математике.

Преимущество антропологического подхода заключается в том, что уже в его исходной формулировке заключен ответ на вопрос о важнейшей функции культуры, каковой является развитие человека, при этом одновременно подчеркивается, что функция выполняется за счет усилий самого человека, создающего культуру.

Важно отметить также, что антропологический подход, открывая возможность дать ответ на те вопросы, которые возникали в связи с использованием других подходов, в то же время позволяет использовать их эвристический и методологический потенциал.

Так, отношения взаимодополнения связывают антропологический подход с аксиологическим подходом, поскольку, антропологический подход позволяет ответить на вопрос, неразрешимый с позиций аксиологического подхода, а именно: как и в зависимости от чего выстраиваются системы ценностей и, что самое главное, как формируется ценностное ядро той или иной культуры. С позиций антропологического подхода ценностное ядро любой культуры формируется в первую очередь в зависимости от того, какие человеческие качества признаются наиболее важными для того или иного общества.

Очень часто антропологическому подходу противопоставляется семиотический подход. Однако и здесь мы видим не отношения взаимоисключения, а отношения взаимодополнения, поскольку отчетливо видно, что содержание культуры, облачаемое в различные семиотические формы, связано в первую очередь со свойствами человека, потребными тому или иному обществу.

Взаимодополнительность антропологического подхода и деятельностного наиболее очевидна, поскольку и там, и там речь идет о человеке, в связи с чем деятельностный подход часто называют антропологическим. Однако, как говорилось выше,

деятельностный подход оставляет без ответа вопрос о высшей и конечной цели человеческой деятельности, тогда как с точки зрения антропологического подхода в той его интерпретации, которая имеется в виду в данной статье, конечной, высшей целью человеческой деятельности является развитие самого человека.

Таким образом, антропологический подход к определению, пониманию и изучению культуры имеет целый ряд преимуществ по сравнению с другими подходами. Главное же из них, как представляется, заключается в том, что с позиций антропологического подхода открывается прямой путь к осмыслению феномена культурной политики и формулировке её главной цели, каковой должно являться развитие и реализация человеческого потенциала как главного ресурса того или иного общества.

Такая направленность государственной культурной политики полностью соответствует национальным интересам любой страны, поскольку главным богатством любого общества является человек. В то же время осуществление культурной политики такого рода исключает возможность столкновения национальных интересов различных стран и способствует их гармонизации. Благодаря этому, как представляется, становится возможным реализация наиболее благоприятного из всех возможных сценариев глобализации — глобализации с человеческим лицом.

Нельзя не отметить, что в настоящее время идея о необходимости развития и приумножении человеческого капитала как главной цели государственной культурной политики нашла свое место не только в сфере научно-теоретического дискурса, но и в сфере реальной политики [2, с. 290–299].

Так, в настоящее время мы располагаем двумя документами, определяющими основные направления государственной культурной политики в Российской Федерации. Это — «Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента РФ 24.12.2014 г., и «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 20.02.2016 г. № 326р. В обоих документах в качестве цели государственной культурной политики определено «формирование гармонически развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития» [3, с. 6; 4, с. 25).

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в названных документах в формулировке целей государственной культурной политики имплицитно содержится идея о том, что гармоничное развитие личности, то есть приумножение главного общественного богатства, каковым является человек, есть одновременно главное средство достижения национального интереса, каковым является укрепление общественного единства.

Однако, как представляется, для практического воплощения этих идей в жизнь необходимо более глубокое осмысление концепта «гармонично развитая личность».

Первый шаг на этом пути заключается в том, чтобы отказаться от банального понимания гармонии как некоей равновесности, одинаковости и рассматривать гармонию как структурное свойство объекта, признаками которого является многообразие в единстве.

В соответствии с таким пониманием гармонии, гармоническое развитие личности — это развитие сил и способностей человека в их разнообразии и единстве. Отсюда следует необходимость концептуализации представлений о качествах и свойствах человека, развиваемых культурой. Это возможно на основе использования категории «сущностные силы человека» и решения вопроса об их структуре.

Надо отметить, что уже имеющиеся ответы на этот вопрос, при всех различиях, содержат в себе некий инвариант, заключающийся в том, что необходимыми элементами структуры сущностных сил человека признаются способности, потребности, знания, умения.

Отдавая должное определённым методологическим потенциям такого подхода, нельзя в то же время не отметить, что «портрет» человека, выполненный на его основе, получается несколько расплывчатым, есть опасность увязнуть в перечислениях разного рода способностей и потребностей. Совершенно очевидно, что эти понятия нуждаются в некоем категориальном каркасе, который более прочно связал бы их воедино.

Один из путей выстроить этот каркас — оттолкнуться от идеи принципиальной двойственности человека, которая проявляется многообразно.

Так, человек представляет собой единство различных противоположных начал. Это: телесное и духовное (тело и дух), объектное и субъектное (тварное и творческое), биологическое и социальное (животное и личность), индивидуальное и универсальное (микрокосм и макрокосм, я и универсум, я и род), общественное и личное (наше и мое, эгоизм и коллективизм), рациональное и эмоциональное (ум и сердце).

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство («силу») человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, ему противоположным. Каждое конкретное общество, на каждом конкретном этапе своего развития имеет определённые потребности и возможности развития этих сущностных сил человека. В соответствии с этим оно, используя механизмы культуры, стимулирует одни, блокирует другие, вызывает к жизни, порождает те, которых не существовало ранее.

Предпосылки гармонического развития человека подготавливались в ходе истории мировой культуры в виде разнообразия сущностных сил человека [5, с. 168—321]. Гармонизация сущностных сил человека должна заключаться в дальнейшем развитии их разнообразия, с одной стороны, и в укреплении единства внутри каждой из пар противоположностей — с другой.

Однако гармонически развитый человек должен обладать неким интегративным качеством, которое создавало бы реальную основу единства всех сущностных сил между собой. Представляется, что необходимым и достаточным условием такого единства должна стать творческая направленность всей деятельности человека.

На основании изложенного выше можно дать такое определение концепта «гармонически развитая личность»: это личность, характеризующаяся интенсивным развитием разнообразных сущностных сил человека на интегративной основе творческого характера всей своей деятельности.

При этом нельзя не отметить, что наряду с доминантной ролью творчества и, следовательно, необходимостью культивирования такой сущностной силы человека, как субъектность в гармоническом единстве с объектностью, то есть способностью следовать различным правилам и предписаниям, без которых невозможна жизнь общества, в современных условиях судьбоносное значение приобретает гармонизация таких сущностных сил человека, как «личное — общественное». Об этом, в частности, идёт речь в последнем докладе Римского клуба, приуроченном к его 50-летию. Авторы доклада считают, что основой решения всех глобальных проблем должно стать новое мировоззрение, которое они называют «новым просвещением». Одним из его столпов является, как они полагают, поиск новой мудрости через примирение противоположностей, в числе которых названа противоположность между индивидуальным и коллективным началом.

При этом подчеркивается, что, признавая значение личной автономии — одного из важнейших завоеваний европейского просвещения, Клуб призывает к балансу и учёту общего блага [6, с. 2].

Итак, всё изложенное выше убедительно свидетельствует о том, что государственная культурная политика, направленная на развитие человека, является необходимым условием гармонизации национальных интересов и способствует осуществлению наиболее благоприятного для человечества сценария глобализации — глобализации с человеческим лицом.

Однако, будучи необходимым, это условие не является достаточным. Это связано с тем, что в современных условиях речь должна идти и идёт о необходимости выработки нового цивилизационного принципа, то есть принципа, лежащего в основе не только культуры, но и экономики, и политики как неотъемлемых составных частей цивилизации [7, с. 140—156]. При этом можно с сожалением констатировать, что принципом развития складывающейся планетарной цивилизации является принцип максимизации частной выгоды, что отмечается и в уже упомянутом докладе Римского клуба. Именно этот принцип, как можно понять из всего содержания доклада, является причиной разрушительных процессов, происходящих во всех областях жизни современного человечества.

Как представляется, альтернативой принципу максимизации прибылей может стать принцип универсального гуманизма как новый цивилизационный принцип [8, с. 157—167]. Компонентами его содержания являются:

в области культуры — ориентация на гармоническое развитие человека;

в области экономики — многообразие форм собственности, подразумевающее возможность приложения, использования и развития многообразных способностей и потребностей человека;

в области политики — демократия, которая, по определению, способна вовлечь в управление обществом наибольшее количество людей;

в социальной области — всемерное развитие разнообразных «форм общественности», “Offentlichkeit” (Хабермас), то есть негосударственных, неформальных объ-

единений, имеющих целью отражать в своей деятельности различные оттенки мнений и интересов граждан.

Если задаться вопросом, какой из названных компонентов принципа универсального гуманизма имеет решающее значение для его реализации, то, как представляется, ответ может быть только один — это культурный компонент, поскольку, как прозорливо отмечал А. Тойнби, культура представляет собой «душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации» [9, с. 292], т. е. имеет преобладающее значение по сравнению с экономикой и политикой. И действительно, без соответствующей культуры демократия перерождается в охлократию, в экономике торжествует принцип максимизации прибыли, разнообразие форм объединений приводит к разобщенности и потере общественного единства.

В связи с этим нельзя не вспомнить об идее основателя Римского клуба Аурелио Печчеи о необходимости «человеческой революции» как обязательном условии решения всех глобальных проблем современности» [10].

Подводя итоги, следует сделать вывод, что необходимым условием гармонизации национальных интересов и осуществления наиболее благоприятного для человечества сценария глобализации — глобализации с человеческим лицом — является культурная политика, направленная на максимальное развитие человеческого потенциала, то есть формирование гармонически развитого человека.

Список использованной литературы

1. Круглова Л. К. Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики // Мир культуры и культурология : Альманах Научно-образовательного культурологического общества. Вып. I. СПб. : Изд-во РХГА, 2011.
2. Круглова Л. К. Формирование гармонично развитой личности как главная цель культурной политики: теоретико-методологический аспект // Круглова Л. К. Избранное: Антропологический принцип в культурологии: теория и практика. М. ; СПб. ; Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 290–299.
3. Основы государственной культурной политики. URL: <http://base.garant.ru>, С. 6. (дата обращения: 29.02.17).
4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 29.02.17).
5. Круглова Л. К. Человек и культура. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 395 с.
6. Come on 2017 web – «Come on!» Юбилейный доклад Римского клуба. URL: <http://malakhov/come-on-report> (дата обращения 05.03.19).
7. Круглова Л. К. Культура и цивилизация. Типология цивилизации // Круглова Л. К. Человек и культура. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 140–156.
8. Круглова Л. К. Культура и гуманизм. Универсальный гуманизм как новый цивилизационный принцип // Круглова Л. К. Человек и культура. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 157–167.
9. Тойнби А. Постыжение истории. М. : Прогресс, 1996. 802 с.
10. Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1980. 302 с.

Кемень Ласло,

кандидат философских наук, профессор политологии, Венгрия, г. Будапешт

УДК 004.8

Взаимодействие естественного и искусственного интеллекта

Аннотация. В статье рассматриваются важные проблемы, связанные с качественными изменениями в жизни человека через искусственный интеллект. Автор показывает роль политического управления естественным интеллектом для создания и использования им искусственного интеллекта в процессе становления постиндустриальной цивилизации.

Ключевые слова: интеллект, техногенная цивилизация, социальные факторы, креативное мышление.

Kemen Laslo

PhD in Philosophy, Professor in Politics, Hungary, Budapest

Interaction of natural and man-made intellect

Abstract. The article deals with the important problems associated with quality change in human life through man-made intellect. The author shows the role of political management of natural intellect for the creation of man-made intellect in the post-industrial civilization.

Key words: intellect, technological civilization, social factors, creative intellection.

Суть политики состоит в том, чтобы вовремя отказаться от устаревших регрессивных интересов, найти способы согласования участия общечеловеческого естественного интеллекта в продвижении нового качества цивилизационного развития.

Современный мир — это сложная, глобально-интегрированная система, которая, как «гордиев узел», нуждается в рубке. Однако его нельзя разрубить как «гордиев узел» (военной силой) — ведь тогда разрушались бы ценности цивилизации, веками созданные человечеством. Для выживания и развития человечества в современных условиях есть иной путь: мирный, созидательный вариант.

Необходимо найти те главные нити, которые являются исходными системообразующими факторами в решении проблем, принимая во внимание стратегические сферы влияния в глобально-интегрированном мире.

1. Современный мир: процесс перешагнул порог становления постиндустриальной цивилизации.

Наше целеполагание не может быть иным, как человек. Он является единственным существом на земле, имеющим естественный интеллект, способность к креативному, творческому мышлению. Однако для удовлетворения своих жизненных потребностей человек физически и интеллектуально ограничен. Поэтому он создаёт инструменты, средства для достижения своих целей, удовлетворения всё возрастающих потребностей. Это и есть исторический процесс технических революций.

Техника — это опредмечивание трудовых функций человека. Ступени существенных технических обновлений — это ступени опредмечивания трудовых функций, т. е. передачи трудовых функций человека природному процессу, освоенному в машине, системе машин, технологиях и т. д. Показателем качественно нового уровня является передача техническим средствам новых трудовых функций в производстве, которые до этого выполнялись исключительно человеком. Исторически это означает, что человек сначала передаёт свои функции физического труда техническим средствам. А начиная с промышленной революции постепенно и функции умственного труда переходят соответствующим средствам, тем самым человек всё больше выходит из непосредственного производства.

И в цивилизации начинается качественно новая эра. На помощь естественному интеллекту человека приходят средства искусственного интеллекта, т. е. на смену нетворческим функциям естественного интеллекта — средства искусственного интеллекта (компьютеры, big data и т. д.). Эти средства выполняют в автономном режиме, без вмешательства человека (в соответствии с разработанной программой) ряд функций абстрактного мышления человека.

На современном этапе происходит качественное изменение во всех сферах жизни человека. Однако речь идёт не об абстрактном человеке, а о конкретно-историческом. Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей деятельности она есть совокупность всех общественных отношений. Деятельность, труд человека — это всегда и определённая общественная связь людей; её конкретно-исторический характер выражается и в разделении труда, и в социальном закреплении функций деятельности, и в структуре общества.

Здесь и возникает вопрос: как соотносится, как влияет техническая революция на общественную связь людей, на отношение человека к обществу и к самому себе, на разделение, распределение и освоение общественной, всеобщей производительной силы, силы знания, культуры, т. е. общественных сил производства.

Тем самым мировое сообщество вступает в постиндустриальную цивилизацию. Главные условия, факторы, определяющие развитие мирового порядка, для всех одинаковы. Здесь, помимо технической революции, в первую очередь рассуждаем о новой расстановке сил в экономической и политической сферах за прошедшие почти тридцать лет после окончания холодной войны, последнего мирового перераспределения сил, отношений и стратегий, касающихся всех стран мира. На данном этапе главным фактором является противоречие пост-периода холодной войны и стремление к мирному сосуществованию.

К тому же на создание новых стратегий влияет и то, что экономическая система капитализма стала единственной господствующей в мировом хозяйстве; что интерденденция (взаимозависимость и взаимодействие) и интеграция стали глобальными, и в связи с этим закономерные циклические экономические кризисы капитализма пронизывают всю социальную и политическую систему всех стран мира. Нельзя забывать и о демографических проблемах, о перенаселении регионов и о миграции из-за неравенства в развитии и изменении климатических условий.

Положительная или отрицательная направленность указанных факторов влияния во многом зависит от актуальных событий. А они в большинстве своём возникают из-за тех нерешённых исторических проблем, которые достались нам или вновь возникают в ходе упомянутых преобразований, при рождении новых государств, создавая неожиданные противоречия и напряжённость.

2. Роль политического управления естественным интеллектом для создания и использования им искусственного интеллекта в процессе становления постиндустриальной цивилизации.

Перед человечеством стоит судьбоносная ответственность: выбрать тот вариант перехода от существующей системы общежития людского коллектива к глобальной перемене, при которой обеспечивается мир и общечеловеческое улучшение качества жизни.

Созданный человеком искусственный интеллект позволяет вариантность различных решений, тем самым даёт возможность ставить на повестку дня вопрос об отборе вариантов не только по техническим или экономическим, но и по социальным критериям в их совокупности.

Следовательно, это вопрос о социальных критериях отбора вариантов, о социальной стратегии в деле соединения достижения техники с потребностями сохранения мира, социальных и прочих человеческих нужд. Ответственная задача и локальной, и интегрированной общечеловеческой политики — выработать критерии для отбора соответствующих этим требованиям вариантов имеющихся и вновь создаваемых техник и технологий.

«Рамки» существующих общественных систем узки для этих требований, ведь в системе капитализма главным критерием отбора вариантов развития остаётся сверхприбыль, определяющая в конечном счёте «рентабельность» и смысл преобразований в науке и технике. А необходимо было бы, чтобы стратегия развёртывания постиндустриальной технической революции строилась исходя из интересов человека, его интересы определяли бы отбор вариантов.

Здесь мы подошли к ключевому вопросу будущего. Может ли человечество отделить критерий прогресса любой ценой, любыми вариантами, или возможно собрать общие усилия для достижения технической революции с целью солидарности, обеспечивающей мир, свободу, равенство всем?

Социальная направленность является в современном мире сущностью постиндустриальной технической революции. Ответственность политики состоит в том, чтобы вовремя отказаться от устаревших регрессивных интересов, найти способы согласования участия общечеловеческого естественного интеллекта в продвижении нового качества. Задача политики — и бесперебойно обеспечивать условия для людей, владеть средствами искусственного интеллекта, и, постоянно обогащая свой интеллект, быть достойным участником новой цивилизации.

От решения процессов развития технической революции зависит подход ко многим политическим, социально-экономическим проблемам, оно служит отправным пунктом культурной политики.

3. От общечеловеческого естественного интеллекта к свободе индивидуальности.

Совокупность исторических накоплений культуры формирует естественный общечеловеческий интеллект, из которого черпает свою долю каждый человек, и создаётся новый феномен политики — равноправная индивидуальность, имеющая сознательную свободу действий и возможность участия в формировании своей судьбы и общезжития с другими людьми в мировой системе обществ. Креативный естественный интеллект становится основой выражения политических интересов каждого человека, имеющего в индивидуальной собственности такой интеллект.

Человек является непосредственно собственностью другого человека (или он сам собственник). Промышленная революция создаёт условия для освобождения от такого рабства, но освобождённый человек остаётся технически (социально) подчинённым другому человеку с помощью владения им средств производства. Это опосредованное ограничение свободы в отношениях между людьми. В этой социальной зависимости, ограниченных общественных связях, разделении труда, распределении средств развития творческих сил человека исключается его гуманистическая направленность.

В процессе постиндустриальной технической революции появляется шанс на освобождение из-под формального и социального подчинения, на равноправие людей и их равенство. Сущность происходящего в том, что посредством созданного общечеловеческим естественным интеллектом искусственного интеллекта становится возможным освобождение человека от всякого подчинения. Созданием и использованием таких высокопроизводительных условий и средств производства, в основе которых лежит принцип автоматизации и роботизации процесса труда и производства, а также управления ими, т. е. средств, связанных с воплощением «всеобщего общественного знания» в человеке, обеспечивается возрастание социально-экономической однородности труда и удовлетворение — по закону «возвышающихся потребностей» — материальных и духовных нужд человека.

Однако возникает множество пока не решённых вопросов в процессе движения к свободе индивидуальности, без ответа на которые невозможно бесперебойно управлять этим развитием:

— в чём выражается на деле влияние постиндустриальной технической революции на общественную связь людей, на отношение человека к обществу и к самому себе, на разделение, распределение и освоение общественной производительной силы;

— как связаны между собой процессы социального развития человека и общества и технического оснащения цивилизации, как меняется социальное качество профессий с постепенным преодолением ограничений старого социально-экономического разделения труда;

— возможно ли преодолеть социальную неоднородность общества в ходе постиндустриальной технической революции и обеспечить социальное единство возможностей участия каждого человека в преимуществах постиндустриальной технической революции;

— каковы задачи и ответственность общечеловеческого естественного интеллекта в управлении процессами социально направленной постиндустриальной технической революции.

4. Новая цивилизация: взаимодействующая органическая деятельность политики и культуры в целях общечеловеческого развития.

Производственно-технические средства, необходимые для перехода от характерного для индустриально развитого машинно-фабричного производства к комплексно-автоматизированному производству и дальше к постиндустриальной технике и от условий деятельности человека к постиндустриальной цивилизации, рождаются именно в наше время.

Кроме этой тенденции в развитии всё ещё действуют и другие процессы. Например, не закончена эволюция той техники, которая была характерна для предшествующего этапа прогресса. Многие виды техники, особенно созданные для целей частичной механизации и автоматизации труда, пока ещё нередко бывают ориентированы на предельно узкое разделение труда, вызывающее его однообразие и монотонность, сведение функции рабочего лишь к элементарному обслуживанию машин, на преобладание затрат физического труда, на относительно низкий уровень квалификации рабочего и сугубо экономическую заинтересованность его в труде и т. д.

В результате таких изменений преобразуются социальные характерные качества, появляется возможность постепенного выравнивания и стабилизации функционирования различных взаимосвязанных социальных элементов.

Социальная направленность постиндустриальной технической революции является исходным понятием раскрытия задач политического управления процессами. Трудности здесь двоякого рода. Дело, во-первых, в интегральном характере проблемы. Эта техническая революция как сложное многоплановое общественное явление взаимосвязана со всеми — внутренними и международными — сторонами жизни общества. Если учесть к тому же, что она находится пока ещё в начальной фазе своего развёртывания, когда внутренне присущие ей тенденции не выявились в полной мере, выделение существенного, отделение внутреннего от внешнего, главного от побочного, производного, причин от следствия оказывается непростой задачей. В этом аспекте нужно рассматривать проблему национального интереса и необходимость интеграции в глобальном масштабе, пути их гармонизации.

Сущность этого нарратива состоит в том, что общечеловеческий естественный интеллект создаёт средства искусственного интеллекта, и необходимо подготовить естественный интеллект отдельных людей к тому, чтобы они могли пользоваться средствами искусственного интеллекта.

При этом необходимо принимать во внимание, что социальную эффективность не всегда можно выразить в экономической форме, но если не учитывать социальное, то это может привести к серьёзным ошибкам и неверным решениям. Поэтому решающую роль играет системный политический подход к делу. Всё большее значение приобретает скоординированное планирование на уровне предприятий и в общегосу-

дарственном масштабе и тем более в масштабе интеграции хотя бы со странами-союзницами.

Теоретическое решение проблемы внутренней органической взаимосвязи технической революции с развитием каждого человека и общества в целом необходимо для оценки социальных условий всего процесса, для учёта влияния этих внутренних социальных факторов на постановку и конкретные формы решения и внешнеполитических проблем.

Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы политики в XXI веке, конечно, ещё не выкристаллизовались. Заметна общая направленность и тенденции. Главные прогнозы могут быть такими:

- люди приобретают шанс на освобождение из-под формального и социального подчинения, и тем самым возможно образование новой системы общежития людей, основанной на взаимодействии полной свободы, равенства и солидарности;

- возникновение обществ взаимодействия свободных индивидуальностей может открывать возможности более широкого развития креативного естественного интеллекта каждого человека и всего человечества;

- хотя климатические проблемы всё ещё не могут быть исключены, всё же целенаправленно происходит взаимное обогащение природы и человека. В первую очередь, начинается восстановление всего того, что в историческом процессе развития человечество «украло» у природы;

- глобальное, свободное взаимодействие людей и наций вытесняет из жизни человечества вражду, доходящую до военных действий.

На всех нас лежит ответственность за использование человеческого естественного интеллекта для достижения таких целей. Средства для этого уже созданы и создаются. В этом и состоит роль взаимодействия естественного и искусственного интеллектов. Будет ли так?

Осипова Нина Осиповна,

доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров, nina.osipova@list.ru

УДК 7.046:321.1

Архетипические формулы как культурная матрица власти

Аннотация. В статье рассматривается феномен власти как система архаических конструктов, пронизывающая все слои культуры независимо от национальной, религиозной и временной составляющей. Архетипическая основа власти формируется на ранних стадиях архаических обществ в процессе культурогенеза и первых форм социализации, связанных с механизмом доминирования. В поле зрения исследования — система табу, телесные практики, комплекс юнгианских архетипов, мотивы и образы, трансформированные в новых условиях.

Ключевые слова: кротология, власть, архетип, мифологическая символика.

Nina Osipova

Doctor of Sciences in Philology, Professor, Vyatka State University, Russia, Kirov

Archetypical Formulae as a Modern Power Cultural Matrix

Abstract. The article deals with the phenomenon of power as a system of archaic constructs going through all strata of culture regardless of national, religious, and temporal factors. The archetypical basis of power was formed at the early stages of archaic societies in the process of cultural genesis and the primary forms of socialization connected with the mechanism of domination. The research focuses on the system of taboos, body practices, the complex of Jung's archetypes, motives and images transformed under other conditions.

Key words: cratology, genesis of power, archetypical Matrix.

Проблема власти — одна из тех проблем, изучение которых располагается на перекрестке различных сфер гуманитарного знания — социологии, истории, антропологии, философии... Являясь одной из главных тем художественного творчества, власть приобретает также статус эстетического объекта. Изучение кратологических проблем — от Античности до наших дней — породило сегодня обширную литературу, ставшую классикой [1–5]. В то же время в метафорическом аспекте понятие **власть** обладает широким спектром лингво-семантических коннотаций — пространственных («горизонты власти», «пределы власти», «границы власти»), физических («фасад власти», «опора власти», «фундамент власти», «каналы власти»), театральных («закулисы власти», «сцена власти»), физиологических («пульс власти», «агония власти», «паралич власти», «лицо власти»). Говорят также о «причудах власти», «капризах власти», «опьянении властью» — можно привести большой перечень подобных характеристик, отражающих реакцию языка на определение этого феномена.

В контексте определения власти (по Макс Веберу [6]) как возможности осуществления своей воли в социальной жизни, несмотря на сопротивление, естественно, возникает вопрос о характере этой воли, связанной с доминирующими, наиболее устойчивыми, явно или неявно выраженными стереотипами властвующего слоя общества, восходящими к архетипическим и мифологическим истокам.

Архетипическая основа власти формируется на ранних стадиях архаических обществ в процессе культурогенеза и первых форм социализации, связанных с механизмом доминирования. И в этом пространстве мифологического сознания одно из главных мест в создании архетипов власти принадлежит системе запретов, нарушение которых сдерживалось страхом, или священным ужасом, на что обращает внимание Ф. Боас: «Значение табу разветвляется в двух противоположных направлениях: с одной стороны, оно означает святой, священный, с другой — жуткий, опасный, запретный, нечистый» [7, с. 36].

Социальный отбор, порождающий властотношения, соотносится, по мнению антропологов, с т. н. «эгрессией» (термин А. Богданова [8]), или «выходением из ряда». Эгрессия (биологическая, психофизиологическая), обусловленная индивидуаль-

ными данными человека и граничащая с табуированием, связана с «преодолением» запретов и изначально находилась в непосредственной зависимости от них. В этом плане примечательна надпись на афише одного из современных американских блокбастеров: «Историю делают те, кто нарушает правила». И если мы взглянем с этой точки зрения на русскую и европейскую историю властеотношений, то феномен власти вполне вписывается в эту формулу.

В данном контексте важен сам факт выхода за пределы общепринятых представлений о выдающихся индивидуальных данных (биологической организации, интеллектуальном уровне, выносливости и т. д.), поэтому фактор доминирования может располагаться на противоположном полюсе, когда к лидерству приходят изначально незаметные индивиды, на первый взгляд не представляющие угрозы, и приходят далеко не всегда за счет интеллектуального или физического преимущества. Неприметность человека как знак власти впоследствии назовут «скрытой харизматичностью» личности.

В ряду прочих закономерностей антропологи связывают феномен доминирования с нарушением *пищевых и сексуальных* табу. Об этом очень точно в свое время сказал Фрейд: «Властелинам предоставляются большие права, совершенно совпадающие с запрещениями, табу для других. Они являются привилегированными особами: они могут делать то и наслаждаться тем, что, благодаря табу, запрещается всем остальным» [9]. Так, переход к поеданию мяса формировал и определенные нормы его распределения, когда внутри коллектива складывались группы, различающиеся по количеству потребляемого мяса. В противоречии с нормами в сфере распределения пищи устанавливается принцип ее потребления наиболее сильными физически представителями сообщества: «Пища, предназначенная для употребления представителями высших социальных страт, является запретной для всех остальных» [10, с. 184]. Во время ритуальных празднеств право выбора, количества и первого вкушения пищи предоставлялось верховному вождю (впоследствии монарху). Семиотическая функция еды формировалась в тесной связи с установлением социальной иерархии. К. Леви-Стросс в «Сыром и вареном» («Мифологии»), анализируя древние мифы о «разорителях гнезд», обращает внимание на связь культурного героя, получившего власть через обладание огнем, с секретом жареного мяса. Принося в племя жареное мясо, он выполняет тем самым свою культуротворческую функцию, приобретая тем самым власть над своим племенем. Таким образом, семантика «вареного» (или «приготовленного») сопутствует приобретению власти. Но до этого герой претерпевает стадию мучений, страданий (на дереве, скале, но обязательно на высоком месте), что связано с инициальной ритуальностью. Не случайно уже в поздних формах культуры (например, в изобразительном искусстве) встречается этот сюжет, но уже в трансформированном варианте и с иной коннотацией — от античных симпозионов до Питера Брейгеля. Человек власти получал право на кормление народа в период своего «вхождения во власть» — это закрепляло его статус. Через ритуальное кормление устанавливалась и система иерархии во властеотношениях — не случайно выражение «отхватить кусок побольше» («выделить кусок побольше») относится не только к еде, но и к владению

собственностью, а понятие «кухня» в нашем сегодняшнем представлении устойчиво связано с характеристикой политических интриг. Избранничество в еде подкрепляется социальным избранничеством: еда приобретает статусный характер и становится символом богатства, величия и благополучия (а следовательно, и возможности претензий на власть) не только на уровне конкретного индивида, но и на уровне идей государственности. Замечательно демонстрировали эти процессы идея изобилия знаменитой «Книги о вкусной и здоровой пищи» и павильоны ВДНХ. Примечательно, что в политической ритуальной практике еда сохраняет свой высокий семиотический статус. Примером могут служить тиражированные в СМИ «картинки» накрытого стола как символа несостоявшегося обеда, ставшие емкой метафорой провала политических переговоров американского и северокорейского президентов в феврале 2019 года.

Сфера *сексуального табу* тоже была регламентирована социальным статусом индивида. В то же время в антропологии приводится множество примеров нарушения сексуальных норм в зависимости от положения индивида на социальной лестнице. На фоне сексуальных запретов (например, в тоталитарных обществах), провозглашения несовместимости (например, коммунизма и плотской любви) сексуальное поведение представителей властной элиты оставалось вне критики.

При этом вождь после нарушения табу сам становился табу, что давало ему возможность психологического воздействия на подданных. И чем выше была степень нарушения запретов, чем больше в этом процессе вероломства и коварства, тем священнее становился статус вождя и трепет перед ним (ситуация подобия, часто встречающаяся в культуре, получила название феномена Калигулы, Нерона, Наполеона, Петра I, Ивана Грозного).

Одним из видов нарушения запретов и отхода от норм становилась аномальность власти (лидера). Это и физические аномалии (физические недостатки, «царские отметины»), и психическая аномалия, выраженная в повышенной возбудимости, истерии, аномальных привычках, что вполне вписывается в феномен эрессии.

«Закодированная» в человеческой культуре установка на власть как на аномальное явление обусловила отношение людей к подобного рода индивидуальностям (власть шамана, жреца). Аномалия в поведении лидера делает его существом асоциальным. Люди с психическими или физическими отклонениями воспринимались естественными лидерами, а поэтому вызывали чувство священного страха, ощущение избранности, неординарности (феномен Распутина, Гитлера, Сталина), харизматичности.

А дополненное ситуацией «ритуального» убийства детей (убийство одного из кровных родственников повсеместно отмечалось в культурах), этот страх возводил властителя в ранг идола, порождая соответствующий ритуально-мифологический контекст, широко используемый в современных пиар-технологиях. Создается алгоритм, в соответствии с которым поведенческая модель представителей высшей власти противостоит поведению низших, а аномальность лидера лишь усиливает эмоцию подчинения, она нужна самому лидеру для формирования избранности, неординарности. И чем больше лидер нарушает запрет, тем большим авторитетом он пользуется в обществе, занимая свою нишу в череде национальных героев. И чем более дерзко

нарушен запрет, тем сильнее проявляется лидерство (феномен Берлускони, Саркози). Так, Саркози на начальном этапе своей борьбы за президентство пользовался доверием небольшого числа избирателей — даже тех, кто проголосовал за него. Но это до того самого момента, когда он достаточно дерзко нарушил общепринятые нормы, этически не совместимые с ситуацией, — развод и женитьба на модели почти в одно время с выборами на пост президента. Проведенный социологический опрос показал, что популярность его как лидера стремительно поползла вверх.

В этом же ряду — речевая аномалия, связанная с вербальным поведением лидеров, для которой типичны свои нарушения запретов. В качестве примера приведем лишь некоторые из запоминающихся фраз В. Путина: «Мазурик какой-то! Взял и утащил самолет! Вы думаете, мы сопли кровавые размажем и проглотим все это!?» (о В. Ющенко). Он же (в Сибири): «Ситуация крайне тяжелая, а вы все сидите в носу ковыряете. Что вы там наковыряли?». Или (в ответ на реплику о наличии личных счетов в западных банках): «Они (журналисты, которые об этом пишут. — *Н. О.*) вынули что-то из носу и размазали по бумаге»; или: «Почему у нас так не получается? Потому что, извиняюсь, все сопли жуем и политиканствуем»; «Честно говоря, когда я увидел эти ленточки, я подумал, что это какая-то акция борьбы со СПИДом. Стыдно, но мне показалось, что это они на себя презервативы повесили» (о «белоленточниках»-оппозиционерах); «Если кто-то в турецком руководстве решил лизнуть американцев в одно место, не знаю, правильно они поступили или нет» и т. д. Снижение речи, неприемлемое в устах государственного лидера, тем не менее, повышает его авторитет в значительной массе среднестатистических граждан России.

В ряду символов власти особую функцию приобретает статус «тела власти». В работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» М. Фуко особую роль отводит телу как «объекту и мишени власти». «Не составляет труда найти признаки пристального внимания к телу — телу, которое подвергается манипуляциям, формированию, муштре, которое повинует, реагирует, становится ловким и набирает силу» [11, с. 197]. Предметы, ассоциируемые с телом, сами становятся символами власти: орден, значки, перстни с царской руки, одежда, табакерки, право первой ночи короля, шаха... Прикосновение к телу считается знаком близости к власти — пожатие руки политика, звезды, выдающейся личности, положение секретаря руководителя и т. д. Бальзамирование тела в этом ряду означало воздействие тела и после смерти. Ритуальное обезглавливание, сжигание чучела, надругательство над изображениями, снос памятников и сегодня мыслится в категориях как лишение тела власти чудодейственной силы. Больное тело — больная власть, больной вождь — больное общество. Обезглавливание лишало «тело» силы. В традиционных культурах женщины, приближенные к телу вождя, тоже наделялись собственными властными атрибутами; да и в современных измерениях власти любовницы, фаворитки также несут в себе заряд властной благодати. Поэтому после смерти вождя (императора) гонениям или казни подвергались и те, кто был приближен к телу.

Тело может оказывать воздействие и после смерти (бальзамирование). Портреты вождей, «украшающие» стены чиновничьих кабинетов, имеют такую же сакраль-

ную силу. Мумифицирование есть элемент космохаоса, ровно такого, какое мы наблюдаем в семантике масленичных гуляний в ритуальном сжигании чучела. Смерть попирается смертью посредством сохранения на века тела усопшего (раннее палеолитическое коллекционирование человеческих костей предвосхищало мумифицирование). Приготовление пищи (смена сырого вареным, по Л.-Строссу) — это аналог похоронной обрядовости: умерщвленное должно погибнуть еще раз при поджаривании, копчении, высушивании, брожении и т. д. Кулинарная техника вполне сопоставима с погребальным обрядом, знаменуя «смерть смерти».

Система юнгианских архетипов представлена также в архетипике власти классическими схемами *культурного героя-спасителя* (персоны), *мудрого старца (отца)* и *тени-двойника*.

За обладателем поведенческих и внешних стереотипов, составляющих этот архетип, безусловным образом, на подсознательном уровне, признаётся право на власть, и для этого не требуются уже более никакие инструменты. Основные качества, свойственные этому архетипу, легко вывести из тех функций, которые лежали на любом вожаке с древних времён. Это обеспечение ресурсами (пропитанием и т. д.), обеспечение безопасности и социальный контроль (поддержание внутреннего порядка в группе). Соответственно, этот архетип образуют как врождённые стереотипы, подтверждавшие наличие у носителя возможности выполнять указанные функции в древности (на некоторые из них я указала), так и современные стереотипы, характерные для нашего времени.

К «современным» признакам можно отнести всё, что свидетельствует об успешности индивида, — от внешнего вида до счёта в банке. С архетипом отца соотносится миф о спасителе, в основу которого также положены стереотипы. Наиболее общими для мифопоэтического произведения элементами сюжета называются следующие:

а) чудесное рождение героя (часто это человек без детства, или его рождение окружено тайной);

б) передача старцем (предводителем, основателем рода, советчиком и нарекателем имени) места главы рода возмужавшему и доказавшему факт своего «богатырства» герою;

в) способность всех персонажей к перевоплощениям-трансформациям (главным образом это касается основного героя эпоса).

Культурный герой может быть первопредком и превращаться в бога. В архаических мифах он отождествляется с первопредком и творцом. Позже в сказках он становится либо богатырем, либо волшебным героем. Известный исследователь мифологии Дж. Кемпбелл («Тысячеликий герой») рассматривает вхождение человека во власть как путешествие человека в мифическом мире, где он встречается с препятствиями, где есть друзья и враги. И от того, как он выйдет из этих испытаний, зависит его властный статус. Так уж получилось, что наши и не только наши лидеры в начале своего правления сталкивались с подобными испытаниями (Ельцин и Путин —

с чеченской войной, Медведев — с юго-осетинскими и грузинскими событиями, Буш — с терактом 11 сентября в самом начале своего второго срока правления.)

Отмечается ситуация изгнания, которое повышает его статус мессии (в частности, факт ссылки, отмеченный в биографии «отцов» революции, работал на усиление их героической сущности и обеспечивал властное лидерство, но, как показывает история власти в России, не всех и не всегда). Архетипичен мотив «строительной жертвы», принесенной героем, который восходит к древней архаике. Так, упомянутое выше право на родственно-кровную жертву (детоубийство или отцеубийство) всегда связывается с идеей права на власть. Далее в культуре это реализуется в примерах геноцида, охоты на ведьм, аутодафе, репрессиях, призванных усилить священный трепет перед властью.

Среди описаний походов мифологического героя присутствует тема борьбы с чудовищем, воплощением хаоса. У каждого героя есть смертельный враг, сражаясь с которым он выполняет свою миссию спасителя и защитника. Соответственно, чем ярче образ врага, тем правдоподобнее миф и позитивнее герой, чему «в истории мы тьму примеров» видим. В случае выпадения человека из своего мифа, утраты соответствия своему первообразу он перестает быть не только воплощением божества, но и становится демоном (неправедный царь) либо шутком (феномен Н. С. Хрущева, например).

В архетипической основе власти, связанной с культурным героем, заложен также архетип *тени*, восходящий, по Юнгу, к близнечному мифу, реализующему как ситуацию равенства, так и аспект противоположности. На этом архетипе основан феномен «двойников власти», в частности самозванчества, которое было известно и Западу, но в России приобрело фантастический характер. В этом случае в координатах мифологии культурного героя мы имеем дело с архетипом трикстера как «разрушителя нормы», о котором К. Леви-Стросс писал, что трикстеры (Ворон, Койот) обладают маргинально-медиаторным характером: питаясь падалью, они осуществляют медиации между жизнью и смертью в оппозициях верх/низ, мужское/женское, природа/культура, хаос/космос. Не случайно Ворон как патриарх клана, живущий в соответствии с социокультурными нормами, добывает огонь и воду. Почему именно похотливый обжора ворон (а похоть и обжорство — типичные черты трикстера) бескорыстно дает людям благо? Потому что даже в архаическом сознании, объединенном коллективным началом, уже господствовало представление о том, что перемены не происходят плавно, для них характерна ситуация «выпадения» из норм. Если в архаическом мифосознании не дифференцировались культурный герой и герой-трикстер (озорник, черт), то позже трикстер становится антиподом героя, его антигероем. И уже эта закрепившаяся коалиция будет использоваться не только в культурных контекстах, но и во властной сфере [12]. При этом чем древнее миф, тем чаще трикстер одновременно является и культурным героем. Зачастую именно культурный герой (он же может быть богом) совершает трикстерские поступки (Зевс, Гермес, Иван-дурак). На этом двойничестве формируется, например, феномен Ивана Грозно-

го (в истории существует концепция «двух Иванов»), Петра I (с его кощунственными поступками), Хрущева и др.

В актуальном пространстве реанимированных мифологических моделей наиболее харизматичные представители власти совмещают несовместимые аспекты, что порождает новую ступень в обновлении мира, причем как в позитивном, так и в негативном аспекте. В мифологической сущности вождя чаще всего сосредоточены одновременно жестокость, мудрость и коварство (сверхчеловек и «недочеловек» одновременно). Интересно эта модель обыгрывается в повести С. Довлатова «Зона», а в фильме по ее мотивам она выражена еще отчетливее: Ленин как мифологический герой (официальная идеологема) и Ленин как трикстер. Его по воле случая (внешнее сходство) играет заключенный, находящийся на самой низкой ступени тюремной иерархии. Постепенно мы видим, как «вхождение в роль» меняет его, обретение власти создает условия для реализации внутренних, выработанных годами унижения свойств личности.

Феномен «двойников власти» воплощается также в игровом пространстве культуры (императрица-пастушка, простолюдинка, крестьянка, царь, переодетый в одежду бедных, чтобы узнать на улицах, что о нем говорят). До сих пор помнится, что свое триумфальное шествие в умах и сердцах народа Б. Н. Ельцин начал с похода по московским магазинам и поездок в общественном транспорте, а собственно культуротворческую деятельность — с приведения в порядок городских общественных туалетов.

Включенность образа в космогонический контекст — характерная черта, обрамляющая власть (вспомним египетские гимны богам, культ фараона, Ломоносовские оды), ибо герой создает космос из бесформенного материала, выполняя свою демиургическую функцию. Не случайно подобная аналогия сопровождала власть: в российском имперском контексте наиболее выражено — в отношении к деятельности Петра, который создал страну из бесформенного материала, а основание Петербурга сравнивалось с борьбой с хаосом (не случайно Карамзин сравнивает его с Пигмалионом). Но и сегодня в современное сознание внедряется эта метафора: так, период 1990-х годов («лихие девяностые») определяется как царство хаоса, на фоне которого президент Путин воспринимается как лидер, сформировавший из неуправляемой, хаотичной страны новую сильную Россию и возвративший Петербургу статус (пусть и неофициальный) имперской столицы.

Список использованной литературы

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть : статьи и интервью : в 3 ч. Ч. 1. М. : Праксис, 2002. 384 с.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: богатство и сила на пороге XX в. М. : «Издательство Аст», 2003. 669 с.
3. Фрейд З. Тотем и табу. М. ; Пг. : Гос. издательство, 1924. 170 с.
4. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб. : Питер, 2018. 352 с.
5. Делез Ж. Ницше и философия. М. : Ад Маргинем, 2003. 392 с.

6. Вебер М. Харизматическое господство // Социс. 1988. № 5. С. 139–147.
7. Боас Ф. Ум первобытного человека. Волгоград : Независимый НИЦ, 2006. 200 с.
8. Богданов А. А. Очерки организационной науки. URL: [http://www. magister. msk. ru|library](http://www.magister.msk.ru/library)
9. Фрейд З. Тотем и табу. М. ; Пг. : Гос. издательство, 1924. С. 61.
10. Бочаров В. В. Истоки власти // Антропология власти. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 249–273.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем, 2018. 416 с.
12. Abrahamian L. Lenin As a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. V. 38. № 2. P. 7–26.

Блохина Алина Евгеньевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладного политического анализа и моделирования, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород, [blohina@imomi. unn. ru](mailto:blohina@imomi.unn.ru)

УДК 327.8

**Проблемы и перспективы культурного взаимодействия
в контексте современных международных отношений**

Аннотация. Статья посвящена проблемам и перспективам культурного взаимодействия в контексте тенденции охлаждения российско-западных отношений. Рассмотрены последствия введения санкций странами Запада в отношении России для сферы культуры. Затронуты ценностные аспекты межкультурного взаимодействия. Обозначена тенденция влияния политики на культуру. Автором предпринята попытка анализа перспектив дальнейшего культурного взаимодействия в современных международных отношениях.

Ключевые слова: культурное взаимодействие, культурные санкции, культурные связи, политизация культуры, ценности, холодная война.

Alina Blokhina

Candidate of Sciences in History, Associate Professor at the Department of applied Political Analysis and Modeling, Institute of International Relations and World Politics, Lobachevsky State University, Russia, Nizhny Novgorod

**Problems and prospects of cultural interaction in the context
of modern international relations**

Abstract. The article is dedicated to the problems and prospects of cultural interaction in the context of the cooling trend of Russian-Western relations. The consequences of the introduction of sanctions by Western countries with respect to Russia for the sphere of culture are considered. Affected value as-

pects of intercultural interaction. Indicates the trend of the influence of politics on culture. The author has attempted to analyze the prospects for further cultural interaction in contemporary international relations.

Key words: cultural interaction, cultural sanctions, cultural ties, politicization of culture, values, «cold war».

Развитие глобализации и интенсификация трансграничного взаимодействия актуализировали вопросы межкультурного взаимодействия. В большинстве своем вопросы межкультурной коммуникации рассматриваются в рамках урегулирования конфликтов, международного терроризма, ведения переговоров и т. п. Однако современная ситуация в мировой политике показывает необходимость разработки новых эффективных подходов, направленных на повышение взаимопонимания между акторами международных отношений.

В настоящее время, в условиях стремительного развития современных средств распространения информации и увеличении возможностей для контактов между различными культурными системами, все более повышается степень культурного взаимодействия.

Под культурным взаимодействием мы подразумеваем особый вид непосредственных отношений и связей, образующихся между культурами, с целью взаимовлияния, взаимообогащения и взаимодополнения.

Процессы, охватившие практически все государства, все сферы жизнедеятельности человека от повседневного быта до международных отношений, актуализировали необходимость взаимопонимания, культурного познания, ценностей, создания основы для диалога народов с разными культурами.

В современном мире фактор культуры приобретает иное смысловое значение, став своеобразным транснациональным актором. Прежде всего, возрастает его значение во внешнеполитическом взаимодействии и в области внешней культурной политики, поскольку «главной целью и смыслом процесса культурного взаимодействия является желание быть понятым своим партнером, готовность к общению как способности передать свою информацию, знания и опыт всем, кто участвует в межкультурном взаимодействии» [1, с. 297].

Во-вторых, культурное взаимодействие между государствами, исходя из поставленных задач, способствует установлению новых форм взаимоотношений, коммуникативных связей в глобальном масштабе, предотвращению противоречий и конфликтов на этнической, религиозной основе, препятствует формированию культурной гегемонии, сохраняет культурное многообразие. Благодаря культурному взаимодействию происходит формирование общего культурного, образовательного, научного пространства, способствующее государственному развитию. Однако в процессе куль-

турного взаимодействия нередки случаи расхождения в понимании целей, задач и направлений сотрудничества, что впоследствии приводит к возникновению разного рода конфликтных ситуаций.

В контексте современных тенденций охлаждения российско-западных отношений взаимодействие в области научных исследований, образования, различных культурных обменов представляется наименее спорным и наиболее перспективным, тем более что ситуация с введением санкций по отношению к России затронула не только банковский, нефтегазовый, оборонно-промышленный и другие секторы российской экономики, но отразилась на сфере культуры и области гуманитарного сотрудничества. Среди наиболее заметных последствий подобного охлаждения стали отмены Международного фестиваля российской песни в польском городе Зелена Гура, «Евровелопарада» в Санкт-Петербурге, гастролей российских театров Грузией. Литва и Латвия запретили въезд некоторым деятелям российской культуры, приостановлено партнерство между городами-побратимами Прагой и Санкт-Петербургом. Распространенной формой межкультурного взаимодействия являются перекрестные годы, охватывающие почти все направления международного культурного сотрудничества. В 2015 году в Варшаве посчитали невозможным проведение перекрестного культурного года, а Великобритания, несмотря на запланированные более 500 мероприятий в рамках «Года культуры в России», отказалась от реализации этого проекта. Также были отменены крупнейшая выставка Бэнкси в московском Манеже и главная арт-ярмарка Восточной Европы «Арт-Москва», были приостановлены все обмены между государственными музеями России и США. Объем продаж на внутреннем аукционном рынке живописи и графики в 2016 году сократился в три раза по сравнению с докризисным 2013-м (с \$21 млн до \$7 млн) [2]. Было снято с показа 747 фильмов из 1144 запланированных на 36-м Московском международном кинофестивале. Украина ввела запрет на трансляцию российских каналов, запрещен въезд большому количеству российских деятелей культуры.

Эксперты склонны считать введение санкций странами Запада в отношении России возвратом к идеологическому противостоянию двух блоковых систем, новой холодной войне [3, с. 50], что «российско-западные отношения обречены в лучшем случае на стагнацию, у отношений России и Запада нет будущего» [4]. На этом фоне вновь актуализируется вопрос о ценностном разрыве между Востоком и Западом. Современная глобализация подразумевает процесс распространения ценностей западной цивилизации. Россия, несмотря на то что «ощущает себя, мыслит и действует в основном как европейская держава», не готова полностью разделять западные ценности, признавая, что для россиян чужды некоторые тенденции, которые намети-

лись в последние годы в культурной и духовно-нравственной сферах западной цивилизации. Наличие различных ценностных ориентиров в системах культурных ценностей Востока и Запада является нормальным явлением, имеет равное право на существование, а расхождения вполне подвергаются урегулированию. Развитие современного мира невозможно без взаимоуважения и взаимного понимания между разными культурами на основе равноправного диалога и взаимного доверия. Поэтому необходимо бороться со стереотипами, преодолевать неправильные представления и предвзятость, шире смотреть на мир. И пусть в определенных общественно-политических кругах присутствуют настроения оградить Россию от остального мира, целесообразно понимать, что изоляция одной культуры от других всегда сказывается негативно на собственном национальном достоинстве.

Рассуждения о связи политики и культуры, политизации межгосударственных культурных отношений становятся особой темой. В частности, социолог Б. Дубин отмечает, что «в современном культурном процессе проявляются ангажированное, мобилизационное и критически дистанцированное искусство, которое сознательно работает с политическими фигурами, символами, мифами» [4, с. 11]. Характеризуя специфику современного взаимодействия политики и культуры, ряд авторов обращают внимание на утрачивание возможностей культурного диалога и замену его на противостояние в виде сарказма или воинственной риторики [5, с. 32].

Политизированность межгосударственных культурных отношений привела к появлению такого феномена, как «санкции в области культуры» [6, с. 1333]. Поскольку ограничения в культурной сфере не имеют документальной основы, в отличие от тех же экономических санкций, и носят неформальный характер, то свое проявление они находят в отказе или запрете на участие в различных мероприятиях, спортивных соревнованиях, составлении списков нежелательных лиц деятелей культуры и, в конечном счете, прекращении культурного, научного и технического сотрудничества. В образовании прогнозируется снижение уровня обмена специалистами (особенно из сферы инноваций и высоких технологий), значительное уменьшение мобильности молодежи (студентов), в науке — поставок передовых образцов оборудования и технологических новинок, что приведет к замедлению модернизация предприятий России, для которых эти образцы оборудования и новшества предназначались; уменьшилось число российских туристов в страны Европы [7].

Несмотря на то, что «в ряде стран по инициативе местных властей произошли отказы от участия в совместных культурных акциях с Россией и возникали некоторые затруднения в проведении российских мероприятий» [8, с. 45], санкции не оказали большого влияния на культурно-гуманитарный обмен между Россией и зарубежными

странами. Анализ информационно-аналитических материалов по данной теме свидетельствует, что российская культура по-прежнему востребована, а политические разногласия стран не повлияли на культурное взаимодействие. Многие государства не стали политизировать международное культурное сотрудничество. 2015 год стал Годом России в Монако и Годом туризма между Россией и Болгарией; 2016–2017 год ознаменовался перекрестным годом российско-испанского туризма [9]. В 2017 году под эгидой празднования 870-летия Москвы в Австрии (Вена), Венгрии (Будапешт), Израиле, Италии, Казахстане (Астана), Китае (Пекин), Таиланде (Бангкок), Германии (Дюссельдорф) были организованы «Дни Москвы» [10]. На данный момент большинство проектов в культурной сфере иницируется на двусторонней основе; например, в фестивале «Земля добра и мира», проводившемся в Крыму, приняли участие вольтыжники Новой Зеландии и флагиносцы Италии; в рамках форума в Михайловском дворце Русского музея состоялась выставка русских икон из коллекции итальянской банковской группы «Интеза Санпаоло»; за последние годы швейцарский фонд Pro Helvetia финансово поддержал порядка 1000 культурных мероприятий в России и планирует усилить свою деятельность в стране. В 2019 году предусмотрены многочисленные двусторонние проекты с Италией, в числе которых две большие выставки «Жизнь и искусство в городе Помпеи» в Эрмитаже, выставка, посвященная искусству Антонио Кановы в Неаполе [11], и т. д. Все большее количество российских фильмов, представленных на главных мировых кинофестивалях, привлекает внимание мирового кинообщества и получает возможность выйти на зарубежные экраны. Ежегодное увеличение численности иностранных студентов в российских вузах свидетельствует о растущем интересе к отечественной системе образования [12].

Культура всегда была, есть и будет медиативным и антикризисным механизмом решения межгосударственных противоречий. «В пору, когда проблема доверия становится ключевой в отношениях государств, культурные связи становятся уникальным инструментом сохранения диалога между нашими странами и народами» [13].

Политические разногласия стран не должны влиять на культурное взаимодействие. Вне взаимодействия с другими культура не может существовать полноценно. Посол Чехии в России Владимир Ремек в одном из своих интервью сказал такую фразу: «И единственные границы, которые видны с высоты космического полёта, — это естественные границы побережий, линии рек и больших хребтов. А все остальные границы — как между государствами, нациями, так и между слоями населения — сделали сами люди. Это наша выдумка» [14]. Взаимодействие ведет к умножению опыта всех культур, показывает возможность бесконечного и неисчерпаемого познания и художественного воплощения действительности. Необходимо призвать мировое со-

общество отказаться от политизации культуры. Культурные связи между государствами должны остаться инструментом объединения народов и решения межгосударственных противоречий.

Список использованной литературы

1. Карцева А. А. Диалог и взаимодействие культур как условие сохранения стабильности современного социума // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. № 37. СПб. : СПбГАУ, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vzaimodeystvie-i-dialog-kultur-kak-uslovie-sohraneniya-stabilnosti-sovremennogo-sotsiuma> (дата обращения: 28.03.2019).

2. Русский рынок искусства: чем ответить на санкции. URL: https://artinvestment.ru/invest/analytcs/20170809_Russian_art_market_under_sanctions.html (дата обращения: 6.04.2019).

3. Буторов С. А. Санкционная политика Запада против российской культуры: возвращение в прошлое // Вестник МГУКИ. 2016. 2(70), март – апрель. С. 48–55.

4. «Звучит эстетически отвратительно, но у отношений Россия – Запад нет будущего». URL: <https://kazanfirst.ru/articles/401715> (дата обращения: 10.04.2019).

5. Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 5. С. 6–22.

6. Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Культура как политика. Критика способности суждения // Вестник КемГУКИ. 37/2016. С. 31–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-politika-kritika-sposobnosti-suzhdeniya> (дата обращения: 1.04.2019).

7. Болотнова А. А. Влияние западных санкций на политику России в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // Политика и общество. 10(130). 2015. С. 1332–1335. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.10.16393

8. Россия признает негативное влияние санкций Запада на сферу образования и науки. URL: <https://www.vedu.ru/news-rossija-priznaet-negativnoe-vlijanie-sankcij> (дата обращения: 10.04.2019).

9. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий в 2014 году – Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Официальный сайт. URL: http://rs.gov.ru/sites/default/files/final_councelors_2014.pdf (дата обращения: 9 апреля 2019 г.).

10. Стартовал перекрестный год российско-испанского туризма. URL: <https://espanarusa.com/ru/news/article/578029> (дата обращения: 9.04.2019).

11. Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/3299/4625050/> (дата обращения: 8.04.2019).

12. Альберто Бонисоли: культурная дипломатия – это инструмент мировой политики – Информационное агентство РИА Новости. 19.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181219/1548238234.html> (дата обращения: 10.04.2019).

13. Университеты противостоят политике изоляции и санкций – Электронное периодическое издание «Независимая газета» интернет-газета (NG. RU). 17.05.2018. URL:

http://www.ng.ru/kartblansh/2018-05-17/3_7226_kartblansh.html (дата обращения: 10.04.2019).

14. Искусство без санкций. Электронное периодическое издание «Российская газета» интернет-газета (RG. RU). 13.05.2015. URL: <https://rg.ru/2015/05/13/shvydkoy.html> (дата обращения: 1.04.2019).

15. Россия – Чехия: второй старт – Электронное периодическое издание «Российская газета» интернет-газета (RG. RU). 06.02.2014. URL: <https://rg.ru/2014/02/06/chehia-poln.html> (дата обращения: 6.04.2019).

Коваль Екатерина Александровна,

доктор философских наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Саранск, nwifesc@yandex.ru

УДК 323.225:177.1

Язык вражды в современном политическом дискурсе: европейская модель противодействия

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (17-03-00094).

Аннотация. Субъекты современного политического дискурса (как институционального, так и неинституционального) довольно часто обращаются к языку вражды. Для борьбы с негативными последствиями использования языка вражды в политическом дискурсе применяются различные нормативные инструменты (правовые и моральные). Европейская модель противодействия строится на понятиях «конфликт интересов», «необходимость вмешательства в свободу выражения в демократическом обществе». Один из путей усовершенствования данной модели – включение в нее моральных принципов, в частности принципа предосторожности.

Ключевые слова: язык вражды, политический дискурс, европейская модель противодействия, свобода слова, свобода выражения мнения, принцип предосторожности.

Ekaterina Koval

DSc in Philosophy, Professor at the Department of law enforcement and enforcement proceeding, Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia

Hate speech in modern political discourse: European model of counteraction

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-03-00094.

Abstract: Subjects of contemporary political discourse (both institutional and non-institutional) often use hate speech. In order to combat the negative consequences of using hate speech in political discourse, various regulatory tools (legal and moral) are used. The European model of hate speech counteraction is based on such concepts as "conflict of interests", "necessity in a democratic society". One of the ways to improve this model is to include moral principles in it, in particular, the precautionary principle.

Key words: hate speech, political discourse, European model of hate speech counteraction, freedom of speech, freedom of expression, precautionary principle.

Современный мир — это и «глобальная деревня» (М. Маклюэн), и «великая шахматная доска» (З. Бжезинский), и пространство глокального (Р. Робертсон), в котором страны и народы (в другом ракурсе — государства и общества) сталкиваются с большими вызовами и угрозами. Интеграционные и миграционные процессы, глобальные информационно-коммуникационные сети делают границы внутри современного мира прозрачнее, однако не делают мир ни «плавильным котлом» (И. Зангвилл), ни даже «салатницей» (К. Деглер). Несмотря на то, что участники политического дискурса в глокальном мире понуждаются к тому, чтобы «мыслить глобально, действовать локально», совершенно отказаться от «локального мышления» не удастся, и локальные нормы, ценности, обычаи, традиции сохраняются, воспроизводятся и оказывают существенное влияние на политические процессы. Это в определенной степени объясняет высокую конфликтность дискурсивного политического пространства. Причем конфликтность представлена и в институциональном, и в неинституциональном видах дискурса.

Н. М. Перельгут и Е. Б. Сухоцкая к институциональному дискурсу относят дискурс политика (аппаратный дискурс, политические документы, парламентские дебаты, публичные выступления и др.) и дискурс реагирования, субъектами которого являются журналисты и ученые-политологи [1, с. 39]. Субъектами неинституционального политического дискурса выступают те же ученые, граждане, вовлеченные в политические коммуникации, бывшие политики (авторы политических мемуаров), а Н. А. Красильникова включает сюда общество в целом [2].

Элементом как институционального, так и неинституционального политического дискурса часто является язык вражды, под которым понимается дискредитация нормативного статуса Другого на основании таких признаков, как раса, национальность, религиозные, политические убеждения, пол, возраст, место происхождения и т. п.

С одной стороны, профессиональные политики, обращаясь к языку вражды в публичных выступлениях, запускают процесс муссирования враждебных высказываний в неинституциональном политическом дискурсивном пространстве. С другой стороны, политики ориентируются на свою аудиторию, и если неинституциональный дискурс насыщен элементами *hatespeech*, то и в институциональном дискурсе используются аналогичные способы выражения. Этот порочный круг разрывается посредством применения различных нормативных механизмов, основными из которых являются правовые и моральные.

Правовые механизмы предполагают привлечение субъектов использования языка вражды к различным видам юридической ответственности в зависимости от степе-

ни общественной опасности деяния. Основной трудностью в применении таких механизмов является необходимость соблюдения баланса свободы выражения мнений и ограничений такой свободы, предусмотренной законом в целях защиты интересов личности и общества. Кроме того, определенную трудность представляет и отсутствие четких критериев отнесения того или иного средства выражения к языку вражды. Такого рода проблемы преодолеваются при использовании моральных ограничений. Здесь санкциями выступают стыд и совесть субъекта языка вражды, а также общественное неодобрение. К сожалению, моральные ограничения по своей природе являются самоограничениями, поэтому они не столь эффективны, как правовые. В то же время общественное мнение имеет принципиальную значимость в успехе или неуспехе профессиональных политиков, поэтому такая санкция, как общественное неодобрение политика, использующего язык вражды, может быть достаточно эффективной.

Так, например, британский политик, лейборист Джек Стро в 2006 году провел встречу с женщиной, которая носила паранджу. Своими впечатлениями от этой встречи он поделился в *Lancashire Telegraph*, указав, что испытывал неловкость, разговаривая с человеком, лица которого не видит. Стро также отметил, что его удивило сочетание английского акцента, образования, полученного в Великобритании, и паранджи [3]. Данная заметка вызвала широкий общественный резонанс. Часть общественности отнеслась к данному поступку критически, связав публикацию Стро с ростом насилия в отношении мусульман, проживающих в Ланкашире [4, р. 460].

Если одной из атрибутивных характеристик морали (по крайней мере, моральных норм) является универсализуемость, то правовые системы разных государств и, шире, регионов мира существенно отличаются друг от друга. Таким образом, можно выделить разные нормативные модели противодействия языку вражды. В качестве основных рассмотрим американскую и европейскую модели.

Американская модель ориентирована на превалирование свободы слова, защищаемой Первой поправкой к Конституции США. Самим понятием «hatespeech» мы обязаны американским юристам [5], которые в 80-е годы прошлого века пытались выработать оптимальные нормативные ограничения расистской риторики, которые не вступали бы в противоречие с такой фундаментальной ценностью американской политической и культурной жизни, как свобода слова. В настоящее время понятие «язык вражды» описывает гораздо больший объем способов выражения в отношении групп, обладающих «характеристиками, подлежащими защите» (protected characteristic) [6]. Но это в целом не влияет на приоритет свободы слова над необходимостью ограничения публичного использования языка вражды. В американской модели такое ограничение применяется только в случаях, когда речь идет об угрозе неизбежного насилия, провоцируемого языком вражды.

Европейская модель противодействия строится на основании положений Европейской конвенции по правам человека (далее — Конвенция) [7], к которым апеллирует Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд) в кейсах, где заявители обжалуют их привлечение к ответственности за использование языка вражды. Европейская модель, в отличие от американской, строится на понятиях «конфликт ин-

тересов», «необходимость вмешательства в свободу выражения в демократическом обществе», «противоречие духу Конвенции». ЕСПЧ как орган, компетентный разрешать вопросы о том, нарушено право на свободу выражения или нет, в первую очередь оценивает право заявителя претендовать на защиту такой свободы. Он теряет это право, если выбранное им средство выражения подрывает концептуальные основания самой Конвенции, нарушает изложенные в ней принципы. Далее в каждом конкретном случае рассматривается не только спорный контент, но и контекст, в котором он фигурирует.

Значимым фактором для суда является принадлежность заявителя к числу субъектов институционального политического дискурса в целом и дискурса политика в частности. Так, если язык вражды публично используется профессиональными политиками, ЕСПЧ учитывает и степень влияния речи политика на аудиторию, и возможные негативные последствия, но при этом признает особую значимость обеспечения свободы политических дебатов в демократическом обществе.

В некоторых случаях высказывания, которые вне контекста носят характер языка вражды, для политиков признаются допустимыми, в то время как субъекты неинституционального политического дискурса чаще признаются злоупотребившими свободой слова.

Так, например, в деле «Вайнай против Венгрии» 2008 года (жалоба № 33629/06) заявитель обжаловал привлечение его к уголовной ответственности за то, что он, являясь заместителем председателя Венгерской рабочей партии, выступал с речью на демонстрации в центре Будапешта с пятиконечной красной звездой на куртке. А. Вайнай интерпретировал звезду как эмблему международного движения рабочих, а не как тоталитарный символ. ЕСПЧ признал, что в данном случае отсутствовала необходимость вмешательства в свободу выражения заявителя, поскольку он таким способом выражал свои политические взгляды [8].

В деле «Перинчек против Швейцарии» (жалоба № 27510/08) ЕСПЧ также принял сторону заявителя — члена Рабочей партии Турции, который в 2005 году принял участие в трех публичных мероприятиях в Швейцарии, на каждом из которых называл геноцид армян «международной ложью». Необходимо отметить, что дело Перинчека было весьма спорным. Нарушение ст. 10 Конвенции Суд установил десятью голосами против семи. Аналогичное решение было принято и по делу Мерджан и другие против Швейцарии в 2017 году, что вызвало недовольство и спровоцировало ненависть и вражду за пределами Швейцарии. При этом судьи Большой палаты ЕСПЧ использовали очень аккуратные формулировки, уйдя от оценки того, отрицал Перинчек геноцид армян или нет: «Суд должен в первую очередь рассмотреть вопрос о характере его [заявителя] высказываний... относятся ли высказывания [заявителя] к тому типу выражения [мнения], которое защищается ст. 10 Конвенции» (п. 229 Постановления Большой палаты, 2015 г.) [9].

Судьи, голосовавшие «против» по делу Перинчека, ссылались на то, что геноцид армян — это установленный исторический факт, а также не согласились с акцентированием внимания на факторах места и времени спорных событий (давность собы-

тий и пространственная отдаленность не должны служить оправданием для публичного использования языка вражды). Судьи, голосовавшие «за», отметили, что Перинчек не выражал ненависти к жертвам событий 1915 года, не возбуждал вражду и ненависть, а слова про «большую международную ложь» были направлены против империалистов.

В кейсе Эрбакан против Турции ЕСПЧ установил нарушение ст. 10 Конвенции шестью голосами против одного. Заявитель на момент спорных событий руководил турецкой исламской партией Рефах (Партия благоденствия). В 1994 году он выступил с публичной речью в городе Бингёль, в которой говорил о различиях между расами, религиями, регионами. В 1998 году Эрбакана привлекли к уголовной ответственности за разжигание ненависти и вражды в процессе произнесения этой речи. Национальные суды посчитали, что он нарушил допустимые пределы самовыражения в политических дебатах, проводя границу между верующими и неверующими, что в итоге спровоцировало совершение терактов в Бингёле. В этом деле суд учитывал факт использования стороной обвинения сомнительного доказательства — видеокассеты с записью речи, подлинность которой оспаривалась заявителем [10].

Также учитывалась длительность временного интервала (4 года 5 месяцев) между произнесением речи и привлечением известного политика к ответственности. Отметим, что именно в 1998 году Партию благоденствия запретили в Турции, а в 1997 году правительство Эрбакана, обвиняемое в реисламизации Турции, было свергнуто в ходе военного переворота.

Принципиально иную позицию ЕСПЧ занял, например, в деле Реквеньи против Венгрии (жалоба № 25390/94), признав, что вмешательство в свободу выражения заявителя, являющегося офицером полиции и руководителем Независимого профсоюза полиции, выражающееся в форме конституционного запрета сотрудникам полиции быть членами политических партий и заниматься политической деятельностью, допустимо, и ст. 10 Конвенции таким запретом не нарушается [11].

Необходимо отметить, что далеко не всегда ЕСПЧ в споре о применении ст. 10 Конвенции встает на сторону профессиональных политиков. Например, в кейсе Фере против Бельгии 2009 года Суд посчитал, что нарушения ст. 10 Конвенции отсутствуют (четыре голоса против трех), поскольку профессиональные политики получают особые гарантии в процессе реализации свободы выражения, однако разжигание ненависти или вражды не должно быть завуалировано политической деятельностью, в частности избирательной кампанией [12].

Обширная практика ЕСПЧ, рассматривающего кейсы в отношении разных государств-членов Совета Европы, свидетельствует о том, что в Европе нет единого подхода к противодействию языку вражды. Разные государства формируют разные представления о языке вражды и степени опасности его публичного использования, в том числе в политическом дискурсе.

Генеральный Секретарь Совета Европы в своем докладе в 2016 году призвал государства-члены «четко заявить о своей приверженности Европейской конвенции о правах человека и Страсбургскому суду. Наша система конвенций никогда не может

восприниматься как должное: она зависит от активного и конструктивного участия всех правительств. Внедряя эти основные свободы в правовую, политическую и социальную структуру своих наций, европейские лидеры могут создавать демократии, которые являются более открытыми и, следовательно, более безопасными» [13, р. 5].

Тем не менее с некоторым допущением можно говорить именно о европейской модели противодействия, поскольку практика ЕСПЧ, безусловно, влияет и на правоприменение в анализируемой сфере правоотношений в государствах, которые признают его юрисдикцию. Кроме того, Совет Европы сформулировал определение, в котором удалось зафиксировать ключевые характеристики языка вражды — это такие формы выражения, которые «распространяют», «подстрекают», «продвигают», «оправдывают» ненависть и вражду [14]. Уточнение перечня оснований для дискриминации сделано в *Общеполитической рекомендации Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью Совета Европы № 15 от 08.12.2015 «О борьбе с разжиганием ненависти»* [15] и в *Общеполитической рекомендации Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью Совета Европы № 2 от 07.12.2017 «Органы по вопросам равенства в борьбе с расизмом и нетерпимостью на национальном уровне»* [16]. В последнем из упомянутых документов, в частности, даны определения понятий «множественная дискриминация» и «межсекторальная дискриминация».

А. Браун отмечает, что в настоящее время юридический концепт «язык вражды» и обычное понимание данного словосочетания принципиально отличаются. Это понятие — как джинн, выпущенный из бутылки [6, р. 602]. Оно наполняется разными смыслами в политическом дискурсе и в некоторых случаях используется в целях политических манипуляций или для ограничения дискуссий по ценностно-нормативным вопросам в демократическом обществе. Поскольку это понятие используется для обозначения социально негативного явления, маркирование речи политика как враждебной или ненавистнической позволяет существенно осложнить его публичную политическую деятельность, сузить для него пространство институционального политического дискурса. Так, например, историк-ревизионист М. Шмидт в 1996 году в своей публикации в газете *Népszabadság* отметила, что понятие «язык вражды» можно сравнивать только с такими выражениями, как «классовый враг» или «враг народа», и это совершенно оруэлловская конструкция [цит. по: 17, р. 84]. В этой связи представляется обоснованным преимущественно защищать институциональный политический дискурс от чрезмерного вмешательства государства.

С другой стороны, невозможно игнорировать и особую ответственность политиков, поскольку используемые ими средства выражения во многом определяют содержание и форму неинституционального политического дискурса реагирования. И если судебная практика будет поддерживать тезис о том, что в сфере использования языка вражды все участники политического дискурса равны, но некоторые равнее других, то, в самом деле, мы получим слишком оруэлловский мир.

Субъекты нормативного регулирования политического дискурса неизбежно оказываются в ситуации сложного выбора, когда необходимо защитить свободу слова, обеспечить свободную политическую дискуссию, создать условия для воспроизводства

основных демократических принципов, и при этом одновременно защитить дискриминируемые и стигматизируемые группы меньшинств. Пытаясь определить тонкую грань между языком вражды и языками критики, недоверия, предвзятости, субъекты институционального политического дискурса могут прибегнуть к так называемому добродетельному террору, когда общие ценности прививаются любыми средствами, не исключая насилия [18, с. 101] (манипуляция общественным мнением, пропаганда, уголовное преследование несогласных с предлагаемыми ценностями и др.).

Таким образом, неоднозначность оценок сходных по характеру выражений порождает новые проблемы взаимодействия в современном мире, особенно в политических коммуникациях. Использование сети Интернет приводит к тому, что контент, признанный допустимым в одном государстве, может быть адресован пользователям в другом государстве, где такой контент подпадает под запрет, что затрудняет привлечение к ответственности его автора или распространителя.

Однако единые нормы, запрещающие язык вражды, не могут быть приняты, поскольку модели противодействия существенно отличаются в разных регионах мира. Отличаются и представления о содержании понятия «язык вражды», и способы самовыражения, которые могут быть идентифицированы таким образом. Еще Ф. Ницше писал о том, что «законы относятся к исключениям нравственной стороны нравов (Sittlichkeit der Sitte), и суровейшие наказания касаются того, что сообразно нравам соседнего народа» [19, с. 543]. В таком политико-культурном контексте одна на всех политкорректность имеет слишком высокую цену.

Как отмечают В. В. Миронов и Д. В. Г. Миронова, «политкорректность — это политическая цензура, причем обращенная не только на явления современности, но цензурирующая даже наше прошлое, нашу культуру» [18, с. 106]. Но кто в таком случае цензор? Кто задает правила игры в политическом дискурсе? Можно предположить, что это в равной степени как субъекты дискурса политика, так и субъекты дискурса реагирования внутри институционального политического дискурса. Для того чтобы транслировать идеи (не исключая лингвистических интуиций по поводу того, что является языком вражды, а что — нет) в массовое сознание, необходим инструмент. Очевидный претендент на роль такого инструмента — СМИ. Однако в информационном обществе СМИ — больше чем инструмент политиков. Понятие «медиа-кратия» появилось не безосновательно. Конечно, СМИ поддерживают (или не поддерживают) политиков, но и политики «заигрывают» со СМИ, транслируя обществу определенные ценностно-нормативные установки. Таким образом, язык может стать и часто становится инструментом добродетельного террора.

Поскольку правовых ограничений использования языка вражды в политическом дискурсе по ряду причин недостаточно (закон не запрещает ненавидеть. Он запрещает разжигать ненависть и вражду), рассмотрим перспективы актуализации нравственных ограничений (главное здесь — избежать добродетельного террора).

Представляется перспективным исследовать возможность применения принципа предосторожности в институциональном политическом дискурсе. Данный принцип концептуализирован в эколого-этическом контексте. Так, например, в Декларации

Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года он имеет следующую формулировку: «В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды» [20]. Применительно к дискурсу политика принцип предосторожности означает запрет использования способов выражения, если существует угроза серьезного или необратимого ущерба демократии, свободе политической дискуссии, группам с характеристиками, подлежащими защите (группы, стигматизируемые на основании таких признаков, как раса, национальность, пол и т. п.). Если политик имеет «хороший» и «плохой» прогнозы о последствиях публичного использования языка вражды, принцип предосторожности обязывает его делать выбор в пользу «плохого» прогноза и, следовательно, иного способа выражения своего мнения.

Применение принципа предосторожности субъектами институционального политического дискурса особенно значимо на этапе формирования намерений, однако необходима и институционализация моральной ответственности за способы выражения, выбранные такими субъектами. Как отмечает В. Дроженова, «при принятии политических решений недостаточно просто иметь добрые намерения; они должны сопровождаться ответственностью» [21, р. 80].

Помимо нормативных (правовых и моральных) способов противодействия языку вражды заслуживают внимания и иные способы, сформулированные, в частности, в Общеполитической рекомендации Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью Совета Европы № 15 от 08.12.2015 «О борьбе с разжиганием ненависти». В данном документе предлагается содействовать межкультурному диалогу, бороться с негативными стереотипами и стигматизацией, разработать специальные образовательные программы для детей, молодежи, государственных служащих, педагогов, призвать политиков оперативно реагировать на случаи использования языка вражды и при этом не просто осуждать такой поступок, но укреплять ценности, которым он угрожает [15].

Итак, ограничение публичного дискурса, в том числе и политического, представляется необходимой мерой. Европейская модель в этом плане эффективнее американской. Но с другой стороны, когда ЕСПЧ признает нарушение ст. 10 Конвенции в отношении политика, использовавшего язык вражды, это фактически легитимизирует нравственно небезупречное действие. От того, что суд признал нарушение свободы выражения мнения субъекта политического дискурса, язык вражды не превращается чудесным образом в язык доверия. Напротив, это фактически санкция авторитетного органа на использование конкретных элементов языка вражды. Кроме того, ЕСПЧ принимает решение, когда с момента совершения спорного деяния прошел длительный промежуток времени (например, в кейсе Вайнай против Венгрии — 5 лет, в кейсе Перинчек против Швейцарии — 10 лет), особенно в контексте стремительного протекания политических дискурсивных процессов.

Таким образом, усовершенствование европейской модели видится в обращении преимущественно к моральным, политическим, образовательным механизмам ограни-

чения использования языка вражды в публичном пространстве. Такого рода механизмы позволят улучшить взаимодействие жителей «глобальной деревни», продлить партию на «великой шахматной доске» и создать условия для мирного сосуществования разных культур без принудительного помещения в «плавильный котел» или «салатницу».

Список использованной литературы

1. Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2013. № 2. С. 35–41.
2. Красильникова Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети Интернет // Политическая лингвистика. 2012. № 4(42). С. 130–138.
3. «I want to unveil my views on an important issue». Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/1530718/I-want-to-unveil-my-views-on-an-important-issue.html>.
4. Brown A. What is hate speech? Part 1: the myth of hate // Law and Philosophy. 2017. № 36. P. 419–468. DOI 10.1007/s10982-017-9297-1.
5. Matsuda M. J. Public Response to Racist Speech: Considering the Victim's Story // Michigan Law Review. 1989. No. 8. Vol. 87. P. 2320–2381.
6. Brown A. What is Hate Speech? Part 2: Family Resemblances // Law and Philosophy. 2017. Vol. 36. Issue 5. P. 561–613. URL: <https://doi.org/10.1007/s10982-017-9300-x>.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Case of Vajnai v. Hungary. Application no. 33629/06. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-146416&filename=001-146416.pdf&TID=thkbhnilzk>.
9. Case of Perinçek v. Switzerland. Application no. 27510/08. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158235>.
10. Case of Erbakan v. Turkey. Application no. 59405/00. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-1728198-1812055&filename=003-1728198-1812055.pdf>.
11. Case of Rekvényi v. Hungary. Application no. 25390/94. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58262>.
12. Case of Féret v. Belgium. Application no. 15615/07. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-2800730-3069797>.
13. State of democracy, human rights and the rule of law – A security imperative for Europe. Report by the Secretary General of the Council of Europe – 2016. Council of Europe, 2016. 104 p.
14. Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on “hate speech” (30 October 1997). URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home>.

15. Общеполитическая рекомендация № 15 Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью «О борьбе с разжигающими ненависть высказываниями» (CRI(2016)15) (Вместе с «Пояснительным меморандумом») от 08.12.2015// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью Совета Европы № 2 от 07.12.2017 «Органы по вопросам равенства в борьбе с расизмом и нетерпимостью на национальном уровне». URL: <http://hudoc. ecri. coe. int/eng?i=REC-02rev-2018-006-RUS>.
17. Boromisza-Habashi D. Speaking Hatefully: Culture, Communication, and Political Action in Hungary. Penn State University Press, 2012. 160 p.
18. Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Добродетельный террор, или Кто определяет границы свободы слова (размышляя над книгами Тило Саррацина) // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 2. С. 99–115.
19. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. С. 491–719.
20. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14. 06. 1992// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Drozenová W. Challenge of Time as a Moral Imperative // Human Affairs. 2015. Vol. 26. Issue 1. P. 80–89. DOI 10. 1515/humaff-2016-0010.

Vasileva Sofia

PhD Full Professor at the Department of Culture, Historical Heritage, Tourism, University of Library Studies and Information Technologies, Bulgaria, Sofia, [s.vasileva@unibit. bg](mailto:s.vasileva@unibit.bg)

УДК 341.16; 316.3; 316.74

UNESCO activity for enhancing cultural cooperation in the Balkan region of Europe

Abstract. UNESCO's activities to strengthen cultural cooperation are major and significant, especially with regard to countries in transition. In this text, the objectives focus on the presentation of UNESCO activities and initiatives related to the establishment of institutional capacity in the field of cultural heritage conservation and the development of cultural cooperation between Balkan countries. The focus falls on two main themes: UNESCO regional centers created in various Balkan countries and the implementation of global and European programs and projects of the organization in Southeastern Europe. This paper is part of the research project "Models of Cultural Heritage Socialization in a Smart City" (ДН 05/3, 14/12/2016), funded by the Scientific Research Fund with the Ministry of Education and Science of the Republic of Bulgaria.

Key words: cultural cooperation, international organizations, protection of cultural heritage, Balkanregion of Europe.

Василева София Илиева,

доктор, профессор кафедры культуры, исторического наследия, туризма, Университет библиотекведения и информационных технологий, Болгария, г. София, s.vasileva@unibit. bg

Роль ЮНЕСКО в укреплении культурного сотрудничества в Балканском регионе Европы

Аннотация. Инициативы ЮНЕСКО, направленные на укрепление культурного сотрудничества, являются бесспорными и значительными, особенно в отношении стран с переходной экономикой. В этом тексте цели сосредоточены на представлении деятельности и инициатив ЮНЕСКО, связанных с созданием институционального потенциала в области сохранения культурного наследия и развития культурного сотрудничества между государствами в Балканском регионе Европы. Изложение фокусируется на двух основных темах: применение глобальных программ и проектов международной организации в Юго-Восточной Европе и создание Региональных центров по сохранению культурного наследия в разных балканских государствах. Статья написана в рамках проекта «Модели социализации культурного наследия в умном городе» (ДН 05/3, 14/12/2016), которой реализуется при поддержке Фонда исследований Министерства образования и науки Республики Болгария.

Ключевые слова: культурное сотрудничество, международные организации, сохранение культурного наследия, Балканский регион Европы.

The role of UNESCO in broadening the cultural dimension of development policies is universally recognized and significant, especially with regard to countries in transition. It has the following parameters: creating a conceptual, strategic, normative and methodological framework, promoting partnership and cooperation, stimulating national states to develop their heritage conservation systems, linking education and training with the modern social environment. In the 1990s there were changes in the approaches and mechanisms of UNESCO policies in Europe. The main prerequisites for this are: in the European context – the disintegration of the socialist system, the emergence of new democracies in Eastern and Southeastern Europe(SEE); in global terms – global trends in incorporating culture into development policies and the challenges of the information society. With regard to SEE, consideration should be taken of the characteristic historical features of the Balkan region as well as the armed conflicts and shocks in the 1990s, especially the events in Croatia, the Republic of North Macedonia, Kosovo and Albania, directly related to the protection of cultural heritage.

In this text, the objectives focus on the presentation of UNESCO activities and initiatives related to the establishment of institutional capacity in the field of cultural heritage conservation and the development of cultural cooperation between Balkan countries. The focus falls on two main themes: UNESCO regional centers created in various Balkan countries and the implementation of global and European programs and projects of the organization in Southeastern Europe. This paper is part of the research project “Models of Cultural Heritage Socialization in a Smart City” (ДН 05/3, 14/12/2016), funded by the

Scientific Research Fund with the Ministry of Education and Science of the Republic of Bulgaria.

Widening of the institutional structure of UNESCO in the Balkan region of Europe. Up to the 1990s as far as UNESCO institutional structures are concerned in education and culture, there was a significant imbalance in favor of Western and Central Europe countries. In these parts of Europe function – The International Bureau of Education in Geneva (1969), The International Institute for Educational Planning in Paris (1963), the UNESCO Institute for Lifelong Learning in Hamburg (1951). The Center for Preservation of Cultural Heritage of Venice (established in 1973) has grown into a Regional Bureau for Science in Europe (1999). In 1997 in Moscow was founded the UNESCO Institute for IT in Education and in 2000 in Bonn was founded the International Center on Technical and Vocational Education and Training. These institutes are global and their activity is mainly focused on education with key coordinative functions [1, p. 170]. In 2003 the Nordic World Heritage Foundation was awarded category 2 under the auspices of UNESCO. In the Balkan region up to 1990s the major institutional UNESCO structures were the National Committees in the respective member-states. In Bucharest, Romania in 1972 was established the European Center on Higher Education, which stopped functioning in 2011. In the field of natural sciences in 1987 in Belgrade, Serbia was established the International Research and Training Center for City Drainage (sewage and draining). The center functions in the Faculty of Construction Engineering in the University of Belgrade [2, p. 2].

At the beginning of the 21st century, there were significant changes in the organization of UNESCO's activities in SEE. This is reflected in the change in the socio-political situation, and the development of decentralization processes. Institutional capacity is expanding and this activity is linked to the realization of the global initiatives of the organizations that have relevance in the Balkan region. An example of such an approach could be the UNESCO Center for Women and Peace in the Balkan Countries established in 1994 in Thessaloniki, Greece, with the mission of promoting intercultural dialogue with priority emphasis on the Mediterranean and the Black Sea region. Such are the international festivals of female artists. The program of the festivals includes events in genres: fine arts, theater, dance, literature, cinema, photography and architecture, presenting the cultural identity of the participating countries and their traditional art. These festivals feature representatives from around 30 Mediterranean and Black Sea countries [3]. The Center organizes international congresses on topics related to the economic development of the Balkan countries and the role of women.

In connection with the **implementation of the Global Initiative “Culture: a Bridge to Development”**, a strategy for the establishment of regional centers of UNESCO on the territory of the Balkan countries is initiated. The establishment of these structures is established within the annual conferences of the Ministers of Cultural Heritage in South East Europe. Between 2004 and 2014, ten annual conferences of this format were held. They were organized by the governments of the host countries and their ministries of culture, with the support of UNESCO. They were held in: Mostar (Bosnia and Herzegovina),

2004, Venice (Italy), 2005, Ohrid (North Macedonia), 2006 and 2014, Zadar (Croatia), 2007, Bucharest (Romania), 2008, Cetinje (Montenegro), 2010, Belgrade (Serbia), 2011, Sofia (Bulgaria), 2012, Kranj (Slovenia), 2013. The declarations adopted at these forums aim at building a common vision for the organization and management of culture and cultural heritage in the region and their inclusion in development policies and strategies. Joint commitments were made on inter-religious and inter-ethnic dialogue as a function of social cohesion and stability, and the promotion of tourism. In 2014, a “Regional Strategy for Cultural Cooperation in Southeast Europe” was adopted at the Ohrid Forum.

After the adoption of the Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (2005) [4] particular steps were taken to establish 5 regional UNESCO centers with category 2 status on the territories of different Balkan countries, aiming to safeguard cultural heritage. The coordination activities are implemented by the European Regional UNESCO Bureau in Venice.

The International Center for Underwater Archeology was established in 2007 in Zadar, Croatia. It operates under the Croatian Institute for the Protection of Cultural Heritage. Its main objective is encouraged to implement the 2001 UNESCO Convention on the Protection of Cultural Heritage by developing and sharing good practices and supporting capacity-building, training and knowledge sharing with other countries in the SEE and the Mediterranean region. The Center has carried out a series of practical trainings on the following topics: “A Basic Course on Submarine Archaeology”, “Advanced Level Training Course on Safeguarding and Restoration of Organic Finds from Underwater Environments”, “Introductory Course on Conservation and Restoration of Archaeological Finds from Underwater Environments” [5, p. 16–21]. The Center has organized a number of regional and international events, amongst which the IV International congress on underwater archaeology IKUWA 4 entitled: “Underwater Cultural Heritage Management” (Sept. – Oct. 2011) [6, p. 75–80].

The choice of Bulgaria as the UNESCO Regional Center for Intangible Cultural Heritage (ICH) is in itself a recognition of our country’s contribution to the development of ICH conservation and management systems in the context of the implementation of the UNESCO Convention of 2003 [7]. In the historical context, this choice is justified by the existence of sustainable continuity in the face of the preserved and evolving network of local cultural community centers – chitalishta. On an international scale, Bulgaria is among the first countries to participate actively in the global project “Living Human Treasures”, resulting in the development of a national program in 2001 and then a national system “Living Human Treasures” [8, p. 9–15]. These activities are developed through a partnership between the Ministry of Culture, the Institute of Folklore at the Bulgarian Academy of Sciences and the Bulgarian National Commission of UNESCO. In 2002, our country was one of the first to set up a national registry of ICHs. It is maintained in an electronic version (<http://www.treasuresbulgaria.com/main.php>). At national level, the process of identification and protection of ICH is also actively involved. A methodology has been developed for the preparation of national and regional registers of intangible cultural values.

The first steps for the establishment of a Regional Center for Conservation of the ICH started in 2008, when Bulgaria hosted the Second Session of the UNESCO Intergovernmental Committee for the Conservation of the ICH. The Center was opened in Sofia in 2012 with a major mission to carry out coordinating functions for the SEE countries in promoting the implementation of the 2003 Convention. The co-founders of the regional center are the Bulgarian Ministry of Culture, the Ministry of Foreign Affairs and the Bulgarian Academy of Sciences. The functions of the Center are related to: promotion and coordination of research activities; organizing training courses; networking and maintenance of networks between relevant institutions in SEE; exchange of knowledge and good practices; organizing regional and international seminars, meetings and events; support for awareness-raising and information activities [9]. The establishment of institutional capacity for the protection of ICH, the maintenance of a national representative list of the ICH has undoubtedly contributed to the increase of the number of Bulgarian cultural values in the UNESCO Representative List of Intangible Cultural Heritage. At present, Bulgaria has 11 approved applications in the World Wide List.

The idea of setting up a **Center for the Digitization of Cultural Heritage** was discussed at the regional forum held in Ohrid in 2005. The event was attended by representatives of seven Southeast European countries. As a result of this meeting, the “Recommendations for the Coordination of the Digitization of Cultural Heritage in SEE” [10, p. 3–9] were adopted. The Center was opened in Skopje in 2008, as part of a project run by the UNESCO Regional Bureau in Venice, supported by the Italian Government and funded by the Department for Cooperation and Development of the Italian Ministry of Foreign Affairs [11].

The Regional Center works under the auspices of the Ministry of Culture of North Macedonia, a Department for Cultural Heritage Protection. It is housed in the building of the Museum of Contemporary Art in Skopje. The Center has two main aims: on the one hand to support the implementation of effective policies for the digitization of cultural heritage in the former Yugoslav Republic of Macedonia; on the other hand, at the regional level to facilitate the exchange of information and sharing of good practices in the field of digitalisation of cultural heritage between the countries of SEE. The most important activities organized by the regional center are: training courses in the field of digitization of cultural heritage; regional workshop for the digitization of cultural heritage in SEE; conducting of seminars, conferences; issuing of information materials; setting up a network of digital literacy experts [12].

The Regional Center for the Restoration of Cultural Monuments in Tirana, Albania was established in 2007. It works under the auspices of the Ministry of Culture, Tourism, Youth and Sports of Albania. The Center offers training courses for young restorers and conservation experts in cooperation with international experts [13]. It is housed in the building of the former film studio, Alba in Tirana, where a technical laboratory for the restoration of movable artifacts and a laboratory for the restoration of monuments and buildings is equipped. One of the important activities of the Center is related to the participation in the project funded under the EU Program for cross-border cooperation “Towards Strengthen-

ing the Management of the Shared Cross-border Natural and Cultural Heritage of Ohrid and Ohrid Lake” [14, p. 1–3]. Other important functions of the Center are related to the organization of a training such as the series of training seminars for the restoration and preservation of frescoes from the Ottoman period and for the restoration and conservation of ceramics, with the participation of young specialists from the countries of Southeastern Europe.

In 2012 it was announced that proceedings were under way to the establish a **Regional Cultural Center** in Cetinje, Montenegro, specialized in the management of cultural heritage. This will be the fifth center set up in Southeast Europe by UNESCO [15].

The strategic vision for the functioning of the regional centers is the integration and program-oriented approaches that should be applied both between them and in terms of their communication and cooperative activities with a wide range of heterogeneous institutions in the region and civil society structures. Centers operate on the principle of mixed funding as the state on whose territory they are located provide the necessary funds to cover the running costs of the Center, and the funds for implementing specific programs are collected through various sources, including international cooperation.

In order to strengthen the cultural cooperation between the Balkan countries, the activities of the regional centers are also integrated within the framework of the global initiatives of UNESCO. A great applicability in the Balkan region marks the global initiative “Culture: a bridge to development”. The main mission is to promote regional cultural exchange and networking cooperation in Southeast Europe. As part of this initiative, a series of events such as festivals, traveling arts and museum exhibitions have been organized since 2011 aiming at enhancing cultural exchanges between the countries in the region [16, p. 4]. The specific component of this initiative, entitled “Heritage and Dialogue” aims to develop innovative approaches to the management of cultural heritage, its preservation and promotion.

Within the **global initiative for the protection of intangible cultural heritage** and use of the Convention of 2003, UNESCO undertook a massive international campaign to organize forms of international cooperation to exchange information and experience. Such are the regional seminars on the protection of ICH in the countries of Southeastern Europe. The first seminar of this kind was held in Arbanassi, Bulgaria, the next seminar was in Turkey (2008), Croatia (2009), Romania (2010), Serbia (2011), Athens (2012), Bulgaria (2013), Cyprus (2014) Italy (2015) [17, p. 23].

An important place in international cooperation is dedicated to the role of NGOs and youth in the implementation of the 2003 Convention. Seminars are held in many SEE countries, with young people from Belarus, Bosnia and Herzegovina, Croatia, Cyprus, Greece, Macedonia, Romania, Russia, Slovenia and Bulgaria. In December 2015 in Sofia, on the occasion of the 70th anniversary celebrations of UNESCO, an international forum was held on “The Contribution of the Member States of UNESCO from Southeastern Europe to the dissemination and implementation of the Convention for the Protection of the Intangible Cultural Heritage of 2003”. The event was organized by the UNESCO Regional Center in Sofia, the Ministry of Culture, the National UNESCO Commission of the Republic of Bulgaria, the Bulgarian Academy of Sciences and the University of Li-

brary Studies and Information Technologies. Papers and talks were presented on two main themes: on the SEE countries' actions to implement the 2003 Convention and on the role of local communities in the protection of ICH [18, p. 3–4]. The exchange of experience encouraged states to develop shared policies to protect ICH.

In the Balkan region, the main activities **related to the gradual initiative on educational integration with a focus on higher education and the use of ICT** are the creation of UNESCO Departments at universities. At the moment, 678 departments have been created worldwide. At the end of 2016, 26 UNESCO Departments function in the Balkan region of Europe [19]. These are respectively: Serbia – 3; Greece – 8; Romania – 9; Croatia – 1; Bulgaria – 3, Turkey – 2 (this refers to the European part of Turkey). The departments are set up with a mission: to develop academic education programs and continuing education programs, to offer innovative methods and policies in the field of ICT related research. Expansion of the institutional structure of UNESCO through the creation of departments in universities provides opportunities for direct cooperation of the organization with many leading scientific and educational institutions. The departments serve to create a platform for exchanging ideas, resources, best practices and sharing experiences.

The systematized review of UNESCO's activities and initiatives in the Balkan region of Europe will undoubtedly be incomplete unless the priorities of the organization in the field of cultural heritage are outlined and some empirical data is available to confirm the region's activity.

Until the beginning of the 21st century, one of the most popular activities of UNESCO in Europe is related to the protection of the natural and cultural heritage (immovable archeological and architectural heritage). The impact of long-term policies of the organization in the context of the implementation of the 1972 Convention [20] and the activity of the Balkan countries in this area is confirmed by the statistics on the inclusion of sites located on the territory of the Balkan region in the World List of UNESCO [21]. These are respectively: Bulgaria – 9 sites within 1979–1985; Greece – a total of 17 sites, 10 in the period 1986–1989; 1990–2007 – 7; Albania – 2 between 1992–2005; Romania – 7 – between 1991–1999; Macedonia – 1 (1979); Serbia – a total of 4, 2 in the period 1979–1986; 2 in the period 2004–2007; Croatia – a total of 7, in 1979 – 3; 1997 – 2; 2000–2008 – 2; Montenegro – 2 – in the period 1979–1980; Bosnia and Herzegovina – 2 in the period 2005–2007¹; Turkey – 13 (Turkey has 11 sites on the UNESCO list of Cultural Heritage, 2 of which on the European territory of the country).

At the beginning of the 21st century, the undoubted contribution of UNESCO is the differentiation of the intangible heritage as a separate type in the structure of the cultural heritage. This means extending the parameters of the concept of heritage, as well as changing the approaches for its preservation and socialization. The adoption of the 2003 Convention laid the foundations for developing a regulatory system and methodology for the identification and protection of ICH. The identification of the ICH is associated with the

---

¹From the end of the First World War up until the 21st C. Socialist Federal Republic of Yugoslavia existed under different forms of governance and territorial scope. Its borders comprised Serbia, Macedonia, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Albania, Montenegro. In 2006, the last republic Montenegro declared its independence of Serbia.

communities, groups or individuals who create, store, and transmit this heritage. These characteristics of the intangible heritage allow and imply the existence of continuous interactions between it and other cultural areas, artistic crafts, performing arts, folk traditions and folklore, social practices and rituals, festivals, celebrations. Increasing popularity begins to acquire the UNESCO Representative List of Intangible Heritage. In the decade between 2005 and 2016, Bulgaria's 11 applications were included in this world list, which is a good reason for national pride.

The statistics in the context of the Balkan Peninsula also show a steady presence of the entire region on the Representative List, which is a recognition of the rich historical past, traditions, the vast diversity of rituals and customs and the preserved memory. Respectively: Albania – 1; Romania – 5; Croatia – 13; Greece – 3; Macedonia – 3; Serbia – 1; Bosnia and Herzegovina – 1, Cyprus – 1, Turkey – 9. Many elements of the thematic list of approved applications show similarities in cultures and customs in the Balkans. The “Mediterranean diet” is included as an element of Greece, Croatia and Cyprus.

Conclusions.

The activities of UNESCO in the Balkan region in the field of culture and cultural heritage at the beginning of the 21st century can be divided into the following main directions:

Expansion of the institutional structure;

Global initiatives in the field of culture and cultural heritage in the Balkan region – “Culture – a bridge to development”; “Protecting cultural and natural heritage”; “Protection of the Intangible Heritage”.

A Global Initiative for Educational Integration, with an emphasis on higher education and the use of ICT.

The implementation of the Global initiative Culture – “a bridge to development” in the Balkans can be seen as an achievement in the field of partnership and the expansion of inter-state and cross-border cultural cooperation [22, p. 2]. The activities of the established regional centers in the perspective are aimed at building a common vision for the organization and management of culture and cultural heritage in the region and their inclusion in developing policies and strategies.

The mechanisms and approaches outlined in the establishment of institutional capacity to develop cultural cooperation between countries in the region and the lessons learned suggest that global trends in mainstreaming culture into development policies should not be perceived by relevant national and local policies only by their economic and technical parameters. The main strength of cultural heritage continues to be its cultural value. The development of cultural cooperation has the potential to have a social impact on the individual communities, to influence cultural memory, especially the younger generations. It implies knowledge sharing and intercultural communication, without which it would be impossible to create a lasting common vision for the preservation of cultural heritage and its inclusion in development policies.

Sources

1. Vasileva Sofia. (2013). Cultural Heritage and Sustainable Development. Concepts, policies, goodpractices. Sofia : UniversityPress “Zabukvite – O’pismeneh”, 2013. 278 p.
2. List of institutes and centres under the auspices of UNESCO (category 2). URL: http://www.crespial.org/public_files/Centros_categoria_2_UNESCO.pdf
3. Unesco Center for Women and Peace in the Balkan Countries. URL: <http://www.unescocenter.gr>
4. UNESCO Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. Paris, 20 October 2005. URL: <http://portal.unesco.org>
5. Florea R., G. Gregoriani. (2015) Review of the International center for underwater archaeology. 53 p. URL: <http://www.unesco.org/culture/partnerships/category-2-centres/pdf/icua-evaluation-final-report-2015.pdf>
6. Costanza Maria, David Blackman. Managing the Under water Cultural Heritage. Papers presented at the 4th International Congress on Underwater Archaeology /IKUWA 4/. Zadar Croatia Sept. 29th – Oct. 2nd 2011. -In Poseidons Reich XXI. Unter wasser archaologie Interdisziplinare Fragestellungen und technisch innovationen. Drezden, 2016. P. 75–80.
7. UNESCO Convention on the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage. Adopted in Paris, 2003. URL: <https://ich.unesco.org/en/convention>
8. Santova Mila. Living Human Treasures. Bulgaria. Sofia, 2004. P. 9–15.
9. Regional Center for Preservation of Intangible Cultural Heritage in South eastern Europe. URL: <http://www.unesco-centerbg.org/en/>
10. Recommendations for coordination of digitisation of cultural heritage in SEE. Ohrid, 17–20 mart, 2005. 29 p. URL: http://www.minervaeurope.org/events/documents/document_ohrid_2005.pdf
11. Republic of Macedonia, Ministry of culture, Cultural heritage protection office. URL: http://uzkn.gov.mk/aktivnosti_en.html
12. Pavlov Z. Regional Center fo Digitization of Cultural Heritage, Scopie, Macedonia // First Meeting of the Regional Centres for the Safeguarding and Management of Cultural Heritage in SEE: Regional cooperation, partnerships, funding – Zadar (Croatia), 23 March 2012.
13. Capacity Building. URL: <http://www.unesco.org/new/en/venice/culture/safeguarding-cultural-heritage/capacity-building/>
14. Towards strength ened governance of the transboundary natural and cultural heritage of the lake Ohrid region // International Union for Conservation of Nature Programme Office for South Eastern Europe. URL: https://www.iucn.org/sites/dev/files/import/downloads/management_planning_expert_tor.pdf
15. Final Report World Heritage and Sustainable Development // The Role of Local Communities in the Management of UNESCO Designated Sites, Kotor, Montenegro. 7–8 June 2012. 21 p. URL: <http://whc.unesco.org/en/events/907/>
16. (2012) Dialogue among Civilizations. Contemporary Art and Reconciliation in South-East Europe. Republic of Serbia, 1–2 september 2011. P. 78. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002164/216440E.pdf>
17. Nalbantyan-Hacheryan Silva. Aspects of international cooperation for the protection of intangible cultural heritage // Cultural Heritage. Research and Educational Aspects. Collection of publications. Sofia, 2011. P. 23.

18. The contribution of UNESCO Member States of South-Eastern Europe for the Implementation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. A Jubilee Edition Dedicated to the 70th Anniversary of UNESCO. Sofia, 2016 : Published by the Regional Centre for the Safeguarding of ICH in South-Eastern Europe under the auspices of UNESCO. 242 p.

19. List of UNESCO Chairs– as at 28. 02. 2019. 20 p. URL: <https://en.unesco.org/sites/default/files/list-unesco-chairs.pdf>

20. Convention concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. Paris. URL: <http://portal.unesco.org>

21. World Heritage List. URL: <http://whc.unesco.org/en/list>

22. Joint Declaration of the Eighth Ministerial Conference on the Cultural Heritage of Southeast Europe on "Intangible Cultural Heritage and Sustainable Development", Sofia, 25 October 2012. 4 p. URL: http://www.unesco.org/new/.../DECLARATION_EN_25oct2012.pdf

Шатилов Александр Борисович,

кандидат политических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва

УДК 165.612

«Неоевразийство» как реинтеграционная идеология постсоветских элит: вызовы и перспективы

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции кризиса наднациональной идентичности на постсоветском пространстве: космополитическая самоидентификация элит и «этническая мобилизация». В первой половине 1990-х годов этнонационализм воспринимался как альтернатива «имперскому» советскому прошлому. В Казахстане реализовался «третий путь» — «евразийская идея» как основа проекта мягкой реинтеграции постсоветского пространства.

Автор рассматривает проекты единого таможенного пространства, экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ.

Ключевые слова: кризис идентичности, «неоевразийство», реинтеграционная идеология.

Alexander Shatilov

Candidate of Sciences in Politics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

«Neo-Eurasianism» as reintegration ideology of post-Soviet elites: challenges and prospects

Abstract. The article analyzes the main trends of the crisis of supranational identity in the post-Soviet space: cosmopolitan self-identification of elites and «ethnic mobilization». In the first half of the 1990s, ethno-nationalism was perceived as an alternative to the «Imperial» Soviet history. Kazakhstan has implemented the «third way» — «Eurasian idea» as the basis of the project of soft reintegration on the

post-Soviet space. The author considers the projects of the common customs space, economic cooperation within the EurAsEC, CSTO.

Key words: identity crisis, «neo-Eurasian», reintegration ideology.

Распад СССР привел к кризису наднациональной идентичности на постсоветском пространстве.

При этом в 1990-е годы наблюдались две тенденции. Во-первых, получила распространение космополитическая самоидентификация элит (в меньшей степени это касалось населения). Она предполагала ориентацию на западные политические, культурные и социально-экономические ценности, преимущественно либерального свойства. Так, например, для российской элиты такого рода самоидентификация была характерна и в 1990-е годы (в рамках «безусловного западничества»), и в 2000-е годы (в рамках концепции «глобального акционерного общества»).

Во-вторых, еще одна постсоветская идентификация элит и населения в бывших республиках СССР базировалась на «этнической мобилизации». Особое распространение такого рода приоритеты получили в первой половине 1990-х годов, когда этнонационализм воспринимался как альтернатива «имперскому» советскому прошлому. Кроме того, этнонационализм подпитывался амбициями правящих элит и интеллигенции, которые воспринимали распад СССР как уникальный шанс выхода на «большую» международную арену.

«Третий путь» в 1990-е годы практически не рассматривался, за исключением Казахстана. Здесь во многом благодаря усилиям президента РК Н. А. Назарбаева «евразийская идея» становится основой проекта мягкой и «прагматичной» реинтеграции постсоветского пространства. [1]

Однако в «лихие 90-е» объективных предпосылок для распространения «нео-евразийства» не было.

Во-первых, в новых суверенных республиках доминировали совсем иные ценности, а идеи восстановления политического или хотя бы экономического единства бывших республик СССР были неактуальны.

Во-вторых, фактически отсутствовал главный субъект консолидации. Единственно возможный претендент на эту роль — Российская Федерация — находилась в ситуации острого политического и социально-экономического кризиса и была явно не готова работать на объединение «ближнего зарубежья». Кроме того, российский правящий класс в тот период находился под влиянием идей либерального западничества и весьма подозрительно и скептически относился к любым «автаркично-державным» проектам вроде евразийства. И хотя евразийские идеи в их максимально урезанном виде периодически всплывали в 1990-е годы в риторике и программных документах «правоцентристов» (ПРЕС и пр.), они все равно находились на периферии общественно-политической жизни.

Однако со второй половины 1990-х годов ситуация несколько меняется. Так, издержки суверенного состояния приводят к тому, что население бывших республик СССР разочаровывается в либерально-космополитических и этнонациональных цен-

ностях. В итоге «снизу» возникает запрос на реинтеграцию, растет ностальгия по общему советскому прошлому, усиливается поддержка политических сил, выступающих за восстановление утраченных экономических и политических взаимосвязей между постсоветскими государствами.

Кроме того, рассеиваются иллюзии у постсоветских элит относительно возможности суверенного развития «подконтрольных» им стран. Сокращение помощи со стороны Запада, кризисные явления в экономике, технологическое отставание заставляют их более взвешенно и рационально подходить к проблеме постсоветской реинтеграции (хотя бы в формате активизации экономического сотрудничества). Соответственно, элиты не могли не учитывать «объединительный» настрой населения.

Примечательно, что именно в это время (2 апреля 1997 г.) президенты России и Беларуси Борис Ельцин и Александр Лукашенко подписали договор о создании союзного государства, что многими было воспринято как старт большого реинтеграционного проекта. Однако в конце 1990-х годов эта инициатива выхолащивается и становится максимально «гипотетической».

Новый импульс «неоевразийский» проект получает с приходом к власти в России В. В. Путина.

Это было обусловлено рядом причин.

Во-первых, в результате эффективных действий правящей элиты «путинского призыва» происходит стабилизация в политической и социально-экономической жизни России, подавляется сепаратизм и выстраивается «вертикаль власти». В итоге Российская Федерация на фоне других, более проблемных постсоветских государств становится достаточно привлекательным партнером и за ней признается моральное право стать лидером «центростремительных» тенденций на пространстве бывшего СССР. Более того, на первом этапе (вплоть до 2007 г.) даже Запад в лице США не препятствовал интеграционной политике Москвы в «ближнем зарубежье».

Во-вторых, резкий рост цен на углеводороды в начале 2000-х годов способствует экономическому подъему Российской Федерации, более того, у нее появляются финансовые ресурсы для ведения активной геополитической игры в рамках СНГ. При этом основным методом воздействия на партнеров становится «покупка лояльности» элит в постсоветских государствах либо за счет предоставления льготных кредитов, либо за счет приобщения к взаимовыгодным бизнес-проектам.

В-третьих, по мере политического и экономического возрождения России растут амбиции российской элиты, которая все больше склоняется к идее мягкой реинтеграции «ближнего зарубежья» под эгидой Москвы.

В-четвертых, при всей своей амбициозности российское руководство долгое время проводило в отношении постсоветских партнеров рациональный и взаимовыгодный курс, избегая упреков в «империализме». Весьма взвешенной была и национальная политика Российской Федерации как внутри страны, так и за рубежом. Не апеллируя напрямую к ценностям евразийства, российская элита достаточно четко придерживалась (и во многом придерживается до сих пор) принципов межнационального диалога и интернационализма. Соответственно, предпринимались весьма жесткие меры

по пресечению межнациональных конфликтов внутри России, а также проводился курс «наибольшего благоприятствования» в отношении партнерских стран СНГ (в диапазоне от предоставления квот на обучение в российских вузах студентам из бывших советских республик до поощрения трудовой миграции).

Все это позволяло руководству Российской Федерации проводить достаточно эффективный интеграционный курс в 2005–2013 годах. Соответственно, возникают и реализуются проекты единого таможенного пространства, экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС, развивается партнерство по линии ОДКБ. Даже события августа 2008 года, когда российские войска пришли на помощь непризнанной республике Южная Осетия в ее противостоянии с Грузией, не омрачили «евразийского» партнерства РФ с бывшими советскими республиками.

Так, в 2002–2014 годах весьма эффективным с точки зрения торгово-экономического партнерства было Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в рамках которого происходило согласование экономических интересов постсоветских государств. Более того, в качестве перспективных задач ЕврАзЭС значилась реализация таких масштабных проектов, как создание общего таможенного пространства, общего финансового рынка, общего энергетического рынка и рынка транспортных услуг. Предусматривалось даже введение общей валюты (в качестве возможного варианта ее названия фигурировали «алтын» и «евраз») [2], однако по инициативе Казахстана этот пункт сотрудничества был заблокирован [3], поскольку в нем власти РК усмотрели угрозу своему финансовому суверенитету.

Как бы то ни было, но Российская Федерация, используя лозунги евразийского партнерства и сотрудничества, к 2014 году достаточно уверенно проводила интеграционную политику на пространстве бывшего Советского Союза. В качестве ее «действительных» союзников по ЕврАзЭС значились Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. На короткий срок в число участников евразийского альянса удалось «втянуть» даже Узбекистан, президент которого Ислам Каримов после андijanских событий искал внешней поддержки, однако в 2008 году это постсоветское государство покинуло Экономический союз. Кроме того, в 2002–2014 годах наблюдателями в ЕврАзЭС числились даже те государства, которые придерживались курса внешнеполитической «диверсификации» или даже проводили прозападный курс — Молдавия, Украина, Армения.

Так продолжалось до 2014 года, когда, с одной стороны, произошел «украинский кризис», а с другой — возник новый интеграционный альянс под фактическим руководством России — Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

События «Майдана» оказались принципиальным вызовом для российской элиты, которую Запад практически вынудил жестко отреагировать на неконституционное свержение режима Виктора Януковича, считавшегося «пророссийским» президентом Украины [4]. Таким ответом Кремля стали события «крымской весны» и стимулирование пророссийского движения на Донбассе. Надо сказать, что жесткие действия России в 2014 году вызвали крайне негативную реакцию у элит практически всех

постсоветских государств, которые усмотрели в них стремление Москвы начать «принудительную интеграцию», причем не только экономическую, но и политическую.

В то же время экономическая целесообразность предопределила продолжение «евразийских» интеграционных процессов даже в условиях начавшегося противостояния России с Западом в рамках «войны санкций». С 1 января 2015 года был запущен новый формат «углубленной» интеграции — Евразийский экономический союз, призванный обеспечить его участникам свободное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в рамках этого альянса, а также проведение согласованной экономической политики в различных отраслях. Более того, невзирая на международную напряженность, России удалось расширить круг своих партнеров за счет Армении, которая из наблюдателей перешла в «действительные члены» ЕАЭС наряду с РФ, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией. Правда, в ЕАЭС, в отличие от ЕврАзЭС, не оказалось Таджикистана, однако такая потеря не является значимой в точки зрения эффективности деятельности данной организации. Примечательно, что ЕАЭС в 2015—2018 годах сумела выйти в своей деятельности даже за пределы евразийского пространства. В частности, заинтересованность в партнерстве с этой интеграционной структурой выразили такие государства «дальнего зарубежья», как Индия, Сингапур, Сербия. Одновременно Вьетнам подписал с ЕАЭС соглашение о Зоне свободной торговли [5], в 2015—2018 годах начались аналогичные переговоры с Ираном, Китаем, Кубой. Одновременно в апреле 2018 года был предоставлен статус страны-наблюдателя Молдове.

В то же время, невзирая на вышепоименованные достижения, имеются серьезные угрозы и вызовы проекту неоевразийской интеграции. Вот их примерная иерархия.

1. Нежелание правящих элит постсоветских государств поступаться суверенитетом и политической самостоятельностью. Как показывает практика последних лет, даже более «локальные» и «естественные» проекты реинтеграции наталкиваются на эгоизм истеблишмента. В частности, во многом в силу данного обстоятельства вот уже много лет буксует проект объединения «братских» Румынии и Молдовы.

2. Противодействие «пророссийской» интеграции со стороны заинтересованных международных акторов (США, Евросоюз, Китай, Турция). При этом противниками Москвы используется целый арсенал политических, экономических, юридических и прочих контрмер. Так, например, Казахстан уже около 10 лет является ареной геополитического и геоэкономического противоборства России, США и Китая, а элита данной страны четко делится по своим зарубежным симпатиям/антипатиям. [6]

3. Привычка граждан постсоветских стран существовать в суверенном состоянии, постепенная утрата «советских» консолидирующих начал. Так, по данным исследования Евразийского банка развития, постепенно происходит либо «автономизация» сознания населения бывших республик СССР, либо его переориентация с России на иные центры международного влияния. Так, например, население Азербайджана уже довольно сильно ориентировано на Турцию, население Грузии — на США и Европу. В Армении и Беларуси преобладает вектор в сторону России, но также велика и доля

граждан, предпочитающих европейскую интеграцию. В Казахстане постсоветский вектор конкурирует с автономистскими настроениями [7]. Более того, подобный «разворот симпатий» не слишком беспокоил (да и сейчас не беспокоит) российскую элиту, которая подходит к данному вопросу предельно утилитарно и не желает идти на дополнительные расходы ради сохранения «пророссийских настроений».

4. Распространение на постсоветском пространстве идей национализма и религиозного экстремизма. Так, например, этнонационалисты постсоветских стран исключительно враждебно воспринимают любые попытки России утвердить свое влияние на пространстве СНГ. По вполне понятным причинам наиболее жестко настроены на данный счет украинские националистические силы, однако и в других бывших советских республиках национализм носит явно антироссийский характер. Также активно противодействуют интеграционным инициативам Российской Федерации различного рода исламистские структуры и организации в диапазоне от ИГИЛ (запрещена в РФ) до движения Фетхуллаха Гюлена [8].

5. Асинхронность политического и социально-экономического развития постсоветских государств. В частности, ощущается несбалансированность, а зачастую и нестыковка политического и социально-экономического развития государств-членов «евразийского партнерства», что затрудняет их полноценное и равноправное взаимодействие.

6. Определенная «абстрактность» и «технологизм» евразийской интеграционной идеи, отсутствие у нее конкретного политического и идеологического наполнения. Евразийская идея существует в основном на уровне политических лозунгов и рассуждений интеллектуальной элиты, но не воспринимается в качестве «путеводной» народными массами, которые предпочитают более традиционные идеологические схемы и доктрины.

Список использованной литературы

1. URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/1444>.
2. URL: <https://topwar.ru/71188-nash-obschiy-rubl-altyn-evraz.html>
3. URL: http://www.tsouz.ru/MGS/MGS-15/Documents/P_88.pdf
4. Шатилов А. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 2. С. 8.
5. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102396406&intelse-arch=01.05.2016>
6. См., например: Осинина Д. Д. Элитные группы Центральной Азии в большой геополитической «игре» России, КНР и США в начале XXI в. М., 2019. 147 с.
7. URL: <https://iq.hse.ru/news/177668644.html>
8. URL: <https://www.pravda.ru/world/1321591-grishin/>

Лепешкина Лариса Юрьевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Гостеприимство и межкультурные коммуникации», Поволжский государственный университет сервиса, Россия, г. Тольятти, lara_yura@list.ru

УДК 008

Советская культурная политика: спор о достижениях

Аннотация. В статье анализируются этапы осуществления советской культурной политики. Она стала, по сути, источником порождения новых типов взаимоотношений между людьми. В силу этого повседневная жизнь народов СССР, их обычаи и традиции были подвергнуты серьезной модернизации, что привело к созданию особой социокультурной системы, построенной по принципу новаторства и переосмысления прошлого опыта.

Ключевые слова: советская культурная политика, социалистическая культура, советская власть, повседневная жизнь, обряды.

Larisa Lepeshkina

Candidate of Sciences in History, Associate professor, Hospitality and Cross-cultural Communications Department, Volga Region State University of Service, Russia, Togliatti

The Soviet cultural policy: a dispute about achievements

Abstract. The article analyzes the stages of the realization of the Soviet cultural policy. It has become a source of generation for new types of relationships between people. Therefore, the daily life of the peoples of the USSR, their customs and traditions had been subjected to serious modernization that had led to the formation of a special socio-cultural system constructed on the principle of innovation and rethinking of past experience.

Key words: Soviet cultural policy, socialist culture, Soviet power, everyday life, rites.

В настоящее время многое, что относится к истории СССР, подвергается критике как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. Речь идет об идеологии и конкретных решениях советского государства, в том числе затрагивавших сферу культуры. Движущей силой в осуществлении советской культурной политики выступала марксистско-ленинская философия, инструментами ее реализации — агитация и пропаганда. Считается, что в 1920—30-е гг. начатая большевиками «культурная революция» привела к разрушению элитарной культуры царского периода и развитию массового и стандартизированного мышления. В результате сформированная советская культура превратилась в служанку тоталитаризма. Но возникает вопрос, можно ли столь однозначно и категорично судить о советской культуре? Она, будучи сложным образованием, воспринявшим в переработанном виде традиции прошлого и прислушавшимся к голосу индустриальной эпохи, не могла быть только отражением политической системы. В ее становлении существенную роль играли постоянное задействование идеологического фактора и четкое планирование мероприятий (праздников, собы-

тий, фестивалей и пр.) ради поддержания духа коллективизма среди населения СССР. Автор исследования рассматривает последствия управления культурой в советский период, пытается найти положительные примеры в культурной политике 1920–80-х годов.

Новизна статьи состоит в том, что сегодня, при стремлении российского государства в своей культурной политике нивелировать советскую культуру и продвигать ценности общества потребления, анализ исторического опыта в области культурного строительства позволяет выявить особенности, ошибки и успехи СССР в данном направлении деятельности, которые могут быть учтены в преодолении социокультурных противоречий современной России.

Давая общее определение советской культурной политики, можно сказать, что она представляла собой преобразовательную деятельность государства применительно к сфере культуры в социалистическом направлении. Базовым ее принципом стала ликвидация ценностей, ассоциировавшихся с царским прошлым и мешавших движению к коммунистическому будущему. В культурной политике СССР необходимо выделить такие направления деятельности, как пропаганда социалистических идеалов, борьба с безграмотностью, искоренение религиозных пережитков и суеверий, формирование модели советского искусства с его идейными установками.

По проблеме советской культурной политики было написано немало статей и монографий, авторы которых по-разному оценивали ее достижения. В большей степени в их риторике доминировали критические замечания. Но, невзирая на это, часть исследователей солидарна в том, что советская культурная политика была государственной по сути, организованной и планомерной, чего не хватает для развития культуры современной России. Среди подобных авторов следует назвать Б. Ю. Кагарлицкого [1], В. А. Куренного [2], М. П. Капустина [3], И. И. Балицкого [4], В. В. Слепухина [5], И. Г. Якушкина [6], Т. В. Ченскую [7], Л. И. Шишкину [8].

В зависимости от целей советской власти — от устранения явлений, связанных с царизмом и церковью, до внедрения новых принципов существования — можно выделить три этапа реализации культурной политики.

К первому этапу относился период с 1920-х до середины 1930-х годов. На его формирование повлияли представления большевиков о предназначении культуры в строительстве коммунизма, последствия Гражданской войны и социальной разобщенности с начала XX века.

В суждениях В. И. Ленина о культуре преобладала риторика разделения «двух культур» в составе каждой национальной культуры. Первая культура была названа «буржуазной», «помещичьей», «реакционной», вторая — «пролетарской», «прогрессивной». На основе этого делался вывод, что существование единой национальной культуры ложно и ущербно, поскольку она апеллировала к буржуазным отношениям, стремившимся по своей природе показывать национально-культурное и социальное своеобразие людей. В противовес ей пролетарская культура нивелировала какие-либо национальные различия, для нее ведущим принципом становился интернационализм.

Русский философ Н. А. Бердяев в своей «Философии неравенства» (1918) болезненно воспринимал судьбу первой культуры, уничтоженной Октябрьской революцией 1917 года. Он писал, что «в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное начало по существу враждебно культуре, антикультурно. <...> Дух революционный хочет вооружить себя цивилизацией, присвоить себе ее утилитарные завоевания, но культуры он не хочет, культура ему не нужна». Кроме того, размышляя о важности свободы для культуры, он обвинял большевиков в политическом утилитаризме: «Для вас культура — лишь средство вашей политики и экономики, лишь орудие благоденствия, лишь культура для народа» [9, с. 247–248, 250].

Одним из противников теории пролетарской культуры был Л. Д. Троцкий. Считая неправомерным противопоставление буржуазной и пролетарской культуры, он утверждал, что последней не существует «и жалеть об этом поистине нет основания: пролетариат взял власть именно для того, чтобы навсегда покончить с классовой культурой и проложить пути для культуры человеческой» [10, с. 141]. Далее Л. Д. Троцкий ее называл «социалистической».

Необходимо подчеркнуть, что в спорах о судьбе культуры в новом государстве усилия большевиков в первый период культурной политики были нацелены на систему образования. Прежде всего ликвидировалась дореволюционная школа: начальная, гимназии, реальные училища. Обучение осуществлялось в два этапа: первый для детей от 8 до 12 лет, второй — с 13 до 17 лет. Обучали мальчиков и девочек совместно, из учебных планов исключались такие предметы, как древние языки и Закон Божий. Преобразования в высшем образовании способствовали привлечению в вузы представителей из социальных низов. В 1914 году в России насчитывалось 105 вузов, а в конце 1920 года — 255, в которых обучались 216 тыс. студентов. На рубеже 1920–30-х годов количество выпускников вузов превышало 370 тыс. человек. Уже в 1933 году по количеству студентов СССР превзошел Германию, Англию, Японию, Польшу и Австрию вместе взятых [11].

После Октябрьской революции 1917 года серьезные изменения происходили в развитии искусства. Лидирующие позиции в нем заняли «левые», авангардные течения, отражавшие характер пролетарского искусства и поддерживаемые руководством РКП(б). Среди них особое положение занимали футуристы. Помимо «официального» искусства, существовала «несоциалистическая» художественная культура как в советском государстве, так и за его пределами.

О важности укрепления позиций пролетарского искусства писал в своей статье «Революция и искусство» (октябрь 1920 г.) первый советский нарком просвещения и в прошлом литературный критик А. В. Луначарский: «У государства есть постоянная задача в его культурной деятельности — распространять революционный образ мыслей, чувствований и действий во всей стране. С этой точки зрения государство спрашивает себя: может ли ему быть в этом полезно искусство? И ответ напрашивается сам собой: если революция может дать искусству душу, то искусство может дать революции ее уста» [12, с. 34].

В первый период советской культурной политики радикально менялся сам образ жизни людей. Для него было характерно стремительное и последовательное уничтожение прежних традиций или их грубая реконструкция в соответствии с новыми правилами. К примеру, создаваемая в 1920-е годы социалистическая обрядность стала называться «красной обрядностью», широкое распространение получали «красные свадьбы» и «красные похороны» [13, с. 166]. Они имели ярко выраженную атеистическую направленность и пропагандировали новые взгляды на личные и общественные отношения, совместный труд и творчество.

Особенно воодушевленно встречала эти новшества молодежь. В 1924 году русский писатель И. Г. Эренбург рассуждал: «Не знаю, что выйдет из этой молодежи — строители коммунизма или американизированные специалисты; но я люблю это новое племя, героическое и озорное, способное трезво учиться и бодро голодать... переходить от пулеметов к самоучителям и обратно, племя, гогочущее в цирке и грозное в скорби, бесслезное, заскорузлое, чуждое влюбленности и искусства, преданное точным наукам, спорту, кинематографу. Его романтизм не в творчестве потусторонних мифов, а в дерзкой попытке изготовлять мифы взаправду, серийно — на заводах; такой романтизм оправдан Октябрем и скреплен кровью семи революционных лет» [14, с. 152—153]. В результате в стране приобретали популярность такие творческие области деятельности, как авиация, радио, фотография, шахматы, кино.

Однако активное искоренение советской властью религиозных пережитков некоторыми народами СССР воспринималось негативно. Так, по этому поводу татарским населением Поволжья неоднократно высказывалось недовольство, что подтверждают документы, найденные в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории [15].

Реакция партийных органов на подобные высказывания была жесткой: в 1927 году представители духовенства подверглись административным наказаниям, на мусульманскую литературу была наложена строгая цензура [16].

Следует обратить внимание на то, что в советской культурной политике не происходило разделения между религиозным и национальным в силу их обоюдного «вредного» содержания для целей и идеологии молодого социалистического государства. Для контроля за деятельностью религиозных учреждений и проведением народных обрядов, воплощавших религиозные символы, в различных районах СССР создавались специальные комиссии. Так, в АССР Немцев Поволжья подобная комиссия занималась «наблюдением за правильным проведением на местах законов, связанных с куклами... рассмотрением вопросов о разрешении религиозных съездов в республике и кантонах; учет всех религиозных обществ и групп» (утв. 16 июля 1931 года) [17, с. 727].

Успеху советской культурной политики в ее первый период осуществления во многом способствовала борьба с неграмотностью среди взрослого населения. Большевики решали в данной борьбе просветительскую и политическую задачи. Благодаря строительству школ, открытию кружков и курсов, согласно переписи 1926 года, доля грамотного населения выросла вдвое по сравнению с дореволюционным временем и

составила 60,9%. Тем не менее разрыв по уровню грамотности между городом и деревней сохранялся на уровне 85 и 55%, между мужчинами и женщинами — 77,1 и 46,4% [11].

Огромное значение в пропаганде социалистического образа жизни имели коллективизация сельского хозяйства и индустриализация. Все эти мероприятия в конечном итоге способствовали изживанию религиозных традиций из повседневной культуры народов СССР.

Второй этап культурной политики в советском обществе приходился на середину 1930-х — 50-е гг. В этот исторический период происходил отход от революционной риторики и свободных нравов, ценность начали обретать семейные отношения, образование, служение Родине и профессии. Одним из следствий гармонизации отношений между людьми стало учреждение в 1936 году звания народного артиста СССР, развитие связей с различными странами в области науки и культуры. В то же время создание командно-административной системы и тотальный контроль за каждым гражданином резко ограничивали личные контакты советских ученых и деятелей культуры с иностранцами, а выезд за рубеж нередко становился поводом для незащищенных обвинений в шпионаже.

Тяжелые испытания Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) сделали советское общество неоднородным и немолчаливым. Послевоенный энтузиазм советских граждан в ожидания позитивных перемен в жизни вступил в противоречие с тоталитарным режимом. После смерти И. В. Сталина ситуация мало изменилась: страх перед государственной машиной сохранялся еще длительное время. Это не могло не отразиться на обществе. Несмотря на некоторые преобразования тоталитарной системы власти, массовое сознание в период «оттепели» сохраняло ощущение физического страха перед вероятностью повторения жестоких репрессий. Начавшаяся холодная война усилила внутренние социальные противоречия: экономические реформы Н. С. Хрущева не принесли желаемого эффекта.

Если затронуть вопрос о внедрении социалистической обрядности в СССР, то в этот период различные исторические события, такие как раскулачивание, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенная разруха, хрущевская «оттепель», на некоторое время приостановили ее развитие. Основное внимание было сосредоточено на экономических преобразованиях.

Третий этап советской культурной политики длился с 1960-х по 1980-е годы. Годы «оттепели» имели в целом положительное влияние на отечественную культуру. Это время содействовало подъему творческой инициативы в области литературы и искусства. Правда, те или иные креативные решения нового поколения писателей, поэтов и художников не всегда находили понимание сначала у Н. С. Хрущева, а затем у Л. И. Брежнева.

Инициированное советской властью формирование социалистических традиций в тот исторический период стало предметом исследований среди философов и этнографов, например Г. И. Геродника, Е. В. Нагирняка, Н. С. Сарсенбаева, Э. И. Лисавцева, П. П. Кампарса, Н. М. Заковича, Э. С. Маркаряна [18]. Важное место в

советской научной литературе, посвященной изучению обрядности, занимают работы И. В. Суханова [19] и Д. М. Угриновича [20]. Их труды отличает комплексный подход к изучению генезиса традиций, обычаев и обрядов, их роли в жизни советских граждан. Нужно обратить внимание на то, что размышления об обрядах старых и новых осуществлялись В. В. Вересаевым еще в 1920-е годы [21]. После него дореволюционные обычаи и традиции зачастую рассматривались с критической точки зрения в научной литературе.

Необходимо указать на то, что внедрение социалистических обрядов в повседневную жизнь общества в 1960–80-е годы осуществлялось более осторожно, чем в 1920–30-е годы. Данная преобразовательная деятельность имела успех преимущественно в крупных городах Центральной России, а также на Украине и в Прибалтике. Однако в других районах страны новые светские обряды свадеб и похорон не получили широкого распространения. Так, в Чувашской Республике внедрение гражданской обрядности не позволило снизить роль церковной обрядности среди населения. Несмотря на уменьшение числа людей, соблюдавших религиозные обряды (венчание, крещение и др.), количество отпеваний в 1964 году по сравнению с 1963 годом увеличилось на 9,6%. При этом доходы церквей возросли в Республике на 8,3% [22].

В целом целенаправленная культурная политика в СССР превратила повседневную жизнь советского общества в «арену борьбы прогрессивного нового с отжившим старым» [22]. При этом изменения быта, как полагали ее инициаторы, происходили посредством сложного процесса переоценки прежних традиций, переделки и приспособления наиболее удобных и ценных из них к новым условиям существования.

Подводя итог, можно сказать, что советская культурная политика представляла собой уникальное явление, принципиально менявшее сознание людей на протяжении трех исторических периодов. Многие современные исследователи выявляют в ней перегибы, слабые звенья, ошибки и достижения. Вместе с тем очевиден тот факт, что без нее невозможно было создать единого общественного организма под названием «советский народ» с общими установками и целями развития.

Список использованной литературы

1. Кагарлицкий Б. Советская культурная политика и традиция просвещения // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013. С. 50–63.
2. Куренной В. А. Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013. 272 с.
3. Капустин М. П. Культура и власть. («Тайна» России. Пути и судьбы русской интеллигенции в зеркале поэзии) // Философия права. Научно-теоретический журнал. 2004. № 1. С. 103–107.
4. Балицкий И. И. Образовательная политика в условиях социально-культурной трансформации советского общества в 1920–1930-х гг. // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 208–219.

5. Слепухин В. В. «Новый» человек в советской культурной политике 1920–1930-х годов // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 604–609.
6. Якушкин И. Г. Русская революция и советское государство. Политика и культура. Взгляд через сто лет : монография. Воронеж, 2017. 334 с.
7. Ченская Т. В. Государственная культурная политика как инструмент формирования советской идентичности в российской деревне (1926–1932 гг.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1(35). С. 51–54.
8. Шишкина Л. И. Споры о культуре. У истоков культурной политики советской власти // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. Т. 2. № 2(3). С. 289–308.
9. Бердяев Н. А. Философия неравенства / [сост., авт. предисл., с. 3–20, и примеч. Л. В. Поляков]. М., 1990. 285, [1] с.
10. Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1924. 422 с.
11. Овсянников В. П., Лепешкина Л. Ю. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Культурная политика» для студентов направления подготовки 033000. 62 «Культурология». Тольятти, 2013. 161 с.
12. Луначарский А. В. Искусство и революция : сб. ст. М., 1924. 230 с.
13. Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2 : материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 г.) / отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск, 2004. 222 с.
14. Гостева С. Р., Провадкин Г. Г. Эволюция культурной политики советского государства от становления до разрушения СССР // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2017. № 3(34). С. 149–153.
15. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2479. Л. 1.
16. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2485. Л. 4.
17. Лепешкина Л. Ю. Советская культурная политика и традиционные обряды народов Поволжья: опыт взаимодействия // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 725–735.
18. Лепешкина Л. Ю. Традиционные обряды и ритуалы жизненного цикла в повседневной культуре народов Среднего Поволжья : XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01; [Место защиты: Саратов. гос. техн. ун-т]. Тольятти, 2011. 222 с.
19. Суханов И. В. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления. Горький, 1973. 256 с.
20. Угринович Д. М. Обряды. За и против. М., 1975. 175 с.
21. Вересаев В. В. К художественному оформлению быта (об обрядах старых и новых) // Красная новь. 1926. № 1. С. 160–177.
22. Российский этнографический музей. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1220. Л. 9.

Пуховская Наталья Евгеньевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Россия, г. Ростов-на-Дону, puhovskaya@sfedu.ru

УДК 32(5) (082. 1)

Особенности политической культуры Германии: искажение исторической памяти и формирование национальных мифов

Аннотация. Статья посвящена изучению немецких национальных мифов с учетом контекста и своеобразия разных исторических эпох, в рамках которых формировались различные ценностно-смысловые конструкции. Диапазон немецких национальных мифов разнообразен, но все они характеризуются политической ангажированностью. Благодаря национальным мифам немецкая интеллектуальная и политическая элиты не только формировали национальную идентичность, конструировали историческое прошлое, но и умело манипулировали общественным сознанием, что отразилось на специфике политической культуры Германии и своеобразии социально-политической модели поведения немецкой нации.

Ключевые слова: Германия, империя, политическая культура, национальные мифы, историческая память, элита, интеллектуалы, немецкий язык, немецкая культура, нация.

Natalia Pukhovskaya

Candidate of Sciences in History, associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Some features of the political culture in Germany: the distortion of historical memory and the formation of national myths

Abstract. The article is devoted to the study of German national myths within the context and uniqueness of different historical epochs in which various value-semantic structures were formed. The range of German national myths are diverse but they are all characterized by political engagement. Through national myths, German intellectuals and political elites not only formed a national identity and constructed a historical past but also skilfully manipulated public opinion, which affected the specifics of German political culture and the uniqueness of German national socio-political behaviour pattern.

Key words: Germany, empire, political culture, national myths, historical memory, elites, intellectuals, the German language, German culture, nation.

Значимость исторической памяти трудно переоценить, ввиду того что она является необычайно важной категорией для определения национального самосознания, идеалов, ценностей, потенциальных возможностей и перспектив развития того или иного народа. К сожалению, во все времена был велик соблазн изменить, трансфор-

мировать историческую память и создать новый, более «удачный» конструкт национальной истории. Германия демонстрирует уникальный пример манипулирования собственной исторической памятью, создания идеологических мифологем и использования национальных мифов в политической практике на протяжении нескольких веков.

Основы немецких национальных мифов были заложены еще в период Священной Римской империи германской нации. Это время в немецкой истории возводится в абсолют, поскольку немцы обладали лидирующими позициями в рамках многонациональной империи. Политическое руководство в Священной Римской империи принадлежало немецкой знати, а саму империю, созданную саксонским герцогом Оттоном I, принято считать первым немецким Рейхом.

Усилить собственную значимость и величие в рамках империи среди прочих народов можно было путем формирования немецких национальных мифов, практика создания которых восходит к XV–XVI векам. Так, например, в 1455 году была найдена работа Тацита «Германия», написанная в конце I века н. э. и повествовавшая о германских племенах, которая послужила отправной точкой для создания одного из самых популярных и востребованных немцами мифа о национальном превосходстве, о «чистой» нации. Немецким гуманистам очень импонировали рассуждения Тацита о благородстве немецких племен, что было взято за основу для формирования безупречного образа немца, наделенного мужеством, храбростью, отвагой, который противопоставлялся испорченным и безнравственным римлянам и их наследникам итальянцам.

Обращает на себя внимание тот факт, что негативные характеристики и пороки немцев, которые описывал Тацит, немецкие гуманисты решили обойти вниманием, что является важным индикатором начавшегося мифотворчества в немецкой истории. К сочинению Тацита будут обращаться представители немецкой элиты в эпоху романтизма, а также идеологи пангерманизма.

Еще одним излюбленным приемом немцев тогдашней, да и последующих эпох станет миф о превосходстве немецкого языка, начало которому будет положено в связи с переводом Библии Мартином Лютером на литературный немецкий язык.

Таким образом, уже в эпоху гуманизма стали закладываться черты немецкого имперского сознания, которое еще более укрепилось в связи с начавшейся Реформацией, родоначальником которой был немецкий богослов Мартин Лютер. Реформация ознаменовала не только масштабные преобразования в католицизме и европейском сознании, но и представляла собой уникальную возможность формирования немецкого национального движения, которое «в случае успеха могло бы привести к образованию национального государства» [1, с. 39]. Однако этого не произошло.

Настоящей трагедией в немецкой истории стала Тридцатилетняя война, которая отбросила немцев назад, закрепила раздробленность, партикуляризм, во многом предопределила исторические и политические перспективы развития нации, а также способствовала формированию новой социальной психологии, повлиявшей на вектор политической культуры.

В XVIII веке немецкий юрист Карл Фридрих фон Мозер писал: «У всякой нации есть свои движущие пружины: в Германии — это покорность, в Англии — свобода, в Голландии — торговля, во Франции — честь короля» [2, с. 111]. Эти слова прекрасно объясняют глубокие последствия Тридцатилетней войны для Германии. С одной стороны, война породила в массовой психологии жестокость, с другой — тотальную покорность. Тридцатилетняя война не столько своей суровостью, сколько своей полной неоправданностью, иррациональностью, как казалось немецким гражданам, разрушила все нормы прежнего морального и общественного уклада рядового немца. «Теперь он научился бояться — не наказания за что-либо, не загробного суда, а бояться вообще, бояться силы и унижаться перед ней» [2, с. 111]. Этот психологический травматизм во многом предопределил поведенческую специфику нации, заложит основы национального мифологического сознания, которые будут оказывать мощное воздействие на формирование политических предпочтений немцев, а следовательно, и немецкой политической культуры.

Окончание Тридцатилетней войны привело к эпохальным преобразованиям в Европе: вместо Священной Римской империи, которая сохранила лишь формальное существование, появились новые суверенные государства, а для немцев Вестфальский мир означал не только крушение имперских притязаний и амбиций, но надолго превращал в эфемерность мечты о едином государстве.

В таких крайне неблагоприятных для немецкого народа обстоятельствах интеллектуальная элита создавала новые стратегии с целью формирования национального самосознания. Концептуальный подход, предложенный немецкой элитой, делал ставку на значимость немецкого языка, который должен был стать основополагающим компонентом и цементирующим началом в формировании национального самосознания и национальной идентичности.

Итак, предпринимаются вполне успешные попытки сформировать на основе немецкой языковой культуры национально ориентированные и национально-патриотические чувства в среде немецкого народа. К числу таких инициатив можно отнести: формирование дворянско-бюргерских обществ любителей немецкого языка; основание Г. В. Лейбницем немецкой Академии; чтение лекций исключительно на немецком языке начиная с 1687 года известным правоведом и философом эпохи Просвещения Х. Томазием; основание им первого научного журнала «Ежемесячные беседы» на немецком языке, ориентированного на широкую публику с целью расширения кругозора и образованности.

Подобного рода просветительские реформы были направлены не только на формирование немецкой национальной идентичности, но и представляли собой попытку доказать своим более успешным европейским соседям собственную историческую и культурную состоятельность. Более того, возведя идею образования (*Bildungsidee*) в абсолют, немецкие интеллектуалы полагали, что образование не только выполняет роль «всеобщего идеала и общепринятого постулата», несет «в себе мощный заряд универсальных ценностей», но и является хранителем немецкого «культурного единства» и придает «смысл всей предшествовавшей немецкой истории» [3, с. 18].

Появившаяся в конце XVIII века концепция И. Г. Гердера о «народном духе» «подчеркивала значение языка, культурных особенностей, истории, обычаев в формировании наций» [4, с. 117]. Безусловно, автор концепции предпринял попытку разрушить устоявшееся традиционное представление о нации, в рамках которого «нация» трактовалась как правящая элита или как общая по происхождению группа людей. Согласно концепции Гердера основным признаком нации является языковая и культурная общность, основанная на исконно народных корнях. По мнению Гердера, язык — «печать нашего разума» [4, с. 117]. Позиция Гердера вполне понятна, ведь «другие народы жили реальной политической историей», «защищали прочно основанное государство», для них «нация была ясным политическим понятием, для немцев — гигантской, безбрежно растекающейся призрачной грезой» [5, с. 98]. Для того, чтобы в восприятии немцев концепт нации обрел вполне реальные характеристики и черты в условиях отсутствия государства, Гердер использовал прием, который шел вразрез с общепринятыми трактовками, зато был для немцев более доступным, понятным, убедительным и репрезентативным. Такие приемы, предлагаемые интеллектуалами, приобретут в немецкой среде статус респектабельных и востребованных концепций, несмотря на то что они формировали устойчивые национальные мифологемы, закладывающие основы для будущей националистической идеологии.

Французская оккупация, распространившаяся на всю Германию после поражения Пруссии в 1806 году, не только вызвала рост антифранцузских настроений, но и со всей очевидностью в очередной раз обнажила неудачи немцев. Именно в этот период, зимой 1807—1808 года, один из представителей немецкой классической философии И. Г. Фихте произнесет в Берлине знаменитые «Речи к немецкой нации». Философ прекрасно понимал, что немецкий народ, переживший горечь поражения и унижения, нуждается в идеологической «подпитке», благодаря которой должен поверить в исключительность своей судьбы. Для укрепления национального самосознания и значимости он называет немцев пранацией, наделенной национальным духом, для которой «характерными чертами являются: верность, порядочность, честь, простота» [6, с. 161]. По мнению Фихте, другие народы демонстрируют лишь «мертвящий дух» [6, с. 177], более того, они даже «не народ, так как они на деле собственно и не существуют, то и не способны иметь национальный характер» [6, с. 194], а значит, и претендовать на всемирно-историческую миссию.

Как только немцы, по замечанию Г. Гейне, начинали подозревать, что все-таки могут существовать вещи, обладание которыми было бы желательно (например, создание своего национального государства. — *Н. П.*), то «немецкие философы весьма мудро учили их сомневаться в существовании таких вещей» [7, с. 369], точнее сказать, в необходимости обладать такими вещами. Например, отсутствие национального государства, по убеждению Фихте, не должно огорчать немцев, ведь они «связаны более высоким порядком вещей» [6, с. 189]. Фихте весьма виртуозно убеждал немцев следовать примеру апостолов и первых христиан, которые «посредством своей веры в небесное царство поднялись над землей и настолько отказались от ее дел, государства, земного Отечества и нации, что даже не обращали внимания на них»

[6, с. 190]. Философ призывал немцев любить народ и Отечество, которые «находятся намного выше государства, в обычном смысле слова — выше общественного порядка» [6, с. 197]; он был уверен, что верность языковым и культурным традициям, а также нравственное воспитание приведут немцев к более совершенной эпохе, колоссальному успеху, к осуществлению их исторической миссии. Стоит признать, что националистический потенциал особой миссии немцев, возвышающей их над всеми другими народами, в концепции Фихте смягчался общечеловеческой направленностью этой миссии.

Первое десятилетие XIX века будет отмечено расцветом немецкого романтизма, центром которого стал Гейдельбергский университет, объединивший литераторов, равнодушных ко всему немецкому: языку, истории и литературе. Отличительной особенностью гейдельбергского романтизма было глубокое разочарование в современности, в связи с чем они предпринимают попытку безжалостной критики капиталистической эпохи. По мнению романтиков, капитализм характеризуется тем, что «реальностью становятся вещи, которым еще десять лет тому назад было отведено место в доме сумасшедших» [8, с. 61]. Парадокс современной эпохи, с их точки зрения, в том, что «домашнее стало общегосударственным, захолустность — столичной и прославленной, инициатива и дарования открылись там, где их никто не подозревал» [8, с. 53]. Более того, экономические отношения капиталистической эпохи, по мнению представителей гейдельбергской школы, формируют «мертвые, безликие силы, отменяющие всякие иные ценности, это в них источник современных трагедий и повседневных тихих драм» [8, с. 338].

За этим романтическим протестом просматривались серьезные мировоззренческие мотивы. Романтики Гейдельберга, испытав трагизм наполеоновской оккупации, понимая неустроенность немецкой исторической судьбы, драматизм бесконечного немецкого отставания и невозможность для немцев конкурировать с европейскими странами, которые в условиях капитализма и начавшейся модернизации демонстрировали экономическую мощь и политическое величие, избрали для себя тактику неприятия и критики современной эпохи.

Действительность была такова, что даже в начале XIX века немцы не могли «отталкиваться от крупных событий, личностей и перспектив» современности, им оставалось лишь обращать свои взоры и фантазии к событиям и «легендам далекого прошлого» [5, с. 98]. Гейдельбергские романтики прекрасно понимали, что «внеисторическое и внеполитическое сознание немца считало великим немецким временем Средневековье, Священную Римскую империю Карла Великого и Гогенштауфенов», что именно этот период истории позволяет ощутить «упоительное предчувствие забытой мощи, потускневшего блеска имперского величия» [5, с. 98].

Понимая, что немецкое величие застряло в далеком Средневековье, а будущее слишком туманно и призрачно, романтики решили «достойно ответить на англо-французский вызов» в Европе, доказав, что немцы являются представителями «особой исторической миссии» [9, с. 210]. Романтики Гейдельберга (А. Арним, К. Брентано, братья Гримм и др.) разработали идеологию национально-народнического харак-

тера, которую можно назвать почвеннической. «Почвой» служила им старая Германия, в частности, они обращались к тем пластам народной культуры, где национально-культурное своеобразие проявлялось весьма ярко. Внимание поздних романтиков было обращено к фольклору, древнему эпосу, сказкам и легендам. По мнению гейдельбергских романтиков, «миф, сказка, песня, язык передаются из века в век, в них сохраняются качества национальной культуры, обладающие постоянством, в них содержится субстанция народной жизни, они... “характеристичны”» [8, с. 325]. Надежда на «национальную культуру, которая через образованное сословие заставит считаться с собой в политическом отношении», была основным пунктом политического ангажмента гейдельбергских романтиков [10, с. 235].

Благодаря усилиям Арнима и Brentано в 1805, 1806 и 1808 годах были опубликованы своды немецких песен, а заслугой братьев Гримм стала публикация в 1812 году народных сказок, что способствовало сближению немецкой культуры с народной традицией, ее истоками.

Романтики уделяли особое внимание античным, средневековым и современным мифам. Их любовь к мифам неслучайна ввиду того, что «фантастика, вошедшая в миф, хотела быть истиной и действительностью» [8, с. 62], «неявное, возможное представлено в мифе на равных правах с действительным и явным, без различия между ними, чаще всего с преимуществами в пользу возможного» [8, с. 60]. Мифы являлись благодатной средой, в рамках которой сложно отделить вымысел от истины, поэтому гейдельбергские романтики с большим усердием принялись за переделку, дописывание существовавших ранее мифов, а также успешно сочиняли новые, благодаря чему они внесли колоссальный вклад в конструирование героического прошлого и создание безупречной «биографии немецкой нации». Представители гейдельбергской школы создавали «наиболее успешные версии “национальной истории”», которые необходимо было «плотно “упаковать”, подвергать неизбежному отбору и даже сознательной селекции фактами (событиями, лицами, высказываниями)», с тем чтобы «не оставить места для конкурентных версий и критического разбирательства, для выбора между правдой и вымыслом» [11, с. 447].

Представители гейдельбергской школы также предпринимают попытку объединить немецкую нацию путем создания образа врага в лице евреев. Например, Арним «к персонажам-евреям относился безжалостно», он описывал их как «детально точную противоположность воображаемой «немецкой сущности» [10, с. 352–353] и убедительно доказывал, что деятельность евреев «систематически подрывает священные ценности христианского германства» [10, с. 374]. Арним предупреждал, что «попытки благодушных немцев рассматривать евреев как равноправных членов общества изначально обречены на неудачу» [10, с. 2]. Brentано также выступал с позиций безжалостного антисемита, его антисемитские взгляды стали проявляться в период с 1809 по 1815 год, хотя прежде его тексты не были отмечены враждебным отношением к евреям. По замечанию исследователя М. Пушнера, «Brentано создавал такие “старые немецкие песни”, которые отвечали запросам и вкусам тогдашней немецкой публики, а потому были патриотичными и антиеврейскими» [10, с. 430]. Таким образом,

образ врага в лице евреев был сконструирован романтиками, а не адептами немецкого национализма конца XIX века, как считалось ранее.

Во многом сфабрикованная романтиками «национальная история» будет развиваться в русле концепции «особого немецкого пути», послужит основой для утверждения иррационализма, а также будущих расистских, националистических и антисемитских теорий. Однако следует признать, что национализм, используемый романтиками, выполнял функцию не оппозиционной, а исключительно интеграционной идеологии, направленной на консолидацию немецкой нации.

Несмотря на попытки интеллектуальной и творческой элиты создать безупречный образ немецкой нации, тем не менее немцы еще долгое время не смогут презентовать себя с позиций национальной исключительности. Самосознание немцев еще не прониклось стремлением к подвигу, призывом к борьбе, активной деятельности. По замечанию В. О. Ключевского, «в начале XIX в. в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и более пренебрегаемого соседями, чем немцы» [12, с. 38]. Историк О. Ю. Пленков констатирует, что даже «в середине XIX в. немцев считали непрактичными, мечтательными обывателями, абсолютно непригодными к практической созидательной работе, способными разве что к музыке, философии, богословию» [13, с. 112].

Германия весьма уверенно и амбициозно заявит о себе и собственной значимости после создания империи в 1871 году. Германская империя будет успешно и динамично развиваться, демонстрируя невероятные успехи во всех сферах, что позволяло немцам «быть убежденными в своем моральном, научном, духовном превосходстве» [13, с. 184]. Спектр немецких притязаний в этот период пополнился экспансионистской направленностью, ведь «опоздавшая» к мировому территориальному разделу нация стремилась наверстать упущенное, а потому демонстрировала свои слишком претензионные внешнеполитические амбиции. Немецкие политики, идеологи, интеллектуалы указывали на вопиющую «несправедливость», суть которой заключалась в отсутствии у Германии колоний. «Германская нация при разделе земли... осталась ни с чем. Чтобы устранить это неудовлетворительное для нации состояние, необходимы практические и энергичные действия», — заявлял немецкий государственный, общественный деятель, известный колонизатор Карл Петерс [14, с. 16]. Немецкий историк Герман фон Трейчке считал, что экспансионистская политика откроет «бесконечно серьезные перспективы» для немцев, позволит им «компенсировать упущения целых столетий», поэтому он предлагал «оттеснить государства второго плана назад» [15, с. 42].

Экспансионистский и даже агрессивный внешнеполитический курс кайзеровской Германии требовал теоретического обоснования, а значит, создания новых национальных мифов, которые грамотно и убедительно могли бы доказать «факт» германской геополитической ограниченности. Именно поэтому невероятной популярностью в Германии будут пользоваться теоретические разработки Ф. Ратцеля, основоположника немецкой геополитики. Ратцель впервые введет в оборот термин «жизненное пространство» (Lebensraum). Спекулируя на этом понятии, он будет убедительно дока-

зывать, что высококультурным народам требуется большая территория. Применительно к Германии Ратцель утверждал, что «характер пространства, занимаемого немцами, не соответствует ни темпам роста народонаселения, ни уровню культуры, ни “динамическому потенциалу” нации» [16, с. 114]. Геополитическая доктрина Ратцеля являлась откровенным призывом к активной внешнеполитической экспансии. Апологет и последователь концепции Ратцеля К. Хаусхофер придерживался аналогичных взглядов, он закрепил за немцами статус «народа без пространства» [16, с. 115].

Немецкие интеллектуалы активно формировали новый пласт национальных мифов. Так, например, внешняя экспансия Германии с их подачи трактовалась в качестве «национально-нравственного обязательства» немцев, а «географические объекты “обязательств” располагались по всему миру — в Европе, Африке, России, Южной Америке, Австралии, Океании» [17, с. 109]. Немецкий генерал Фридрих фон Бернгарди «определил войну как “биологическую необходимость” для нации» [18]. Трейчке «провозгласил войну высочайшим проявлением человеческой личности»; «проповедь мира в наши дни, по его замечанию, позорна и аморальна» [19, с. 130]. Подобная риторика была весьма распространенной, ведь Германия отныне выступала с позиций «менталитета преуспевающей державы» в Европе [20, с. 66]. А обоснованием мессианско-цивилизаторской роли Германии в мире должна была стать идея об «исключительности немцев», в этой связи наблюдался рост интереса к «немецкой идее» и «немецкому духу», которые активно популяризировал Ницше [17, с. 109]. Таким образом, во второй половине XIX века формировалась идеологическая основа для пропаганды культа силы, превосходства, милитаризма, национализма.

В кайзеровской Германии активно развивались расовые концепции. Невероятной популярностью в конце XIX и в начале XX века пользовалась работа «Опыт о неравенстве человеческих рас» француза Ж. Гобино, основоположника арийской расовой теории. Основываясь на далеких от истины антропологических данных, Гобино утверждал о превосходстве белой расы среди прочих. Подлинным сокровищем белой расы Гобино считал арийцев, к числу которых он относил немцев, проживавших на западе Германии, по Рейну и в Ганновере, а также французов, англичан, голландцев, скандинавов. Немцев, которые жили на востоке и юго-востоке, Гобино не причислил к арийцам [19, с. 135]. Однако немецкие политики, идеологи, философы не обращали особого внимания на этот досадный элемент в теории Гобино, тем более что его можно было легко устранить, прибегнув к фальсификации, которая стала излюбленным методом в создании немецкой истории.

Последователем Гобино стал англичанин Х.-С. Чемберлен, который принял германское подданство, женившись на дочери известного немецкого композитора Р. Вагнера. Чемберлен в своей работе «Основы XIX века» не только охотно развивал идеи Гобино, но и выступал поборником «чистоты расы», призывая к борьбе против смешения рас. Он настоятельно предостерегал арийцев от заражения «чистой расы» «еврейским духом» [16, с. 113]. Чемберлен заложил основы для развития «евгеники» — «науки» о расовой чистоте, которая будет поставлена на службу античеловеческой, антигуманной нацистской политике. В концепции Чемберлена, которая так же,

как и теория Гобино, являлась псевдонаучной и германофильской, представлены антидемократические мотивы и ярко выраженный антисемитизм.

Антисемитизм в Германии существовал и в более ранние времена, однако во второй половине XIX века появился «расовый антисемитизм», который означал новую форму ненависти к евреям и откровенно призывал к их уничтожению [21]. Популярность антисемитских воззрений в Германской империи набирала обороты, по этой причине создавались различные партии и объединения антиеврейской направленности: в 1881 году в Дрездене была создана «Немецкая партия реформ», в 1886 году в Касселе — «Немецкая антисемитская ассоциация», в 1890 году в Эрфурте — «Антисемитская народная партия», количество подобных организаций постепенно увеличивалось [21]. В 1890 году антисемитам удалось получить пять мандатов в рейхстаге, а в 1893 году их представительство возросло до 16 [21].

«Примерно с 1890 г. началось распространение неведомых до тех пор биологическо-расистских вариантов антисемитизма, ставшего социально-приемлемым» в Германии [20, с. 65]. Антисемитизм был распространен не только в высших кругах немецкого общества, но идеями ненависти к евреям проникались и обычные немецкие граждане. Восприятие таких «научных теорий» в Германской империи стало нормой, и это не удивительно, ведь на протяжении длительного времени немцам прививали иррациональное мышление, веру в несуществующие «истины». По справедливому замечанию Л. Н. Толстого, немца приучали к мысли о том, что он «знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [22, с. 44].

Итак, для мобилизации и внутреннего единения «опоздавшей» нации, а также для того, чтобы придать убедительность и респектабельность своим дерзким политическим и властным амбициям, имперская политическая и интеллектуальная элиты охотно фабриковали новые национальные мифы, которые зиждились на стремлении к гегемонии, чувстве превосходства, ощущении собственного величия и самобытного развития, а значит — на расизме, антисемитизме, иррационализме, национализме и милитаризме.

Первая мировая война кардинально изменила историческую судьбу Германии. Серьезным испытанием для немцев было не только поражение в войне, но и крушение империи, а значит, крушение исторических надежд и перспектив. Еще не утраченное немецкое имперское сознание со всей очевидностью ощутило собственную беспомощность перед лицом новых вызовов и перемен. «Монархия и государство, по справедливому замечанию Э. Фромма, для немцев были мощной скалой, на которой мелкий буржуа строил свое существование, их крушение разрушило основу его жизни» [23, с. 208]. Монархия вселяла в немцев «чувство уверенности и нарциссической гордости», «индивид чувствовал, что принадлежит к стабильной социальной и культурной системе», а «недостаток его уверенности в себе и агрессивности компенсировался силой власти, которой он подчинялся» [23, с. 207].

Действительно, специфика немецкой истории заключалась в том, что на протяжении длительного времени в Германии формировалась (в том числе и благодаря национальным мифам) особая политическая культура, «получившая в исторической

науке определение “гомогенное общество подданных” [24, с. 181], означающее политическую незрелость нации. Трудно не согласиться с точкой зрения М. Вебера, который констатировал, что «политически незрелая немецкая нация, свыкшаяся с жизнью в “футляре”», обладала лишь «трусливой волей к бессилию», ощущала несколько десятилетий дух «безопасности», «укрытости под покровительством начальства», теперь столкнулась с пониманием того, что будущее «кладет конец безопасности», впредь уже не будет «защищенности социальных и материальных привилегий и интересов исторической легитимности помазанников Божьих» [25, с. 143].

Второй рейх для немцев означал триумф, могущество, стабильность и безопасность, а появившаяся вместо него республика с демократией, либерализмом, парламентаризмом и прочим набором западных ценностей вместо восхищения и восторга вызывала лишь уныние и печаль.

Республика в сознании немцев означала крушение предшествующих национальных проектов, она противоречила немецкому национальному духу, она была чужда ментальным установкам немецкой нации — отсюда стойкое ее неприятие и отчуждение. Неприятие республиканской формы правления вполне объясняется и тем, что нация, лишенная политической воли и политической традиции, воспринимала новый виток развития государства как исторический коллапс.

Стоит признать, что немецкая нация, лишенная либеральных компонентов в своей прежней политической практике, вместо того чтобы приступить к освоению принципов демократических прав и свобод, формированию гражданского общества, отказавшись от консерватизма и прочих архаичных проявлений в политической среде, в период Веймарской республики вновь погрузилась в создание новых мифов и спекуляцию на «особом историческом пути» Германии, который сознательно противопоставлялся странам Запада.

Это был излюбленный метод, который немцы неоднократно использовали для демонстрации своей исключительности. Уже Г. Гейне в первой половине XIX века остроумно высказывался о своеобразии немецкого восприятия свободы по сравнению с другими европейскими народами. Так, он подметил, что немцы любят свободу, но «иначе, чем другие народы. Англичанин любит свободу, как свою законную жену... француз — как свою избранницу и невесту... немец любит свободу, как свою старую бабушку... Если когда-нибудь, боже упаси, свобода исчезнет в целом мире, немецкий мечтатель вновь откроет ее в своих мечтах» [7, с. 369]. Столь метафоричное высказывание Гейне позволяет не только почувствовать разницу между немецкими и англо-французскими предпочтениями, но и убедиться в наличии характерного для немецкой нации иррационального мышления, которое позволяло немцам открывать в своих мечтах новые горизонты ожиданий и надежд, а значит, вновь додумывать, дописывать собственную историю, то есть конструировать мифы. Это немецкое качество сохранилось и даже приумножилось в начале XX века.

Веймарская республика была периодом активного мифотворчества в немецкой политической культуре. На фоне угнетенного психоэмоционального состояния нации, которая была переполнена чувством обиды, уязвленного самолюбия, разочарования,

пессимизма, стала формироваться идеология нового немецкого национализма, основанная на противопоставлении «немецкого духа» и немецкой культуры ценностям западной демократии. Немецкие интеллектуалы стали активно использовать данный прием, формируя тем самым искаженное восприятие действительности и заражая соотечественников патологическим неприятием западных ценностей. Так, например, влиятельный немецкий публицист в 20-е годы XX века писал: «Капитализм и парламентаризм, будучи доктринами западного происхождения», для нас «вредны, они противоречат нашему духу и существу. Они подвергают опасности нашу народность, они нас уничтожат» [13, с. 214]. Невероятным поборником идеи национальной исключительности был Т. Манн, по мнению которого, «Германия по своему существу и в соответствии со своей миссией — это страна протеста против Запада, против держав “цивилизации”» [13, с. 221]. С точки зрения Т. Манна, «тот, кто хочет сделать из Германии буржуазную демократию в западном смысле и духе, тот лишает ее наиболее прекрасного, весомого, своеобразного, делает ее скучной, тупой, ненемецкой» [13, с. 221].

Антизападная, антилиберальная, антидемократическая направленность новых немецких национальных мифов являлась индикатором глубочайшего кризиса немецкого сознания. Антизападная риторика стала проявлением немецкой рефлексии на сложившуюся историческую несправедливость и неудовлетворенность существующим положением. Моральная дезориентация немецкой нации создала благодатную почву для манипулирования общественным сознанием и прорастания в нем идеи немецкой исторической непохожести, своеобразия и закрепления в немецком менталитете антилиберального патриотизма.

В веймарский период «немецкая нация остро ощущала политическую, историческую, экономическую безысходность, но национальный эгоизм требовал возвращения политической культуре привычного авторитарного выражения, мессианской роли» [25, с. 146]. Именно поэтому немцы стремились вытеснить негативный опыт, сопряженный с поражением в войне, с помощью актуализации самобытного немецкого пути. Немецкая нация оказалась в очередной раз восприимчива к идеологии «особого пути» в силу того, что политические мифы являлись удобной формой снятия комплекса неполноценности, они упрощали действительность даже в условиях тотальной безысходности.

Апелляция к самобытному культурно-историческому пути нации в сочетании с концепцией особого «национального характера» позволили отвлечь массы от текущего положения дел, а ссылаясь на особенности «национального немецкого духа», погрузить их в сладостные грезы о будущем германском мировом величии. Немецкая нация, зараженная духом мистицизма и иррационализма, оказалась восприимчивой к политическому манипулированию, которое успешно применяли на практике идеологи и политические деятели праворадикального толка. Результатом подобного эксперимента стало крушение Веймарской республики, не сумевшей себя защитить и обезопасить от натиска откровенно националистических идей, утверждение которых обернулось при-

ходом нацистов к власти и подлинной трагедией не только для Германии, но и для всей Европы.

Итак, немецкая история демонстрирует уникальный пример проявления особой предрасположенности нации к символическому восприятию. Наиболее предпочтительной символической формой для немецкой нации в разные исторические периоды являлись национальные мифы, с помощью которых формировался наиболее приемлемый вариант немецкой истории, закладывались основы политической культуры и социально-психологической поведенческой модели немецкой нации. Немецкий опыт конструирования национальных мифов позволяет проследить процесс строгого отбора исторических событий, фактов, сюжетов, наполненных смысловой нагрузкой, которая соответствовала политической и исторической конъюнктуре. Чрезмерное увлечение символическими формами, которые по замыслу немецкой интеллектуальной и политической элиты должны были выполнять исключительно позитивную функцию, в частности формировать немецкую идентичность, в действительности оказалось инвестициями в аффективно-иррациональное будущее нации. Немецкая элита переоценила роль и значение мифов в собственной исторической и политической судьбе. Результатом такого мифотворчества явилось формирование устойчивых национальных стереотипов («особый путь», национальное превосходство, стремление к гегемонии), которые в сочетании с иррациональными ментальными особенностями немцев зачастую приводили либо к историческим ошибкам, либо к подлинной трагедии в немецкой истории.

Список использованной литературы

1. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770–1990 : пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб., 2003. 469 с.
2. Поршнева Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. 437 с.
3. Хряков А. Психология «особого пути» и немецкие историки (1920–1940-е годы) // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. А. Паина. М., 2010. С. 17–48.
4. Панченко В. А. Философы эпохи Просвещения о взаимосвязи языка и «национального духа» как отражения самобытности культуры этноса // Царскосельские чтения. 2014. Т. 1. Вып. XVIII. С. 116–120.
5. Ein Nachwort von Ernst Fischer // Heine H. Deutschland... Ein Wintermärchen. Berlin, 1946. S. 98–136.
6. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации : пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб., 2009. 348 с.
7. Гейне Г. Путевые картины. Английские фрагменты. Разговор на Темзе. // Гейне Г. Собр. с.соч. : в 10 т. М., 1957. Т. 4. 512 с.
8. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. 568 с.
9. Раков В. М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь, 1999. 254 с.

10. Puschner M. Antisemitismus im Kontext der Politischen Romantik Konstruktionen des «Deutschen» und des «Jüdischen» bei Arnim, Brentano und Saul Ascher. Tübingen, 2008. 590 S.
11. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.
12. Ключевский В. О. Собр. соч. : в 9 т. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. Т. 1. 431 с.
13. Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. 570 с.
14. Krätschell H. Carl Peters 1856 bis 1918. Ein Beitrag zur Publizistik des imperialistischen Nationalismus in Deutschland. Berlin, 1959. 93 S.
15. Treitschke von H. Politik. Vorlesungen, gehalten an der Universität zu Berlin. Hrsg. von Max Cornicelius. Aufl. 5. Leipzig. 1922. Bd. 1. 576 S.
16. Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., 1978. 208 с.
17. Пуховская Е. Ю. География, геополитика, пангерманизм: у истоков немецкой харизмы // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2010. № 1(4). С. 106–115.
18. Kruse W. Nation und Nationalismus. 27.09.2012. URL: [http://www. bpb. de/geschichte/deutsche-geschichte/kaiserreich/138915/nation-und-nationalismus](http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/kaiserreich/138915/nation-und-nationalismus)
19. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха : пер. с англ. с предисл. и под ред. О. А. Ржешевского : в 2 т. Т. 1. М., 1991. 653 с.
20. Штойлляйс М. История публичного права в Германии. Веймарская республика и национал-социализм : пер. с нем. О. Г. Субботина. М., 2017. 661 с.
21. Benz W. Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. 27.11.2006. URL: [http://www. bpb. de/politik/extremismus/antisemitismus/37948/19-und-20-jahrhundert](http://www.bpb.de/politik/extremismus/antisemitismus/37948/19-und-20-jahrhundert)
22. Толстой Л. Н. Война и мир : в 4 т. М., 1983. Т. 3–4. 701 с.
23. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2018. 286 с.
24. Нагорная О. С. Национальный миф Танненберга и политическая культура Германии 1914–1934) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 208 с.
25. Пуховская Н. Е. Национал-социализм и «особый путь» Германии // Сборник статей научной конференции «Природа фашизма и методология его предотвращения» (Ждановские чтения) от 18 октября 2016 г. Ростов н/Д, 2017. С. 141–147.

Кишш Кальман,

PhD, старший преподаватель, Ньиредьхазский Университет, Венгрия, Ньиредьхаза,
drkisskalman@gmail.com

УДК 811.161.1

Преподавание русского языка в военных целях в Венгрии в конце XIX – начале XX века

Аннотация. После поражения в 1866 году в Прусско-австрийской войне Вена стремилась утвердить свои позиции на Балканах, которые в отношении славянских народов (сербов и болгар) находились также в сфере интересов царской России. В 1867 году была создана Австро-Венгерская монархия, поэтому, готовясь к возможной конфронтации на поле боя, некоторые офицеры были обязаны изучать русский язык и в венгерских гарнизонах, и в будапештской Военной академии им. Лудовики. В статье на основе материалов, сохранившихся в Архиве военно-исторических документов, представлены аспекты преподавания русского языка в военных целях в десятилетия перед Первой мировой войной.

Ключевые слова: политические отношения между Австро-Венгерской монархией и Россией; русский язык в военных целях, Военная академии им. Лудовики.

Kiss Kalman

PhD senior lecturer, University of Nyíregyháza

Military-purpose russian language teaching in hungary in the late 19th and early 20th century

Abstract: After losing the Austro-Prussian War in 1866, Vienna sought to streng its position on the Balkans which, because of the Slavic peoples (Serbs and Bulgarians) was part of the influence zone of Tsarist Russia. In 1867, the Austro-Hungarian Monarchy was founded and, in an effort to prepare for a possible battlefield conflict, Hungarian garrisons and some officers of the Ludovika Military Academy in Budapest were obliged to learn Russian. This pape rresents some episodes of the history of military-purpose Russian teaching in decades prior to World War I., based on documents, kept in the Military History Archive.

Key words: political tension between the Austro-Hungarian Monarchy and Russia; History of teaching Russian language in Hungary; military-purpose Russian language teaching; Circumstances and methods of military-purpose Russian language teaching; Russian language teachingat the Ludovika Military Academy in Budapest.

Прежде чем приступить к представлению вопроса, обозначенного в заглавии статьи, я хотел бы коротко сказать о том, чем характеризовалось преподавание русского языка в Венгрии в недавнем и в более далёком прошлом. В наши дни уже однозначно видно, что в результате общих стремлений Евросоюза и процесса всемирной глобализации первым и для большинства людей единственным иностранным языком стал английский. Другие, раньше популярные для изучения европейские языки (преж-

де всего немецкий, французский, русский) значительно уступают английскому языку в популярности сегодня.

Известно, что русский язык после Второй мировой войны в Венгрии, как и в других бывших социалистических странах, был обязательным школьным предметом. Этот язык у нас ввели сначала в качестве единственного обязательного иностранного языка, который из-за нехватки кадров был спешно усвоен нашими прежними преподавателями других иностранных языков. Они учили русский язык на интенсивных курсах и преподавали на основе «доцено дисципус», то есть опережая своих учеников в усвоении русского языка только на несколько уроков. После революции и освободительной борьбы 1956 года изменился статус русского языка: он был уже не единственным иностранным языком, зато всё ещё оставался обязательным предметом, который преподавался на всех уровнях школьной системы. Эта позиция русского языка изменилась лишь в 1989 году, когда он стал в школах предметом факультативного выбора.

Возможно, не всем известно, что этим двум периодам предшествовал в более далёком прошлом ещё один период, для которого было также характерно изучение русского языка по свободному выбору. Разницей между теперешней ситуацией и ситуацией первого периода можно назвать то, что в то время инструментами международного общения в европейской среде, помимо английского, было больше языков (французский и для народов Средней Европы — немецкий).

В ходе своих научных исследований я искал ответ на вопросы: когда и в каких областях жизни возник интерес в Венгрии к изучению русского языка до 1945 года, какова была мотивация у лиц, решивших изучать этот язык, кто и какие учебники помогали им в усвоении русского языка, которым в то время владело у нас так мало людей [1].

По малочисленным источникам, относящимся к этому вопросу, можем сказать, что первый период изучения русского языка в рамках школы охватывал сто лет. Возможность для знакомства с русским языком сначала открылась для студентов (Буда)Пештского университета. Они могли изучать русский язык на лекциях Йозефа Ференца, профессора кафедры славянской филологии. Кафедра, как и в австрийской столице, Вене, была открыта в 1849 году с целью исследования языков и культуры славянских этнических групп, проживающих на территории Габсбургской империи, в том числе и в Венгрии.

В последней четверти XIX века в Венгрии наблюдается интерес к изучению русского языка не только у студентов, интересующихся славянскими филологическими или историческими вопросами, но и в среде других венгров, которые начинают изучать язык в практических целях. С этого времени появляются произведения русских поэтов и писателей, переведённые не через посреднические языки (французский и немецкий), а прямо с русского оригинала. Лингвисты, ведущие исследования для определения родственных связей венгерского языка с языками европейских и азиатских народов, учат русский язык для успешной коммуникации во время исследова-

тельских поездок по России, где проживали представители финно-угорской языковой семьи.

А с конца XIX века начинается преподавание русского языка как предмета по выбору в Будапештской торговой академии и в Техническом университете им. Палатина Йожефа, чьи студенты после окончания учёбы желали воспользоваться знанием русского языка в целях установления контактов в торговой, экономической и технической сферах. Венгерские предприниматели и предприятия ожидали больших заказов из России, но события внешней и внутренней политики в наших странах в начале XX века не содействовали этому.

Помимо названных территорий, где проявлялся интерес к изучению русского языка в Венгрии, следует сказать о преподавании русского языка в военных целях, которое в полной мере зависело от актуальных политических отношений и дипломатических контактов между Россией и Австрией.

На вопрос, каким образом могли оказать влияние контакты этих двух больших империй на преподавание русского языка в Венгрии, мы находим ответ в венгерской истории. На отношение венгров к России оказали влияние административные меры, принятые Габсбургами. На периферии этой ситуации находилось то, что Венгерское королевство после поражения от турок в 1526 году в течение почти четырёхсот лет существовало в рамках Габсбургской империи. В эти столетия, в большей мере в результате стремлений австрийцев, Венгрия стала многонациональным государством. В северо-восточных комитатах жила одна из этнических групп славян — рутены, или, как они называли себя, *русины*. Они говорили на разных диалектах украинского языка. После подавления освободительной борьбы венгерского народа против Габсбургов в 1849 году в Венгрии наступил период абсолютистского правления страной, на которое венгры отвечали «пассивной резистенцией»: они отказывались выполнять распоряжения австрийцев, не принимали участия в административном управлении комитатов.

После 1849 года, в период угнетения венгров Австрией, русины, как и другие этнические группы, получили от Габсбургов больше самостоятельности в культурном отношении. Воспользовавшись этой возможностью, русофильская группа русинских интеллигентов (это были, скорее всего, священники греко-католической церкви) продвигала идею создания литературного языка для русинского народа, считая, что русины являются ветвью великорусского народа. Отсюда следовало, что не нужно создавать литературный язык на основе русинских говоров, а нужно просто распространить среди русинского населения великорусский язык в качестве литературного языка [2]. Вот как пишет Н. А. Бескид о радости русинов, когда они встретились с русскими царскими войсками, пришедшими по просьбе Габсбургов подавить освободительную борьбу венгров в 1849 году: «Ведь эти солдаты были русские — свои, представляли они силу и могущество русского царя, на помощь которого уже давно надеялись. Пережитое впечатление подняло сердца, укрепило чувство любви к родному краю и созданию единства русского племени» [3].

С начала 1870-х годов русофилы оттеснились русинофилами, которые представили будущее русинов в пределах Венгерского королевства. Укрепление русинофильского направления произошло не случайно, а на фоне внешней и внутренней политики. С середины 1860-х годов позиция Австрии на внешнеполитической сцене резко изменилась — ведь в Прусско-австрийской войне Австрия потерпела поражение, которое обозначало для Австрии потерю своей прежней доминанты в западноевропейской политике. Желая и в дальнейшем продемонстрировать свою силу на сцене европейской политики, Вена стремилась расширить и утвердить свои позиции на Балканах, которые в отношении славянских народов (сербов и болгар) находились тоже в сфере интересов царской России.

В результате предшествующих договоров в 1867 году была создана Австро-Венгерская монархия, в которой, помимо самостоятельности в решениях о вопросах внутренней жизни страны, существовали «три общих портфеля»: министерство иностранных дел, министерство внутренних дел и министерство финансов (для их финансирования).

Что касается отношений между Австрией и Россией, можно сказать, что с конца 1870-х годов несколько раз бывали серьёзные напряжения отношений между двумя империями, но с помощью дипломатии вплоть до Первой мировой войны удалось избежать военного столкновения. Первая напряжённая военная ситуация содалась тогда, когда в ходе Русско-турецкой войны Австро-Венгрия вместе с Англией пожелали поддержать Турцию. Другая возможность для военного столкновения появилась в 1887 году, когда в напряжённой ситуации, возникшей из-за болгарского вопроса, недалеко от австрийских границ началась концентрация русских войск. Благодаря дипломатии войска Австро-Венгерской монархии и Русской империи не сражались, но угроза возможного столкновения оставалась реальной и в следующие десятилетия.

Отношение Венгрии к царской России было важной темой для прессы последней четверти XIX века. Этим вопросом занимались не только газеты и журналы, изданные для гражданской публики, но и специализированные военные журналы. В венгерских военных журналах «Вестник Военной академии им. Лудовики» (Ludovika Akadémia Közlönye) и «Военный вестник» (Katonai Lapok) регулярно публиковались статьи, целью которых было представление военной силы, оборонительной способности, системы железных дорог России, типов оружия, сильных и уязвимых мест русской армии. В более напряжённые периоды количество статей резко возрастало.

Успешное окончание войны может зависеть и от того, насколько воюющие стороны знают язык противника, поэтому в мирное время в обучении офицеров обращалось внимание на преподавание языка командования армии врага. Статья, опубликованная в «Вестнике Военной академии им. Лудовики» в 1883 году, ссылается на сообщение военного журнала «Русский инвалид», в котором пишется о том, что небольшую часть офицеров в русской армии обязывали быть в курсе австро-венгерского боевого устава и изучать венгерский язык. На необходимость владения венгерским

языком автор статьи указывает следующими словами: «Ведь какова польза той письменной информации, которую никто не может прочитать и понять?» [4, о. 1105].

В начале 1870-х годов венгерское военное руководство издало распоряжение о преподавании русского языка для венгерских офицеров, но на основе архивных материалов можно заключить, что в первую пору надежды военного руководства не оправдывались. Этот же факт подтверждает и статья, опубликованная в венгерском журнале «Военный вестник», в которой сообщается о том, что в венгерской армии, а также в общей (австрийско-венгерской) армии русским языком владеет меньше одного процента офицеров, и это далеко не соответствует ожиданиям [5].

Автор статьи даёт объяснение безуспешного обучения русскому языку. В гарнизонах этот язык преподаётся только в зимние месяцы, с декабря до начала апреля. Из-за праздников и обязательных задач военного обучения этого периода слишком мало времени остаётся для преподавания русского языка, к тому же план обучения позволяет только два урока для занятия русским языком в неделю. Несмотря на прилежную подготовку к занятиям русского языка, офицерам нелегко добиться хороших результатов. Автор сам признает, что он учит этот язык уже десятый год, но практически безуспешно. Иногда, продолжает автор, проблемой может быть и то, что преподаватели не владеют русским языком в нужной мере. В интересах успешного преподавания языка автор предлагает ввести языковые курсы регулярно, преподавать русский язык ежедневно и обязать участников в конце курса сдавать экзамен. Он предлагает военному руководству премировать офицеров, достигших лучших результатов на экзамене. По мнению автора статьи, другим путём для обеспечения полков офицерами, владеющими русским языком может быть и направление по два офицера из каждой бригады в Будапешт для обучения на курсах русского языка в Военной академии им. Лудовики [6].

Хотя решение об открытии Военной академии было принято уже в 1808 году, она смогла начать свою работу только в 1872 году. Причина была в том, что венгерский король, который одновременно был монархом Габсбургской империи, не разрешил вести обучение венгерских офицеров на родном языке (только на немецком), а венгры не были склонны согласиться с этим условием [7].

В результате компромисса между Австрией и Венгрией в 1867 году открылась возможность для обучения студентов в венгерских вузах на венгерском языке. В Военной академии им. Лудовики помимо предметов военного содержания преподавались и иностранные языки: сначала немецкий, французский, хорватский, а потом с 1887 года и русский. Преподавателем французского и русского языков был назначен бывший ученик Военной академии им. Лудовики старший лейтенант Эден Хорн. Его владение иностранными языками в какой-то мере связано с событиями венгерской истории: его отец, Эде Хорн, работал государственным секретарём министерства торговли, но, будучи сторонником борьбы за венгерскую независимость в 1848—1849 годах, был вынужден бежать из Венгрии от австрийцев. Он нашёл работу во Франции, где в 1864 году родился его сын Эден Хорн. После внезапной смерти отца в 1875 году мальчика стал воспитывать его дядя, который работал корреспондентом

том французского экономического журнала в Санкт-Петербурге. В 1881 году Эден Хорн вернулся в Венгрию и после экзамена на аттестат зрелости стал студентом Военной академии им. Лудовики. С 1885 года он преподавал в Военной академии французский, а с 1887 года и русский язык [8].

По поручению министра обороны для облегчения обучения русскому языку военных Эден Хорн написал книгу на венгерском языке, которая вышла в свет в 1893 году под заголовком «Краткая военная грамматика русского языка с венгерско-русским и русско-венгерским словарями» (Rövid katonai orosz nyelvtan magyar-orsz és orosz-magyar szótárral) [9]. Слово «грамматика» в заглавии книги в то время было общеупотребительным термином в учебниках иностранного языка. Но большинство учебников того времени имели больше разделов (грамматика, письменные задания, разговорная часть, словарь и т. д.). Хотя с помощью книги Э. Хорна офицеры учили русский язык в мирное время, автор собрал грамматический материал очень целесообразно, стремясь представить только самые нужные сведения о русской грамматике. Автор подробнее говорит о глаголах, так как они, по его мнению, образуют «скелет» языка. Большое внимание уделяется «разговорной» части, которую по праву можно назвать «военной», ведь в ней даются полезные фразы, используемые в «военных» ситуациях.

Тематика «разговорной части» учебника Э. Хорна широка, она начинается с общеупотребляемых фраз и выражений военной жизни и продолжается в тематических разделах (аванпост, реквизиция, дорога, лес, железная дорога, мост, село, деревня, время, ресторан, купец, портной, врач и т. д.), представлении сокращений названий родов войск (батальон, эскадрон, рота и т. д.) и единиц измерения.

Несколько примеров из фраз военного характера: «Эй, стой! Скажи правду, не ври!» В главе «Постой»: «Сколько конюшен в деревне и на сколько лошадей? Одна рота будет поставлена на стой. Войско прибудет через два часа». В главе «Реквизиция» находим такие фразы, как, например: «Вам нечего бояться, мы австро-венгерские солдаты». А потом вежливые фразы становятся более строгими: «Знаем, что в деревне большой запас продовольствия. Не скрывайте его от нас, мы всё-таки его найдём». Необходимые выражения для солдат на аванпосте: «Стой! Сдавайся! Бросьте оружие на землю! Ты перебежчик? Вас заведут к командиру».

Третьей, тоже очень полезной частью учебника Э. Хорна является Словарь (венгерско-русский и русско-венгерский), в котором представлено примерно полторы тысячи слов «военного» содержания.

О результатах студентов в усвоении русского языка на курсах преподавателя Э. Хорна можно судить на основе немногочисленных сводок, сохранившихся среди архивных документов Военной академии им. Лудовики. В сводках Э. Хорн докладывает о том, кто и в какой мере смог усвоить материал, какими устными и письменными навыками владеют учащиеся на территории русского языка. Из сводок видно, что курсы русского языка посещали обычно меньше десяти офицеров, и в конце курса одна часть умела писать и читать по-русски довольно хорошо, но другой части не

удалось достичь этого: они были ещё на начальном этапе и поэтому могли понимать только «лёгкие тексты» [10].

Э. Хорн преподавал русский язык в Военной академии им. Лудовики до 1895 года, позже его работу продолжил капитан Йожеф Шармаи [11]. Из архивных документов следует, что преподавание русского языка в Военной академии им. Лудовики прекратилось в 1908 году, и после этого в документах академии нет никаких сведений о дальнейших курсах русского языка для офицеров.

Следует еще отметить книжку, которая вышла в свет в 1900 году. Её автором был старший лейтенант Деже Бодицки, преподаватель Военной академии им. Лудовики. Книжка Д. Бодицки носила интересное название: «Карманная книга русского языка для военного пользования» (Orosz zsebkönyv katonai használatra) [12]. Составлением этой короткой работы (она содержит всего лишь 26 страниц) автор желал дать в руки своих товарищей самый важный материал для облегчения коммуникации с русскими солдатами в «тяжёлых» ситуациях. Благодаря карманному размеру воины могли взять с собой книжку и на фронт.

Накануне Первой мировой войны вышла книжка венгерского автора Ласло Надя для солдат: «Венгерско-итальянско-русская разговорная книжечка для военной службы с указанием правильного произношения» (Magyar-olasz-orosz társalgókönyvecske hadi szolgálatra a helyes kiejtéssel) [13]. «Гримасой» истории можно считать тот факт, что во время издания книги и в начале Первой мировой войны Италия ещё стояла на стороне Австро-Венгерской монархии, но в 1915 году она объявила войну своим союзникам. Таким образом, венгерским солдатам пришлось пользоваться этой трехязычной разговорной книжкой на двух фронтах: на русском и итальянском.

На вопрос, открылась ли возможность для венгерских офицеров вообще использовать своё знание русского языка, усвоенное в мирное время на языковых курсах в гарнизонах или в Военной академии им. Лудовики, нельзя ответить однозначно. С одной стороны, потому, что мне не удалось найти в архивных материалах или в воспоминаниях бывших венгерских офицеров такой информации. С другой стороны, к сожалению, имеются сведения о том, что многие венгерские офицеры пали в боях уже в начале войны и судьба им оставила возможность разговора на русском языке только на небесных полях боя.

Список использованной литературы и архивных материалов

1. A magyarországi orosznyelv-oktatás első korszaka (1849–1949) / Kiss Kálsán; Kossuth lajos tud. -egu. Bölcsészettud. kar. Debrecen : Kossuth egy. kiadó, 1995. 123 old.
2. Mayer Mária. Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések (1860–1910). Budapest : Akadémiai Kiadó, 1977. 255 old.
3. Бескид Н. А. Ставровский-Попрадов Ю. И. Ужгород : Изд. Культурно-просветительного общества им. А. Духновича в Ужгороде, 1929. Вып. 50. 83 с.
4. Ludovika Akadémia Közlönye. 1883. 1105–1109.
5. Ludovika Akadémia Közlönye. 1887. 874.
6. V-i: Az orosz nyelv a hadseregben. In: Katonai Lapok, 1892. III. 20. 69.

7. Dezséri Bachó László (szerk.). A Magyar Királyi Honvéd Ludovika Akadémia története. Bp., 1930. 1003 old.
8. Szinnyei József: Magyar írók élete és munkái. IV. Budapest, 1896. 1098.
9. Horn Ödön: Rövid katonai orosz nyelvtan magyar-orosz és orosz-magyar szótárral. Budapest, 1893.
10. Hadtörténelmi Levéltár: Ludovika Akadémia anyagai: 1890/263.
11. Hadtörténelmi Levéltár: Ludovika Akadémia anyagai: 1908. évi iktatókönyv/720, 1499.
12. Bodiczky Dezső. Orosz zsebkönyv katonai használatra. Budapest : Grill, 1900. 26 old.
13. Nagy László. Magyar-olasz-orosz társalgókönyvecske hadi szolgálatra a helyes kiejtéssel. Budapest, 1913.

Хашеми Ошанк

аспирант, Гентский университет, Бельгия, г. Гент, oshank.hashemi@ugent.be

УДК 351.85

Культурная политика современной России: читать Пушкина, поддерживать Путина

Аннотация. Начиная с третьего срока президентства Путина в политическом дискурсе России наблюдается парадигматический сдвиг в сторону нормативного, эссенциалистского понятия культуры на государственном уровне. В стратегии культурной политики РФ, принятой в 2014 году, подчеркивается важность определения российской идентичности в духовном, культурном и национальном смыслах и ставится цель восстановления русского культурного кода с четкими ориентирами на Русскую православную церковь, российскую историю и традицию. С 2014 года Россия ведет политику активного вмешательства в культурную жизнь страны, оказывая финансовую помощь культурным институтам и отдельным лицам, поддерживающим прогосударственную культурную риторику, и, напротив, используя репрессивный аппарат против оппозиционных деятелей культуры и искусства. В данной статье автор рассматривает стратегии государства в отношении литературного образования и культуры чтения в контексте текущей культурной политики. Автор формулирует ответ на основные вопросы, формирующие российскую культурную политику путинского режима: «Кто мы?» и «Кем мы желаем быть?»

Ключевые слова: основы государственной культурной политики 2014 года, пропаганда чтения, Год литературы – 2015, национальный канон, Общество русской словесности.

Hashemi Oshank

PhD candidate at Ghent University (Belgium, Ghent)

The Cultural Policy of Putin's Russia: Reading Pushkin, supporting Putin

Abstract. Since Vladimir Putin's third presidential term began, the Russian state's political discourse on culture has undergone a paradigmatic shift from a relatively liberal and pluralistic conception of culture toward a normative, centralised and essentialist understanding of culture and cultural institutions. Adopted in 2014, the cultural policy of the Russian Federation emphasizes the importance of defining

Russian identity within a spiritual, cultural and national framework. The current cultural policy is highly instrumental and aims to restore Russian cultural codes with clear guidance from the Russian Orthodox Church as well as Russian history and tradition. Since 2014, the Russian state has pursued a cultural policy of direct active intervention in the cultural life of the nation, has provided financial assistance to those cultural institutions that support a pro-state cultural hegemony and has employed an apparatus of repression against oppositional cultural figures. In this article, the author will describe the strategies, that are employed by the current Russian state with regard to literary education and reading Russian classical literature, and how do these strategies relate to Russia's contemporary cultural policy. This study will conclude by addressing the questions that inform Putin's cultural policy, namely, "Who are we?" and "Whom do we want to be?"

Key words: The foundations of Russia's 2014 state cultural policy, promoting reading, Year of Literature 2015, National Literary Canon, The Russian Literature Society.

Начиная с третьего срока президента Владимира Путина в политическом дискурсе России наблюдается парадигматический сдвиг в сторону нормативного, эссенциалистского понятия культуры на государственном уровне. С 2014 года Россия ведет политику активного вмешательства в культурную жизнь страны, оказывая финансовую помощь культурным институтам и отдельным лицам, поддерживающим прогосударственную культурную риторику, и, напротив, используя репрессивный аппарат против оппозиционных деятелей культуры и искусства.

В данной статье мы остановимся на том, как государство регулирует культурную жизнь страны в сферах литературного образования и культуры чтения. Особенно важной эта тема видится нам потому, что в России классическая литература выступает «в качестве предмета национальной гордости и представляется наиболее важным символическим капиталом отечественной культуры» [1, с. 22].

В рамках данной статьи мы ответим на следующие вопросы: как российское государство определяет культуру? Каковы актуальные стратегии государства в отношении литературного образования и культуры чтения? Мы также сформулируем ответ на основные вопросы культурной политики современной России: «Кто мы?» и «Кем мы желаем быть?»

Ключевым документом, на котором основывается политика государства в сферах литературного образования и культуры чтения, является документ под названием «Основы государственной культурной политики».

Данный документ был утвержден Указом Президента Российской Федерации 24 декабря 2014 года. Надо отметить, что формально документ не является законом и потому обладает меньшей юридической силой. Однако до тех пор, пока не принят «Закон о культуре» (а разработка этого закона все время откладывается), «Основы» «остаются единственным программным документом, на который опирается в своих решениях министерство и по которому живет вся культурная отрасль» [2, с. 2]. Поэтому «Основы государственной культурной политики» (далее — «Основы») скорее являются «идеологическим манифестом и концептуальной базой» для решений министерства культуры» [2, с. 2].

В «Основах» культура рассматривается в эссенциалистском ключе, то есть русская культура и российские культурные установки и традиции предстают таким образом, словно они состоят из неизменных, вечных постулатов. В соответствии с таким

видением культуры государство исходит из позиции, что российских граждан характеризует особенный менталитет. Документ определяет его следующим образом: «...Ментальность российского народа — совокупность интеллектуальных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих россиянам» [3, с. 8].

В свою очередь культура — это «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)» [3, с. 7]. К этому добавляется, что культура — «это духовный опыт страны (нации) и набор моральных и этических ценностей, которые должны быть переданы будущим поколениям», поскольку «культура России — такое же ее достояние, как и природные богатства» [3, с. 4–5]. Исходя из этого определения, можно сказать, что культура воспринимается государством как своего рода «музей», национальное достояние, состоящее из определенных артефактов и ценностей, которые государство при помощи культурной политики должно сохранять и оберегать от любых внешних влияний.

Целью государственной политики, с одной стороны, является «формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития» [3, с. 9]. С другой стороны, ее целями, среди прочего, также являются «укрепление гражданской идентичности; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования, и передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» [3, с. 10].

Проект «Занимайся чтением» (2012)

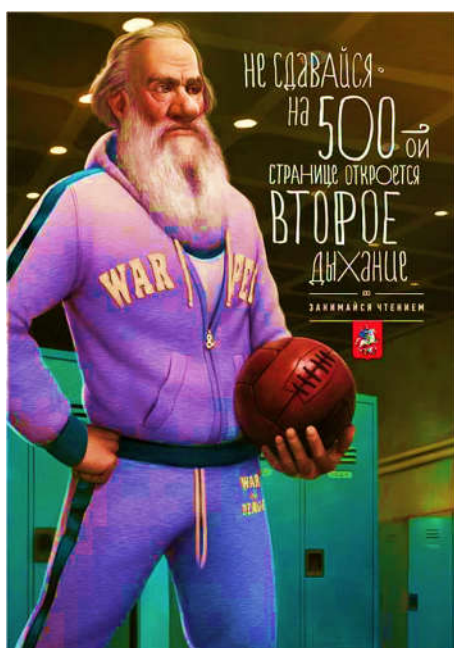
В 2013 году Владимир Путин выступил на Российском литературном собрании, где подчеркнул: «...Главная и, уверен, общая тревога — это сегодняшнее падение интереса к книге, особенно среди молодёжи. Наша страна, некогда самая читающая в мире, уже не может претендовать на это почётное звание» [4]. Исходя из этого заявления, Путин призвал принять государственную программу для поддержки детского и юношеского чтения. Целью этой программы должно стать «повышение статуса чтения, читательской активности и улучшение качества чтения, развитие культурной и читательской компетентности детей и юношества, а также данная программа должна стать важным инструментом сохранения и развития культуры России, поддержания и приумножения богатства родного языка, что будет способствовать решению жизненно важных проблем, достижению стратегических целей развития страны» [5].

Вслед за данным обращением президента, в «Основах» было отмечено, что государство должно принять меры «по возрождению интереса к чтению» и расширить доступ граждан к произведениям классической и современной отечественной и мировой литературы [3, с. 10].

Данному заявлению президента предшествовала организованная в 2012 году по инициативе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) и Союза книготорговцев кампания «Занимайся чтением». Ее целью стала популяризация классиков русской литературы: Толстого, Пушкина и Чехова, — на ре-

кламных плакатах писатели были изображены в образе спортивных тренеров [6, с. 4–8].

В ходе кампании «Занимайся чтением» проводилась идея о том, что навыки чтения полезны — они позволяют стать более здоровым и продвинутым, но только при условии регулярных тренировок, как в спорте. В плакате с Толстым, например, отмечается, что чтение требует от читателя выносливости, а текст плаката гласит: «Не сдавайся на 500-ой странице, откроется второе дыхание». На плакатах с Чеховым и Пушкиным отмечается, что чтение требует регулярных «занятий» и дисциплины: «Три подхода по 7 страниц ежедневно и результат заметен уже через неделю» или «Начинай с небольших текстов и постепенно увеличивай нагрузку».

Кампания «Занимайся чтением» является примером популяризации классики русской литературы, когда канонические авторы «говорят» на близком молодежи языке, а их образы проектируются средствами современной компьютерной графики, с которыми молодежь хорошо знакома. Помимо плакатов данная кампания сопровождалась рэп-песней известной группы «Fike». В музыкальном клипе на эту песню исполнитель представлен в образе Пушкина, которого сопровождают танцующие девушки и классики русской литературы — Гоголь и Достоевский. «Fike» поет о том, что надо набраться мужества и воли и дочитывать классику до конца, потому что «начитанный дух в начитанном теле» «двигает к цели» [6, с. 4–8].

Целью этой кампании является просвещение молодежи, попытка подтолкнуть ее к духовному саморазвитию. Невозможно не отметить некоторое сходство проекта «Занимайся чтением» с советскими практиками просвещения народа 20-х годов прошлого века. Например, можно провести параллели с кампанией «ликвидации безграмотности в РСФСР», которая была объявлена декретом Совета народных комиссаров РСФСР в 1919 году и для реализации которой так много сделал нарком просвещения Анатолий Луначарский. В рамках кампании ликбеза создавались плакаты, тексты которых гласили: «Долой неграмотность!», «От мрака — к свету. От битвы — к книге. От горя — к счастью», «Неграмотный — тот же слепой», «Если книг читать не будешь — скоро грамоту забудешь!» и др. [7, с. 75]

Конечно, в первую очередь, целью этой кампании было просвещение населения, призыв к получению навыков чтения и письма. Но, с другой стороны, эта кампания была явным инструментом большевистской пропаганды, при помощи которой они провозглашали свои ценности, стремясь мобилизовать народ на политическую борьбу [7, с. 75]. «Грамота — путь к коммунизму» — гласил один из плакатов московского Госиздата 1920 года. На плакатах 2012 года изображения и тексты, разумеется, изменились, но цель и основная риторика остались теми же: просвещение, но только в соответствии с теми ценностями и ментальными ориентирами, которые присущи текущему режиму.

Год литературы — 2015

Знаковым событием в рамках государственной просветительской программы, направленной на продвижение литературы и культуры чтения классики, стал объявленный в 2015 году «Год литературы». В ходе мероприятий «Года литературы» русская культура вообще и классическая литература в особенности представлялась как источник национальной гордости, которая должна объединить Россию в единую нацию.

Среди центральных событий «Года литературы» надо упомянуть фестиваль «Книги России», проводившийся на Красной площади в Москве, «Международный писательский форум «Литературная Евразия», проекты «Литературная карта России», «Библионочь — 2015», «Книги в больницы» и многие другие [8]. Мы же остановимся на самом масштабном событии «Года литературы» — на четырехдневном марафоне по прочтению «Войны и мира» Льва Толстого в прямом эфире телеканала «Россия Культура» [9].

Для того чтобы продемонстрировать объединяющую силу литературы, к участию в этом проекте были приглашены представители 24 российских городов и 10 городов ближнего и дальнего зарубежья, включая Берлин, Париж, Пекин, Вашингтон и даже космонавты на Международной космической станции. Всего в чтении приняли участие более 1300 читателей — представителей всех слоев общества — от министра культуры Владимира Мединского и председателя правительства Дмитрия Медведева до школьников и даже оленевода. Чтобы прочитать «Войну и мир» от первой до последней строки, телеканал «Россия Культура» выделил четыре дня, или 60 часов эфирного времени. В эфирных анонсах телеканала внимание зрителей акцентировалось на том, что роман несет в себе огромный патриотический заряд, а на видеотрансляции пресс-конференции, посвященной чтению романа, Фёкла Толстая, праправнучка великого писателя, заявила, что «Война и мир» — «великий эпос, огромный патриотический текст» [10, с. 56]. В соответствии с «Основами государственной культурной политики», в ходе чтения романа — самой масштабностью и патетичностью этого экранного события — подчеркивался цивилизационный статус России. Проводилась мысль о том, что Толстой и его эпопея, являясь неотъемлемой частью русской культуры, объединяют собой не только Россию, но и весь мир [10, с. 56].

Результаты «Года литературы»

Об эффективности национального проекта «Года литературы» свидетельствуют статистические данные ВЦИОМ, показывающие, что в любви к чтению в 2017 году признались 60% опрошенных против 48% в 2014 году. А среднее число книг, прочитанных среднестатистическим россиянином за последние три месяца, согласно опросу 1200 респондентов, возросло с 4,55 книг в 2014 году до 6,49 книг в 2017 году [11].

Однако рост этих показателей не характеризует литературные пристрастия россиян. Так, по данным ВЦИОМ 2018 года, лишь 26 процентов из 1600 респондентов предпочитают произведения классической литературы. Большинство опрошенных (31%) предпочитает читать книги для детей (в том числе — детям), а 30% опрошенных выбирает книги по истории и исторические романы [12].

	1992	2011	2013	2014	2017
Среднее значение	5.14	3.94	4.23	4.55	6.49

Общество русской словесности и формирование «национального канона»

Помимо инициирования различных проектов по популяризации литературы и пропаганде чтения, российское государство пытается максимально институционализировать литературу в формах общегосударственных организаций. Эти организации, соответственно, руководствуются принципами, заложенными в «Основах». Так, в рамках «Года литературы» была создана Литературная палата России [13], которая ви-

дит свою роль именно в инструментализации литературы, считая, что у литературы есть принципиально важные воспитательные, дидактические функции.

В марте 2016 года было сформировано Общество русской словесности, являющееся номинальным преемником Общества любителей российской словесности, созданного еще в 1811 году [14]. Эта организация призвана объединить профессионалов — литературоведов, филологов, учителей, деятелей культуры, — а также родителей учащихся в деле выработки решений по вопросам продвижения русского языка, популяризации отечественной литературы, филологического образования и поддержки юных талантов. Что примечательно, эта организация находится под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, получая, таким образом, недвусмысленную идеологическую, точнее, православную поддержку. На первом заседании «Общества...» патриарх отметил, что, несмотря на многообразие и противоречивость русской литературы, «она неуклонно и мужественно — всегда вела своего читателя к познанию высших духовно-нравственных ценностей, к познанию высшего смысла жизни, к познанию Бога» [15]. Кирилл также коснулся литературного образования в средних школах и заявил, что необходимо формировать «золотой канон» или «национальный канон» русской литературы, который должен стать национальным стандартом для всей России [15]. На этом заседании присутствовал сам Владимир Путин, который в своем выступлении отметил связь литературного образования с национальной идентичностью страны и подчеркнул, что русская классическая литература содержит в себе исконно русские ценности, которые необходимо беречь, потому что литература означает для русских «быть и оставаться русскими» [16].

Следует сказать, что планы по всемерному внедрению «государственного подхода» к литературе реализуются уже с 2013 года, когда Общественная палата РФ представила концепцию обязательной программы единого учебника по литературе, которая содержит рекомендации учителям о том, как правильно интерпретировать классику. Например, Татьяну Ларину из «Евгения Онегина» следует ценить за ее решение поставить свой брак выше любовных страстей, а Катерину из «Грозы» Островского надо осуждать за то, что она не была верна своему мужу [17].

Подобная стандартизация понимания литературы отнимает у учителей свободу трактовки, а у школьников — свободу индивидуальной интерпретации классических произведений. Более того, настойчивое внедрение клерикальных взглядов и идеологием в школьное образование принуждает учителей интерпретировать литературные произведения согласно «традиционным ценностям».

Председатель Общества русской словесности патриарх Кирилл в марте 2018 года призвал современных театральных режиссеров отказаться от свободной интерпретации литературной классики «ради самовыражения», потому что они таким образом «эксплуатируют классическое наследие, наполняя произведения признанных отечественных классиков принципиально иным ценностным содержанием» [18]. Этот призыв Кирилла согласовывается с выдвигаемой в «Основах» идеей о том, что русская классическая литература является национальным достоянием страны, которое надо защищать и сохранять.

В заключение следует сказать, что «Основы государственной культурной политики» являются ключевым инструментом и «методическим руководством» Министерства культуры Российской Федерации, применяемым как в конкретных культурных проектах, так и в общем деле популяризации литературы. Государство вновь, как и в советские времена, прибегает к патерналистским механизмам вмешательства в культурную жизнь страны и централизованного управления культурой с целью оказания желаемого влияния на духовное развитие молодежи. Так оно надеется воспитать в них патриотизм и традиционные ценности.

Вернемся к ключевым вопросам, формулирующим российскую культурную политику путинского режима, — «Кто мы?» и «Кем мы желаем быть?» и попробуем на них ответить. Полагаем, что «мы» в данном случае — особенная полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным кодом, а значит, идентичностью русского народа, русским языком и русской культурой. Таким образом, Россия стремится быть нацией с общей национальной идентичностью, основанной на традиционно-православной системе ценностей, претендующей, однако, на общемировое значение и культурную экспансию. Посредством проводимой культурной политики власти намерены сохранить и укрепить нацию, которая придерживается традиционных семейных ценностей и признает православие основой национальной духовной культуры России, готова служить отечеству и гордится его тысячелетней историей и культурой.

Список использованной литературы

1. Тимофеев М. Метаморфозы: классическая русская литература и ее творцы в современной России // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 44. P. 20–34.
2. Бедерова Ю. Искусство сложности капитулирует перед государством простоты // *Контрапункт*. 2016. № 4. С. 1–11.
3. Основы государственной культурной политики 2014. URL: <https://www.mkrf.ru/documents/project-document-public-discussions-1205140/> (дата обращения: 18.04.19).
4. Путин Владимир. Выступление перед Российским литературным собранием 2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19665> (дата обращения: 18.04.19).
5. Национальная программа поддержки и развития чтения 2013. URL: https://www.bookunion.ru/news/natsionalnaya_programma_podderzhki_i_razvitiya_chteniya/ (дата обращения: 18.04.19).
6. Boele Otto. *Ruslands gevecht tegen de ontleding en de strijd voor nationale eenheid* // *Levende talen magazijn*. 2017. Jaargang 104 (2017) 1. P. 4–8.
7. Kene, Peter. *The Birth of the Propaganda State Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. New York : Cambridge University Press, 1985. P. 70–83.
8. Год литературы в России – 2015. URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/59077/ (дата обращения: 18.04.19).
9. Официальный сайт проекта: URL: <http://voynaimir.com/about/> (дата обращения: 18.04.19).

10. Hudspith Sarah. Lev Tolstoy and Contemporary Russian Cultural Policy: Negotiating the Canon. // Russian Culture in the Age of Globalization / ed. by Vlad Strukov and Sarah Hudspith. Abingdon : Routledge, 2019. P. 42–67.

11. Читать или не читать? Свежий опрос ВЦИОМ зафиксировал значительный рост числа книголюбов в России. Этот рост происходит на фоне снижения покупок бумажных книг и роста электронных. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116580> (дата обращения: 18.04.19).

12. Любимые книги: что читают россияне? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9338> (дата обращения: 18.04.19).

13. Литературная палата России. URL: <http://litpalata.ru/> (дата обращения: 18.04.19).

14. Общество любителей русской словесности. Общественная организация г. Москва. URL: <http://olrs.ru/> (дата обращения: 18.04.19).

15. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Выступление на пленарном заседании Съезда Общества русской словесности. URL: <http://russlovesnost.ru/materialy-sezda/> (дата обращения: 18.04.19).

16. Путин, Владимир. Выступление на пленарном заседании съезда Общества русской словесности. 26.05.2016. URL: <http://russlovesnost.ru/materialy-sezda/> (дата обращения: 18.04.19).

17. Подосенов С. Островского и Тургенева ставят в школах на особый контроль. URL: <http://izvestia.ru/news/545948> (дата обращения: 18.04.19).

18. Глава РПЦ призвал театры не эксплуатировать классику ради самовыражения. URL: <http://russlovesnost.ru/2018/03/28/glava-rpts-prizval-teatry-ne-ekspluatirovat-klassiku-radi-samovyrazheniya-ria-novosti/> (дата обращения: 17.04.19).

Надь Иштван,

доктор филологии, профессор, университет им. Л. Этвеша, Венгрия, г. Будапешт, nagy_istvan@mail.ru

УДК 32.019.05

Актуальность Иштвана Бибо – мыслителя и философа

Аннотация. В статье раскрывается роль книги венгерского историка Иштвана Бибо «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств» (1946) в политической культуре Венгрии. Иштван Бибо в своей книге приходит к выводу, что для стран нашего региона всегда была характерна своего рода изначальная отсталость политической культуры, которая связана не в последнюю очередь с тем, что большинство наций Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы привязывали свои патриотические чувства к территориям, что поднимало проблему ущемления национального меньшинства. Территориоцентрический подход к разного рода политическим вопросам привел к такому однозначно отрицательному явлению, которое Бибо называет убожеством территориальных споров.

Ключевые слова: политическая культура, Иштван Бибо, территориальные споры, национализм и демократия, языковой национализм.

Nagy István

Dr. habil. Budapest University, Hungary, Budapest

The topicality of a Hungarian political scientist
and sociologist — István Biby

Abstract. The article focuses on the analysis of the book “The Miseries of East European Small States” by István Biby, with respect to the deformation of the political culture of Hungary and of East-Central Europe today and throughout history.

Key words: Europe, Bohemia, Hungary, Poland, political culture, the politician as Phony Realist

Прежде всего, следует подчеркнуть, что пишущий эти строки по профессии не социолог, не политолог, а литературовед, историк русской литературы, который в своей работе сталкивается в том числе с такими вопросами, как разница между русской и европейской культурой, соприкосновение русской литературной культуры и культуры средневропейских стран, социокультурное положение поэта и писателя в России и в странах Средней Европы — как в истории, так и в наши дни. Будучи директором Венгерского культурного центра в Москве десять лет назад, я сталкивался с упомянутыми вопросами, обсуждал их с учеными-коллегами, читал лекции в университетских аудиториях. Руководители Венгерского культурного центра в Москве считали своей миссией помимо всего прочего издание венгерской художественной и научной литературы. Отнюдь не претендуя на полноту списка изданий, хочу обратить внимание на следующие книги, вышедшие при поддержке Венгерского культурного центра в Москве.

В 2002 году вышел сборник «Венгры и Европа» (перевод с венгерского. Новое литературное обозрение. Москва, 2002), авторы которого задаются следующими вопросами венгерской культуры и общественной мысли в XX веке: что значит быть венгром и европейцем одновременно? Что такое национальный характер? Возможно ли взаимопонимание между Западом и Востоком? Кто повинен в расколе Европы? Что кончилось в 1989 году и что началось? Что есть национальная идея и можно ли ее сформулировать?

В 2000-х годах в серии книг «BIBLIOTHECA HUNGARICA» вышло около пятнадцати наименований, в том числе книги Иштвана Бибо: «О СМЫСЛЕ европейского развития и другие работы» (М. : Три квадрата, 2004) и «Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года» (М. : Три квадрата, 2005).

В 2009 году в серии «STUDIA HUNGARICA» вышел сборник статей под названием «Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII—XX вв.» (отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2009). Этот том «Центральноевропейских исследований» был посвящен памяти Тофика Муслимовича Исламова (1927—2004) — выдающегося российского специалиста по истории Венгрии и Австрии, знатока Новой и Новейшей истории Средней Европы.

В 2011 году Культурным центром были изданы две книги известных венгерских историков: «Распад Габсбургской монархии» Оскара Яси в переводе с английского (М. : Три квадрата, 2011) и «После революции» (М. : Водолей, 2011) известного историка и первого посла послевоенной Венгрии в Советском Союзе Дюлы Секфю. Именно в Москве, в особняке на Поварской (в то время улице Воровского) была написана упомянутая книга. И здесь нельзя обойтись без упоминания роли Коллегиума им. Этвёша, ибо он играл значительную роль в формировании взглядов историка национальной судьбы Дюлы Секфю. Как посол в Москве он писал: «Прежде всего, мы должны лучше узнать нашего соседа, к которому нас прибил ветер мировой истории».

Прежде чем приступить к нашей теме, позволю себе процитировать слова известного венгерского поэта начала XX века Эндре Ади. Его остроумное определение об историческом положении Венгрии *между* Западом и Востоком, стало цитатой: «Страна-паром, Страна-паром, Страна-паром — даже в самых талантливых своих снах она лишь ползала взад-вперед меж двух берегов: с Востока на Запад, но охотней — обратно».

Менее чем через пятьдесят лет после написания этих строк Иштван Бибо в своей книге «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств» (1946) приходит к такому выводу, что странам нашего региона всегда была свойственна своего рода изначальная отсталость политической культуры и поэтому наши народы уже по своему складу были не способными к демократическому развитию западноевропейского типа. Диалог между культурами старых и новых стран Европейского союза, да и в глобальном масштабе между Западом и Востоком, мягко говоря, оставляет желать лучшего и в наши дни.

Наш Фонд называется «Диалогорум», и этим самым выражается то, что мы на стороне *диалога*, которого нам иногда так страшно не хватает. Не хватает как в общеевропейском, так и в национальном масштабе. Возьмем хотя бы проблему миграции, вокруг которой в наши дни наблюдается настоящая истерика.

Что касается нынешней Венгрии, деформация политической культуры, нехватка культуры диалога дают о себе знать прежде всего в тех телевизионных передачах, где сидят за одним столом леволиберальные политологи (сегодня у нас определение «леволиберальный» однозначно клеймящее) и спорящие с ними проправительственные политологи, журналисты. Поскольку наша страна находится, по-моему, в состоянии фатального политического, духовного и ментального раскола (этот общенациональный раскол становится особенно заметным с 1990 года, со смены политической системы), вполне объяснимо и то, что немислим настоящий содержательный диалог между оппонентами. Следует подчеркнуть, за этот раскол несет ответственность венгерская политическая элита, несмотря на партийную принадлежность, включая, естественно, и правящую ныне коалицию партий. Конечно, я не знаю, какова ситуация в других странах региона, но у нас, в Венгрии, нехватка культуры диалога более чем очевидна. Если указать на ее несомненные симптомы, то приходится упоминать вот о чем: абсолютное опровержение и уничтожение своего противника, тотальное уничтожение дру-

гой точки зрения. Вместо диалога получается риторический спор, где важнее всего одержать победу над противником, а не приблизиться к истине. В конечном итоге получается вместо диалога *МОНОЛОГИЗМ*, а в монологическом мире, как известно, *tertium pop datur*: диалог (понимание другого), увы, не получается. Диалог обогащает присутствующих в нем, меняет их личность. У нас получается нечто другое. На проправительственной стороне — национальная самодокументация, национальное самооправдание, национальное самовосхваление — акцент на слове «национальное», ибо все, что происходит, совершается «именем нации», «во имя нации», «в интересах нации». Вся эта риторика с противоевропейским акцентом, потому что Евросоюз, так сказать, предает христианство и интересы национальных государств, а мы — защищаем то и другое. Это не что иное, как сознательная установка на дезориентацию слушателей радио и телезрителей. На другой стороне — так называемая оппозиция, леволиберальное крыло национальной элиты, леволиберальные политические партии, которые не способны согласовать свои позиции и которым также не хватает культуры дискуссии, культуры диалога. Потери велики, ибо повышенная самооценка противостоящих сил сопровождается развитием агрессивности в отношении «других», а в конечном счете, и против себя. Как в прошлом, так и в настоящем мы встречаем среди политиков так называемых «ложных реалистов». Бибо так называет политиков с бесспорным талантом, которым свойственна определенная доля хитрости и напористости. Благодаря этим качествам такие политики добивались и добиваются авторитета как «великие реалисты» и с успехом оттесняли и оттесняют на задний план политиков западноевропейского типа, клеймя их как «доктринеров» и «идеалистов», предателей европейских ценностей, поддерживающих миграционную волну и разрушителей христианства.

И здесь я опираюсь на основополагающую работу ученого и политолога Иштвана Бибо: «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств», которую можно прочесть и на русском языке. Эта книга является сплавом научной монографии и политического эссе. Бибо был оригинальным центральноевропейским мыслителем, историком, юристом, политологом. Для него характерно было стремление обнаружить глубокое историческое измерение современных ему конкретных социальных явлений. Актуальность упомянутой работы объясняется не в последнюю очередь той политической и исторической ситуацией, которая характерна как для Венгрии, так и для других стран Центральной и Восточной Европы. Бибо рассматривает в своей работе такие значительные политические вопросы, которые и ныне, более чем через семьдесят лет после публикации, во многих отношениях актуальны: проблема языкового национализма, проблема исторической Венгрии, комплекс Трианона, который Венгрия до сих пор не могла преодолеть (влияние Трианона на венгерское национальное сознание трудно переоценить), деформация политической культуры и национальный дух «ментальной клаустрофобии».

Центральные и восточноевропейские государства должны были в прошлом строго соотноситься с *этническим принципом и принципом демократического самоопределения*. Этого, однако, не произошло. Что касается исторического прошлого государств региона, они разочаровались в демократии как силе сплочения, и когда они

вновь оказались перед выбором между приверженностью идеям демократии и своими территориальными притязаниями, то без колебаний выбрали второе. Большинство наций Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы привязывали свои патриотические чувства к территориям, что создало проблему притеснения национального меньшинства. Что касается исторического прошлого, *национализм и демократия* редко находились в этих странах в органическом единстве.

С одной стороны, общественный престиж национальной интеллигенции и ее политическая культура были гораздо скромнее по сравнению с западноевропейской, а с другой — ее роль и ответственность с точки зрения национального бытия были гораздо более весомыми. Благодаря представителям различных гуманитарных профессий — писателям, лингвистам, историкам, священникам, учителям, этнографам — культуре отводилась чрезвычайно значимая роль, однако это означало не столько расцвет культуры, сколько ее *политизацию*. Политизация культуры наблюдается и в наши дни. Государства региона не обладали исторической преимуществом в ее западноевропейском понимании. Деформация политического характера объясняется состоянием дисгармонии между мечтами и реальностью.

Территориоцентричный подход к разного рода политическим вопросам привел к такому однозначно отрицательному явлению, которое Бибо называет *убожеством территориальных споров*. Центральная и Восточная Европа как наиболее критический регион часто тревожил Европу своими территориальными спорами. Эти споры нередко доводили до языковых войн (например, чешско-немецкой, венгерско-румынской и польско-украинской). Языковая война, за которой обнаруживается языковой национализм, часто приводит к обмену населением и депортации национальных меньшинств. Бибо приводит пример Чехословакии после войны, которая, как он пишет, «превзошла все каноны политики мелочного притеснения своих национальных меньшинств в использовании родного языка и их деэтнификации, выдвинув программу выселения всех неславянских национальных меньшинств». Однако Бибо не пропускает оценку происшедшего. Он пишет следующее:

«Если это и безумие (то есть программа выселения всех неславянских национальных меньшинств. — *И. Н.*), то в своем роде последовательное: чехи желают демократии для себя, желают обеспечить своей стране покой от национальных меньшинств, но при этом не хотят поступиться ни пядью своей территории, то есть желают иметь все сразу. Однако за этими притязаниями на все сразу стоит не сознание собственной силы, а страх, порожденный памятью о пережитой катастрофе» [1, с. 184]. Не исключено, добавляет к этому Бибо, что Чехословакия со временем будет переживать кризис совести за случившееся. Если взять общие черты в судьбах трех исторических государств, Польши, Венгрии и Чехословакии, можно установить следующее: с конца XVIII века они оказались перед исторической задачей возрождения нации. Все три государства, вступившие в борьбу с силами европейской реакции, одновременно столкнулись с недовольством своих национальных меньшинств. Когда эти государства разочаровались в демократии как в факторе сплочения и оказались вновь перед выбором между приверженностью идеям демократии и своими территориальными притязаниями, они выбрали второе. Польша и Чехословакия встали даже

на радикальный путь полного выселения национальных меньшинств. Здесь следует упомянуть о грустном факте в истории трех государств. Цитирую Иштвана Бибо: «В 1938 г. в связи чехословацкой трагедией Польша, которой угрожала такая же опасность, а также Венгрия не продемонстрировали даже жеста солидарности, который был бы естествен между малыми нациями в этой ситуации» [1, с. 224].

В то же время, что было характерно для этих государств, они обвиняли Европу в том, что она не помогала в критических ситуациях и таким образом осталась перед ними в долгу. Польша, например, как подчеркивает Бибо, в третий раз не выдержала тот же исторический экзамен, суть которого было бы установление отношений доверия с Россией в 1939 году. А в венгерском политическом сознании отпечатались два урока рокового опыта катастрофы 1849 года: с одной стороны, Европа оставила Венгрию на произвол судьбы в ее борьбе за независимость против Габсбургов, а с другой стороны, иноязычные национальные меньшинства были намерены воспользоваться демократическими свободами для своего отделения. Тяжелые исторические потрясения повергли все эти три нации в такое душевное состояние, что они были способны лишь *предъявлять претензии* мировому сообществу и, как Бибо к этому добавляет, забывать при этом о своих обязанностях и ответственности. В то же время ради справедливости следует подчеркнуть, что Европа в критические для этих стран периоды действительно оставила эти страны на произвол судьбы просто потому, что «большую часть типичной для Центральной и Восточной Европы проблемы перехода от исторических границ к границам языковым Западная Европа просто-напросто не поняла» [1, с. 242]. Не поняла потому, подчеркивает Бибо, что на Западе демократия — реальное и чрезвычайно важное политическое завоевание, а спор о языке — это не вопрос жизни и смерти.

Излагая условия заключения подлинного мира, автор книги приходит к выводу, что государство большинства должно обеспечить для национальных меньшинств максимальные возможности внутри имеющихся рамок и удовлетворить даже и самые дерзкие требования меньшинств. Бибо еще дополняет: «Но для этого нужно не бояться того, что отделение территорий с иноязычным населением приведет к гибели всей нации» [1, с. 213].

К этому еще хочется добавить: страх за экзистенциальное существование никогда не был надежным советником в решении национальных вопросов ни для государства большинства, ни для национальных меньшинств.

Список использованной литературы

1. Бибо Иштван «О СМЫСЛЕ европейского развития и *другие работы*». М.: Три квадрата, 2004. 480 с.

Игнаточкина Ольга Владимировна,

кандидат исторических наук, независимый исследователь, Россия, г. Москва,
olga.ignatochkina@gmail.com

УДК 327.0; 355.01

Вьетнамская война как внешнеполитический фактор трансформации культурной парадигмы американского общества

Аннотация. В данной работе исследуется влияние вьетнамской войны на культуру США второй половины XX – начала XXI века. Процесс трансформации культурной парадигмы автор разбивает на три этапа, в каждом из которых выделяет ключевые элементы культурного конструкта, на примере которых и демонстрирует формы и степень влияния войны во Вьетнаме на культурную сферу жизни американского общества.

Ключевые слова: Вьетнам, вьетнамская война, антивоенные и провоенные песни, кинематограф о вьетнамской войне.

Olga Ignatochkina

Candidate of Sciences in History, Independent Researcher, Russia

Vietnam War as a Foreign Transformation Factor in the Cultural Paradigm of American Society

Abstract. This paper examines the impact of the Vietnam War on the US culture of the second half of the twentieth – early 21st century. The author divides the process of transformation of the cultural paradigm into three stage. Each of stage identifies key elements of the cultural construct, by the example of which it demonstrates the forms and degree of influence of the Vietnam War on the cultural sphere of American society.

Key words: Vietnam War, anti-war and pro-war songs, films about the Vietnam War.

Вьетнамская война — самая продолжительная и самая неудачная внешнеполитическая кампания Соединенных Штатов Америки в XX веке. Длившаяся свыше десятилетия, она не могла не сказаться на внешней и внутренней политике США, на жизни его общества, сознании и мировосприятии его граждан. Американизация войны, подобно «агенту “оранж”» во Вьетнаме, привела к необратимым изменениям в американском обществе. Глеющие по всей стране очаги (против расовой дискриминации, студенческие протесты), распаленные горящими призывными карточками, взвились пламенем единого антивоенного протеста, собравшего сотни тысяч несогласных с внешнеполитическим курсом правительства по всей стране. «Вьетнамский синдром» поразил не только ветеранов Вьетнама, но и политиков, стремившихся новыми «маленькими победоносными войнами» (Никарагуа, Ирак) реабилитировать свое милитаристское реноме; и само американское общество, его мировоззрение, культуру и искусство.

В данной работе мы попытаемся выделить основные элементы культурного конструкта, которые сформировались и (или) трансформировались под влиянием войны во Вьетнаме. Под элементами культурного конструкта мы будем понимать те проявления культуры и искусства, которые являлись наиболее массовыми в исследуемый отрезок времени или имели наибольшую степень воздействия на сознание и мировоззрение членов американского социума. В первую очередь это фильмы — игровые и документальные, — в той или иной мере затрагивающие тему вьетнамской войны, а также некоторые популярные телевизионные шоу (сатирические мультсериалы для взрослой аудитории). Несомненно, влияние войны во Вьетнаме на культуру США не ограничивалось только лишь кинематографом и мультипликацией. Так, образовательный портал Digital History подсчитал, что этому вооруженному конфликту посвящено более 750 романов и повестей, 250 фильмов, 100 сборников рассказов и 1400 воспоминаний участников боевых действий [1]. Причем в этой статистической подборке не учтены про- и антивоенные песни, сочинявшиеся на протяжении всего «американского» периода вьетнамской войны, а также многочисленные поэмы и поэтические сборники за авторством участников и очевидцев событий [2].

Хронологически рамки нашей работы охватывают период с середины 1960-х годов по настоящее время. Процесс качественных и содержательных изменений в культурной парадигме можно разделить на три периода:

- середина 1960-х — начало 1970-х годов ;
- середина 1970-х — конец 1980-х годов ;
- 1990-е годы — настоящее время.

Первый период, середина 1960-х — начало 1970-х годов, характеризуется тем, что на фоне эскалации войны и активной государственной пропаганды нарастает социальный протест, формируется субкультура хиппи с ее идеологией пацифизма, возникает рок-музыка, становятся популярными песни антивоенной направленности. Во втором периоде — с середины 1970-х по конец 1980-х годов — на первый план выходит кинематограф, при помощи которого делаются попытки осмысления того, что всё-таки произошло во Вьетнаме и какие последствия это имело для американского общества. В третьем периоде, начавшемся в 1990-е годы и длящемся до сих пор, война во Вьетнаме продолжает оставаться горячо обсуждаемой темой в культурных, научных, политических и обывательских кругах. Параллельно формируется и начинает активно эксплуатироваться персонаж ветерана Вьетнама, который появляется в кино и телевизионных шоу.

Вмешательство США во внутренние дела Вьетнама началось еще после Второй мировой войны: сначала экономическое, затем военно-консультативное и, наконец, с 1964 года — вооруженное. Свои действия американские власти оправдывали «теорией домино», пугая общество мировым «коммунистическим заговором» [3], что в условиях холодной войны звучало довольно угрожающе.

В русле официальной пропаганды в 1965 году вышла в свет книга Р. Мура «Зеленые береты», бодро повествующая об элитном подразделении американской армии, действующем в условиях вьетнамской войны. Она становится бестселлером, и в

следующем году Р. Мур в соавторстве с вернувшимся из Вьетнама «зеленым берегом» Б. Сэдлером пишет не менее патриотичную песню «Баллада о зеленых берегах». Этот сингл стал самым продаваемым в 1966 году, в течение пяти недель он занимал первую строчку американских хит-парадов [4]. Годом ранее вышла песня американского трио «The Spokesmen» под названием «Dawn of Correction», в которой с первых строк пелось о том, что «у западного мира есть общая цель — освободить людей от красного господства». Популярность подобной продукции объясняется замешанным на традиционном американском патриотизме провоенным настроением рядовых граждан, которых регулярно окормляли «позитивными» новостями с фронта ангажированные правительством СМИ [5, с. 206].

Однако по мере того, как увеличивался контингент американских войск во Вьетнаме, ширился и антивоенный протест. Параллельно набирало обороты контркультурное движение. Здесь следует сделать отступление и сказать несколько слов о том, что 1960-е годы в США получили название «бунтующего», или «бурного», десятилетия. Этот период был наполнен движением за гражданские права афроамериканцев, протестами студентов против доминирования военно-промышленного комплекса в том числе и в академической среде, экспериментами в области культуры: движением битников, хипстеров, появлением новых направлений в музыке (психоделия, рок), формированием субкультуры хиппи. И если в политическом и социальном плане именно антивоенный протест явился объединяющим другие виды протеста движением, то в плане культурном выразителями неприятия войны во Вьетнаме стали главным образом музыканты и хиппи. Движущей силой протеста выступала молодёжь.

Как отмечает доцент истории университета Южная Каролина Л. Р. Скларофф, по мере расширения присутствия американских войск во Вьетнаме среди молодежи росло непонимание того, за что воюет страна. Песни помогали молодым людям выразить свой гнев и растерянность. Также музыка заполняла вакуум в медиапространстве, образовавшийся в результате цензуры и официальной пропаганды [6]. Львиная доля стихов и книг, а также практически все фильмы о Вьетнаме были созданы уже после окончания войны. В период же непосредственных военных действий попытки осмысления этого вооруженного конфликта реализовывались в первую очередь через музыку.

Список антивоенных песен, исполнявшихся с середины 1960-х по начало 1970-х годов, достаточно обширен. Он включает в себя как песни, написанные непосредственно в разгар войны во Вьетнаме, так и композиции, созданные ранее, но поднятые на знамена антивоенного движения. Например, исполнявшиеся безусловным музыкальным лидером протеста 1960-х годов тогда еще фолк-певцом Б. Диланом в качестве антивоенных песни были написаны им до введения американских войск во Вьетнам («Blowin' in the Wind» — 1962 год, «Master of War» — 1963 год). А песня «Fortunate Son» американской рок-группы «Creedence Clearwater Revival» — в 1969 году.

По мере увеличения американского военного присутствия во Вьетнаме росло как количество песен антивоенной направленности, так и их исполнителей. В 1965 го-

ду вышла композиция «поющего журналиста» и популярного исполнителя протестных песен Ф. Оукса «I Ain't Marching Anymore». В том же году впервые была представлена публике остросоциальная сатирическая песня основателя и фронтмена группы «Country Joe and the Fish» Кантри Джо Макдональда «I-Feel-Like-I'm-Fixin'-to-Die-Rag». Это был дебют группы. В 1967 году вышла песня не менее известного фолк-певца, общественного активиста, автора ставшей гимном бунтующей молодежи «We Shall Overcome» П. Сигера «Waist Deep in the Big Muddy». В том же 1967 году появились песни «For What It's Worth» молодого американского фолк-коллектива «Buffalo Springfield», «Saigon Bride» популярной фолк-певицы и левой политической активистки Дж. Баэз. В 1970 году — ставшая хитом антивоенная «War» соул-певца Э. Старра. Этот список можно продолжить. Поисковые системы на запрос «музыка эпохи Вьетнама» выдают десятки наименований. Эти песни стали символом эпохи. Многие из них были использованы в качестве звуковых дорожек в фильмах об Америке 1960-х, о войне во Вьетнаме. Они узнаваемы. Их неоднократно перепевали. Некоторые из этих песен стали частью не только американской, но и мировой культуры, а их авторы получили международное признание.

Известен и другой случай — когда обладающий популярностью поистине мирового масштаба и британским подданством музыкант, находясь в Канаде, сочинил песню, в рекордные сроки ставшую гимном американского антивоенного движения. Речь идет о Джоне Ленноне и его песне «Give peace a chance». Она была написана весной 1969 года, уже после выхода певца из группы «The Beatles». Запись этой песни завершила восьмидневный «bed-in» — «постельную демонстрацию» в целях содействия миру во всем мире, устроенную артистом вместе со своей женой Йоко Оно в номере отеля в Монреале. И хотя Дж. Леннон не являлся американским музыкантом и творчество его принадлежит скорее британской культуре, песня «Give peace a chance» занимает заслуженное место в списке антивоенных американских песен. Меньше чем через полгода после релиза, 15 октября 1969 года, ее массово исполняли в ходе Мотория за прекращение войны во Вьетнаме, проводившегося сразу в нескольких городах США [7].

Песни, критикующие политику США во Вьетнаме, можно было услышать не только на митингах и демонстрациях. С появлением рок-музыки стали проводиться рок-фестивали, крупнейший из которых — Вудстокский — объединил в себе летом 1969 года всё то новое, что появилось в американской контркультуре во второй половине 1960-х годов. Главными зрителями этого фестиваля стали «дети цветов». С позиции влияния вьетнамской войны субкультура хиппи представляет интерес в следующих аспектах. Во-первых, хронологическая взаимосвязь. Субкультура хиппи начала формироваться тогда, когда власти США начали вводить во Вьетнам регулярные войска. Апогей движения хиппи — от Лета любви (1967 г.) до Вудстока — это период наибольшего присутствия американского военного контингента (543 тыс. человек на апрель 1969 г. [8]). После неожиданного Тетского наступления сил Северного Вьетнама в начале 1968 года общественное мнение стало смещаться в сторону противников войны, что привело к увеличению числа антивоенных маршей и демонстра-

ций и, как ни парадоксально это звучит, к размытию движения хиппи, его растворению в общем числе противников войны, а также тех, кто хотел быть хиппи, но смог перенять только внешнюю атрибутику, не вникая в суть.

Второе, и самое главное, заключается в идеологии хиппи, одним из основополагающих элементов которой был пацифизм. Хиппи открыто выступали против войны, они принимали участие в антивоенных акциях протеста, но при этом проповедовали любовь и ненасилие. Их пацифизм был замешан на восточном религиозном мистицизме (буддизм, кришнаизм) больше, чем на христианстве, в котором они были воспитаны. В качестве символа мира хиппи использовали «пацифик» — символ ядерного разоружения, разработанный британским дизайнером и уклонистом времен Второй мировой войны Д. Холтомом в 1958 году [9]. «Пацифик» был неотъемлемым атрибутом внешнего вида хиппи и до сих пор вызывает ассоциации именно с контркультурным движением американской молодежи, а не с британским движением против ядерного вооружения.

Победное для США в военном плане, но провальное в моральном, Тетское наступление взбудоражило не только левую общественность, но и апологетов войны. Началась новая волна пропаганды, ярчайшим примером которой является экранизация книги Р. Мура «Зеленые береты» яррым сторонником войны именитым голливудским актером Дж. Уэйном (1968 г.). Вновь стали появляться провоенные песни. В 1969 году — «Okie From Muskogee» кантри-певца и композитора М. Хаггарда, подвергавшая критике выступавших против войны во Вьетнаме. В 1971 году — «The Battle Hymn of Lt. Calley» в исполнении «СCompany» и диск-жокея Т. Нельсона. Песня была написана в защиту лейтенанта У. Келли, который в 1971 году был осужден за убийство мирных жителей во вьетнамской деревне Май Лай [10]. Эти песни писались для тех, кто не поддерживал бунтующую молодежь и голосовал на выборах за президента Р. Никсона.

Резюмируя первый период, можно заключить, что влияние вьетнамской войны на американскую культуру стало очевидным практически с самого начала введения американских войск во Вьетнам. Во многом этому способствовала общая беспокойная ситуация в стране в 1960-е годы, протестные движения и формирование контркультуры.

В 1973 году начался вывод американских войск из Вьетнама. Массовое возвращение домой ветеранов войны кристаллизовало проблему, которая, в свою очередь, вызвала изменения в культуре США. Речь здесь идет о «вьетнамском синдроме», получившем в психологии название «посттравматическое стрессовое расстройство» [11]. По возвращении домой ветераны Вьетнама столкнулись с неприятием обществом, непониманием в семье и, как следствие, внутренним кризисом. Этому феномену и посвящены художественные фильмы середины 1970-х — начала 1980-х годов, среди которых — «Таксист» М. Скорсезе (1976 г.) и «Рэмбо: Первая кровь» (1982 г.) Т. Котчффа. Это абсолютно непохожие фильмы, разного жанра и атмосферы, но есть то, что их объединяет, — главный герой, так и не сумевший вернуться

с войны. О тех, кто не хотел возвращаться с войны, снял свою ленту «Апокалипсис сегодня» (1979 г.) Ф. Коппола.

1980-е годы оказались более насыщенными культурной продукцией на тему вьетнамской войны. Как отмечает американский историк Г. Ситикофф, после завершения вьетнамской кампании «возникла коллективная амнезия. Было похоже на то, что большинство американцев не хотят ни думать, ни говорить о самой длинной и изнурительной войне в своей стране — единственной войне, в которой когда-либо проигрывали США» [12]. Интерес к вьетнамской войне, по мнению автора, вернули сетевое телевидение, Голливуд, музыкальная индустрия, журналисты и ветераны Вьетнама. Если говорить о телевидении, то здесь стоит выделить документальный фильм канала CBS «Бесчисленный враг: вьетнамский обман» (1982 г.) и тот общественный резонанс, который последовал за его выходом в эфир. В этом фильме бывший командующий вооруженными силами во Вьетнаме генерал в отставке У. С. Уэстморленд вместе с другими высшими офицерами обвинялся в сговоре, целью которого было искажение численности сил противника для того, чтобы внушить, что вьетнамская война более успешна, чем есть на самом деле. В ответ У. С. Уэстморленд подал в суд на канал CBS в 1984 году. Процесс освещался в СМИ, но окончился ничем. 17 февраля 1965 года было объявлено о том, что стороны достигли соглашения по урегулированию иска, однако условия этого соглашения, равно как и обличения/оправдания действий генерала Уэстморленда во Вьетнаме широкой публике представлены не были [13].

Что касается художественного кино, то в 1980-е годы список знаковых фильмов об эпохе вьетнамской войны дополнили следующие картины. 1986 год — «Взвод» сценариста и режиссера О. Стоуна. Это его первая часть трилогии о вьетнамской войне. Режиссер сам являлся ветераном Вьетнама, поэтому стремился перенести на экран то, что видел собственными глазами и испытал на себе. В 1987 году выходят два разноплановых фильма: «Доброе утро, Вьетнам» режиссера Б. Левинсона — драма о ведущем американской радиостанции в Сайгоне в годы вьетнамской войны и «Цельнометаллическая оболочка» С. Кубрика — экранизация романа ветерана Вьетнама Г. Хэсфорда «Старики», написанного в 1979 году. Несмотря на свою внешнюю легкость и обилие не всегда цензурного юмора, фильм «Доброе утро, Вьетнам» поднимает тему «свой/чужой», демонстрируя, насколько американцы были чужими даже для тех, кого они, по их словам, защищали. Лента Кубрика показывает жестокость войны и её бессмысленность в глазах тех, кто на ней воюет.

Завершает десятилетие вторая часть трилогии О. Стоуна — «Рожденный четвертого июля» (1989 г.), в основе сценария к которой лежит автобиография ветерана войны Р. Ковика. В этом фильме гораздо глубже и детальнее, чем в «Таксисте» и «Рэмбо», показан экзистенциальный кризис вернувшегося в мирную жизнь в инвалидном кресле ветерана Вьетнама, его внутренняя борьба, поиск новых жизненных ценностей и ориентиров.

Таким образом, во втором периоде через культуру делались попытки осмысления вьетнамской войны, ее целей, последствий, ее цены. Третий период отличатся от

первых двух и в качественном, и в количественном отношении. Это самый продолжительный и самый насыщенный период. В 1990-е и 2000-е годы продолжают выходить книги о Вьетнаме, сниматься фильмы — как художественные, так и документальные. Но в то же время появляется нечто новое. Во-первых, и это относится скорее к 1990-м — началу 2000-х, в культурном пространстве формируется определённый тип персонажа фильма или телевизионного шоу — ветеран Вьетнама. Зачастую это персонаж второстепенный, но довольно колоритный: лейтенант Дэн в фильме Р. Земекиса «Форрест Гамп» (1994 г.), Уолтер Собчек в фильме братьев Коэнов «Большой Лебовски» (1998 г.), Джимбо Керн и Нед Герблански в телевизионном мультипликационном шоу «Южный парк» (в эфире с 1997 г.), Гленн Куагмайр в анимационном сериале «Гриффины» (выходит с 1999 г.). В качестве главного героя ветеран Вьетнама фигурирует в комедийном фильме Н. Касла «Майор Пэйн» (1995 г.), причем очень многие сцены этой ленты являются пародийными отсылками к ставшим уже к этому времени классикой фильмам о вьетнамской войне Ф. Ф. Копполы, С. Кубрика, О. Стоуна.

Появление ветерана Вьетнама в качестве типичного персонажа свидетельствует о том, что в общественном сознании уже произошло примирение с фактом вьетнамской войны, поэтому стали возможны комедийные и сатирические выпады на эту тему. Однако, с другой стороны, война во Вьетнаме явилась довольно мощным потрясением для американского общества, последствия которого ощущаются до сих пор. Как тонко отметил глава вашингтонского отделения издания «The Guardian» Д. Смит, «вьетнамская война — это рана, которую все еще не стоит бередить» [14]. Тем не менее в США в последние годы наблюдается всплеск интереса к этой теме: по прошествии пятидесяти лет пересматриваются итоги, иначе расставляются акценты; пишутся новые книги, снимаются новые фильмы. Так, в 2017 году американский документалист К. Бёрнс в соавторстве с Л. Новик выпустил 18-часовой фильм о войне во Вьетнаме. Фильм разделен на десять частей, длящихся от полутора до двух часов, и охватывает период с начала французской колонизации Вьетнама до наших дней. Лента практически полностью состоит из тематических нарезок документальных хроник с закадровым текстом, перемежающихся с многочисленными интервью представителей обеих сторон. Фильм содержит обилие фактов и нарратива, однако главное, что он в себе несет, — это мысль о том, что война во Вьетнаме стала точкой невозврата для страны. После нее ничего уже не было прежним ни для тех, кто воевал за свободу и демократию своей страны в далеком Индокитае, ни для тех, кто на этой войне не был. Страна оказалась расколота, и раскол этот ощущается до сих пор — стоит только заглянуть в комментарии к роликам на канале Youtube, так или иначе касающиеся этой темы.

В целом третий период — это период принятия через культурные образы, через воспоминания, реконструкцию и попытки переосмысления событий эпохи вьетнамской войны.

Подводя общий итог, можно заключить следующее: начав с отрицания этой бессмысленной, с точки зрения простого обывателя, войны, американское общество путем встраивания рефлексии о Вьетнаме в культурный конструкт сделало память о ней непременным атрибутом социокультурной парадигмы США.

Список использованной литературы

1. The Vietnam War and American Culture // Vietnam War / Digital History. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook_print.cfm?smtid=2&psid=3467 (дата обращения: 11.01.2019).
2. Pratt J. C. Poetry and Vietnam // Modern American Poetry. URL: <http://www.english.illinois.edu/maps/vietnam/poetryandvietnam.htm> (дата обращения: 08.12.2018).
3. 331. National Security Action Memorandum No. 2731. Washington, November 26, 1963 / Foreign Relations Of The United States, 1961–1963, Volume IV, Vietnam, August – December 1963 // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v04/d331> (дата обращения: 29.01.2019).
4. The Ballad of The Green Berets by Staff Sergeant Barry Sadler // Songfacts. URL: <https://www.songfacts.com/facts/staff-sergeant-barry-sadler/the-ballad-of-the-green-berets> (дата обращения: 17.02.2019).
5. Соколова Д. В. Отношения СМИ и правительства США в годы Вьетнамской войны // Век информации. Журналистика и войны : к 100-летию Первой мировой войны : материалы 53-й Междунар. науч. конф. «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения» / С.-Петерб. гос. ун-т, 23–25 апр. 2014 г. ; отв. ред. Л. П. Громова. СПб., 2015. 274 с.
6. Sklaroff L. R. During Vietnam War, music spoke to both sides of a divided nation // The Conversation. 2017. September 13, 9. 12pm EDT. URL: <https://theconversation.com/amp/during-vietnam-war-music-spoke-to-both-sides-of-a-divided-nation-83702> (дата обращения: 10.12.2018).
7. Give Peace a Chance by John Lennon // Songfacts. URL: <https://www.songfacts.com/facts/john-lennon/give-peace-a-chance> (дата обращения: 03.03.2019).
8. Anderson D. L. The Military and Diplomatic Course of the Vietnam War // Modern American Poetry. URL: <http://www.english.illinois.edu/maps/vietnam/anderson.htm> (дата обращения: 27.01.2019).
9. Westcott K. World's best-known protest symbol turns 50 // BBC News/ Magazine. 2008. March 20. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/7292252.stm (дата обращения: 05.03.2019).
10. Sklaroff L. R. Op. cit.
11. Hochgesang J., Lawyer T., Stevenson T. The Psychological Effects of the Vietnam War. //War and Peace: Media and war. URL: https://web.stanford.edu/class/e297c/war_peace/media/hpsych.html (дата обращения: 14.12.2018).
12. Sitikoff H. The Postwar Impact of Vietnam // Modern American Poetry. URL:<http://www.english.illinois.edu/maps/vietnam/postwar.htm> (дата обращения: 08.12.2018).
13. Moravitz M. *Westmoreland vs. CBS: The Military, the Media, and the Vietnam War*. URL: <http://www.ehistory.freesevers.com/vol2/seminarwesty.htm> (дата обращения: 30.01.2019).
14. Smith D. Ken Burns: How Vietnam War sowed the seeds of a divided America/US News // The Guardian. 2017. September 16. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/16/ken-burns-vietnam-war-documentary-john-mccain> (дата обращения: 07.02.2019).

Копысова Надежда Владимировна,

магистр философии, преподаватель социально-гуманитарных дисциплин, Кировское областное государственное профессиональное образовательное бюджетное учреждение «Кировский медицинский колледж», Россия, г. Киров, nadenkakopysova@gmail.com

УДК 323.1

Духовное и политическое в человеке: трагедия раздвоения

В статье приводятся размышления автора о разладе между духовным началом в человеке и его естественной природой. Для человека свойственно стремление к прекрасному, созидание и творчество, забота об осмысленности жизни и судьбе отчизны. Удовлетворение материальных потребностей происходит часто в борьбе с высокими устремлениями. Одним из путей решения этой проблемы является воспитание человека. В статье обобщается педагогический опыт автора по духовно-нравственному воспитанию студентов средних специальных учебных заведений.

Ключевые слова: культура, власть, общество, история, духовность, биологическая идентичность, воспитание.

Nadezhda Kopysova

Master of Philosophy, Social Studies Teacher, Kirov College of Medicine, Russia, Kirov

Tragic Divide: Spiritual and Political Aspects of Human Nature

Abstract. Discrepancy between the spiritual nature of a human being and its biological nature is discussed in the article. Such traits as pursuit of beauty and meaningfulness in a life, creation and creativity, concern for the homeland – are specific to a human. However, satisfying material needs often results in a fight against these aspirations. Education constitutes one of the ways to solve this problem. The article summarizes the author's pedagogical experience in the spiritual and moral education of students in secondary educational institutions.

Key words: culture, power, society, history, spirituality, biological identity, education.

Переломы в развитии общества всегда располагали к попыткам переосмыслить исторический процесс и создать конструктивные концепции, применимые для решения проблем. Современный человек живет в поворотный момент: сумасшедший темп жизни, вторжение новых технологий в интимные сферы. В технологические инновации вовлекаются и тело, и психические структуры, что приводит к переосмыслению рубежей социально-биологической идентичности. В условиях развития робототехники происходит постепенное размывание границ между человеком и машиной, которая способна выполнять многие функции человека, и в перспективе искусственное существо может занять наше место. Если в предшествующие эпохи человек соотносил себя с Абсолютом Космоса, Бога, Природы, то современная эпоха ставит под сомнение такой способ переживания себя. И в таких условиях рефлексия исторического познания

происходит как необходимость, человеческий дух требует обращения к тайникам истории.

Для всех периодов цивилизационной истории характерна проблема разлада в человеке между его личностным началом и общественным. В различные периоды истории возникали и сегодня, в условиях глобализации, возникают конфликты, вызванные различными ценностями общества и личности, вследствие чего проблема взаимоотношений власти и личности актуальна всегда. Характерный пример: современный россиянин среднего возраста хорошо помнит то время, когда его страна была сверхдержавой, в экономике и обществе существовали совершенно другие отношения, и в его памяти живо то разочарование социалистическими ценностями, которое он пережил в 80-е годы прошлого века. Это разочарование привело к опустошению души, к многим-многим вопросам, на которые никто не мог ответить.

Вопросы взаимоотношений культуры и власти требуют их исследования в разных аспектах, в том числе через рассмотрение противоречий между человеком как носителем духа и человеком как социальным существом, между обществом как полем приложения творческих сил человека и как системой обязательных искусственно созданных абстрактных правил. Взаимодействие творческого и властного начала в конкретном человеке и обществе в целом можно считать одной из определяющих причин динамики исторического процесса. Какое именно начало в человеке является преобладающим в этом взаимодействии? Философы истории дают разные объяснения. Например, христианская концепция смысл истории видит в движении человека к Богу. В этом движении человек становится свободен от своих низменных страстей, от власти природы и становится сознательным историческим деятелем. Эта концепция обращает внимание на то, что человеку свойственно потрясающее стремление осмыслить свое предназначение в мире, в ходе осмысления человек обращается и к мировым вопросам, он обнаруживает желание определить свое место в истории. Русский философ Лев Шестов называет эту потребность слишком требовательными и беспокойными человеческими голосами [1]. Дух человека ищет, он весь обращен в слух, и эти поиски направлены и туда, где уже обнаружены корни бытия, и туда, где они сокрыты. В поисках истины с мольбой и надеждой человек обращен и к иррациональному, ведь разум не всегда может объяснить, почему гибнут государства и страдают люди, почему реальность обладает разрушительной силой, ведь личность человека созидает!

Возникает вопрос: почему человеческая истина часто противоположна истине политики? Чудо и загадочность, созидание и стремление к прекрасному, которые отвечают духовным поискам человека, часто умирают в мире политическом. Наверное, потому, что в мир политики человек вступает не столько как духовное, сколько как биологическое существо, осознающее свои и общественные материальные (прежде всего) потребности и страстно желающее их реализовать. От того здесь он часто теряет потребность поиска истины, в этом мире господствует желание превосходства и конкуренции, и поэтому происходит гибель духа. Желание это приходит по мере усвоения жестких правил выживания. Это происходит, скорее всего, потому, что по-

бедивший в борьбе за место во властных структурах уже сделал серьезный шаг в отказе от культуры как системы запретов.

Что привлекает человека в мире политики? Каждый из нас, желая быть свободным и счастливым, имеет свои скорби и радости, и осознание реальности для себя самого и родины очень часто кажется неутешительным. И потому политика представляется тем желанным полем и средством, с помощью которого можно что-либо сделать для себя или несчастной родины и тем самым приблизиться к своему экзистенциальному Я. Вероятно, человека привлекает в мир власти еще и мысль о возможном бессмертии, ведь в истории остаются имена прежде всего политиков.

Развитие общества подчинено органическому принципу, так как проходит определенные стадии, этот принцип лежит в основе исторического процесса. Устройство жизни на земле связано с борьбой за прогресс, и в этой борьбе проявляется творческая энергия и жизненный дух, который так необходим для роста. В этой борьбе часто погибает и влюбленность в мир, и чувство правды. Русский историк Лев Гумилев, анализируя проблему исторической динамики, использует понятие пассионарный дух, имея в виду биопсихическую энергию этноса, рожденную в результате сочетания этнических, географических и климатических условий жизни этноса. Под влиянием пассионарного духа этнос выходит из первобытного состояния и приходит к цивилизационной стадии своего развития. В качестве примера из истории России можно привести факт образования в IX веке Древнерусского государства. Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особого быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней Средней и Южной России [2, с. 25].

Пассионарный дух постепенно ослабевает, и по мере его затухания этнос становится добычей более сильных на тот момент этносов, как это произошло с киевско-славянским этносом в XII–XIII веках. В результате спада пассионарного духа в системе древнерусского этноса наступает распад Киевской державы, наступает феодальная раздробленность. Ослабевают государственные связи, преобладают узкокорыстные интересы князей, господствует потребительская психология, государство рассматривается не как инструмент стабильности и защиты, а как что-то ненужное. Сытость и достаток задают настроение стабильного комфорта, обыватели заняты решением собственных проблем, такой настрой в обществе подавляет активных и творческих людей, разжигает эгоистические интересы, распространяет безразличие к общественным и государственными проблемами, порождает равнодушие. Прогрессивно мыслящие люди оценивали раздробленность отрицательно, предвидели ее негативные последствия, но политическая элита была инертной, живя в обстановке благополучия, думая, что оно навсегда. Международное положение Руси было относительно стабильным, несколько поколений выросло в таких условиях, когда военные столкновения с соседями были на уровне приграничных конфликтов, это также внушало ощущение безопасности и беззаботности. Государство, созданное предками в обстановке постоян-

ных войн с кочевниками, отныне не воспринималось как гарант выживания народа. Князья были заняты политическими склоками.

Для динамичного развития необходима не только жизненная энергия духовной и политической элиты, но и взаимодействие творческого и властного начала. Элита рождает идею, которая способна ответить на вызов истории. При этом происходит острая конкуренция за власть, которая на определенном этапе выступает своеобразным результатом духовного лидерства творческих людей, и в такие моменты власть и культура идут вместе. Предыдущий пример по факту образования Древнерусского государства подтверждает эту мысль: призвавшие Рюрика славянские племена осознают необходимость правительственного начала, необходимость единения и внутреннего порядка.

Прогресс зависит от личностей, наделенных огромной жизненной энергией и творческим талантом. Таких людей А. Дж. Тойнби называет растущим фактором Вселенной. Скачок совершается тогда, когда общество решается на совершение эксперимента: это означает, что общество или поддалось убеждению, или было потрясено кем-то, но именно кем-то [3, с. 254]. Происходит скачок в общественном развитии. В качестве примера можно привести собрание русских земель московскими князьями, постепенное подчинение и присоединение к своим владениям остальных княжеств, в ходе которого вновь происходит победа государственного начала над родовыми отношениями. Устанавливается единство Русского государства, соединение частей показывает силу, которую новое государство использует для победы над татарами, предпринимает попытки вернуть древнерусские территории под свой контроль, войти на равных в отношения с европейскими странами, подготовить себе место среди них. В таком положении Россия была до начала XVII века. В качестве другого примера хочется назвать политику Екатерины II во второй половине XVIII века, когда заимствование результатов европейской цивилизации только для материального процветания становится недостаточным, а появляется необходимость нравственного и духовного просвещения. Является потребность вложить душу в приготовленное прежде тело, как выражались лучшие люди эпохи, и просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще привело к самопознанию [2, с. 30].

Но, к сожалению, наступает момент, когда властная элита отгораживается от творческих сил общества, теряет способность оценить возникшие трудности, утрачивает прежнее духовное содержание и тратит усилия лишь на то, чтобы сохранить собственное господство. Объяснение потери этой способности усматривается в отказе человека, находящегося у власти, от духовных ценностей. Человек теряет внутренний духовный центр, на первый план выступают его социальные роли, человеческое бытие сводится к социальной жизни и биологии. Дух истончается, истлевают чувства, наступает пустыня. Новые духовные ценности, привнесенные в свое время в мир экономических и политических интересов, оказываются недооцененными, культура начинает подчиняться законам материального мира политики, и человек, подверженный алчным желаниям, оказывается у него в подчинении. В этот период духовное лидерство концентрируется у подчиненных. Происходит надлом в развитии общества. Смута в Рос-

сии конца XVI — начала XVII века ознаменовалась пресечением династии, борьбой за власть между боярскими кланами, крамолой, нарушением духовной и материальной связи между областями страны и центром. Земля замутилась своекорыстным стремлением людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить за счет государства, открылось свободное попрание [2, с. 29]. Смута явилась не только результатом всеобщего морального разложения, но и проявлением борьбы между стадным и национальным принципами. В данном случае представителями стадного принципа стало боярство, которое пожертвовало национальными интересами ради собственных привилегий. В Смутное время процветал феномен самозванства, свидетельствующий о предательстве национальных интересов. После пресечения династии в народе царя растерянность, а у знати возобладали хищные амбиции и стремление к власти и привилегиям. Московское боярство борется за царский престол, это приводит к разрушению государственного единения, к деморализации народа. Истоки этой деморализации необходимо искать в опричнине Ивана Грозного, в ходе которой был нанесен тяжелейший удар по нравственности, были брошены зерна недоверия к власти, появилось сомнение в умах людей и возобладали корыстные интересы. Шаткость в умах была усугублена экономическими трудностями. Опричнина вводила анархию, колебала основы государственного начала, готовила крамолу. В качестве другого такого примера можно назвать духовную обстановку в советском обществе в конце 70-х — первой половине 80-х годов прошлого века. Советский человек перестал верить во власть, разочаровался в государстве.

Истоки преобладания властного начала над духовностью в человеке необходимо искать в его биологической идентичности. Скорее всего, социальное и культурное бытие человека являются проявлениями его биологического бытия. Человек наделен способностью придавать себе и миру разумную форму, но это нужно воспринимать не как заслугу человека, а как великолепный подарок природы, которым она однажды одарила нас в виде сознания, мышления, речи. Это приходит в противоречие с философией Декарта, который утверждает, что из всех творений только человек представляет собой дух, только он является мыслящим существом. Начиная с Декарта, собственно человеческую сущность философы видят в том, что он есть субъект мышления, и вся действительность оказывается в зависимости от субъекта, так как он учреждает мир и утверждает себя как самосознание. Дарвиновская гипотеза не только заново определила наше место в живом мире, но и по-другому поставила вопрос о нашей идентичности, которая отныне мыслится как одна из форм биологической жизни. Это означает, что человек есть, прежде всего, биологическое существо, и его идентичность — это идентичность одного из биологических существ.

Ответ на проблему разлома между культурой и властью можно найти в работах современного французского философа Жан-Мари Шеффера, который говорит об историзации человеческой идентичности, и онтическую идентичность он приводит в соответствие с биологической историей. И если человек со своими когнитивными способностями является продолжением истории эволюции живого мира на планете, то у сознания и духа нет никакого трансцендентального фундамента. Человеческое созна-

ние, дух предстают результатом эволюционной истории, развивающейся в ходе естественного отбора. Человечность кроется в тонких ментальных структурах и способностях, сложившихся в ходе истории жизни на Земле. Возникает сомнение в том, что собственная человеческая природа заключается только в душе человека. Еще и Декарт считал, что *cogito* не отвечает на вопрос о своем происхождении и наталкивается на препятствие в виде телесности. Рассуждая об идентичности человека, мы неизменно сталкиваемся с чем-то внешним, что лежит в ее сердцевине, и этим внешним является тело. Но тело человека немислимо без духа, оно как обратная его сторона, оно определяется как сознательное тело, и телесность наша перешагнула свою среду, она проектируется нашей личностью. Тело существует для сознания и переживается им. Мы являемся живыми существами и не можем не мыслить себя таковыми. И образ личной идентичности всегда представляет собой действенное согласие с нашим статусом живых существ, погруженных в среду других живых существ, с которыми у нас общая судьба. Поэтому человек всегда встроен в перспективу своих биологических возможностей, и расчетом именно биологических шансов формируется наша жизнь и наполняется духом.

Налицо проблема раздвоения. Что же делать? Как примирить дух с телом, личность с обществом, культуру и власть? Как работник сферы практического образования один из путей решения проблемы раздвоения вижу в воспитании у подрастающего поколения духовно-нравственных качеств личности. Опыт работы во всех сферах образовательной системы (средняя школа, колледж, высшее учебное заведение) подсказывает, что воспитание является неотъемлемой и важнейшей частью образовательного процесса, и есть надежда, что благодаря воспитанию в будущем человек может преодолевать какие-то трудности в этой своей внутренней борьбе. Излюбленными формами воспитательной работы со студентами по преподаваемым мной дисциплинам История и Философия являются регулярно проводимые такие мероприятия, как философские чтения, интеллектуальные игры, конференции и др.

Коротко о некоторых.

Одной из форм организации воспитательной внеаудиторной работы являются философские чтения, в которых принимают участие студенты, изучающие в текущем учебном году философию и изучившие ее. Вот некоторые темы, по которым прошли философские чтения в нашем колледже: «И ропщет мыслящий тростник» (на основе произведений разных авторов), «Человек в поисках смысла» (на основе одноименной работы В. Франкла), «Искусство любить» (по одноименной работе Э. Фромма). Свою роль как преподавателя при подготовке к чтениям вижу в том, чтобы определить тему, выбрать произведение, подготовить фрагменты этого произведения для прочтения их со сцены в виде монологов. Приглашаются желающие выступать, они выбирают монолог и заучивают его, чтобы впоследствии прочитать со сцены.

В ходе подготовки студенты под руководством преподавателя репетируют монологи, подбирают интонацию для прочтения, расставляют акценты, учатся держать себя на сцене и выступать публично. Чтецы получают установку — так прочитать монолог со сцены, чтобы его внимательно слушали и поняли смысл работы автора.

При этом у участников чтений происходит формирование таких качеств личности и компетенций, как умение самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать свою деятельность. Считаем, что также мероприятие способствует формированию таких важнейших качеств человека, как бережное отношение к культурным традициям народа, уважение социальных, культурных и религиозных различий, готовность брать на себя нравственные обязательства по отношению к природе, обществу и человеку. Кроме этого происходит формирование таких компетенций, как умение принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях и нести за них ответственность. Это и самообразование, и организация себя, и преодоление своих комплексов, и познавательные процессы, и получение положительного опыта.

Еще одной излюбленной формой организации внеаудиторной деятельности является историко-литературная игра «Вятские студенты хватские», которая организуется для студентов нового набора, служит также средством адаптации и способствует сплочению коллектива. Игре предшествует подготовка, в ходе которой студенты знакомятся с заданиями и изучают основные вехи истории Вятки. Изучение истории проходит во время пешеходной экскурсии по историческому центру города, через некоторое время происходит повторение при помощи виртуальной экскурсии, которая сопровождается презентацией, и в дальнейшем при посещении областного краеведческого музея. Для непосредственного участия в игре студенты по желанию объединяются в команды по 5 человек в каждой, остальные будут являться болельщиками.

Конкурсы стараемся менять каждый год, приведу примеры конкурсов.

Начинаем игру с конкурса «Визитная карточка команды», в котором команда озвучивает название, по условиям игры оно должно быть связано с историей или культурой Вятки, затем капитан представляет участников, и команда приветствует соперников. Следующим является конкурс «Домашнее задание. Где эта улица? Где этот дом?», в котором команды по ранее выданному фрагменту фотографии исторического памятника представляют информацию о нем, то есть называют дату создания, автора проекта, место нахождения. Также команда представляет свою фотографию на фоне этого памятника. Следующим может быть конкурс «Счастливый случай. Откуда есть пошла Вятская земля?», который проходит в виде блиц-опроса. Например, демонстрируются фотографии старых видов улиц исторического центра, а студенты должны узнать, какая именно эта улица. Или задаются вопросы: «В каком году Вятка впервые упоминается в общерусских летописях?», «Архитектор, скульптор, автор особняка Булычева, здания Центральной гостиницы и ряда церквей?», «С чем связано выражение “На Вятке свои порядки?”» и другие вопросы.

Считаем, в этом мероприятии очень важен процесс подготовки, в ходе которой кроме познания нового происходит формирование умения организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения, умения осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения задач. И конечно, в ходе самой игры формируется умение работать в команде и ответ-

ственность за результат. Все эти компетенции пригодятся в жизни независимо от сфер приложения их жизненных сил.

Еще одной формой работы, которую применяем для формирования духовной сферы, являются студенческие конференции по исторической тематике. Например, конференция на тему «Глубинка матушки Руси», посвященная истории Вятской земли, целью которой является воссоздание образа старой Вятки. Задачи для каждого выступающего на конференции формулируются следующим образом: 1. Охарактеризовать основные этапы становления и развития улиц исторического центра Вятки, 2. Выяснить роль и значение улиц исторического центра в жизни современного города. Студенты получают задания подготовить сообщение с презентацией для выступления на конференции. Считаю проведение таких мероприятий целесообразным для формирования умения бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям народа.

В заключение хочется сказать, что личность, наделенная духом, — это продукт индивидуальной истории, где тесно связаны история культурная и биологическая, а культура возможна лишь потому, что люди являются биологическими существами и подчиняются циклу жизни и смерти. Биографический аспект, вписывающий человека в биологическую генеалогию и историческое состояние, не может быть подвластен человеку и является образующим фактором его идентичности. Факты общества, культуры и мышления составляют часть биологической конституции человека, поэтому разлад между духом и телом будет характерен на любом этапе общественного развития. Но в рамках своего личного пространства человек способен сохранить силу духа, стремление к высоким ценностям и любовь к справедливости, в этом проявляется его свобода и человеческая сущность. И поскольку общество определяется через людей, которые принадлежат этому обществу, а объективные процессы в истории проходят через внутренний мир личности и ее личный опыт, значит, будущее этого общества находится в прямой зависимости от человека, от его устремлений, энергии и творчества. История общества развивается через человека и имеет человеческое лицо.

Список использованной литературы

1. Шестов Л. Начала и концы. URL: [http://www. odinblago. ru/shestov_nachala_i_konci/](http://www.odinblago.ru/shestov_nachala_i_konci/) (дата обращения: 02.01.2019).
2. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева ; коммент. С. С. Дмитриева и Л. П. Дойниковой ; ил. В. В. Лукашова. М. : Правда, 1989. 768 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории : сб. М. : Прогресс, 1991. 730 с.
4. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

Яковлева Анна Валерьевна,

магистрант, Институт искусств и культуры, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск, annieyakovleva@yandex. ru

УДК 304.44 + 316.7

Филантропия как ресурс развития социокультурной сферы: опыт России и Венгрии

Аннотация. В условиях сокращения государственной поддержки на основе изучения российского и зарубежного опыта внебюджетного финансирования социокультурных проектов проводится анализ филантропии при малых и средних организациях в сфере культуры. Речь идет о современных формах благотворительной деятельности — целевых капиталах в России и процентной филантропии в Венгрии, уже зарекомендовавших себя. Участие граждан в распределении бюджетных средств вызывает неподдельный интерес и имеет большой потенциал к введению института процентной филантропии в России.

Ключевые слова: социокультурная сфера, филантропия, некоммерческая организация, целевой капитал, процентная филантропия, налог.

Anna Iakovleva

Undergraduate, Institute of arts and culture, National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

Philanthropy as a resource for social and cultural development: the experience of Russia and Hungary

Abstract. In the context of reducing state support based on the study of Russian and foreign experience of extra-budgetary financing of social and cultural projects, an analysis of philanthropy is carried out with small and medium-sized cultural organizations. We are talking about modern forms of charitable activity — target capital in Russia and percentage philanthropy in Hungary, which have already proved themselves. Citizen participation in the allocation of budget funds is of genuine interest and has a great potential for introducing the institution of percentage philanthropy in Russia.

Key words: social and cultural support, philanthropy, non-profit organization, target capital, percentage philanthropy, tax.

На сегодняшний день одной из ведущих мировых тенденций в сфере культуры является сокращение государственной поддержки. Для России эта проблема особенно актуальна, так как в недавнем прошлом сфера культуры получала финансирование от государства и целиком зависела от власти. Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость поиска дополнительных источников финансирования для развития организаций и учреждений культуры, что определяет актуальность работы.

Среди традиционных для России способов финансирования культурных проектов — филантропия или благотворительность. Филантропия — это, в первую очередь, помощь нуждающимся. В советское время ее роль и влияние заметно снизились, но в

настоящее время благотворительность в социокультурной сфере активно возрождается и одной из ее успешных форм является целевой капитал, или, по-другому, эндаумент. С этой точки зрения положительный опыт процентной филантропии в Венгрии, а также важные преимущества данного инструмента — участие граждан в управлении бюджетным процессом, постепенное увеличение ресурсов организации социокультурной сферы, развитие культуры благотворительности среди налогоплательщиков — вызывают несомненный интерес. По мнению автора, процентная филантропия — это современный эффективный механизм привлечения широких слоев общества к поддержке развития некоммерческих организаций, формирование гражданской ответственности за социокультурную сферу и вместе с тем наделение ее ценностью и значимостью.

Основная проблема, освещаемая в работе: как актуализировать данный источник финансирования в социокультурной сфере в России в условиях существования различных барьеров, таких как отсутствие информации, отсутствие опыта работы с инструментом и др.? Как привлечь общественность к решению социально-культурных проблем? На каких основаниях должно строиться взаимодействие власти, бизнеса и общества в социокультурной сфере? Поискам ответов на эти вопросы посвящено данное исследование.

Для решения основной проблемы исследования обозначена главная цель работы — изучение и анализ филантропии как способа финансирования социокультурных проектов.

Цель предполагает проанализировать имеющиеся инструменты финансирования, определить, как они действуют, как устроены механизмы их работы в организациях культуры. На основе изучения российского и зарубежного опыта филантропии как внебюджетного финансирования социокультурных проектов разработать рекомендации по организации современных инструментов для малых и средних организаций в сфере культуры.

Объектом исследования являются инструменты финансирования социокультурных проектов. Предмет исследования — филантропия в организациях культуры, где были выделены такие формы, как эндаумент в России и процентная филантропия в Венгрии.

Эндаумент — достаточно новая для России форма финансирования социокультурных проектов и организаций, что обуславливает актуальность изучения механизмов создания фонда, особенностей его функционирования и развития, способов повышения эффективности.

Прообразом российской культуры эндаумента послужил американский аналог, при этом эндаументы в России называются целевыми капиталами и имеют свою специфику: целевыми капиталами является часть имущества некоммерческой организации, образованная за счет денежных пожертвований, передаваемых в доверительное управление управляющей компании для получения в дальнейшем дохода для финансирования деятельности некоммерческой организации [1, с. 14].

Как устроен механизм работы целевых капиталов? Донор на основе договора пожертвования вносит средства в целевой капитал, или эндаумент-фонд. При этом

финансирование деятельности некоммерческой организации происходит не за счет самих пожертвований, а за счет ежегодного дохода от сформированного донорами объема целевого капитала.

Эндаументы неприкосновенны. Каждое пожертвование становится выгодным вкладом, от которого ожидается стабильный доход на реализацию социально или культурно значимых целей организации.

В России целевые капиталы существуют как минимум в двух формах:

1. НКО, которые работают в сферах деятельности, определенных законом, могут создавать внутри целевой капитал.

2. Специализированный фонд целевого капитала, который создается для поддержки одной или нескольких организаций.

После того, как фонд зарегистрирован в Министерстве юстиции и Федеральной налоговой службе РФ, он вправе собирать финансовые средства через договоры пожертвований. Спонсоры, совершившие крупные финансовые пожертвования в фонд, входят в его попечительский совет, и они же определяют стратегию развития фонда и приоритетные направления поддержки организации.

Важно, чтобы с момента появления на счете фонда первой денежной суммы в течение одного года было собрано 3 миллиона рублей, в противном случае целевой капитал не будет считаться сформированным. Успешно собрав всю сумму, в течение двух месяцев целевой капитал необходимо передать в управляющую компанию. В дальнейшем фонд будет постоянно пополняться за счет пожертвований от граждан или организаций деньгами, недвижимостью и ценными бумагами. Примечательно, что в России фонды не могут пополняться предметами искусства, как в США. Для пополнения эндаументов разрешены публичные сборы средств, сопровождающиеся договором присоединения.

Доход от доверительного управления целевым капиталом (около 8–10% в год) будет ежегодно перечисляться некоммерческой организации на реализацию его приоритетных программ.

Примечательно, что в США существуют налоговые льготы для жертвователей в эндаументы, в то время как в России пока только обсуждается возможность ввести налоговые льготы для юридических лиц, которые жертвуют в целевые капиталы. Сейчас же у физических лиц есть возможность оформить налоговый вычет — право на возврат подоходного налога в размере фактически произведенных расходов, но не более 25% дохода, полученного физическим лицом по итогам налогового периода [2].

Российская модель целевого капитала стала возможной с принятием в декабре 2006 года Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [3]. Несмотря на еще непродолжительное существование и функционирование — 12 лет, у нас уже есть множество примеров и историй успешно развивающихся фондов. Россия за десятилетие сделала такой скачок, на который у запада ушло столетие. По данным Форума доноров (ассоциации крупнейших грантодающих организаций, работающих в России, единственного в нашей стране объединения фондов и компаний, системно занимающихся благотвори-

тельной деятельностью), на конец 2017 года в России уже работало более 177 фондов целевых капиталов.

В рамках исследования был рассмотрен опыт российских эндаумент-фондов: фонд развития Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля и фонд целевого капитала Российского академического молодежного театра (РАМТ).

В марте 2016 года в Омском областном музее изобразительных искусств имени М. А. Врубеля появился первый фонд целевого капитала регионального музея. Учредителями музея стали известные в Сибири предприниматели, культурные и общественные деятели. Доходы от капитала фонда музея рассчитаны на поддержку большой программы «Музей-100» в направления которой, согласно официально представленной информации, входят:

- финансирование мероприятий нового Центра «Эрмитаж-Сибирь», что является единственным представительством Государственного Эрмитажа на территории Сибирского федерального округа. В рамках этой программы два раза в год Центр принимает выставки из Государственного Эрмитажа с сопровождающим куратором;

- реализация и развитие музейно-педагогической программы «Здравствуй, музей!» для школ и детских садов, разработанной Государственным Русским музеем и адаптированной для Омска и Омской области;

- развитие программы «Песок помнит солнце», нацеленной на помощь детям коррекционных школ с ментальными нарушениями, а также слепоглухим взрослым;

- внедрение современных методов и технологий для информирования одиночных и семейных посетителей с помощью аудиогидов, печатных и интернет-путеводителей, системы «Дополненная реальность» на основе QR-кодов, позволяющей видеть реальный окружающий мир в сопровождении справочных материалов и 3D-моделей;

- сохранение и реставрация экспонатов в рамках программы «Сохрани экспонат». Музей хранит более 30 000 предметов искусства, и, располагая реставрационными мастерскими по всем направлениям, он вносит большой вклад в сохранение культурных ценностей;

- поддержка исследований, публикаций музейных коллекций, участие музейных специалистов в научно-практических конференциях, стажировках, семинарах [4, с. 10–11].

На основе изучения направлений деятельности фонда можно сделать вывод, что все они нацелены на сохранение культурных ценностей, на развивающие и воспитательные программы. Причем организация работы фонда не стоит на месте, происходит постоянное внедрение новых технологий для сбора средств или привлечение уже существующих и зарекомендовавших себя, например, по принципу краудфандинга. Главное для фонда — иметь стабильное внебюджетное финансирование.

Стоит отметить, что 12 марта 2019 года в Омском областном музее изобразительных искусств имени М. А. Врубеля состоялось открытие единственного в нашей стране Российского центра знаний по целевым капиталам в сфере культуры, что явля-

ется большим шагом на пути к успеху для еще большего развития эндаументов в России.

Фонд целевого капитала Российского академического молодежного театра (РАМТ, г. Москва) стал первым из российских театров, внедривших модель целевого капитала. Эндаумент для театра — средство повышения финансовой устойчивости и возможность приглашать молодых режиссеров, реализовывать экспериментальные проекты, проводить образовательные и творческие программы. В уставе фонда поддержки РАМТ в разделе про формирование целевого капитала описано внедрение новой модели финансирования деятельности театра. Это открытие Клуба друзей РАМТ, объединяющего зрителей и партнеров, которые заинтересованы в участии жизни театра и его развитии. Для того чтобы вступить в Клуб друзей, необходимо внести сумму от пяти тысяч рублей. Собранные средства будут аккумулироваться в фонде целевого капитала, а члены Клуба будут наделены привилегиями при заказе и покупке билетов, получают приглашения на мероприятия театра, экскурсии за кулисы, посещения прогонов и приглашения на премьерный спектакль сезона. В Клубе друзей РАМТ 3 программы: молодежная, классическая и семейная. Существуют отдельные бонусы для корпоративных доноров в виде возможности проведения мероприятий в помещениях театра, экскурсий, мастер-классов. Привилегии различаются в зависимости от суммы пожертвований [4, с. 26–27].

Таким образом, приоритетным принципом для Фонда поддержки РАМТ является организация успешной работы с потенциальными донорами и модель «программы лояльности» потребителей, что обеспечивает возможность донору ощутить причастность к будущему театра.

Взнос в целевой капитал имеет преимущества перед другими формами благотворительности, поскольку гарантирует целевой характер использования и строгую систему отчетности перед жертвователями.

Анализируя данную форму финансирования, следует отметить, что грамотные рекомендации по организации эндаумента способны повысить его эффективность и пользу, что, в свою очередь, актуализирует их разработку. Для начала необходимо осмыслить, зачем нужен целевой капитал, определить его идейную основу, затем выстроить четкую и понятную систему управления, обеспечить взаимопонимание с управляющей компанией. При таком управлении важно индивидуально работать с донорами, а именно: создать для благотворителей специальные программы, открыть клуб друзей организации, обеспечивающий лояльность аудитории. Использовать возможности массового фандрайзинга, обеспечить постоянное присутствие в информационном поле, а также создать удобную инфраструктуру для внесения пожертвований. Механизм распределения средств должен быть понятным и открытым.

Опыт успешных проектов позволяет согласиться с тем, что Россия сделала рывок в эндаументах и в настоящее время у нас есть множество примеров по привлечению дополнительных средств в сфере культуры. Для стабильного будущего эта сфера должна развиваться. Эндаументы создаются даже при небольших организациях и оказывают положительное влияние на их работу, руководствуясь опытом зарубежных и

российских фондов, уже доказавших свою продуктивность. В России таким примером является специализированный фонд управления целевым капиталом «Капитал местного сообщества» в г. Пенза, наиболее часто упоминаемый в российских СМИ и находящийся в фокусе внимания в социальных сетях, что является «вечным двигателем» фонда целевого капитала. Другие примеры: фонд развития Государственного Эрмитажа и специализированный фонд целевого капитала Государственного музея-заповедника «Петергоф» (оба – Санкт-Петербург), фонд целевого капитала «Истоки». Зарубежными примерами целевых капиталов, поддерживающих культуру и искусство в США, являются: фонд Гетти, эндаумент музея Метрополитен, целевой капитал Британского музея. В США эндаументы существуют очень давно, но у американских учреждений культуры и образования практически нет государственного финансирования, поэтому целевые капиталы являются одним из главных способов поддержки этих сфер.

Европейские страны в течение двух последних десятилетий применяют разнообразные финансовые инструменты поддержки культуры. Особый интерес представляет опыт процентной филантропии в Венгрии, ключевым подходом которого является выделение определенной части общественных доходов, которые могут быть направлены как государственному, так и некоммерческому сектору культуры, например, путем отчисления доли налоговых средств граждан. Суть процентной филантропии заключается в исключительно самостоятельном праве, предоставленном законодательством, на перечисление процента подоходного налога (от 0,5 до 2%) на доходы физических лиц в пользу бюджетной или некоммерческой организации, имеющей право на получение такого рода благотворительности [5, с. 22]. При этом налоговые льготы не предоставляются налогоплательщику.

Налогоплательщик выбирает государственное учреждение или НКО, имеющие право получать такие пожертвования, и направляет им часть своего подоходного налога через налоговые органы.

В Венгрии в середине 90-х годов был впервые предложен формат процентной филантропии для поддержки социокультурной сферы. В 1996 году был принят «Закон об 1%», по которому физические лица приобрели право перечислять 1% суммы НДФЛ, уплаченного в прошлом налоговом периоде, указанным ими государственным или некоммерческим организациям социокультурной сферы. В свою очередь НКО, получив возможность дополнительного финансирования, стали проводить широкомасштабные компании среди населения с целью информирования о своей деятельности.

Для удобства налоговых отчислений налогоплательщики могут поставить отметку в специальной форме в приложении к годовой декларации о доходах, затем указать идентификационный код НКО, вложить форму в отдельный конверт и передать в налоговую службу вместе с декларацией или работодателю, который передает конверт в налоговую. Налоговая инспекция занимается сбором и распределением конвертов и деклараций, обработкой данных по 1%-ным декларациям, проверяет количество налогов, уплаченных налогоплательщиком, затем обращается к НКО для выполнения процедуры для получателя. После этого НКО оформляет право на получение отчисле-

ний, отправляет в налоговую инспекцию и регистрирует данные, получает отчисления, позже публикует информацию о деятельности, осуществленной благодаря субсидии.

Примечательно, что при такой практике отчислений отсутствует понятие привилегий для налогоплательщика, то есть жертвователя. В большинстве стран данные о налогоплательщике остаются анонимными, то есть организация видит начисления, но отправитель, оказывающий помощь, остается неизвестным. Если сравнивать данный инструмент финансирования с эндаументом, то отличительной чертой и особенностью второго является то, что жертвователь приобретает ряд привилегий от организации, наделяется почетным статусом, получает персональные благодарности.

Следующий важный аспект процентной филантропии — открытость. Организации, которым поступают отчисления налогов, обязаны информировать налогоплательщиков через СМИ о своей деятельности с опубликованным отчетом о расходовании полученных средств. Этому принципа придерживается эндаумент, размещая на сайте некоммерческой организации отчеты об использовании, распределении дохода от целевого капитала.

Успешность и эффективность инструмента процентной филантропии зависит от того, насколько понятна и удобна система отчислений налогов для жертвователей. Правом такой филантропической деятельности пользуются не все, но можно говорить о ее успешном развитии и популярности. Так, если в 1997 году в Венгрии только 8% использовали эту возможность, то в 2017 году число участников составляет до 80% всех налогоплательщиков [5, с. 28]. В случае, если налогоплательщик не пользуется правом отчислений части своего налога, так как не может выбрать конкретное направление или организацию, то можно создать специальный фонд как еще один инструмент дополнительного финансирования. Распределение средств из такого фонда можно осуществить посредством предоставления грантов, участия в специализированных конкурсах, в том числе стипендиальных для деятелей социокультурной сферы.

По сути, в процентной филантропии, успешно работающей в европейских странах, используются те же модели и принципы, что и в других формах пожертвований. Анализируя международный опыт, можно сделать вывод, что процентная филантропия является определенным отражением полезного развития отношений между государством и обществом и этот инструмент интересен для России.

Федеральный закон РФ от 4 ноября 2014 года 327-ФЗ «О меценатской деятельности» устанавливает порядок оказания меценатской поддержки, регулирует отношения между меценатами, получателями помощи и государством. При правильно выстроенной системе модель процентной филантропии может стать еще одним способом развития благотворительности, соответствуя положениям закона «О меценатской деятельности», и эффективным ресурсом поддержки учреждений социокультурного сектора.

Остановимся на некоторых вопросах, которые могут возникнуть при внедрении и организации данного инструмента в нашей стране. Для того чтобы модель процентной филантропии была востребована в нашей стране, необходимо максимально проинформировать налогоплательщиков, заинтересовать и призвать к участию. Необходимо

выработать и согласовать метод исчисления вводимого процента налога: либо добавить к действующим 13% еще один процент, либо путем вычета из существующей ставки. В первом случае затратами будут дополнительно обременены граждане, а это повлечет за собой ряд недовольств, во втором случае негативно может высказаться государство. В связи с этим будет справедливо отметить, что, по данным газеты «Ведомости», для выполнения задач в сфере образования, здравоохранения и инфраструктуры правительство нашей страны рассматривает вариант повышения налога на доходы физических лиц с 13 до 15% к осени 2019 года, что затронет обычных россиян. В этом случае граждане будут иметь повышение подоходного налога, причем без предоставления возможности добровольного отчисления процента конкретной организации. С этой точки зрения внедрение модели процентной филантропии в России может стать особенно актуальным: создание специального единого фонда, куда бы отчислялись 1–2% с подоходного налога, что смогло бы дополнительно финансировать не только образование и здравоохранение, но также те сферы, которые добровольно выбирает сам налогоплательщик, например культуру.

Затем следует понять и выстроить удобную систему для налогоплательщиков, которые захотят направить процент подоходного налога определенным организациям, установить конструктивные и доброжелательные взаимоотношения между налогоплательщиком и налоговыми органами, так как одной из проблем в России является недоверчивое отношение и нежелание связываться с инстанциями и чиновниками. Здесь же необходимо определить направление и конкретные организации, в пользу которых будут отчисляться налоговые поступления, исследовать возможность введения новой модели с учетом необходимых законодательных и иных институциональных изменений [6, с. 143]. Важно, чтобы такой метод был основан на добровольных отчислениях процента дохода, что и является основой механизма благотворительной деятельности.

Таким образом, модель процентной филантропии позволит гражданам участвовать в распределении части своего налога, станет ресурсом развития учреждений социокультурной сферы и в целом обеспечит развитие культуры благотворительности. Развитие эндаумента повысит успешность организации и ее деятельности во благо общества. Эти два пути внедрения филантропии как ресурса дополнительного финансирования учреждений социокультурного сектора России могут эффективно дополнять друг друга и способствовать широкому вовлечению граждан в общественную и культурную жизнь.

Список использованной литературы

1. Шарипков О. В., Французова С. В. Эндаументы. Начало: как создать свой целевой капитал в регионе. М. : Благотворительный фонд В. Потанина, 2017. 182 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25. 12. 2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.01.2019). Ст. 219 «Социальные налоговые вычеты» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Федеральный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» от 30.12.2006 г. № 275-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Орачева О., Самолетова А. Целевые капиталы: как собрать свой пазл. М. : Благотворительный фонд В. Потанина, 2017. 80 с.

5. Музычук В. Ю., Хаунина Е. А. Институциональные новации в финансировании культуры : (науч. доклад). М. : Ин-т экономики, 2016. 68 с.

6. Хаунина Е. А. «Процентная филантропия» – дополнительный финансовый ресурс организаций социально-культурной сферы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 2(14). С. 141–143.

Салтанович Ирина Петровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и логики, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, Минск, saltan@tut. by

УДК 316.7(476)

Социокультурные ловушки инноваций и парадоксы постсоциализма в Беларуси

Аннотация. В статье исследуется социокультурный контекст инноваций в Республике Беларусь. Выстраивается понятие «социокультурной ловушки», риски попадания в нее. Первичным в данном направлении является вопрос о реакции социума на распространение инноваций, которые сопровождаются или сталкиваются с социальными изменениями, связанными с социальной структурой и культурными особенностями различных сред. Анализируется белорусское общество, присущие ему черты постсоциализма через характеристики идентичности, патернализма, отношения к инновациям и др. Учитывая особенности современного белорусского общества, возможным мощным стимулом инновационного развития, выходом из социокультурных ловушек рассматривается креативная экономика.

Ключевые слова: социокультурная ловушка, инновации, культура, постсоциализм, человеческий капитал, креативность.

Irina Saitanovich

PhD in Sociological sciences, Minsk State Linguistic University, Belarus, Minsk, saltan@tut. by

Sociocultural innovation traps and post-socialism paradoxes in Belarus

Abstract. Belarusian socio-cultural innovation context is a subject matter of the article. Inside there is a definition for “socio-cultural trap” and the risks of getting into such a trap are described. Primary question on this field will be the reaction of society on the innovation spread that is coupled or tackle the changes within the social structure and peculiarities of different nation. There is an analytical research of Belarusian society and its’ attributes, such as, the traits of post socialism through the identity characteristics, paternalism, attitude to innovations and many more. Taking into consideration the individual traits of contemporary Belarusian society, the most powerful prospective impetus for the innovation evolvement and possible exit from socio cultural traps is considered to be creative economy.

Key words: sociocultural trap, innovations, culture, post-socialism, human capital, creativity.

Беларусь, опираясь на человеческие ресурсы, созданную социально-экономическую и духовную базу, исключительно выгодное географическое положение, обладает уникальными возможностями для осуществления задач, которые диктует современный этап в истории человечества. Мир стоит на пороге шестого технологического уклада, о котором в Беларуси говорить рано, так как его доля составляет меньше 5%, около 50–60% экономики страны — это четвертый уклад, 30–40% — пятый (по оценке председателя Президиума НАН Беларуси В. Гусакова) [1]. Вхождение Беларуси в шестой технологический уклад не самоцель, а скорее вопрос выживания, развития экономики, достижения высокого уровня благополучия людей, на что и нацелены преобразования в стране, для осуществления которых нужны лишь политическая воля и, разумеется, время. Время, потому что при институциональном проектировании реформ, способствующих инновационному развитию и экономическому росту, в Беларуси, как ни в какой другой постсоветской стране, актуализируются риски «социокультурных ловушек». Процессов, когда ценностные установки группы реформаторов — людей, обладающих высокой восприимчивостью к инновациям и в то же время имеющих национальный масштаб самоопределения, вступают в конфликт с ценностями более широких общественных групп, не поддерживаются ими на социокультурном поле.

Само понятие «социокультурная ловушка» тесным образом связано с теорией институциональных ловушек, с социальными или поведенческими ловушками, вобрав в себя некоторые черты инверсионной ловушки. При этом «социокультурная ловушка» имеет достаточно специфическую характеристику.

Исторически теория институциональных ловушек берет свое начало в публикации В. М. Полтеровича 1999 года [2], в которой автор раскрыл роль трех групп факторов возникновения ловушек: фундаментальных, организационных и социетальных. И именно третья группа дает одну из граней социокультурной ловушки — факторы, отражающие сложившиеся ожидания и стереотипы социального взаимодействия.

Определение, данное Джоном Платтом в 1973 году в работе, посвященной социальным ловушкам [3], основанное на анализах и выводах автора и его коллег Джона Кросса и Мелвина Гайера, с социальной стороны расширяет понятие «социокультурная ловушка» характеристикой ситуаций, в которых индивидуумы или группы выбирают некую линию поведения, которую затем бывает очень трудно изменить. Исходя из классификации на ловушки и контрловушки, последние, говоря словами исследователей, возникают, когда мы избегаем потенциально выгодного поведения [4].

Отчасти мы можем заметить и проявление **инверсионной ловушки** как результат стремления людей утвердить через инверсию исторически сложившийся нравственный идеал, не замечая, что социальные условия существенно изменились, что приводит к возрастанию социокультурного противоречия, к неожиданным результатам и к быстрому нарастанию дискомфортного состояния. Инверсионная ловушка проявляется как в управленческих решениях, так и на быденном уровне, когда поиск разумных решений подменяется бездумной архаичной схемой (штурмовщина).

До сих пор спорным потенциальным стимулом инноваций для определенного числа ученых является культура. При этом число исследований, связывающих культуру с уровнем предпринимательства и инноваций, продолжает расти. Американский социолог Л. Харрисон, автор книги «Culture Matters» («Культура имеет значение»), пытается ответить на один из самых интригующих вопросов всемирной истории — почему одни государства процветают, в то время как другие остаются экономически неразвитыми? Он считает, что ответ надо искать в культуре, во влиянии культурных различий и ценностей на экономику и, как следствие, на благоденствие наций [5].

На пути развития человечества наследственный фактор культуры имеет ключевое значение, являясь своего рода генетическим кодом, именно он способствует появлению колоссальных различий в культурах разных народов. «Культурный код — это бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна, в контексте культуры в которой мы воспитаны» [6, с. 2].

Разность культур, в свою очередь, может привести к появлению сообществ людей, имеющих свои неповторимые врожденные способности. Поэтому люди, принадлежащие разным культурам, по-разному адаптируются к реалиям современной экономики, а это в свою очередь предопределяет важнейшую составляющую социокультурной среды и одну из важнейших граней социокультурной ловушки.

В итоге мы получаем интегральное понятие, которое характеризует некоторые (определенные) периоды субъективной субкультурной гетерогенности, готовности, возможности или торможения инновационных изменений на определенной территории. Понятие социокультурной ловушки может помочь нам разобраться не только в том, какие факторы и причины способствуют ее появлению, но и каковы пружины ее раскрытия и исчезновения.

Социокультурные факторы включают в себя многообразие неформальных институтов, связанных с ценностями и поведенческими установками, разделяемыми белорусским обществом и медленно меняющимися во времени; традиции, безусловно, имеющие, прежде всего, социокультурную природу, как «факт сознания» — застывший и неизменный элемент «коллективной памяти»; культурный генетический код. Белорусское общество в силу своих социокультурных особенностей инерционно (постсоветский синдром), что значимо ограничивает возможности по проведению институциональных трансформаций, воздействуя как на скорость их осуществления, так и на саму возможность их реализации, поэтому отдельные преобразования могут блокироваться или не восприниматься населением.

Неравномерность реформ в Беларуси может стать причиной возникновения ловушек, в том числе социокультурных. Направление реформ, их темпоритм должен соответствовать социокультурной среде, на которой реформы осуществляются. Иногда слишком медленные или слишком быстрые прогрессивные преобразования приводят к дезавуированию самих преобразований и равнозначны неудаче; результаты реформ не должны заставлять себя ждать слишком долго, ибо это ведет к потере доверия широких слоев населения.

Эффективность социума зависит от действующих институтов. Если имеет место институциональное нововведение и исходные институты меняются, то людям нужно время и ресурсы (усилия, деньги, технологии), чтобы адаптироваться к произошедшим изменениям для сохранения прежней эффективности системы. Соответственно, чем больше «плотность» институциональных перемен и период, в течение которого они происходят, тем больше у населения адаптационные издержки [7], социокультурная подложка не является еще той эффективной почвой, на которой будут активно произрастать инновационные всходы.

Источник и усилитель инновационных процессов — культура, но инновационный потенциал культуры может реализоваться только там, где созрели благоприятные для него объективные обстоятельства (социальность) и субъективные факторы (индивиды, способные воспринять и поддерживать эту культуру). Отправной точкой, главным критерием в данном случае является отношение белорусов к инновациям.

Как показывают результаты опроса (2017) Центра европейской трансформации (ЦЕТ) «Социальная база программ трансформаций в Беларуси», уровень знания инновативов из социальной и культурной сферы не преодолевает 20-процентного барьера. Большую известность имеют инновативы технической сферы, новшества же в социальных, трудовых, культурных отношениях (даже такие достаточно давно практикующиеся в Беларуси, как фриланс) имеют довольно ограниченный круг употребления [8, с. 19].

Эта закономерность коррелирует с общей ситуацией инновационного развития в глобальном контексте. Интеллектуалы и аналитики во всем мире отмечают запаздывание не то что социальных инноваций (как уже реализованных новшеств), но даже и осмысления социальных последствий бурно развивающегося технического прогресса, а также риски, которые встают перед мировым сообществом в связи с этим.

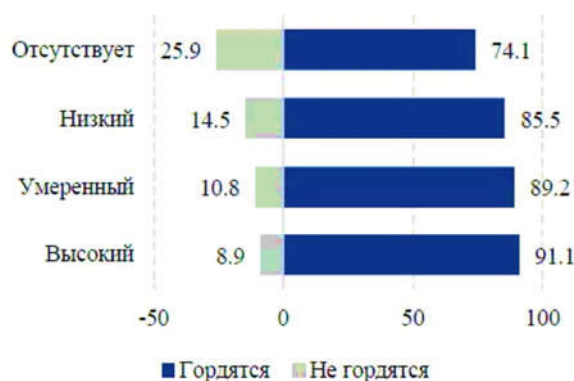
Учет социокультурного профиля населения, анализ интенсивности инновационного поведения, использования разного рода новых (и сравнительно новых) услуг, а также образовательных практик, показывает, что, во-первых, технические и товарные инновации и услуги более востребованы, чем социальные и образовательные, а во-вторых, что традиционные формы «потребления» образования и культуры по-прежнему преобладают над новыми. Одновременно с этим очевиден имитационный характер некоторых как бы уже идущих процессов реформирования.

Рыночная экономика и соответственно мышление, способствующее встраиванию в современный формат, предполагающий инновационный посыл, еще только формируется на белорусской почве в силу временного пути и противодействия культурного кода, то есть невыстроенности инновационной социокультурной среды. Это подтверждается и выводами Исследовательского центра ИМП, в которых нынешнее положение в Республике Беларусь объясняется в первую очередь тем, что приверженцы рыночной экономики видят больше противоречий между их представлениями о должном и современной белорусской реальностью, что и приводит их к некоторому разочарованию в происходящем [9, с. 14].

*Гордятся ли респонденты Беларусью
в зависимости от их системы
экономических ценностей*

*Гордятся ли респонденты Беларусью
в зависимости от уровня
государственного патернализма*

Источник: Исследовательский центр ИПМ.

Важным фактором развития Беларуси и единственной возможностью занять достойное место в глобальном мире является наличие в стране человеческого ресурса. Парадоксы постсоциализма проявляются в распространенности и характере советской идентичности в нашей стране, которая в начале 2000-х годов рассматривалась исследователями как «исчезающая», а по данным исследования (2017) Центра европейской трансформации (ЦЕТ) «Социальная база программ трансформаций в Беларуси», в количественном отношении остается на прежнем уровне, но меняются ее характеристики. Носители советской идентификации в среднем становятся «моложе», «образованнее» и «урбанизированнее», при этом сохраняя старые поведенческие стереотипы [8, с. 49].

Открытость общества к восприятию и реализации технических и социальных инноваций, человеческие качества и профессиональная квалификация, позволяющие участвовать в глобальных процессах, определяют потенциал развития страны в ближайшем будущем. Наличие политической воли и запуск процессов реформ в различных сферах может актуализировать этот потенциал. Следовательно, необходим поиск специфических, особенных механизмов поворотной спирали, чтобы «социокультурная ловушка» не захлопывалась, а раскрывалась для того, чтобы из ныне имеющейся сложной реальности выстроить конструктив, чтобы кажущиеся недостатки постсоциализма превратить в достоинства, помогающие поступательному развитию.

В различных вариантах мы можем наблюдать активное участие правительств в поддержке инноваций. Например, немецкое правительство в XIX веке представляло собой подходящий пример «государства развития», которое серьезно вмешивалось в развертывание ключевых отраслей промышленности (например, химической), рассматриваемых как важные столпы более широкого экономического становления, так и Соединенные Штаты усердно формировали ключевые отрасли.

То, что отличает Китай от предыдущих исторических примеров, — это более глубокое знание сопутствующих параллельных событий в истории и более высокий

уровень общей координации политики в китайской системе, сочетающей элементы социалистической и свободной рыночной политики. Таким образом, сочетание рыночного стимулирования и жесткое участие государства делают Китай уникальным в истории, поскольку контроль правительства охватывает почти все сферы деловой активности, что делает его важным участником всех инновационных мероприятий в разных отраслях. Похожая ситуация и в сегодняшней Беларуси.

В современных условиях Китай стремится заявить о себе как новый центр «мягкой силы», разработка и внедрение технологий которой является частью целенаправленной долгосрочной политики государства. Культура занимает все более важное место в соперничестве между странами, крупные государства целенаправленно наращивают «мягкую силу» культуры ради повышения своей международной конкурентоспособности [10]. На XVII съезде КПК тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный развитию культуры, а не внешней политики. С того времени нормативная китайская трактовка «мягкой силы» стала «культуроцентричной», то есть создание и развитие инновационной социокультурной среды стало для государства одной из приоритетных задач [11].

В итоге в КНР создана успешная незападная политико-экономическая модель, неотъемлемой составляющей которой является государственное регулирование рынка и постепенное (не шоковое!) распространение рыночных механизмов в экономике.

Конечно, отдельные элементы китайских реформ или их комбинации уже встречались в XX веке в мировой истории в странах этого же региона (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур). Однако ближе всего китайские реформы находятся к советскому нэпу. И это принципиальный момент с точки зрения использования собственного исторического опыта для реформирования Республики Беларусь на современном этапе.

Важно описать места и формы, в которых «живет» инновационное поведение и установки на инновации в Беларуси сегодня. Похоже, это отрасли, особенно тысячи малых и микропредприятий, которые находятся на переднем крае творчества, которые могут иметь не только растущее экономическое значение, но, в некотором смысле, являются предвестниками целого нового экономического порядка, обеспечивающего новую парадигму организации бизнеса, понимания и «развертывания» образования, оценки значимости труда и карьерного роста.

Как можно адаптировать социальную среду, чтобы создать условия для появления наиболее продуктивных социальных групп, институтов, способных воспользоваться в наилучшем варианте, в своих интересах эффектом от инноваций? В первую очередь мы должны исследовать, как социум реагирует на распространение инноваций. Вместо того чтобы определять, какое влияние оказывают инновации, мы должны рассмотреть, как двигаться к новым производственным практикам, индуцирующим инновации или специализирующимся в тех видах производства, которые имеют сильный потенциал развития либо создают социальные условия, позволяющие внедрять инновации [12].

Как было сказано выше, распространение изменений (новаций) сопровождается или сталкивается с социальными изменениями, связанными с социальной структурой и культурными особенностями различных сред. Эти изменения напрямую зависят от возможности «постсоциалистического» социума приспособиться к техническому прогрессу, технологическим изменениям, вызванным различными типами инноваций, и адаптировать их таким образом, чтобы создать условия для генерации инноваций как потенциала последующего экономического роста, опираясь на преимущества «остаточного советского мышления».

В Беларуси риски попадания в социокультурную ловушку достаточно велики. Выход из данной ситуации только один — использование накопленного потенциала человеческого капитала (пусть и с постсоветскими «издержками») с собственным разворачиванием инновационной спирали, в первую очередь, опираясь на актуальное образование без попытки приукрашивания, с одной стороны, и бесконечного понукания — с другой. Площадка для раскручивания спирали формируется: это и молодой сектор малых и средних предприятий, ИТ-сектор (ПВТ), но оставшиеся с советских времен институты промышленного, сельскохозяйственного, а особенно социального секторов «засасывают», «замывают» творческие инициативы непониманием и невозможностью их реализации.

Заметим, что в развитии инноваций есть несомненная временная логика. Инновации, которые обновляют промышленный потенциал в определенное время, возникают всегда за несколько десятилетий (точнее, за тридцать лет) до видимого эффекта. Примерно таков естественный период «приспособления» научного достижения к практическим потребностям. Для Беларуси это означает, что страна имеет еще актуальный инновационный задел, накопленный поздней советской наукой и «оборонкой». Его и надо использовать при создании точек инновационного роста экономики.

Ещё одна грань социокультурной ловушки проявляется в государственном патернализме, который, с одной стороны, обеспечивает некоторую стабильность и предоставляет социальные гарантии, но, с другой — поддерживает малоинициативный образ мышления и в целом жизни. Так, по результатам исследования ИПМ, достаточно широко среди населения Беларуси распространено мнение о том, что лучше иметь меньшую зарплату с гарантированной работой (39,1%), но не иметь рисков, которые неизбежно связаны с инновационной активностью [9, с. 12].

Осторожность и малое желание «высовываться», связано с присущим достаточно большому числу населения страны стереотипу поведенческой беспомощности, корни которого кроются в советском прошлом. Привычка искать и иметь поводыря, а то и жесткого авторитарного лидера, который укажет, расскажет и накажет за нерадивость, — одна из причин попадания в ловушку. Это во многом связано со склонностью предприятий уходить от риска, а также с многочисленными препятствиями на пути творчества инноваторов, «канцелярщиной», волокитой. Подобные помехи отрицательно влияют на координацию усилий, людские ресурсы и правовую сферу, что в

итоге ограничивает возможности превращения научных прорывов и технологических достижений в коммерческий успех.

Уровень патернализма является одним из звеньев общей системы ценностей человека и связан с его внутренними убеждениями и мотивацией. Те, кто предпочитает стабильность развитию и гарантии риску, как правило, не готовы брать на себя ответственность и проявлять инициативу.

*Что государство должно делать и что оно
действительно делает [9, с. 12]*

	Должно	Делает
Давать возможность зарабатывать	99.6	42.6
Обеспечивать льготы, пособия	95.4	62.9
Обеспечивать пенсию	98.9	65.7
Выплачивать высокую стипендию	87.8	27.6
Обеспечивать бесплатное среднее образование	96.7	68.0
Обеспечивать бесплатное высшее образование	88.7	39.2
Обеспечивать качественное медицинское обслуживание	98.4	41.5
Защищать от криминала	98.6	69.2
Гарантировать трудоустройство	95.3	14.6
Обеспечивать бесплатное медицинское обслуживание	95.9	55.8
Гарантировать соблюдение законности, чтобы в случае проблем я мог решать проблемы через суд	97.1	58.5
Обеспечивать соблюдение работодателями обязанностей перед работниками	98.0	52.8
Обеспечивать возможности для предпринимательской деятельности	93.8	41.3
Помогать при покупке жилья, давать льготные кредиты	94.0	41.3

Источник: Исследовательский центр ИПМ.

Стоит обратить внимание на общий уровень ожиданий населения. По каждому из перечисленных пунктов он очень высок — не менее 87% респондентов считают, что государство должно делать всё из приведённого списка. С одной стороны, такой высокий уровень ожиданий от государства говорит о высоком уровне патернализма, но прямой анализ уровня патернализма показал, что он невысок. В связи с этим здесь может возникать внешний фактор ожиданий, который самим государством и создаётся, при этом значительная часть респондентов отмечает в качестве проблемы и неготовность к реформам как белорусских властей (41,4%), так и общества в целом (44,9%) [8, с. 88].

По данным исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, ценности, задающие самый широкий спектр социальной активности и представляющие не столько индивида или малую социальную группу, сколько общество в целом (карьера, высокое положение в обществе — 8–10%; творчество — 5%; общественное признание, известность, репутация — около 3%), занимают периферийное положение в шкале предпочтений белорусов, что весьма показательно для нашей страны [13].

Хочется отметить и положительные тенденции, произошедшие за последнее десятилетие. Так, доля людей, разделяющих ценности рыночной экономики полностью или частично, в 2018 году составила 46,8%, что на 10% выше результатов 2008 года, несколько снизилось количество приверженцев плановой экономики. Видимые сдвиги показывают, что необходимо направленно и очень точно стараться выстраивать инновационные стратегии и инициативы, иначе «разговорный процесс» может затянуться на многие десятилетия [14, с. 28].

Исследование, проведенное ЦЕТ, описывает белорусский социум как довольно сбалансированный в отношении к инновациям, с довольно специфическими, «парадоксальными» чертами, выраженными в «ренессансе» советской идентификации с незавершенными процессами десоветизации [8, с. 93]. Но опыт Китая демонстрирует, что, казалось бы, недостатки («неискорененный социализм») можно при вдумчивом и грамотном подходе обернуть во благо и результат. Беларусь не Китай, но некие общие схемы и механизмы можно найти и выявить именно в социокультурном поле. Очень точные стрелы, направления удара в формировании инновационно-восприимчивой среды не дадут возможности захлопнуться социокультурным ловушкам инноваций в нашей стране.

Социокультурная ловушка — разомкнутая система. Основной вопрос заключается в том, как сделать так, чтобы общество восприняло инновацию, которая стала бы для нее органичной, и оно понесло бы эту инновацию дальше? Ведь можно привнести какую-то модель извне, можно создать некие институты, можно выделить немалые средства, можно начать развивать определенные направления, но все они никак не будут связаны с остальной инфраструктурой. В нашей инновационной политике такая связь в принципе предусмотрена слабо.

Новое экономическое развитие требует творческих навыков и мыслей, их порождающих, поскольку повышения производительности уже недостаточно для создания конкурентного преимущества. Креативность с опорой на культурный базис является мощным средством переворота норм и принятых правил с целью выделиться в условиях интенсивной экономической конкуренции. Поскольку запас человеческого капитала сложнее увеличить, чем физический запас в сообществе или стране, население с большим запасом человеческого капитала может превзойти тех, у кого запасы человеческого капитала ниже с точки зрения их способности для создания предпринимательского таланта, стимулирующего инновации (Шульц, Беккер, 1979).

Самое важное в этом случае — каким образом инновационные программы усваиваются обществом. Можно собрать гениальных ученых, замечательных чиновников, прекрасных экспертов, придумавших, как осуществить прорыв через инновации, но эти инновации не получают поддержки со стороны общества или, что еще хуже, будут полностью им отторгнуты.

Значит, дело не только в инновационной политике, которая должна касаться только технологий и вопроса о том, куда направить деньги. Важно представлять, как эту инновационную политику выстроить на том социальном каркасе, который имеется

у общества. Это, в свою очередь, предполагает необходимость понимания тех механизмов, которые лежат в основе развития белорусского общества.

Строительство креативной экономики может являться одним из основных вопросов инновационной политики Республики Беларусь, способом выхода и непопадания в социокультурные ловушки. Чтобы решить данную проблему, необходим системный подход и широкое сотрудничество на правительственном уровне и в регионах (местные органы власти, региональные консорциумы, местные государственные учреждения, компании, культурные организации и т. д.).

При высоком уровне инновационной культуры общества в силу взаимокорреляции, взаимозависимости ее частей изменение одной составляющей вызывает быстрое изменение других. В условиях же инновационной стагнации необходим мощный организационно-управленческий и правовой импульс, чтобы заработали механизмы саморегулирования. Для этого требуется институционализация креативной экономики, инновационной культуры, т. е. превращение ее развития в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения, ответственностью участников. Речь идет не о «забюрокрачивании» деятельности, а о необходимых мерах консолидации, поскольку нужно в короткие сроки решить крупные общественно значимые вопросы.

Приоритетом будущего развития Республики Беларусь должны стать креативная экономика и творческие индустрии как важнейшая составляющая экономики, а основными компонентами успеха — гибкость в принятии решений и открытость инновациям. Создание и поддержка творческих индустрий — это катализатор поиска оптимального выхода из экономического кризиса, связанного с реструктуризацией и модернизацией экономики страны, ростом конкурентоспособности; поиском новых управленческих кадров, методов, идей и, как следствие, формированием идентификации и нового имиджа, решением социальных задач.

Организационные, технологические и социокультурные инновации в результате продуманных решений должны становиться нормой в белорусском обществе, продуцируя постепенные социальные изменения и постепенный экономический рост. В экономическом развитии социокультурные инновации добавляют то дополнительное измерение, которое способно помочь поддерживать все направления, обеспечивая социальный капитал, необходимый для экономического и социального роста в рамках Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Общество постепенно переходит от товарной экономики к интеллектуально-творческой. Без умения сбалансировать когнитивно-креативный потенциал с товарными рынками мы не будем иметь шансов на успех.

Список использованной литературы

1. Германович И. «В XXI веке – веке биотехнологии – важно не отстать от лидеров» / СБ,30 сентября 2014. URL: [https://www. sb. by/articles/v-xxi-veke-veke-biotekhnologii-vazhno-ne-otstat-ot-liderov. htm](https://www.sb.by/articles/v-xxi-veke-veke-biotekhnologii-vazhno-ne-otstat-ot-liderov.htm)

2. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. М., 1999. Т. 35, № 2. С. 1–37.
3. Platt J. Social Traps // American Psychologist. 1973. 28(8). P. 641–651.
4. Плаус С. Психология оценки и принятия решений : пер. с англ. М. : Информационно-издательский дом «Филинь», 1998. 368 с.
5. Harrison, L. E., Huntington S. P. Culture matters : how values shape human progress . N. Y. : Basic Books, 2000. 348 p.
6. Рапай К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему. М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. 167 с. (Сер.: Сколково).
7. Институциональные и технологические ловушки: калейдоскоп идей. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/institucionalnye_i_tehnologicheskie_lovushki_kalejdoskop_idej/
8. Шелест О. Социальная база программ трансформаций в Беларуси // Минск : Центр европейской трансформации, 2017. 153 с.
9. Урбан Д. Культурные и религиозные ценности населения Беларуси в 2018 году. Минск : Исследовательский центр ИПМ, 2019. 38 с.
10. Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу». URL: <https://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>
11. Шабалов М. П. Основы культурной политики Китая. URL: <http://sec.chgik.ru/osnovyi-kulturnoy-politiki-kitaya-2/>
12. Lévesque B. and F. La nouvelle sociologie économique / Bourque and Forgues. Paris : Desclée de Brouwer, 2001. 284 p.
13. Лашук И. В. Социокультурная дифференциация современного белорусского общества // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 31–53.
14. Урбан Д. Экономические ценности населения Беларуси в 2018 году. Минск : Исследовательский центр ИПМ, 2019. 37 с.

Варга Беата

Phd Habil. доцент кафедры Всемирной истории Нового времени, Сегедский университет, Венгрия, Сегед, varga.bea@hist.u-szeged.hu

УДК 323

Региональные варианты исторической памяти на Украине

Аннотация. В статье представлен анализ украинской исторической политики, направленной на трансформацию исторической памяти. На Украине начиная с 1991 года возникла необходимость легитимации формирующегося национального государства и общественного устройства при помощи истории. На современной Украине можно говорить о трёх типичных вариантах исторической памяти, свойственных трем украинским макрорегионам — западу, юго-востоку и центру. Отсутствие общих представлений о прошлом и раскол исторической памяти оказывали и будут оказывать влияние на динамику исторических процессов в Украине.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, «разделённая история», нацию творительное государство, двойственная идентичность.

Beata Varga

Phd Habil. Associate Professor at the Department of Modern World History University of Szeged, Hungary, Szeged

Regional variants of historical memory in Ukraine

Abstract. The article presents an analysis of the Ukrainian historical policy aimed at the transformation of historical memory. In Ukraine, beginning in 1991, there was a need to legitimize the emerging national state and social structure with the help of history. In modern Ukraine, one can speak of three typical variants of historical memory, characteristic of three Ukrainian macroregions – the west, the southeast and the center. The absence of general ideas about the past and the split of historical memory have provided and will continue to have an influence on the dynamics of historical processes in Ukraine.

Key words: historical policy, historical memory, "nation forming state", «divided history», double identity.

1. Украину можно классифицировать как страну со слабой государственностью [4, с. 21], которая на протяжении своей истории несколько раз обладала кратковременной государственностью, но в конечном итоге достигла полного суверенитета только в 1991 году. Объединение украинских территорий в рамках суверенного государства продолжалось на протяжении многих веков, и в это время некоторые украинские регионы были частью разных стран с различными культурными традициями и политическими структурами. Эта «разделённая» история Украины затруднила объединяющие и независимые усилия украинского народа и способствовала тому, что исторические регионы «украинских земель» показали существенные различия и все еще их показывают. В отсутствии постоянной государственности в украинском общественном мнении используется понятие «украинские земли», а непрерывность их национальной истории подчеркивается преемственностью территорий, населенных украинцами.

Украинская разделённость и позднее государственное образование были обусловлены прежде всего и тем, что не унаследовали единую национальную идентичность, с этой точки зрения некоторые области Украины были «более зрелые», а другие были «недостаточно развиты» [9]. Во время создания независимой Украины украинская национальная идентичность находилась в состоянии «опоздания», поэтому молодому украинскому государству пришлось создавать нацию, а не наоборот [9]. Поэтому и можно классифицировать Украину как «нацию творительным государством» [6, с. 297]. Таким образом, современная украинская история фактически отличается от традиционной модели формирования национальных государств.

В длительном историческом процессе, ведущем к созданию независимого украинского государства, украинские территории стали двойной и тройной периферией силовых полей [3, с. 191]. До середины XVII века польско-литовское влияние оставило свой след в истории украинцев, но и потом польско-украинские отношения на Западной Украине оставались доминирующими до 1939–45 годов. В результате Переяславского договора 1654 года на украинских землях польско-литовское подданство бы-

ло заменено российским. Согласно Андрусовскому перемирию 1667 года Западная Украина была временно возвращена Польско-литовскому государству. После разделения Польши — между 1772 и 1795 годами — украинскими территориями завладели династии Романовых и Габсбургов, а украинские земли за Карпатами принадлежали Венгрии и Габсбургам еще с времён Средневековья. В течение почти 150 лет — с 1780-х до начала XX века территория Украины принадлежала двум крупным государствам региона: примерно 80% — Российской империи, а 20% (Галиция) — Габсбургской монархии.

2. На юге Украины, к которому принадлежал Крымский полуостров, турецкое господство преобладало до конца XVIII века, а в результате успешных русско-турецких войн Российская империя расширила свои границы до побережья Черного моря. Все украинские территории объединились только в 1945 году в составе Советского Союза и в рамках УССР, где украинцы стали самой густонаселенной этнической группой, но русские по-прежнему играли доминирующую роль.

Во время вековых стремлений украинского народа создать суверенное государство сыграло решающую роль формирование единой идентичности, в рамках которой акцент делался на «национальную историю». Австрийский историк Андреас Каппелер правильно подчеркивает, что «именно истории принадлежит центральная роль в создании идентичности» [12, с. 208]. После развала Советского Союза вновь созданные государства в срочном порядке решали проблему собственной идентификации путем написания национального исторического нарратива. Первые двадцать лет независимой Украины, за которые выросло новое поколение, прошли в поисках нарративной идентичности. Прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что в украинском языке термин «нация» представляет собой совокупность людей не только со своим собственным государством, а и по происхождению, языку и культуре. Начиная с 1991 года в процессе создания национального имиджа Украины стало существенно важным составление для современной украинской политики пригодных исторических нарративов, в которых постоянный акцент на независимость национального государства завоевал эмоциональный и политический заряд [1, с. 58–59] и в то же время узаконил существование молодого украинского государства. В 1993 году первый президент Украины Л. Кравчук высказывал сожаление, что «у украинского народа нет своей истории» [19, с. 53]. Сотрудник Института истории НАН Украины П. Симоненко предложил восстановление в правах национальной истории как прошлого украинского этноса на собственной автохтонной территории [16, с. 90].

В усилении украинской идентичности сыграло важную роль исследование и изучение такой национальной истории, которая была славной и имела непрерывность. Чтобы создать свою «национальную историю», украинские историки должны были доказать, что украинский народ имеет свою собственную, независимую и непрерывную историю, которую можно проследить до древних корней. Политики требуют от историков логически выстроенного под определенную парадигму национального нарратива. Приходилось доказывать историческими аргументами, что история украинцев между IX и XX веками непрерывно развивалась, несмотря на то что в определенных

периодах отдельные части украинских земель попали под подданство Польско-литовского государства, России, Османской и Габсбургской империй. В концентрированном виде это выразил украинский президент В. Ющенко: «История Украины — это история борьбы за независимость Украины, за формирование украинского государства» [20].

Коллективная историческая память служит важнейшим средством самоидентификации, и проводимые с этой целью государством мероприятия называются политической памяти [10, с. 185]. С 1991 года украинские историки и политическое руководство уделяют особое внимание «легитимации» своей истории, в центре этого стремления стоит доказательство их убеждения, что уже раньше существовало независимое украинское государство. Согласно официальному историческому нарративу, сегодняшняя Украина считается прямым потомком средневековой Киевской Руси, казацкого государства, созданного Богданом Хмельницким в середине XVII века, и Украинской Народной Республики 1918–20-х годов [8, с. 47–68]. Вместе с этим особенностью украинской исторической памяти, стала «устойчивая западная направленность», отыскание в истории Украины элементов «родства с Европой» [21, с. 402]. В качестве наглядного примера можно привести официальные речи украинских президентов [8, с. 47–68]. Леонид Кучма считал Богдана Хмельницкого такой титанической исторической личностью, с именем которого связаны выход Украины на международную арену и закладывание основы современной украинской политической нации [14, с. 4–5]. Бывший президент Украины подчеркивает и то, что украинский народ — это «великая нация» в центре Европы, которая и раньше сыграла важную роль в истории Европы. Виктор Ющенко подчеркивал привязанность Украины к Европе прежде всего с культурно-исторической точки зрения и в истории украинского народа поставил на первый план ценности демократии и свободы [11, с. 283]. Главы украинского государства использовали «славную историю» для создания коллективной исторической идентичности, поставив в центр культ Михаила Грушевского, который был первым президентом Украины, и это может быть основанием для легитимации нынешнего президентского института; и Богдана Хмельницкого как создателя украинской государственности, единства и преемственности их истории.

Таким образом, можно констатировать, что ведущие политические деятели Украины и современная украинская историография также единообразно заявляют о том, что украинский народ, «опираясь на многовековую историю создания украинского государства», реализовал свое право на самоопределение в 1991 году, когда была основана суверенная Украина [6, с. 21]. В выступлениях украинских государственных деятелей и в современной украинской историографии [17] общим элементом является и то, что XVII век называют началом такого периода, с которого можно проследить формирование украинской национальной идентичности. В аргументации украинской историографии, хотя «казацкое государство» (1654–1764) не было полноценным государством и существовало недолго, но для последующих поколений Гетманщина стала моделью украинской государственности.

В рамках исследований исторической памяти Пьер Нора показал, что в настоящее время доминирует искусственно сконструированная историческая память [15, с. 17], и можно сказать, что пример постсоветской Украины в этом контексте является весьма характерным [13, с. 20]. После 1991 года украинские историки должны были «формировать» единый образ национальной истории из «мозаичных» событий многих веков, а создание единой идентичности было одним из важных средств легитимации власти в молодом украинском государстве и в первую очередь с точки зрения его национальных и исторических компонентов. Но выполнение этой задачи было затруднено отсутствием традиции непрерывной украинской государственности. Однако следует подчеркнуть, что современная украинская историография творила украинскую историю не из «ничего», потому что в своих рассуждениях преемственность между различными историческими периодами обеспечивалась цепочкой непрерывных стремлений к созданию государственности.

«Новый» исторический нарратив был введен в школьные учебники таким образом, что после 1991 года роль учебников временно взяли на себя [5, с. 24] работы Михаила Грушевского и Ореста Субтельного [18]. Таким образом, можно подчеркнуть, что первый лучший учебник по истории Украины связан с именем канадского историка украинского происхождения Ореста Субтельного, который написал «без страсти и гнева к современности» [10, с. 183].

К ряду основных мифологем украинской исторической памяти можно причислять следующие убеждения современной украинской историографии. Украинцы как этнос начали формироваться с праукраинских восточнославянских племен, проживавших на территории, где сейчас находится современная Украина. Этот процесс в целом завершился в раннем средневековом государстве Киевская Русь, которая, таким образом, считается первым опытом украинской государственности. Историческая судьба украинцев по-особому трагична. История Украины — это история постоянной борьбы за независимость, которая закономерно привела к утверждению независимой украинской государственности. А обретение независимости представляется как закономерное и логическое завершение всей предыдущей истории Украины. Таким образом, главная особенность национального украинского нарратива заключается в телеологии, то есть цель украинской истории — представить исторические процессы как путь к созданию суверенного государства, а именно нынешняя Украина обусловлена многовековыми усилиями по созданию современной украинской нации и суверенного государства [2, с. 9]. В качестве главной черты современного украинского общества и политики мы можем прежде всего подчеркнуть и двойственность, которая вытекает из территориального, культурного и языкового разделения Украины. Вместе с этим все чаще и чаще выходит на первый план мнение о том, что разделённость между Восточной и Западной Украиной настолько острая, что на самом деле разделение Украины на две части кажется неизбежным [7].

За минувшие годы — с момента распада СССР — ситуация с исторической памятью в Украине сильно изменилась, что было связано с тем, что население разных макрорегионов по-разному восприняло историческую политику. Применительно к со-

временной Украине можно говорить о трех типичных вариантах исторической памяти, свойственных трем украинским макрорегионам — западу, юго-востоку и центру. Следует также отметить, что интерпретация национальной истории фактически разделяет украинцев.

На восточных и южных территориях Украины, которые были под российским подданством, не смогло сформироваться движение за независимость, поэтому в этих регионах «неразвитая» украинская идентичность не исключала распространения русского языка и культуры, а также лояльности к русской и советской системам. Среди восточных украинцев, которые на протяжении многих веков имели сильную русскую привязанность, появилась в настоящее время русско-советская версия исторической памяти: они рассматривают свою историю как часть российской истории. На Южной и Восточной Украине большинство украинцев и россиян, имеющих «двойственную идентичность», остались лояльны украинскому государству, но отвергают антироссийскую направленность своей национальной истории и оппозицию «европейской Украины — азиатской России». Это можно объяснить и тем фактом, что после 1991 года советское наследие трудно было полностью вытеснить из «нового» исторического нарратива [5, с. 17], потому что украинские регионы, разделенные на протяжении веков, именно при советском режиме превратились в единую административную и политическую систему.

Историческая память юго-восточной Украины была сформирована под влиянием советской исторической мифологии. Вплоть до настоящего времени в этом регионе мы не находим памятников национальным героям. Основная причина этого состоит в том, что здесь значительная часть населения является не только русскоязычной, но и русскокультурной, для которых история России — это история братского народа и даже общая история.

В то же время на западной Украине, которая находилась под польским и австрийским подданством, сформировалось более развитое национальное сознание по сравнению с восточными регионами, и Советский Союз эти территории смог присоединить только в 1945 году, где и появился независимый от русской истории украинский исторический нарратив. Уже в начале 1990-х годов на западе Украины была произведена легализация национальной символики и переименование улиц в честь национальных героев.

Наиболее радикальные изменения исторической памяти произошли в центральном регионе, где русскоговорящие и русскокультурные киевские интеллектуалы для сохранения своего столичного статуса оказались перед необходимостью доказывать свою «украинскость» [13, с. 27].

Надо подчеркнуть, что Богдан Хмельницкий — один из немногих исторических героев, который в равной степени является законной личностью для «национального и советского» типа украинской идентичности и историографии.

Заклучение

Историческая политика, направленная на трансформацию исторической памяти, начала осуществляться с первых месяцев независимой Украины. Можно говорить об инструментализации исторической памяти, так как история превратилась в инструмент достижения политических целей. Сегодня на Украине продолжается политика исторической памяти, которая руководствуется целями формирования украинской политической нации на моноэтнической украинской основе. Согласно официальной версии украинской исторической памяти существуют «советская» и «национальная» истории, и это обстоятельство определяет «линию размежевания» общества, а советская история якобы препятствует вычленению «национальной». Отсутствие общих представлений о прошлом и раскол исторической памяти оказывали и будут оказывать влияние на динамику политических процессов в Украине, и это всё является одной из главных проблем формирования украинской государственности.

Список использованной литературы

1. Glatz Ferenc. Regionális történetiszemlélet Közép-Kelet Európában // *História*. 2001. 3–7.
2. Jekelcsik Szerhij. *Ukrajna története – Egy modern nemzet születése*. Budapest, 2014.
3. Karácsonyi Dávid. A kelet-európai sztyep és a magyar Alföld mint frontier-területek // *Földrajzi értesítő* 2008. LVII. Évf. 1–2. Füzet. 185–211.
4. Kiss J. László. Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában. // *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában*. Budapest, 2003. С. 13–32.
5. Portnov Andrej. Történelemírás ukrán módra. Megjegyzések a hétköznapi valóság történet alapú átrendezéséhez. // *Ukrajna színeváltozása 1991–2008 – Politikai, gazdasági, kulturális és nemzetiségi attitűdök Szerk. : Fedinec Csilla, Szereda Viktória*. Pozsony, 2009. 11–49.
6. Póti László. *Ukrajna: a nemzetalkotó állam*. // *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában* Budapest, 2003. 297–322.
7. Rjabcsuk, Mikola. Két Ukrajna. // 2000 Irodalmi és társadalmi havi lap 2002. 9. URL: <http://ketezer.hu/2002/09/mikola-rjabcsuk-ket-ukrajna/>
8. Szereda Viktória. Történelmi emlékezet Ukrajna elnökeinek hivatalos beszédeiben // *Regio (Kisebbség, Politika, Társadalom)* 2007/ 3. 47–68.
9. Zsurzszenko Tatjana. Két Ukrajna – A nemzeti eszme bukásának mítosza. // *Transit* 23 (2002) URL: http://archiv.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=274&Itemid=45
10. Гребенник Г. П. Политика памяти в Украине: критические заметки // *История и современность*. 2013. No. 2. Сентябрь. С. 182–199.
11. Гриценко О. Президенти і пам'ять – Політика пам'яті президентів України (1994–2014): підґрунтя, послання, реалізація, результати. Київ, 2017.
12. Каппелер А. Українсько-російські стосунки у ХІХ столітті: гіпотези та відкриті питання // *Доповіді на II Міжнародному конгресі українців*. Львів, 1994. Ч. 1. С. 208–214.
13. Козлов С. В Региональные варианты исторической памяти постсоветской Украины // *Ценности и смыслы / Сибирский институт управления – филиал Российской*

академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 2014. № 6(34). С. 20–31.

14. Кучма Л. Д. Доповідь Президента України на урочистих зборах з нагоди 400-річчя від дня народження Б. Хмельницького // Урядовий кур'єр. 1995. 23 грудня. С. 4–5.

15. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.

16. Симоненко П. До концепції багатотомної «Історії українського народу». Київ, 1993.

17. Смолій В. А., Степанков В. С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ : Альтернативи, 1997.

18. Субтельний О. Україна. Історія. Київ : Либідь, 1991.

19. Томайчук Л. В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие. Terra Humana. 2012. No. 3. С. 52–55.

20. Эхо Москвы: Россия всегда была империей. URL: <https://korrespondent.net/world/worldabus/792362-eho-moskvy-rossiya-vsegda-by-la-imperiej-intervyu-yushchenko>

21. Яковенко Н. «Украина между Востоком и Западом»: проекция одной идеи // Ab Imperio. 2003. No. 2. С. 385–426.

Жадунова Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования, доцент кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Россия, г. Саранск, zhadunovan@mail. ru

УДК 316.614

Влияние политических и культурных процессов на современные стратегии становления личности: вопросы адаптации и социализации мигрантов

Аннотация. В статье представлен анализ стратегий развития личности, которые обусловлены процессами глокализации, накладывающими свой отпечаток на процессы адаптации и социализации мигрантов современном социуме. Вызовы межэтнических взаимодействий политической системы, культуры принимающего социума и культур мигрантов, смешение норм и ценностей оказывают существенное влияние друг на друга и формируют новые возможности для развития личности и общества.

Ключевые слова: стратегии развития, личность, адаптация, социализация, мигранты, глокализация.

Natalia Zhadunova

Candidate of Sciences in Philosophy, Dean of the Faculty of additional education, National Research Mordovia State University, Russia, Saransk

The impact of political and cultural processes in the modern strategies of identity formation: adaptation and socialization of migrants

Abstract. The article presents the analysis of personality development strategies caused by the processes of glocalization. They have an impact on the processes of migrants adaptation and socialization in modern society. The challenges of interethnic interactions between the political system and the culture of the host society and the cultures of migrants, the mixture of cultural norms and values have a significant impact on each other and form new opportunities for the development of the individual and society.

Key words: development strategies, personality, adaptation, socialization of migrants, glocalization.

Современные мировые социокультурные и экономические процессы одновременно развиваются в рамках двух разновекторных направлений – глобализации и локализации. Точкой их пересечения является глокализация как многоуровневая трансформация цивилизационных процессов и явлений, способствующих возникновению сложных, противоречивых, интегрированных форм тесного сращения, взаимодействия двух противоположностей глобальности и локальности.

В основе глокализации лежит взаимодополнение культур, экономик, политических систем в процессе развития международного разделения труда и интернационализации. Глокализация – это объективный процесс, вызванный к жизни воздействием глобализации: глобальные трансформации и локализация, намеренное консервирование культурных особенностей, маргинализация религиозных и этнических традиций, стремление сохранить то, что постепенно утрачивает свою необходимость и целесообразность. Британский социолог, теоретик глобализации Р. Робертсон понимал под глокализацией такую модель современных трансформаций, которая могла бы объединить одновременное сосуществование противоположных тенденций – к универсализации и партикуляризации (целостный мир как совокупность автономных культур, сообществ) [1, с. 396].

В условиях глокализации – одновременного расширения мира и строительства многочисленных стен, мешающих расширению морального сознания индивидов и широте мышления, – становится важным, какие стратегии выбирает для своего развития человек, какие условия жизни этому способствуют, чтобы понять насколько успешной будет социализация и адаптация к внешнему миру.

Адаптация к глокальности со стороны сообществ и индивидов может происходить по двум направлениям:

– адаптации (пользуясь экономической терминологией) глобального продукта/нормы/системы ценностей к локальному потребителю/члену сообщества (как, например, возможность обсуждения равноправия женщин с мужчинами в исламских сообществах);

– адаптация конкретного индивида, изменение его жизненной стратегии в условиях и обстоятельствах тесного взаимодействия с иными социокультурными, политическими и экономическими явлениями (например, в условиях поликонфессионального общества неизбежно возникает признание права человека исповедовать любую религию).

Стратегии становления и развития личности человека в современном обществе обусловлены большим количеством факторов, среди которых важную роль играют нивелирование локальных особенностей, расширение границ обозримого мира, понимание уникальных информационных возможностей XXI века – выходить из замкнутого пространства политических систем и культурных рамок и быть «человеком мира».

Для этого нужно уметь перестраиваться, отказываться от категорического неприятия чужого, уметь ставить перед собой жизненные цели, которые позволяют «мыслить глобально, действовать локально». Современному человеку постоянно приходится адаптироваться к новым условиям, менять способы освоения жизни с ее новыми технологиями, скоростями изменений и проблемами, которые они вызывают. Это происходит в силу культурных, ментальных и возрастных различий; так, например, разные поколения относятся к культурным и политическим событиям своей страны как к чуждым, поскольку не всегда могут понять и принять происходящие процессы (отказ от привычных в локальной среде традиций и предпочтение нового, иностранного в музыке, одежде, языке).

Необходимо время и желание для того, чтобы адаптироваться. Такая адаптация происходит постоянно, что является условием интеллектуальной и психологической гибкости, восприимчивости и в то же время создает возможности для трансформации или деградации системы ценностей, потери ценностно-смыслового ядра, которое позволяет человеку на протяжении всей жизни идентифицировать себя со своим этносом, социальной и возрастной группой.

Иные аспекты актуализируются, когда речь идет об адаптации мигрантов, которые вынужденно или добровольно покидают привычную среду и становятся частью чуждого им мира, где в целом встречаются понятные для них элементы и процессы, но значительно больше того, что вызывает опасение, неуверенность и, как следствие, агрессию, желание окружить себя комфортными атрибутами локального мира.

Сегодня миграционные процессы в мире формируют новые социально-политические и культурные вызовы, которые обусловлены притоком выходцев из иных социумов, с иной системой норм и ценностей, с иным механизмом формирования личности и иными стратегиями развития жизни. Закрепленное Всеобщей декларацией прав человека [2] право каждого человека на свободу передвижения «в пределах каждого государства» получило международное признание и в начале XXI века приобрело глобальные масштабы.

В Докладе Генерального секретаря ООН «Международная миграция и развитие» (2016) констатируется, что миграционные процессы охватывают большое количество стран и людей. «Число международных мигрантов – лиц, живущих в стране, иной, чем страна, в которой они родились, – достигло 244 миллионов в 2015 году, что на 71 миллион, или 41 процент, больше, чем в 2000 году. Экономические, социальные и экологические факторы, а также политическая нестабильность будут и далее влиять на глобальные тенденции в области миграции. В то же время мир является свидетелем самого высокого за десятилетия уровня принудительного перемещения. Сегодня свыше 40 млн человек находятся в положении вынужденных переселенцев

внутри стран, а количество беженцев и людей, ищущих убежища, превысило 24 миллиона» [3, с. 3].

Миграция — это сложное социально-психологическое, этнографическое, экономическое, правовое и политическое явление. Мигранты, становясь весомой частью общества страны, изменяют этнический состав общности страны, в которой живут. Миграция является своеобразной констатацией «пространственной активности индивида, направленной на овладение ресурсами новых территорий и связанной с переменой места жительства», стремлением удовлетворить потребности и обеспечить себе стабильность [4, с. 176]. Однако эти стремления не могут быть быстро и полностью реализованы в силу социокультурной и социально-психологической адаптации (требуется привыкание к бытовой сфере, налаживание межличностных отношений, усвоение культурных, языковых и национальных особенностей региона и многое другое).

Социально-психологическая и межкультурная адаптация является совокупностью последствий, включающих четкое понимание личностной и этнической идентификации, чувство личного удовлетворения от осознания своей конструктивной роли в обществе пребывания. По мнению Т. Л. Смолиной, это — «сложный процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса» [5, с. 162–167].

Исследователи единодушно отмечают, что «если не удастся обеспечить адаптацию и интеграцию иноэтничных мигрантов, превратить их в лояльных граждан независимо от этнического происхождения и государства выхода, то в недалеком будущем их массовый приток превратится в глобальную проблему» [6, с. 34–35].

Эта глобальная проблема в первую очередь связана с тем, какой человек, из какого сообщества, культуры, страны с определённой политической системой, с каким уровнем образования и системой ценностей мигрирует. Не менее важным является и то, насколько принимающие члены принимающего сообщества готовы принять этих людей, предоставив ему возможность для адаптации и социализации. Здесь необходимо понимать, что взаимодействуют не общества и группы людей, взаимодействуют отдельные люди, которые принимают сложившуюся ситуацию, готовы нести за неё ответственность, активно анализировать происходящее, предлагать и совместно искать оптимальные сценарии разворачивания совместного будущего.

Не менее значимым является перспектива совместного будущего, время взаимодействия определяет понимание человеком того, кого и насколько он готов включать в своё жизненное пространство, связано ли это с чувством сострадания (военные беженцы, вынужденные переселенцы), экономической целесообразности (трудовые мигранты), признание культурной и научной значимости мигрантов из числа ученых, деятелей культуры и т. д.

Становление личности человека, особенно в условиях миграции, предопределено рядом социально обусловленных факторов, среди которых важным является стремление самого человека определить/понять свое предназначение, обозначить конечную цель своего развития и очертить наиболее приемлемые этапы и способы достижения цели. Сегодня развитие человека во многом определяется особенностью взаимодей-

ствия глобального и локального, которое может быть как гармоничным и легко предсказуемым, так и конфликтным и неожиданным по своим последствиям. Современное общество задает определенные рамки развития человека, формирует запрос на специфические стратегии становления и развития личности, которые реализуются в системах воспитания, образования, социализации и адаптации.

Социологи, антропологи, психологи, философы изучают данные модели, анализируя, каким образом процессы глокализации оказывают влияние на стратегические и тактические элементы моделей становления личности в локальном сообществе и в глобальном мире.

Формирование стратегий становления и развития личности зависит от большого количества факторов, основой которых является стремление достичь цели — «лучшей жизни», удовлетворить при помощи приспособлений и изменений себя и окружающей среды потребности и притязания.

Под стратегией методолог Г. П. Щедровицкий понимает «основные варианты направлений к достижению цели», опирающиеся либо на «приспособление к среде и включение себя в естественные процессы ее жизни», либо на «преобразование среды в соответствии с собственными целями и задачами», либо «тех или иных комбинаций их элементов» [7, с. 411].

Стратегия не является чем-то раз и навсегда определенным, они меняются в зависимости от условий жизни человека, его способности или неспособности к адаптации и преобразованиям. Г. П. Щедровицкий в связи с этим отмечает, что к намеченной цели всегда ведет много различных по средствам, способам, эффективности и времени достижения путей в зависимости от складывающейся ситуации: «...при постоянстве (неизменности) цели, в зависимости от объективно складывающейся ситуации, стратегии могут и должны изменяться, т. е. от одного варианта стратегии можно и нужно переходить к другому, если динамика внешней ситуации не соответствует предварительным прогнозам» [7, с. 410].

Российские психологи К. А. Абульханова-Славская [8], Р. А. Илаева, Н. Н. Савина [9] рассматривают стратегию как способ сознательного конструирования жизни, способ жизненного самоопределения и самореализации, сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни путем поэтапного формирования ее будущего. Р. А. Илаева, Н. Н. Савина отмечают, что в основе стратегии лежит осознанное и активное действие: «Жизненная стратегия — это осознанно запланированные и спроектированные ближайшие и отдаленные жизненные планы личности на будущее, которые базируются на терминальных и инструментальных ценностях-целях и условиях, способствующих её самопродвижению и повышению уровня качества её жизни; выстроены в соответствии с её индивидуальными интеллектуально-творческими возможностями, жизненным опытом и позволяют ей занять активную субъектную жизненную позицию» [9].

Стратегия развития, прежде всего, «нуждается» в думающем человеке, который умеет ставить цели, имеет систему ценностей, осознает свои способности и возможности, а также возможности окружающей его среды к совместным изменениям и при-

способлению друг к другу. Если этого не происходит, то возникает рассогласованность и внутренний конфликт, который впоследствии перерастает во внешнюю конфликтность.

Стратегия всегда предполагает наличие значимого для человека сообщества и временную перспективу, структурированность, этапность планируемого жизненного пути (насыщенность событиями, виды деятельности, нацеленность на признание и успех).

Определение стратегии, следование намеченному пути осложняется в периоды социально-политической деструкции, к которым можно отнести миграционные процессы, подчиняющиеся общим принципам детерминации социальных явлений. В основе поведения потенциальных и реальных мигрантов лежит диалектика соотношения природной и социальной необходимости, которая преобразуется во внутреннюю необходимость личности в постоянном воспроизводстве привычных форм жизни путем выработки определенных стереотипов поведения и восприятия, что помогает лучше адаптироваться в окружающей обстановке и чувствовать внутренний комфорт. Люди стремятся постоянно воспроизводить привычные для них внешние и внутренние условия своей жизни, поэтому субъективные или объективные изменения в сторону ухудшения всегда вызывают у них отторжение, неприятие, пассивное приспособление к непривычным условиям или поиск новых мест, где можно обеспечить себе и своей семье приемлемые формы жизни.

Социолог Н. Ф. Наумова в статье «Жизненная стратегия человека в переходном обществе», характеризуя стратегии, присущие постсоветскому обществу, вполне сопоставимые с тем, что происходит в результате миграционных процессов, отмечает, что «именно здесь, в ситуациях сложных, противоречивых, абсурдных... происходят наиболее глубокие (не путать с радикальными) изменения, то есть изменения во внутреннем мире человека... порождаются и формируются те новые структуры, которые представляются современникам временными и легко исправимыми, но оказываются стратегически ориентированными и “непробиваемыми”» [10, с. 5–6].

В таких условиях перманентного личностного и социального кризиса человек проживает несколько стадий, определяющих стратегии дальнейшего развития.

Стадия «надежды и разрушения», когда миграция и ожидания от миграции характеризуются динамичностью и интенсивностью, существует надежда на успешное завершение процесса, отказ от прошлого и видение перспектив. «На этой стадии, — отмечает Н. Ф. Наумова, — происходит разрушение старых социокультурных структур... снижается социальная защищенность, слабеют социальная интеграция и нормативный порядок» [10, с. 18].

Вторая стадия «кризиса и социального стресса» требует от человека интенсивных усилий по сохранению нравственных позиций, отказу от неконтролируемой агрессии, жесткому делению на своих и чужих, отказу от потребительского отношения к членам принимающего сообщества.

Третья стадия — «адаптация и стратегическое поведение» — стадия постепенного включения в повседневные дела, медленного приспособления, привыкания, понима-

ния происходящих процессов. Н. Ф. Наумова акцентирует внимание на том, что должны быть определенные предпосылки для таких изменений в поведении: усиление его внутренней детерминации, обеспечение независимости, автономности сознания, а также стабильная и хорошо организованная система ценностных ориентаций. Первая предпосылка нуждается в специальном изучении [10, с. 19].

Три стадии, разворачивающиеся постепенно, создают условия для трех видов стратегий, которые трудно зафиксировать на макроуровне, но можно отчетливо проследить на личностном уровне:

- стратегии успешной внешней адаптации;
- стратегии эффективной внутренней адаптации;
- стратегии выживания.

Для мигрантов в большей степени характерна стратегия выживания, которая, с одной стороны, детерминирована небольшими социальными ресурсами, невысоким статусом и ухудшающимся материальным положением, с другой стороны, стремлением слиться с подобным, с «группами сходной социальной судьбы», тем самым обеспечить себе комфортность в замкнутом сообществе.

Социологи В. В. Кашпур, И. Г. Поправко в своей статье «Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс)» предлагают несколько иную классификацию личностных стратегий адаптации мигрантов, выделяя четыре стратегии, в основе которых лежит «интерактивная матрица “субъекты адаптации — адаптивная среда”» [11, с. 89]. Тем не менее содержание этих стратегий базируется на стремлении выжить или «вжиться» в новое сообщество, в новую среду либо путем избегания прямых контактов и локализации в «своем особом микромире, в котором присутствует исключительно “родная” этнокультурная среда, живут свои соотечественники и соплеменники», либо путем активного включения в «межкультурный диалог между мигрантами и доминирующим этническим большинством» [11, с. 89–90]:

– стратегия «геттоизации» (пассивной автаркии), реализующаяся в ситуациях, когда адаптанты, оказавшись в новом окружении, стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и тем самым устранить негативные симптомы культурного шока;

– стратегия «культурной колонизации» (агрессивной автаркии) характеризуется активным проявлением у «пришельцев» этноцентризма и интолерантности;

– стратегия ассимиляции, предполагающая отказ мигрантов (добровольный или вынужденный) от родной культуры и полную идентификацию («растворение») с новым этнокультурным сообществом;

– стратегия аккультурации, наиболее успешная, заключающаяся в сохранении этноменьшинствами приверженности своей культуре и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов [11, с. 89–90].

Выбор стратегии человеком зависит от его психофизиологических характеристик, социальных и коммуникативных навыков, но в большей мере от системы ценностей и уровня развития морального сознания, способности воспринимать другого как равного, уметь видеть сходства за очевидными различиями, нести ответственность за

результаты поступков. Немаловажную роль играют и макросоциальные факторы, такие как политическая и социально-экономическая ситуация в принимающей стране и в мире; специфика миграционной политики властей; готовность принимающего сообщества решать миграционные вопросы и создавать условия для адаптации.

2015 год стал показательным для Европейского союза в связи с массовой миграцией и продемонстрировал, насколько европейское сообщество готово решать проблемы миграции в соответствии с декларируемыми нормами. Заккрытие Венгрией границ в разгар кризиса стало демонстрацией того, что масштабная миграция меняет стратегии социально-политического и культурного развития государства и его граждан, смещает акценты от европейской интеграции и либерализации к традиционализму. Как отмечает Р. Т. Мусина в статье «Влияние традиционализма на миграционную политику в Венгрии», «своеобразной реакцией на внешние и внутренние вызовы выступает традиционализм, имеющий в Венгрии глубокие корни, цель которого — сохранение национальной самобытности и идентичности. Истоки этого явления скрыты в глубоких пластах истории. ...Правительство (Венгрии) сформулировало три основные ценности, определяющие его внутреннюю и внешнюю политику на предстоящие десятилетия: защита родного языка, защита интересов венгров, проживающих как на Родине, так и за ее пределами, возврат к религиозным ценностям» [12, с. 140].

Адаптация и социализация мигрантов предполагают системное взаимодействие, которое в конечном итоге меняет все вовлеченные в него стороны: субъект, оказываясь в определенной культурной и политической среде, так или иначе трансформирует ее в своем стремлении подогнать под уже сложившиеся у него представления о нормах и правилах социального поведения; сложившаяся социальная среда, сообщество, принимающее мигранта, в свою очередь, стремится сохранить стабильность социальных норм и правил поведения, члены этого сообщества отстаивают право своих жизненных стратегий развития на существование.

Масштабные миграционные процессы вносят существенные коррективы в жизненные стратегии всех вовлеченных в этот процесс сторон. Мигранты на личностном и групповом уровне вынуждены менять свои жизненные стратегии, выбирать себя как того, кто выживает в новых условиях, или благодаря адаптации интегрируется в принимающее сообщество, усваивает его язык, систему норм, уважительное отношение к существующей системе ценностей. В свою очередь, члены принимающего сообщества должны понимать, что миграция оказывает существенное влияние на их личностные стратегии развития. Взаимодействуя с мигрантами, члены принимающего сообщества должны ответить на важные вопросы, определяющие дальнейшее развитие этого взаимодействия: они принимают мигрантов как равных или принимают их как неизбежное «зло», как результат глобальных процессов и плату за более выгодное социально-экономическое положение своей страны. Миграция является проверкой декларируемой системы моральных норм и принципов принимающего сообщества: эти нормы имеют универсальный характер, или в них есть исключения для тех, кто не готов их уважать и следовать им.

Список использованной литературы

1. Robertson R. *Globality, Global Culture, and Images of World Order // Social Change and Modernity*. Berkeley, 1992. P. 395–411.
2. Всеобщая декларация прав человека // Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 30.03.2019).
3. Доклад Генерального секретаря ООН «Международная миграция и развитие» на Генеральной ассамблее 4 августа 2016. URL: <https://undocs.org/ru/A/71/296> (дата обращения: 30.03.2019).
4. Бондырева С. К., Колесов Д. В. *Миграция (сущность и явление): миграция и смысл жизни*. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭ», 2004. 296 с.
5. Смолина Т. Л. *Адаптация к инокультурной среде: анализ родственных понятий // Психология человека: интегративный подход : сб. ст. СПб. : Изд-во АНО «ИПП», 2007. С. 162–167.*
6. Мукомель В. И. *Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0467/analit01.php#_FNR_4* (дата обращения: 07.03.2019).
7. Щедровицкий Г. П. *Избранные труды*. М. : Шк. культ. полит., 1995. 800 с.
8. Абульханова-Славская К. А. *Стратегия жизни*. М. : Мысль, 1991. 160 с.
9. Илаева Р. А., Савина Н. Н. *Сущность жизненной стратегии и ее типологии // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=25635* (дата обращения: 02.04.2019).
10. Наумова Н. Ф. *Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5–22.*
11. Кашпур В. В., Поправко И. Г. *Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 88–93.*
12. Мусина Р. И. *Влияние традиционализма на миграционную политику в Венгрии // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург. 2016. № 9-1(51). С. 139–141.*

Шуб Мария Львовна,

кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры, Россия, г. Челябинск, Shubka_83@mail.ru

УДК 37.01

Политика памяти: основные тренды российской коммеморативной стратегии (на примере г. Челябинска)

Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ № 3200. 2018. 6), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Аннотация. Статья посвящена осмыслению результатов культурологического исследования, направленного на изучение содержания и основных трендов российской коммеморативной политики как составной части политики памяти. Исследование проводилось в рамках двух направлений: документационного (анализ «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» и иных документов локального, регионального уровня, связанных с фиксацией стратегических задач развития сферы культуры) и эмпирического (анализ коммеморативных практик, на примере наименования улиц, открытия мемориальных памятников и досок на базе г. Челябинска).

Ключевые слова: прошлое, память, культурная память, политика памяти, коммеморация, коммеморативные практики.

Maria Shub

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, head of the Department of cultural studies and sociology, Chelyabinsk State Institute of culture, Russia, Chelyabinsk

Memory policy: the main trends of the Russian commemorative strategy (on the example of Chelyabinsk)

Abstract. The article is devoted to the understanding of the results of cultural research aimed at studying the content and main trends of the Russian commemorative policy as an integral part of the memory policy. The study was conducted in two directions: documentary (analysis of the "Strategy of state cultural policy for the period up to 2030" and other documents of local and regional level related to the fixation of strategic objectives of the development of the sphere of culture) and empirical (analysis of commemorative practices, for example, the name of streets, the opening of memorials and boards).

Key words: past, memory, cultural memory, politics of memory, commemoration, commemorative practices.

Понятие «политика памяти» в современной гуманитарной риторике является одним из наиболее часто употребляемых. Это, безусловно, связано с общей востребованностью проблематики памяти в самых различных ее терминологических конфигурациях — культурной, исторической, этнической, социальной и пр. По словам известного исследователя феномена памяти П. Нора, «о памяти так много говорят, потому что ее больше нет» [1]. Французский исследователь в данном случае имел в виду деструкцию механизмов межпоколенной трансляции культурной памяти в формате традиции. В контексте же данной статьи нас будет интересовать ответ на вопрос не столько о том, существует ли память как таковая, сколько о том, существует ли политика памяти, коммеморативная стратегия в современной России, и если да, то каковы ее доминантные тренды.

Под политикой памяти мы вслед за А. Миллером понимаем «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [2]. К данному определению можно добавить лишь два уточняющих момента. Во-первых, как показывает анализ политики памяти, реализуемой в странах Европы и США, при реализации цели и задач политики памяти далеко не всегда используются исключительно государственные ресурсы. Более того, инициаторами и координаторами политики па-

мнати не всегда выступают представители именно политических элит. Во-вторых, политика памяти ориентирована не только на контроль над интерпретациями исключительно исторических событий. Думается, в данном случае более точно было бы говорить об интерпретациях более широкого, социокультурного спектра.

Ответ на поставленный нами выше вопрос о наличии или отсутствии политики памяти в России проще всего получить, ознакомившись с содержанием наиболее значимого в этом отношении документа — «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденной 29 февраля 2016 года.

Сам термин «память» в данном документе встречается лишь однажды, в контексте перечисления наиболее острых социокультурных проблем: «...деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации» [3, с. 6].

Однако политика памяти не сводится исключительно к работе с памятью как таковой. Это значительно более широкий комплекс направлений и форм деятельности, большинство из которых нашли отражение в «Стратегии»:

— сохранение, популяризация, правовая и финансовая защита культурного и иных типов наследия: «...основной задачей является обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий в интересах настоящего и будущего поколений населения Российской Федерации» [3, с. 24];

— поддержание «адекватной» с точки зрения государства системы интерпретаций исторической картины мира и ее правовое обеспечение: «необходимо стремление к нивелированию угрозы попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры», «противодействие искажению российской истории и пересмотру взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории» [3, с. 7, 26];

— формирование гражданско-ориентированной системы ценностей, чувства патриотизма и уважения к собственной стране, ее прошлому и настоящему: «укрепление гражданской идентичности; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев», «формирование чувства сопричастности территории для обеспечения укорененности и преемственности поколений» [3, с. 25–26, 29].

Аналогичные целевые установки относительно содержания и воплощения политики памяти фиксируются, только в значительно более общем и лаконичном виде, и в документах локального, регионального уровня (в рамках данной статьи этот уровень представлен Челябинской областью) — в «Государственной программе Челябинской области “Развитие культуры и туризма в Челябинской области на 2015–2020 годы”», «Проекте стратегии культурной политики Челябинской области».

В целом анализ «Стратегии» и содержательно связанных с ней официальных документов [4] позволяет констатировать факт наличия документально закреплённой культурной политики в современной России, имеющей свои цели, задачи, конкретные формы воплощения. К последним относятся коммеморативные практики, которые позволяют «перевести» сухой язык официальных документов на понятную для членов

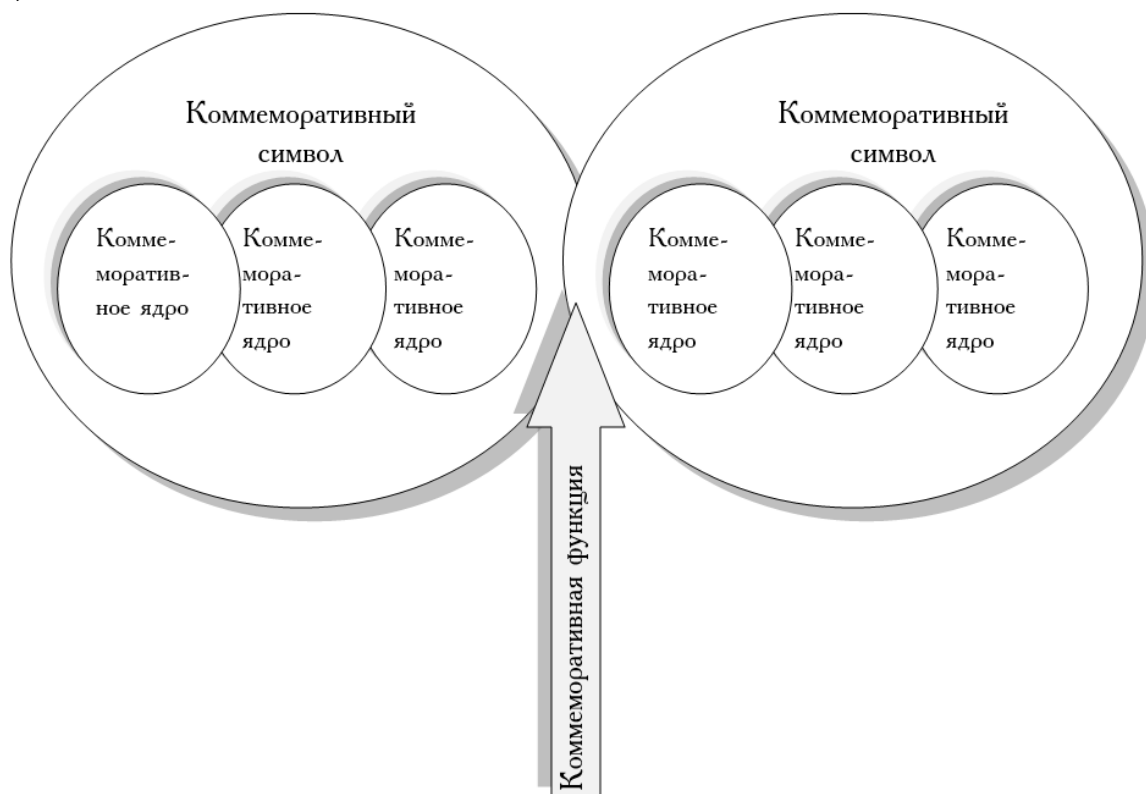
группы риторику, абстрактные ценностные установки — на конкретные поведенческие модели.

Под коммеморацией в контексте данной статьи и в рамках теоретико-методологических установок ее автора понимается совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом.

Наиболее значимыми признаками коммеморации являются ее коллективный характер, публичность (репрезентует интересы группы) и институциональность (целенаправленная организованность).

Важно также подчеркнуть ту черту коммеморации, о которой говорил Э. Дюркгейм — эмоциональную вовлеченность ее участников в мемориальное действие. Коммеморация апеллирует не столько к рациональному, знаниевому, сколько к эмоционально-чувственному началу человеческой личности. И коммеморативная коммуникация осуществляется не столько в пространстве данных и фактов, сколько в пространстве образов, символов и архетипических представлений.

Для наглядного иллюстрирования сущности коммеморативных практик представим их схематично — как систему, состоящую из двух взаимосвязанных элементов — ядра и символа. В качестве коммеморативных ядер, как правило, выступают биографии выдающихся личностей, знаковые места и события. Именно они и дают повод для отправления коммеморативного акта. Символическая зона представляет собой некий миф, архетип, содержащий в образно-символическом виде информацию, заложенную в коммеморативных ядрах одного или нескольких близких типов. Таким образом, группа коммеморативных ядер выступает основанием для формирования одного коммеморативного символа. Графически данная структура представлена на схеме (см. рисунок).

Структура коммеморации

Автором статьи было проведено исследование, направленное на выявление специфики современной российской коммеморативной стратегии и реализуемое в двух направлениях:

1) документационном (анализ «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» и содержательно близких локальных документов);

2) эмпирическом (изучение коммеморативных практик, реализуемых в г. Челябинске, на примере трех практик — наименования улиц, воздвижения мемориальных досок и памятников).

Говоря о первом направлении, стоит отметить, что в «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» коммеморативным практикам уделяется достаточно большое внимание. В частности, отмечается значимость:

— праздничных коммеморативных практик («подготовка и проведение мероприятий, посвященных празднованию на федеральном уровне памятных дат субъектов Российской Федерации и юбилейных дат выдающихся деятелей культуры» [3, с. 29]);

— мемориальных досуговых форм («стимулирование и популяризация изучения истории семьи и рода, в том числе путем исследования архивных документов», «осуществление просветительской, патриотической и военно-патриотической работы среди молодежи, в том числе на базе музеев, многофункциональных культурных центров, клубных учреждений в субъектах Российской Федерации» [3, с. 31–32]);

— волонтерских коммеморативных объединений («создание условий для вовлечения молодежи в волонтерские движения», «приобщение к отечественной истории, культуре, увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, реставрационным и археологическим работам» [3, с. 31–32]);

— образовательно-просветительских коммеморативных проектов («приобщение к отечественной истории, культуре» [3, с. 31–32]).

Второе, эмпирическое направление исследования позволило прийти к следующим выводам.

За последние 26 лет (с 1991 по 2016 г.) в г. Челябинск было присвоено 216 наименований улицам. 60 из них (27,8%) носят мемориальный характер, то есть направлены на сохранение в архивах культурной памяти значимой для группы (в нашем случае это население г. Челябинска) информации. Сама по себе интенсивность присвоения улицам мемориальных по своей сути наименований не может быть названа высокой. Нами не была установлена и ее зависимость от конкретного года или этапа местной, российской или мировой истории — частота появления улиц с мемориальными коннотациями равномерно распределена по всем годам анализируемого периода и увеличивается лишь параллельно с увеличением вновь появляющихся объектов наименования.

В рамках первого этапа нашего исследования были определены сами мемориальные названия улиц (коммеморативные ядра), чтобы установить тот контент, который представляется современникам важным для консервации, для передачи памяти

о нем следующим поколениям и для актуализации в пространстве современной культуры.

Весь выявленный массив названий (коммеморативных ядер) с помощью метода контент-анализа был проанализирован по нескольким основаниям: их территориальной и хронологической локализации (к какому крупному историческому периоду и месту они относятся), типу (фиксируют ли они место, событие или личность) и тематике (условно говоря, к какой сфере общественной жизни они имеют отношение).

Установлено, что 80% всех названий связаны с местной историей, то есть носят регионально ориентированный характер. 58,33% всех названий ориентированы на фиксацию событий и деятельность личностей недавнего прошлого — прошлого столетия. И более 80% из них приходится на советский период (это почти половина всех анализируемых названий в целом). 45 улиц из 60 (75%) имеют отношение к какой-либо исторической личности. И только 12 (20%) — к месту, и 3 (5%) — к процессу или событию, на основании чего коммеморацию можно назвать персонализированной или персонально ориентированной.

Топографический (названия, связанные с местом) и персонализированный типы коммеморативного ядра свидетельствуют о том, что в первом из них наиболее востребованными являются географические названия (преимущественно названия городов, родом из которых были первопоселенцы Челябинска), а во втором — деятели культуры, сотрудники МВД и военные.

Этот первый, во многом процедурный, этап исследования можно назвать текстуальным, если за «текст» принять весь объем проанализированных названий. Следующий же этап является контекстуальным, поскольку связан с интерпретацией полученных данных, выходящих за границы их изначальных коннотаций. За каждым названием улицы, т. е. за каждым коммеморативным ядром, стоит нечто большее, чем простая фиксация исторического факта, значимого места или событий биографии. Не зря ведь сама технология присвоения таких названий является достаточно сложной, многоступенчатой, основанной на процедурах инициирования, защиты, обсуждения, голосования и т. п. Вообще любой акт закрепления информации в коллективной памяти является достаточно ответственным (даже на уровне такого, казалась бы, формального жеста, как наименование улицы или переулка), поскольку за ним стоит решение: что признать важным для запоминания в конкретной исторической ситуации, а что пока — нет.

Все названия через процедуру их отбора транслируют некие идеологические установки современности, реализуют политику памяти через символическую коммуникацию с аудиторией. Этот аспект коммеморации мы называем, как было сказано выше, коммеморативным символом.

В контексте проведенного анализа были выделены два коммеморативных символа — Наследия и Героя, воплощающих соответственно представления об общем прошлом группы, ее истоках (и историко-географических, и духовных) и транслирующих образ эталонной личности, которая вне зависимости от конкретного способа выходит за рамки обычного, преобразовывая реальность на благо Родины.

Следовательно, коммеморативная политика властей г. Челябинска в период 1991—2016 годов, репрезентуемая через процедуру присвоения наименований улицам, сводится к популяризации идей о наличии у жителей города общих уникальных исторических корней, богатого недавнего прошлого (советский период), окрашенного прежде всего достижениями в сфере региональной культуры и героическими подвигами челябинцев в лице военных и сотрудников МВД.

Относительно второй проанализированной коммеморативной практики, открытия мемориальных досок, можно сказать следующее.

Во-первых, мемориальные доски имеют преимущественно региональную локализацию, т. е. отражают интерес общественности и властей к местной истории и настоящему, к выдающимся землякам и их достижениям.

Во-вторых, они фиксируют неравномерную хронологическую локализацию с явным доминированием советского периода (большинство героев мемориальных досок или событий, в честь которых они были открыты, относятся к советскому периоду истории нашей страны). Актуальное прошлое (постсоветский период) занимает второе место по популярности (70 досок из 226). При этом тематически этот период представлен главным образом мемориальными досками погибшим в локальных войнах и конфликтах (Чеченские войны, война в Дагестане, Ингушетии и др.) — 41 из 70 досок. Если же говорить о периоде советской локализации, то его героями в достаточно равномерных пропорциях стали ученые, деятели культуры, здравоохранения, сферы промышленного производства и др.

В-третьих, доминирующим типом коммеморативных ядер мемориальных досок является персонализированный тип. Наибольшее число досок было открыто в честь погибших при исполнении служебных обязанностей, производственников, военных и сотрудников МВД, а также деятелей культуры. В целом можно сказать, что преобладающими сферами оказались социально-культурная и военно-милицейская (полицейская).

В-четвертых, на основании изучения коммеморативных ядер мемориальных досок выделено два наиболее ярких коммеморативных символа — «Героической жизни» и «Героической смерти». Объединяет их коммеморативный повод — выдающаяся личность, герой в своей сфере и мотив служения Родине. Только в первом случае в основе символа лежит идея героической (созидательной, преобразовательно-трудовой) жизни, а во втором — героической смерти. Первый коммеморативный символ коррелируется, главным образом, с советским периодом, а второй — с периодом Новейшей истории России.

Изучение мемориальных памятников, открытых в Челябинске в постсоветский период, позволило сделать следующие выводы.

1. В Челябинске за период с 1991 по 2016 год было открыто 78 памятников, из которых только 40 носят мемориальный характер.

2. По критерию территориальной локализации подавляющее большинство памятников относятся к общероссийскому масштабу, то есть по своему содержанию вы-

ходят за пределы региона и связаны с событиями и личностями, внесшими вклад в развитие страны в целом.

3. По критерию хронологической локализации 55% памятников связаны с советским прошлым и, главным образом, с темой Великой Отечественной войны, пожалуй, главным событием в российской истории прошлого века, событием, принесшим и великую Победу, подъем национального самосознания, утверждение нового международного статуса нашей страны, и великие потрясения, огромные жертвы, страдания и потери. Тема Великой Отечественной войны довольно широко представлена и в других рассмотренных коммеморативных практиках, однако именно в контексте памятников она раскрывается наиболее полно и ярко.

4. Доминирующим типом коммеморативного ядра (98%) является персонализированный тип — практически все памятники посвящены личности (персональный герой) или группе лиц (коллективный герой). Последняя категория является наиболее востребованной. Это может объясняться желанием увековечить память о достижениях социальной общности, включив в анналы культурной памяти представление о некоем совместном, неперсонифицированном подвиге или жертве.

5. С точки зрения тематики наиболее популярными оказались две группы: участники (погибшие) Великой Отечественной войны и участники (погибшие) иных войн (Первой мировой, Русско-японской, Афганской и др.), а также сотрудники МВД, погибшие при исполнении служебных обязанностей. Стоит отдельно отметить, что все войны последних двух столетий, в которых принимали участие российские воины, занимают такой же «объем» культурной памяти, что и Великая Отечественная война. Среди «невоенной» тематики востребованной оказалась сфера культуры.

6. На основании проведенного анализа выделены два коммеморативных символа — символ «Героической жизни» (33%) (обращенный к сохранению в культурной памяти образов выдающихся личностей и их достижений) и символ «Героической смерти» (67%) (связанный с мемориализацией образа героя — воина, защитника Родины, отдавшего за нее свою жизнь). Такая тенденция уже была констатирована при изучении наименований улиц и мемориальных досок.

Все три проанализированные коммеморативные практики имеют ряд общих особенностей и признаков.

По источнику происхождения их можно отнести к смешанному типу (в их реализации играют роль и инициатива «снизу», и властные усилия).

По территориальной локализации коммеморативного ядра (масштабу распространения) преобладает региональный тип. В двух практиках из трех (исключение по объективным причинам составили мемориальные памятники) он является активно доминирующим — важным для сохранения в объеме культурной памяти представляются события, места и личности, связанные с Челябинской областью.

По хронологической локализации коммеморативного ядра (соотнесенность с конкретным историческим этапом) наиболее востребованным оказался ретроориентированный тип, связанный прежде всего с советским периодом истории нашей страны (он существенно преобладал во всех трех формах коммеморативных практик над ины-

ми периодами). Только при анализе памятников и мемориальных комплексов обнаружены мемориальные объекты, содержащие негативные по отношению к советскому режиму коннотации (памятники жертвам политических репрессий, трудармейцам).

По тематике коммеморативного ядра очевидным и бесспорным лидером стал персонализированный тип (коммеморативным поводом выступает личность — либо ее профессиональные достижения, либо трагическая смерть).

По эмоциональному посылу доминирует позитивный тип (коммеморативный повод в большей степени связан со значимыми достижениями выдающихся людей в различных сферах).

Можно сказать, таким образом, что увековечиванию в пространстве культурной памяти главным образом подвергаются выдающиеся личности Челябинской области, связанные своей созидательной деятельностью с советским периодом российской истории.

Что касается сфер, которыми представлены такие выдающиеся личности, то наибольшую репрезентацию по трем формам коммемораций получили: производственная сфера (сфера промышленности, энергетики, транспорта и пр.); сфера культуры; военная сфера и сфера охраны правопорядка (сотрудники МВД).

Такое распределение свидетельствует о достаточно равномерной коммеморативной представленности различных сфер жизни общества (гуманитарной, технической и оборонной).

Попробуем обозначить возможные причины востребованности указанных сфер. Высокая коммеморативная активность в отношении представителей производственной сферы в г. Челябинске весьма просто объяснима: Челябинск — промышленный город, центр черной металлургии и других отраслей тяжелой промышленности. Именно с этой сферой связано и его становление, и героические страницы военной истории («Танкоград»), и современное развитие.

Однако, несмотря на свою монопрофильность, Челябинск заявляет о себе и как город культуры и художественных достижений — они активно позиционируются в рамках реализации имиджевой политики. И прижизненные достижения, и память о выдающихся деятелях культуры Южного Урала во многом выполняют функцию презентации региона как региона с богатыми духовными традициями. Кроме того, представители сферы культуры находятся иерархически, структурно ближе к источнику принятия коммеморативных решений — Комитету по культуре г. Челябинска.

Что касается военных и сотрудников правоохранительных органов, то их широкая представленность в коммеморативном пространстве объясняется, скорее всего, традицией большого уважения, испытываемого по отношению к представителям данных профессий, той ролью, которую во все времена российской истории играла ее армия. Можно вспомнить известнейшую фразу, сказанную императором Александром III: «У России есть только два союзника — ее армия и флот».

Однако кроме мотива преобразовательной-созидательной деятельности в тематике коммеморативных ядер прослеживался и еще один мотив — героической смерти. В двух из трех коммеморативных форм (исключение составили наименования улиц)

именно эта тема коммеморативных ядер являлась доминирующей. Безусловно, такая ситуация во многом была продиктована реальной исторической обстановкой и политической нашего государства — на конец 80-х, 90-е годы и начало 2000-х пришелся целый ряд военных конфликтов (и международных, и внутригосударственных). Появление в наименованиях улиц, мемориальных досках и памятниках имен погибших в этих конфликтах — проявление желания увековечить память о них, обессмертить их жертву.

Широко представленной оказалась и тема Великой Отечественной войны, участие в которой во многом определило ход истории Челябинска — именем ее участников и Героев Советского Союза назывались улицы, в память о них устанавливали мемориальные доски и памятники. Это говорит о цементирующей роли Великой Отечественной войны в культурной памяти нашего народа, не ослабевающей даже по мере отдаления ее в прошлое. И. И. Курилла называет ее «осевым временем в истории страны», а культурную память в целом считает «выстроенной вокруг мифа о войне» [5, с. 7].

Симптоматична еще одна тенденция — традиционно в нашей стране меморIALIZEDЛИВАЛИСЬ ЛИШЬ ПОБЕДОНОСНЫЕ ВОЙНЫ, ИНЫЕ — ИГНОРИРОВАЛИСЬ. Сегодня же усиливается интерес к событиям военной истории как таковым, вне их масштаба и итога.

На основе анализа коммеморативных ядер выделены два формируемых на их основе коммеморативных символа — «Наследие» и «Герой». Первый из них связан с идеей общих для социальной группы корней, происхождения, истории, культуры, служащих по отношению к ней неким цементирующим началом, центростремительной силой. Представление о едином прошлом, наполненном преобразованиями и свершениями, позволяет группе, с одной стороны, сильнее ощущать свою особость по отношению к иным группам, а с другой — укреплять интеграционные связи между ее членами. Второй символ в целом связан с идеей героической личности, служащей на благо Родины. Служение это может проявляться как в мирной, преобразовательной деятельности (символ «Героическое служение»), так и в приношении на алтарь ее интересов собственной жизни (символ «Героическая смерть»).

Проведенный анализ позволяет говорить о сбалансированности коммеморативной стратегии, отсутствии смысло-ценностного дисбаланса в ее реализации. Изученные коммеморативные практики также носят контекстный и исторически детерминированный характер (например, Чеченские кампании и иные локальные войны обусловили появление памятников соответствующей тематики и мемориальных досок в память о погибших). Стоит отметить также их позитивно ориентированный характер — они в большей степени ориентированы на популяризацию образа созидательной деятельности и пассионарной личности.

Основные послы коммеморативной стратегии, осуществляемой в Челябинске, не только не противоречат, но и реализуются в рамках общегосударственных установок, обозначенных в «Стратегии», связанных с формированием общей национальной идеи, основанной на платформе патриотизма, которая, в свою очередь, базируется на

чувстве гордости за наше великое прошлое, наполненное деятельностью выдающихся людей и их достижениями.

В целом же изучение прошлого в ракурсе культурной памяти, коммеморативных практик или общественных представлений о нем позволяет не только обозначить основные направления идеологической стратегии государства, «политики памяти», зафиксировать специфику ее пополнения и формы реализации, но и понять симптоматику развития культуры, ее ценностные приоритеты, спрогнозировать возможные сценарии развития в будущем.

Список использованной литературы

1. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 02.04.2019).
2. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4(46). URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3_2009_all_screen.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
3. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 03.04.2019).
4. Государственная программа Челябинской области «Развитие культуры и туризма в Челябинской области на 2015–2020 годы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/428652347> (дата обращения: 01.04.2019).
5. Куриллы И. И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники : материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011 г. / под ред. И. И. Куриллы. Волгоград, 2012. С. 4–13.

Фомин Эдуард Валентинович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, г. Чебоксары, yeresen@yandex.ru

УДК 394.912

Венгрия в аспекте чувашского западоведения

Аннотация. Наиболее развитым разделом европейского чувашеведения является венгерская часть. Более того, чувашскую хунгарологию, зарождающуюся в настоящее время, следует признать производной венгерского чувашеведения. Взаимный интерес чувашей и венгров друг к другу обусловлен языковыми взаимосвязями, имевшими место во второй половине первого тысячелетия нашей эры. Современный этап чувашской хунгарологии характеризуется накоплением материала в научных, беллетристических, публицистических источниках и начальными исследованиями, по сути являющихся ответными на публикации венгерской стороны. Венгрия в восприятии чувашей — развитая европейская страна с уникальной культурой.

Ключевые слова: чувашеведение, западоведение, хунгарология, межэтнические взаимосвязи.

Eduard Fomin

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Russia, Cheboksary

Hungary in the aspect of Chuvash Western studies

Abstract. The most developed section of European Chuvash studies is the Hungarian part. In turn, the Chuvash Hungarology, which is currently appearing, should be recognized as a derivative of Hungarian Chuvash studies. The mutual interest of the Chuvash and the Hungarians to each other is due to the linguistic relationships that occurred in the second half of the first millennium of our era. The modern stage of the Chuvash Hungarian is characterized by the accumulation of material in scientific, artistic, journalistic sources and primary research. Hungary in the perception of the Chuvash is a developed European country with a unique culture.

Key words: Chuvash studies, Western studies, Hungarology, inter-ethnic relationships.

Чувашско-венгерские исторические взаимосвязи изучались венгерской стороной в историко-лингвистическом аспекте. Феномен же современных чувашско-венгерских отношений в научной и культурной областях, сформировавшийся во второй половине XX века, становится объектом специальных исследований лишь в последнее время, и ведущая роль в этом принадлежит уже чувашским ученым. По сути, венгерский материал может стать формирующей основой чувашского раздела западоведения в целом.

Обычно в условиях современной европоцентричной цивилизации периферийные национальные культуры получают характеристику с точки зрения носителей европейских ценностей. В итоге складывается однотипная картина мировосприятия. Однако неожиданно интересным и важным с точки зрения самовосприятия и самооценки может оказаться отражение европейских народов в сознании носителей тех самых периферийных культур.

Выводы настоящего исследования строятся на анализе научной, мемуарной, художественной, публицистической литературы, принадлежащей чувашским авторам. Исследование носит этнологический характер.

Западоведение (западология) — научное изучение западных народов, осуществленное через призму восточных культур. Объектом западоведения являются западные страны и народы, в них обитающие. Западоведение включает такие разделы, как лингвистика, история, этнология, искусствоведение, политология, т. е. оно несводимо к этнологии, как может показаться первоначально. Структура западоведения открыта и при необходимости может быть дополнена другими направлениями.

Западоведение в настоящее время находится на стадии становления. Иногда говорят о его ревитализации. Однако представляется, что между предыдущей и современной стадиями развития западоведения не существует преемственности и современное западоведение строится по лекалам, принятым в европейской науке.

Справедливости ради следует заметить, что западоведение обусловлено существованием развитого востоковедения (ориенталистики). Именно сложившаяся в ориенталистике квалификация народов и культур в качестве восточных позволяет установить их противопоставленные сущности — западные этносы, потенциально являющиеся объектом западоведения.

Чуваши — тюркский народ Восточной Европы, генетически тяготеющий к восточным культурам. Начало научному изучению чувашского этноса было положено западными учеными — немецкими, шведскими, венгерскими, финскими, в том же ряду следует упомянуть и русских исследователей (см. [1; 2]). На рубеже XIX—XX веков формируется собственно чувашская научная интеллигенция, которая в настоящее время доминирует в области чувашеведческих исследований. В свою очередь изучение западных народов, осуществленное представителями чувашского народа, достаточно редко. В современных условиях можно говорить лишь об аккумуляции сведений и попытках научного анализа западных народов с позиций зарождающегося чувашского западоведения.

Очевидно, что чувашский раздел западоведения будет базироваться на изучении научного наследия европейской чувашелогии, по преимуществу лингвистики. Дело в том, что чувашский язык уникальный, в лингвогенетической классификации наряду с волжскобулгарским и хазарским представляющий болгарскую группу тюркских языков. Указанное качество и стало тем фактором, который во многом определил интерес западных ученых к чувашскому языку. Особая роль в его изучении принадлежит венгерским ученым.

Венгерское чувашеведение сформировалось во второй половине XIX века трудами А. Регули, Й. Буденца, А. Вамбери, Б. Мункачи и других исследователей. Оно обусловлено интересом венгров к собственной истории, одним из существенных эпизодов которой являлись прачувашско-венгерские языковые взаимосвязи в первом тысячелетии нашей эры. Кроме того, до середины XIX века чувашаи считались финно-угорским этносом, что опять-таки поддерживало интерес венгерских ученых к чувашам.

Объемы и результаты венгерского чувашеведения существенны: «Интерес к собственной протоистории, ранним тюркским связям венгерского языка (тюркские заимствования болгаро-чувашского типа), использование самых современных теорий и методов компаративистики, подход к проблемам языка с учетом и критической оценкой урало-алтайской и собственно алтаистической перспектив способствовали тому, что венгерское чувашеведение к концу XX столетия достигло самых впечатляющих результатов...» [3, с. 3]

На фоне лингвистических работ венгерского чувашеведения выделяются публикации этнографического плана [4; 5; 6; 7; 8; 9], которые, однако, вряд ли образуют особое направление. Уровень языковедческих разработок настолько высок, что ими компенсируется отсутствие иных направлений венгерского чувашеведения.

Чувашская хунгарология развивается в составе российской. Она ставит целью изучение научного наследия венгерского чувашеведения (1), установление общих черт

в чувашском и венгерском языках, а также в культуре обоих народов (2), исследование современных чувашско-венгерских взаимосвязей (3). Иначе говоря, чувашская хунгарология состоит из лингвистического (1, 2) и исторического разделов (2, 3).

1. Изучение научного наследия венгерского чувашеведения.

Труды венгерских ученых доступны чувашской стороне в полной мере, никаких политических запретов на них не существовало. В 1980-х годах по инициативе Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики научная библиотека института пополнилась венгерскими изданиями чувашской тематики. Существенным вкладом в изучение истории чувашского языка стала книга «Исследование венгерских ученых по чувашскому языку» [10], представляющая собой издание сборника статей венгерских авторов в переводе с венгерского, немецкого и французского языков на русский.

Во многом доступность наследия венгерского чувашеведения связана с именем тюрколога Ю. Дмитриевой (Салонтаи). Она является выпускницей факультета русского языка и литературы, а также кафедры алтаистики Сегедского университета, Венгрия. Одно из направлений ее научной деятельности в Чувашском государственном институте гуманитарных наук — интерпретация чувашеведческих трудов венгерских ученых [11, с. 210–211; 12, с. 73–75]. В частности, ею осуществлен перевод ценнейших трудов Д. Месароша [13], совместно с профессором Дебреценского университета доктором К. Адягаши подготовлен аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX веков «Hungaro-Tschuwaschica» на русском языке [11] с тем, чтобы сделать доступными венгерские разработки чувашским ученым.

Можно предположить, что языковые связи чувашей и венгров шире и глубже установленных современной наукой. Наверняка в обоих языках имеется общий пласт языковых явлений грамматического свойства, восходящих к эпохе Урало-Алтайской общности и периоду совместного проживания в Урало-Поволжье. Современные же исследования сосредоточены на изучении лексических заимствований с привлечением широкого фонетического материала в контексте истории алтайских языков.

Труды венгерских ученых во многом позволили развить историческое направление чувашской лингвистики.

2. Установление общих черт в чувашском и венгерском языках и культуре.

Влияние тюркского языка чувашского типа на венгерский было значительным. В нем установлено более 300 заимствований, имеющих черты чувашского языка. В свою очередь венгерских слов в чувашской лексике не обнаруживается. Историк В. Ф. Каховский по этому поводу отмечает: «Несомненно, могло иметь место и заимствование предками чувашей из мадьярского языка. Однако филологические исследования в этом направлении еще не произведены» [14, с. 261]. Впрочем, предпринятые впоследствии попытки ученых обнаружить венгерские слова в чувашском языке — прежде всего в топонимии — оказались безуспешными: предлагаемые ими сближения слов обоих языков не представляются надежными [15, с. 131–136]. По этой причине

отечественные разработки в области чувашско-венгерских связей нередко сводятся лишь к констатации древнечувашского влияния на венгерский язык (см. пункт 1).

Весьма перспективным представляется изучение общих элементов в традиционной культуре обоих народов. Так, в ходе исследований историки пришли к заключению о взаимообусловленных параллелях в чувашских и венгерских сказках, музыкальной культуре и погребальной обрядности [16, с. 124, 129, 132].

3. Исследование современных чувашско-венгерских взаимосвязей.

Современные чувашско-венгерские взаимосвязи восходят к идее и традициям народной дипломатии, получившим поддержку на государственном уровне во второй половине XX века. В случае с Чувашской Республикой Венгрия выступала альтернативой Турции и Болгарии, однако турецкая сторона не могла быть признана побратимской по политическим причинам, дружественные связи с болгарским народом не получили признания, кажется, у обеих сторон. Венгрия же, более века разрабатывавшая чувашеведческую тематику, естественным образом вписалась в побратимские отношения с Чувашией.

Дружественные контакты с чувашской стороны регулировались Чувашским республиканским отделением Общества советско-венгерской дружбы, активно действовавшего в 1970—1980 годы [17]. Именно в это время «прямые чувашско-венгерские связи были представлены во всех сферах жизни общества и обеспечивали всестороннее развитие данного сотрудничества. Двадцатилетний период братских связей, несомненно, оставил свой отпечаток в дальнейшем развитии обоих регионов, а также сформировал опыт успешной практики интернациональных взаимосвязей Чувашской АССР с Хевешской областью ВНР, что могло стать положительным примером международных отношений и вновь возродить партнерские связи между регионами в XXI в.» [18, с. 10].

Важным историческим источником чувашской хунгарологии в области современных контактов может стать мемуарная литература. Так, интересные воспоминания встречаются у основателя Симбирской чувашской учительской школы И. Я. Яковлева о двух венгерских чувашеоведах: «...в 1885 году школу посетил некто Мункачи, выдававший себя за венгерца, впоследствии член Будапештской академии наук. Он явился ко мне с запиской от Н. И. Ильминского как изучающий чувашский язык. По-русски он говорил порядочно, но подготовка в чувашском языке была небольшая, а письменности чувашской он совсем не знал. Месяца три подряд Мункачи очень усердно приходил в чувашскую школу, беря уроки у меня и у учителей по чувашскому языку. Жил он где-то в Симбирске на частной квартире. Уроки ему давались бесплатно. По словам его, он не преследовал каких-либо политических целей, а просто хотел с научной целью изучить чувашский язык как лингвист. В то время я был женат; жил не в нынешней квартире, а в чувашской же школе, но внизу, в другом здании. Помню, как, явившись ко мне в первый раз, Мункачи обратился ко мне с приготовленной заранее заученной фразой: “Вас, чувашей, венгерский народ в вашей скромности приветствует...” Надо заметить, что прежде чем приехать в Симбирск,

этот Мункачи побывал у вогулов, вотяков. В чувашском языке он сделал за время пребывания в Симбирске большие успехи.

После смерти Н. И. Ильминского около 1900 года приехал в чувашскую школу другой венгерец, Мессарош, до того совершивший ряд поездок по чувашским деревням. Он знал хорошо чувашский язык...» [19, с. 143–144].

Неожиданно воспоминания И. Я. Яковлева находят продолжение в автобиографической повести чувашского писателя С. Эльгера о его пребывании в 1915 году в австро-венгерском плену: «“Цуас!.. Цуас!..” — кричат мадьярские солдаты, несущие меня на носилках, и показывают кивком головы на меня. Военные, стоящие в передней части барака, окружили нас. Носилки положили на землю. Солдаты окружили меня, осматривают. Но вот выходит коренастый капрал лет сорока, выясняет, чуваш ли я, и долго по-мадьярски что-то рассказывает про чувашей. В моих ушах только и звучит “цуас, цуас”. Скорее всего, этот капрал читал книги Мессароша и Мункачи о чувашах» (перевод наш. — Э. Ф.) [20, с. 155]. Венгрии посвящена значительная часть воспоминаний С. Эльгера, и его отзывы о стране носят всецело положительный характер.

Другим источником чувашской хунгарологии следует признать публицистику. Публикации о Венгрии стали неотъемлемой частью газетных полос второй половины XX века. Они были призваны осветить деятельность Чувашского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы. Как отмечают историки, «информация, представленная в фонде Чувашского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы, полностью совпадает с публикациями в периодической печати Чувашии указанного периода и подтверждается венгерскими источниками. Анализируя материалы фонда, можно заключить, что они представляют собой уникальную источниковедческую базу для изучения чувашско-венгерских связей в 1970–1980-е гг., охватывающую весь спектр многостороннего сотрудничества» [17, с. 72].

Объемы и результаты чувашской хунгарологии несущественны. Она лишь отчасти базируется на научных изысканиях древнечувашско-венгерского контактологического плана, но более — на мемуарной литературе и публицистике в контексте побратимских отношений городов Эгер и Чебоксары, Хевешской области и Чувашии, подкрепляется произведениями живописи (см. серию работ чувашского художника Праски Витти «Обретение новой родины венграми», 1992), венгерской топонимии г. Чебоксары (улицы Хевешская, М. Залки, Р. Зорге, бульвар Эгерский), изданием в Чувашии книг, так или иначе связанных с Венгрией (см., например: 21; 22; 23).

Венгрия в оценке чувашей — развитая европейская страна с уникальной культурой. Чувашский народ особо благодарен венгерским ученым за исследование чувашского языка в лучших традициях европейской науки. Во многом благодаря венгерским лингвистам чувашский язык можно признать одним из немногих основательно изученных тюркских языков.

Список использованной литературы

1. Исследователи чувашского края : биобиблиогр. указ. / сост. Э. Г. Николаева, Н. Д. Никитина. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 256 с.
2. Федотов М. Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1987. 82 с.
3. Хузангай А. П. От редактора // Hungaro-Tschuwaschica. Чебоксары, 2001. С. 3–4.
4. Mészáros Gy. A csuvas ősvallás emlékei című nagyobb tanulmányok bevezető része. Budapest : [Franklin-Társulat Nyomdája], 1909. IV, 112 oldal. Пер. загл. : Введение в мою большую статью «Памятники старой чувашской веры».
5. Mészáros Gy. Csuvas népköltési gyűjtemény: A csuvas ősvallás emlékei. Budapest : Magyar tudományos akadémia, 1909. KötetI. VIII, 471 oldal. Пер. загл. : Сборник чувашского фольклора: Памятники старой чувашской веры.
6. Mészáros Gy. Csuvas népköl tésigyűj temény: Közmondások, találósmondások, dalok, mesék. Budapest, 1912. KötetII. 538 oldal. Пер. загл. : Сборник чувашского фольклора: пословицы, загадки, песни, сказки.
7. Vikár L., Bereczki G. Chuvash folksongs. Budapest, 1979. 579, 54 oldal. Пер. загл. : Чувашские народные песни.
8. Rokonok söre (csuvas népköltészet) / szerk. Berecz András, Teleki László. Budapest, 2001. 191 oldal. Пер. загл. : Пиво родственников (чувашская народная поэзия).
9. Berecz A. Sör dal = Сăра юрри : Csuvas népdalok magyarul. [Budapest] : Berecz Bt., 2009. 44 oldal. Пер. загл. : Застольные песни.
10. Исследования венгерских ученых по чувашскому языку : сб. ст. / Чуваш. науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1985. 144 с.
11. Дмитриева Ю. Адягаши К. Hungaro-Tschuwaschica : аннот. библиогр. указ. исслед. венг. ученых XIX–XX вв. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 2001. 239 с.
12. Чăваш чĕлхи тĕпчевĕсем : биобиблиогр. указ. / хатĕрленсем Г. А. Деменцова, А. В. Матросова, Г. П. Соловьева, Э. В. Фомин. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2006. 287 с. Пер. загл. : Исследователи чувашского языка.
13. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры : пер. с венг. Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2000. 360 с.
14. Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. 4-е изд., перераб. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. 464 с.
15. Нестеров В. А. Над картой Чувашии : историко-топоним. заметки. 2-е изд. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. 142 с.
16. Каховский Б. В. Вклад В. Ф. Каховского в изучение чувашско-венгерских исторических связей // Чувашская археология. Чебоксары, 2018. Вып. 3. С. 121–136.
17. Кузнецов А. В. Источниковая база развития чувашско-венгерского сотрудничества в 1970–1980-е годы: на примере Чувашского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 68–72.
18. Андреева А. Л. Исторический обзор развития чувашско-венгерских взаимоотношений // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 5–12.
19. Яковлев И. Я. Воспоминания. 2-е изд., доп. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1983. 284 с.

20. Элкер Ç. Тёнче вӑрçi кунӑсем // Трактор. Шупашкар, 1933. 9-мӑш кӑнеке. Пер. загл. : Дни мировой войны.

21. Венгрипозчӑсем. XV–XX ӗмӑрсем :антологи / ум сӑмахӗ Г. Айхин ; илемлетекенӗ Э. Юрьев. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 1974. 282 с. Пер. загл. : Поэты Венгрии.

22. Скворцов М. И., Захемски Л. Русско-чувашско-венгерский разговорник = Вырӑсла-чӑвашла-венгрла калашу кӑнеки = Orosz-csuvas-magyar társalgó. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. 136 с.

23. Чувашия и Хевеш – побратимы. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1982. 200 с.

Титова Татьяна Алексеевна,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань, tatiana.titova@rambler. ru

Фролова Елена Валерьевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань, elenaieup@mail. ru

Гущина Елена Геннадьевна,

кандидат исторических наук, директор Этнографического музея, старший преподаватель кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань, egguschina@mail. ru

УДК 323.1

Политика в сфере межнациональных отношений в Республике Татарстан: взгляд изнутри

Аннотация. В статье на основе полевого материала коллектива этнологов Казанского университета дана характеристика состояния межнациональных отношений в Республике Татарстан глазами представителей наиболее крупных этнических групп, проживающих в республике, — татар и русских. Особое внимание уделяется актуализированности гражданского аспекта идентичности в сознании респондентов. Выявлены наиболее важные, по мнению граждан, направления национальной политики, проводимой властями Республики Татарстан. Сделан вывод о том, что приоритетными направлениями национальной политики являются сохранение культуры и традиций народов РТ, а также сохранение стабильности межнациональных отношений в республике.

Ключевые слова: Россия, Татарстан, этнология, межнациональные отношения, культура, идентичность, политика.

Tatyana Titova

Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology of Kazan (Volga Region) Federal University

Elena Frolova

Candidate of Sciences in History, Associate Professor at the Department of the History of Tatarstan, Archeology and Ethnology of Kazan (Volga Region) Federal University

Elena Guschina

Candidate of Sciences in History, Director of the Ethnographic Museum, Senior Lecturer at the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology of Kazan (Volga Region) Federal University

Politics in the field of interethnic relations in the Republic of Tatarstan: a view from the inside

Abstract. The article is based on its own field material by the team of ethnologists of Kazan University. The article describes the state of interethnic relations in the Republic of Tatarstan. This situation is shown by representatives of the largest ethnic groups living in the republic – the Tatars and Russians. Particular attention is paid to the actualization of the civil aspect of identity in the minds of respondents. Based on the respondents' opinion, the most important directions of national policy in the Republic of Tatarstan are shown. It was concluded that the priority directions of national policy are the preservation of the culture and traditions of the peoples of Tatarstan, as well as the preservation of the stability of interethnic relations in the Republic.

Key words: Russia, Tatarstan, ethnology, interethnic relations, culture, identity, politics.

В исследовании, проведенном в Республике Татарстан осенью 2018 года, приняли участие 1500 человек. Это представители следующих этнических групп: татары (48,4% опрошенных), русские (41,5%), чувашаи (4,5%), представители иных этнических групп (5,6%).

Исследованием были охвачены следующие города и районы Республики Татарстан: г. Казань, Нижнекамск, Набережные Челны, Мамадыш, Болгар, Агрыз, Лениногорск, Мензелинск, Зеленодольск, Буинск, Тетюши; районы: Мамадышский, Спасский, Агрызский, Лениногорский, Мензелинский, Зеленодольский, Буинский, Актанышский, Тетюшский, Черемшанский, Высокогорский.

Более половины опрошенных (52%) являются уроженцами того населенного пункта, в котором проживают в настоящий момент; четверть опрошенных переехали более 10 лет назад. Менее 10 лет назад переехали 17,5% респондентов, менее года назад – 5,9%.

Распределение респондентов по возрастным группам: 36,6% опрошенных принадлежат к возрастной группе 18–30 лет; 37% – к возрастной группе 31–50 лет; к возрастной группе старше 51 года принадлежат 26,4% опрошенных.

Уровень образования респондентов, принявших участие в исследовании, можно охарактеризовать как достаточно высокий. Более половины респондентов имеют высшее образование, треть опрошенных – среднее специальное.

Распределение респондентов по сферам занятости показывает, что наибольшее количество опрошенных заняты в сфере промышленности, строительства, транспорта — 17,6%, а также в сфере услуг — 16,5% (ЖКХ, торговля, общественное питание, гостиничный бизнес, посредничество) и в сфере образования и науки — 14,5%. 20,5% респондентов являются студентами, 9,7% — пенсионерами.

Социально-экономический статус респондентов: 5,9% опрошенных, характеризуя свой уровень доходов, отмечают, что «денег хватает только на питание», 37,6% — «денег хватает на питание и товары повседневного пользования, на более крупные покупки приходится копить», 26,9% — «денег хватает на крупные покупки, но не можем купить новую машину», 15,8% — «не можем купить машину или дом», 2,9% — «хватает денег на машину или дом», 8,1% — отказ от ответа, 2,7% — затруднились ответить.

Согласно данным мониторинга межнациональных отношений в Республике Татарстан в 2016 году — I квартале 2017 года, ситуация в межэтнической сфере республики характеризуется как достаточно стабильная и спокойная. Однако в предыдущих исследованиях аналитиками отмечалось, что экономическая нестабильность может вызвать корреляции в оценке межнациональных отношений. Настоящее исследование показывает, что количество респондентов, оценивающих ситуацию в РТ как «в целом стабильную, спокойную», снизилось с 82% по сравнению с началом 2017 года и составило 69,2%. Количество респондентов, оценивающих ситуацию как «в целом спокойную, но напряженность начинает расти», напротив, увеличилось и составило 18,6% опрошенных. Респонденты согласованы в своих оценках: среди татар ситуацию как «спокойную, стабильную» оценивают 69,8% опрошенных, среди русских — 71,3% опрошенных; растущую напряженность отмечают 17,6% респондентов-татар и 18,1% респондентов-русских.

Полученные данные можно объяснить нестабильностью социально-экономической ситуации в республике весной 2017 года и связанным с этим ухудшением социального самочувствия респондентов.

Для характеристики социально-психологического самочувствия респондентов использовался вопрос «Как, по Вашему мнению, складывается Ваша жизнь в целом?».

Среди респондентов с пониженным социальным самочувствием (то есть среди тех, кто считает, что их жизнь складывается в целом неудовлетворительно) преобладают молодые люди 18–30 лет со средним специальным и высшим образованием, уроженцы республики или живущие в данном населенном пункте более 10 лет, с низким уровнем дохода («денег хватает только на питание» и «денег хватает на питание, товары повседневного потребления и одежду»).

Нестабильная социально-экономическая обстановка и уровень доходов респондентов влияют на удовлетворенность ими собственной жизнью и, как следствие, на социальное самочувствие респондентов. В свою очередь, социальное самочувствие респондентов коррелирует с оценкой состояния межнациональных отношений. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что среди респондентов, неудовлетворенных тем, как складывается их жизнь, о растущей напряженности в сфере межнациональных от-

ношений говорят 31,4%, тогда как среди респондентов, считающих, что их жизнь складывается «хорошо» и «удовлетворительно», таковых оказалось, соответственно, 14,3 и 23,3% (см. табл. 1). Также среди респондентов, считающих, что их жизнь складывается не так, как бы им хотелось, вдвое выше количество затруднившихся ответить.

Таблица 1

**Оценка состояния межнациональных отношений в РТ
в целом в связи с социальным самочувствием респондентов, %**

Какова межнациональная ситуация в РТ в целом?	Как, по Вашему мнению, складывается Ваша жизнь в целом?			
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Затрудняюсь ответить
Спокойная, стабильная	74,9	65,8	51,4	50,0
Спокойная, но напряженность начинает расти	14,3	23,3	31,4	19,2
Напряженная, конфликтная	2,9	3,1	1,4	3,8
Затрудняюсь ответить	7,9	7,9	15,7	26,9

Анализ ответов респондентов на уточняющие вопросы показывает, что оценка населением состояния межнациональных отношений в своем населенном пункте в динамике остается достаточно благоприятной (см. табл. 2).

Таблица 2

**Оценка межнациональных отношений в своем населенном пункте
в 2015, 2016 и 2017 годах, %**

Как бы Вы сейчас оценили межнациональные отношения в Вашем населенном пункте?	Татары			Русские			Среди всех опрошенных		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Доброжелательные	30,6	26,0	26,4	26,7	26,3	26,8	29,0	26,0	26,5
Спокойные	54,5	56,1	50,6	53,4	56,0	53,1	55,0	55,4	50,7
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	9,0	9,7	15,8	14,0	10,0	14,0	11,0	10,8	15,2
Напряженные	0,4	0,7	2,5	1,6	1,3	1,8	0,9	1,1	2,3
На грани открытых столкновений	0,1	0,4	0,4	0,0	0,0	0,2	0,1	0,2	0,3
Затруднились ответить	5,5	7,1	4,3	4,2	6,3	4,2	5,0	6,9	4,9

В сравнении с 2016 годом можно отметить, что несколько увеличилось количество респондентов как среди татар, так и среди русских, считающих, что межнациональные отношения спокойные, но внутреннее напряжение существует. В целом ухудшение положения в сфере межнациональных отношений ощущают 17,8% респондентов, что превышает данные 2016 года на 5,7%.

Снижение оценок состояния межнациональных отношений не сказалось на распространённости ассоциированности респондентов с российской идентичностью.

По результатам исследований в 2016 году было отмечено, что распространённость российской идентичности в Татарстане не меньше, а даже несколько больше, чем в стране в целом. Полученные данные свидетельствовали, что доминирующее большинство татарстанцев – более 80% – ощущают близость с гражданами России, имеют российскую идентичность. Общероссийские исследования фиксировали её у 75–84% россиян (данные приводятся по отчету Межнациональные отношения в Республике Татарстан 2016 г. / под руководством Л. М. Дробижевой). Данные настоящего исследования подтверждают, что указанная тенденция сохраняется (см. табл. 3).

Таблица 3

Гражданская идентичность респондентов, %

	Кем Вы себя больше считаете?			
	Татары	Русские	Другие народы	Итого
Только россиянином	29,1	15,7	21,2	22,7
В большей степени россиянином, чем татарстанцем	16	17,7	13,9	16,5
В равной степени россиянином и татарстанцем	39,9	48,5	41,7	43,7
В большей степени татарстанцем, чем россиянином	10,1	11,4	17,2	11,3
Только татарстанцем	5	6,7	6	5,8

Доминирующее большинство респондентов обладает российской идентичностью, в той или иной степени отождествляя себя с гражданами России. В целом гражданами России в той или иной степени ощущают себя 94,2% опрошенных (приведенные данные включают совокупность респондентов, отметивших позиции «Считаю себя только россиянином», «Считаю себя в большей степени россиянином, чем татарстанцем», «Считаю себя в равной степени россиянином и татарстанцем», «Считаю себя в большей степени татарстанцем, чем россиянином»).

Мнения татар и русских согласуются в данном вопросе: 85% татар и 81,9% русских демонстрируют выраженную идентичность с гражданами РФ. (Приведенные данные включают совокупность респондентов, отметивших позиции «Считаю себя только россиянином», «Считаю себя в большей степени россиянином, чем татарстанцем», «Считаю себя в равной степени россиянином и татарстанцем»).

Как и в предыдущих исследованиях, полученные данные свидетельствуют, что значительная доля населения республики (в целом 43,7%) имеют сдвоенную российско-республиканскую идентичность, ощущая себя в равной степени и татарстанцами, и россиянами.

Количество респондентов, ощущающих себя только татарстанцами, незначительно и составляет 5–6% среди русских и татар.

Представленные данные свидетельствуют, что, несмотря на некоторое снижение оценок, вызванное нестабильностью экономической обстановки, основные показатели состояния межнациональных отношений существенно не изменились. Ситуация в межнациональной сфере республики продолжает оставаться достаточно стабильной.

Среди направлений национальной политики в РТ, по мнению респондентов, должны иметь приоритет 3 позиции: сохранение культуры и традиций народов РТ (18,4%), сохранение стабильности межнациональных отношений (17,7%), обеспечение равноправия по национальному и религиозному принципу (11,5%) и развитие языков народов РТ (11,4%) (см. табл. 4).

Таблица 4

Приоритеты национальной политики в РТ, %

	Какие направления национальной политики в РТ необходимо осуществлять в приоритетном порядке?			
	Татары	Русские	Другие народы	Всего
Сохранение культуры и традиций народов РТ	17,9	19,4	16,8	18,4
Развитие языков народов РТ	10,8	12,1	10,9	11,4
Развитие национального образования	7,9	9,3	10,5	8,7
Сохранение стабильности межнациональных отношений	19,1	16,6	15,1	17,7
Активизация СМИ в освещении национальных особенностей народов РТ	4,6	5,1	2,8	4,6
Обеспечение равноправия по национальному и религиозному признаку	12,5	10,9	8,8	11,5
Развитие СМИ на национальных языках народов РТ	3,8	4,2	2,5	3,8
Проблемы адаптации мигрантов	6,4	5,6	6,7	6,1
Совершенствование законодательства в области национальной политики	6,1	6,4	7,7	6,4
Нет проблем в рамках национальной политики	3,8	3,6	4,9	3,8
Затрудняюсь ответить	7,2	6,7	13,3	7,6

Как видно из приведенных данных, татары и русские согласуются в указанных позициях, значительных расхождений по приведённым позициям не зафиксировано.

Деятельность Ассамблеи народов Татарстана хорошо известна 17% опрошенных, 36% «что-то слышали» об этой организации, 38,6% опрошенных не знают о ее существовании (см. табл. 5).

**Информированность о деятельности Ассамблеи народов Татарстана
(Дома дружбы народов), %**

	Известно ли Вам о деятельности Ассамблеи народов Татарстана (Дома дружбы народов)?			
	Татары	Русские	Другие народы	Всего
Да, хорошо известно	17,1	17,8	14,6	17,1
Да, что-то слышал	34,6	38,4	33,1	36
Нет, не слышал	40,8	36	39,1	38,6
Затрудняюсь ответить	7,6	7,9	13,2	8,3

В целом 55,4% татар и русских поддерживают политику РФ в сфере межнациональных отношений. 57,2% татар и русских поддерживают политику руководства РТ в сфере межнациональных отношений. Пятая часть опрошенных выражает индифферентное отношение в данном вопросе (см. табл. 6).

Таблица 6

**Поддержка политики в сфере межнациональных отношений
руководства РФ и РТ, %**

	Как Вы относитесь к политике в сфере межнациональных отношений?			
	Руководства РФ		Руководства РТ	
	Татары	Русские	Татары	Русские
Полностью поддерживаю	15,7	17,8	17,4	21,3
Скорее поддерживаю	35,1	42,5	36,1	40,9
Мне безразлично	23,8	18	24,2	18
Скорее не поддерживаю	9,9	5,1	7,2	4,5
Не поддерживаю	4,7	4,3	3	2,9
Затрудняюсь ответить	10,7	12,2	12,1	12,4

Таким образом, приоритетными направлениями национальной политики, с точки зрения респондентов, являются сохранение культуры и традиций народов РТ, а также сохранение стабильности межнациональных отношений в Республике. Это соответствует Стратегии государственной национальной политики и свидетельствует о понимании респондентами важности поддержания комфортного межэтнического климата, сложившегося в Республике. Позитивная оценка большинством опрошенных политики в сфере межнациональных отношений свидетельствует о понимании роли руководства Российской Федерации и Республики Татарстан в поддержании высокого уровня межнационального согласия.

Сулейманова Маргарита Нугмановна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории археологии и этнологии, Башкирский государственный университет» Республики Башкортостан, Россия, г. Уфа, suleymanie@mail.ru

УДК 323.1

Процессы национально-культурного возрождения народов и региональная политика: развитие взаимодействия (на примере Республики Башкортостан)

Аннотация. Современный состав населения Республики Башкортостан, расположенной на стыке Азии и Европы, отличается многонациональностью. Этническую основу составляют русские, башкиры и татары (90%). Усиление процессов национально-культурного возрождения, активизация миграционных потоков из Средней Азии, Кавказа после распада СССР ознаменовались возникновением национально-культурных объединений башкир, татар, чувашей, марийцев, немцев, евреев, украинцев, мордвы, греков, удмуртов, белорусов, чеченцев, армян, казахов и др. Начавшиеся процессы определили основные направления новой региональной политики в сфере национальных отношений, что нашло отражение в новой Государственной программе «Народы Башкортостана», также в создании национально-культурных автономий украинцев, чувашей, немцев республики, в развитии сети национальных дошкольных и школьных учреждений, издании книг и периодики на национальных языках и т. д. Это позволило создать определенные перспективы для сохранения и всестороннего развития культуры всех народов республики.

Ключевые слова: население Республики Башкортостан, национально-культурное возрождение, национально-культурные объединения, региональная политика, национальные отношения, Государственная программа, национально-культурная автономия.

Margarita Suleymanova

Candidate of Sciences in History, Associate professor at the Department of History Archeology and Ethnology, Bashkir State University, Russia, Ufa

National and cultural revival of peoples and regional policy: interaction development (based on the case of the Republic of Bashkortostan)

Abstract Modern composition of the population of the Republic of Bashkortostan, located at the crossroads of Asia and Europe, is multicultural. The ethnic basis is made up of Russians, Bashkirs, and Tatars (90%). Intensification of migration flows from Central Asia and Caucasus after the collapse of the USSR reinforced the processes of national and cultural revival of peoples living here. Subsequently, national cultural associations of the Bashkirs, Tatars, Chuvash, Mari, Germans, Jews, Ukrainians, Mordovi-ans, Greeks, Udmurts, Belarusians, Chechens, Armenians, Kazakhs and others emerged.

These processes determined underlying vectors of the new regional policy in the sphere of national relations, which was reflected in the new State programme "Peoples of Bashkortostan".

Other steps included establishment of national cultural autonomies of the Ukrainians, Chuvash, Germans of the republic, development of a network of national pre-school and school institutions, publication of books and periodicals in national languages, etc.

All this contributed to certain prospects for the preservation and comprehensive development of culture of all peoples in the republic.

Key words: population of the Republic of Bashkortostan, national and cultural revival, national cultural associations, regional policy, national relations, State programme, national cultural autonomy.

Республика Башкортостан, расположенная на перекрестке Азии и Европы, всегда отличалась многонациональностью состава населения, этническую основу которого составляют русские, башкиры и татары (90%). Распад СССР активизировал новые миграционные потоки из Средней Азии, с Кавказа, а также процессы национально-культурного возрождения проживающих здесь народов. Это ознаменовалось, прежде всего, возникновением национально-культурных объединений (НКО). В числе первых возникли башкирский «*Ак тирмә*», татарский (*Татарский общественный центр*), чувашский «*Нарспи*», марийский «*Мари Ушем*», немецкий «*Wiedergeburt*», еврейский «*Штерн*» («*Кохав*»), украинский «*Кобзарь*», позже появились объединения мордвы («*Масторава*»), греков («*Таврида*»), удмуртов, белорусов («*Сябры*»), чеченцев («*Барт*»), армян («*Севан*»), казахов («*Алтын бата*») и др., а также филиалы НКО в различных районах республики. По их инициативе в г. Уфе было создано первое в России объединение национально-культурных организаций — Центр национальных культур (ЦНК) «*Дружба*» (1989 г.), основной целью работы которого стало поддержание межнационального согласия [4]. Со дня своего создания ЦНК «*Дружба*» проводит фестивали народов республики, форумы национально-культурных объединений. На I Форуме была принята Программа культурного развития народов, населяющих Башкортостан. В ней, по существу, были сформулированы основные принципы национальной политики в Башкортостане: безусловное равноправие всех наций, обеспечение равных возможностей людям любой национальности для раскрытия творческого потенциала личности и достижения достойного уровня жизни. Состав Центра постоянно пополнялся. Почти все центры имели свои филиалы в различных районах РБ. При ЦНК «*Дружба*» был создан также «Комитет экстремальных ситуаций». В 2000 году была создана Ассамблея народов Республики Башкортостан. Основными целями были провозглашены: сохранение и укрепление межнационального согласия и духовного единства; расширение сотрудничества с органами власти и национальными общественными организациями в решении вопросов национальной политики; участие в предупреждении и разрешении конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений; содействие проведению научных исследований и независимых экспертиз, распространению объективных сведений, точной и непредвзятой информации в сфере межнациональных отношений; содействие защите прав личности и этнических групп на удовлетворение национально-культурных потребностей; содействие сохранению культурно-исторического наследия народов; создание условий для возрождения и развития народных промыслов; содействие укреплению государственных языков Республики Башкортостан, разработка программ и проведение мероприятий по сохранению родных языков народов республики [1]. Первый съезд Ассамблеи состоялся 22 декабря 2000 года в г. Уфа.

В соответствии с программными документами деятельность НКО со дня их создания характеризовалась осуществлением активной культурно-просветительской, научно-исследовательской, производственно-хозяйственной и концертной деятельности.

Остановимся на основных направлениях и мероприятиях НКО, которые стали важными вехами в общественно-культурной жизни Республики Башкортостан в последние десятилетия. Одним из них стало учреждение при их содействии периодических изданий на языках национальностей в республике: «Оран» (орган Союза башкирской молодежи (СБМ)), «Өмөт», «Тулпар», «Нур», «Азатлык нуры» (орган Татарского общественного центра и Союза татарской молодежи), «Урал сасси» (Голос Урала) и тележурнал «Ендешсем» (Земляки) (Чувашского общественного центра), «Чалман» (центра «Мари Ушем»), «Криница» (Украинского центра «Кобзарь») и др. В жизни этнических обществ республики это был, безусловно, важный этап, позволивший широко освещать важные события о народах в республиках Волго-Уральского региона, ближнего и дальнего зарубежья, а также о проблемах развития самосознания народа, культуры и образования, обычаях и традициях, видных деятелях.

Огромную роль в культурно-просветительской деятельности центров сыграли воскресные школы. Одними из первых раскрыли свои двери воскресные школы чувашского, татарского, украинского, греческого, еврейского, немецкого и других центров. В них были организованы разновозрастные группы — от дошкольного до взрослого. Занятия по изучению родных языков, литературы, истории и культуры народов привлекли многих людей, заинтересованных в познании своих истоков. Для координации работы по становлению национальных школ свою роль сыграли республиканские научно-практические конференции учителей (например, чувашского языка), организация профессиональной стажировки учителей с выездом на историческую родину (Германию, Израиль, Грецию) или приглашение специалистов оттуда. В частности, было создано Башкирское отделение украинского союза профессиональной стажировки учителей с выездом на историческую родину. Кроме того, национальные школы стали и центром досуга. Здесь стали проводить вечера отдыха, экскурсионные и культурные мероприятия. Особой популярностью у молодежи пользовались национальные дискотеки, например чувашский «Аван-И», башкирский «Наза» и др. К организации массовых праздников, фестивалей, концертов привлекались лучшие самодеятельные и профессиональные коллективы не только республики, но и других регионов.

Другим важным направлением деятельности НКО стало проведение фестивалей национальных культур. Уже традиционными являются в республике Дни национальной культуры и искусства народов Мари — «Мурпеледыш», украинской культуры «Ой, радуйся, земле», «Дни еврейской культуры в РБ», фестиваль национальной культуры народов Икского региона, с участием 12 пограничных районов Башкортостана и Татарстана, межрегиональный фестиваль немецкого творчества «Весна победы», «Дни чеченской культуры», праздник весеннего равноденствия «Навруз», фестиваль чувашской эстрадной песни «Шапчак сасси», фестиваль башкирской песни

«Урал моно». Последний со временем превратился в Международный конкурс-фестиваль музыкального творчества тюркской молодежи «Урал моно» и получил широкое признание [1; 2].

При большом содействии национальных объединений были созданы творческие коллективы, ансамбли, фольклорные и художественные группы, например чувашский драмтеатр-студия «Термен» и литературное объединение «Шурадал», марийские фольклорные группы «Эрвел сем», «Ош Вуре сем», еврейский женский ансамбль «Азриэль». Народный хор украинской песни «Кобзарь» и фольклорно-этнографический ансамбль «Нарспи», создание которого стало началом возрождения чувашской диаспоры Башкортостана, стали известны далеко за пределами республики. Особую популярность завоевали организованные, главным образом, молодежными коллективами НКО шоу-конкурсы башкирских (*Һылыукай*), татарских (*Науруз гузәле*), чувашских (*Чаваш пиги*) красавиц, не утратившие своей популярности до сегодняшнего дня. Ежегодно в республике выбирают красавиц на разных конкурсах, проводимых НКО [3].

В рамках научно-исследовательской деятельности проводятся конференции, издаются исследования по истории и фольклору народов РБ. Проводятся встречи с деятелями науки и культуры, с писателями, представителями литературно-художественных и научно-популярных журналов. Наиболее плодотворно работают чувашские краеведы, которые провели учредительную и научно-практические конференции. Среди известных краеведов — Е. Т. Скрипов, П. А. Петров-Туринге, Г. Г. Манаров, П. И. Кудряшов и многие другие. В 1995 году уфимская чувашская народная школа им. П. М. Миронова выпустила «Хрестоматию по истории и языку чувашского народа». Определенная работа была проведена по развитию украинистики Башкортостана. Был создан Научный центр украинистики, который подготовил и опубликовал монографию В. Я. Бабенко «Украинцы БССР», сборник научных статей по итогам конференции «Украина — Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества», посвященный 50-летию последнего массового переселения украинцев в Башкортостан, книгу В. Я. Бабенко и Ф. Ахатовой «Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкортостане» и др.

Научно-исследовательскую работу по изучению истории и этнографии своих народов ведут и другие национальные объединения. Например, общество немцев «Wiedergeburt» создавало небольшие группы по изучению фольклора в гг. Стерлитамак, Салават, Уфа. При содействии еврейского центра «Штерн-Кохав» была опубликована книга Э. А. Шкурко «Очерки истории евреев Башкортостана», ставшая одним из первых исследований истории и современного поколения евреев в крае. Еще в 1985 году Академия наук Латвийской ССР организовала Комплексную экспедицию в Башкирскую АССР, сыгравшую большую роль в обследовании степени сохранения языка, фольклора, этнографических традиций латышей в островной ситуации. Позднее, в августе 1993 года, новую экспедицию, организованную Обществом латышей России совместно с Латышским радио и телевидением, возглавленную уроженкой г. Уфы А. Большевиц, принимало Общество латышей Башкортостана «Ауструм».

Национально-культурные объединения помимо культурно-просветительской, научно-исследовательской работы являются активными участниками или организаторами политических акций. Например, во время августовских событий 1991 года, в дни так называемого ГКЧП, вызвавших большой общественный резонанс, ряд общественных организаций — Башкирский народный центр БНЦ «Урал», Татарский общественный центр (ТОЦ), «Русь» и другие — выступили против переворота. Они же выразили протест в августе 1992 года в связи с расколом Духовного управления мусульман европейской части СССР (ДУМЕС). Еще с конца 80-х годов многие активисты и руководители, прежде всего башкирского национального движения, открыто стали говорить о признании суверенитета республики, осудив советский принцип ранжирования народов. Подписание впоследствии Федеративного договора вызвало бурные события (митинги, пикетирование, голодовку), в которых участвовали члены различных национальных и молодежных организаций. К числу крупных акций следует отнести и участие в митингах против развязывания войны в Чечне, в посылке контейнеров с гуманитарной помощью в Чеченскую Республику, также как и участие во многих политических мероприятиях.

Вполне закономерным стало появление у различных центров молодежных филиалов. Со временем многие из них превратились в совершенно самостоятельные молодежные организации с национальным уклоном. К таковым относятся *Союз башкирской молодежи (СБМ)* (1990 г.), *Союз татарской молодежи «Азатлык»* (1990 г.), *Союз чувашской молодежи РБ* (1993 г.), *Союз украинской молодежи РБ* (1998 г.) — весьма популярные среди национальной молодежи. Диапазон мероприятий этих организаций очень широк, начиная с участия в проведении традиционных празднеств до проведения съездов, курултаев и Дней молодежи.

В общем русле национально-культурного возрождения возникли и стали активно действовать женские общества: *Общество башкирских женщин Республики Башкортостан* (1990 г.), уфимский филиал *«Ассоциации татарских женщин «Ак калфак»* (1997 г.), *Союз украинок Башкортостана*, женский клуб *«Берегиня»* (1994 г.) и др.

Национально-культурные центры регулярно созывают свои съезды с целью подведения итогов, активизации деятельности и определения направлений деятельности. Широкий общественный резонанс в республике вызвали проведение I Всемирного курултая башкир (июнь 1995 г.), Съезда (курултая) татар Башкортостана (июнь 1997 г.), Собора русских Башкортостана (март 1998 г.), Съезда (канаша) чувашей Башкортостана (ноябрь 1999 г.) и др. В то же время представители Башкортостана принимали и принимают самое активное участие в многочисленных национальных форумах, таких как Всемирный конгресс татар, Всечувашский национальный конгресс, Всероссийский съезд марийского народа, Всемирный форум украинцев в Киеве и Конгресс украинцев России, встречи с представителями мордовского народа Урало-Поволжского региона, г. Москвы и Московской области (март 1997 г.), Конгресс землячества немцев Поволжья, Съезд «Объединения греков России» (ОГОР), Российский еврейский конгресс, Учредительный Круг казаков Уральского региона и многие другие.

Важную роль в решении проблем народов Башкортостана играют Договоры о дружбе и сотрудничестве с Поволжскими республиками и странами СНГ. В них закреплены взаимные обязательства по удовлетворению национально-культурных запросов народов, проживающих в республике. Наиболее активно этот обмен идет с республиками Волго-Уральского региона. Связи национально-культурных центров Республики Башкортостан были установлены со многими регионами России и со странами ближнего и дальнего зарубежья — Латвией, Белоруссией, Украиной, Арменией, Казахстаном, Германией, Грецией и др.

Как видим, процессы национально-культурного возрождения, развернувшиеся со второй половины 80-х годов XX века в Башкортостане, были масштабны, результативны и внесли огромный вклад в сохранение традиционного культурного наследия и духовного возрождения живущих здесь народов.

Эти процессы, по существу, определили в тот период направления новой региональной политики в сфере национальных отношений. При активном участии представителей вышеназванных центров была подготовлена комплексная Государственная программа по удовлетворению национально-культурных запросов народов, принятая правительством еще в начале 1990-х годов, рассчитанная до 1995 г. и в основном реализованная.

Постановление Кабинета министров в марте 1996 года «О мерах по расширению научных исследований по проблемам национальной политики в Республике Башкортостан» активизировало разработку Государственной программы «Народы Башкортостана». В ее рамках была начата разработка и последующая реализация программ развития тюркских, финно-угорских, славянских народов, немцев, латышей, казахов, евреев и других этнических общностей, компактно проживающих в республике. Общая концепция Программы была разработана коллективом под руководством известного российского этнолога, академика Р. Г. Кузеева. Основной акцент был сделан на возрождении этничности всех народов Республики Башкортостан, их традиционной культуры, современных проблемах языка, вопросах совершенствования образования и воспитания молодежи. Также предполагалось проведение широких научных исследований и обобщение материалов по этнической истории и культуре народов республики.

Принятие и последующая реализация вышеназванной Программы открыли новый этап, с одной стороны, во взаимоотношениях национально-культурных центров с государственными органами республики, с другой — в деятельности самих центров. И в этом решающую роль сыграли национальные системы образования всех уровней — от дошкольного до высшего, численность образовательных учреждений значительно увеличилась, особенно в первые десятилетия после принятия суверенитета республики. Например, если в 1990 году школ с обучением на татарском языке насчитывалось 836, то в последующие годы их численность увеличилась еще на 300. Соответственно интенсифицировалась подготовка кадров — учителей для национальных школ. Их готовили в ведущих учебных заведениях республики, таких как Башкирский

государственный университет, Башкирский государственный педагогический университет и в их филиалах (Бирский, Стерлитамакский и др.), а также во многих педагогических училищах. При этом улучшилось и увеличилось обеспечение национальных школ учебной, учебно-методической и художественной литературой. В системе дошкольных учреждений получил развитие национальный сектор. В нем ведущие места по численности охвата детей занимали русские, татарские и башкирские детские сады.

При поддержке государства новый импульс получила профессиональная культура, в частности национальные театры. Прежде всего, они представлены Республиканским русским театром драмы, Национальным молодежным театром, Башкирским академическим театром драмы им. М. Гафури, Уфимским государственным татарским театром «Нур», Туймазинским татарским театром и др., в том числе самодеятельными национальными народными театральными коллективами.

Пристальное внимание республиканских органов было уделено сохранению и развитию музеев, в которых наиболее ярко отражена и аккумулирована традиционная культура, а через нее национальное самосознание народа. Важнейшими из них в республике являются Национальный музей РБ с филиалами, Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук, фонды которых собирались и пополнялись на протяжении более века и являются по богатству и уникальности имеющихся экспонатов наиболее значимыми. В них постоянно действуют экспозиции по материальной культуре многих народов РБ. Кроме того, в районах республики созданы и функционируют различные музеи, отражающие историю и культуру народов, например Дом-музей Константина Иванова в селе Слакбаш Белебеевского района (с 1940 г.). Его же музей в с. Кекен-Васильевка Миякинского района. Музеи поэтов И. А. Петровой-Нарс, Я. Ухсая в д. Елбук-Матвеевка и с. Слакбаш Бижбулякского и Белебеевского районов РБ. При самом активном взаимодействии госорганов и национально-культурных центров республики проводятся мероприятия, посвященные юбилеям видных деятелей культуры народов Башкортостана. Например, 110-летие Г. Тукая, 100-летие А. Данилова-Чалдуна и др. В республике были учреждены литературные премии имени Фатиха Карима, Шайхзады Бабича, Салавата Юлаева.

Важной мерой по сохранению национального наследия народов, осуществленных при содействии республиканского правительства, стало издание книг и периодической печати на национальных языках. В республике издавались газеты и журналы на 7 языках. В 90-х годах XX века в городах и районах имелись 70 редакций, выпускавших 116 самостоятельных и дуближных газет, значительная часть которых была на родных языках народов РБ. Тогда же на радио и телевидении Башкортостана были созданы специальные редакции, готовившие передачи на башкирском, татарском, чувашском, украинском и других языках. Регулярно транслировались спектакли, концерты различных творческих коллективов.

Крупным мероприятием по сохранению самобытных культур народов республики стало создание национально-культурных автономий (НКА), согласно Федеральному закону «О национально-культурной автономии», принятому в 1996 году, в Башкортостане были созданы украинская НКА в с. Золотоношка Стерлитамакского района, немецкая — в с. Пришиб Благоварского района и чувашская — в с. Суук-Чишмы Кармаскалинского района. Здесь проживают наиболее компактные этнические группы украинцев, чувашей и немцев. Создание национально-культурных автономий было актуально как одна из форм сохранения идентичности этнических групп и предполагает в то же время признание со стороны государства различных видов их самоорганизации.

Таким образом, в республике была сделана попытка создания необходимых условий для наиболее полного удовлетворения национально-культурных запросов народов Башкортостана. Как видим, представленный в статье материал показывает, что процессы национально-культурного возрождения, особенно активно протекавшие в Республике Башкортостан на рубеже 80–90-х годов XX века, заложили основу для формирования новой региональной политики в сфере межнациональных отношений. Основные принципы и характер взаимодействия органов государственной власти и национально-культурных объединений создали определенные перспективы для сохранения и всестороннего развития культуры всех народов Республики Башкортостан.

Список использованной литературы

1. Ассамблея народов Республики Башкортостан. URL: <http://addnrb.ru/>
2. В Башкортостане стартует Международный конкурс-фестиваль музыкального творчества тюркской молодежи «Урал моно». URL: <http://www.bashinform.ru/news/1165804-v-bashkortostane-startuet-mezhdunarodnyy-konkurs-festival-muzykalnogotvorchestva-tyurkskoy-molodezh/>
3. В Уфе на конкурсе красоты «Хылыукай-2018» определили самую красивую башкирку. URL: <http://www.bashinform.ru/news/1133933-v-ufe-na-konkurse-krasoty-khylyukay-2018-opredelili-samuyu-krasivuyu-bashkirku/>
4. ГБУ Дом Дружбы народов Республики Башкортостан. URL: <https://culture.bashkortostan.ru/about/suborg/737/>
5. Кузеев Р. Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. М. : ЦИМО, 1999. 371 с.
6. Народы Башкортостана : историко-этнографические очерки / под ред. Р. Г. Кузеева. Уфа : Гилем, 2002. 480 с.
7. Сулейманова М. Н. Этнография народов Башкортостана : учеб. пособие. Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. 128 с.

Романовский Евгений Андреевич,

магистр Венского главного университета, независимый исследователь в Ponto Grassroots Think Tank for Europa und Außenpolitik, Австрия, Вена, a1369114@unet.univie.ac.at

УДК 316.762

Трансформируя чеченскую идентичность

Аннотация. Несмотря на то, что в последнее время о Чечне сказано многое, это все еще загадочный регион, где действуют особые правила и нормы. Подобно европейскому пониманию Балкан как «terra incognita», Кавказ в целом и Чеченская Республика остаются загадочным местом как для многих исследователей, так и для простых жителей Российской Федерации. Во многом это связано с историческими отношениями между чеченским народом и центральным российским правительством в течение последних 400 лет. Сложные исторические периоды, включая войну за завоевание Кавказа, его исключение и последующая интеграция в Советский Союз, депортация, короткий период независимости, две кровавые войны и возвращение в Россию, оставили неизгладимый след в характере чеченцев. Все эти события способствовали формированию чеченцев такими, какие они есть, трансформируя политическую культуру и чеченское осознание своей роли в российском политическом процессе.

Ключевые слова: Чечня, идентичность, чеченская идентичность, политическая культура, Россия, Северный Кавказ.

Evgeny Romanovskiy

master at the University of Vienna, independent researcher at Ponto Grassroots Think Tank for Europa und Außenpolitik, Austria, Vienna

Transforming the Chechen identity

Abstract. Despite the fact that much has been said about Chechnya recently, it is still a mysterious region where special rules and regulations are in force. Similar to the European understanding of the Balkans as «terra incognita», the Caucasus as a whole and the Chechen Republic remains an unknown place for many researches as well as ordinary residents of the Russian Federation. This is largely due to the historical relationship between the Chechen people and the central Russian government over the past 400 years. Complex historical periods including the war for the conquest of the Caucasus, its exclusion and later integration into the Soviet Union, deportation, a short period of independence, two bloody wars and re-entry into Russia left an indelible mark on the character of the Chechens. All these events helped to form Chechens as they are, transforming political culture and Chechen awareness of their role in the Russian political process.

Key words: Chechnya, Chechen identity, identity, political culture, Russia, North Caucasus.

Идентичность стала важной темой политической науки. Не только благодаря недавно вышедшей книге всемирно известного ученого Фрэнсиса Фукуямы [1], в которой он пишет о важности и многомерности понятия «идентичность». По мнению автора, тема идентичности не только захватила кампусы американских университетов и исламистские движения, но также умы европейской элиты.

Создание и поддержание политической идентичности, как подчеркивает политическая теория, является одним из важнейших компонентов целостности политических режимов, а также условием функционирования национальных государств [2]. Идентичность, как и сами национальные государства, — это созданный термин, который появился на рубеже веков, но который играет важную роль в понимании политических процессов.

Что представляет собой идентичность? По результатам анализа теоретической литературы по теме «идентичность» можно выделить три основных направления, объясняющих возникновение и развитие идентичности.

Первое направление касается гендерной проблематики как части политической идентичности. Имеется в виду, что пол человека является компонентом его идентификации. Эта теория описана в работах Butler [3].

Вторая концепция касается взаимосвязи между культурой и человеческой идентичностью. Это направление представляют такие ученые, как Sian [4] и Stuart [5], которые понимают чувство культурной принадлежности как биологическую, так и психологическую потребность человека.

Наконец, третье и наиболее развитое на данный момент направление объясняет возникновение и развитие идентичности в тесном сотрудничестве с политикой и политическими институтами. К этой категории исследований относятся Barth [6], Brubaker [7], Eriksen [8], Kofler [9], Smith [10]. Они утверждают, что идентичность — это своего рода символическое продолжение политики, а также ее развитие, которое работает в тесном сотрудничестве с политическими агентами.

В данной статье я также буду придерживаться последней теории, хотя, кажется, что, говоря о Чечне, Кавказе и России в целом, стоило говорить именно о влиянии культуры как цементирующего элемента идентичности. Однако хороший пример проиллюстрирован Brubaker в его работе «Идентичность без групп» при описании идентичности этнических общин, разделенных границами разных государств. Согласно выводам ученого, идентичность изначально понималась как продукт правящего класса, оправдывающего свое господство с помощью символов народной [7, с. 74]. Напротив, обозначенные категории, такие как этничность, религия, — это не что иное, как конструкты, которые создаются для идентификации людей через группы. Идентичность также понимается как квазиполитический конструкт, который помогает достичь политических целей.

Чечня и чеченцы, несмотря на огромный интерес к ним, по-прежнему остаются «terra incognita» для большинства россиян. Необходимо указать, что на тему современного конструирования чеченской идентичности была написана всего 1 книга [11] и 1 диссертация [12].

Саму Чечню большинство экспертов и ученых называют «щитом от исламизма». Нет или практически нет художественной литературы и фильмов, показывающих отношения чеченцев с внешним миром, примеры дружбы народов и межэтнической любви. Все это напоминает выводы европейских ориенталистов, сделанные всего не-

сколько десятилетий назад, которые в свое время рассматривали Балканы как особый регион, где большинство европейских правил не работает [13].

Несмотря на то что чеченцы живут в составе России более 400 лет, мы мало знаем о длительном периоде мира между чеченцами и остальной Россией. Только в XX веке, который я рассматриваю в своей работе в Венском университете, чеченцы пережили четыре основных периода подавления и насилия, которые сделали чеченцев, по словам ведущего российского антрополога Владимира Тишкова, нацией войны [14].

Несмотря на то, что историческая память, по моим собственным наблюдениям, является цементирующим звеном в формировании чеченской идентичности, она также является изменяемой категорией. Это согласуется с выводами о том, что идентичность является зависимой от политики переменной, которую можно изменить. В исторической перспективе чеченцев сначала хотели сделать типичной советской нацией, после чего они встали на путь демократизации, на смену которой пришел жестокий исламизм. Наконец, на основе доклада Международной кризисной группы можно сказать, что сегодня Чечня представляет собой сплав исламизма, национализма и авторитарной модели управления [15, с. 16]. Доклад, подготовленный Институтом Сахарова в Москве накануне нового тысячелетия [16, с. 5–15], содержал информацию, основанную на результатах количественных и качественных исследований о том, что определенные компоненты чеченской идентичности, которые являются культурными, играли различную роль во время и после войны.

О каких качествах чеченской идентичности мы сегодня можем говорить? Прежде всего, о политических. Но преподносимых в качестве культурных. Например, имеет смысл говорить о гостеприимстве как части политики. В классической традиции чеченцев гость был неприкосновенным человеком, задача которого донести новости о мире, а также вступить в дружеские отношения с хозяином дома, что в дальнейшем исключило бы враждебные действия по отношению друг к другу [17]. Я также обнаружил, что депортация 1944 года упоминалась в некоторых источниках как наказание за «неспособность чеченцев жить в мире с другими национальностями» [18]. В этом ракурсе гостеприимство и сложившиеся межэтнические отношения можно трактовать как защиту от повторения событий депортации или двух военных кампаний, официально называемых «контртеррористическими операциями» за «геноцид русскоязычного населения Чечни».

Или, например, способность вести себя в соответствии с традициями, что также может трактоваться как политическая проблема. В 2009–2011 годах в Москве и других крупных городах обращало на себя внимание исполнение в общественных местах народного танца многих народов Северного Кавказа — лезгинки. Это вызывало недовольство жителей крупных городов, и в первую очередь Москвы. Тактика российских властей была непоследовательна: с одной стороны, они боролись против русского национализма, пытаясь включить организации этнических и национальных меньшинств в политический процесс, а с другой стороны, их подход также основывался на националистическом убеждении, что иммигранты «плохо себя ведут». С этой целью Мини-

стерство национальной политики, печати и информации Чечни даже издало специальный свод правил о том, как чеченцы должны вести себя в больших городах. Также была разработана и подготовлена единая концепция духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения молодежи ЧР, целью которой стало формирование допустимого мировоззрения среди молодежи, воспитание чувства гражданственности и патриотизма. Немалую роль здесь играет внимание общественности: нормативные акты были приняты также с расчетом на то, чтобы чеченцы не стали объектом ненависти, образ которой был создан посредством двух ожесточенных войн [19]. Целый комплекс этих правил, а также другие нормативные документы, подготовленные властями Чечни, призваны воспитывать у чеченцев определенные культурные навыки, фактически вписывать их в российский политический ландшафт. Тема культуры, являясь чувствительной для чеченцев, становится объектом манипуляции, целью которой, по Brubaker, становится попытка создать политически лояльного гражданина, гораздо более лояльного, чем другие нации на Северном Кавказе. Интернет-опрос, проведенный в 2016 году в социальной сети ВКонтакте, в этой связи показал, что чеченцы, в отличие от других жителей региона, гораздо больше ценят свою российскую идентичность. Тем не менее российская идентичность вытесняется национальной, религиозной и языковой.

Основываясь на предыдущих выводах, можно утверждать, что даже в европейских странах, например в Австрии, где проживает самая большая чеченская община в мире, чеченцы являются достаточно закрытым обществом. Во многом это связано с политическими нападками на чеченцев и мусульман со стороны многих австрийских «правых», а также плохой организацией политики приема и интеграции беженцев в стране [20]. С другой стороны, в чеченском обществе существует множество мифов, которые не позволяют представителям этого сообщества полностью раствориться в Европейском проекте. Одним из таких мифов является теория заговора — чеченцы обычно не верят в преступления с участием выходцев из Чечни, а также в террористические акты, инсценированные исламистами. Им кажется, что все направлено против них, дабы оболгать и уничтожить чеченский народ. Вера в такой «заговор» неоднократно описывалась в американской литературе по политической психологии. В своей работе исследователь Ted Goertzel [21] выделяет до 92 различных теорий заговора, описанных в литературе, большинство из которых распространены в политике, религии и журналистике. Пожалуй, самая известная работа на эту тему была опубликована самим Goertzel, где он отмечал, что черные и испано-язычные респонденты США были гораздо более склонны верить в «теорию заговора», чем другие респонденты [22]. Исследователь объяснил веру в «теории заговора» потерей чувства безопасности и плохими экономическими условиями.

Чеченское общество сегодня — это многогранный и сложный социальный организм, который прошел долгий и, к сожалению, трагический путь своего становления. Актуальность темы исследования находит себя в релевантности исследования термина «идентичность», а также актуальности включения национальных и религиозных меньшинств в Европейский проект.

Список использованной литературы

1. Fukuyama Francis. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. Farrar : Straus and Giroux, 2018.
2. Meyer Thomas. Identitätspolitik: Vom Missbrauch kultureller Unterschiede : Taschenbuch, 2002.
3. Butler Judith. Undoing gender. London/New York (u. a.) : Routledge. 2004.
4. Jones Sian. The Archaeology of Ethnicity. Constructing identities in the past and the present London; New York: Routledge, 1997.
5. Hall Stuart. Wer braucht Identität? // Stuart Hall and Juha Koivisto (eds.) Ideologie, Identität, Repräsentation. Hamburg : Argument-Verlag, 2004.
6. Barth Fredrik. Introduction In: Fredrik Barth (ed.) Ethnic groups and boundaries. The social organisation of culture difference. Long Grove : Waveland Press, 1998. P. 9–17.
7. Brubaker Rogers. Ethnicity without groups. Harvard : Harvard University Press, 2004.
8. Eriksen Thomas Hylland. Ethnicity and nationalism. Anthropological perspectives. London : Pluto Press, 1993.
9. Kofler Angelika. Migration, emotion, identities: The subjective meaning of gender and ethnicity. Vienna : Dissertation, 2000.
10. Smith Anthony D. Ethno-symbolism and nationalism. A cultural approach. London ; New York : Routledge, 2009.
11. Павлова О. С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М. : ООО «Сам Полиграфист», 2013.
12. Жемчураева С. Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде. Саратов, 2010.
13. Milica Bakic-Hayden. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia. Slavic Review. Vol. 54, No. 4 (Winter, 1995). P. 917–931.
14. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М. : Наука. 2001.
15. Chechnya: The Inner Abroad. Crisis Group Europe Report N°236, 30 June, 2015.
16. Фурман Д. Самый трудный народ для России // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 5–15.
17. Культура Чечни: история и современные проблемы / [отв. ред. Х. В. Туркаев] ; Ин-т этнологии и антропологии. М. : Наука, 2002.
18. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. II. Грозный : Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1967.
19. Правда и мифы о Чечне и чеченцах. Ассоциация чеченских общественных и культурных объединений. М. : Изд-во «ИКАР», 2005. 120 с.
20. Heinrich Hans-Georg. Will Russia become a Muslim society? Frankfurt am Main : Lang, 2011.
21. Goertzel Ted. Belief in Conspiracy theories. Political Psychology. Vol. 15, No. 4 (Dec., 1994). P. 731–742.
22. Goertzel Ted. Conspiracy theories in science. EMBO reports. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2897118/pdf/embor201084.pdf>.

Власова Татьяна Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Удмуртский государственный университет, Россия, г. Ижевск, tavlvasova@yandex. ru

УДК 316.334:7(470.51)(045)

Региональный туризм в Удмуртской Республике: между сохранением наследия и коммерческой выгодой

Аннотация. Цель настоящего исследования состояла в выявлении потенциала этнокультурных проектов для развития сельских поселений. Эмпирической базой исследования выступили интервью с сотрудниками региональных министерств, директорами турфирм, директорами сельских учреждений культуры. Было установлено, что решающую роль в успешной реализации этнокультурных проектов в сельской местности играет взаимодействие учреждений культуры с муниципальными и региональными органами управления.

Ключевые слова: этнические группы, частно-государственное партнерство, этнокультурные проекты, сельские поселения, развитие региона.

Tatiana Vlasova

Candidate of Sciences in Philosophy, Assistant Professor at the Department of Sociology, Udmurt State University, Russia, Izhevsk

Regional Tourism in Udmurt Republic: between Heritage Preservation and Commercial Benefit

Abstract: The aim of this article is to discover the potential of ethnic projects to help the development of rural settlements. Research was based on subsequent interviews with officers of regional ministries, directors of travel agencies, employees of rural cultural institutions. It was found that the interaction of cultural institutions with municipal and regional governments plays a crucial role in the successful implementation of ethnic projects in rural areas.

Key words: ethnic groups, public-private partnership, ethnic projects, rural settlements, regional development.

В настоящее время растет число исследований, где анализируется символическое измерение экономических процессов. Одним из наиболее ярких примеров совмещения установок экономической рентабельности и сохранения культурного наследия является расширяющаяся сфера регионального туризма. Представления о туристической сфере как зоне ближайшего развития поддерживаются главами регионов. Типичная ситуация складывается в Удмуртской Республике. Экономический потенциал внутреннего туризма является предметом дискуссии на разных уровнях. С одной стороны, в высказываниях оптимистично настроенных представителей власти [1], туризм в Удмуртии динамично развивается, принося экономическую выгоду. Но в интервью, собранных в рамках исследования, представлена более скептическая позиция. Несмотря на сформировавшийся запрос на туристические программы как со стороны региональной и муниципальной власти, так и со стороны потребителей, сельские учреждения культуры сталкиваются с трудностями. Главной проблемой формирования тури-

стической отрасли региона стала рассогласованность деятельности учреждений культуры, разрабатывающих образовательные и развлекательные программы, туристических фирм, а также органов государственного и муниципального управления. Совместные мероприятия способствовали установлению сетей партнерства и координации. Результаты этого сотрудничества в настоящее время нуждаются в аналитическом обобщении.

Теоретические подходы к анализу регионального туризма

Проблема осознания культурных ценностей в качестве ресурса, обеспечивающего коммерческую прибыль, широко обсуждается в социальных науках. На смену установке о несовместимости сферы экономики и культуры пришло понимание роли экономических инструментов в формировании и сохранении локальной идентичности и местных культурных ценностей. Д. Тросби доказывает, что если исчезает чувство идентичности, то в регионе или стране не наблюдается устойчивого развития [2, с. 60]. Различение экономического, социального и символического типов капитала, введенное П. Бурдьё [3, с. 31], с одной стороны, позволяет разделить социальные явления с разным содержанием. С другой стороны, в работах самого П. Бурдьё описываются явления и опыт, где символические аспекты доминировали над рациональными потребительскими решениями [4, с. 166].

Туристические практики наиболее явно демонстрируют коммерциализацию культурных ценностей, вовлеченных в пространство массового досуга. Но если известные туристические объекты и маршруты могут использовать преимущественно рыночные инструменты, то развитие туризма в глубинке должно опираться на другие механизмы. Вне крупных городов необходимо интенсифицировать переживания «культурной инаковости» при посещении туристических достопримечательностей [5, с. 42]. Для этого необходимы усилия представителей местного сообщества. В малых городах центральной России наиболее успешные примеры привлечения туристов связаны с консолидацией местного сообщества [6, с. 101]. В городе Мышкин после прекращения работы градообразующих предприятий нарастала атомизация, ослабевали социальные связи, утрачивалось стремление к коллективной деятельности. Производство «новой» идентичности стало причиной туристической привлекательности малых городов. В Мышкине основную роль сыграли краеведческие кружки, объединявшие группы подростков, которые участвовали в создании туристических объектов, сети достопримечательности и музейных коллекций, связанных с образом мыши. В результате из группы энтузиастов стало формироваться сообщество, к которому присоединились активные горожане [7, с. 11].

Сложности организации туристического бизнеса в селах и малых городах России создают основания для вовлечения в этот процесс органы государственной власти. Анализируя данные, собранные в селах Нижегородской и Архангельской областей, Л. Гранберг и А. М. Сатре разделили деятельность жителей на два типа: во-первых, есть работа, направленная на выживание (coping), и, во-вторых, деятельность, направленная на улучшение жизни (agency). Причем первая являлась инициативой частных лиц и семей, а вторая использовалась в государственных программах. Кроме того, Л. Гранберг замечает, что в органах местного самоуправления появились сотрудники, которые активно ищут решения местных проблем, хотя у них нет соответствующих должностных обязательств [8, с. 169]. На уровне управления развитием

территорий барьером является традиционно высокоцентрализованная административная культура и зависимость представителей в регионах от федеральных структур. Часто фиксировалась ситуация, когда власть и бизнес успешно взаимодействовали. Но трудности возникали тогда, когда органам власти или бизнесу было необходимо взаимодействовать с местным населением [9].

Проблема вовлечения представителей местных сообществ в процесс принятия решений на уровне муниципалитета или региона ставит вопрос о формировании локальной идентичности. В настоящем исследовании на примере развития туристической сферы в Удмуртской Республике рассматривается конструирование туристического опыта с позиций совмещения перспектив бизнеса и власти.

Методы и методология

В январе — августе 2018 года были собраны полуструктурированные глубинные интервью (N34), среди них семь — с сотрудниками региональных министерств и ведущих учреждений культуры, шесть — с директорами туристических фирм. Отбор экспертов производился по методу «снежного кома». При интерпретации данных качественного социологического исследования использовались также интервью с работниками сельских учреждений культуры, главами сельских поселений, с жителями сел, активно вовлеченными в организацию культурных мероприятий.

Использование метода интервью, во-первых, позволило выявить сформировавшиеся нарративы, в которых представлены обычные приемы работы в сфере культуры. В нарративной форме представлены установки, определяющие содержание и формы региональных туристических программ, доминирующие идеи, осознаваемые проблемы. Во-вторых, метод интервью обеспечивал сбор фактической информации. Значительная часть данных о локальном туризме не зафиксирована статистикой. В материалах интервью оказались представлены данные об организации внутрирегионального туристического рынка. Также информанты могли рассказать об особенностях проектной деятельности в регионе, которые также остаются имплицитным знанием.

Все эксперты, работники министерств и учреждений культуры принадлежат к поколению, чья профессиональная карьера началась в 1980—1990-е годы. Кроме того, участие в исследовании принимали директора фирм, выполняющих функции туроператоров по региональным маршрутам. Большинство директоров фирм-туроператоров, как мужчин, так и женщин, относятся к поколению людей среднего возраста 40—45 лет. Они окончили школу в начале 1990-х, получили высшее гуманитарное или экономическое образование в вузах Ижевска. Некоторые информанты прошли профессиональную переподготовку по программам, связанным с оказанием туристических услуг в качестве второго высшего образования или курсов повышения квалификации. Тем не менее участники исследования в интервью подчеркивали, что они получали профессиональные знания и умения как элемент практической деятельности.

Рынок туристических услуг в Удмуртской Республике

Материалы интервью позволяют описать ситуацию на туристическом рынке Удмуртской Республики. По данным Министерства культуры, в Ижевске работают 172 туристические фирмы, среди которых 26 туроператоров [10]. Большинство туристических фирм были организованы в первой половине 2000-х годов, когда поездки

по региону и стране стали востребованы клиентами. Для настоящего исследования особый интерес представляли фирмы, имеющие статус туроператоров, так как они формируют пакет туристических услуг по внутрирегиональным маршрутам Удмуртии. Туроператоры также взаимодействуют с учреждениями культуры (музеи, усадьбы, дома ремесел), разрабатывающими содержание туристических программ. Информанты описывают особенности туристических поездок по объектам, расположенным в Удмуртии и в соседних регионах. Пакет туристических услуг обычно включает обеспечение транспортом, питание, страхование, сопровождение в поездке, культурную программу в месте прибытия. Но основной туристический поток направлен вовне: курортный отдых, туры за границу, поездки в крупные города России. Доходы от продажи выездных туров намного больше, чем выручка от реализации программ внутреннего туризма (Инт. 1, 3, 5).

В интервью обсуждались два аспекта проблемы финансовой деятельности туристических фирм: распределение расходов между турфирмами и учреждениями культуры, а также вопросы государственных дотаций и грантовых средств в сфере туризма. Финансовые обязательства основных агентов отрасли туристических услуг в регионе, а именно турфирм и учреждений культуры, длительное время были проблемным фактором взаимодействия. Проблема имела две стороны: во-первых, руководители учреждений культуры, предлагавших развлекательную программу для туристов, не владели методикой расчета ее стоимости (Инт. 2), во-вторых, низкая доля затрат на культурную программу учреждения культуры, которая составляет около 10% от общей стоимости поездки (см. таблицу).

**Стоимость основных экскурсионных программ по Удмуртии
(в расчете на одного человека)**

Название музея, экскурсионной программы	Стоимость
Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия им. М. Т. Калашникова	150 руб.
Национальный музей Удмуртской Республики	100–180 руб. Цена билета зависит от конкретной экспозиции
Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай»	200–300 руб.
Экскурсионные туры в Малопургинском районе, включая тур «В гости к Бурановским бабушкам»	200–250 руб.
Туристическая программа в Центре удмуртской культуры, с. Карамас-Пельга	500 руб. В сумму включены обед и развлекательная программа
Туристическая программа в «Национальном центре удмуртской культуры “Быгы”»	250 руб.
Зимняя программа в усадьбе Тол Бабая, с. Шаркан	300 руб.
Экскурсионные маршруты Игринского района	350–400 руб.

И директора турфирм, и сотрудники учреждений культуры упоминали о периоде, когда взаимное сотрудничество осложнялось из-за взаимных финансовых претензий. Благодаря тому, что в последние годы стали регулярно проводиться курсы повышения квалификации для работников сферы культуры, куда приглашали директоров туристических фирм, обе трудности были разрешены (Инт. 1,7,8). Работники учреждений культуры получили навык расчета стоимости культурной программы, а также сложилась практика безналичного расчета между туристическими фирмами и учреждениями культуры, которую обе стороны финансовых взаимоотношений считают сбалансированной и «прозрачной» (Инт. 2,5).

Формирование сетей постоянного партнерства между учреждениями культуры и турфирмами позволило расширить ценовой диапазон путешествий: поездка по одному маршруту может стоить по-разному в зависимости от запроса клиентов. Информанты приводили примеры, когда стоимость туристического маршрута могла колебаться в зависимости от содержания культурной программы и питания на месте прибытия (Инт. 3,6). При этом речь шла о готовности и способности учреждения культуры подготовить туристическую программу, ориентируясь на клиентов с различными запросами. Судя по материалам интервью, турфирмы выступают посредниками между туристами и учреждениями культуры, являются своеобразными «заказчиками». С другой стороны, именно турфирмы принимают основное количество претензий и критических замечаний от клиентов (Инт. 2,3,4,5). «...Все какие-то спорные моменты, все, весь негатив турист всё равно выливает тому, кому он деньги заплатил, а заплатил он деньги туристической компании» (Инт. 3).

Обычные причины недовольства туристов связаны не с содержанием культурной программы, а с бытовыми аспектами поездки. Среди типичных жалоб информанты отмечали низкий уровень транспортного обслуживания (грязные автобусы, грубость водителей, плохая система кондиционирования в автобусах) или недостатки в организации питания (Инт. 2,3,4). Адресатом отзывов туристов во время и после поездки становятся представители турфирмы, сопровождающие группы. Информанты сообщали, что если отзывы туристов касаются учреждения культуры, то информация всегда передается организаторам культурной программы.

Что важнее: просвещение или бизнес?

Благоприятные впечатления туристов от поездки информанты считали главным показателем эффективно функционирующего маршрута. Поэтому некоторые турфирмы приобретают собственные автобусы, а также обеспечивают питание, чтобы минимизировать проблемы с посредниками в ходе путешествия.

Еще одной категорией затрат для турфирм является публикация информационных материалов, обеспечивающих продвижение регионального туристического продукта. Все турфирмы, директора которых приняли участие в интервью, имеют сайт, где представлены различные направления их деятельности. В материалах интервью отмечалось, что сайт облегчает работу особенно в тех случаях, когда имеется возможность онлайн-бронирования (Инт. 2). Как правило, один из сотрудников в штате фирмы уполномочен регулярно обновлять информацию на сайте. Но большинство групп, пу-

тешествующих по внутрирегиональным маршрутам, — пенсионеры и школьники. При этом пенсионеры редко используют ресурсы сети Интернет, а что касается групп школьников, то их поездки иницируют учителя. Учителям и родителям также удобнее использовать печатные буклеты. Все информанты указывали, что «сарафанное радио» работает лучше.

Те клиенты, которые получили в поездке благоприятные впечатления, склонны вновь обращаться в ту же фирму. В этом процессе управления впечатлениями печатные буклеты, календари и альбомы могут выполнять двойную функцию. Кроме простого информирования они становятся своего рода сувенирами, возвращающими приятные воспоминания об отдыхе. Существуют примеры информационных буклетов, для создания которых привлекались ученые и эксперты

«Все мои издания, они, конечно, реализованы несколькими людьми, экспертами... Это все составляли не мои менеджеры, мы это обрабатывали уже, делали таким туристическим продуктом, с достойными автобусами, с согласованиями в министерствах и ведомствах, все фотографии здесь [оригинальные], здесь нет фотографий из Интернета» (Инт. 5).

В печатных материалах представлена не только коммерческая информация, в них даны описания исторических, этнографических и географических объектов. В публикациях такого рода делался акцент на познавательную сторону поездок по региону. В условиях роста интереса к развлекательным маршрутам увеличивалось значение визуальных образов и качества фотографии, сокращается объем познавательной информации.

Баланс между дидактическими и развлекательными функциями туризма в риторике интервью трансформируется в вопрос о соотношении интересов бизнеса и задач сохранения материального и нематериального культурного наследия. Если позиция работников учреждений культуры демонстрирует крайне настороженное отношение к процессам коммерциализации, то директора турфирм полагали, что применение приемов бизнеса способно решить некоторые проблемы внутрирегионального туризма. При этом информанты избегали конкретных примеров. В риторике высказываний информантов проблемной представляется система бюджетного финансирования сферы культуры. В ряде интервью явным образом утверждается, что, имея фиксированную заработную плату, работники учреждений культуры не зависят от доходов от коммерческой деятельности. Гарантия бюджетного финансирования препятствует формированию «деловой хватки»: «Для того чтобы развивать (туристическое. — Т. В.) направление, нужно самому полностью окунуться, хотеть этого, дополнительно деньги хотят получать. А когда, ну не знаю, зарплата у тебя 20 тысяч, то зачем дергаться-то?» (Инт. 4)

Информанты отмечали, что коммерчески ориентированная установка отсутствует и в городских, и в сельских учреждениях культуры. Слабость стратегии, ориентированной на клиентов, выражается в неудобном графике работы учреждений культуры, отсутствии заботы о комфорте посетителей, предпочтении статических форм подачи материала в ущерб интерактивным программам.

Директора туристических фирм не считали целесообразным введение форм государственного субсидирования их деятельности. Против такой идеи выдвигались две группы аргументов. Во-первых, информанты полагали, что коммерческие интересы различных фирм удовлетворительным образом представлены на рынке туристических услуг (Инт. 4). Развитие практики государственных дотаций, по их мнению, могло бы нарушить сложившийся баланс. Высказывались опасения, связанные с непрозрачностью системы государственных закупок и распределения тендеров. Поэтому информанты выражали уверенность, что «лучше работает чистая коммерция» (Инт. 3). Во-вторых, информанты выражали уверенность, что если турфирма будет получать субсидии из бюджета, «она перестанет зарабатывать» (Инт. 6).

В последние годы появились примеры организации туристических объектов предпринимателями, которые имели опыт работы или руководства в турфирме. Информанты отмечали, что уровень организации таких маршрутов существенно выше: «...Мы все время в режиме нон-стоп читаем экскурсии в питомнике. Люди могут задать свои вопросы, начиная с девяти утра до трех часов дня. Все читается без остановки, и в то же время есть места, где можно поиграть со щенками, покататься. То есть сейчас еще вот мы разрабатываем дальше, что можно будет сделать» (Инт. 6).

Однако эти программы заняли пустующую нишу развлекательного туризма на коммерческом рынке (историческая реконструкция, питомник хаски), и не были связаны с этнической культурой. Благодаря пониманию туристических запросов, организаторы избегают трудностей на первоначальном этапе. Но перенесение этого опыта на объекты культурного наследия воспринимается сотрудниками сферы культуры критически. В интервью сотрудников Министерств УР доминировала риторика эксплуатации учреждений культуры, вовлеченных в сферу коммерческих интересов: «...у нас туризм существует в виде отдельных объектов. Существует какой-то объект, которые туроператоры по своей выгоде используют, получают от этого выгоду, кормят себя, в чем их нельзя обвинить» (Инт. 9).

Одним из способов сохранения культурных объектов, ставших частью туристических маршрутов, информанты считали развитие форм частно-государственного партнерства. Участники исследования старшего возраста указывали на продуктивность системы «госзадания», которая позволяла финансировать туристические объекты в советский период (Инт. 2). Предполагается, что в настоящее время своеобразной заменой этой практики является федерально-целевая программа (ФЦП) «Туризм», благодаря которой министерства могут выделять гранты на реализацию социокультурных проектов (Инт. 1). В интервью упоминалась совместные проекты туристических фирм со школами в рамках программы «Живые уроки» в сотрудничестве с Министерством образования. Программа предусматривала организацию поездок для школьников внутри региона как элемент учебного курса краеведения. Но такие примеры единичны, турфирмы редко вовлечены в процесс культурного проектирования. Причинами отказа от участия для большинства директоров были сложность составления грантовой документации и особенно финансовой отчетности.

Бизнес и власть

Задача согласования разнонаправленных интересов всеми стейкхолдерами сферы регионального туризма относится к компетенциям власти. Позиция директоров турфирм в отношении сельских туристических проектов является противоречивой. С точки зрения информантов, только факт личного участия представителей муниципальной или районной администрации в реализации туристических проектов может стать фактором их успешности. В тех районах, где туристические программы приносят коммерческую прибыль (Игринский, Шарканский, г. Сарапул), главы районов лично обеспечивали административную поддержку туристического маршрута как на этапе возникновения, так и в период дальнейшего существования (Инт. 1, 2).

Местная власть выполняет функции посредника между сельскими учреждениями культуры и турфирмами. Поэтому директора туристических фирм видят в главах районных администраций и в руководителях отделов культуры таких уполномоченных лиц, к которым «можно обратиться» (Инт. 2, 4). Представители местной власти гарантируют выполнение договоренностей и могут привлечь представителей малого бизнеса или помощников для организации праздников и крупных мероприятий (Инт. 2). Использование административного ресурса является решающим фактором в вопросе частных инвестиций со стороны турфирм в развитие туристического объекта (Инт. 5). Информанты описывали примеры прямых инвестиций. Директор одной из фирм вкладывала средства в развитие программы «В гостях у Тол-Бабая» в счет стоимости будущих туристических путевок. Главным условием таких инвестиций было участие районной власти в управлении туристическим объектом (Инт. 5).

Другой типичной стратегией является вовлечение директоров сельских учреждений культуры в деятельность органов местного самоуправления. В ходе реализации различных программ внутриведомственное взаимодействие региональных и муниципальных органов власти координируются более эффективно (Инт. 2, 5). Но при этом подчеркивалось, что любая поддержка от туристических фирм в пользу сельских домов культуры происходит, когда «фирме это интересно» (Инт. 4). В этом случае информанты всегда подразумевали коммерческую выгоду.

По материалам интервью идеальной представляется ситуация, когда органы власти обеспечивают развитие сельской инфраструктуры (дороги, капитальное строительство), а также поиск потенциальных инвесторов. Предполагается, что коммерческая выгода в условиях развитой инфраструктуры привлечет представителей малого и среднего бизнеса, который, в свою очередь, обеспечивает занятость и дополнительный доход для местного населения. Информанты подчеркивали, что взаимовыгодное сотрудничество позитивно влияет на развитие туристического объекта, даже без использования финансовых инструментов.

Напротив, неэффективной информантами признается ситуация, когда районная власть, сельская администрация и учреждения культуры находятся в состоянии конфликта и конкурируют между собой. Конфликтные ситуации вызваны дефицитом ресурсов в регионах: если в районе реализуется масштабный проект, он «оттягивает» на себя значительную часть расходов целого района. Часто власти видят решение в том,

чтобы активизировать самостоятельную коммерческую деятельность учреждений культуры. Соответствующая установка отражается в реформах органов управления в туристической сфере. В 2018 году полномочия управления туристической отрасли были переданы от Министерства культуры УР Министерству экономического развития. В 2017 году была создана Корпорация «Развитие», цели и задачи которой были связаны с инвестированием, в том числе в социально-культурное развитие.

Наибольшую выгоду может принести открытие туристического маршрута. Но это требует развитой социально-экономической инфраструктуры (дороги, парковка, питание), чего не могут обеспечить ни сельские администрации, ни туристические фирмы. Директора турфирм поддерживали расширение предпринимательских возможностей в регионе, но считали, что по-прежнему не создана эффективная система управления отраслью (Инт. 3). Развитие деятельности в сфере туризма осложняется из-за отсутствия компетентных лиц или учреждений, которые могли бы консультировать и координировать все заинтересованные институты: учреждения культуры, туристические фирмы, общественные организации, потребители туристических услуг.

***

В соответствии с установками региональной власти в Удмуртской Республике задачи сохранения культурного наследия должны сочетаться с коммерческими интересами и инвестированием в развитие туристической отрасли. Идеальной представляется ситуация, когда административные ресурсы будут направлены на решение инфраструктурных проблем (ремонт дорог, капитальное строительство), в то время как организация туристических поездок может опираться на рыночные формы организации. Это особенно важно для развития туризма в сельской местности, так как в селе меньше возможностей для предпринимательской деятельности. Только при условии координации действий местной власти, предпринимателей и представителей сельских сообществ внутренний туризм будет приносить существенный доход в местный и региональный бюджет.

Материалы интервью позволяют вывести на новый уровень обсуждение, направленное на согласование интересов учреждений культуры и коммерческого сектора. Благодаря задействованному в исследовании инструментарию были выявлены основные проблемы развития сферы культурного проектирования и туризма. Во-первых, в рамках исследования поставлен вопрос о соотношении бюджетных и рыночных механизмов финансирования этнокультурных проектов в селе. Во-вторых, были описаны административные инструменты активизации такой формы работы учреждений культуры, как проектная деятельность.

Важным аспектом исследования является проблема вовлечения местных жителей в практики приема туристов. Расширение туристического потока могло бы способствовать развитию малого предпринимательства и активизации участия сельского населения в экономическом развитии поселения. Местное население, как показывают результаты опросов и интервью, пока слабо включается во взаимодействие с туристами. Способы активизации участия местных жителей могут стать перспективой для дальнейшего исследования.

Описание полевых данных:

- Интервью 1 — жен., 43 года, директор туристической фирмы
Интервью 2 — жен., 64 года, директор туристической фирмы
Интервью 3 — муж., 43 года, директор туристической фирмы
Интервью 4 — муж., 45 лет, директор туристической фирмы
Интервью 5 — жен., 44 года, директор туристической фирмы
Интервью 6 — жен., 36 лет, директор туристической фирмы
Интервью 7 — жен., 53 года, сотрудник научно-исследовательского института
Интервью 8 — жен., 63 года, сотрудник исторического музея
Интервью 9 — жен., 42 года, сотрудник Министерства культуры

Список использованной литературы

1. Александр Бречалов: промышленный туризм в Удмуртии имеет хорошие перспективы развития. URL: http://www.udmurt.ru/about/info/news/?ELEMENT_ID=318800 (дата обращения: 11.12.2018).
2. Тросби Д. Экономика и культура. М., 2013. 256 с.
3. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология социального пространства. М. ; СПб., 2005. С. 14–48.
4. Бурдые П. Экономическая антропология : курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). М., 2019. 416 с.
5. Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М., 2016. 280 с.
6. Павлюткин И., Юдин Г. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // *Laboratorium*. 2015. № 7(3). С. 88–105.
7. Юдин Г. Б., Колошенко Ю. А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в г. Мышкин // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014. № 5. С. 5–14.
8. Гранберг Л. Структурные изменения в сельской местности России и Финляндии – сравнительный анализ двух различных типов общества // *Мир России*. 2015. № 3. С. 160–175.
9. Granberg L., Nikula J., Kopoteva I. LEADER and Possibilities of Local Development in the Russian Countryside // Granberg L., Andersson K., Kovách I. (eds.) *Evaluating the European Approach to Rural Development, Grass-roots Experiences of the LEADER Programme*. Farnham : Ashgate, 2015. P. 111–126.
10. Список туроператоров по внутреннему и въездному туризму в Удмуртской Республике. URL: <http://minkultura.udmurt.ru/napravleniya/turoperatory.php> (дата обращения: 04.12.2018).

Раздел 2. Политические процессы в художественном и медийном поле культуры

Сидоров Виктор Александрович,

доктор философских наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург, v.sidorov@spbu.ru

УДК 070

Медийные деструкции в политической панораме мира

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные теневые аспекты международного медийного взаимодействия. Медийные деструкции массового сознания ведут к искажению политических и культурных ценностей социума, служат базой формирования образа врага в политической панораме мира. Поэтому необходим пересмотр параметров международной политической полемики / пропаганды в СМИ. В основу статьи положены результаты изучения коммуникативных агрессий в рамках российско-польского проекта (СПбГУ и Университет им. А. Мицкевича).

Ключевые слова: журналистика, сетевая среда, политические ценности, коммуникативные агрессии, массовое сознание.

Viktor Sidorov

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor at the Department of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

Media destructions in the political panorama of the world

Abstract. The article considers the relevant shadow aspects in the international media interaction. Media destructions of the mass consciousness leads to the distortion of the political and the cultural values of the society and serves as the basis for the formation of the enemy figure in the political panorama of the world. Therefore, it is necessary to revise the parameters of international political debate / propaganda in the media. The article is based on the results of the study of the communicative aggressions within the framework of the Russian-Polish project (St. Petersburg State University and A. Mickiewicz University).

Key words: journalism, network environment, political values, communicative aggressions, mass consciousness.

В научной литературе и публицистике, вероятно, нет более общего места, чем утверждение об особой роли и особом значении массмедиа в жизни общества и судьбах человечества. Утверждение повторялось на протяжении многих десятилетий. Однако в наши дни обращение к нему стало не только еще более расхожим, чем вчера, но и укрепилось новой аргументацией, взятой из теорий информационного общества и практик Всемирной паутины.

Исследователи масс-медиа и философы, отдавая должное неоднозначной роли СМИ в общественной жизни, тем не менее всегда подчеркивают степень их необходимости для общедемократических процессов. В этих построениях примерами служат

так называемые «твиттерные революции» — когда для организации массовых народных выступлений в тех или иных государствах используются новейшие средства коммуникаций. Конечно, такие медийные процессы оцениваются по-разному, в зависимости от позиции аналитика, но степень их важности редко кем оспаривается.

Новый информационный облик мира прогнозировался задолго до его наступления. О «третьей волне» говорил Э. Тоффлер, о «публичной сфере» — Ю. Хабермас, о «публичном разуме» — Дж. Ролз, сегодня об «информационном изобилии» — Дж. Кин. Здесь названы те, кто писал непосредственно о медиа и сопряженных с ними социальных процессах. А если прибавить тех, кто строил то или иное понимание информационного общества, в котором масс-медиа лишь одна из важных составляющих, список авторитетных мыслителей выйдет более чем внушительным. Однако его составление не входит в число наших задач. Интересней посмотреть на уже видимые следствия *медийного переполнения* жизнедеятельности общества.

Термин «переполнение» избран не случайно, его смысл как нельзя лучше указывает на всеобщность проблемы, с ней повседневно сталкивается каждый. Избыток информации, выпавшей на человека, настолько велик, что норвежский исследователь Томас Эриксен восклицает: «Как же я смогу спокойно спать ночью, если каждый день отбрасываю 99,99% информации, которую мог бы усвоить?». *Следующий момент пожирает момент текущий...* Когда огромное количество информации распространяется с растущей скоростью, сложнее создавать последовательность. Фрагменты грозят заполнить пространство... Причина и следствие, внутренний органический рост, созревание и опыт — все эти категории подвергаются мощному давлению» [1, с. 31–32, 137]. Значит, под давлением медийной среды мы лишаемся способности усматривать в событиях мира какие-либо причинно-следственные связи — информация настолько фрагментирована, что человек воссоздать целое уже не в силах. Поэтому, кстати сказать, и процветают манипулятивные способы управления общественным сознанием.

Мы смотрим на переполненный избыточной информацией мир медиа и чувствуем его иррациональность. На наших глазах рушится идея «публичного разума», подвергается сомнению перспективность теории «коммуникативных действий». Под коммуникативными Ю. Хабермас понимает «такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; а достигнутое согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость» [2, с. 91]. В основу коммуникативного действия положена устраивающая всех рациональность. И «только в открытых дискуссиях свободной общественности могут быть найдены взвешенные решения о границах рациональности» [3, с. 297]. Это обстоятельство предполагает наше восприятие коммуникативных действий в качестве важнейшего условия демократии, позволяющего всем и каждому вступать в равноправный дискурс, свободный от идеологического доминирования.

Теорией Хабермаса задана ее обобщающая предметная интерпретация — позитивная значимость коммуникативного действия для человека и социума в целом. Однако никак не рассматривается оборотная сторона коммуникативных интеракций, на

которой можно найти дискредитацию равноправного дискурса в обществе, непреднамеренные/целенаправленные разрушения возможного «согласования и координации планов действий» — коммуникативные агрессии.

Агрессии представляют собой нанесение непоправимого ущерба врагу в его жизненно важных сферах. Коммуникативные агрессии — причинение врагу (или оппоненту) идейно-политического и культурно-нравственного ущерба по каналам массовых коммуникаций. В сущности, коммуникативные агрессии являются выражением социальных противоречий в медийной среде, принимая форму направляемых/спонтанных реакций социума на актуальные ценностные раздражители в сферах политики, культуры, религии, экономики. Отчего коммуникативные агрессии могут осуществляться по всем информационным каналам, так как любое воздействие на аудиторию — «как конструктивное, так и деструктивное — направлено на установление *духовного господства* над сознанием... Информационные процессы предстают органической частью культуры и выполняют одну из своих базовых функций — самоописания и самоидентификации общества через особый способ символизации мира» [4, с. 157, 210]. «Особой символизацией мира» обладают и медийные деструкции, в их числе коммуникативные агрессии.

Коммуникативная агрессия невозможна без профанных представлений о предмете ценностных разногласий. Профанные представления о демократии и политике, ценностях культуры направляют акторов «массового общества» на активное противоборство с оппонентами. Современный уровень развития цивилизации привел социум к состоянию, на котором «массовое производство, массовая культура и массовые коммуникации формируют новые механизмы социального наследования прошлого, где архетипы обретают новое звучание, воплощаясь в компьютерных технологиях, отчужденных от смыслового пространства повседневности» [4, с. 215].

В медийных агрессиях применяются ценностные архетипы национальной культуры, потому что ценности не надо доказывать, достаточно декларировать. В них заключена сила, способная привести в идеологически мотивированное столкновение общества, страны, цивилизации. Включаются механизмы агрессивной нетерпимости/враждебности. Не сами по себе ценности вызывают раскол в социуме или между странами, а разное отношение к ним. Субъекты медиасферы прикасаются к одному и тому же ценностному суждению, но реагируют на него по-разному — в диапазоне от безоговорочной поддержки до полного неприятия. Не случайно политологи рассматривают информационные войны как «форму конкурентной борьбы в сфере ценностей» [5, с. 202].

В политической практике социума механизм коммуникативных агрессий в действие запускается неодинаковостью восприятия людьми явлений и фактов окружающего мира, когда неоднозначность реакций на него выступает как раздражитель общественного сознания и, тем самым, нарушает социальное взаимодействие. «Поставленные на карту проблемы обычно подвергаются переоценке исключительно в терминах “мы” против “них”. <...> Возникает “динамика ненависти”, в которой взаимные опасения, недоверие и ненависть подпитывают друг друга. Каждая сторона, сгущая

краски, драматизирует и преувеличивает различие между силами добра и зла» [6, с. 433]. Коллективное воображение, репрезентируемое медийными каналами, порождает зловещий образ Врага. Массовость воображения умножает в аудитории эффекты первого впечатления и вызывает агрессивное состояние умов.

Массовость следует считать важнейшим условием коммуникативных агрессий: активизируются разные по статусу социальные группы — от широко информированных верхов до непросвещенного низа. Тем самым открывается новое, по сравнению с прошлым столетием, состояние социума, где особо значимы сетевые коммуникации, где осуществляется, воспользуемся сказанным У. Бемом, «фабрикация символов культуры», что уже привело к возникновению «единого товарного мира», а в этом мире «бытие становится дизайном» [7, с. 81, 82]. Такой современный товарный мир не обходится без эпатажа, скандала, агрессии. Можно сказать, что именно такие события имманентно присущи ему. Современный социум таит в себе агрессивные потенции, находящие свое выражение в медийной среде вообще, в сетевых сообществах в особенности.

Время сетевых сообществ внесло значительные поправки в динамику социальной жизни, характер протекания и способы разрешения политических конфликтов, возникающих на любой почве — экономической, этнической или культурной. «В начале третьего тысячелетия человечество столкнулось с войной совершенно нового типа, где противник неисчислим, поскольку им может стать каждый, кто сядет за клавиатуру компьютера. Выиграть эту войну невозможно. Ибо победа в ней неотделима от поражения» [8, с. 216]. Примат политической обусловленности коммуникативных процессов несомненен, но на авансцену вышли новые, не менее значимые детерминанты — технологический и культурный. Обозначим их так, но с существенной акцентировкой, так как надо согласиться с теми авторами, которые справедливо считают, что «сами по себе технологии еще не создают виртуального мира, в котором можно было бы по своему желанию конструировать реальности и как угодно распоряжаться ими. Существующее положение образов и созданных ими значений коренится в глубинах сознания созданной культуры, которая различными путями признает эти образы как *реальные*» [9, с. 26].

В настоящее время мы идентифицируем себя в контексте очень сложного переплетения традиционной культуры и новой, медийной в своем выражении, в контексте перманентных кризисов XXI века, с его «спиралью разрушения» [7, с. 79]. И потому понимаем, что суммирование перемен в социальных практиках неизбежно влечет за собой изменения качественного характера. Так что запрос как на уточнение теорий коммуникативных действий и публичной сферы, так и введение новых актуальных положений закономерен. Мы вплотную подошли к тому, чтобы глубоко и всесторонне рассматривать вопросы, актуализированные в сферах теории и политической практики. Среди них:

- о значении медийной агрессии как неотъемлемого и динамично растущего свойства публичной сферы XXI века;
- о массовизации агрессий в медийном пространстве с последующей массовизацией политических процессов.

В наши дни международная и внутренняя повестки дня повышают градус политической полемики. Все чаще отмечаются такие полемические выпады со стороны политиков, журналистов в адрес своих оппонентов, в которых формы выражения идейной позиции выходят за пределы норм политической культуры. Таково медийное противостояние ЕС и России по вопросам отделения Косова от Сербии, Абхазии и Южной Осетии от Грузии, вхождения Крыма в состав Российской Федерации. В не меньшей степени известные средства массовой информации демонстрируют агрессивность вокруг строительства газопроводов в Балтийском и Черном морях; при этом в тех же медиа ситуация по вопросам политического кризиса на Украине вообще выходит за рамки разумного.

Конечно, дело не только в тех методах и приемах, которые применяются в журналистской и политической практике. Нечто подобное было и в XX веке, так что в своем содержании ситуация новой не стала. Но есть существенные и обусловленные новейшей медийной ситуацией отличия: используемые методы и приемы политической пропаганды в масс-медиа производны от чего-то более главного — чего в социальной практике СМИ прошлого столетия не было и что в наши дни опирается на практики цифровой среды. Новая среда добавила на счет аудитории масс-медиа недостающее звено ее активации как субъекта в информационных отношениях в социуме.

Однако новая медийная ситуация обнаружила свою амбивалентность, она показала, насколько может быть опасной в условиях продолжения тех методов политической пропаганды, к которым привыкла общественность разных стран. Мы живем в эпоху, когда граница между медийными продуктами для внешнего и внутреннего применения стала зыбкой и почти неуловимой — более нельзя не думать о том, как слово, сказанное для «своих», отзовется на ином континенте, среди говорящих на другом языке. Например, всем известный так называемый «карикатурный скандал» 2005 года, когда датская «Jyllands-Posten» опубликовала 12 карикатур под заголовком «Многоликий Мухаммед». Публикация породила негодование в странах арабского Востока, прозвучали угрозы со стороны исламистских группировок. В конечном счете главному редактору «Jyllands-Posten» пришлось принести официальные извинения тем, чьи религиозные чувства были задеты карикатурами. Спустя десять лет ситуация повторилась с трагическим исходом: 7 января 2015 года в Париже исламские террористы напали на офис сатирического еженедельника «Charlie Hebdo», убив 12 и ранив 11 человек. Повод все тот же — сатирическое изображение на страницах журнала святынь ислама.

Медийные технологии опередили культурное развитие общества. И наш вопрос следует рассматривать с учетом новых реалий времени — в контексте «перехода от вертикальной модели распространения политической информации в традиционных СМИ к сетевым моделям распространения политического контента на основе активного использования горизонтальных связей между интернет-пользователями» [10, с. 242], а также массовизации медийных процессов — «информационного изобилия» [11, с. 30]. В результате, как пишет Джанни Ваттимо, «к микрофону прорвались меньшинства всех видов» [12, с. 341–343], непосредственно вступая в ме-

дийные конфликты. Массовизацию участия в информационной войне определяет не число вовлеченных в нее СМИ, а социальная неопределенность ее новых «рекрутов», когда журналисты и профессиональные идеологи растворились среди интернет-пользователей — «меньшинств всех видов», ставших добровольцами информационных войн массового общества. Именно это обстоятельство послужило основой для агрессивных медийных практик, когда рухнули еще вчера бывшие в рабочем состоянии барьеры и фильтры, некогда отделявшие зерна от плевел: в прошлом редакторы и корреспонденты СМИ по большей части твердо знали, что допустимо для общего сведения и что ни в коем случае в публичную сферу допускать нельзя. Действовал своеобразный селекторный пункт. Конечно, не всегда и не во всем безупречно, но своеобразной защитой от его игнорирования служили многообразные по своему происхождению ограничения в массовости изданий. Сегодня многие из них отпали и возникла совершенно несравнимая с прошлым массовизация современных медиа в сетевой среде.

Понимание феномена коммуникативных агрессий двояко. Во-первых, это одно из состояний информационных отношений в обществе XXI века, при этом смысл деструктивных событий в медийной среде указывает на их причинность в происхождении явлений более опасного уровня — политических деструкций социума. Во-вторых, коммуникативные агрессии могут быть интерпретированы как научная абстракция, как создание нового инструмента для исследований в медиасфере международных, межсоциальных отношений, внутривнутриполитических кризисов и т. д. Изучение коммуникативных агрессий позволяет обнаружить до того скрытые в общественном сознании триггеры, прикосновение к которым вызывает в публичной сфере острые и непредсказуемые реакции. В массовом сознании начинают культивироваться образы враждебно настроенных Других, раскручивается спираль конфронтации, иррациональной в своей сущности, потому что в области публичного разума ее рациональное обоснование зыбкое, лишено стройной аргументации.

Нельзя сказать, что только ученые озабочены медийными деструкциями современности, тревога сквозит и в политических документах наших дней. В разных столицах она по-разному выражена, оценки ситуации не совпадают, но в данном случае, можно сказать, позитивен сам факт попыток рассмотрения актуальной проблематики. В Брюсселе, оценивая международную медийную ситуацию с точки зрения интересов Евросоюза, Европарламент и Комиссия ЕС приняли ряд важных документов, касающихся стратегических коммуникаций с Россией. В документах серьезное внимание уделяется агрессивной риторике в СМИ. Принимаемые в России законы, направленные против экстремистской риторики в информационной среде, включая оскорбление чувств верующих, в принципе преследуют ту же цель.

Вместе с тем расхождения между подходами к проявлениям медийных деструкций существенны. Главным образом в ЕС обеспокоены «внедрением и продвижением российских СМИ» (Sputnik, RT). Будоражит умы аналитиков мультфильм «Маша и Медведь». А депутат Европарламента из Франции Франк Пруст предложил специальной комиссии заняться вопросами «обороны от русских» культурной сферы в целом, включая кино, театр и балет [13]. Нечто подобное высказывалось и в разгар хо-

лодной войны, когда политолог Б. Хазан выделил искусство и спорт в отдельную категорию средств политического и психологического воздействия на аудиторию стран Западной Европы и назвал «средствами проникающей пропаганды» [14, с. 177]. В свою очередь в России обеспокоены внедрением в масс-медиа западных ценностей и даже предлагают провести в российских СМИ соответствующую проверку, так было сказано на уровне Государственной думы [15]; официально говорится об информационной войне, которую ведут страны Евросоюза против России [16].

Иррациональность медийного мира стала привычной. Коммуникативные действия индивидов и социальных групп все более направлены на отрицание возможностей «публичного разума», людские общности все отчетливей делятся на «своих» и «чужих». Ценностную поляризацию обществ усугубляют СМИ [17, с. 441], они и сами разделены по лагерям, при этом каналы их возможного взаимопонимания становятся исчезающе малыми величинами. Применяемые в политике коммуникативные агрессии нашли для себя благоприятную почву — оснащенные компьютерными технологиями сетевые структуры «массового общества». Оказалось, что «айтишное» совершенство на десятилетия опередило культуру общества, в котором отныне тон задает профанное большинство и которое, в свою очередь, оказывается удобным объектом манипулирования со стороны акторов коммуникативных агрессий.

Коммуникативные агрессии — это интенсификация информационных войн XX столетия. В число их участников, помимо политиков, идеологов, журналистов, включаются представители аудитории медиа — читатели газет, телезрители, пользователи Интернет: онлайн-версии статей западной прессы о России, как правило, сопровождаются негативными комментариями читателей по отношению к России. Не менее жесткие оценки и со стороны российской аудитории, но уже по отношению к странам Запада. В своей сути это оборотная сторона «рациональных мотивов коммуникативных действий». Дискредитация таких интеракций — это и есть коммуникативные агрессии, в основе которых поляризация в интерпретации фактов политики, истории, этнокультуры.

Анализ коммуникативных агрессий позволяет утверждать, что в главном их функционирование осуществляется на двух взаимосвязанных уровнях — средств массовой информации и массового сознания стратифицированного общества. Наиболее важным фактором интенсификации агрессий в медийной среде становится повышение частотности некорректного использования в текстах массовых коммуникаций утративших смысл стереотипов пропаганды как ретроградных проявлений коммуникативной памяти.

К сожалению, сегодня образовалось немало проблемных ситуаций в политике, которые в преломлении средствами массовой информации обрели характер агрессивной подачи, деструктивно воздействуя на свою аудиторию. В том числе на евроазиатском континенте. Самыми заметными и, видимо, очень опасными проявлениями медийной деструкции в международных отношениях стали такие направления, как «Россия — Великобритания» и «Россия — Польша». С меньшей интенсивностью выражено медийное противостояние по линии «Россия — Евросоюз», возможно, в

силу медийной неопределенности этого контрагента России. Одно из этих направлений — польско-российское — явилось объектом исследования созданного с этой целью международного коллектива ученых из СПбГУ (Россия) и UAM (Познань, Польша). В исследовательском проекте «Коммуникативные агрессии XXI века» изучался фрагмент сознания медийной аудитории, представленный студенчеством. В UAM (науч. рук. проф. В. Новяк) и СПбГУ (науч. рук. проф. В. А. Сидоров) были опрошены будущие журналисты и политологи: 1,5 тыс. анкетированных в Польше и 400 в России.

Анализ представлений опрошенных об агрессивности медиа позволяет по-новому взглянуть на конфликт в межкультурной информационной среде социумов. Были сделаны определенные выводы, в частности:

1) о наличии разноименных тенденций в СМИ и студенческой аудитории. В отличие от негативизма политических публикаций в СМИ польские студенты по отношению к России и российские к Польше настроены доброжелательно или, чаще, нейтрально;

2) об опасности чрезмерного употребления журналистами и политиками концептов с резко выраженной негативной коннотацией, ввиду их свойства вызывать агрессивные реакции в социуме при обострении политических конфликтов. В условиях преобразования информационной реальности, когда меняются подходы медийной аудитории к восприятию текстов, соответственно должны трансформироваться и методы политической пропаганды. Так, следует дозировать применение символов и стереотипов с негативной коннотацией, в противном случае реально наращивание деструкции политической полемики до опасного уровня полномасштабных коммуникативных агрессий.

Результаты исследований позволили установить причастность медийных процессов, происходящих по всему полю массовых коммуникаций социума, к развертыванию коммуникативных агрессий: «Образы, создаваемые прессой, телевидением, радио, Интернетом (в новостях, репортажах, статьях, интервью, очерках, многочисленных ток-шоу, круглых столах, дискуссионных клубах, документальных фильмах, интерактивных передачах, на презентациях), образуют контент массовых коммуникаций... Эти образы поддерживаются художественными образами с “фабрик массовой культуры”, чей “продукт” — литература, фильмы, музыка, представления, спектакли, шоу и т. п.» [18, с. 76]

Результаты опросов тем более интересны, если учесть, что принявшие в них участие студенты под непосредственным влиянием интеллектуальной атмосферы университетов и уже совершенного ими выбора своей будущей профессиональной деятельности подчеркнута внимательны к политическим и медийным процессам. С этой точки зрения многие суждения студентов можно, с долей допущения, считать квалифицированным мнением, что, конечно, не исключает выражения будущими журналистами и политологами суждений, типичных для молодежи и медийной аудитории в целом.

Конечной целью анализа не являлось удовлетворение интереса о теневой стороне медийной жизни социума. Интерес был вызван иными побуждениями. Мы считаем, что понимание негативных явлений жизнедеятельности массовых коммуникаций способно оздоровить медийную практику в целом, что, в свою очередь, способно оказать позитивное воздействие на политические, этнокультурные практики, сегодня особенно важные, когда медиа приобрели иное, еще не изученное, значение для социума, в то время как акторы политики нередко продолжают видеть в них субъектов информационных отношений XX века и взаимодействовать с ними по лекалам прошлого.

Определение проявлений медийных деструкций вышло за пределы контекста взаимоотношений России и Польши, анализировались также перманентно возникающие и неодинаковые в своем напряжении конфликтные ситуации в обществе и медиа, изучение которых позволило установить разные фазы коммуникативных агрессий. Изучение проявлений коммуникативных агрессий позволяет обратить внимание на амбивалентность возбуждающих их причин. К наращиванию агрессивной риторики прибегают все участники медийной полемики, вне зависимости от их политической позиции, так что в восприятии аудитории все они агрессивны — «наши» и «не наши», «светлые» и «темные». В том числе агрессивны в восприятии аудитории и сами СМИ.

Результаты осуществленного международного проекта не только еще раз подтвердили особую социальную значимость современных медиа (что само по себе в дополнительных доказательствах вряд ли нуждается), но и вызвали ряд вопросов. Ответы на них могут быть найдены в последующих исследованиях трансдисциплинарного характера. Таковы вопросы политической конъюнктуры в преломлении медийной среды. Среди них выделяется этнолингвистический анализ медийных текстов, в которых затрагиваются взаимоотношения народов и стран. В таких текстах обнаруживаются некие смысловые зоны, являющиеся своеобразными триггерами. Журналист, задевающий такой триггер, активирует в аудитории целую цепь негативных ассоциаций, которые, в свою очередь, на эмоциональном уровне исподволь вызывают агрессивное состояние аудитории масс-медиа. Результаты негативных ассоциаций имеют свойство накапливаться и устойчивы во времени, и это уже вопрос политической психологии.

Поиск условий нормализации отношений между странами следует вести, прежде всего, в сферах экономики и политики. Это аксиома. Вместе с тем надо констатировать, что медийная составляющая международных отношений почти возвысилась до уровня базисных факторов; ценности, которые транслируются по традиционным каналам массовой информации, в сетевой среде, могут как поддерживать и укреплять атмосферу взаимопонимания народов, так и рушить уже накопленное прошлым. И в исследованиях медийной среды на авансцену выдвигается ее ценностный анализ, коррелируемый с изучением идеалов, норм, ценностей мира политического. Так, позиция Будапешта в вопросе о мигрантах понимается, прежде всего, в ее ценностном выражении; ценностно окрашенным видится и поступок венгерской журналистки, подставившей ножку бегущему беженцу. Западные СМИ уделили много внимания этому эксцессу, естественно, с осуждением случившегося. Но никто из журналистов не об-

ратил внимания на то, что вызвавший жалость европейской прессы беженец был похож на одного из боевиков ИГИЛ. Все это укладывалось в информационную кампанию против Венгрии [19]. В противоречие пришли ценностные абстракции — сочувствия к обиженному и тревога за безопасность тех, кого могут обидеть. Без обращения к практике столкновение ценностей способно повлечь за собой искажение политической панорамы — ее медийной деструкции.

Изучение медийных деструкций политической панорамы мира, прежде всего, отвечает запросам практики — в информационном пространстве наших дней слишком много как негативизма, так и опасной вседозволенности и всеобщей доступности каналов информации; затем позволяет в противовес наметившимся деструктивным тенденциям в политической журналистике укреплять позитивные начала в публичной сфере демократического общества; наконец, выйти на новые горизонты разработки отвечающей реалиям XXI века методологии осмысления информационного взаимодействия в мире.

Список использованной литературы

1. Эриксен Т. Х. Время в эпоху информации / пер. с норв. М., 2003. 208 с.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб., 2000. 379 с.
3. Марков Б. В. Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб., 2000. С. 287–377.
4. Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. М., 2007. 688 с.
5. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях : монография / под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. М., 2015. 367 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М., 2003. 603 с.
7. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. М., 2001. 304 с.
8. Столяров А. М. Освобожденный Эдем. М. ; СПб., 2008. 414 с.
9. Уиллок Д. Э. Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания // Массовая культура : современные западные исследования / пер. с англ. М., 2005. С. 20–41.
10. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015. 272 с.
11. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. М., 2015. 312 с.
12. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М., 2004. 400 с.
13. Добрынин Владимир. Обмен опытом: Евросоюз боится быть купленным Россией или Китаем // Известия. 2018. 11 дек. URL: <https://iz.ru/821377/vladimir-dobrynin/obmen-optom-evrosoiuz-boitsia-byt-kuplennym-rossiei-i-kitaem>
14. Хазан Барух. Советская проникающая пропаганда / пер. с англ. М., 1984. 209 с.
15. В Госдуме предложили проверить СМИ на пропаганду западных ценностей // ФАН. 2019. 7 марта. URL: <https://riafan.ru/1158210-v-gosdume-predlozhili-proverit-smi-na-propagandu-zapadnykh-cennostei>

16. В Госдуме заявили об информационной войне против России в западных СМИ. URL: <https://news.rambler.ru/politics/36608486-v-gosdume-zayavili-ob-informatsionnoy-voynе-protiv-rossii-v-zapadnyh-smi/>
17. Sidorov Viktor A., Nigmatullina Kamilla R. Ценностная поляризация медиасферы России: тенденции и признаки // Zeitschrift für Slavische Philologie. Band 72. Heft 2. Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2016. S. 441.
18. Последний бастион. Глобальная культура коммуникаций. М. : Дрофа, 2011. 430 с.
19. Гулевич В. Политика Венгрии и миграционный кризис в Европе // Международная жизнь. 2015. 12 окт. URL: <http://dossierdip.interaffairs.ru/index.php/analitika/item/1038-политика-венгрии-и-миграционный-кризис-в-европе>

Василенко Инна Викторовна,

доктор философских наук, профессор кафедры социологии, Волгоградский государственный университет, Россия, г. Волгоград, inna.asilenko@yandex.ru

УДК 316.775

Цифровая культура как инструмент манипулирования в современных политических системах

Аннотация. Цифровая культура сформировалась в виртуальном пространстве Интернета и приобрела статус популярной. Она функционирует вне времени и пространства, но имеет свои ценности и правила, которые создают властные и политические структуры, конструируя культуру для народа. С помощью огромного потока различной информации, зачастую прямо противоположной направленности, эти структуры дезориентируют людей. Акторы просто не успевают отфильтровать ее, оценить и понять. Этой ситуацией пользуются государственные и политические организации для манипулирования сознанием людей в своих целях.

Ключевые слова: цифровая культура, популярная культура, культура для народа, управление общественным мнением, манипулирование, засорение менталитета.

Inna Vasilenko

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Department of sociology, Volgograd State University

Digital culture as a tool of manipulation in modern political systems

Abstract. Digital culture was formed in the virtual space of the Internet and acquired the status of popular. It functions outside time and space, but has its own values and rules, which create power and political structures, constructing culture for the people. With the help of a huge flow of different information, often directly opposite direction, these structures disorient people. Actors simply do not have time to filter it, evaluate and understand. This situation is used by state and political organizations to manipulate people's minds for their own purposes.

Key words: digital culture, popular culture, culture for the people, public opinion management, manipulation, clogging mentality.

Введение

Сейчас человечество живет в эпоху так называемого «информационного общества», когда главным ресурсом, движущей силой, мотиватором и манипулятором является информация. Появление в жизни людей компьютера, информационных технологий, Интернета сделало их, с одной стороны, более свободными и мобильными в поиске работы, нужных данных, друзей, единомышленников, создало условия для общения, включения в различные сообщества. С другой стороны, увеличило их зависимость от распространяемой в сети Интернета информации, поскольку разобраться в постоянно увеличивающемся ее потоке, дать ей оценку, логично выстроить свои умозаключения на ее основе становится все сложнее. Пользователь Сети постоянно «тонет» в обилии выбрасываемой в нее информации без умения и возможности понять ее содержание. Этой ситуацией часто пользуются в своих целях определенные круги, группы и сообщества политической, коммерческой, культурной и религиозной направленности. Они широко применяют информацию для создания определенного общественного мнения, для манипулирования сознанием, с целью заставить людей совершать нужные им действия. Формирование общественного мнения и манипулирование сознанием людей осуществлялось и раньше, с помощью СМИ, правительственных информационных служб и даже с помощью публичных библиотек, музеев и художественных выставок, но объем распространяемой информации был невелик и не охватывал такое большое количество населения разных стран, как в настоящее время. Кроме того, в эпоху электронного обмена сообщениями, когда информация теряет свой репрезентативный характер, когда знаки только симулируют, подделывают действительность, личность становится децентрализованной, размноженной, постоянно изменяющейся, включенной в «непрерывный процесс одновременного становления многих идентичностей» [1, р. 6; 2, р. 174]. Влияние и манипулирование сознанием такой личности не представляется сложным и осуществляется через электронную или цифровую культуру, приобретаемую пользователями Интернета в процессе взаимодействия в социальных сетях.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что цифровая культура, будучи по сути популярной, формируется в социальных сетях Интернета и является инструментом воздействия власти, бизнеса и других структур на человека-пользователя сетей для управления общественным мнением и манипулированием сознанием населения разных стран.

Цель исследования — проанализировать тенденции развития различных форм подачи и содержания информации для воздействия через цифровую культуру на общественное мнение, сознание, мотивацию и действия общественности.

Цифровая культура как разновидность популярной культуры

Цифровая культура сложилась в виртуальной реальности, сконструированной компьютерной техникой, оптико-волоконными сетями и информационными технологиями, используемыми в сети Интернет, и получила название от них, так как они являются цифровыми средствами коммуникации. Распространение этих средств затронуло повседневную жизнь людей, их культуру, способы взаимодействия друг с другом.

Эта реальность существует вне пространства и времени, однако культура сетевых сообществ не может быть ценностно-нейтральной. Речь идет о том, что поступки, совершаемые в сетях Интернета, не регулируются культурными традициями и ценностью социальной ответственности, не ориентируются на существующие в реальной жизни нормы и образцы. Это имеет важные политические следствия. С помощью Интернета можно создать любое сетевое политическое сообщество, сформировать на основе тех или иных идей культуру для народа и вывести сторонников этих идей на улицу, можно распространить дезинформацию и создать образ искаженной реальности.

Цифровая культура относится к популярной культуре. Это вывод делается нами на основании определений, присутствующих в ряде научных публикаций, посвященных этому виду культуры. Майкл Риэл считает, что популярная культура характеризуется повсеместным проявлением широко распространенных общественных практик современной жизни [3, р. 167]. Это свойство популярной культуры полностью проявляется и в цифровой культуре, так как распространение Интернета достигло огромных масштабов, охвативших до 97,0% молодежи и более 80,0% населения других возрастных групп современной России. Более того, 71,0% молодежи и 41,0% населения старше 35 лет в России проводят ежедневно в Интернете более 4 часов [4].

Популярная культура трактуется также либо как феномен, близкий к массовой культуре, либо как нечто промежуточное между массовой культурой с ее широкой распространенностью и народным искусством [5]. Эта дефиниция популярной культуры подчеркивает массовость «включенности» людей в социальные сети виртуального пространства, взаимодействие в которых формирует свою особенную цифровую субкультуру, с особым содержанием ценностей, языка, идентичности и моделей поведения.

Под популярной культурой понимаются также «любые культурные выражения или продукты, широко представленные в жизни определенного народа вне зависимости от влияния на нее элитарных, фольклорных или массовых элементов» [6, р. 169]. Это определение позволяет при понимании популярной культуры сделать акцент на такие свойства, как специфические формы культурного текста и контекста, представленного в том числе и в цифровой культуре.

Еще ближе к трактовке цифровой культуры как популярной находится определение, которое дают ей исследователи Центра изучения популярной культуры государственного университета Bowling Green в США. Они считают, что популярная культура — это опосредованные информационными технологиями коммуникации, со своими культурными оборотами, распространяемыми в системе социальных взаимодействий, происходящих как посредством Интернета, так и с помощью СМИ [7, с. 129].

В современных обществах происходит очень быстрое развитие всех типов популярной культуры. Особенно быстро формировалась цифровая культура. Этот вид популярной культуры развивался как результат синтеза спонтанно создаваемой народной культуры и культуры, которую организуют власть и политики и которая является

культурой для народа. Мы полностью солидарны с точкой зрения Т. Беннета. Именно через эту область соприкосновения политика взаимодействует с культурой, внося в нее задаваемые ценности, социальный порядок, идеи, информацию, подкрепляющую эти идеи и ее интерпретацию [8, с. 155–156]. Культура власти не навязывает себя силой как чужая и внешняя культура. Она проникает в популярные виды культур, особенно в цифровую культуру, видоизменяя ее, переплетаясь с нею, охватывает людей, чье сознание и опыт формируются в пространстве своей повседневности и повседневности социальных сетей. Культура власти, используя информационные технологии, вбрасывает в социальные сети огромное количество информации, постепенно приобщая людей к ценностям и идеологии правящих групп общества, пользуется иллюзией свободы пользователей Интернета, якобы принимающих самостоятельные решения, и формирует общественное мнение, «засоряя» массовое сознание. Если в обычной жизни при социализации индивиды усваивают нормы, традиции, социальные установки, позволяющие им более или менее рационально принимать решения, то в виртуальной реальности этого не происходит.

Итак, цифровая культура формируется в социальных сетях Интернета с помощью системы виртуального взаимодействия акторов, большого объема информации, не несущей никакого содержания, но погружающей пользователей в мир неопределенности и иллюзий, в то же время переориентирующей представления и интерпретации событий пользователями социальных сетей в нужное для той или иной властной группы русло. Так создается культура для народа.

Информация в социальной сети Интернета

Латинское слово «information» переводится как «разъяснение», «изложение» [9, с. 212].

В Российской социологической энциклопедии в дефиниции понятия «информация» акцент делается на трансляционной части этого термина. Он определяется как передача сообщений между передающей и принимающей системами [10, с. 170].

Можно привести еще целый ряд определений этого термина. Однако главным является ответ на вопрос: «Как создается влияние информации в Сети?»

Во-первых, передача информации сейчас осуществляется с помощью информационных технологий, которые способны передавать и хранить информацию, обмениваться информацией в быстром темпе. При этом ее содержание теряется в обильном потоке информации и большинство пользователей не успевают его усвоить, не знают, как ее толковать и понимать в соответствующем контексте, а значит, и интерес к содержанию — невысок.

Во-вторых, поток информации не является непредсказуемым явлением, в действительности это сознательная стратегия по поддержанию контроля над обществом. Заинтересованные властные группы сливают на пользователей сбивающую с толку информацию для обеспечения секретности определенного существенного знания.

В-третьих, многочисленные потоки противоречивой информации несут в себе одно важное послание — не доверяйте вашему опыту и ощущениям, внимайте последней истине! Самая последняя истина быстро меняется на новую самую последнюю ис-

тину. При этом какая-то новая информация, какое-то сочетание новых фактов не может сколько-нибудь заметно изменить существующий порядок вещей.

В-четвертых, информацию направляют на прояснение той или иной проблемы. Одновременно формируется убеждение в том, что механическая манипуляция информацией является гарантией объективности и беспристрастного суждения об этой проблеме, в то время как субъективная позиция — это синоним неопределенности, ненужных сложностей и пристрастий [11, с. 89].

В-пятых, хотя речь используется в сетях взаимодействия, однако ее содержание не обсуждается, исключается из человеческих отношений и полемики. Джудит Перрол утверждает, что такие свойства речи, как искренность, логичность, уместность, выражаются на уровне компьютерного контроля, но не осмыслены в рамках социальных взаимодействий акторов [12, р. 351].

В-шестых, вся цифровая система передачи и хранения данных не обеспечивает и не способна проконтролировать или дать возможность проверить истинность данных, поэтому факты могут быть подменены, причем мастерство манипуляции зависит от умения тех, кто ее осуществляет [12, р. 354].

Таким образом, сегодня распространены новые конфигурации диалога между человеком и компьютером, создаются различные комбинации взаимодействий пользователя и информации, сориентированных на содействие заинтересованным политическим и государственным структурам. Эти организации, используя трудности контроля над передачей, обменом и объемом потоков информации в Интернете, создают условия для управления менталитетом населения, манипулированием его знанием и действием.

Управление и манипулирование с помощью информации

Компьютерные сети как любая доминирующая технология своего времени порождает своих победителей и проигравших. Успех победителей базируется на монополии на знание. Те, кто контролирует новые технологии и их применение, быстро накапливает значительную власть, что немедленно приводит к консолидации этой вновь сформированной группы и мощному импульсу к защите ее интересов.

Современный пользователь получает сегодня неизмеримо большее количество информации, по сравнению с прежним временем, когда информацию получали из СМИ, однако эта ситуация не означает улучшение ситуации со знанием. Дело в том, что она создается не для того, чтобы это знание сформировать, а, скорее всего, затем, чтобы отвлечь, развлечь, чтобы скрыть истинное положение вещей или даже просто обмануть. Иными словами, значительная ее часть — это дезинформация, которая формируется в интересах определенных групп, политических сил или сил, борющихся за экономическое влияние с определенными конкретными целями. Эти группы интересов влияют на формирование этой информации и придание ей нужной направленности [13, с. 218]. Каждый избиратель сталкивается с манипуляцией сознанием, выбором, действием. На этой основе политические силы получают возможность управлять общественным мнением.

В настоящее время манипуляции с помощью информации приобрели немалый размах и насыщенность, а ее способы стали гораздо более утонченными. Ключевой позицией, заложенной в базу всех этих практик, является формирование таких сведений, которые бы убедили участников сетевых взаимодействий действовать или бездействовать в зависимости от интересов тех групп, которые влияют на сознание пользователей этой информацией. Таким образом, осуществляется управление поступками людей, с помощью цифровой культуры, реализовываются цели манипуляции их мотивацией и действиями.

В сферах государственного устройства и политики методы управления с помощью информации приобретают самый изощренный характер [14].

У этого явления есть несколько важных сторон. Одна связана с подачей политических образов, проблем и событий. Вторая — с хитроумной подачей новостной информации и статистических данных, но проблема и арсенал средств глубже и мощнее.

Некоторые авторы выделяют три формы подачи информации для управления общественным мнением и манипулирования сознанием — придание информации искусственного глянца, запугивание и цензура [13, с. 268]. В то же время, по нашему мнению, существуют и другие формы, которые используются широко в современной реальности. Это, прежде всего, потоки бессвязной информации или сбивающей с толку информации, фейковые новости, распространение информации, вызывающей сильные эмоции. Все перечисленные способы манипулирования мнением и представлениями человека осуществляются на фоне строгой секретности об истинной информации.

В современном информационном обществе есть те, кто специально наводит на информацию «глянец» и выбирает этот способ ее подачи для того, чтобы ориентировать людей в сторону нужной точки зрения, выбора нужного кандидата, подавать информацию как развлечение, добиваясь собственных целей [15].

Второй формой подачи информации является запугивание. К примеру, запугивание мнимой российской угрозой или угрозой терроризма способствует подталкиванию общественности к решению поддержать определенную кандидатуру, партию или идеологию [16].

Во времена диктатуры аппарат власти перекрывает поток информации с помощью цензуры. Иными словами, нужную информацию распространяют в большом количестве, а «не нужную» — блокируют. Таким образом, формируется определенное направление действия информации. Результатом могут служить и организованные выборы, и созданные протестные движения [17].

Властная элита демократии делает эти же манипуляции иначе: заполняет все каналы потоками бессвязной информации, организует лоббистские группы, влиятельные медиа. При этом каковы бы ни были факты, тут же появляются факты, их опровергающие. Создается переизбыток информации и на фоне недостатка контекста, а это означает создание ситуации, в которой интерпретировать получаемую информацию, оценивать ее смысл не представляется возможным. Поэтому информацию можно представить как постоянно присутствующую дымовую завесу, сквозь которую трудно

рассмотреть, что же на самом деле происходит. Следствием продолжающегося и бесконтрольного потока информации является увеличение ментального загрязнения общества [11, с. 95].

Фейковые новости — это фальшивые новости, призванные отвлечь пользователей от более важных насущных проблем. Их называют еще «утками», подделками.

Например, на сайте Semantica приводится пример фейковой новости, используемой во время последней президентской гонки в США. Известно, что в ходе предвыборной кампании вокруг кандидата Дональда Трампа было множество скандалов и неприятных новостей. Для того чтобы отвлечь внимание публики от публикации новых «неблаговидных» фактов из жизни Дональда Трампа, кандидат на пост советника по нацбезопасности Майкл Флинн опубликовал в социальной сети материал под громким названием «Сексуальные преступления с детьми». В нем намекалось на причастность к этим преступлениям демократов. Внимание общественности переключилось на новую информацию, а нравственный образ Трампа перестал быть настолько актуальным. Впоследствии выяснилось, что новость была фейковой [18].

Манипулирование населением стало настолько важным, что появились специалисты по PR, которые никогда не высказывают свое мнение по поводу реально происходящих событий, не выражают никакой позиции по поводу происходящего. Их задача — обеспечить условия, чтобы информация о событии была представлена, чтобы общественное мнение было не только направлено в нужное русло, но и усилено соответствующими эмоциями.

Используются сильные эффекты, чтобы привлечь внимание и вызвать соответствующие эмоции. Хотя какие-нибудь эмоции вообще. Для этого используются фейковые новости, совмещенные с сильно эмоциональными образами и сюжетами. Примером могут служить показ и комментарии к так называемой химической атаке в Сирии, когда демонстрируются пострадавшие или умершие дети. Такие картинки сильно действуют на психику пользователей Интернета, заставляя их принимать определенную позицию и оценивать увиденное. Часто такие новости и случаи оказываются фейковыми.

Думается, что такая практика не может быть вечной. Есть надежда, что информация начинает терять свой престиж в массовом сознании. Она стала доступной настолько, что представляет собой серьезную психологическую, социальную и экологическую проблему. Когда пользователь осуществляет поиск в Интернете и получает в ответ миллион ссылок, то возникает проблема изменения отношения к этой информации. Придет время, когда пользователи Интернета поймут, что их обманывают и обретут знание механизмов и целей манипуляционной деятельности. При этом желательно, чтобы пришло понимание того, что из потока информации надо уметь отделять зерна от плевел, оценивать ее, включать в систему имеющихся знаний и делать это необходимо в условиях конкретного контекста. Не случайно после вступления в силу закона о фейковых новостях в России более половины россиян считают, что недостоверных сведений в СМИ и Интернете станет меньше [19].

Список использованной литературы

1. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1990. P. 5–14.
2. Poster M. The Mode of Information: and Postmodernity // Crowley, David and Mitchel, David (ens) Communication Theory Today. Cambridge, 1994. P. 173–192.
3. Real M. Culturel Theory in Popular Culture and Media Spectacles // Lull, J. (ed), Culture in the Communication Age. Routledge, 2000. P. 167–178.
4. Просторы Интернета: для работы или развлечений? 20 сентября 2018. Пресс-выпуск 3767. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения: 20.03.2019).
5. Hadlin O. Mass and Popular Culture // Jacob, N. (ed) Culture for Millions. New York, 1961.
6. Williams R. On High and Popular Culture // The New Republic, 22 November, 1974. URL: <https://newrepublic.com/article/79269/high-and-popular-culture> (дата обращения: 23.03.2019).
7. Риэл М. Культурная теория и ее отношение к зрелищам популярной культуры и медиа // Контексты современности – II : хрестоматия. Казань, 2001. С. 128–133.
8. Беннет Т. Политика популярного // Контексты современности – I: актуальные проблемы обществ и культуры в западной социальной теории : хрестоматия. Казань, 2000. С. 153–157.
9. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М. : ЗАО Центрполиграф, 2008. 685 с.
10. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1992. 672 с.
11. Бард А., Зодерквист Я. Нетокартия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.
12. Perrole J. Conversations and Trust in Computer Interfaces // Dunlop, C., Rlind, R. (end.) Computerization and Controversy. New York, 1993. P. 350–355.
13. Уэбстер Ф. Управление информацией и манипулятивные технологии. Юрген Хабермас и концепция публичной сферы // Теории информационного общества. М., 2004. С. 217–275.
14. Franklin, Bob Packaging Politics: Political Communications in Britain's Media Democracy. Edward Arnold, 1994. P. 395–404.
15. Федоркина А. П. Сетевое общество в управлении политическими процессами // Коммуникалогия. 2014. Т. 7. № 5. С. 36–45.
16. Айрапетян Э. Х., Немец Г. Н. PR-технологии манипулирования в сетях Интернет // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2018. Т. 1. С. 37–40.
17. Федоров А. П., Чернов К. С. Использование социальных сетей в качестве инструмента политического манипулирования на примере организации массовых протестов в Северной Африке и и выборов в республике Корея // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 152–155.
18. Как и почему выгодно создавать фейковые новости. URL: <https://semantica.in/blog/chto-takoe-fejkovye-novosti.html> (дата обращения: 20.03.2019).

19. Фейк-ньюс: мнение россиян о новом законе 20.03.2019. Пресс выпуск 3909. URL: https://wciom.ru/news/press_releases/ (дата обращения: 20.03.2019).

Колесникова Наталия Львовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации факультета мировой политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, marfundel@gmail.com

УДК 316.773.4

Российская цифровая дипломатия – элемент мягкой силы

Аннотация. В статье рассматривается деятельность МИД РФ и его представительств в Твиттер с точки зрения реализации стратегии «мягкой силы». На примерах публикаций в аккаунтах министерства анализируется тематический спектр, прагматические установки, состав сетевой аудитории, характер взаимодействия с пользователями социальных сетей. Цель проводимого исследования – определить коммуникативные стратегии, к которым прибегает МИД РФ для воздействия на аудиторию, выявить уровень вовлеченности пользователей Интернета в неполитическую сферу деятельности дипломатов. Проводимый анализ позволит сделать выводы о степени эффективности твипломатии в формировании лояльности и поддержании доверительных международных контактов России с широким кругом участников сетевого пространства.

Ключевые слова: МИД РФ, социальные сети, цифровая дипломатия, твипломатия, Твиттер, публичная дипломатия, «мягкая сила», коммуникационные стратегии.

Natalia Kolesnikova

Candidate of Science in Philology, Associate Professor, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Russia's digital diplomacy as an element of soft power

Summary: the paper studies digital diplomacy in the practice of Russia's Ministry of Foreign Affairs. To this end the author analyses the MFA profile in Twitter in terms of its involvement in public diplomacy and practice of soft power. The analysis is focused on topical variety, pragmatic intentions, target audience, formality/informality of interaction with the users. This study is aimed at defining the communicative strategies and tactics used by the MFA to influence the users, popularity as well as effectiveness of their involvement in public diplomacy discourse. Besides the analysis shows how much efficient this tool is in shaping and maintaining the users' loyalty and credibility to international relations in the web environment.

Key words: Ministry of Foreign Affairs of the RF, social networks, digital diplomacy, Twitter, public diplomacy, soft power, communicative strategies.

Новое коммуникативное явление в дипломатической практике, появившееся благодаря Интернету, сформировавшему современное единое информационное общество, получило терминологическое обозначение *цифровая дипломатия, интернет-дипломатия, дипломатия социальных сетей, Web 2.0 дипломатия*.

Коммуникативное пространство цифровой дипломатии МИД РФ организовано на двух уровнях: официальный сайт МИД РФ в Интернете и аккаунты министерства в социальных сетях.

Официальный сайт МИД РФ (<http://www.mid.ru/ru/home>) является основной российской цифровой дипломатии и выполняет функцию общегосударственного информационного источника по внешнеполитической тематике. «Содержательную основу сайта составляют, прежде всего, выступления Президента Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации, Министра иностранных дел Российской Федерации, заявления и сообщения МИД России, нормативные акты федеральных органов исполнительной и законодательной власти по внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам. Сайт содержит тексты основополагающих документов по внутренней и внешней политике России, программные выступления российских делегаций на международных форумах, тексты межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, справочно-информационные материалы о деятельности России в международных и региональных организациях, на двустороннем уровне, информацию по консульским вопросам, другие материалы» [1, с. 285].

Аккаунты МИД РФ в социальных сетях являются продолжением официального сайта, на главной странице которого на них дается прямая гиперссылка. К ним относятся Twitter, Facebook, Instagram, YouTube, Vkontakte, Periscope, Flickr, Telegram. Цифровую дипломатию чаще всего ассоциируют с социальными медиа, в этом ключе и будет использован термин «цифровая дипломатия» в дальнейшем. Сетевые ресурсы в практике цифровой дипломатии стали столь популярны, что специалисты по международным отношениям выделяют *фейсбукдипломатию* и *твидипломатию* в качестве подразделов дипломатии социальных сетей. По информации сайта Twiplomacy, который анализирует сетевую деятельность лидеров и правительств государств, внешнеполитических ведомств, международных организаций, англоязычный Твиттер, аккаунт российского МИДа на 1 января 2019 года по активности взаимодействия с иностранными партнерами в соцсетях находится на третьем месте после Евросоюза и Великобритании (133, 140 и 134 контакта соответственно), а всего в Твиттере зарегистрированы аккаунты глав государств и министерств иностранных дел из 179 стран [2]. Кроме того, у нашего МИДа вторая в мире после Великобритании твидипломатическая сеть посольств, консульств и торговых представительств.

Дизайн веб-страниц этих ведомств выдержан в одном стиле, что делает их узнаваемыми, и включает несколько обязательных элементов:

1. Фоновое изображение, которое графически отражает институциональную специфику аккаунта и соотносится с деятельностью МИДа.

2. Профиль, который включает логотип дипведомства или дипломата и основную текстовую информацию о нем непосредственно под логотипом, которые расположены в левой верхней части страницы.

3. Список дружественных аккаунтов (блогов и интернет-ресурсов, которые читает и на которые ссылается данная веб-страница) расположен на главной странице. Гиперссылки на эти разделы ориентируют читателя страницы в системе источников получения информации.

В отличие от строго регламентированного стиля подачи информационных материалов и круга освещаемых событий в традиционной коммуникации представителей МИДа с широкой общественностью через СМИ, цифровая дипломатия российских внешнеполитических ведомств в социальных сетях устанавливает прямой контакт с пользователями и выходит за рамки традиционной деятельности, сближаясь с публичной дипломатией, таким образом, становясь инструментом «мягкой силы». Важность ее реализации для государства заключается в создании положительного имиджа страны на мировом пространстве Интернета через трансляцию культурных ценностей, исторических символов, научных достижений, социально-политических идей.

Информационно-просветительская составляющая российской цифровой дипломатии подтверждает мысль И. А. Василенко о том, что «публичная дипломатия стала подлинным детищем теории “мягкой силы”»: это деятельность, нацеленная на отдельных людей и организации, набор разнообразных частных взглядов в качестве дополнения к взглядам правительства. Этот новый вид коммуникации нельзя свести к простой пропаганде или связям с общественностью: публичная дипломатия подразумевает строительство долговременных отношений, создавая благоприятную среду для продвижения имиджа страны» [3, с. 50].

Благодаря твипломатии традиционная форма публичной дипломатии приобретает новое качество — коммуникация с зарубежной аудиторией в режиме online становится интерактивной, другими словами, с рядовыми пользователями Интернета устанавливается прямой диалог. В этом диалоге именно обратная связь, то есть комментарии, репосты, «лайки» пользователей к твитам на сайте, позволяет лучше понять, какие темы больше всего их интересуют, в каком образе предстает перед ними наша страна.

Примерами тому могут служить популярные в виртуальной среде аккаунты посольств, миссий России в международных организациях, территориальных представительств МИДа в России, личные аккаунты дипломатов в Twitter. Наиболее активные и популярные из них приведены в сравнительной таблице (статистика за 2018–2019 гг.) [4]:

Название	Подписчиков	Всего публикаций	Мне нравится	Поделиться	ER Post	LR
MFA Russia RU	203353	3216	361320	183370	0. 083	0. 055
Russiain USA RU	52883	3208	320498	144052	0. 274	0. 189
Russian Embassy, UK	84566	2679	794745	365116	0. 512	0. 351
RusEmbTurkey	15903	1348	179430	78656	1. 204	0. 837
Russian Embassy in Tokio	42819	2399	397458	173820	0. 556	0. 387
Russiansat NATO	593791	487	26354	18256	0. 015	0. 009
AlexanderYakovenko	24788	500	36158	20932	0. 461	0. 292
Russian MFA in Kalinin-grad RU	3690	907	43000	23405	1. 984	1. 285
РоссиЯ RU	277279	1190	194366	74522	0. 082	0. 059

Для исследования мы отобрали представительства МИДа, в деятельности которых в наибольшей степени присутствует компонент публичной дипломатии, другими словами, неполитическая информация.

По данным приведенной таблицы видно, что лидером по популярности на международном уровне среди зарубежных представительств МИДа является Твиттер — аккаунт российского посольства в Великобритании. Статистический анализ деятельности этого российского посольства за период с апреля 2018 по апрель 2019 года показал, что, по сравнению с другими лидерами российской цифровой дипломатии при четвертом показателе по количеству подписчиков (84566) и третьем по количеству публикаций (2679), его твиты больше всего нравятся читателям (794745) и ими больше всего делятся в сети (365116). Тематический анализ публикаций посольства и ретвитов на его сайте показывает, что в них преобладает освещение внешнеполитической деятельности России, МИДа и его подразделений, и это отражается в комментариях читателей. Вместе с тем интересно отметить, что значительное число взаимодействий вызывают не только внешнеполитические, но и неполитические события. Так, данные с марта по апрель 2019 года обнаруживают, что в ленте новостей из 270 заметок около половины имеют неполитический характер и освещают культурную, экономическую, деловую, спортивную, образовательную жизнь России, ее сотрудничество с иностранными государствами и международными организациями. А самый большой отклик вызвал твит от 9 марта, посвященный дню рождения Ю. Гагарина — 619 лайков и 243 ретвита. А в прошлом году самая высокая активность пользователей была во время чемпионата по футболу, и пик ее пришелся на 15 июля — 51244 лайка и 15696 ретвитов. Характерно, что наибольшей популярностью пользуются мультимедийные материалы.

Самый высокий рейтинг вовлеченности пользователей, то есть их активности на сайте (ER Post), привлекательности публикаций и количества «лайков» (LR) — у территориального представительства МИДа в Калининграде (1,984 и 1,285 процентов соответственно). Этот сайт имеет русскую и английскую версии. Среди подписчиков калининградского представительства — МИД Швеции, посольства Германии,

Республики Беларусь, Италии в России, посольство Исландии в Швеции, генеральные консульства США, Польши, Турции, российские и зарубежные СМИ (в том числе такие издания, как «The Guardian» (Великобритания), «The Telegraph» (Великобритания), телеканал «CBS» (США) [5].

На сайте наряду с сообщениями о профессиональной деятельности представительства МИД в регионе размещаются новости о работе правительства Калининградской области, о развитии региональной Особой экономической зоны, о туристическом потенциале области, культурной, спортивной, образовательной сферах, о сотрудничестве в этих областях с иностранными организациями. Максимальным по показателю эффективности вовлеченности аудитории (ERpost) стал видеоролик от 22 февраля этого года о торжественной церемонии открытия памятника выдающемуся российскому дипломату Виталию Ивановичу Чуркину в деревне Маринкино (Владимирская область) – 51,7%, он понравился 1464 пользователям, и им поделились 523 человека. Надо уточнить, что это были, в основном, пользователи российского сегмента Твиттера.

Говоря об эффективности вовлеченности аудитории, стоит отметить, что неполитические новости возглавляют этот рейтинг и на других сайтах и все они связаны с футболом (данные за 2018–2019 гг.) [4]:

Название	Тема твита	Дата публикации	Мне нравится	Поделиться	ER Post, %
Russia in USA	RT @BleacherReport: How soccer fans in Russia 'greet' their team bus	22.02.19	16722	4390	39,9
Russian Embassy, UK	RT @England: @FIFAWorldCup squad announcement.	16.05.18	52705	21002	87,15
RusEmbTurkey	RT @robbiewilliams: Very excited to be returning to Russia to perform at the opening of the @FIFAWorldCup – tune in early on Thursday for a...15903 1348	13.06.18	11174	2459	85,5
РоссияRU	RT @FIFAWorldCup: The 2018 FIFA #WorldCup begins in exactly 24 hours time!	13.06.18	13758	5128	6,81

Рассмотрим еще один из аккаунтов МИД РФ в Твиттере, который используется российской твипломатией как инструмент «мягкой силы».

В 2014 году МИД РФ создал имиджевый англоязычный аккаунт РоссияRU@Russia, который активно используется для освещения неполитических событий, набирая популярность среди англоязычной аудитории: сегодня количество его читателей насчитывает 279 тысяч по сравнению с 214 тысячами в 2017 году.

Сообщество пользователей аккаунта @Russia представляет собой разветвленную сеть подписчиков и читателей. В числе подписчиков и активных пользователей,

твиты и ретвиты которых регулярно размещаются на странице @Russia, представители спорта, культуры, науки, туристической и деловой сфер, благотворительных организаций, региональные и зарубежные представительства МИД РФ и многие другие как государственные, так и неправительственные организации, а также индивидуальные пользователи соцсетей.

Тематика сайта представлена на главной странице рубрикой-гиперссылкой «Списки», через которую пользователь может перейти в любую из 17 тематических групп-подписчиков @Russia. Здесь максимально представлены те сферы жизни России и ее взаимодействия с многочисленными зарубежными партнерами, которые могут заинтересовать зарубежного пользователя Интернета. Вот спектр тем, представленных на веб-странице, и количество участников в группах, которые размещают свою информацию на сайте @Russia:

Org 19 Участников	Tennis 5 Участников
SportsIntl 31 Участник	Tech 24 Участника
ConfedCup2017 14 Участников	FigureSkaters 8 Участников
RussianSuperStars 82 Участника	News 5 Участников
Hockey 11 Участников	Football 4 Участника
Museums, parks, zoosetc 26 Участников	Forums 7 Участников
Theatres 14 Участников	Cities 11 Участников
Invest 6 Участников	#StudyInRussia 24 Участника
CountriesAccounts 40 Участников	

Подробную информацию об участниках можно получить, перейдя в группу по ссылке. Например, в группе Org зарегистрировано 19 российских и международных организаций:

1. EXIAR @EXIAR_RUSSIA – The Russian Agency for Export Credit and Investment Insurance (EXIAR)
2. CoSP6 @CoSP6_eng – Official Twitter account of the Sixth Conference of the States Parties to the United Nations Convention against Corruption
3. Туризм в Чечне @KomTour95
4. Комитет по туризму @komturri – Комитет Республики Ингушетия по туризму
5. РОСКОСМОС@roscosmos Official account of Roscosmos State Space Corporation
6. Министерство культуры России@Culture_RF – Официальный аккаунт Министерства культуры России
7. МККК@МККК – Международный Комитет Красного Креста
8. Udmexport @udmexport – Центр поддержки экспорта Удмуртской Республики
9. Туристский информационный центр СК @stvtourism – Министерство туризма и оздоровительных курортов Ставропольского края
10. RUSADA @rusada – Official twitter of Russian Anti-Doping Agency

11. RCF @ruchess_ru – Twitter account of the Russian Chess Federation
12. WWF России @wwfRU – Новости спасения дикой природы
13. Фонд Подари жизнь @podarizhizn – Благотворительный фонд помощи детям с онкологическими, гематологическими и другими тяжелыми заболеваниями
14. РГО @rgo_ru – Русское географическое общество (Russian Geographical Society)
15. ФТР@tennistrussia – Федерация тенниса России
16. Хоккей России @russiahockey#TeamRussia – Официальный твиттер Федерации хоккея России
17. Россотрудничество @rsgov – Официальный twitter-аккаунт Россотрудничества
18. Greenpeace Russia @greenpeace.ru
19. GuinnessWorldRecords @GWR Guinness World Records.

Если внимательно проанализировать состав участников данной группы, то становится очевидным, что создатели аккаунта в сотрудничестве с подписчиками ведут последовательную работу, чтобы дать объективную картину современной России, ее духовного, научного, экономического, общечеловеческого потенциала, внутри- и внешнеполитического курса.

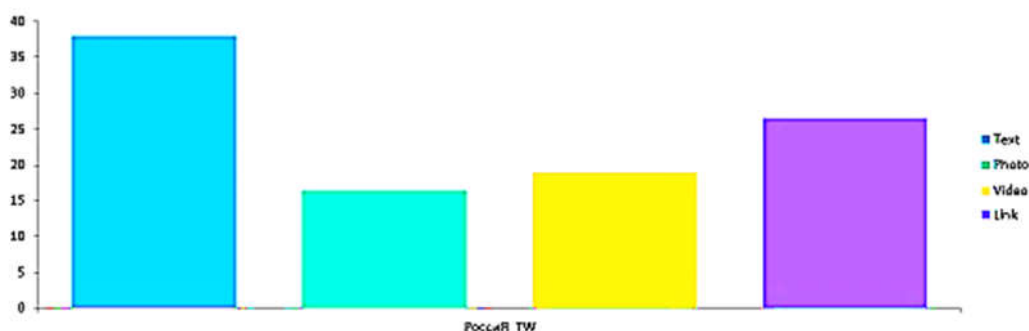
Кроме того, темы, к которым пользователи @Russia проявляют наибольший интерес, можно проследить по хэштегам в твитах. Среди наиболее популярных: Россия, Москва, Красная площадь, Спасская башня, День Победы, олимпиада в Сочи, футбол, чемпионат мира по футболу, универсиада в Казани, авиация, Калининград, музыка, Смоленск, Санкт-Петербург, Владивосток, стрелковый спорт, обучение в России.

Показателем широкого гуманитарного взаимодействия России с иностранными государствами на сайте @Russia в Твиттере, может служить группа Countries Accounts. В ней зарегистрировано 40 стран со всех континентов, которые ведут активную информационную деятельность, направленную на создание благотворного климата в гуманитарном сотрудничестве между странами. Здесь надо пояснить, что в широком смысле под гуманитарным сотрудничеством мы понимаем культурные связи с зарубежьем, а не только защиту прав человека. Количество тем, предлагаемых каждым участником группы, то есть каждой страной, невозможно перечислить в данной статье — они обновляются несколько раз в день. При этом к их обсуждению подключаются рядовые читатели, становясь частью публичной дипломатии.

Деятельность сайта @Russia выполняет еще одну важную функцию — она помогает преодолеть настороженность в отношении нашей страны, через знакомство пользователей с жизнью страны за рамками политики сделать ее внутреннюю и внешнюю политику понятнее, бороться со стереотипами, создаваемыми, в том числе, антироссийской пропагандой. Этому способствуют информационно-просветительские материалы, которые ежедневно размещаются в блоге сайта. Их положительное воздействие на посетителей сайта усиливают как мультимедийность, так и интерактивная

коммуникация между авторами размещаемой информации и пользователями. Каждый твит — это многослойный продукт, в котором текст не является основной составляющей. Его смысловое поле формируется сочетанием вербального текста, длина которого в силу технических требований не может превышать 280 знаков, графических символов, анимации, цветовых, аудиовизуальных компонентов, гипертекстуальности. Это можно увидеть на графике относительной активности @Russia по типу контента (слева направо: текст, фото, видео, ссылки) [4]:

Относительная активность по типу контента

Отображает среднюю эффективность публикаций с определенным содержанием по отношению к средней эффективности других видов содержимого. Значения слева направо: текст, фото, видео, ссылки. Все расчеты сделаны по вашему часовому поясу

Как показывает анализ блога сайта, на каждый такой твит следует ответная реакция пользователей или в форме комментария, или перепоста, или отметки «нравится».

Однако необходимо признать, что при всей активности твипломатической работы на платформе @Russia и активной и систематической работе по расширению информационного присутствия в виртуальном пространстве, эффективность этой деятельности не слишком высока, о чем говорит рейтинг активности посетителей сайта (0,82%). На наш взгляд, это связано не столько с недостатками в работе сотрудников МИДа, сколько с объективными внешними причинами. Неприятие внешнеполитического курса России со стороны западных государств и ведущаяся против нее масштабная информационная война тормозят налаживание связей с аудиторией мирового сетевого сообщества. Людям порой непросто преодолеть предубеждение и критически осмыслить поступающую к ним из западных СМИ информацию. Однако грамотное применение коммуникационных стратегий может способствовать формированию благоприятного общественного мнения, вовлечению широкой аудитории в сетевое пространство @Russia и созданию у нее положительного образа нашей страны.

Коммуникационные стратегии, которые использует российский МИД, приобретают в сетевом пространстве новое качество. Развивая мысль Н. Н. Журавлевой о том, что коммуникационные стратегии являются технологией социальной коммуникации, способом и формой ее реализации [6], можно утверждать, что в контексте твипломатии их следует рассматривать не столько в лингвистическом, сколько в пси-

хологическом и социальном аспектах, что обусловлено прагматической установкой адресанта на формирование позитивного образа страны, новыми формами подачи информации и спецификой общения в социальных сетях. Основными в этом случае становятся коммуникационные стратегии информирования, презентации (точнее сказать, позитивной репрезентации), оценки и манипулирования. Презентационная стратегия в данном случае апеллирует к положительно заряженным смыслам в сознании адресатов, базирующимся, как правило, на их ценностных ориентирах, и воплощается в трех присущих ей типах: продвижение, расширение информационного присутствия и имиджмейкинг [7]. Традиционные для названных стратегий тактики реализуются в новых мультимедийных формах, которые нередко становятся более действенными, чем просто вербальный текст, и вызывают наибольший отклик у пользователей. В частности, тактика гармонизации общения с адресатом посредством ретвитов и гиперссылок позволяет успешно реализовывать коммуникативное сближение с адресатом, позволяет успешно воздействовать на него на уровне позитивной репрезентации.

Чем шире палитра культурно-ценностных примеров, которые появляются на официальных сайтах внешнеполитических ведомств МИД России и личных аккаунтах наших дипломатов, тем больше это способствует формированию положительного имиджа страны. Продвижение такого имиджа совершенно необходимо именно сейчас, когда антироссийская пропаганда навязывает образ авторитарной и агрессивной России, представляющей угрозу мировому сообществу.

Проведенное исследование деятельности МИД России и его зарубежных представительств в социальной сети Твиттер подтверждает нашу гипотезу о том, что твипломатия позволяет государству стать непосредственным актором публичной дипломатии для реализации стратегии «мягкой силы». В этой сфере пользователям интересны не столько сообщения об официальных переговорах между дипломатами разных стран, сколько менее официальная информация о жизни, истории, традициях, культуре, научных достижениях, гуманитарном сотрудничестве России. При этом традиционные для дипломатов контакты с зарубежными партнерами дополняются непосредственным общением с аудиторией, не принадлежащей к их профессиональному сообществу, с рядовыми пользователями социальных сетей глобального интернет-сообщества. Информация о культурных ценностях России и отражение общественно значимых событий носят не только просветительский характер, они призваны создать ценностное поле, понятное и притягательное для подписчиков и посетителей аккаунтов МИД РФ.

Список использованной литературы

1. Дипломатическая служба : учеб. пособие / под ред. А. В. Торкунова. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
2. Twiplomacy Study 2018 Executive Summary. Сайт «twiplomacy.com». Дата размещения 10.07.2018. URL: <https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2018/> (дата обращения: 03.04.2019).

3. Василенко И. А. Значение публичной дипломатии в имиджевой политике России. Власть, # 2, 2015. С. 48–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-publichnoy-diplomatii-v-imidzhevoy-politike-rossii>

4. Propsters – статистика и аналитика Твиттера. Сайт «propsters.ru». Дата размещения 03.04.2019. URL: <https://propsters.ru/> (дата обращения: 03.04.2019).

5. Рябиченко А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня. Сайт «russiancouncil.ru». Дата размещения 16.11.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments-columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения: 20.02.2019).

6. Журавлева Н. Н. Коммуникативные стратегии в культурной дипломатии. Дата размещения 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-sfere-kulturnoy-diplomatii-sovremennye-diskussii> (дата обращения: 03.04.2019).

7. Дацюк С. А. Коммуникационные стратегии // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 09.08.2006. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751>

Пожаров Алексей Игоревич,

кандидат культурологии, доцент факультета звукорежиссуры Института кино и телевидения (ГИТР), Россия, г. Москва, soundman.alex@gmail.com

УДК 070(93)

Новое Средневековье в новых медиа: к вопросу о реконструкции истории

Аннотация. В статье проводится анализ феномена бурного бесконтрольного распространения в среде новых медиа [1] многочисленных культурных и информационных фантомов, таких как стремительно набирающие популярность и аудиторию псевдонаучные теории «альтернативной истории». Рассмотрены исторические предпосылки возникновения и популярности этих гипотез, выявлена их структурная схема и проанализировано их влияние на культурные и политические процессы.

Ключевые слова: новые медиа, фальсификация истории, культурология, семиотика.

Alexey Pozharov

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Sound engineering faculty, Institute of Cinema and Television (GITR), Russia, Moscow

New Middle Ages in new media: considering the reconstruction of history

Abstract. The article analyzes the phenomenon of rapid uncontrolled spread of numerous cultural and information phantoms among new media, which are rapidly gaining popularity and audience of pseudo-scientific theories of "alternative history". The historical prerequisites for the emergence and popularity of these hypotheses are considered, their structural scheme is revealed and their influence on cultural and political processes is analyzed.

Key words: new media, falsification of history, cultural studies, semiotics.

Находясь внутри современного медиапространства, невозможно не заметить тенденцию к широкому распространению различных псевдонаучных теорий. Долгое время в научном сообществе было принято снисходительно относиться к проявлениям дилетантизма как в СМИ, так и в других источниках, но с течением времени ситуация стала меняться, и сейчас уже совершенно ясно, что популяризация псевдонаучных взглядов в условиях тотального господства новых медиа может оказаться угрозой населению, национальной безопасности государств, а также представляет собой достаточно любопытный предмет исследования для ученых.

Нашей задачей не является обзор всех существующих псевдонаучных теорий, тем более что для большинства из них вполне подходит характеристика, данная профессором НГУ Дмитрием Квоном в отношении астрологии — «если человек сходит с ума, не стоит ему мешать» [2]. Хотелось бы сосредоточиться на проблеме намеренной или неосознанной фальсификации истории как на вопросе, имеющем непосредственное отношение к современной политико-культурной ситуации в мире.

Невозможно сказать определенно, когда впервые фальсификация истории была применена для достижения политических целей. Достаточно вспомнить битву при Кадеше в 1300 году до н. э. между войсками египетского фараона Рамсеса II и хеттского царя Муваталли II, когда каждая из сторон впоследствии в пропагандистских целях приписывала безоговорочную победу именно себе.

Очень часто фальсификация исторических событий сводилась к обоснованию прав на материальные блага, земли и политическую власть. Одним из самых известных примеров подлогов, повлиявших на государственные политические процессы, является «Константинов дар» — средневековый документ, описывавший передачу императором Константином I власти над Западной Римской империей Папе Римскому Сильвестру. Фальшивка имела большое политико-экономическое значение как на Западе, так и на Востоке и, несмотря на доказанное Лоренцо делла Валла разоблачение подложности в 1440 году, не теряла популярность еще несколько сотен лет. В России, например, «Дар» упоминается как достоверный в обосновании имущественных церковных тяжб еще в Кормчей книге 1878 года издания [3, с. 660].

Однако не все исторические фальсификации создавались в корыстных целях и имели место в рамках фольклорного мифотворчества. В качестве примеров средневековой альтернативной истории или географии можно упомянуть сочинения, относящиеся к описаниям *terra incognita*, скажем, известную легенду о царстве пресвитера Иоанна (хотя стоит отметить, что легенда все же сыграла свою роль в крестовых походах), а также и о государствах дипсодов и кинокефалов, не говоря уже о средневековых бестиариях.

Если же говорить про исторические мистификации, то, к примеру, цикл средневековых произведений искусства, который ввел в культуру круглый стол короля Артура, равно как и огромное количество средневековой житийной литературы, базируются скорее не на корыстных политических расчетах, а на столь свойственном средневековому реципиенту мифологическом сознании.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление для конкретизации понятия мифа и мифологического сознания, употребляемых в настоящем исследовании. Надо сказать, что миф как метод и миф как источник достаточно подробно разбирались многими учеными, такими как К. Леви-Стросс (миф как познавательная модель), М. Элиаде (принцип функционирования мифа), А. Лосев и Р. Барт (миф как постоянное присутствие архетипических мифологем в обществе) и др. Я в своей работе «Трансформации христианского эсхатологического мифа» [4] подробно разбираю признаки мифологического и неомифологического мышления. Для нынешнего исследования нам необходимо отметить лишь несколько особенностей:

Миф функционирует в символически-архетипической среде и для носителей мифологического сознания является безусловной основой общественного сознания, будучи полностью в него инкорпорирован.

Миф носит универсальный разъяснительный характер, являясь когнитивным механизмом для субъекта, сталкивающегося с необъяснимым, а также служит для снятия социальных конфликтов и разрежения чувства индивидуального экзистенциального страха. При этом для реципиента с мифологическим сознанием характерны ритуализация действий, некритичность мышления и огромный побудительный потенциал, то есть миф берет на себя руководство не только мыслительными процессами, но и поступками человека.

Миф — это сложная семиотическая система, в которой возможно выявить и проанализировать определенную структуру.

Миф, нуждаясь в осмыслении, сам является инструментом осмысления, и его можно рассмотреть как попытку присвоения значения любому означаемому, которое считается важным.

Уже давно проводятся параллели между средневековым и современным массовым сознанием. К примеру, общим местом для мироощущения людей современности и Средневековья является тотальная неуверенность среднего человека, не находящего опоры и стабильности в окружающем мире. Человек оказывается наедине с невыразимой несправедливостью бытия и ищет оправдания происходящим неумолимым и нелогичным историческим событиям, пытаясь придать им какое-либо трансисторическое объяснение [5, с. 258—261].

Другой, не менее важной характеристикой современного массового сознания является эклектичность неомифологического мышления, присущего среднему медиареципиенту. Как в Средневековье, так и в настоящее время человек населяет свой пантеон огромным числом мифологем и архетипов, почерпнутых из разных парадигм, при этом отличительной характеристикой формирования современных культурных и информационных артефактов является некритичность восприятия, характерная для неомифологического мышления, нуждающегося более в объяснении, нежели в понимании.

Отдельно надо отметить, что существование мифологического мышления в различных его формах не прекращалось никогда, даже в эпоху абсолютного господства прогрессистско-сциентистской парадигмы, что отчетливо просматривается на примере

позднего СССР, когда огромное количество вчерашних атеистов массово продемонстрировало переход к самому примитивному магизму, заряжая воду у телеэкранов.

Но вернемся к фальсификациям истории в рамках интересующей нас темы. Начиная со времени Реформации наблюдается рост националистических движений в Европе, явившийся средством поиска новой государственной идентичности взамен религиозного сообщества и династического государства [6, с. 55]. Б. Андерсен вводит термин «печатного капитализма» как одного из средств формирования национальной идентичности — многоязычие печатной продукции на национальных языках в противовес прежнему рукописному господству языков сакральных. Переход печати, а затем и государственного делопроизводства на национальные языки привел к формированию государств нового типа. В сущности, принцип построения национальных государств, получивший свое начало в это время, продолжает быть государствообразующим инструментом и сейчас. Быть нацией — это, по сути, самая универсальная легитимная ценность в жизни нашего времени [6, с. 42].

Любые государства нуждались в легитимизации и удревнении своей истории, в качестве обоснования права на территориальные владения. Достаточно вспомнить известную цитату из писем Ивана Грозного к шведскому королю Густаву I: «А что писал еси... мы от Августа Кесаря родством ведемся» [7, с. 144]. В этом случае речь шла ещё об обосновании прав династической преемственности, но что говорить о времени, когда исторический процесс неумолимо толкал народы к самоопределению и появлению на политической карте мира новых государств или государств, чья независимость была ранее поправа! Поэтому время формирования новых, национальных государств стало эпохой создания многочисленных исторических фальшивок, заложивших основы, сформировавших основные сюжеты и архетипы, до сих пор успешно используемые в этой области.

Одним из самых известных скандальных казусов первой половины XIX века стала история Вацлава Ганки, чешского деятеля национального возрождения, написавшего и изготовившего две подложные рукописи — Краледворскую и Зеленогорскую, рассказывавшие о героической истории чехов. Один из эпизодов этой фальсификации, якобы имевшая место битва под Оломоуцем, до сих пор содержится в некоторых энциклопедиях [8]. Похожую фальшивку — Ура-Линду [9, с. 181—186] — изготовил в это же время Корнелис Овер де Линден. Несмотря на безусловно благие цели, которые преследовали фальсификаторы, нельзя не отметить неприемлемость изготовления заведомых фальшивок.

Анализ этих документов уже позволяет проследить несколько принципов, характерных для псевдоисторического труда: безусловное признание автохтонности и древности этноса, а также отсыл читателя к могуществу национального государства, имевшему место в прошлом. Эти послы прекрасно укладываются в рамки функционирования подробно рассмотренных в научной литературе архетипов «золотого века».

Но для консолидации общества применяется не столько восхваление собственного народа, сколько поиск внешнего врага. В разное время создавалось множество пасквильных сочинений, но страшнее всего создание на рубеже XIX и XX веков пе-

начально известного документа, ставшего впоследствии одной из причин неисчислимых бедствий, — «Протоколы Сионских мудрецов», чья разоблачённая ещё в 1934—1935-х годах подложность не помешала ему сыграть роковую роль в страшных событиях холокоста. Самое ужасное в том, что, несмотря на раскрытие фальшивки, до сих пор есть люди, находящие в этой запрещённой во многих странах книге привлекательность. Тем не менее отметим, что поиск фигуры коллективного Другого, на которую можно возложить ответственность, также является одной из определяющих черт в псевдоисторической теории.

Если рассматривать дальнейшее развитие националистических фальшивок, то к середине XX века относится «обнаружение» так называемой «Велесовой книги» — сборника текстов, повествующих о дохристианском образе жизни славян-русов, их религиозном пантеоне и истории. Несмотря на то, что исследователи расходятся в определении личности фальсификатора, сомнений в подделке нет. Здесь мы снова видим попытки создать фантомное могучее прошлое для отдельного народа или группы народов [10, с. 101—113]. Надо отметить, что так же, как и в случае с «Сионскими протоколами», «Велесова книга» продолжает быть основанием для всевозможных националистических и оккультных течений — родноверия, неоязычества.

Что же стало краеугольным камнем современной альтернативной истории? Многие исследователи небезосновательно полагают, что отправной точкой для большей части альтернативных исторических теорий на поле бывшего СССР послужили работы академика А. Фоменко и Г. Носовского, ныне известные как проект «Новая хронология». Созданная ещё в 70-е годы концепция, основанная на предположении об ошибочности исторических датировок и так называемом феномене исторических дубликатов, с момента своего создания получила отрицательную оценку специалистов историков, но тем не менее активно распространялась в самиздате до начала перестройки, когда запреты на подобные публикации были сняты. В этот момент теория, освящённая высоким научным авторитетом автора-академика, мгновенно распространилась в обществе и приобрела большое количество горячих поклонников. В настоящий момент количество выпущенных публикаций только от авторов-основателей превысило сотню, а общий тираж насчитывает более миллиона изданий [11]. Здесь мы снова возвращаемся к глобальному вопросу о постсоветской ментальности, в которой сплелись воедино присущая неомифологическому сознанию нескритичность и высокий авторитет науки, пропагандировавшийся в рамках советской сциентистской парадигмы. Но быстрое распространение подобных теорий вскрыло одну важную и универсальную особенность общественного сознания — некоторое недоверие и подозрительность не слишком образованного, не привыкшего к абстрактному мышлению, хотя и вполне компетентного в своей области человека, к высокой науке и профессиональным учёным, образующим некую эзотерическую касту и объясняющимся на не совсем понятном языке. Как и многие другие, обращаясь к массам, авторы противопоставляли их небольшой горстке «консервативных», «не способных воспринять новые открытия» учёных, что льстило несведущему читателю или слушателю, ведь, принимая предложенную идею, он ощущал себя сопричастным к «передовым» веяниям в науке

[12, с. 70]. Запомним и этот способ формирования аудитории, характерный для «альтернативных» исторических концепций.

Нельзя не отметить наличие еще одной черты, присущей всем создателям «альтернативных» исторических теорий: полнейшее пренебрежение к источниковедению как к научной дисциплине. Один и тот же источник может объявляться как поддельным, так и истинным, в зависимости от того, насколько он согласуется с объявленной теорией [13], что вполне находится в соответствии с принципами некритического неомифологического мышления.

Как уже говорилось, любая «альтернативная» история нуждается в образе врага. В концепции «Новой хронологии» врагами древнего могущественного государства «Руси-Орды» объявляются многочисленные сепаратисты, поднявшие мятеж против метрополии, а в русской истории абсолютными врагами представляется династия Романовых, якобы узурпировавшая власть после Смутного времени.

Вполне в русле концепций «Новой хронологии» находятся и такие «исследователи», как А. Д. Петухов, в сочинениях которого Русь оказывается прародительницей всех крупнейших королевских династий Европы (Петухов А. Д. Русы Евразии. М., 2007; он же. Тайны древних русов. М., 2008 и др.), В. А. Чудинов, увидевший «славянские руны» («руницу») во всех нечитаемых надписях Южной Европы, включая Фестский диск, этрусские зеркала и пр. (Чудинов В. А. Тайные руны древней Руси. М., 2005; он же. Русские руны. М., 2006; он же. Вернем этрусков Руси. Расшифровка надписей древней цивилизации. М., 2006 и др.) [12, с. 80]. Все эти публикации поддерживают идею приоритета русской (славянской) государственности над другими народами.

Еще одной крайне распространенной на территории бывшего СССР теорией стала гипотеза палеоконтакта. Отдельные попытки освещения её в СМИ имели место еще в 70-е годы в СССР, когда в программах «Клуб кинопутешествий» или «Очевидное — невероятное» всерьёз обсуждались вопросы биоэнергетики, хилерства и уфологии. Не могли авторы обойти вниманием и фигуру Э. фон Дэникена, сделавшего себе имя на пропаганде идеи палеоконтакта. Таким образом, когда в середине 90-х годов значительная группа энтузиастов занялась разработкой концепции о существовании на Земле древней высокоразвитой цивилизации, их первые же публикации упали в подготовленную почву. Согласно этой концепции все значительные древние сооружения были построены некоей более могущественной цивилизацией, чем та, которой их обыкновенно приписывают. В России из апологетов этой теории наиболее известна так называемая «Лаборатория Альтернативной Истории» [14], которой до недавнего времени руководил А. Скляр, — организация энтузиастов, в которую входит достаточное количество дипломированных ученых. У YouTube-канала этой организации 120 тысяч подписчиков, а суммарное количество просмотров сейчас превышает 24 миллиона [15], но эти цифры были значительно выше, так как почти все фильмы удалялись администрацией из-за нарушений.

Представляется, что публикации, доносящие идею о невозможности создания сложных древних артефактов предками хоть и эксплуатируют архетипический сюжет

«золотого века», но имеют под собой еще одно основание. Приведем пример: если в 60-е годы пионеры из любого школьного радиокружка могли при наличии необходимых деталей создать работающий детекторный радиоприёмник, то сейчас количество людей, хотя бы отдалённо представляющих себе устройство смартфона, ничтожно мало. Мы снова, как и на заре цивилизации, окружены вселенной непознанного и непознаваемого, а самый простой способ объяснения непознанного — это миф.

Однако отметим, что уже к началу 2000-х в работах «альтернативщиков» доселе представляемое скорее «недалёким» научное сообщество начинает позиционироваться как Другой, как конспирологический враг, и происходит сращивание теории заговора с универсальным разъяснительным механизмом действия мифа, что в данный момент становится лейтмотивом всех подобных публикаций.

Это тем более хорошо работает в эпоху коммуникационного изобилия, когда адепты современного макрекерства — стремления сдирать покровы с любой прикровенной деятельности — стремятся использовать любой шанс прервать обыденную жизнь медийным событием [16]. Нынешние макрекеры от политики или от культуры быстро создали тренд, согласно которому инфоповод куда важнее истинности выдвигаемых обвинений. Пора ответственной журналистики закончилась с распространением новых медиа, в которых анонимные бездоказательные фейковые вбросы перекладывают обязанность опровержения на обвиняемых. Этот прием быстро освоили «альтернативщики», вновь увязывая его с конструированием теории заговора, стремления элиты решать дела полюбовно, между собой, и теперь все их тезисы звучат так: «Мы открыто выдвигаем гипотезы, а дело официальной науки их опровергать, а если она этого не делает, значит, теория заговора подтверждается и мы правы» [17, с. 58].

В настоящий момент мы наблюдаем еще один любопытный процесс — авторы «альтернативных» теорий постепенно перестают быть персонифицированными, все чаще прячась за анонимностью, предоставляемой новыми медиа, или объединяясь в коллаборации, ассоциации (не забываем, что основной посыл «альтернативщиков» — «мы тоже учёные и исследователи, но другие») и образуя целые течения, вовлекающие все большее количество адептов.

Не увлекаясь подробной классификацией всех псевдоисторических теорий, тем не менее приведу ряд основных направлений, которым следуют сейчас рассматриваемые нами производители медийного контента:

— все возможные производные «Новой хронологии», включающие в себя гипотезы о «Великой Тартарии», великих ордынских государствах, неизбежно приводящих читателя к выводу о существовании в прошлом могучего (всемирного) государства под управлением единой метрополии;

— неоязыческие концепции, сводящиеся к тем же выводам (только здесь упор делается на религиозную составляющую и постулируется исключительная древность каждой отдельной нации, о которой рассуждает производитель контента);

— другие сочинения подобного толка, эксплуатирующие не русскую национальную идею. Например, свод «древнебулгарских летописей» под названием «Джагфар тарихы», тесно связанный со становлением и развитием булгарского движения в Та-

тарстане в начале 1990-х годов. Его лидерам требовалось легитимировать свою деятельность доказательством того, что местное тюркское население всегда было булгарами и не имело никакого отношения к татарам [18, с. 31];

— гипотеза глобальной катастрофы XVIII–XIX веков, в качестве которой могут рассматриваться как мировая ядерная война, так и всемирный потоп, в которой погибла цивилизация, создавшая такие памятники культуры как, например, Санкт-Петербург, который якобы был не построен, а откопан в начале XVIII века. В этой же катастрофе погибли уникальные технологии и энергетическая сеть, ранее охватывавшая весь мир;

— гипотеза существования в далеком прошлом могущественной працивилизации, оставившей некоторые артефакты, назначения которых современная цивилизация раскрыть не может;

— гипотеза о том, что все пустыни земли представляют собой отвалы, оставшиеся после выработки працивилизацией полезных ископаемых.

Как видим, во всех теориях просматривается одинаковая структура:

— официальные исторические данные недостоверны и являются результатом преднамеренного замалчивания или обмана со стороны политических и научных элит. В качестве примера подобного отношения можно привести название одного из YouTube-роликов автора П. Лобанова «Нам врут с самого рождения» — 214 500 просмотров [19];

— ранее на Земле существовала цивилизация, значительно отличающаяся от современной;

— цивилизация погибла вследствие политической катастрофы, которая привела к тотальной войне;

— выгодополучателем в войне являются некие скрытые силы, в качестве которых может выступать кто угодно — от англосаксонской цивилизации до тайного мирового правительства;

— потомками великой цивилизации, проигравшей войну, объявляются широкие массы, к которым обращается производитель псевдоисторического контента.

При этом явно или открыто во всех сочинениях содержится интенция к перемене существующего порядка и «восстановлению справедливости».

Что же придает такую популярность «альтернативным» теориям, конструирующим прошлое, на территории бывшего СССР, и в частности России? Представляется целый комплекс причин, среди которых можно выделить следующие.

После крушения экономической модели социализма наступила эпоха глобального разочарования массового реципиента во внушавшихся ему ранее, пускай и заидеологизированных, но относительно достоверных сведений из области политической истории. Если добавить к этому крушение социалистической идеологии, являвшей собой одну из разновидностей милленистической эсхатологии, становится понятно, что речь идёт о неизбежном разочаровании, которое следует за долгой и тщетной мессианской экзальтацией [20, с. 66]. Оказавшиеся в условиях тотальной неуверенности люди вернулись к мифу как способу примирения себя с меняющейся вселенной, отдаля-

ясь от трезвого анализа действительности и происходящих исторических процессов. «Там, где действительность тяжела и несносна, она часто вовсе исключается из мысли», — писал Е. Блейлер [21, с. 37].

Еще одним из любопытных аспектов массового сознания эпохи постинформационного общества является девальвация знания и дрейф от ценности знания к ценности мнения, что позволяет населять политическую карту настоящего времени современными подобиями кинокефалов или конструировать новые «царства пресвитера Иоанна». Но тема ценностного восприятия в эпоху дабл-пост представляет очень широкое поле для обсуждения и здесь развиваться не будет.

В условиях крушения старой общественной, экономической и культурной парадигмы одной из действеннейших стратегий оказалась самоидентификация себя и объединение по новым признакам. Национальный миф, базирующийся на могучих архетипах «золотого века» и «культы предков», оказался идеальным цементирующим составом. На всем постсоветском пространстве созданы и успешно функционируют национальные государства, причем в некоторых из них национализм начинает приобретать достаточно причудливые формы. Для борьбы за собственную политическую автономию активно формируются псевдоисторические конструкты или по-новому интерпретируются старые. Мы продолжаем сталкиваться с ситуацией, когда объективная современность наций в глазах историка и субъективная их древность в глазах националиста, а также их внутренняя несогласованность [6, с. 45] перестали смущать как широкие слои реципиентов, так и более узкий круг производителей псевдоисторического контента, к числу которых порой относятся многие действительно уважаемые в своей области ученые.

В мультинациональной и мультикультурной России также получают распространение псевдоисторические мифы, помогающие массовому реципиенту преодолеть комплекс проигравшего, формируя фигуру Другого, конспирологического врага, на которого можно возложить ответственность за неудачи. В этом аспекте деятельность лжеисториков особенно опасна. Сейчас мы находимся на том этапе, когда массовое сознание некритично воспринимает любую информацию, относящуюся к политической истории или к политической географии. В условиях сосуществования в России многих культур и этносов на роль Другого, врага, успешный манипулятор может предложить кого угодно. Вдобавок, если учесть конспирологическую направленность псевдоисторических теорий, в которых официальным учреждениям и официальной науке навязывается резко отрицательная роль, становится понятно, что подобные публикации работают на раскол политической системы.

Есть ли пути противодействия распространению теорий, рассмотренных нами выше и представляющих несомненную опасность для политической и общественной ситуации?

Начнем с официальных органов. Академия наук Российской Федерации еще в 1998 году отреагировала на экспансию нечистоплотных публикаций созданием при Президиуме научно-координационной организации — Комиссии по борьбе с лжена-

укой и фальсификацией научных исследований, в состав которой входят многие авторитетные ученые.

Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории при Президенте РФ, существовавшая в России с 2009 по 2012 год, ныне не работает, да и результаты её деятельности объявляются спорными [22].

Кроме Комиссии АН, являющейся официальным органом, ученые, ощущая все более усиливающийся вал псевдонаучных публикаций, начали самоорганизовываться в стремлении противостоять агрессивному продвижению лженаучных идей. Были созданы интернет-проекты, например antropogenes.ru и argamas.ru, а сейчас деятельность этих сообществ выливается в организацию регулярных форумов «Учёные против мифов», каждый последующий из которых охватывает все более широкий спектр вопросов и привлекает все более широкую аудиторию.

Как видим, в настоящее время уже предпринимаются решительные шаги, направленные на контрпропаганду лженаучных теорий на той же территории, на которой они традиционно становятся победителями — в среде новых медиа. Ученые и популяризаторы успешно развенчивают заблуждения и подтасовки. И все же для того, чтобы противостоять огромному количеству псевдоисторических и лженаучных публикаций, захлестнувших СМИ и новые медиа, прежде всего необходимо изучать причины их востребованности у аудитории, классифицировать и описывать эти феномены, каковая попытка и была предпринята в представленной статье.

Список использованной литературы

1. Manovich L. The Language of New Media. Cambridge : MIT Press, 2002.
2. Квон Д. Х. Прививка от патологической науки // Независимая газета. 2004. 23 июня. URL: http://www.ng.ru/style/2004-06-23_16_privivka.html
3. Кормчая книга 1878 г. «Екатерининское» издание. Т. 2. URL: <http://www.iso-graphoteka.ru/Books/kormetom1/Kormetom1.html>
4. Пожаров А. Трансформации христианского эсхатологического мифа в современном медиакультурном пространстве : дис. ... канд. культурологии. М., ГИИ, 2015. 156 с.
5. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
7. Послания Ивана Грозного / [под ред. Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье].. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 715 с.
8. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / [под ред. А. Л. Топоркова]. М. : Ладомир, 2002. 970 с.
9. Эрлихман В. В. Фантастическая «Хроника Ура Линда» // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М. : ИА РАН, 2011. С. 181–187.
10. Зализняк А. А. О «Велесовой книге» // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М. : ИА РАН, 2011. С. 97–115.

11. URL: <http://chronologia.org/bibliography.html> (дата обращения: 03.04.2019).
12. Мельникова Н. А. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М. : ИА РАН, 2011. С. 67–85.
13. Фоменко А. Т., Носовский Г. В. Новая хронология Руси. Русские летописи. М. : Астрель, 2012. 752 с.
14. URL: <https://lah.ru/>
15. URL: https://www.youtube.com/user/OnlineLAI/about?disable_polymer=1
16. Badiou A. Being and Event. N. Y. : Continuum, 2005. 526 p.
17. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М. : ИД ВШЭ, 2015. 312 с.
18. Шнирельман В. А. Подделки и альтернативная история // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М. : ИА РАН, 2011. С. 17–35.
19. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6d22ROk1SN4&t=553s>
20. Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Академический проспект, 2010. 256 с.
21. Блейлер Е. Руководство по психиатрии. М. : Изд-во независимой психиатрической ассоциации, 1993.
22. Кантор Ю. Без фальсификаций // Московские новости. 2012. 19 марта.

Федоров Василий Викторович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск,
vvf-82@mail.ru

УДК 316.77

**Эстетика деконструкции официального
предвыборного медиадискурса как речевой практики
«иной» культуры в независимых интернет-медиа**

Аннотация. В современной российской информационной реальности четко обозначилась ситуация противостояния двух типов культур. С одной стороны, официальный дискурс, актуализированный государственными медиа, с другой стороны, дискурс социальных сетей и интернет-медиа. Можно говорить о конкурировании этих типов культур и речевых практик, их обслуживающих. Данная ситуация, по нашему мнению, является частным проявлением общекультурной традиции: конкуренция в разные исторические эпохи «официальной» культуры (характеризующейся как рациональная, иерархическая, серьезная и т. п.) и народной (смеховой/низовой) культуры. Такая ситуация обнаруживается при деконструкции официального предвыборного медиадискурса в новостной повестке независимых интернет-медиа. Анализ эмпирического материала показал, что «новая смеховая» культура на основе эстетики деконструкции сформировала свою топику и речевые практики в репрезентации официальной культуры как «иной».

Ключевые слова: официальная культура, эстетика деконструкции, «новая смеховая культура», образ иного, интернет-медиа.

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Mass Communications, Faculty of Journalism, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

The aesthetics of the deconstruction of the official pre-election media discourse as a speech practice of a “different” culture in independent Internet media

Abstract. In the modern Russian information reality, the situation of confrontation between two types of cultures is clearly defined. On the one hand, the official discourse, actualized by state-owned media, on the other hand, the discourse of social networks and online media. We can talk about the competition of these types of cultures and speech practices that serve them. This situation, in our opinion, is a particular manifestation of the general cultural tradition — the coexistence in different historical epochs of “official” culture (characterized as rational, hierarchical, serious, etc.) and folk (laughter / grassroots) culture. This situation is revealed during the deconstruction of the official election media discourse in the news agenda of independent online media. An analysis of this empirical material showed that the “new laughter” culture formed its own topic and speech practices based on the aesthetics of deconstruction in the representation of official culture as “different.”

Key words: official culture, deconstruction aesthetics, “new laughter culture”, image of another, Internet media.

Сегодня различные формы смешного определяют модус текстов массовой коммуникации в онлайн-среде, во многом формируют медийный образ той или иной сферы общественного сознания, а значит, конструируют когнитивную модель, определяющую восприятие аудиторией социальной реальности.

В связи с этим в современном русскоязычном медиадискурсе четко обозначилось существование двух идеологически противопоставленных полюсов. С одной стороны, средства массовой информации, выражающие официальную точку зрения по основным вопросам информационной картины, с другой стороны, медиа, ориентированные на репрезентацию альтернативной позиции, не совпадающей с официальной. Однако различия акторов информационного поля также связаны с рецепцией ими модуса смешного. В первом случае существует табу на все «смешное» при репрезентации публичной информации, во втором — формы смеха получают статус конвенционально определенной нормы. Так возникает четкая поляризация в представлении предвыборного дискурса в разных типах медиа.

В отечественной науке изучение смеховой культуры является одним из базовых векторов. В работах М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко и Н. В. Поньрко, В. Я. Проппа подробно исследовалась народная смеховая культура (карнавальная культура, низовая культура). Этот тип культуры противопоставлялся официальной, серьезной. В европейской традиции этой проблемой занимался, например, У. Эко [6], который показал глубокое символическое значение многих маргинальных явлений современной цивилизации, в том числе смешного и уродливого.

Так, М. М. Бахтин даже выстраивает пары-антитезы, в которых эксплицируются основные эстетические принципы конкурирующих парадигм (верх — низ, голова — телесный низ и т. п.). «Низовая» культура наделяет смех символическим значением: смех как символ вечного обновления, снятия страха смерти [1]. В работах Д. С. Лихачева смех предстает формой особого сакрального мировоззрения, регулирующего социальную действительность, религиозно-нравственный аспект жизни [3].

Иными словами, смеховая культура не исчезает, но является компонентом современного социума, предстает как система, порождающая смыслы. Как пишут Л. С. Лихачева и К. А. Фадеева, опираясь на понятие «культурное производство», смеховая культура — «это способ производства, трансляции и потребления смешного как эмоциональной реакции на разоблачение нелепостей, стереотипов, иллюзий, жизненных явлений и ситуаций» [4, с. 137], то есть это система производства смыслов, которая становится основой для построения определенной части дискурсивных практик информационного пространства.

Этот культурный механизм производства смыслов и дискурса определяет один из трендов в создании новостного контента интернет-медиа и связан с использованием различных форм смешного, то есть текстопорождающей практики, которая транслирует особые ценности и общественно-политические взгляды определенной части российского общества, не принимающей официальной точки зрения на публичную сферу. Эти практики конструируют специфичное отношение к различным социальным институтам, в том числе к политическим выборам.

Таким образом, официальный публичный медиадискурс воспринимается потребителями интернет-контента как речевая практика «иного» сообщества, чуждого в ценностном и идеологическом планах. Т. ван Дейк представил когнитивную модель, определяющую речевое поведение социальных групп по отношению к тем, кто мыслится и переживается как «другой». Исследователь в работе «Когнитивные модели этнических ситуаций» отмечает, что представители этнического большинства имеют сложившиеся когнитивные модели, которые определяют практики говорения о меньшинствах [2, с. 181]. Они используют рассказы о типичных социальных ситуациях, в которых меньшинство нарушает общепринятые нормы, ценности, экономические интересы, личную безопасность или угрожает благополучию большинства [2, с. 181]. В этих повествованиях подчеркивается, что повседневный опыт иностранца не соответствует привычкам, образу жизни и мировоззрению местных жителей: публичное поведение, одежда, приготовление пищи — все маркируется как «иное», имеет негативные и осуждающие коннотации [2, с. 182]. Выводы, сделанные Т. ван Дейком, можно экстраполировать и на сферу публичных взаимоотношений.

Такое положение дел обнаруживается при деконструкции официального предвыборного медиадискурса в новостной повестке независимых интернет-медиа. Термин «деконструкция» мы понимаем в значении, указанном Ж. Деррида. Эстетика деконструкции связана с неприятием и выражением протеста, она базируется на прямом противопоставлении, травестировании принципов конкурирующей культуры. В рамках исследования, поддержанного Российским научным фондом (№ 18-18-00007), нами

собран корпус поликодовых единиц (сочетание вербального и визуального компонентов), которые составляют новостной контент сообщества интернет-медиа «Настоящий Лентач» (с января по июнь 2018 года) и представляют собой деконструкцию дискурса официальных СМИ как репрезентанта «иной», конкурирующей культуры. Даты были определены в связи с проведением избирательной кампании и выборов президента Российской Федерации (18 марта 2018 года).

Одной из стратегий деконструкции официального предвыборного медиадискурса становится использование жаргона, арго, маргинальных речевых практик для номинации носителей власти и субъектов предвыборной кампании, представляющих действующий политический режим. Так, например, появляются лексические единицы из уголовного жаргона («пахан», «старик», «дед» и т. п.) в обозначении действующего президента и премьер-министра, вульгаризированные формы имен собственных, а также обозначение текущих событий и актуальных реалий, например: «Путин собирал бабло в свой предвыборный фонд» (Настоящий Лентач, 9 января 2018). Показательно, что данная речевая практика применяется и при создании новостей о независимых кандидатах, которые воспринимаются как имеющие связь с правящей элитой. Так, А. Навальный позиционирует себя в качестве представителя «внесистемной» оппозиции, ее лидера (митинги, аресты, выступления в социальных сетях). С другой стороны, в современном информационном пространстве принято говорить о существовании «Проекта Навальный». Поэтому происходит дискурсивное сближение: «Навального оставили без бабла — «Альфа-банк» по решению суда заблокировал счета фонда, занимающегося финансовым обеспечением предвыборной кампании политика» (Настоящий Лентач, 23 января 2018).

Другой инструмент деконструкции связан с приемом «персонализации политики». Имеется в виду, что сознательно происходит замена ролевых установок (президент, кандидат) на персональные (Путин). Так, в материалах выстраивается противопоставление между всеми участниками кампании, которые часто обозначены с помощью родового понятия «кандидат», и В. В. Путиным, представленным по имени и фамилии, а также через ироничные комментарии: «...в преддверии выборов Путина, поправочка, президента» (Настоящий Лентач, 23 января 2018).

Приведенные примеры демонстрируют существование в новостном контенте интернет-медиа сложившихся речевых практик, репрезентирующих предвыборные мероприятия и выражающих идею агрессивного-ироничного отношения к официальному предвыборному медиадискурсу. «Инаковость», чужеродность получают здесь оформление через апелляцию к криминально-просторечному дискурсу, то есть к когнитивной модели, которая построена на идее нарушения естественных прав и норм, на образе хаоса и беспредела. С другой стороны, делегитимизация и деконструкция прямо связаны с феноменом «стилевого коллажа», или интердискурсивностью. Иными словами, использование элементов разных функциональных стилей, смешение типов дискурса (шоу, сериал, массовая культура в целом) при формировании новостного контента приводит к деинституциализации и депрофессионализации предвыборных процедур, так как на уровне речевых практик создается модель деятельности участников прохо-

дядей кампании, которая не соответствует эталону поведения, конвенционально принятому в профессиональной политической коммуникации.

Однако стоит учитывать, что сообщения, формирующие новостной контент, являются поликодовыми текстами. Они объединяют знаки различной семиотической природы (вербальные и невербальные). Поэтому важно указать на корреляцию этих компонентов. Визуальная составляющая строится на активном использовании уродливо-гротескных образов, заимствованных из распространенных интернет-мемов и образцов медийной продукции (новости, реклама и т. п.). Возникает эффект материализации «инаковости», нарушения телесных и социальных норм. В этом случае отчетливо проявляется связь с изображениями плоти в рамках народной смеховой культуры, где все нелепое, нестандартное имеет семантику ущербности, искусственной правильности. Ярким примером здесь служит картина П. Брейгеля Старшего «Битва Масленицы и Поста» (1559), на которой представлено столкновение народной культуры и официальной.

Кроме устоявшихся речевых практик в новостном контенте интернет-медиа присутствует и сложившаяся тематическая топика, то есть набор типичных предвыборных «сюжетов». Мы можем говорить о существовании двух видов сюжетов. С одной стороны, рассказы о событиях, которые будут воспроизводиться каждый электоральный цикл (ядерная зона), а с другой стороны, периферийные, выполняющие функцию локализации предвыборных событий, привязки к текущему информационному пространству [5, с. 216]. Так, для официального предвыборного медиадискурса необходимо обновлять «репертуар» таких сюжетов, чтобы репрезентовать изменения, развитие социальной сферы, возможно, маскировать застой. Однако интернет-медиа выбирают противоположную стратегию, они используют принцип сериальности, то есть повтор однотипных рассказов о повторяющихся событиях, которые часто связаны с нарушением процедур. Возникает эффект, демонстрирующий отсутствие динамики и стагнацию.

Таким образом, в новостном контенте некоторых интернет-медиа сформировались речевые практики и тематическая топика при репрезентации официального предвыборного медиадискурса. Основой этих явлений стала когнитивная модель, представляющая выборы в современной России как нарушающие базовые принципы и нормы, профессиональные конвенции, а значит, не являющиеся легитимными и рациональными. Официальный медиадискурс в этом контексте становится объективатором «иной» культуры, чуждой простому обывателю.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 541 с.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / сост. В. В. Петрова. М. : Наука, 1989. 312 с.
3. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Л. : Наука, 1984. 295 с.

4. Лихачева Л. С., Фадеева К. А. Смеховая культура как способ производства, трансляции и потребления смешного // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 144. № 4. С. 135–144.

5. Федоров В. В. Предвыборный нарратив и информационная повестка дня: журналистский дискурс как инструмент формирования политической лояльности // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17–18 мая 2018 г.) . Екатеринбург, 2018. С. 214–216.

6. Эко У. История уродства. М. : Слово, 2018. 456 с.

Атрохин Андрей Михайлович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Технологический университет, Россия, г. Королев, andreiatrokhin@gmail.com

УДК 32. 019.51

Отражение скандала вокруг ложи П-2 в советской политической журналистике

Аннотация. В статье представлен анализ отражения скандала, связанного с разоблачением в Италии ультраправого заговора, действующего под прикрытием масонской ложи П-2. В отличие от США, где исследования политической борьбы, ведущейся скрытыми, непарламентскими и прямо незаконными методами, до недавнего времени маргинализировались и исключались из широкого обсуждения. В то же время в СССР подобные вопросы не просто не табуировались, но часто даже становились частью официальной пропаганды.

Ключевые слова: политическая журналистика, пропаганда, холодная война, теория заговора.

Andrei Atrokhin

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Language, Technological University, Russia, Korolev

Reflection on P2 scandal in Soviet political journalism

Abstract. The article deals with the reflections on P-2 lodge scandal in Soviet political journalism. The themes of secret and conspiratorial political processes were always marginalized in US political and journalistic culture. But in USSR such themes generally were in the heart of political discourse and propaganda.

Key words: political journalism, propaganda, cold war, conspiracy theory.

В последнее пятилетие тема «фейковых» новостей, государственной пропаганды и новой холодной войны редко покидает новостные ленты. Обострение отношений России и США да и внутрисполитические процессы в самих США дают к этому все основания. Для понимания сути современных медиаманипуляций актуальным является обращение к фактам манипулирования информацией периода противостояния СССР и США.

Принято считать, что советская политическая публицистика представляла собой чисто механистическое подлаживание актуальных событий под раз и навсегда утверждённые догмы марксизма-ленинизма. Применительно к диахроническим событиям с этим вряд ли можно не согласиться. Скажем, новый, вне канонических трактовок, взгляд на восстание декабристов был невозможен. Однако применительно к событиям синхроническим отсутствие разработанных догм, а также насущные вопросы пропаганды открывали широкие горизонты концептуальному творчеству. Такой идеологический «простор» привёл к тому, что т. н. теории заговора (особенно связанные с убийством Кеннеди, секретными операциями ЦРУ, тайным влиянием корпораций и т. д.), считавшиеся в США маргинальными и до недавнего времени не присутствующие в академическом дискурсе (относительно становления т. н. «теории заговора» и отношения к ней академической науки [1]), в СССР приобретали вполне официальный статус, и благодаря большим тиражам книг подобные приобретали довольно широкое научное освещение [см., например, 2; 3; 4].

В статье мы проанализируем советский взгляд на итальянский скандал с масонской ложей П-2. Выбор именно этого события продиктован тем, что оно, с одной стороны, напрямую затрагивало итальянскую коммунистическую партию и было связано с расследованиями журналистов-коммунистов, а следовательно, обойти его вниманием советская журналистика никак не могла. С другой стороны, вскрывшиеся факты бросали вызов догматическому марксизму-ленинизму и требовали применения новой методологии в интерпретации исторических и политических процессов.

Вкратце суть скандала с ложей П-2 заключалась в следующем. В 1981 году полиция в ходе дела об отмывании мафиозных денег и финансовых махинациях проводит обыск на вилле Личо Джелли, одного из фигурантов данного расследования. В ходе обыска были изъяты документы, из которых следовало, что Джелли возглавляет тайную масонскую ложу Пропаганда-2 (П-2), куда входят высокопоставленные чиновники, офицеры армии и спецслужбы, видные деятели разных партий и др. Основной целью ложи П-2 была координация сил для предотвращения прихода к власти коммунистической партии Италии. Как только сведения об этой находке просочились в прессу, левые и частично католические журналисты начали раздувать слухи об этих документах, что вылилось в итоге в целый ряд скандальных разоблачений и официальное парламентское расследование. За более подробным описанием развития расследования деятельности П-2 и Личо Джелли мы отсылаем к выпущенным миланским издательством Каос комментированным сборникам документов [5; 6].

В СССР первой изданной монографией, посвященной скандалу с ложей П-2, стал вышедший в 1983 году перевод книги итальянских журналистов левого толка Джанни Росси и Франческо Ломбарди «Во имя ложи» [7] (оригинал 1981 г. [8]). Несмотря на небольшой объём, книга стала первым исследованием скандала П-2, авторы которого основывались на документальных свидетельствах (которые позже станут частью парламентского расследования деятельности ложи П-2). Столь важные материалы журналистам предоставил ставший также и автором предисловия Франческо Синискальки, высокопоставленный и авторитетный масон леволлиберальных взглядов, с самого начала пытавшийся противодействовать влиянию ультраправых на ма-

сонство и ещё в 1977 году безуспешно пытавшийся обратить внимание парламентариев и журналистов на незаконные действия ложи П-2. О качестве проведённой авторами работы свидетельствует то, что с началом официального парламентского расследования один из его фигурантов пытался возбудить против авторов «Во имя ложи» дело о клевете, однако прокуратура отказала в возбуждении дела, сочтя все материалы Росси, Ломбарди и Синискальки подлинными [9].

Что же представлял собой этот труд? Меньше всего эту книгу можно было назвать антимасонской. В предисловии Синискальки пишет, что считает свою помощь авторам книги исполнением долга по сохранению истинного масонского духа, и высказывает уверенность в том, что данная работа поможет его братьям по ордену не пасть жертвой политических махинаций и не предавать масонские идеалы. В подобном же духе выдержана и сама книга. Авторы не скрывают симпатий к левому антиклерикальному масонству, подчёркивают роль масонов в антифашистском подполье и даже пишут, что немалое число итальянских масонов не просто симпатизировали коммунистам, но даже были и членами коммунистической партии Италии на раннем этапе её становления. Авторы настойчиво подталкивают к выводу, что все события, связанные с ложей П-2, по сути, были провокацией реакционеров, направленной на срыв победы прогрессивных сил во всех сферах общества.

Естественно, в таком виде в СССР книга появиться не могла. Прежде всего, в советском издании книги было вырезано оригинальное предисловие Синискальки. В советском издательском предисловии после краткого обзора социально-политических проблем Италии данного периода делается вывод, что означенные проблемы были вызваны некими злонамеренными силами, действующими из единого центра. Далее говорится, что таким центром была ложа П-2, и коротко дается история ее незаконной деятельности и последующего разоблачения. Хотя в данном предисловии и говорится, что П-2 была тайной организацией «реакционной буржуазии», читатель не должен думать, будто масонство само по себе является тайной заговорщической организацией. Однако тут же делается вывод, что оно было выбрано заговорщиками не по каким-то случайным историческим обстоятельствам, а из-за присущей именно масонству закрытости, круговой поруки и т. д. То, что основным источником информации авторов был масон Синискальки, в предисловии упоминается, но о причинах такого его поступка ничего не говорится. В целом после прочтения предисловия советский читатель должен был убедиться в том, что, проигрывая историческую борьбу, ультраправые силы способны не только на жёсткую, открытую борьбу (например в форме терроризма против прогрессивных партий и общественных деятелей), но и на куда более опасную войну тайную, осуществляя заговоры, направленные на срыв легального прихода социал-демократических и коммунистических сил к власти.

Как ни странно, основной текст книги существенным купюрам не подвергся. Упоминания о масонах-коммунистах были, конечно же, вырезаны редакторами, но остались фрагменты об изначальной антиклерикальной и левой ориентации итальянского масонства.

Появилось в советском издании и послесловие в виде статьи журналиста-международника Л. П. Замойского «"Каменщики" империализма». Данная статья хотя формально и посвящена рассмотрению скандала П-2, однако представляет авторскую концепцию исторического развития масонства. По мысли Л. Замойского, в масонстве присутствуют правые и левые фланги. Причем правый фланг обязательно победит (если уже окончательно не победил) левый, и масонство станет тайным оплотом реакционных идей, которые будут использовать масонскую организацию для подрыва демократических и социалистических сил.

Рассматривая русский перевод «Во имя ложи» вместе с издательским предисловием и послесловием, можно заключить, что, с одной стороны, советским издательством была предпринята попытка «демасонизации» скандала, преуменьшения масонской составляющей, а с другой — легитимизировалась идея политического заговора как реально существующего и весьма опасного средства в борьбе за власть, причем заговорщиками всегда будут выступать проигрывающие открытую историческую борьбу реакционные силы. Такую концепцию вряд ли можно считать полностью соответствующей сложившейся к тому времени в СССР марксистско-ленинской идеологии, однако она неплохо описывала сложившуюся ситуацию в Италии и давала возможность представить именно коммунистическую партию Италии (равно как и другие западные коммунистические партии) носителем законности и подлинного демократизма.

Схожую стратегию мы можем наблюдать и в книгах Г. Р. Зафесова «Тайные рычаги власти» [10] и «В паутине ложи П-2» [11].

Книга «Тайные рычаги власти» состоит из двух частей. Первая посвящена ложе П-2, вторая — красным бригадам и убийству Альдо Моро. Рассматривая данные события с марксистских позиций, автор видит в них иллюстрацию неспособности буржуазного общества справиться с возникающими в его недрах противоречиями и, как следствие, усилением борьбы реакционных сил с прогрессивными демократическими кругами. Правда, почему силы реакции начинают пользоваться тайными методами борьбы, автор не поясняет. Г. Зафесов сводит к необходимому минимуму упоминания о масонской составляющей скандала, зато очень подробно освещает конспирационный аспект. Насколько это было возможно извлечь из имеющегося в то время фактического материала (в основном журналистских расследований и рассмотренной нами выше книги «Во имя ложи»), автор старается как можно подробнее описать механизмы функционирования политического заговора: связи участников, финансирование, методы установления контроля над СМИ и политическими партиями. Такая методология оказывается более чем оправданной. Картина реально существующего заговора предстает перед читателем вполне наглядно. Что интересно, в отличие от распространённого в Италии мнения о связи убийства Альдо Моро с ложей П-2 (из серьезных исследователей такое мнение озвучено, например, в работе Джузеппе де Луитиса, который историю П-2 рассматривает как один из элементов развязанной итальянскими спецслужбами «стратегии напряженности» [12]), Г. Зафесов разрывается между идеей инспирированности «красных бригад» маоистским Китаем для дис-

кредитации международного коммунистического движения (концепция, по каким-то причинам бывшая популярной в КГБ [13]) и идеей противостояния реакционных сил.

Вторая книга «В паутине ложи П-2» является сокращенным и несколько измененным вариантом первой части «Тайных рычагов власти». Здесь масонству уделено уже несколько больше внимания, правда, в его современном аспекте. Повторяя тезис о неправильности причисления всего мирового масонства к некоей конспирологической сети, как это обычно бывает в антимасонской литературе, Г. Зафесов, однако, полагает, что даже без учета существования ложи П-2 и сложившегося вокруг нее антикоммунистического заговора, итальянское масонство являлось инструментом для свободы коррупционной деятельности, так что даже с разгромом детища Личо Джелли масонство так или иначе будет продолжать пускать корни в политической и деловой среде. Такой взгляд явно близок к концепции Л. Замойского, которую, ввиду отсутствия тогда других официальных публикаций по истории и современности масонства, можно считать официальной советской интерпретацией данной проблемы.

Таким образом, несмотря на идеологическую тенденциозность, советские журналисты использовали в своих работах хорошие источники информации, что позволило им даже в пропагандистских целях избежать полного искажения реальных фактов. Идеологический эффект достигался помещением исходных данных в соответствующий контекст, а не искажением самих данных.

Использование концепций, которые в американском академическом дискурсе назывались конспирологическими и выносились за пределы допустимых теорий, позволяло советской политической журналистике не только более или менее адекватно описывать политические процессы, происходящие в странах западных демократий, но и одновременно предоставлять собственной идеологической пропаганде новые выигрышные ходы.

Список использованной литературы

1. Haven-Smith de. Lance. Conspiracy theory in America. University of Texas Press, 2014. 272 p.
2. Сагателян М. Кто же убил Джона Кеннеди? М. : Изд-во агентства печати «Новости», 1972. 172 с.
3. Асеевский А. И. ЦРУ. Шпионаж, терроризм, зловещие планы. М. : Изд-во полит. лит., 1988. 272 с.
4. Сабельников Л. В. Война без перемирия. Формы и методы экономической агрессии. М. : Мысль, 1983. 256 с.
5. Dossier P2. Milano : Kaos, 2008. 330 p.
6. Dossier Licio Gelli. Milano : Kaos, 2006. 382 p.
7. Росси Д., Ломбрасса Ф. Во имя ложи. М. : Междунар. отношения, 1983. 130 с.
8. Rossi G., Lombrassa F. In nome della «Loggia»: le prove di come la massoneria segreta ha tentato di impadronirsi dello Stato italiano : i retroscena della P2. Roma : Napoleone, 1981. 190 p.

9. Commissione parlamentare d'inciesta sulla loggia massonica P2. Serie II: Documentazione raccolta dalla commissione Volume VI. Tomo XVII. Roma, 1987. 836 p.
10. Зафесов Г. Р. Тайные рычаги власти. М. : Мысль, 1984. 255 с.
11. Зафесов Г. Паутина ложи «П-2». М. : Правда, 1988. 50 с.
12. Лутиис Джузеппе де. История итальянских секретных служб. М. : Прогресс, 1989. 320 с.
13. Колосов Л. Разведчик в Вечном городе. Операции КГБ в Италии. М. : ТД Алгоритм, 2017. 535 с.

Левицкая Татьяна Владимировна,

аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, tanuhamozzzkva@yandex. ru

УДК 821.16.1

«Кто дал им право?» Роль публицистических работ Н. А. Лухмановой в общественной жизни России рубежа XIX–XX веков

Аннотация. Надежда Александровна Лухманова (1841–1907) была широко известна на рубеже XIX–XX как автор художественных произведений, лектор и публицист. Большую популярность и общественный отклик получили статьи и лекции писательницы, касающиеся «женского вопроса»; неоднозначно было воспринято критикой ее участие в качестве военного корреспондента в Русско-японской войне. В статье уделяется особое внимание роли писательницы в полемике вокруг деятельности Религиозно-философских собраний. На примере расстановки сил в полемике демонстрируется восприятие и общественная оценка женского публичного высказывания и определяется роль женщины в журналистике того времени.

Ключевые слова: Лухманова, критика, Русско-японская война, Религиозно-философские собрания, женская журналистика.

Tatiana Levitskaia

PhD student of the history of modern Russian literature and contemporary literary process of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

«Who gave them the right?» The role of journalistic works N. Likhmanova in social life of Russia at the turn of the XIX–XX centuries

Nadezhda Likhmanova (1841–1907) was widely known at the turn of XIX–XX as a writer, lecturer and journalist. Her articles and lectures concerning the "women's issue", as well as her participation as a war correspondent in the Russian-Japanese war received great popularity and ambiguous public reaction. In the article the particular attention is paid to the role of the writer in the controversy over the

activities of Religious-philosophical meetings. The author demonstrates the perception and evaluation of women's public statements and examines the role of women in journalism at the time.

Key words: Lukmanova, criticism, the Russo-Japanese war, the Religious-philosophical meetings, women's journalism.

Серебряный век был ознаменован появлением большого количества женских имён в литературе. Н. П. Анненкова-Бернар, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Анна Мар, Э. Н. Гиппиус — лишь вершины этого литературного айсберга. По наблюдениям одного из критиков того времени, «никогда в русской литературе не было так много женщин» [1, с. 23]: «...писательница с именем, журналистка, сотрудница газеты, переводчица — далеко не редкое явление в русском обществе» [1, с. 23]. При этом отмечалось не только количественное изменение, но и качественный прорыв. И на первый взгляд кажется, что женщинам-авторам на рубеже XIX—XX веков наконец удалось отвоевать «видное место» [2, с. 474] в литературе? и постепенно общественное мнение начинает признавать тот факт, что они способны писать не только о любовных переживаниях, но могут «откликнуться на все господствующие в жизни и литературе настроения» [3, с. 35]. Но так ли легко было преодоление стереотипов?

Ярким примером борьбы с устоявшимися взглядами на женское творчество могут послужить биография и литературная деятельность Надежды Александровны Лухмановой (1841—1907). Свою писательскую карьеру она начала с публикации статей и фельетонов под различными мужскими псевдонимами (Барон Ф., Поклонник женщин, Лухманов, Несчастный муж и др.), зачастую ей приходилось прибегать даже к литературным мистификациям, выдавая собственные тексты за переводы с иностранного языка. Однако читательское признание она получила под своим именем. Первый успех пришел к ней после публикации на страницах журнала «Русское богатство» в 1893 году повести «Двадцать лет назад. Рассказы институтки», а изданные через два года в том же журнале «Очерки из жизни в Сибири» сделали ее имя по-настоящему популярным. Ее многочисленные художественные и публицистические работы регулярно появлялись на страницах «Нового времени», «Петербургской газеты», «Южного края», «Санкт-Петербургских ведомостей» и др. Лухманова не боялась ставить острые вопросы, касаться болезненных и неоднозначных тем: многие статьи описывали положение женщин в обществе (например, «Феминизм в Японии» (1903), «800 жен на выбор» (1903), «Спасибо за русскую женщину» (1904), «Русская женщина просыпается» (1906), «Свет идет» (1906), «Женщина и деньги» (1906), «Женский митинг» (1906) и др.), были посвящены воспитанию и социальной защищенности детей («Семья воспитывает, школа учит» (1898), «Рознь семьи и школы» (1898), «Отцы и дочери» (1898), «Родители и дети» (1904), «Микроб улицы» (1904), «На краю гибели» (1904), «Подростки» (1904), «О величайшей несправедливости» (1904), «Случайные дети» (1904), «Уличный разврат» (1907) и др.). Она читала лекции о проблеме проституции и отношении общества к этому явлению.

Размышления Лухмановой о женской эмансипации прозвучали в книге «Черты общественной жизни» (1898), высоко оцененной В. В. Розановым (статья «Женщи-

на перед великою задачею» (1898) [4]) и почти век спустя ставшей «отправной точкой» [5, с. 134] в рассуждениях В. Г. Распутина (статья «Cherchez la femme. Вечный женский вопрос...» (1989) [6]). В статьях писательница освещает проблемы женского образования, критикует устаревшие методы воспитания, сетует на искаженное понимание современниками сущности «женского вопроса», в большинстве случаев превратившегося в погоню за модными течениями, констатирует утрату значения семьи в обществе и падение нравственности, призывает преодолеть отсутствие четкой организации женского труда и сплоченности среди женщин.

В глазах многих радикально мыслящих современниц Лухманова выглядела консерватором, отрицающим значение эмансипации, так как в своих работах она выступала не за резкие перемены, а за постепенное изменение положения женщины в обществе и отстаивала семейные ценности, что на фоне бурной борьбы за женские права в то время звучало крайне неактуально. Но её активная деятельность и неординарная биография противоречат данной точке зрения. Выданная замуж за нелюбимого человека, она не побоялась общественного осуждения и ушла от мужа, после чего последовал громкий бракоразводный процесс. По приговору Священного Синода она была осуждена на 7 лет церковной епитимьи, на нее был наложен запрет повторного вступления в брак, который она, однако, нарушила, венчавшись по фальсифицированным документам. Уехав с молодым мужем в Сибирь, она пыталась начать там новую жизнь, с энтузиазмом занявшись культурно-просветительской деятельностью в Тюмени, но, не выдержав чуждой атмосферы купеческого дома и скептического отношения новых родственников, покинула этот край, навсегда оставив мужа и семилетнего сына. Вернувшись в Санкт-Петербург, она посвятила последующие годы жизни литературной и журналистской деятельности, хотя в этой жизни нашлось место и сердечным привязанностям.

В возрасте 62 лет писательница приняла участие в Русско-японской войне в качестве сестры милосердия и военного корреспондента. Каждый день на страницах «Петербургской газеты» и газеты «Южный край» публиковались статьи, материалом которых послужили дневниковые записи Лухмановой. На фоне сухих военных сводок её работы, благодаря «остроте описываемых событий, живому слогу и неподдельным эмоциональным переживаниям» [7, с. 23], представляли необычайно насыщенные, богатыми наблюдениями и ощущениями, что привлекало внимание читателей.

Но экстраординарный, героический поступок писательницы был не принят и даже осмеян в некоторых печатных изданиях. В газетах «Русь», «Одесский листок», «Крымский курьер» появились целые серии статей, с нелестными отзывами о деятельности Лухмановой. В большинстве работ создавался комический образ «пожилой институтки», по собственной прихоти отправившейся на театр военных действий. Ярким примером откровенного издевательства над женским творчеством является статья «Раешник», где в форме частушки изображается деятельность «военных писак», сообщающих о победах в сражениях. Особое внимание автор «сатирической поделки» [8, с. 86] уделяет «бабе в 70 от роду лет» [9] (такую характеристику он дает Лухмановой), описавшей казнь хунхузов, что, с его точки зрения, является верхом непри-

личия. Общественный вердикт вышеупомянутых изданий был строг и непреклонен: женщине не место в военной журналистике. Но своей самоотверженностью и стойкостью писательнице удалось доказать, что в военной корреспонденции важно не только приводить статистические данные и освещать новости с поля боя, но необходимо также понять психологию и характер противника (что она и попыталась сделать во время своей поездки в Японию). И она сама сумела глубоко проникнуть в психологию японцев. Во время своего пребывания на войне и позже в Японии Лухманова писала не только статьи для газет и путевые заметки, но также рассказы, основанные на реальных событиях («Шаман», «Черная полоса», «Ёлка во дворце Чизакуин»), короткие пьесы для солдат («Денщик Кузьменко»), создала несколько китайских и японских сказок («Единственный понятный женщине язык», «Душа человека», «Тайфун», «Золотая лисичка»).

Ярким примером предвзятого отношения к женской журналистике и перенесения фокуса общественного внимания с сути высказывания на личность говорящего является полемика, разразившаяся вокруг деятельности Религиозно-философских собраний и журнала «Новый путь», в которой Лухманова, во многом вопреки собственной воле, сыграла значимую роль. Религиозно-философские собрания были созданы в 1901 году по инициативе Д. С. Мережковского, Э. Н. Гиппиус, В. В. Розанова, В. А. Тернавцева, Д. В. Filosofova и др. Основные задачи собраний были озвучены уже на первом заседании в докладе В. А. Тернавцева и заключались в преодолении разобщенности духовенства и интеллигенции, а также духовной и светской печати. Журнал «Новый путь», в котором публиковались стенографические отчеты собраний («Записки Религиозно-философских собраний»), с самого начала обратил на себя пристальное внимание светской и духовной цензуры как издание, освещающее религиозные вопросы. Религиозно-философские собрания были запрещены 5 апреля 1903 года, что поставило под удар и судьбу журнала. Основной причиной запрета послужил негативный отзыв о них Иоанна Кронштадтского, а также обширная газетная кампания, в которой ведущие роли сыграли статья Меньшикова в «Новом времени» (1903. № 9716), отзыв Мещерского в «Гражданине» (1903. № 25), работа Лухмановой «Кто дал им право?» в газете «Заря» (1903. № 32).

Иоанн Кронштадтский в статье «О старом и новом пути» (1903) резко отозвался о деятельности «умников неумных» [10 с. 691], которые «отвергают церковь, таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журнал “Новый путь”» [10 с. 691]. В статье «Тоже стиль модерн» Меньшиков подверг критическому разбору идеи протоирея Устьянского, который был горячим поклонником В. В. Розанова и тоже поднимал вопросы брачной жизни и их взаимоотношений с церковью, размышлял о противоречиях между биологической природой человека и религиозными установками. Подобные рассуждения из уст священнослужителя показались Меньшикову неуместными и нарушающими правила приличия. Наиболее шокирующие, с его точки зрения, высказывания он процитировал и разобрал на страницах «Нового времени». На защиту Устьянского встал Розанов, дав Меньшикову в ответной статье [11] по-

дробные объяснения по всем пунктам и взяв на себя ответственность за публикацию своих работ.

Эта полемика о вопросе брака и его взаимоотношениях с церковной жизнью глубоко затронула Лухманову, для которой тема семьи всегда была «незыблемой святыней». Редакция «Зари», анонсируя содержание номера, просила читателей обратить особое внимание на статью писательницы, которая, по их мнению, давала отпор тому «душевному разврату», который «вносят сотрудники “Нового времени” даже в религиозную область» [12]. Между «Зарей» и «Новым временем» существовала открытая конфронтация, поэтому статья Лухмановой послужила очередным поводом для нападок «Зари» на суворинское издание. В задачи писательницы не входила поддержка того или иного издания, она не обратила внимания и на суть разногласий Меньшикова и Розанова, которые для нее стали выразителями одного и того же явления: «Кто звал быть нашими пророками гг. Меньшиковых, Розановых, протоиерея Устыинского, Мережковского и других?» [13] — вопрошает она в первых строках статьи. Для Лухмановой были важны не внутренние разногласия упомянутых авторов, а факт обсуждения религиозных вопросов на страницах популярной газеты. По ее мнению, вынос «святой веры на базар печати» [13] заключал в себе большую опасность для рядового читателя, которого не столько просвещал, сколько смущал. В последующих статьях на эту тему она отстаивала свою позицию и повторяла тезис о том, что газетные столбцы не место для полемики по религиозным вопросам. По ее мнению, «пища, брошенная на общественный стол, для многих могла сделаться отравой» [14].

Через несколько дней после публикации в «Заре» статьи «Кто дал им право?» на страницах «Нового времени» появилась работа Розанова под заголовком «Простая рыбачка» [15], явившаяся ответом Лухмановой. В ней он явно не принимает всерьез положений ее статьи, обвиняет автора в банальной женской истерике, которую та выносит на всеобщее обозрение. По его мнению, единственной причиной обратить внимание на подобные вопли послужила обезличенная форма повествования, которую избрала писательница, что сделало ее высказывание голосом «не то Петербурга, не то России даже» [15]. И Лухманова, кричащая, «как кликуша» [15], своим поведением напомнила Розанову директрису «печатного пансиона» [15], вообразившую всех других «пансионерками на полном ее иждивении и под ее присмотром» [15]. Подобным сравнением Розанов отсылал читателя к роману Лухмановой об институтской жизни, тем самым словно указывая писательнице на ее место, не давая ей права на равных участвовать в полемике. Ярлык «институтки» был вечным определением Лухмановой, к которому прибегали ее противники: как было упомянуто выше, ее публичные лекции на острые социальные вопросы и участие в Русско-японской войне воспринимались многими как блажь постаревшей институтской барышни.

Обвинение в истеричности Лухмановой довелось услышать не только от мужчины, но и от женщины, правда, скрытой под псевдонимом. В апрельском номере «Нового пути» была опубликована статья бескомпромиссного критика Антона Крайнего. Зинаида Николаевна Гиппиус, скрытая под этим именем, предупреждает, что истерия Лухмановой может быть опасна для окружающих, но тут же успокаивает чи-

тателей, утверждая, что ни один «разумный, порядочный, образованный и спокойный человек» [16, с. 183] не может воспринять этот болезненный вопль «безразумного женского сердца» [16, с. 183] серьезно. «Вот редкий случай, когда, кажется, не может быть двух мнений» [16, с. 183], — бескомпромиссно заявила она.

Вскоре на страницах «Зари», была напечатан ответ Лухмановой, давшей отпор своим гонителям. Но перед этим в номере от 10 апреля был помещен фельетон от имени доктора богословия П., в котором он защищал писательницу, представив ее как символ «сердечной чистоты и простоты» [17], восставшей против глумления над святынями. Однако статья Лухмановой играет в его рассуждениях лишь вспомогательную роль, в центре работы — личность Розанова и критика его деятельности. Ответ самой писательницы был краток и сдержан: она особо отметила резкость высказываний Розанова и посчитала, что причиной несоразмерно бурной реакции на ее публичное высказывание является желание затушевать серьезность замечаний по поводу неприличия тона, «с каким велись г. Розановым его якобы богословские споры» [18]. Но вслед за этой статьей на страницах той же «Зари» последовало обвинение Лухмановой в потворстве цензуры, что стало, по мнению автора статьи, журналиста Б. В. Добрышина, одной из причин закрытия Религиозно-философских собраний. Он, обыгрывая слова писательницы о «колеблющемся огне веры», пишет, что подобное замалчивание религиозных вопросов, напротив, способствует угасанию религиозного чувства и приносит «несоизмеримо больше вреда и зла, чем успокоения, людям, некрепким в вере» [19]. Необходимо отметить, что после статьи Добрышина был помещен комментарий редакции «Зари», в котором критиковалась деятельность «Нового пути», названная «болезнью тела и мозговым развратом» [19]. Таким образом, высказывание Лухмановой позиционировалось как точка зрения истинно православного человека, вставшего на борьбу с «несчастливым типом вырождения» [19]. Так характеризовала редакция газеты участников Религиозно-философских собраний.

Сама писательница не ожидала столь бурной реакции на свою статью «Кто дал им право?» и, судя по ее последующим заявлениям, сожалела, что ее работа способствовала журналистской травле нового явления религиозной жизни. В своем ответе Добрышину она писала, что ее «как каждого развитого человека радовал факт, что существуют такие специальные собрания, на которых люди могут свободно обсуждать интересующие их вопросы и обмениваться религиозно-философскими мыслями» [20]. Причину неверной трактовки событий и искажения ее точки зрения она видит в несерьезном подходе к обсуждаемому вопросу и предвзятом отношении к публичному высказыванию женщины: «...глубоко удивляет, что мужчины, обвиняющие обыкновенно женщин в легкомыслии, поступают в серьезных вопросах крайне неосмотрительно, не вникнув, не вдумавшись в то, о чем говорят и в чем обвиняют» [20].

О чем же говорилось в статье «Кто дал им право?» на самом деле? Лухманова говорила от имени рядового читателя «Нового времени», для которого сложные богословские споры уважаемых людей могли стать источником не размышлений, но поводом усомниться в вопросах веры. В результате работа писательницы была использована различными силами для достижения собственных целей. Для редакции «Зари»

это был очередной способ уязвить «Новое время»; для противников «Нового пути» работа Лухмановой стала голосом простой женщины, вставшей на борьбу с декадентством; сотрудники «Нового пути», в свою очередь, создали себе ореол мучеников, упрекая писательницу в невежестве и сравнивая ее публичное выступление с криком «человека толпы» (и Розанов, и Гиппиус в своих статьях приводят в пример евангельский эпизод о гонении на апостола Павла). В споре оппоненты, доходя иногда до прямых оскорблений, совершенно не принимают во внимание позицию писательницы, обвиняя ее в истерии и духовной слепоте и отказав в диалоге на равных. Защитники же отводят ей роль невинной жертвы, которая настолько испугалась сложных философских рассуждений, что не сдержала своего негодования. В итоге обе стороны сходятся в одном: публичное женское высказывание на серьезную тему выходит за рамки приличий.

Таким образом, на примере данной полемики, можно прийти к выводу, что на рубеже XIX–XX веков, несмотря на включение женщин в разнообразные сферы жизни, общество еще не было готово воспринять и достойно оценить результаты их деятельности.

Список использованной литературы

1. Чуйко В. Современные женщины-писательницы // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 44–47.
2. Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. СПб. : Изд-во А. Ф. Маркс, 1914. 520 с.
3. Михайлова М. В. Писательницы Серебряного века в литературном контексте эпохи // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 1. С. 35–43.
4. Розанов В. В. Женщина перед великою задачею // Биржевые ведомости. 1898. 1 мая, 3 мая.
5. Левицкая Т. В. Женский вопрос в освещении Н. А. Лухмановой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2019. № 3. С. 134–144.
6. Распутин В. Г. *Cherchez la femme*. Вечный женский вопрос... // Распутин В. У нас остается Россия : очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т. И. Маршковой. М. : Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 801–804.
7. Левицкая Т. В. Война глазами женщины. Художественные и публицистические работы Н. А. Лухмановой периода Русско-японской войны // Сборник статей по итогам конференции *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy V*. Братислава : STIMUL, 2018. С. 21–28.
8. Михайлова М. В., Левицкая Т. В. Публицистическая и лекторская деятельность Н. А. Лухмановой в начале XX века // Вопросы филологии. 2017. № 3. С. 81–87.
9. Свет. 1904. 1 июля.
10. О. Иоанн Кронштадский. О старом и новом пути спасения // Миссионерское обозрение. 1903. № 5. Март. С. 690–692.
11. Розанов В. В. Ответ г. Меньшикову // Новое время. 1903. 28 марта.
12. Заря. 1903. 2 апр. С. 4.
13. Лухманова Н. А. Кто дал им право? // Заря. 1903. 2 апр.
14. Лухманова Н. А. Несколько слов г. Добрышину // Заря. 1903. 15 апр.
15. Розанов В. В. Простая рыбачка // Новое время. № 9729. 1903. 5 апр.

16. Антон Крайний. Кого жалко? // Новый путь. 1903. № 4. Апрель. С. 179–184.
17. Доктор богословия П. По поводу реплики г. Розанова с г-жой Лухмановой // Заря. 1903. 10 апр.
18. Лухманова Н. А. Ответ г. Розанову // Заря. 1903. 11 апр.
19. Добрышин Б. В. Вера и молчание // Заря. 1903. 13 апр.
20. Лухманова Н. А. Несколько слов г. Добрышину // Заря. 1903. 15 апр.

Урядова Анна Владимировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Россия, г. Ярославль, uryadovaanna@gmail.com

УДК 7.036+7.067

Выставочная деятельность русских художников-эмигрантов в контексте политики

Аннотация. Статья посвящена изучению выставочной деятельности пореволюционной русской эмиграции. В качестве объекта исследования были выбраны коллективные выставки русских художников за границей. В работе изучаются проблемы, с которыми сталкивались организаторы и сами художники при подготовке к открытию экспозиций. Особое внимание уделено выставкам, прошедшим в Советской России (СССР), отзывам советских деятелей на работы художников-эмигрантов. Изучается проблема совместного участия советских и эмигрантских авторов в экспозициях за границей и проблемы, возникавшие в этой связи. Сравнительный анализ позволил выявить особенности выставочной деятельности в разное время, в разных странах на протяжении всего изучаемого периода, что в немалой степени было связано с политикой как СССР, так и стран, в которых проживала русская эмиграция.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская эмиграция, русские художники, выставки, экспозиции, искусство первой половины XX в.

Anna Uriadova

Doctor of Sciences in History, Doctor of Sorbonne University (Paris-I), Professor, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Russia, Yaroslavl

The Exhibition activities of Russian emigrant artists in the context of politics

Abstract. The article studies the exhibition activity of Russian post revolution emigration. The author examines the challenges faced by the organizers and the artists themselves in the preparation and opening of the expositions. Particular attention is paid to the exhibitions held in Soviet Russia (USSR), soviet critics reviews on the works of artists-emigrants. Author studies the problem of the participation of Soviet and emigre authors in the same exhibitions abroad and some difficulties of such projects. Special attention is paid also to the role of the exhibitions in the life and destiny of some Russian artists abroad. Comparative analysis revealed features of exhibition activity of Russian emigration at different times, in dif-

ferent countries throughout the study period, that were connected to the USSR politic, as well as to the politic of the hosting countries.

Key words: Russia abroad, Russian emigration, Russian artists, exhibitions, art of the first half of the twentieth century.

Данная статья посвящена коллективным выставкам русской эмиграции, а точнее, влиянию политики на их проведение. Она зависела от двух основных моментов: во-первых, собственно от отношения к эмиграции в стране их проживания; во-вторых, от взаимоотношений этой страны с СССР (Советской Россией), поскольку советская политика также оказывала определенное влияние на ситуацию и отношение к эмиграции, в том числе к русским художникам.

Революция 1917 года привела к тому, что за границей оказалось множество русских эмигрантов, в том числе художников и скульпторов. В русском зарубежье были представлены все направления русского искусства начала XX века: «московский импрессионизм», мирискуснический символизм, неоакадемизм, неопримитивизм, экспрессионизм, конструктивизм, свободная и геометрическая абстракция и т. д.

Обратимся теперь собственно к статистике и географии выставок. При подготовке статьи было проанализировано около 180 коллективных выставок, прошедших в 19 странах за 1917–1949 годы. Это обобщенные данные, собранные на основе 42 выставочных каталогов, афиш, упоминаний об этих мероприятиях в источниках (прессе и источниках личного происхождения), научной литературе. Огромным подспорьем в сборе материалов был сайт «Искусство и архитектура русского зарубежья» (www.artz.ru), призванный аккумулировать в энциклопедической форме и распространять научные знания о художественной культуре российской эмиграции первой половины XX века. Результаты анализа представлены на диаграммах.

На диаграммах — статистика выставок по годам и странам. Из диаграмм (см. рис. 1 и 3) видим, что большинство из них проходили именно в 1920-е годы, определенное «затишье» приходится на предвоенные годы, в военный период выставочная деятельность возобновилась, хотя и в значительно меньших масштабах. На диаграммах (см. рис. 1 и 2) видим географию проведенных мероприятий. Бесспорным лидером являлась Франция. В исследуемый период в этой стране было проведено 79 выставок (почти половина от общего количества), и это без учета выставок общества «Икона», которое экспонировало главным образом именно иконописные работы, реже картины на религиозные сюжеты (с 1928 по 1949 год провело 31 выставку во Франции и 1 в Швейцарии [1]). Второе место делят Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (в диаграммах обозначена как Сербия) и Китай (по 16 выставок), третья — США, Чехословакия и Турция (по 11 выставок).

География и динамика выставок тесно связана с ареалом расселения и процессами последующего переселения эмиграции и русских художников в частности. Вышеперечисленные страны являлись основными странами рассеяния. Опять же на миграционные процессы влияла политика стран: отношение к эмигрантам, отношения с

СССР (Советской Россией), экономическая ситуация, законодательство и т. д. В свою очередь миграционные процессы отражались на выставочной деятельности. Так, например, в Турции эмиграция пребывала лишь в начале 1920-х годов, а затем расселилась по другим странам. Как результат: выставки, прошедшие тут, датируются 1921–1923 годами.

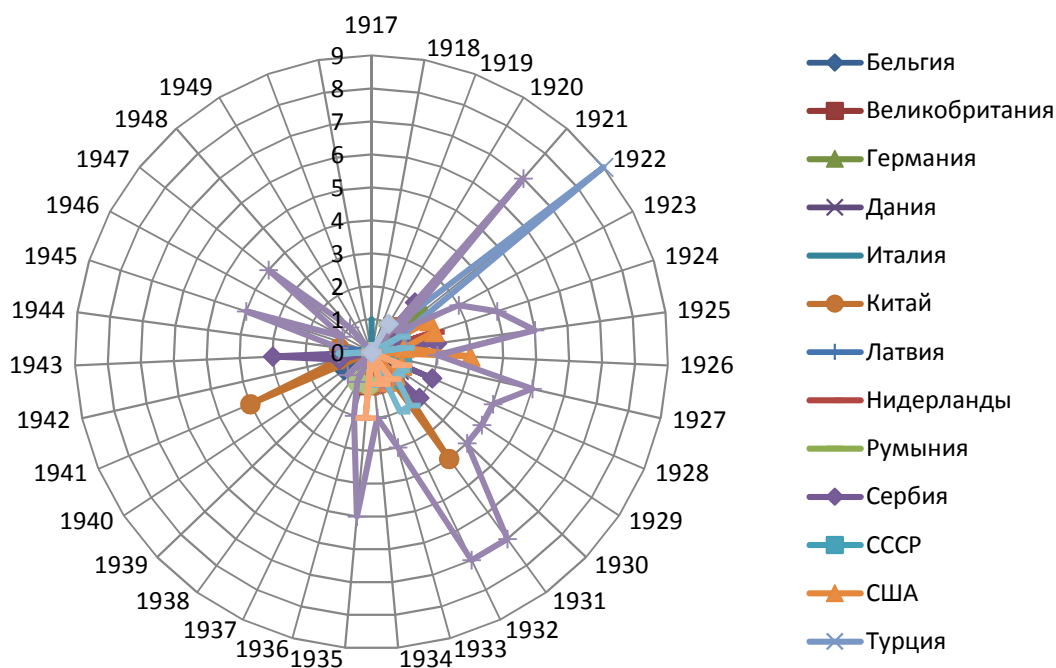

Рис. 1. География и динамика выставок русской эмиграции

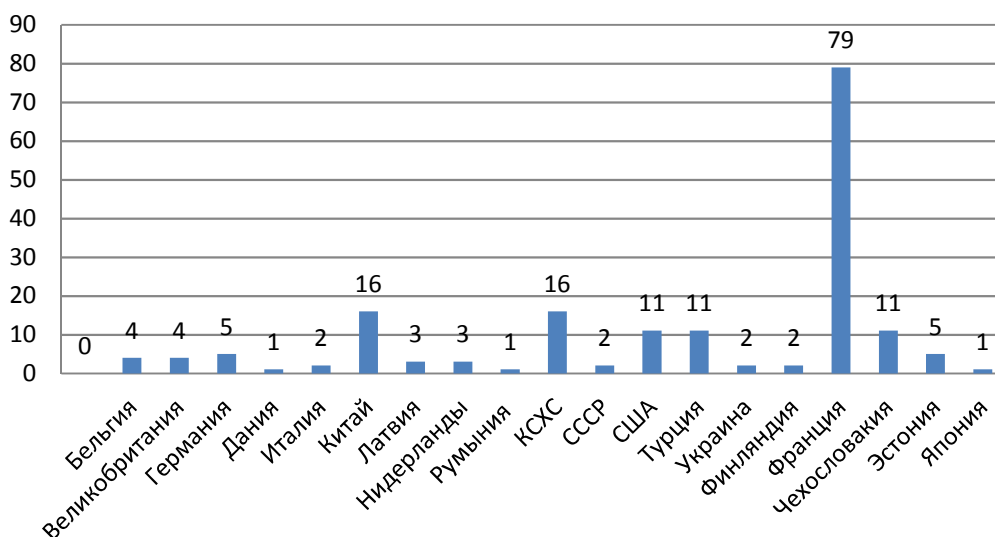

Рис. 2. География выставок

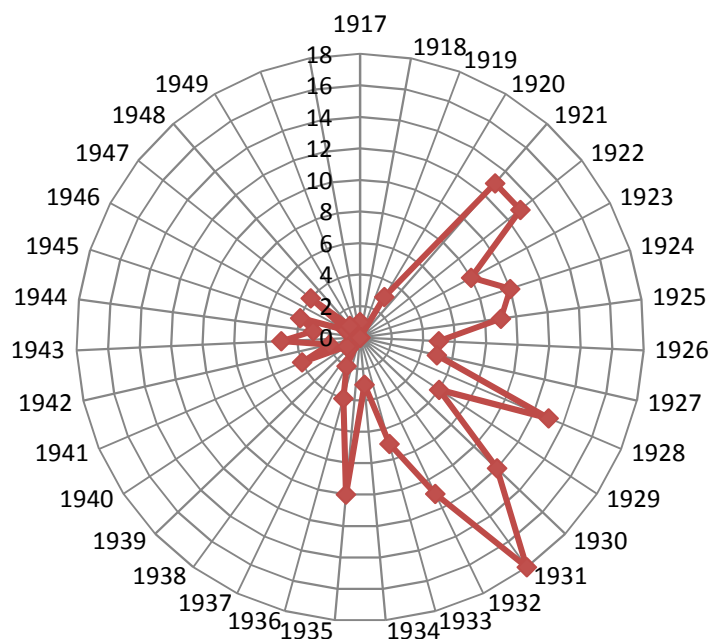

Рис. 3. Динамика выставочной деятельности

Авторский состав работ, экспонировавшихся на крупных выставках, также представлял определенный географический срез рассеяния. Так, например, на выставке 1928 года в Брюсселе экспозицию отдела современного русского искусства составили свыше 500 произведений живописи, скульптуры и графики шестидесяти художников, проживавших в СССР (10 человек), Бельгии (2), Германии (1), Италии (1), Эстонии (1), США (4) и Франции (37 художников, или 82% от общего числа участников, причем 34 из них жили в Париже) [2, с. 249].

Особого внимания заслуживает взаимодействие в выставочной деятельности эмигрантов и советских художников. Железный занавес долгие годы отделял СССР от всего мира. В культуре он был более прозрачен и менее тяжеловесен, особенно с установлением дипломатических связей с теми или иными странами. Однако осуществление взаимодействия между эмигрантами и советскими гражданами было затруднено, прежде всего, по идеологическим и политическим мотивам. Эмиграция была не просто частью «другого» мира, а рассматривалась как враждебная СССР. Со стороны русского зарубежья отношение было аналогичным. И тем не менее такие связи были.

Исследователь О. Н. Климова, анализируя интенсивность культурных контактов представителей эмиграции и советской интеллигенции 1920–1929 годов, выделяет два этапа. Первый (1921–1924 гг.) — время интенсивного взаимодействия в области литературы, науки и искусства в связи с лояльным отношением советского руководства к выехавшим деятелям культуры, попыткам склонить находившуюся за рубежом интеллигенцию к возвращению на родину, прозрачностью границ, послаблениями в экономической и культурной жизни страны, связанными с введением нэпа. Немаловажным фактом, по ее мнению, была и уверенность эмигрантов в скором возвращении на Родину. Второй (1924–1929 гг.) — постепенное прекращение прямых контактов в

области литературы, науки и драматического искусства, которое объясняется ужесточением внутренней политики советского руководства: свертыванием нэпа, усилением идеологического диктата партии. Кроме того, после признания СССР ведущими мировыми державами во второй половине 1920-х годов у руководителей страны, по мнению исследователя, отпала необходимость «заигрывать» с эмиграцией, поэтому переход к политике «великого перелома» в 1929 году окончательно опустил «железный занавес» между СССР и русским зарубежьем. Как отмечает О. Н. Климова, самым продолжительным было взаимодействие деятелей культуры в области музыкального и изобразительного творчества. Этот факт она объясняет двумя причинами. Во-первых, используя язык музыки и цвета, артистическая жизнь имела возможность выйти за узкие рамки эмиграции, оставаясь неотъемлемой частью советской культуры. Во-вторых, большинство эмигрировавших представителей этих видов искусства были лояльны к Советской власти и ее культурной политике, в отличие, например, от писателей и многих ученых [3, с. 17–24]. Факт достаточно спорный, с нашей точки зрения, как и то, что в 1929-м железный занавес опустился окончательно.

Доказательством продолжения связей являются художественные выставки. Далее будут рассмотрены три группы выставок: 1) экспозиции представителей русского зарубежья, проходившие в СССР; 2) зарубежные, в том числе организованные эмигрантами, включавшие работы советских художников; 3) выставки художников-эмигрантов за рубежом, призванные продемонстрировать связь с Советским Союзом.

Первая группа — выставки, на которых экспонировались работы представителей русского зарубежья в СССР. Это действительно уникальное явление, поскольку советские власти относились к эмигрантам более чем предвзято. Безусловно, на этих выставках русские художники представляли страны своего проживания и тем не менее их работы не были забракованы, эмигрантам не было отказано в участии.

В 1926 году при участии эмигрантов прошла московская выставка «Революционное искусство Запада». Нарком просвещения А. В. Луначарский писал о выставке «Революционное искусство Запада» в газете «Правда», что советским художникам надо обязательно ее посетить, чтобы научиться «синтетически-реалистической форме, умению стилистически перерабатывать действительность, не отрываясь от нее... учиться высшим формам выразительности, предполагающим непременно высокое внутреннее давление самого выражаемого» [4]. Безусловно, речь шла о западных художниках вообще, но сам факт высокой оценки творчества участников, среди которых были и русские эмигранты, заслуживает внимания.

В 1928 году работы художников-эмигрантов экспонировались на выставке «Современное французское искусство», а в 1931 году — на выставке американских художников «Джон Рид клуба». Включение работ эмигрантов в экспозицию было вполне осознанным. А. Эфрос в своем очерке «Русская группа» в каталоге к французской выставке писал: «Почему, по какому праву такую значительную часть выставки современного французского искусства занимает русская группа? Что это — случайное соединение, обусловленное внешними обстоятельствами и при иных условиях подлежавшее бы расчленению? Или же мы шли на это, казалось бы, парадоксаль-

ное положение с открытыми глазами, и даже чуть-чуть демонстративно, подчеркивая то, что следовало подчеркнуть?» И сам же отвечает, что в Париже, где русская группа всегда была значительной, наблюдается такое явление, которое он называет «художественной экспатриацией», когда русские художники «настойчиво, иногда одержимо переводят себя в природный французский план. Это не русские художники в Париже, это “*peintres français d’origine russe*”» (с фр. «французские художники русского происхождения». — А. У.)... Я не думаю, что ошибусь, если скажу, что русские выходцы (как их иначе именовать?) занимают второе место после естественных хозяев движения французов». Это явление «не только оправдывало, оно делало обязательным расширение программы выставки, — и пределы этого расширения были ясны» [5, с. 23–24]. Работы на выставку были отобраны при содействии Полпредства СССР во Франции, галереи Билье, художников М. Ларионова и С. Фотинского по плану, который был составлен искусствоведами А. Эфросом и В. Мидлером.

В предисловии к каталогу читаем: «Интересной и естественной особенностью нашей выставки будет участие в ней многих русских живописцев, постоянно или временно живущих в Париже, дающих своеобразное смешение их собственных, более или менее русских тенденций и отражений парижского влияния. Разве не интересно посмотреть, как пишут теперь после довольно длительного пребывания в Париже такие, хорошо нам известные, художники, как Анненков и Экстер? Разве не интересно посмотреть, до чего сейчас доработались наши, к сожалению, слишком надолго уступленные Франции соотечественники — Гончарова и Ларионов? Еще, быть может, любопытнее будет взглянуть на несколько работ, которые посылает нам Яковлев — художник, также удалившийся из России еще до революции и за это время достигнувший огромного мастерства и очень большой славы. Увидим мы также полотна Терешковича, русского художника, целиком, однако, развивавшегося на французской почве, и других» [5, с. 5]. Здесь стоит обратить внимание на характеристики, данные наркомом просвещения А. В. Луначарским, написавшим это предисловие: «достигший огромного мастерства», «развивавшегося на французской почве». В более поздней советской историографии оценки деятельности художников-эмигрантов будут совершенно иные: отсутствие развития, прозябание, застой в творчестве и т. д. И подобная оценка уже проскальзывает в том же каталоге в очерке уже упоминавшегося ранее А. Эфроса. «Русские парижане» занимали примерно половину выставочного пространства. Опыт московской выставки завершил традицию Серебряного века — продемонстрировать русское искусство параллельно с французским. Следующей аналогичной была выставка «Париж — Москва», состоявшаяся уже в 1979 году. А. В. Толстой полагает, что эта выставка была последней, перед долгим перерывом, встречей российского искусства эмиграции со своей метрополией на родной почве [6]. Это справедливо лишь отчасти, так как работы некоторых эмигрантов все-таки экспонировались в СССР и позже, например в рамках американской выставки.

Американская выставка в СССР носила совсем иной характер — она представляла сатирическую графику (разделы: экономический кризис в САСШ (Североамериканских Соединенных Штатах) как проявление мирового кризиса; положение

негритянских трудовых масс в капиталистической Америке; фашизм и социал-фашизм; войны и интервенции; международный пролетариат и очаг мировой революции — СССР). Она открылась 1 марта 1931 года в Государственном музее нового западного искусства (ГМНЗИ). Работы, присланные на нее, задержались в СССР на несколько лет. Летом 1932 года они были показаны на выставке «Революционное искусство в странах капитализма» в ГМНЗИ, в 1933-м демонстрировались в Харькове, затем в Ленинграде и только в июне 1934 года были отправлены назад в США. Многие произведения с выставки были приобретены Наркомпросом для музеев страны; 21 работу (главным образом, рисунки У. Гроппера, Л. Лозовика и др.) приобрел ГМНЗИ [7, 8, 9, 10, с. 162–165].

Вторая группа выставок — это зарубежные выставки с участием советских художников, организаторами которых были либо иностранные структуры, либо сами эмигранты. Ситуация с экспонированием советских работ за границей была не простая по ряду причин. Во-первых, сложность и небезопасность их переправки за границу из СССР, о чем писали сами советские художники. Во-вторых, нежелание некоторых эмигрантов признавать советское творчество искусством, несогласие выставляться вместе с ними в рамках одной выставки по политическим и идеологическим причинам. Одним организаторам удавалось решать эти вопросы безболезненно, другим — нет.

Художники-эмигранты участвовали и в советских выставках, проходивших за рубежом. Начало этому взаимодействию положили Первая русская художественная выставка в Берлине в 1922 году и Выставка современного русского искусства в США. Особого внимания заслуживает Первая русская выставка, представившая в 1922 году в Берлине 180 работ художников из Советской России и эмигрантов. Затем она была показана в Амстердаме. Как считает А. В. Толстой, эта «экспозиция подняла авторитет русского авангарда на Западе», оказала заметное влияние на европейских художников. Он также отмечает, что одним из ее последствий стал «необратимый процесс размежевания внутри некогда цельного организма русского искусства, что с неизбежностью привело к возникновению двух независимых, но генетически связанных друг с другом потоков, двух парадигм, в которых развивалось русское искусство в XX веке, — то, что создавалось в самой России, и то, что жило за ее пределами» [6]. И тем не менее это была лишь одна из первых совместных выставок советских и эмигрантских художников. В 1924 году на Парижской Международной выставке декоративных искусств и современной художественной промышленности в 1925 году эмигранты в составе советского павильона получили признание на самом высоком уровне. В 1928 году в Брюсселе в рамках программы открытия Дворца изящных искусств была организована выставка, посвященная русскому искусству. Подготовку выставки возглавляла Вера Сергеевна Нарышкина. Помимо собственно брюссельского организационного комитета выставки, был создан «художественный» комитет из русских художников Парижа, который должен был подобрать для нее произведения. Уже на первом общем собрании при обсуждении программы выставки организаторы решали вопрос о возможности включения в нее работ советских худож-

ников. Предполагалось обратиться к советским художникам, участвовавшим в это время в американских выставках, с просьбой о предоставлении произведений. Скоро выяснилось, что вещи из СССР и лимитрофных государств доставить сложно; они могут затеряться, проходя через ряд стран и таможен. Работы советских художников решено было поискать в Париже. По мнению исследователя Н. А. Авдюшевой-Лекомт, переправка работ, скорее всего, шла частным образом, «на свой страх и риск» художники сами отправляли свои картины из СССР. В доказательство этого она приводит письмо художника Василия Яковлева из Москвы: «...По приглашению, переданному мне Шушаевым, выслал на выставку картину “Овощи” разм. 3,8 м × 2,57 м...» Далее он поясняет, как, не повредив, снять холст и выслать в Москву. Интересно отметить, что имя Василия Яковлева было внесено в черновой список участников, по всей вероятности, уже позже, так как вписано от руки [2, с. 249]. Выставка прошла с успехом. Экспозицию отдела современного русского искусства составили свыше 500 произведений живописи, скульптуры и графики художников, проживавших во Франции (37 человек), СССР (10), Бельгии (2), Германии (1), Италии (1), Эстонии (1), США (4) [2, с. 247].

Однако не всегда вопрос решался столь гладко и просто. Зачастую это зависело не столько от концепции выставки и фактической возможности советских художников предоставить свои работы, сколько от членов организационных комитетов и от международной ситуации в целом. В 1935 году в Праге открылась «I Историческая выставка русской живописи и скульптуры (XVIII—XX вв.)». Одним из ее инициаторов и организаторов был Н. Л. Окунев. Согласно его концепции, экспонаты предоставлялись художниками-эмигрантами и частными собирателями из Европы. Окунев подчеркивал, что представленный материал воссоздавал точный, без политических влияний образ художественного развития за последние двести лет существования русского искусства [11].

Однако в ходе подготовки осуществление данного проекта привело к серьезным разногласиям внутри рабочей комиссии. Часть группы хотела пригласить к участию советских художников, другая — отрицательно относилась к этой мысли. Ко вторым относился и Н. Л. Окунев. Дело здесь было не в его личном отношении к работам советских художников, сколько в опасении, что из-за них в выставке откажутся участвовать художники-эмигранты. В свою очередь, это лишит Славянский институт, Архив и Галерею славянского искусства возможности получить в дар картины художников русского зарубежья, что являлось одной из главных целей выставки.

Сторонник приглашения К. Новотны состоял также членом аналогичного комитета Союза творческих деятелей «Манес», планирующего осенью 1935 года совместно с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (СССР) устроить выставку советского искусства из государственных коллекций СССР. Он предлагал совместить две выставки. Его поддержал искусствовед Я. Квет, отметив, что, когда выставка начинала готовиться, СССР еще не был признан Чехословакией, «теперь ситуация изменилась, поэтому мы должны подумать, не пригласить ли, хотя бы формально, представителей советского правительства». В феврале они, а также доцент

Ф. Коварны и сотрудник Галереи современного искусства в Праге В. Волавка вышли из подготовительного комитета русской выставки. К. Новотный писал, что причиной ухода является также и то, что подготовленное собрание не соответствует понятию ретроспективной выставки в часовом интервале от XVIII до XX столетий [11].

Открытие выставки было отложено. Для участия в рабочей комиссии были приглашены новые члены, которые провели экспертную оценку выставочных материалов на предмет их «художественного уровня». «Уровень» экспонатов их удовлетворил. Однако и на самом открытии, и в публикациях о выставке, в силу изменившихся отношений с СССР, как извинение за то, что советских работ на ней не было, рефреном звучали слова: «Выставка русского искусства XVIII–XX вв. начала подготавливаться в то время, когда ЧСР еще не состояла в нормальных отношениях с СССР и когда невозможно было помышлять о получении картин прямо из России... Поэтому Вы увидите на нашей выставке русского искусства только часть его, то, что мы смогли в существующих условиях, без излишних трудностей, представить... Вы, однако, будете удивлены тем, как много произведений русского искусства нашлось у нас, это доказывает, что чехословацкий народ высоко ценил и уважал не только литературу, но и живопись великого братского народа» [11].

Третья группа выставок — экспозиции работ русских эмигрантов, демонстрирующие их связь с СССР. Все они прошли в Париже. С 21 июня по 19 июля 1936 года в галерее Зак экспонировалась выставка «Нашего союза». Как отмечалось в печатном органе этой организации: «Объединяющим признаком... художников является убеждение, что художественное творчество невозможно в отрыве от великого социального и культурного строительства, происходящего сейчас в Советском Союзе» [12]. В ней приняли участие Анненков, Барт, Васильева, Воловик, Гончарова, Гримм, Добринский, Ирис, Карский, Кикоин, Козинцева, Кольская, Ларионов, Левин, Лурье, Мансуров, Морозов, Пикельный, Питум, Попеско, Пуни, Сегаль, Сутин, Терешкович, В. Фальк, Р. Фальк, Шагал, Шапиро, Шацман, Шлейфер, Экстер, Эпштейн, Эфрон. Скульпторы: Бессмертный, Грановский, Инденбаум, Хаджиева. Организация выставки, как указывалось в газете «Наш союз», поднимала «целый ряд принципиально важных проблем, которые сейчас горячо обсуждаются в Советском Союзе и которые, иногда несколько по-иному, становятся и для художников, работающих на Западе». Ю. Анненков охарактеризовал ее как первую художественную выставку, расширяющую работу по объединению русских деятелей искусства во Франции, стоящих на советской платформе. При этом надо отметить противоречивость его статьи с учетом того, что основным направлением развития советского искусства в то время являлся соцреализм, а он высказывал негативное отношение к «копированию» действительности. Задачей художников-эмигрантов Ю. Анненков видел перенести свой профессиональный опыт на почву СССР [12].

Предшественником этой выставки был журнал «Удар. Художественно-литературная хроника Ромова», издававшийся в Париже еще в 1922–23 годах. Это был орган русских художников и писателей, стремящихся к обновлению литературного языка и искусства. Журнал открыто демонстрировал лояльное отношение к советской

России и негативное, часто ироничное, отношение к литературной эмиграции. Такую позицию в значительной степени определяли С. Ромов и В. Барт, которые позже вернулись в СССР. В журнале печаталась реклама органа московской художественной группы «Маковец», с которой предполагался обмен статьями и репродукциями. В феврале 1923 года редакция журнала организовала выставку русских художников в галерее La Licorne; часть произведений с выставки поступила на благотворительный аукцион в пользу журнала. В апреле 1923 года в этой же галерее состоялась еще одна художественная выставка как часть программы вечера, посвященного поэту Б. Божневу. В марте 1923 года журнал выступил в числе соорганизаторов однодневной выставки эскизов и макетов декораций московского Камерного театра, гастролировавшего в Париже (кафе «La Closerie des Lilas»).

Есть сведения, что эмигранты участвовали в советских выставках в 1920—1930-е годы не только во Франции, но и в Италии.

Традиция просоветски ориентированных выставок была продолжена в военный период (с 1944 г.) и первые послевоенные годы. Организацией выставок занимались комитет «Франция — СССР» и «Союз русских патриотов» (в 1945 году после слияния с «Союзом друзей Советской России» преобразован «Союз советских патриотов», с 1947 года переименован в «Союз советских граждан во Франции»). В последнем была создана художественная секция, возглавляемая Надеждой Ходасевич-Леже. Было организовано 9 выставок: ноябрь 1944 года — выставка творчества русской молодежи; февраль 1945 года — благотворительная выставка-аукцион в пользу бывших советских военнопленных и депортированных; май 1945 года — показательная выставка русского искусства, в которой участвовали 69 русских художников и скульпторов; июнь 1945 года — камерная выставка 6 русских художников; июль 1946 года — выставка «В честь победы», на которой были представлены 90 русских художников и скульпторов; июнь — июль 1947 года — две совместные русско-французские выставки; ноябрь 1947 года — две небольшие выставки русских художников, на которых почти не было известных в Париже имен [13].

Несколько проще решался вопрос о совместных выставках эмигрантов с иностранными художниками. Хотя и здесь не все было просто. По мнению историка искусства А. В. Толстого, художники из России довольно редко «смешивались» со своими европейскими коллегами — не только на выставках, но и в сфере профессионального и даже повседневного общения. Тем не менее ряд французских, бельгийских, немецких, итальянских выставок опровергает эту точку зрения (см. например: Выставка художников Восточной Европы (Брюссель, 1936), Первая международная художественная выставка (Дюссельдорф, 1922), Международные биеннале искусств в Венеции, французские выставки «Семи иллюстраторов», «47-ми художников Монпарнаса», «Сотня с Парнаса», «Салон Франка» и др.). Участие русских художников в *Осеннем салоне*, *Салоне независимых*, проходивших в Париже, стало традиционным (последний предпочитали мастера авангардных направлений). А один из наших бывших соотечественников (Леон Зак) даже учредил в 1929 году *Салон сверхнезависимых*. В США русские художники также достаточно часто участвовали в сов-

местных экспозициях, в частности в ежегодных международных выставках живописи института Карнеги.

Как видим, политика, а особенно взаимоотношения стран пребывания с СССР и отношение самих русских эмигрантов к творчеству советских деятелей культуры оказывали самое серьезное влияние на выставочную деятельность художников русского зарубежья.

Список использованной литературы

1. Вздорнов Г. И., Залеская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже : в 2 т. Т. 1. М. ; Париж : Прогресс-Традиция, 2002. 599 с.
2. Авдюшева-Лекомт Н. А. О выставке русского искусства в Брюсселе 1928 года // Известия Уральского государственного университета. Сер. первая: проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 52. С. 241–261.
3. Климова О. Н. Русская эмиграция и советская интеллигенция: проблемы культурного взаимодействия: 1920–1929 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008.
4. Луначарский А. В. Об изобразительном искусстве // Правда. 1926. 5 июня.
5. Каталог выставки современного французского искусства / вступ. ст. А. В. Луначарского, П. С. Когана, Б. Н. Терновца, А. М. Эфроса. М. : Изд. комитета выставки, 1928. 72 с.
6. Толстой А. В. Русская художественная эмиграция в Европе. XX век : автореф. дис... д-ра искусствоведения. М. : Российская академия художеств, 2002.
7. Выставка американских художников «Джон Рид Клуб» : каталог. М. : Изогиз, 1931. 48 с.
8. Варшавский Л. Р. Художники Джон Рид клуба // Раби. 1932. 10 апр.
9. Терновец Б. Под знаменем Джона Рида // Бригада художников. 1932. № 3.
10. Алешина Л. С., Яворская Н. И. Из истории художественной жизни СССР: интернациональные связи в области изобразительного искусства. 1917–1940 : материалы и документы. М. : Искусство, 1984. 367 с.
11. Янчаркова Ю. Н. Л. Окунев и самая крупная выставка русского искусства в Праге. URL: <http://www.artrz.ru/download/1804894180/1805172601/2> (дата обращения: 16.03.2019).
12. Выставка «Нашего союза» // Наш союз. 1936. № 7–8 (79–80).
13. Художественный отдел Союза советских патриотов. Париж, 1945–1947 // «История и архитектура русского зарубежья». URL: <http://www.artrz.ru/articles/1805015562/index.html> (дата обращения: 10.09.2016).
14. Янчаркова Ю. Коллекция профессора Окунева. Как в межвоенной Праге сохраняли русскую живопись // Родина. 2006. № 4. С. 93–95.
15. Янчаркова Ю. Н. Л. Окунев, Архив и Галерея славянского искусства // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии : сб. ст. М., 2008. С. 140–147.
16. Янчаркова Ю. Н. Л. Окунев (1885–1949). Опыт создания коллекции и архива // Архивы и историческая наука : материалы Междунар. межвуз. студ. конф. 23 апреля 2008 г. СПб., 2009. С. 144–149.

17. Янчаркова Ю. Историк искусства Н. Л. Окунев (1885–1949). Жизненный и научный путь // История и историки : историографический вестник. 2009. Т. 2007. С. 239–280.
18. Янчаркова Ю. Н. Л. Окунев и самая крупная выставка русского искусства в Праге. URL: <http://www.artrz.ru/download/1804894180/1805172601/2> (дата обращения: 10.09.2016).
19. Míšková A. Slovanský ústav v ČSAV v letech 1952–63 (od reorganizace k likvidaci) // Slavia. 62. 2. Praha, 1993. S. 157–174.
20. Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace // Slovanský ústav v Praze. 70 let činnosti. Praha, 2000. S. 85–88.
21. Jančárková J. Nikolaj Okunev und die «Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18. –20. Jh.) » // Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert: Religiöses und kulturelles Leben, Russian Culture in Europe 4, Frankfurt am Main, 2008 (ed. A. Davids, F. Poljakov). S. 215–234.
22. Булгаков В. Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939) // Ариаварта. 1999. № 3. С. 149–199.

Зыковская Наталья Львовна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Россия, г. Челябинск, ladoga122@gmail.com

УДК 821.161.1

Актуальные образы современного литературного героя в контексте культурно-художественной политики влияния на аудиторию

Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ № 3200.2018.6), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Аннотация. Диагноз времени, поиск «лица», выражающего его актуальные ценностные смыслы возможен в пределах символического пространства современной художественной прозы, представляющего собой совокупность идей, мировоззренческих конструктов, своеобразный код восприятия себя в мире, репрезентируемый через образ героя произведения как тип культурного героя. На массиве рейтинговых художественных произведений (2017–2019 годы) автором выявляются наиболее популярные типы культурного героя, транслируемого в современной художественной прозе. Анализ лидирующих произведений позволил систематизировать приоритетные линии репрезентации современного героя.

Ключевые слова: современная литература, культурный герой, ценности, аудитория.

Doctor of Sciences in Philology, Professor at the Department of Russian language and literature, South Ural state University, Russia, Chelyabinsk

Actual images of the modern literary hero in the context of cultural and artistic policy of influence on the audience

Abstract. The article is devoted to the study of the popular type of cultural hero, broadcast in modern Russian prose. On the analysis of rated works of art (from 2017 to 2019), the author summarizes the leading type of the hero, his socio-demographic and professional characteristics, concludes about the significant life values and attitudes of the heroes of the works broadcast to the audience.

Key words: modern literature, cultural hero, values, audience.

Отечественные критики уже давно сетуют на то, что современные авторы или в массовом порядке «вскапывают и перекапывают каменистую советскую делянку» [1], или же ориентированы на далекое прошлое страны, или устремлены в антиутопическое, чаще всего, будущее. Действительно, писатели до недавнего времени уделяли крайне мало внимания актуальным и важным художественным высказываниям, воспроизводящим значимый культурный феномен современности. Дмитрий Быков объясняет это отсутствием устоявшейся системы нравственных понятий, обусловленных «фельетонностью» и гибридной реальностью, гибридными ценностями [2]. Еще одна причина заключается в невозможности описать повседневность сегодняшней России в реалистической манере. Нынешняя Россия — «мифологическое, сказочное пространство, фантасмагорическое», Д. Быков говорит: «...никогда литература не занималась говорением правды, или она говорит правду в высшем смысле... она не фиксирует реальность, она рассказывает то, чего не было... Ведь кто бы поверил в семидесятые годы, что будет война с Украиной фактическая, что будет такое страшное падение интеллекта, что будет такое всевластие церкви, и нанопыль, и коррупция, и серьёзные споры о том, надо ли в школах преподавать Закон Божий? Ну, кто представил бы?» [2]

Эта фантасмагоричность и надреальность литературы сохранится как условие: все романы о современной России, о которых мы будем говорить ниже, в той или иной мере обладают чертами магического реализма.

Работа с современными литературными текстами (выступающими в качестве базы исследования) основывалась на следующих этапах:

1) базовая фильтрация материала — отбор художественных произведений для анализа. В качестве базового фильтра был определен принцип официальной номинации — отбор произведений, ставших лауреатами крупных российских литературных премий и конкурсов: «Национальный бестселлер», «Большая книга», «Книга года», «Русский букер»;

2) иерархическое ранжирование материала — сужение поля источников на основе рейтинга продаж произведений (первые пятьдесят позиций). Анализировались

«топы продаж» как печатных, так и электронных книг. Поскольку нас интересовала современная русская художественная литература, то иностранные произведения из рейтинга были исключены. По итогам второго этапа было отобрано 126 наименований печатных изданий и 101 наименование электронных.

На основе сопоставления обозначенных этапов (номинация в профессиональном сообществе и рейтинг продаж произведений) формировался окончательный список произведений для последующей исследовательской интерпретации. Таким образом, итоговый список включал в себя художественные произведения, имеющие различные награды и удерживающие первые позиции в рейтинге продаж на протяжении нескольких лет. Очевидно, что подобное сопоставление есть некоторое упрощение и схематизация, однако выведенный таким образом список может рассматриваться как репрезентативный ввиду того, что, с одной стороны, произведение оценено профессиональным сообществом (писателями, критиками, журналистами), а с другой — является востребованным у аудитории.

Также список рейтинговых художественных произведений (с 2016 по 2019 год) был обозначен интернет-журналом «Питерbook» — электронной версией одноименного бумажного издания. Журнал «Питерbook» («Книжный Петербург»), учрежденный Общественной организацией «Союз книжников “Слово”», является авторитетным путеводителем в пространстве книжных новинок. Таким образом, были выявлены наиболее популярные типы культурного героя, транслируемого в современной художественной прозе. Анализ лидирующих произведений позволил систематизировать следующие приоритетные линии репрезентации современного героя:

- портретная диагностика героя: социально-демографические характеристики, сфера профессиональной реализации героя, репрезентация поколенческой формации;
- локальная тематизация повествования — значимость тех или иных сюжетных линий (критерий значимости связан с драматургической концентрацией повествования, объемом внимания к той или иной теме);
- выделение ценностно-смысловых манифестаций — жизненных ценностей и установок героя, транслируемых аудитории.

Итак, выделим несколько типов современных героев, являющихся выразителями духовной жизни нации.

Герой «защитник» — это самый традиционный образ из всех выделенных нами типов героя, наиболее ярко представленный и в классической русской литературе (тип правдоискателя), и массовом кинематографе — как тип борца за справедливость, который сталкивается с системой, отстаивая нравственные идеалы. Герой романа П. Алешковского «Крепость» Иван Мальцов — историк, живет в настоящем, но связан с прошлым родом своей профессии. Прошлое для героя не абстрактное минувшее, а продолжающая болеть рана прошлого: *«...настоящий историк обязан иметь предельно оголенные нервы, постоянно страдать, переживая то, о чем пишет, даже упиваться человеческой болью, из которой соткана история»* [3]. При этом его связь с настоящим весьма условна, герой не научился быть современным, несмотря на то что он не стар (Мальцову около 50 лет), современность ему противна: *«Слово “га-*

джет” вызывало у него рвотный рефлекс, и они часто ругались с Ниной из-за его старомодности: ни тебе джипизса в разведке (впрочем, он был у молодых), ни ридера, ни айпада, ни айфона. Он называл их “мутью”, пасовал перед ними, научился только играть в маджонг» [3]. Общие жизненные неудачи, такие как уход жены, предательство друзей, увольнение из музея, закрытие экспедиции, которая является делом жизни Мальцова, формируют стойкое ощущение неудовлетворенности современностью с ее продажностью и коррупцией, но в то же время позволяют сосредоточиться на важном — защитной функции. Не зря Мальцов — потомок легендарного монгольского воина: доблестное и воинственное в нем реализуется вне всяких компромиссов. Обладая внутренней крепостью, герой неистово отстаивает подземную крепость XV века и гибнет, его самого замуровывают под землей. Жизнь идет дальше, уже без героя, *«вскоре начались крымские события — деньги, заготовленные на реставрацию Крепости, урезали, урезали, пока не урезали совсем»* [3].

Еще один герой современности — «дауншифтер», наиболее очевидно воплощенный в романе А. Рубанова «Патриот» [4]. Это, как и герой «защитник», уже немолодой человек (48 лет). Портретные характеристики героя в романе скупые, внешний образ создается несколькими штрихами и являет пример «новой мужественности»: *«...без признаков живота и лысины, наполовину рыжего, наполовину седого, тёртого, жилистого, расчётливого, азартного, безошибочного — да вдруг сотворившего все ошибки разом»* [4]. Жизненную историю героя нельзя назвать простой. С нуля создал собственный бизнес, стал банкиром, создал семью — все это за пределами текста. К началу романа Сергей Знаев владеет убыточным супермаркетом, который называется «Готовься к войне». Героя сильно занимает создание нового дизайна российской телогрейки, *«заново придуманной и хорошо сшитой»*. Это посильный вклад Знаева в российскую жизнь. Патриотом в романе назван манекен, *«одетый в <...> солдатские берцы, чёрные хлопковые штаны, подпоясанные солдатским ремнём, телогрейка и тельняшка, обтягивающая выпуклую пластмассовую грудь»* [4]. Настоящий же патриотизм оказывается никому не нужен: «Ты что, типа патриот? — Конечно, — ответил Знаев. — А ты — нет? — Если ты патриот, хули же ты сидишь тут, в Москве? Езжай туда» [4].

Герой живет в настоящем, в современной Москве с ее узнаваемыми реалиями, но, как и многие герои современности, тесно связан с прошлым, с девяностыми годами XX века, временем его молодости: *«...все были голодные, весёлые, все пили скверное разливное пиво, все рассчитывали в самое ближайшее время стать миллиардерами, а вокруг юных красивых мечтателей ходила тёмным ходунком непонятная новая страна, настоящая терра инкогнита»* [4].

Несмотря на то, что настоящее дарит Знаеву много приятных сюрпризов — новообретенного сына, новую любовь прекрасной юной художницы, герой не может только принимать «подарки судьбы», он сам привык быть деятельным. Жизненная позиция героя — позиция активная. Если мир несовершенен, если проект Бога не удался, то герой готов встать на место творца: *«В этом мире всё начинается с таких, как я. С тех, кто делает. Сначала надо что-то сделать <...> А уж потом <...> по-*

является всё остальное: государство, полиция, пенсионные фонды, войны, внешняя политика. В этом мире я — главный. Я превращаю пустоту в содержание» [4].

Однако в реальности, что восторжествовала во втором десятилетии XXI века, таким, как Знаев, места нет. И Знаев бросает свой магазин, отвергает все счастливые авансы судьбы (любовь, отцовство, возможности самореализации), собирается на Донбасс сражаться, но неожиданно уезжает в Лос-Анжелес и там пропадает в океанской пучине вместе с доской для серфа. Перед нами еще один современный герой, жизнь которого не совместима с современностью.

Другой тип героя, о котором следует сказать, — это «сталкер», иллюстрацией которого становится главный герой романа Д. Глуховского «Текст» Илья Горюнов [5]. Такое название этот тип получил на пересечении смыслов понятия: «сталкер» — как человек, исследующий «зону» иной жизни, и «сталкинг» (от англ. *stalking* — преследование) — своеобразная форма преследования, одержимости жизнью другого человека. Герой романа молод, ему 27 лет. И он только что вышел из тюрьмы. Илья Горюнов, как и все вышеназванные герои, скиталец, неприкаянный и одинокий. Несправедливо осужденный на семь лет, покинутый возлюбленной, преданный друзьями, лишившийся матери, которая умерла за день до его возвращения. Единственное немногое, что есть у героя, — это свобода. Убивая своего главного врага (майора полиции Петра Хазина, называемого Сука), герой реализует модель «мстителя» (разрушительную), не испытывая ни раскаяния, ни облегчения: *«Илья глянул себе внутрь, в муть. Жалости к Суке там не было. Раскаяния в том, что убил, не было тоже. Не горчило от греха. Хотелось бы почувствовать торжество справедливости: это ведь единственный раз с ним в жизни, когда бог отвернулся и Илья успел по-своему справедливость навести»* [5].

Герой-сталкер ощущает свою богооставленность: *«Набрал богу. Постоял, послушал у себя в груди. Шли долгие гудки. Никто не отвечал. Связи не было. Или, может, у него тоже режим “не беспокоить” включен был. Вроде все и правильно сделал, а всё равно — в ад. На земле жизнь так организована, чтобы все люди непременно в ад попадали. Особенно в России»; «За богом грешники гоняются, мусолят его, с рамсами пристают. Праведному человеку с богом, как с водителем автобуса, — не о чем разговаривать. Маршрут ясен: довез — вышел»* [5].

Следующая ступень героя после разрушения — созидательная. Это жизнь взаимности, украденная жизнь. Айфон убитого Хазина (фото, видео, контакты, смс, электронная почта, заметки) позволяют герою реализовать модель «творца», за ограниченное количество дней (меньше семи) успеть сделать то, что может вместиться в пределы одной жизни: «осчастливить» возлюбленную врага, сделать так, чтобы она почувствовала, что любима; спасти жизнь ребенку своего врага, утешить мать своего врага, помириться с его отцом.

В финале романа Глуховского герой тоже, как и герой Рубанова, рассматривает вариант побега в жаркие страны, делает загранпаспорт, но жертвует собой ради девушки, которую полюбил заочно по тому, какой она сохранилась в телефоне Хазина. Исход героя реализует модель «святого»: *«...телевизор продолжал работать, когда*

Илью, истыканного гранатными осколками, выносили из квартиры, завернув в простынь. Было немного похоже на святого Себастьяна» [5].

Следующий тип, о котором пойдет речь — это герой-«посторонний», воплощенный в Петрове, герое романа Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» [6]. Сам автор в интервью называет Петрова застывшим, замершим в четырехлетнем возрасте человеком. *«Его замороженный разум и мысленные конструкции просто обрели взрослый опыт: рабочий, родительства, но остались на детском уровне» [7].*

Петров, как и герой-сталкер, молод (ему 27 лет). В последние дни года (дни всеобщей предновогодней магазинно-подарочной истерии), заболевая гриппом и от этого находясь в состоянии галлюцинаторном, притягивая к себе разнообразных сумасшедших, герой бродит по промозглому Екатеринбург.

Скитания и воспоминания детства составляют основную канву романа. При внешней бессобытийности и отсутствии видимых трагедий герой ощущает себя на руинах собственной жизни: *«...он особенно остро почувствовал те руины, в которые обращена была его жизнь, при том, что руин не было, была семья, работа, все были относительно счастливы, но Петров видел именно руины» [6].* Герой, казалось бы, имеет свое место в обществе, у него есть профессия и семья, но он нигде и ни в чем не ощущает себя своим: *«Петров понимал, что сам виноват в этом отношении к себе, потому что кто он, в конце концов, такой? Ни автослесарь, ни художник, ни отец, ни муж, то есть вроде бы и все это вместе, и в то же время не является ничем этим полностью» [6].* Не являться ничем «полностью» заявлено автором на уровне некоей двойственности и даже антагонистичности внутри в каждой из этих жизненных номинаций: профессии, социального статуса, семейного положения: *«Он будто вышел из некоего тумана, в котором блуждал очень долго, и оказалось, что вот он сидит в своей машине, у него ребенок, жена, какие-то друзья — и все совершенно чужие» [7].* Невозможность героя ни в чем состояться полностью дает возможность усомниться в наличии в жизни героя семьи и друзей: *«Никакой Петровой нет — это выдумка Петрова и часть его самого. Это фантом, его раздражение, вытесненное в литературу»; «и Сергея никакого отдельного не было, а потому и уподобляться некому. Сергей — это тоже Петров, сжегший свои литературные опыты, художественно воплотивший один из своих детских снов»; «Так что остается один Петров. И, вполне возможно, действительно в гриппе. А все остальные — “призраки его воображения”» [8]* — эти заявления критика Николая Александрова подтверждаются некоторыми сюжетными «фокусами» романа. Сам автор в интервью «Писание и сумасшествие равнозначны» соглашается с мнением критика, заявляя, что такие трактовки вполне объяснимы: *«Но в этом я сам виноват. Не надо было называть “Снами Петрова” вторую или, кажется, третью главу» [9].*

Не зря сам Петров соотносит себя с героем «Бойцовского клуба» Паланика Эдвардом Нортонем, человеком без имени, человеком без свойств. Алексей Сальников мастерски передает ощущение человека, который вдруг понимает, что он не главный герой своей жизни, а «герой некоего ответвления в некоем большом сюжете»,

«вроде эвока на своей планете, пока вокруг происходила античная драма “Звездных войн”», «вроде унылого Робина, женатого на женщине-кошке, в то время как параллельно ему жил мрачный Бэтмен» [6].

Чужой и посторонний — эти ощущения героя вызваны не внешней реальностью и только отчасти гриппом, а внутренним разрывом: *«Петров не мог объяснить это словами. Это было какое-то чувство, чувство, что все должно было происходить не так, как есть, кроме той жизни, что у него, еще какая-то, это была огромная жизнь, полная совсем другого, неизвестно чего» [6].*

Последний тип героя — «двойной агент». Лена — героиня нового романа А. Сальникова «Опосредованно» [10] — простая учительница, живет до предела шаблонизированной будничной жизнью: окончание школы, поступление в пединститут, переезд из Тагила в Екатеринбург, замужество, рождение девочек-близнецов, весь комплекс семейно-бытовых проблем и реалий. При этом «опосредованно» — это та внешняя жизнь, стертость обыденного бытия, которая только опосредованно отражает глубинное и важное, в данном случае то, что Лена существует в другой реальности — поэтической: *«...отражения в окне и столешнице становились неживыми и плоскими, ничем не могущими удивить, затем, вместе с ощущением телесной карусельной или качельной жути опять приходило одушевление: снова Лена смотрела на Лену, лампа смотрела на Лену, лампа смотрела на себя, отражение лампы смотрело на Лену, при этом самой Лене то казалось, что она никуда не смотрит, а просто оказалась в точке пересечения нескольких взглядов, то — что она способна фиксировать своим взором сразу несколько точек в разных частях комнаты» [10].*

Элемент, вносящий антиутопичность в, казалось бы, семейно-бытовой роман, это то, что в мире героев «Опосредованно» «стишки» приравнены к наркотикам, стоят дорого и доставать их надо нелегально. За создание и распространение «литры» положен срок. Писать стишки опасно — можно умереть от «холодка», дописав собственное стихотворение. Однажды героиня «попробовала» стишки, после чего случился «приход».

Потом Лена сама начинает писать стихи, становится одним из тайных авторов, ее «стишки», распространяются по стране. *«Наркотик Лены был всегда с ней, она будто ходила со шприцем в вене — нажми только поршень. И дело было не в одной только возможности ширнуться: ей нравилось писать стишки, и то чувство, когда они еще только складывались, не находя выхода, было интереснее и приятнее всего, чем она занималась в жизни» [10].* Бывший муж замечает эту половинчатость героини: *«По-другому все это выглядит, Лена, — ответил Владимир. — У меня же было ощущение, что я только с частью тебя живу, а есть еще одна Лена, у которой неизвестно что творится. Будто у тебя вторая жизнь есть, более интересная, но ты мне ее не показываешь» [10].*

Как замечает критик Татьяна Сохарева, у Сальникова «практически все героини шиты по гоголевским меркам — не красавицы, но и не дурной наружности, ни слишком толсты, ни слишком тонки. Попросту говоря, они никакие. Единственное, что

позволяет им возвыситься над пожирающей нас повседневностью, — это меняющие их сознание мании и болезни» [11].

Фантазмагоричность происходящего заключается не только в том, что «стишки» находятся вне закона, но и в том, что Лена замечает, как в ее жизни *«все окружающее было полно деталями, совершенно осознанно пригнанными одна к другой»* [10]. Это, по словам Л. Масловой, «усугубляет онтологическую двусмысленность, присущую сальниковским персонажам, отчего нельзя быть твердо уверенным, что кто-то из действующих лиц просто-напросто не мерещится остальным» [12].

Многие критики упрекают Сальникова в чрезмерном нагнетании бытовых подробностей («рассказ о бывших женах бывших мужей, их детях, родителях, пасынках, — носящих к тому же самые обыкновенные незапоминающиеся имена — Владимир, Дмитрий, Вера, Ольга и т. д.») [13] и в том, что два этих плана, бытовой и поэтический, плохо пригнаны друг к другу: «Как бы то ни было, вместе две эти линии не сходятся. Более того, читатели, которым подавай “про стишки”, едва ли станут вникать в перипетии Лениных родственных связей» [14].

Но все же именно подробность бытового плана необходима автору для того, чтобы оттенить интенсивность внутренней жизни героини. «Стишки» вносят в инерцию будней элемент дисбаланса (как грипп изменяет сознание Петровых). Героиня живет в мире, где не только «стишки» напоминают людей, но и люди совпадают с той или другой разновидностью стишка: *«...близнецы были попеременно как восходящий и нисходящий скалам, Никита как ривер, Ольга и Маша как будда, а Вова как тауматроп»* [10]. Даже в самой организации текста романа зашифрована, как всегда у Сальникова, скрытая информация. Названия глав (их десять) представляют собой строчки стихотворения, написанные героиней, таким образом, образуя строфу из 10 строк — дециму.

Тип героини получается вполне эскапистский, несмотря на включенность в социальный и семейный уклад, главные ценности персонажа носят эстетический (даже импрессионистический, во внимании к ускользающим деталям, в способности видеть нюансы светотени, слышать отзвуки и чувствовать форму) характер и полностью реализуются только через мир искусства.

Егор Михайлов в статье «"Опосредованно" Алексея Сальникова: новый роман от автора "Петровых в гриппе"» замечает, что в русской литературе «в кои-то веки появилась героиня, которая похожа на настоящую живую женщину. Как правило, персонажи-женщины в жанровой литературе описываются парой расхожих штампов: жена героя, любовный интерес героя, светлый идеал героя — или, наоборот, воительница, прорубающая себе путь в суровом маскулинном мире. Лена в романе "Опосредованно" не сводится ни к тому, ни к другому» [15].

В Лене постепенно, со временем, формируется мировосприятие поэта, что хорошо знакомо Алексею Сальникову, который сам определяет себя прежде всего как поэта, задачей которого было, как сказано в аннотации к книге, «показать, насколько литература сначала захватывает, увлекает, развлекает, как в детстве: будто цирк, аттракционы или зоопарк, а потом сливается с повседневностью настолько, что даже

шрам этого сращения постепенно пропадает». Новый тип героя — не живет в башне из слоновой кости, это человек, интегрированный в общество, который не отстраняется от обычной жизни, полной нелепостей, сора, ссор, банальностей и красоты. Поэт перерабатывает, перемалывает реальность, и именно на этой почве (да, как у Ахматовой) и через эту почву прорастают стихи или «стишки», как их полупрезрительно называет героиня. Здесь можно вспомнить «Египетские ночи» Пушкина: «...когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал истинное счастье» [16].

Можно подвести некоторые итоги. Во-первых, это амбивалентный герой, вмещающий в себе противоположности: филолог, нежная и пылкая натура и хладнокровный убийца; автослесарь и художник комиксов; разрушитель и созидатель. Во-вторых, жизненная позиция героя также заключается в наличии двух полюсов: с одной стороны, разочарованность, уязвленность несправедливостью, неудовлетворенность жизнью, отрешённость. С другой — культ Прометея и Данко, убежденность и ответственность, высокая гражданственность, необходимость конкретного дела, путь служения и желания встать на место Бога, чтобы спасти не каких-то абстрактных, но вполне конкретных людей. В-третьих, у всех героев неустойчивое, шатающееся, бликующее мироощущение (это связано с несколько измененным состоянием сознания героев от высокой температуры, от алкоголя, от усталости). Общей для всех героев становится тема безумия: «Стоило только Петрову поехать на троллейбусе, и почти сразу же возникали безумцы и начинали приставать к Петрову» [6].

Производным такого мироощущения является мотив «тонкого сна» — это и сон, и галлюцинации, различные видения наяву со стертой границей между сном и явью. Сны создают смешанную, дополненную реальность. Все авторы используют визионерские мотивы и образность (герои видят и беседуют с чертом, с колдуном). У Алешковского введены сны-видения (исторические и онейрические) о монгольском воине Туган-Шоне — параллельная история героя в нескольких временах, инкарнация Ивана Мальцова. У Сальникова есть глава «Сны Петрова», сны, расширяющие пространство романа; сон в «Тексте» рисует счастливую жизнь героя с девушкой убитого им Хазина. В-четвертых, всех героев объединяет связь с прошлым. В романах присутствуют пространные флешбэки в советское прошлое: детство и юность героев. Это книги про потерянное поколение, которое выросло на руинах СССР и которое «потеряло себя на задворках жизни и при этом живёт в собственном выдуманном мире. Оно ищет человека в человеке и всё ещё надеется на лучшее» [17].

Все герои — наследники классической литературы, проходящие свои дантовы круги, блуждающие среди миров «очарованные странники» или «улисссы», родные братья правдоискателей Шукшина, проваливающиеся в «загулы “ангелического пьянства”» Венички, возвращающиеся на место преступления Раскольниковы, Данилы Багровы своего времени. Они, без сомнения, культурные герои, проходящие через пространство хаоса и устанавливающие там законы порядка, и только отчасти лузеры, терпящие крах, не умеющие ничего сделать с собственной жизнью. Герой современно-

го романа — фигура социально и исторически закономерная, но пока не вполне осмысленная как совокупность жизненных представлений и обстоятельств. Современный герой — инструмент социально-культурного моделирования, попытка отыскать, уточнить образ героя, сотканного из примет времени, реализующего актуальные социальные стратегии, воплощающего разнонаправленные тенденции, культурного героя, который превращает хаос в гармонию.

Список использованной литературы

1. Юзефович Г. Олимпиада, хип-хоп и кочегарка: три России в трех русских романах – Сальникова, Архангельского и Немзер. URL: [http://www. meduza. io/feature/2018/05/20/olimpiada-hip-hop-i-kochegarka-tri-rossii-v-treh-russkih-romanah-salnikova-arhangel'skogo-i-nemzer](http://www.meduza.io/feature/2018/05/20/olimpiada-hip-hop-i-kochegarka-tri-rossii-v-treh-russkih-romanah-salnikova-arhangel'skogo-i-nemzer), свободный. Загл. с экрана.
2. Быков Д. Один. URL: [https://echo. msk. ru/programs/odin/1900304-echo/](https://echo.msk.ru/programs/odin/1900304-echo/). Загл. с экрана.
3. Алешковский П. Крепость. URL: [https://libking. ru/books/russian-contemporary/580071-petraleshkovskiy.krepost.html](https://libking.ru/books/russian-contemporary/580071-petraleshkovskiy.krepost.html) (дата обращения: 20.04.2019).
4. Рубанов А. Патриот. URL: [https://www. litres. ru/andrey-rubanov/patriot](https://www.litres.ru/andrey-rubanov/patriot) (дата обращения: 18.03.2019).
5. Глуховский Д. Текст. URL: [https://www. litres. ru/dmitriy-gluhovskiy/tekst/chitat-online/](https://www.litres.ru/dmitriy-gluhovskiy/tekst/chitat-online/) (дата обращения: 18.03.2019).
6. Сальников А. Петровы в гриппе и вокруг него. URL: [https://www. litres. ru/aleksey-salnikov/petrovy-v-grippe-i-vokrug-nego/chitat-online/](https://www.litres.ru/aleksey-salnikov/petrovy-v-grippe-i-vokrug-nego/chitat-online/) (дата обращения: 19.02.2019).
7. Романова А. Победитель «Нацбеста» Алексей Сальников: «Я думал, мой роман прочитают человек двести». URL: [http://www. sobaka. ru/chlb/city/books/73556](http://www.sobaka.ru/chlb/city/books/73556), свободный. Загл. с экрана.
8. Александров Н. «Петровы в гриппе». Психоанализ. URL: [https://www. colta. ru/articles/literature/17200](https://www.colta.ru/articles/literature/17200), свободный. Загл. с экрана.
9. Кузнецова Е. Писание и сумасшествие равнозначны. URL: [https://gorky. media/context/pisanie-i-sumasshestvie-ravnoznachny](https://gorky.media/context/pisanie-i-sumasshestvie-ravnoznachny), свободный. Загл. с экрана.
10. Сальников А. Опосредованно. URL: [https://www. labirint. ru/books/678028/](https://www.labirint.ru/books/678028/) (дата обращения: 20.04.2019).
11. Сохарева Т. Постсоветский Вандерлэнд. URL: [https://prochтение. org/reviews/29742](https://prochтение.org/reviews/29742), свободный. Загл. с экрана.
12. Маслова Л. На измене: поэзия как способ ухода от реальности. URL: [https://iz. ru/851759/lidiia-maslova/na-izmene-poeziia-kak-sposob-ukhoda-ot-realnosti](https://iz.ru/851759/lidiia-maslova/na-izmene-poeziia-kak-sposob-ukhoda-ot-realnosti), свободный. Загл. с экрана
13. Визель М. Выбор шеф-редактора. 5 книг недели. URL: [https://godliteratury. ru](https://godliteratury.ru), свободный. Загл. с экрана.
14. Ломыкина Н. Неоправданные ожидания: вышли два новых больших романа Сальникова и Рубанова. URL: [https://www.m24.ru/articles/kultura/18022019/ 154735](https://www.m24.ru/articles/kultura/18022019/154735), свободный. Загл. с экрана.
15. Михайлов Е. «Опосредованно» Алексея Сальникова: новый роман от автора «Петровых в гриппе». URL: [https://daily. afisha. ru/brain/11217-sensornaya-peregruzka-pochemu-stoit-chitat-novyy-roman-alekseya-salnikova/](https://daily.afisha.ru/brain/11217-sensornaya-peregruzka-pochemu-stoit-chitat-novyy-roman-alekseya-salnikova/), свободный. Загл. с экрана.

16. Пушкин А. С. Египетские ночи // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. Художественная проза. Л. : Наука, 1978. С. 245.

17. Троцевич Ю. Остров свободы, 8 августа, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа, свободный. Загл. с экрана.

Тужилкина Екатерина Михайловна,

аспирант, Московская государственная художественно-промышленная академия (МГХПА) им. С. Г. Строганова, Россия, г. Москва, ktuzhilkina@gmail.com

Кошелев Георгий Константинович,

кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусств и гуманитарных наук, Московская государственная художественно-промышленная академия (МГХПА) им. С. Г. Строганова, Россия, г. Москва, logomachia@mail.ru

УДК 7.036:32:316.77

**Современное искусство в пространстве «новых медиа»:
влияние на общественно-политические процессы**

Аннотация. Статья рассматривает блоггинг как новый вид средств массовой информации, способный влиять на политические процессы, являясь инструментом «мягкой силы» в цепочке «художник — искусство — потребитель — политика».

Ключевые слова: новые медиа, «мягкая сила», современное искусство, инструменты культурного влияния.

Ekaterina Tuzhilkina

Postgraduate student, MSA of Industrial and Applied Arts n. a. S. G. Stroganov, Russia, Moscow

Georgiy Koshelev

Candidate of Sciences in Art criticism, Associate Professor at the Department of Art history and humanities, MSA of Industrial and Applied Arts n. a. S. G. Stroganov, Russia, Moscow

**Contemporary art in the sphere of new media and its influence
on society and politics**

Abstract. The article considers blogging as a new kind of media that can influence political processes and become a tool of «soft power» in art and politics chain.

Key words: new media, blogging, contemporary art, soft power, culture, tools of cultural influence.

Одной из важнейших характеристик современных политических процессов является усиление влияния на них «мягких» инструментов воздействия. Термин «мягкая сила» в отношении политики был сформулирован американским политологом, профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в 1990 году в книге «Обязанный

лидировать. Изменение природы американской власти» [1], позднее он развил этот термин в книге 2004 года «Мягкая сила: средства к успеху в мировой политике» [2]. До Ная рассуждения о концепции «мягкой силы» встречались у итальянского философа, политического деятеля и теоретика марксизма Антонио Грамши в его «Тюремных тетрадях» [3].

«Мягкая сила» по своей сути представляет собой использование нематериальных ресурсов, например продуктов культуры, для оказания необходимого влияния на собственное население или внешнеполитические процессы без применения силового давления — жесткой силы. В актуальной политической ситуации применение или угроза применения жесткой силы уже не представляются такими эффективными, как ранее, потому что чреваты множеством отрицательных последствий для всех сторон конфликта.

Сегодня потенциально мощным инструментом влияния на внешнюю и международную политику является «мягкая сила». Именно мягкая сила дает возможность влиять на международные процессы даже странам-изгоям, которые имеют ограниченный набор традиционных ресурсов влияния, например не обладающим ядерным оружием. По словам политолога О. Леоновой, «в мягкой силе в сконцентрированном виде находит свое выражение национальная идея страны и её миссия в глобальном мире» [4, с. 29]. Также Леонова называет наиболее важные инструменты мягкой силы: инфопотоки, политический пиар, глобальный маркетинг, позиционирование страны в глобальной иерархии, язык страны и степень его популярности в мире, народная (публичная) дипломатия, туризм, спорт и культурные обмены, система образования и студенческие (молодежные) обмены, способность вести информационные войны, миграционная политика, национальная диаспора, диалог культур.

Пути развития современного искусства сегодня невозможно изучать и анализировать, абстрагируясь от политического и идеологического контекстов. Искусство зачастую является отражением доминирующих в обществе левых настроений или пропагандой правых со стороны властей. Важно помнить, что художник — это личность, которая имеет свои собственные убеждения и также участвует в политических процессах.

Сегодня процесс передачи информации стал гораздо более быстрым, культура стала более массовой, а ее распространению способствует появление глобальных средств массовой информации.

Искусство XXI века стремится задать долгосрочные влиятельные тренды, оформляющие образ жизни и мировоззрение общества. Сегодня современное искусство — это мощное средство социального воздействия, которого в эпоху безудержного развития современных медиа все труднее избежать.

В конце XX века термин «новые медиа» стал применяться для обозначения альтернативных традиционным СМИ, таких как пресса, радио и телевидение, электронных изданий. Об эволюции понятия «новые медиа» повествует аналитический обзор российских исследователей О. С. Рогалевой и Т. В. Шкайдеровой [5]. Под «но-

выми медиа» авторы подразумевают совокупность таких медиаформатов, как интернет-порталы, онлайн-СМИ, интернет-СМИ, интернет-ТВ, интернет-радио, мобильное ТВ, блогосфера, кино, рассчитанное на интернет-аудиторию, социальные сети, twitter, виртуальные сообщества и игры, а также другие ресурсы web 2.0.

Вопрос о том, можно ли считать интернет-сервисы социальных сетей новым типом средств массовой информации, а деятельность их пользователей видом журналистики, до сих пор остается открытым. Однако активная деятельность пользователей в социальных сетях говорит о том, что, даже несмотря на непрофессиональный характер, этот вид деятельности попадает под определение журналистики.

По словам Александра Кузьмина, владельца и генерального директора холдинга «Русхолтс»: «Блог — это публичная трибуна, где можно открыто выразить свою точку зрения» [6, с. 20]. По мнению Д. Б. Казариновой, в настоящее время блоги в социальных сетях, которые служат своего рода трибуной, в гораздо большей степени, чем традиционные СМИ, определяют социальную и политическую повестку дня, создают новостные поводы, бесконтрольно вмешиваются в повседневную жизнь, делая ее максимально транспарентной. При этом ни власть, ни общество не выработало действенных механизмов контроля за таким вмешательством. В результате чего многие общественные институты становятся крайне уязвимыми [7, с. 129].

По мнению Т. А. Пожарницкой, воздействие новых медиа на политику в XXI веке становится очевидным. Это происходит из-за скорости получения информации, возможности каждого человека не только получать интересующую его информацию, но и самому быть ее источником, а также возможности проведения политической рекламы и пропаганды со стороны властей или левого сектора [8, с. 139].

В 2018 году сеть независимых PR-агентств IPRN (Independent Public Relation Network) провела исследование о влиянии блогеров на потребительскую аудиторию по всему миру и пришла к выводу, что в России блогеры имеют весомое значение в B2C-сфере, так как они вызывают больше доверия, чем большинство средств массовой информации. Испанский специалист Диего Барсело (Comunicaciun Iberoamericana) утверждает: «Важность блогеров растет с каждым годом. Они становятся лидерами в своем секторе, и оказываемое ими влияние на бренд может быть выше эффекта от рекламы или традиционной поддержки СМИ» [9].

Закономерно, что активными пользователями новых медиа становятся и арт-менеджеры, крупные коллекционеры, критики, используют собственные блоги для продвижения последних достижений мирового искусства. Так, например, Джерри Зальц, авторитетный критик, получивший Пулитцеровскую премию, чье влияние на современный художественный рынок трудно не заметить, не обошел своим вниманием Instagram и создал там свой блог об искусстве, который очень напоминает его язвительные колонки в New York Magazine. Здесь есть шутки про Трампа, обилие обнаженной натуры, саркастичные замечания и редкие фотографии самого Зальца, но в основном критик публикует работы привлечших его внимание современных худож-

ников, иногда дополняя их шутливыми или информативными описаниями. Сегодня на блог Джерри Зальца подписано более 350 тысяч пользователей со всего мира [10].

Похожий личный блог ведет главный куратор и арт-директор музея Соломона Гуггенхайма Нэнси Спектор [11]. В нем она делится своими впечатлениями и мыслями об увиденных в Нью-Йорке и за его пределами произведениях искусства. Спектор — феминистка и поддерживает движение #MeToo, а ещё уделяет особое внимание произведениям искусства, созданным женщинами, мигрантами и представителями ЛГБТ+. Фраза «Me Too», которая позднее стала популярным хештегом, была впервые произнесена общественным деятелем Тараной Берк в социальных сетях в рамках проведения кампании «расширения возможностей через сочувствие» среди темнокожих женщин, которые испытали сексуальное насилие, особенно в неблагополучных сообществах [12]. С тех пор миллионы людей использовали этот хештег для того, чтоб рассказать о своём травматическом опыте, в том числе многие публичные фигуры.

Влияние социальных сетей в сегодняшнем информационном пространстве столь велико, что свои аккаунты ведут все значимые культурные институции: государственные музеи, частные художественные фонды, галереи, издательства и аукционные дома. Благодаря этому любой пользователь Facebook или Instagram может получить доступ к последним новостям галереи White Cube, издания Hyperallergic и крупнейшего в мире аукционного дома Christie's.

Неограниченный охват аудитории благодаря коммуникативным возможностям современных медиа придает особенную эффективность провокационным художественным акциям, влияние которых затрагивает сегодня не только культурный, но и общественно-политический процесс. В этом им помогает наследие одного из самых радикальных направлений постсоветского периода — акционизм. Российский художник, теоретик, лауреат Премии Кандинского Анатолий Осмоловский в интервью порталу «Московские новости» говорит об этом явлении так: «В обществе, не чувствительном к искусству, художнику приходится бить микроскопом по голове вместо того, чтобы наблюдать в него каких-нибудь полезных бактерий. Общество в России не чувствительно к искусству, поэтому наши художники начиная с 90-х практикуют непосредственный приход в само общество — это акции, интервенции» [13]. Акционизм, особенно его поздняя форма, политический арт-активизм, всегда привлекавший особое внимание СМИ, стал еще более популярной художественной стратегией, способной охватить многомиллионную аудиторию.

Придерживающиеся левых взглядов Петр Павленский, группа Pussy Riot, арт-группировка «Война», которые сложились под сильным влиянием искусства 1990-х, делают основой своей стратегии бескомпромиссную борьбу против любых ограничений гражданских и политических свобод. Возможно, среди сегодняшней молодой аудитории есть те, кто не знаком с ранней деятельностью феминистской панк-группы Pussy Riot, приостановленной арестом в 2012 году, после которого группа не совершала никаких акций на протяжении четырех лет. За эти четыре года поколение, которое в 2011 году еще могло не интересоваться современным искусством в силу возраста, вы-

росло и вступило в активную социальную жизнь. Сегодня так или иначе название группы активисток и имя одной из ее основательниц Надежды Толоконниковой вновь оказалось на слуху благодаря видеоблогу журналиста Юрия Дудя [14]. Ролик с интервью Толоконниковой, выложенный в общий доступ 10 октября 2018 года, набрал 7,5 млн просмотров, что говорит о том, что о деятельности группы узнал даже тот, кто был не в курсе о ее существовании, но является поклонником деятельности журналиста. Сама Толоконникова продолжает транслировать свои политические взгляды в личном блоге с аудиторией более 99 тысяч пользователей: «В 2019-м желаю вам введения курсов по истории феминизма и ЛГБТ-движения в школе. Дети будут смотреть киношечку про харви милка и вондер вуман, а также получать инфу на важные вопросы о том, почему все исторические фигуры мужчины и как нам жить дальше, чтобы этого не повторилось» [15].

В августе интерес общественности разгорелся вокруг пестрящей своим рекламным плакатом на фасаде ЦДХ выставки одного из самых скандальных и влиятельных уличных художников Бэнкси. Бурную общественную дискуссию вызвала новость о том, что сам Бэнкси даже не в курсе о проходящей выставке в Москве. На своей странице в Instagram он выложил переписку с одним из своих фанатов, который сообщил ему о выставке в Москве. Судя по словам «What the hell is that?» («Что за черт?») Бэнкси очень удивлен, что в России проводится выставка его работ. В ЦДХ ситуацию не комментировали, однако организатор выставки Александр Начкебия в своем интервью радиостанции «Москва FM» ответил: «Мы не связывались с Бэнкси. Об этом я говорил во всех интервью, которых я дал более 120. Мы всегда подчеркивали, что мы — не агенты Бэнкси, и он никак не связан с выставкой и не является ее организатором».

Даже если у Бэнкси есть законные основания, чтобы привлечь московскую компанию-организатора выставки к ответственности, он вряд ли на это пойдет — в таком случае ему придется рассекретить себя. Но, как прокомментировал ситуацию арт-директор галереи «Триумф» Дмитрий Ханкин, «это выставка по мотивам работ Бэнкси. Она показывает материалы открытые, на которых нет копирайта. По идее, есть такое понятие, как роялти. Да, организаторы выставки используют имидж [художника]. Но раз Бэнкси не существует, значит, выставка тоже о несуществующем персонаже. Роялти некому отчислять» [16].

Бэнкси, пожалуй, самая загадочная фигура арт-мира. С 2013 года, именно тогда художник завел свой аккаунт, Бэнкси рисует на самой заметной в информационной сфере «стене» — в личном блоге, который насчитывает 5,6 млн подписчиков. Именно столько людей видят каждую новую публикацию художника, будь то это очередной политический протест, изображение королевы и британского флага или крыса [17].

Эти несколько примеров доказывают, что художники сегодня продолжают набирать политическое влияние, нередко становясь частью частью оппозиционного движения. Так, в 2010 году Бэнкси собрал 4,5 млн руб. для участников выше упомянутой арт-группы «Война», поддержав участников арт-группы, арестованных за ак-

цию «Дворцовый переворот», в рамках которой художники рядом с Михайловским замком переворачивали милицейские машины. Художник перечислил в пользу узников «Крестов» всю выручку от продажи принтов под названием «Выбирайте оружие» [18].

Сам Бэнкси, рисуя на стенах в самых неожиданных точках мира, также занимается нелегальной творческой деятельностью, поэтому никто никогда не видел его лица и не слышал его настоящего имени. В пользу петербургских акционистов художник решил продать рисунок, изображающий человека в капюшоне и маске, держащего на поводке нечто вроде собаки. Он был отпечатан тиражом в 100 экземпляров и доступен в нескольких цветовых вариациях — серой, зеленой, рыжей и голубой.

Если говорить о России, то здесь рост акционизма, который вирусно разносился в новых медиа, обусловлен противоречивостью государственной политики и слабостью институтов гражданского общества. Именно в эпоху новых медиа акционизм приобрел большой масштаб. Новые медиа являются идеальным каналом трансляции и популяризации соответствующих идей. Как подчеркивает Н. В. Чумичева, «при нулевой политической эффективности, акции нового века имеют феноменальный социально-психологический эффект. Культурные страты населения России по-прежнему не имеют возможности участвовать в общенациональных политических, реформенных и созидательных программах, если они придерживаются леворадикального толкования. Политическую метафору современного российского акционизма отличает повышенный критицизм в отношении предшествующих культурных достижений, обостренное чувство восприятия фактов социальной несправедливости, презрение к ценностям общества потребления и попытка сдвинуть существующую систему идеологических координат, болезненная провокативность, острота и жесткость подачи художественного материала, семантический максимализм» [19, с. 79].

Уже не раз упоминаемая нами группа «Война» с самого начала объявила себя противником существующей власти. Резонансные акции арт-группы охватывают самый широкий спектр политической действительности, обозначая кризисные состояния жизни общества: политическая нестабильность, коррупция, терроризм.

Так, 7 сентября 2008 года, в день города Москвы, «в подарок мэру Ю. Лужкову» художники провели акцию «Памяти декабристов», сюжет которой демонстрировал казнь в супермаркете с участием троих «гастарбайтеров» и двоих «гомосексуалов», тем самым обличая гомофобию и ксенофобию, свойственные экс-мэру, систематически нарушавшему права секс-меньшинств и неоднократно выступавшему за введение санкций против мигрантов.

Столь же пристальное общественное внимание привлекла акция «Мент в поповской рясе» (2008), в которой участник арт-группы в рясе, надетой поверх кителя полицейского со множеством продуктов демонстративно покинул супермаркет, не расплатившись и тем самым показав тотальную безнаказанность коррумпированного чиновничества.

Первой российской акцией, получившей международный резонанс, стал «панк-молебен» группы Pussy Riot, проведенный 21 февраля 2012 года. Диалог с властью состоялся, вызвав жесткую реакцию в виде проекта закона об уголовном наказании за оскорбление чувств верующих и тюремные сроки участницам группы.

Со времен акций Олега Кулика художественные приемы политического активизма претерпели грандиозную эволюцию. Все прежние средства уже не работают поодиночке, теперь тесно переплетаются между собой.

Одним из ярчайших всплесков на арене акционизма является появление фигуры Петра Павленского. Известность пришла к Павленскому в июле 2012 года с акцией «Шов»: тогда художник стоял у Казанского собора в Санкт-Петербурге с зашитым ртом, держа в руках плакат с надписью: «Акция Pussy Riot была переигрыванием знаменитой акции Иисуса Христа (Мф. 21:12–13)». Здесь Павленский имел в виду подавление гласности, говоря о том, что Россия приобретает черты тоталитарного государства. Суд над «Pussy Riot», по Павленскому, — суд над всем гражданским обществом.

В акции «Туша» художник, завернувшись в колючую проволоку около входа в здание Законодательного собрания Санкт-Петербурга, подверг критике череду законов, направленных на подавление гражданской активности, запугивание населения, неуклонно растущее число политзаключённых, законы об НКО, законы 18+, цензорские законы, активность Роскомнадзора, законы о пропаганде гомосексуализма [20].

Все эти примеры говорят о том, что количество публичных акций растет на фоне кризисных явлений современного российского общества, находя новые каналы трансляций в альтернативных средствах массовой информации, благодаря которым получают все более широкий отклик аудитории.

Заметим, что наряду с выразителями протестных настроений в искусстве можно выделить большую группу авторов, поддерживающих правую политическую повестку и подчас открыто разделяющих идеологические установки действующей власти. Иногда их перформансы отличаются повышенной зрелищностью, будучи реализованными под открытым небом с привлечением большого количества зрителей. Особенно активны в этой области представители оппортунистического крыла уличной культуры. В крупных городах стали все чаще появляться масштабные граффити патриотического содержания на главных и наиболее заметных поверхностях в городе. Значительная их часть создана участниками молодежного движения «Сеть».

Впрочем, далеко не всегда представители «правого лагеря» современной культуры обращаются к созданию откровенно пропагандистских работ. Одним из уличных художников, лояльных к сегодняшнему политическому режиму, является уже известный за пределами России «король футуристической каллиграфии» Покрас Лампас. В юности художник много времени проводил в электричках, рассматривая граффити вдоль железнодорожных путей. Это и вдохновило его в 14 лет взять в руки баллончик с краской и начать рисовать теги за гаражами. Покрас Лампас всегда был самоучкой, а все его работы — это свободная шрифтовая импровизация. Мировую известность художнику принесла работа на крыше «Красного октября», на которую в

2015 году у него ушло 2 дня и 730 литров краски. Видеоролик этого перформанса набрал 660 тысяч просмотров в Интернете, и художник проснулся знаменитым [21]. После этого на него посыпались предложения со всех уголков мира. Он уже успел поработать с такими компаниями, как Nike, Levi's, Adidas, Lamborghini, Pirelli и многими другими, а сегодня его работы можно встретить в галереях Дубая, Гонконга, Женевы и Парижа.

Однако свои работы Покрас Лампас создает не только ради привлечения внимания. По его собственным словам, он стремится создать гармонию мировых культур через «объединенную письменность»: во многих арт-объектах художника можно найти сочетание несовместимых языков и шрифтов, например кириллицы и арабской вязи, японских иероглифов, готической и современной типографики. Лампас утверждает, что его работы должны вдохновлять людей на поиск баланса через познание разных культур. Одна из наиболее известных работ художника — «Д Ў Ā Л И З М». Она посвящена двойственности восприятия современного искусства и представляет собой манифест с ценностями прошлых поколений [22]. Его текст написан на двух языках, помогая зрителю изучить как различия алфавитов и культурных отсылок в формах букв, так и объединяя их в контексте каллиграфии будущего. Покрас Лампас последовательно нивелирует протестный потенциал уличного искусства, пользуясь правой риторикой «вечных ценностей». О своем творчестве он говорит так: «Каждый из нас оставляет свой след в обществе и даже культуре... Сто лет назад были заложены основы эпохи, в расцвете которой мы живём, творим и умираем... Мотивация к саморазвитию всегда идет через личный конфликт и провокацию. Смотрите сами, смотрите с коллегами и спорьте, кто прав» [23].

В своих работах Покрас Лампас декларативно опирается на наследие древних культурных традиций: «Осознавая важность культурного просвещения через современную письменность, я хочу выделить следующие тезисы: вместе со стиранием границ между государствами и этносами, возникает множество транзитных форм букв, которые упрощают коммуникацию в новой среде. В данный момент это особенно заметно в контексте типографики, где созданы сотни/тысячи стилизованных шрифтов: кириллица в 2018 году способна имитировать латиницу, арабицу, корейский хангыль, китайскую иероглифику и так далее, вплоть до самых редких и сложных слияний стилей. Этот пример относится ко всем алфавитам, что подтверждает мою теорию “каллиграфуризма”, основанную на мировой тенденции смешения культур и письменностей. То, что сегодня вы видите на большом рекламном баннере, через 10 лет напишут новые поколения от руки, так как они уже вырастут в новой коммуникационной среде, а через 100 лет это станет общемировой нормой. А так как каллиграфия непрерывно связана с обычным письмом, все “нечитаемые” эксперименты и культурные отсылки не будут для кого-то удивительными — ведь на этом будет основана новая коммуникация и письмо. Будущее ближе, чем вы думаете. Что дальше?» [24]

Как мы видим, анализ художественных процессов, получающих отражение в сегодняшнем медиапространстве, показывает год от года дальнейшее обострение борьбы противостоящих политических и художественных группировок, в конфликтах которых и создаются наиболее важные произведения современного российского искусства, влияние которых затрагивает все слои сегодняшнего общества.

Список использованной литературы

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, USA : Basic Books; Reprint edition, 1991. 336 p.
2. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, USA : Public Affairs, 2009. 208 p.
3. Грамши А. Тюремные тетради в трех частях. Ч. 1 : перевод с итал. Г. П. Смирнова (руководитель группы перевода), В. А. Дмитренко, П. А. Козлова, Е. Г. Молочковской, А. К. Орла, Л. Б. Попова, Ю. А. Суворова. М. : Политиздат, 1991. 560 с.
4. Леонова О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства «ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER» // Рау-Университет. 2013. № 4. С. 27–40.
5. Рогалева О. С., Шкайдерова Т. В. Новые медиа: эволюция понятия : (аналитический обзор) // Вестник Омского ун-та. 2015. № 1. С. 222 –225. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/novye-media-evolyutsiya-ponyatiya-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 13.02.19).
6. Наумова К. «Блогинг – это не только постинг» // Лица Города. Приложение к газете Коммерсантъ. 2017. 18 апр. С. 20.
7. Казаринова Д. Б. Новые медиа в современном политическом процессе // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 1. С 128–131.
8. Пожарницкая Т. А. Традиционные СМИ и новые медиа в сфере политической коммуникации // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 1. С. 137–140.
9. Как блогеры управляют общественным мнением по всему миру? The Lily News. URL: <https://www.sostav.ru/publication/kak-blogery-upravlyayut-obshchestvennym-mneniem-po-vsemu-miru-31537.html> (дата обращения: 17.02.19).
10. Зальц Д. Личный блог. URL: <https://www.instagram.com/jerrysaltz> (дата обращения: 17.02.19).
11. Спектор Н. Личный блог. URL: <https://www.instagram.com/nespector> (дата обращения: 17.02.19).
12. Ohlheiser A. The woman behind «Me Too» knew the power of the phrase when she created it – 10 years ago // The Lily News. May 15, 2017. URL: <https://medium.com/the-lily/meet-team-lily-5c7d17f774e4>
13. Осмоловский А. «Художник вынужден бить микроскопом по голове» : интервью газете «Московские новости» // Московские новости. 2012. 7 дек. URL: <http://www.mn.ru/culture/85173> (дата обращения: 13.02.19).
14. Дудь Ю. Личный блог. URL: www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHr8zJ6l7_hIuA (дата обращения: 13.02.19).
15. Надежда Толоконникова. Личный блог. 1.01.2019. URL: www.instagram.com/p/BsFqXIBg0oY/ (дата обращения: 14.02.19).
16. В Москве разгорелся скандал из-за выставки Бэнкси. URL: <https://www.m24.ru/audios/Moskva-FM/16082018/138014> (дата обращения: 13.02.19).
17. Бэнкси. Личный блог. URL: <https://www.instagram.com/banksy/> (дата обращения: 13.02.19).
18. Бэнкси собрал 4,5 млн руб для участников арт-группы «Война», 2010. URL: <https://www.infox.ru/news/49/culture/art/62216-benksi-sobral-45-mln-rub-dla-ucastnikov-art-gruppy-vojna> (дата обращения: 13.02.19).

19. Чумичева Н. В. Политическая метафора российского акционизма как односторонний диалог // Научный вестник Южного института менеджмента 2016. № 1(1). С. 76–82.

20. Культурный дневник Дмитрия Волчека. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24978110.Htm> (дата обращения: 13.02.19).

21. The Largest Calligraphy Artwork in the World, видеоклип. 2015. URL: https://www.youtube.com/watch?v=iM7GOg2qxO0&list=PLj8ZzvX-4YaUz8OMG_3eCLBVqTQpgw-_L&index=14 (дата обращения: 14.02.19).

22. Публикация в личном блоге Покраса Лампаса. 24.07.2018. URL: <https://www.instagram.com/p/BlnMnRenaXZ> (дата обращения: 13.02.19).

23. Личный блог Покраса Лампаса. 10. 10. 2018. URL: <https://www.instagram.com/p/BowOnVLnbWv/> (дата обращения: 17.02.19).

24. Личный блог Покраса Лампаса. 13.08.2018. URL: https://www.instagram.com/p/Bmap_5YHtFf/ (дата обращения: 17.02.19).

Загидулина Марина Викторовна,

доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск, mzagidullina@gmail.com

УДК 351.85:7.067

Русское кино: эстетика атмосферности в аспекте культурной политики

Аннотация. В статье представлено исследование динамики культурной политики в области киноиндустрии (поддержано РНФ, № 18-18-00007). Автор опирается на концепцию трансформации эстетического начала повседневной жизни (по Герноту Беме, это переход от «эстетического вкуса» и «эстетического суждения» Канта к эстетической феноменологии аффекта и атмосферности). Автор доказывает, что динамика управления киноиндустрией в РФ обусловлена вниманием к рыночным показателям успеха фильмов, непрофессиональной критике и отклику соцсетей, а также поиском «национальной формулы успеха», не противоречащей ориентирам глобальной аудитории. Предлагается анализ успешного российского фильма «Лед» (2018, О. Трофим, полтора миллиарда рублей сборов) как ответа на ожидания государства, национальной аудитории, условной международной публики, и анализируются риски конъюнктурного развития творческой индустрии. Основные способы создания атмосферности: сентиментальные сюжетные коды, музыкальный и хореографический сторителлинг, фасилитация культурного символизма.

Ключевые слова: киноиндустрия, эстетика атмосферности, национальная идентичность, культурная политика.

Marina Zagidullina

Doctor of Sciences in Philology, Professor at the Department of journalism and mass communication, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Russian cinema: aesthetics of the “atmosphere” as part of the national cultural policy

Abstract. The article presents a study of cultural policy dynamics in the film industry field (project supported by the Russian Science Foundation, No. 18-18-00007). The author relies on the concept of everyday life aesthetics transformation (according to Gernot Böhme, this is a transition from the Kantian “aesthetic taste” and “aesthetic judgment” to the aesthetic phenomenology of affect and creation of “an atmosphere”). The author shows that the Russian Federation cinema industry dynamics are due to the following factors: the film success market indicators, the social networks non-professional critics reviews, and the search for a “successful film national formula” which are widely accepted by the global public. An analysis of the commercially successful Russian film “Ice” (2018, O. Trofim, Box-Office 1,5 B rubles) shows that this film responds to the expectations of the state, of the national and international audiences. The risks of Russian cinema developing in this direction, i. e. as a creative industry, are analyzed in this article. The principal methods of creating an atmosphere in movies are to have sentimental plot codes, musical and choreographic storytelling and facilitating cultural symbolism.

Key words: film industry, aesthetics of an atmosphere, national identity, cultural policy.

Рассмотрение культурной политики в области кинематографии может опираться на оппозицию «культурных» и «креативных» индустрий [1], под которой понимается противостояние «дотационной» в экономическом смысле и приоритетной в идеологически ориентированной политике государства системе воспроизводства национально значимых символов (или «нагруженных» соответственной символической ценностью произведений искусства), с одной стороны, и собственно «рыночно ориентированных» способов создания артефактов, не связанных такими идеологическими обязательствами. «Культурные индустрии» соответствуют логике национальной идентичности, суверенной государственности, таких тематических центров формирования смыслов, как, например, патриотизм (в том числе и воспитываемый как любовь к национальному классическому наследию). «Креативные индустрии», напротив, реализуются в космополитической логике глобализирующегося культурного поля, пренебрегающего такими условиями, как «национальное», и подменяющего его понятием «локального» (приближенного к коммерчески значимому «плейсмейкингу»). Р. Хестанов кратко прослеживает особенности формирования этой оппозиции и суть возникающих в управлении культурой противоречий (из которых главное — слабое понимание различий культурных и креативных индустрий).

Кинематограф, развивавшийся преимущественно как искусство интернациональное, широко открытое миру, оказывается частью скрытого управленческого конфликта. Воспринимать ли его как «культурную индустрию», обязанную обладать такими чертами, как просветительский контент, этические нормы, высокие общечеловеческие ценности, национальная история, либо рассматривать его в ряду коммерчески ориентированных креативных индустрий, открывающих перспективы слома национальных

границ (и вообще сознательно и стратегически стремящихся преодолеть эти границы как помеху креативности)?

Анализируя ситуацию с поддержкой кинематографа Фландрии (национальный язык и культура Бельгии), Г. Уиллемс с соавторами замечает, что в управлении развитием кинематографа отчетливо виден поворот «от культурной политики» в сторону «креативных экранных индустрий» (когда все большие суммы выделяются не на поддержку кинематографа, например, а на развитие игровых индустрий, см. [2; 3]).

Что касается российской ситуации, то в современном управлении развитием кинематографа мы можем отчетливо видеть гибридизацию этих двух противоположных логик: на уровне правительственной поддержки и субсидий выдвигаются одновременно оба требования: и коммерческий успех (а следовательно, ориентация на индустрию развлечения, регулируемую исключительно спросом и рынком), и национальная идентичность и ценности (то есть логика «культурной индустрии», по самой сути своей субсидиарной, основанной на индоктринальном подходе «навязанных» символических моделей).

Такая «двунаправленная» форма управления кинематографической отраслью создает определенное напряжение во всей индустрии кино, лишая ясности сам подход к этому искусству: от него ждут «мирового» уровня (то есть соответствия, как минимум, голливудским стандартам качества) и российской особой смысловой нагруженности, продвигающей национальные, герметичные, локальные ценности.

В борьбе за ресурсы [4], предлагаемые на таких противоречивых условиях (см. анализ «неразборчивости» культурной политики на основе смешивания понятий «культурные» и «креативные» стратегии [5]), российский кинематограф приобретает все более выраженные черты гибридного продукта: активно осваивая «формулы успеха» лидера мирового кинематографа — американского кино, он пытается наполнить их глубоко национальным, легко считываемым российским зрителем символическим контентом. При этом важно, что само кино как вид экранного искусства (в глобальном масштабе, неприменительно к национальным вариантам) столкнулось в последние годы с мощной конкуренцией «малых» экранных форм. И если телевизионная эпоха развивалась практически параллельно с кинематографической и составляла, скорее, дополнительные возможности, то современная сетевая эпоха эти возможности у кино отнимает (во всяком случае, у полноэкранных проектов, требующих посещения кинотеатра). Но если условием получения денег на производство кино является его коммерческая успешность (а значит, кассовые сборы), то сама ситуация «похода в кино» тоже оказывается частью «навязанных» факторов и требований к создателям субсидируемого фильма.

В настоящей статье на примере успешного в российском кинематографическом потреблении фильма «Лёд» Олега Трофима (2017) показывается, каким образом российский кинематограф стремится соединить парадигмы «культурных» и «креативных» индустрий.

Прежде всего, отметим, что фильм собрал почти полтора миллиарда рублей при субсидированном государственном бюджете около 150 миллионов рублей (10 рублей

на каждый вложенный рубль при средней инвестиционной отдаче успешного кино 3,5 рубля на один вложенный рубль — см. [6, с. 239–240]). Такие кассовые сборы и большая аудитория, посетившая кинотеатры, чтобы посмотреть это кино, подтверждают, что продюсеры и режиссер сумели рассчитать суммарный эффект фильма именно применительно к его «смотрибельности» в кинотеатрах и публике, которая готова проводить время в кинозалах. С нашей точки зрения, это расчет на молодежную часть аудитории, заинтересованную в романтическом сюжете (отвечающем ситуации «похода в кино вдвоем»). Поэтому кино строится на эстетических кодах создания «атмосферы», собственно, и восполняющей дефицит смыслов. «Атмосферность» может быть рассмотрена как условие «аффекта» (терминология Гернота Беме, см. [7]), то есть эмоционального погружения, вызывающего ощущение подъема (в категориях теории использования и удовлетворения — ведущего к чувству удовольствия, независимо от типа эмоциональной доминанты — «светлой грусти», «комичности» и т. п.). «Погружающие» медиатехнологии анализировались в рамках основных трендов индустрии видеоигр, рекламы, журналистики (см. обзор подходов к анализу иммерсии как способа эстетического воздействия [8, с. 42–46]), и приложение такого анализа к завершённой истории, рассказываемой на языке кино, может открыть перспективу медиаэстетического анализа кинопродукции на стыке таких разных полей, как коммерческий успех, эмоциональный поворот в коммуникации, взаимоналожение массовой популярной культуры и эстетического вкуса, повседневные культурные практики, потребление символически и идеологически нагруженной культурной продукции и государственная политика в области управления кинематографом.

Сюжет фильма «Лёд» может быть представлен в виде краткого синопсиса: сирота из российской провинции благодаря своему упорству становится мировой звездой фигурного катания, однако это не приносит ей счастья. Хэппи-энд происходит только тогда, когда ее избранник признается ей в любви. В этой истории смыслопорождение происходит на уровне слома горизонта ожиданий зрителя в «достижительном» сюжете: спортивная победа уравнивается нравственными, жизненными ценностями (и подчиняется им). Таким образом, фильм построен на клишированной драматизации и эксплуатации спортивной темы в кинематографе (именно на перекрещивании жизненных и спортивно-карьерных ценностей и, соответственно, проблеме выбора строятся байопики известных спортсменов; в отечественном кинематографе этот прием был успешно опробован в спортивной драме «Движение вверх», реж. А. Мегердичев, 2017). Катартическая реакция зрителя обеспечивается этическим императивом: человеческое счастье воспринимается в традиционных координатах принадлежности и любви.

Эмоциональный комплекс любовных переживаний, «работающий» на молодежную (возможно, «романтически настроенную») публику, составляющую основную аудиторию кинозалов России (18–24 года, см. http://www.kinometro.ru/news/show/name/Fond_issledovanie_auditoriya_9033), представлен в фильме еще одним «шаблонным»: первый избранник героини оказывается карьеристом, которому она интересна только до той поры, пока ведет его к пьедесталу победы, но, получив травму, стано-

вится ему не нужна. Шаблонность проявляется в таких моментах, как формирование зрительского отношения к героям: несомненного сочувствия главной героине и возмущения поведением ее партнера (к тому же виновного в ее травме). Второй любовный сюжет, связанный с появлением в жизни Нади Лапшиной Александра Горина — хоккеиста, волей случая ставшего ее «нянькой» и поднявшего ее с инвалидного кресла, выстроен сложнее, чем первый: Горин, понимая, что его присутствие в жизни Нади мешает ее спортивной карьере, притворяется, что он ее не любит, говорит ей об этом, чтобы она шла вперед, не оглядываясь на него. Так как зритель понимает эту уловку героя, то сочувствие к любви персонажей получает дополнительный импульс и становится драйвером внимания в последней части фильма, достигая своего апогея в эпизоде на чемпионате: любовное объяснение героев разворачивается на фоне объявления об их дисквалификации, требований покинуть лёд, рёва стадиона и заключительного танца на льду, который они исполняют просто от избытка переполняющих их чувств, а не ради медалей и спортивной победы.

«Эмоциональное погружение» обеспечивается и за счет вспомогательных линий сюжета — например, потери матери, детских лет сироты Нади, борющейся за осуществление мечты, ее сложных и глубоких отношений с тренером, которая буквально заменяет ей мать (притом, что внешне всегда строга до ненависти). Все эти сюжетные ходы встроены в общее разворачивание действия с помощью приемов мюзикла: часть истории рассказывается с помощью хореографии и песен. Песни и музыкальное сопровождение заслуживают особого внимания: это известные хиты русского рока и других направлений, исполняемые героями фильма и приобретающими в контексте фильма новое звучание и смыслы (например, песня «Солдат» группы 5'nizza становится сюжетом, рассказывающим о суровой жизни воспитанников спортивного интерната, куда попадает Надя, а песня «Делай как я» Титомира, исполняемая Гориним и завсегдатаями спортивного зала, вмещает рассказ о том, как Наде удалось восстановить спортивную форму и т. п.). Неожиданные сюжетные контексты песен Земфиры, Цоя и многих других (в фильме более 20 саундтреков и хореографических номеров) встретили неоднозначную реакцию зрителя (тексты песен несколько изменены, все они «перепеты» актерами фильма, композитором картины и приглашенными певицами и певцами, представляя собой ремейки исходных «канонических» образцов).

Однако стоит отметить, что музыкальная часть фильма выглядит тоже как общая часть стратегии создания «формулы успеха» (так, совсем недавно в награждении киноакадемии Оскар на роль абсолютного победителя претендовал мюзикл «LaLa-Land», Д. Шазелл, 2017, награда была вручена за лучшую музыку к фильму). Здесь особенный интерес представляет само художественное решение: песни, напоминая о своих «оригиналах», становятся способом построения сторителлинга. Сюжет фильма не останавливается в момент исполнения песни, но быстро продвигается вперед, одновременно расставляя смысловые акценты и формируя вовлеченность зрителя. Так, «Пачка сигарет» Виктора Цоя задает тему добровольного самопожертвования главного героя и его возвышенного одиночества («бросить» Надю ради ее счастья и карьеры, но так, чтобы она не могла вернуться к нему, чтобы она поставила на нем

«крест» и забыла его как предателя, обидевшего ее до глубины души — «я был с тобой из жалости»). Песня «Бесконечность» Земфиры сопровождается хореографическим этюдом, рассказывающим о попытках врачей восстановить позвоночник и о печальном итоге — кресле-коляске. Эти «рассказы в рассказе» делают фильм динамичным и любопытным для отечественного зрителя, в чью «наслушанность» включены использованные для ремейков хиты.

Наконец, следует отметить такой прием вовлечения зрителя, как фасилитация культурного символизма. Под фасилитацией мы понимаем «облегченные» формы смыслопорождения. В эстетическом аспекте можно говорить об утрировании смыслов с помощью художественных приемов визуализации. Мелани Суолуэлл использует понятие «гиперэстетики», которое тоже может быть использовано для объяснения природы таких облегченных форм [9]. Именно в этом приеме можно усматривать главную тактику создателей фильма по созданию продукта, отвечающего идеологическим установкам культурной политики.

Так, фильм снят в двух основных локациях — столице и провинции. Город, где родилась Надя, назван открыто, без «сценических псевдонимов» — Иркутск. Условность, что тренировки героини и в детстве, и после возвращения домой инвалидом происходят на льду Байкала (до которого от Иркутска, стоящего на реке Ангаре, 70 километров), сделана в расчете на интернациональную аудиторию (и широкую известность Байкала как экзотической географической достопримечательности Сибири). Иркутск представлен спальными («убогими») районами и «советским» дворцом спорта, где и происходит становление героини. Историческая часть Иркутска, впечатляющая хорошей сохранностью зданий и очень интересной (по меркам провинциальных российских городов) архитектурой, никаким образом не задействована (и не нужна для формирования смыслов). Родной город Нади показан как именно «захолустье», место, откуда можно и нужно уехать, а лёд «Байкала» (Ангары?) становится условным знаком прорыва, точкой взлёта. Впрочем, выбор прозрачного льда для всех «загородных» сцен (город виден в кадре, он рядом) обусловлен и символической темой травмы Нади (когда она в своем больничном и операционном бреду оказывается подо льдом и не может выбраться оттуда), порождая общий смысл «закованности» и Нади, и ее родного города. «Облегченный» код «провинции как захолустья» особенно ярко считывается в эпизоде возвращения Нади после травмы — это выглядит как дауншифтерство и поддерживается на уровне ее взаимоотношений с семьей тетки и знакомыми из спортивной школы. В то же время столица показана как город развитой индустрии развлечений — это «тусовки», «вечеринки», ресторанный-пентхаусная жизнь, где тоже нет места собственно городу (Москве) с его историческими реалиями. Для фильма важно было противопоставить столицу и провинцию по принципу «роскошь — убогость», и именно этот код и был использован режиссером и продюсерами.

Однако идеологическая нагрузка в фильме распределяется таким образом, что «лёд Байкала» становится символом истинных ценностей, подлинного счастья героини, а «убогое» пространство Иркутска — местом обретения настоящей любви и символом состоявшейся во всех смыслах жизни. Этот смысл «подан» в фильме с помощью сентиментально окрашенных эпизодов, когда герои лежат на спине на льду, выступающем символической заменой «матери сырой земли» в сказках. На льду лежат и смотрят друг на друга в начале фильма мать Нади и сама героиня (восьмилетняя девочка), а затем — Саша и Надя. Значимость «льда как почвы» подчеркивается и противопоставлением первого партнера Нади и Саши (один «столичный» — и потому «фальшивый», второй — «иркутский», «родной», «истинный»). Точно так же строится «подача» ключевого смысла спортивной драмы — вторичности спортивной достижения по сравнению с истинными человеческими взаимоотношениями. «Облегченность» считывания этого кода обеспечивается повторами и порой прямолинейными «подсказками». Так, Горин совершенно не в восторге от задачи быть сиделкой при убитой своей судьбой Нади, и он покидает ее, беспомощную, сидящую в своей каталке на льду Байкала. Но когда он возвращается за забытой формой и с ужасом обнаруживает ее, промерзшую, все на том же месте (он был уверен, что ее заберут родственники), и она поясняет, что она сирота, то из мямлящего «подневольного волонтера» он становится настоящим защитником (эпизод его диалога с семьей тетки Нади). Тема сиротства (Горин себя тоже чувствует сиротой, потому что «мать бухает») разворачивается в эпизоде, когда Горин уговаривают Надю посмотреть «Звездные войны». Именно тема разлученных отца и сына трогает ее больше всего. Так движется через сюжет утверждение человеческих ценностей, заслоняющих любые другие способы самореализации персонажей. И даже в финале, когда полуголый Владимир Леонов (первый партнер Нади, дважды отрекшийся от нее) смотрит по телевизору вдохновенное катание Лапшиной и Горина, его тренер садится с ним рядом и ободряюще переглядывается с ним, будто говоря «жизнь продолжается, и я тебя не брошу, ты не один». Лейтмотив человечности, растапливающей «лёд карьеризма», считывается, таким образом, сквозь череду повторений и вариаций этой темы в фильме.

Завершая анализ фильма «Лёд», остается подчеркнуть, что «формулой успеха» становится «ненавязчивость» идеологического подтекста, строящегося на эксплуатации темы «русской открытости и искренности». Некоторые клише, помогающие сделать фильм интересным интернациональной аудитории, могут быть считаны по ходу сюжета: герои не пьют, но однажды герой напивается «по-русски» (от души); на льду Байкала Саша «комментирует» Надино катание, при этом уплетая мороженое (явная отсылка к мифу о фразе Черчилля «народ, который зимой ест мороженое, невозможно победить»), которое она у него отнимает и тоже с удовольствием ест; в развязке фильма на вопрос корреспондента о загубленной карьере Саша с восторгом восклицает «Да там весь стадион на ушах стоит!», ставя общую радость выше любых личных достижений и т. п. Фильм может разочаровывать подготовленную часть публики своими «фасилитированными» приемами, но построен так, что его хочется досмотреть до

конца. Интересно, что фильм уже оказался в «фэндоме» и по нему создаются фанфики (см. <https://ficbook.net/readfic/6555542>). Следовательно, сочетание культурных и креативных стратегий оказывается возможным и может привести к общему развитию российского кинематографа в этом направлении. Основной риск усиленного развития такого рода в том, что стремление ответить сразу всем задачам (в том числе противоречивым требованиям и быть популярным, и нести идеологические императивы) может маргинализировать истинно авторское кино, которым был славен советский кинематограф, и снизить возможность создания произведений искусства, игнорирующих «предзаданные нормативы» такой «формулы успеха».

Список использованной литературы

1. Хестанов Р. Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 173–196.
2. Willems G., Biltreyst D., Meers P., Vande Winkel R. From film policy to creative screen policies : media convergence and film policy trends in Flanders // Mingant N., Tirtaine C., editors. Reconceptualising film policies. New York ; London : Routledge, 2018. P. 241–246.
3. Willems G. Cinema, the Government, and the Popular: Popular and Commercial Aspects of Cultural Film Support in Flanders (Belgium) // Journal of Popular Film and Television. 2016. Vol. 44. No 4. P. 227–235.
4. Сергеев И., Романовский Р., илл. Чубич А. Как в кино: как госфинансирование российского кинематографа превратилось в конфликт интересов. URL: <https://transparency.org.ru/special/fondkino/>
5. Galloway S., Dunlop S. A Critique of Definitions of the Cultural and Creative Industries in Public Policy // International Journal of Cultural Policy. 2007. Vol. 13. No 1. P. 17–31.
6. Франовская Г. Н., Крисанова О. П., Щербинина А. Р. Совершенствование управления киноиндустрией в России // Управление изменениями в социально-экономических системах : сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. / Воронеж. гос. ун-т ; под ред. Г. В. Голиковой. Воронеж : Научная книга, 2015. С. 237–241.
7. Böhme G. Ästhetischer Kapitalismus. Berlin : SuhrkampVerlag, 2016.
8. Новикова А. А., Кирия И. В. Трансформации журналистской деятельности в контексте культурных и коммуникативных практик // Эстетика журналистики / под ред. М. А. Бережной. СПб. : Алетейя, 2018. С. 39–54.
9. Swalwell M. A Critique of the Hyper State: Aesthetics, Technology and Experience // Transformations: Journal of Media & Culture 22 – Hyperaesthetic Culture. 2012. Vol. 22. URL: http://www.transformationsjournal.org/wp-content/uploads/2016/12/Swalwell_Trans22.pdf.

Котеленец Елена Анатольевна,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, kotelenets_ea@pfur.ru

Затуловская Маргарита Саркисовна,

аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, margaret2393@yandex.ru

Лаврентьева Мария Юрьевна,

аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, mlavrentyeva@yandex.ru

УДК 316.77:070

«Красный миф» в кинематографе США

Аннотация. В статье анализируется образ России и русских в американском кинематографе в период с 1946 года по настоящее время. В работе рассматриваются процессы мифологизации «чужого=русского» на экране. Отмечается, что образы СССР и России в кинолентах не разделяются, что приводит к смешению данных понятий в общественном сознании; прослеживается использование образов, характерных для периода холодной войны. Автор приходит к выводу, что данное явление тесно связано с феноменом «paradigm blindness».

Ключевые слова: имагология, образ России, пропаганда, образ врага, холодная война, стереотипы, политический миф, идеология, американский кинематограф.

Elena Kotelenets

Doctor of Sciences in History, Professor, Department of Russian History, Peoples' Friendship University, Russia, Moscow

Margarita Zatulovskaya

Postgraduate Student, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University, Russia, Moscow

Maria Lavrenteva

Postgraduate Student, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University, Russia, Moscow

«Red myth» in American cinematography

Abstract. The article presents an analysis of the image of Russia and the Russian people in American cinematography from 1946th to the present. The paper discusses the processes of mythologization of «alien-Russian» on the screen. It is noted that the images of the USSR and Russia in the films are not separated, which leads to a mixture of these concepts in the public consciousness, traced the use of images characteristic of the Cold War period. The author comes to the conclusion that this phenomenon is closely related to the phenomenon of «paradigm blindness».

Key words: imagology, image of Russia, propaganda, image of the enemy, cold war, stereotypes, political myth, ideology, American cinema.

Современное общество вступило в эпоху стремительной глобализации, в этих условиях меняется не только экономика, но и весь мир. Имидж отдельных стран оказывает серьезное влияние на развитие внешнеполитических, экономических и социальных связей. Проблема роли общественного мнения в формировании внешнеполитического курса и политики в области обороны и безопасности государств рассматривается с точки зрения самых различных наук: политологии, социологии, международных отношений. Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью поиска новых подходов к продолжению и развитию международного сотрудничества. В этой связи особую остроту приобретают проблемы межкультурного взаимодействия. В условиях распространения массовой культуры сильнейшее воздействие на аудиторию осуществляет кинематограф. Именно он приобретает главенствующую роль в формировании социальных стереотипов, которые также транслируются в качестве политических мифов. Цель данного исследования — выявление и осмысление основных стереотипов о России и русских в американском кинематографе. Работа строится на анализе корпуса фильмов, вышедших на экраны в период с 1946 по 2018 год. Выборка осуществлялась, исходя из одного или двух факторов: место действия событий (Россия) и национальность главных героев (русские). В ходе компаративного анализа были изучены представления американцев о России, сформированные посредством кинематографа, выявлены основные стереотипы, используемые в данных кинокартинах.

Проблема политического мифа и вопроса формирования образа страны за рубежом, в том числе и в кинематографе, начала волновать историков, политологов и специалистов по связям с общественностью во второй половине прошлого века. На процесс разработки данной проблемы во многом повлияли события, связанные с холодной войной между США и СССР. Именно в этот период появились первые серьезные исследования, посвященные тому, как имидж влияет на восприятие государства на международной арене. Данная проблема была изучена в работах Н. Morgenthau «Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace» (1948), Jervis R. «Perception and Misperception in International Politics» (1976), M. Kunczik «Globalization: News Media, Images of Nations and the Flow of International Capital with Special Reference to the Role of Rating Agencies» (2000). В России данная тематика рассматривалась в работах Л. А. Зака «Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы» (1976), Э. А. Галумова «Имидж России в глобальном пространстве» (2001), В. Ю. Крашенинниковой «Россия — Америка: холодная война культур: как американские ценности преломляют видение России» (2007), В. И. Журавлевой «Понимание России в США — образы и мифы» (2012), В. В. Барабаша, Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец «Образы России в мире» (2012), «Государственная пропаганда и информационные войны» (2015). Проблемы формирования стереотипов в кинематографе отражены в работах M. J. Strada и H. R. Troper «Friend or Foe?: Russian in American Film and Foreign Policy» (1997), В. И. Щербакова «Кино как способ формирования, отражения и распространения стереотипов» (2004), Е. Шерман «Русский миф Голливуда» (2002), А. В. Федорова «Трансформации образа России на запад-

ном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991)» (2010), В. А. Ти-
раховой «Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематогра-
фе» (2018) и др.

Взаимоотношения между Россией и США во многом мифологизированы и ба-
зируются на различных стереотипах, многие из которых были сформированы в период
холодной войны. Рассматривая проблему мифа, К. Леви-Стросс отмечал, что он
(миф) «содержит в себе истоки истории (в качестве инструмента для толкования
прошлого) и следующей за ней идеологии» [1, с. 216]. В исследовании «Структурная
антропология» он писал: «Ничто не напоминает мифологию так, как политическая
идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила
первую» [1, с. 217]. Историк Б. Линкольн определял миф как «идеологию в narra-
тивной форме» [2, с. 207]. Политолог Г. И. Мусихин отмечал, что миф, равно как и
социальный стереотип, определяет, фиксирует, жизненный мир людей, приверженных
данному мифу [3, с. 104]. Также политические мифы, по мнению исследователя, бер-
рут на себя функцию «обоснования» — «позволяют своим “подопечным” сообществам
осмысленно ориентироваться в чуждом мире, который благодаря мифу становится
знакомым (хотя бы отчасти)» [3, с. 106]. Данный функционал политического мифа
тесно связан с социальными стереотипами. Важную роль в коммуникации представи-
телей разных стран играют образы и стереотипы, предопределяющие линию поведения
всех участников межкультурной коммуникации. Использование стереотипов, устояв-
шихся и закрепившихся в общественном сознании образов, позволяет экономить мыс-
ленную энергию для анализа новых, не до конца понятных или изученных явлений
действительности [4, с. 142]. Важно понимать, что стереотипы могут полностью про-
тиворечить фактам, но при этом восприниматься как непреложная истина. По мнению
исследователей, они могут «выступать в качестве руководства к действию: люди не
только опознают привычные образы, но и стараются следовать им, чтобы быть поня-
тыми другими и собой» [5, с. 226]. Одна из важнейших задач стереотипов — защита
ценностей социума, которому он принадлежит, поддержание его социальных норм
[6, с. 53]. Как отмечают исследователи, «кино, являющееся выразителем самых об-
щих и распространенных стереотипов, — это пример практического применения сте-
реотипного мышления» [7, с. 11]. По мнению социолога А. В. Павловской, кинемато-
граф достаточно полно и точно отражает поверхностные представления о той или иной
нации и в то же время наиболее активно участвует в процессе их распространения
[8, с. 20]. Это особый вид массовой коммуникации, который позволяет зрителю по-
грузиться в действие, изображенное на экране, ассоциировать себя с главным героем.
В этой связи действия и отношения такого героя воспринимаются как личные, за-
крепляются и в дальнейшем могут выступать как собственные представления индиви-
дуума, основанные на собственном опыте, несмотря на его фактическую иллюзор-
ность.

Изучая проблему образа России в США, необходимо учитывать, что основ-
ным принципом определения отношения к происходящему в России было сравнение с
американскими реалиями и устоями, которые представлялись «эталонными» и пред-

определяли дальнейшую оценку. Как отмечает историк В. И. Журавлева, американцы, посещавшие Россию и впоследствии делившиеся впечатлениями о своих путешествиях, сравнивали «свое», американское, и «чужое», русское, стремились, в первую очередь, подчеркнуть преимущества своей страны и своей модели развития [9, с. 989]. В XIX веке, в начале русско-американских отношений, Россия воспринималась как дружественная, во многом понятная страна. Однако довольно быстро, уже к середине XIX века, русская история начала рассматриваться в США как движение вспять от свободы к деспотизму [10, с. 36]. Посол США в России Дж. Мэтлок, рассуждая о проблеме взаимоотношения этих стран отмечал: «Россия может являться для США или самой проблемой, или частью решения других мировых проблем» [11, с. 42]. В данном контексте политическая символизация и мифологизация являет собой реакцию массового сознания на политическую информацию, преподнесенную в кинематографе.

Образ России в американском кинематографе строился в бинарной оппозиции «свой» — «чужой». Важно отметить, что «чужой» в данном случае наделялся крайне негативными чертами, а само действие в фильмах, как правило, происходило в «потустороннем», «загробном» мире. Россия представляется «чужой» территорией. Это противопоставление базируется на различиях в климате. Например сильный холод и минусовые температуры в картинах «Москва на Гудзоне» (1984) и «Святой» (1997). Экстремальный холод в России соотносится с девятым кругом ада Данте, в котором заточены предатели. Все они испытывают вечные муки холодом. Также образ ухаживаемой, созданной в любви Америки противопоставляется картинам разрушенной инфраструктуры, например в картинах «Святой» и «Красный Воробей» (2018): упорядоченное бытие «нормального» мира противопоставлено русскому хаосу. Также образ «чужого» закрепляется через одежду. Традиционно русские носят мрачные, устаревшие костюмы, лишённые индивидуальности: шапка-ушанка и шинель главного героя в «Красной жаре» (1988), шапка-ушанка у русского в фильмах «Москва на Гудзоне» и «Армагеддон» (1998), серые безликие костюмы в «Красном Воробье» и т. д. Русские люди в ходе подобного противопоставления также теряют человеческие черты: речь, способность к состраданию и созиданию. Традиционно русские в американском кинематографе плохо говорят на «нормальном» (английском) языке, коверкают речь, например в фильмах «Красная жара» и «Святой». Их занятия также противопоставлены обыденному миру. Набор профессий, приписываемых русским на экране, крайне специализирован и несет на себе печать разрушения, закрепляет «демонический» образ: киллер, бандит, мафиози, военный, сотрудник спецслужб. Подобные образы можно встретить в картинах «Парк Горького» (1983), «Шакал» (1997) «Ронин» (1998), «Блуждающая пуля» (1996), «Игры киллеров» (2011). Даже стереотип о «прекрасных русских девушках» не выходит за рамки данного логического ряда — почти каждая красавица связана или с мафией, как, например, в фильмах «Полночь в Санкт-Петербурге» (1996), «Красная жара», «Порок на экспорт» (2007); или со спецслужбами, например, в картинах «Железная юбка» (1957), «Золотой глаз» (1995). Еще один стереотипный образ русской девушки связан с проституцией, что

демонстрируется в кинокартинах «Рабство» (2007), «Красный Воробей». Культуролог Е. Шерман, исследовавшая данный феномен, отмечала: «Русский миф Голливуда — не о реальных людях и стране, а о неких духах зла, которых называют “рашен”, и их потустороннем мире» [12]. Британские исследователи М. Ж. Страда и Х. Р. Тропер отмечали: «Все фильмы подобного сорта... утверждают, что мирное сосуществование [с Россией и русскими] невозможно, и усилия, направленные на переговоры с врагами свободы, не имеют смысла» [13, с. 154–155].

Анализируя последние кинокартины, вышедшие в мировой прокат, можно отметить, что самым репрезентативным, с точки зрения использования массивов стереотипов и мифов о России, можно считать фильм «Красный Воробей». На протяжении 140 минут экранного времени зрителю были предоставлены все вариации стереотипных образов, приведенных ранее. Рассматривая сюжет «Красного Воробья», вышедшего в прокат в 2018 году, можно провести параллели с фильмами, появившимися в период холодной войны, задействованы все стереотипы, характерные для данного периода: сотрудники спецслужб, изматывающая жизнь героев, демонстрация технологий убийств, шпионаж, попытки покинуть страну, образ проститутки и т. д. В фильме невозможно установить конкретный временной и исторический период, который изображен на экране. Изначально действие развивается в Москве, которая полностью соответствует канону «потустороннего»: серые, пустынные улицы, квартиры с советским антуражем, картины пустоты, разрухи и запустения в служебных помещениях Большого театра. В кинокартине реализуется противопоставление «ангел» — «демон»: условно ангельскую позицию занимает главная героиня красавица-балерина (образ сочетает в себе два ключевых стереотипа о русских женщинах), а роль антагониста играет сотрудник спецслужб — родственник героини.

Также можно провести сюжетные параллели между современным «Красным Воробьем» и картинами периода холодной войны. Одним из знаковых фильмов начала холодной войны считается картина «Железный занавес» (1948). Основной задачей произведения было изобразить изнуряющую, напряженную жизнь советских граждан. Эта идея прослеживается и в «Красном Воробье»: главная героиня вынуждена содержать больную мать, жить в убогой советской квартире, которая ей не принадлежит и находится в коллективной собственности Большого театра. Потеряв свое место, героиня вынуждена стать шпионом и, в конечном итоге, стремясь спасти себя и свою семью, сделать все возможное, чтобы получить политическое убежище за рубежом. Другим фильмом, характерным для периода холодной войны, нашедшем отражение в «Красном Воробье», можно назвать картину «Красная угроза» (1949). На экране представляется «настойчивая демонстрация расчетливой технологии убийств, разработанной красными агентами, действующими в Америке» [14, с. 389]. Похожие идеи можно увидеть и в «Красном Воробье»: сцены откровенного насилия (как физического, так и психологического), работа шпионов и т. п. Аналогичные образы транслировались в американском кинематографе в картинах «Солдат» (1982) и «Парк Горького». Еще одну сюжетную параллель можно провести с фильмами о русских женщинах (иногда — шпионках), которые принимают западные ценности, отказываясь от совет-

ских. В качестве примера можно привести картины «Железная юбка» (1957) и «Шелковые чулки» (1957). В первой картине главная героиня — красавица, капитан КГБ, влюбляется в британского офицера и принимает решение уехать из страны, что в некоторой степени созвучно с сюжетом «Красного Воробья». Во втором случае главная героиня приезжает в капиталистическую страну по заданию коммунистического режима, но изменяет своим политическим убеждениям, влюбившись. Сюжетная линия в какой-то мере объединяет эти три фильма, однако в «Красном Воробье» мотивы главной героини не столь однозначны. Она предстает не ангельским персонажем, угнетаемым демоном, но персонажем, противостоящим всем вокруг. Предающим, убивающим и лгущим ради собственной выгоды. Несомненно, подобные стереотипы использовались в кинолентах более раннего периода, однако в «Красном Воробье» они усиливаются, концентрируются, делают образ русского человека крайне негативным.

Примечательно, что в «Красном Воробье» нет ни одного позитивного русского персонажа. Все русские в картине так или иначе совершают противоправные действия: партнёр главной героини делает так, чтобы она сломала ногу, олигарх предлагает взятку, сотрудник спецслужб шантажирует, сама героиня убивает и лжет и т. д. Герои, по их признанию, не живут в России, а выживают, они чувствуют себя взаперти и уверены, что «если ты не полезна, тебя нет».

«Красный Воробей» аккумулирует в себе все образы холодной войны и актуализирует их. Благодаря использованию узнаваемых образов, зрители могут провести для себя параллели между мифологизированным, стереотипным, экранным образом и «реальной» Россией. Проживая вместе с главной героиней все ужасы псевдосоветской и псевдошпионской действительности, они представляют Россию «чужой», потусторонней территорией зла, населенной ужасными, бесчеловечными созданиями.

Примечателен тот факт, что стереотипы советского времени перешли в современность, а не исчезли вместе с теми реалиями, которые их породили. В этой связи исследователи сталкиваются с феноменом «paradigm blindness», который впервые описал философ и социолог Дэвид Хоукинс [5, с. 196]. Это обстоятельства, при которых люди не способны увидеть или распознать явление до того, как оно было детерминировано и описано в каком-либо контексте. В этом случае для описания событий используется парадигма прошлого [5, с. 204], что полностью объясняет тот факт, что в описании России и русских превалируют стереотипы холодной войны.

В заключение следует отметить, что объективно нельзя на данный момент описывать существующие отношения между Россией и США как на международной арене, так и в кинематографе как холодную войну, поскольку она закончилась в 1991 году. Но, к сожалению, образы и мифы, сформированные в данный период, представляют для американцев основополагающий ориентир в вопросах анализа и интерпретации действий России и русских, поскольку знания о периоде, предшествовавшем СССР, отошли в глубь времен, на страницы учебников, в то время как живущие на данный момент поколения имели перед глазами исключительно картину «красной» Советской страны. К тому же, как отмечают исследователи, «процесс диссоциации Советского Союза от современной России усложняется тем, что в годы хо-

лодной войны СССР чаще всего именовался Россией, а все советские люди — русскими, причем ошибочность такого использования слов даже не осознавалась» [5, с. 291]. В сложившейся обстановке «paradigm blindness» не только обыватели, но и ученые оперируют устаревшими терминами и стереотипами, имеющими малое отношение к современной политической и социальной обстановке в России. Кинематограф в данном случае является механизмом трансляции и закрепления подобных установок, в связи с чем необходимо выработать новую терминологию, позволяющую объективно оценивать современную геополитическую ситуацию и максимально четко детерминировать политические мифы и причины их появления и распространения.

Список использованной литературы

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
2. Lincoln B. Discourse and the Construction of Society. Comparative Studies of Myth, Ritual, and Classification. New York, 1992. 256 p.
3. Мусихин Г. И. Политический миф как разновидность политической символизации // *Общественные науки и современность*. 2015. № 5. С. 102–117.
4. Липпман У. Общественное мнение. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
5. Крашенинникова В. Ю. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М. : Лабиринт, 2007. 388 с.
6. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М. : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 356 с.
7. Щербакова В. И. Кино как способ формирования, отражения и распространения стереотипов (на материале фильмов Голливуда о России последних 10 лет) : автореферат дис. . . канд. культурологии. М., 2004. 22 с.
8. Павловская А. В. Стереотипы восприятия России и русских на Западе. // Сб. материалов 1-й международной конф. «Россия и Запад: диалог культур». М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 19–30.
9. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М. : Изд-во РГГУ, 2012. 1132 с.
10. Foulke W. D. Slavor Saxon. A Study of the Growth and Tendencies of Russian Civilization. New York ; London, 1904. 210 p.
11. Ручкин А. Б. От «Врагов народа» до «Друзей нации»: русская диаспора в российско-американском диалоге // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. № 2. Р. 40–50.
12. Шерман Е. Русский миф Голливуда. URL: <http://old.russ.ru/culture/cinema/20021013>.
13. Strada M. J., Troper H. R. Friend or Foe?: Russian in American Film and Foreign Policy. Lanham, Md., & London., 1997. 255 p.
14. Parish J. R., Pitts M. R. The Great Spy Pictures. Metuchen, N. J., 1974. 585 p.

Рудинская Ирина Ильинична,

доктор культурологии, профессор кафедры региональных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, irinaru2110@gmail.com

УДК 7.04 + 75.04

Сюжет «вождь на трибуне» в искусстве сталинской эпохи

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00540.

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из чрезвычайно распространенных сюжетов в истории официального советского искусства. На протяжении 1930–1950-х годов изображения Ленина и Сталина в качестве ораторов, выступающих на трибуне митинга, съезда, собрания, являлись не просто отражением советских реалий, но и репрезентацией идеологических мифов и клише. Изучение того, как трансформировался данный сюжет, позволяет проследить процесс его превращения из политического события в государственный ритуал.

Ключевые слова: вождь, оратор, трибуна, ритуал, Ленин, Сталин, советская живопись.

Irina Rutsinskaya

Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

The plot «leader at podium» in the art of the Stalin era

Abstract. The article analyses one of the most frequent subjects in the history of official Soviet art. During the 1930s and 1950s the depiction of Lenin and Stalin as speakers at the podium of the rally, congress or assembly was not just a reflection of Soviet reality, but also a representation of ideological myths and clichés. The study of how this plot altered with time allows us to trace the process of its transformation from a political event into a state ritual.

Key words: leader, speaker, podium, ritual, Lenin, Stalin, Soviet painting.

«Сценарии самодержавной власти» [1] не предполагают использование такого политического атрибута, как трибуна. Их центральным элементом выступает трон, названный О. Фрейденберг «точкой покоя в мире перемен» [2, с. 193]. Статика пространства, задаваемая тронem и положением торжественно восседающего на нем монарха, согласовывается с самой сущностью царствования, которое, в соответствии с определением М. Ю. Савельевой, заключается в «функции установления некоего состояния своим присутствием» [3, с. 78]. Состояние, а не действие, статика, а не динамика, сакральное, а не профанное — таковы характеристики физического и символического пространства, окружающего царский трон.

Появление трибуны в качестве значимого «политического реквизита» знаменует процесс десакрализации монаршей власти, демократизации государственной системы:

«священному характеру акта сидения» [2, с. 186] она противопоставляет деятельный и функциональный характер «стояния». На трибуну поднимаются для обращения, воззвания, призыва, убеждения, провозглашения и т. д. Она требует оратора, допускает существование целой череды сменяющих друг друга персонажей. Она взывает к динамике, коммуникации, принятию решений.

В то же время трибуна, как и трон, предполагает возвышение стоящего на ней человека, предоставление ему особого места (собственно, трибуна и есть «возвышение для оратора» [4, с. 811]), и эта иерархическая пространственная выделенность позволяет превратить данный атрибут в особый знак, освободить от сугубо функционального назначения и сделать значимым элементом политического ритуала.

В России со времени формирования самодержавной монархии (XVI в.) и вплоть до ее свержения в 1917 году трибуна, а следовательно, и фигура оратора становились востребованными только тогда, когда начинал колебаться трон. Например, в качестве оратора, обращающегося к народу, в национальной памяти остался герой Смутного времени, «спаситель самодержавия» [5, с. 4] земский староста Кузьма Минин. Фразы «зов Минина», «воззвание Минина», «призыв Минина» были использованы в социально-политической лексике сотни раз. Именно в столь редком для России амплу народного трибуна его изображали в исторической живописи: «Воззвание Минина к нижегородцам» М. И. Пескова (1861 г.), «Воззвание Минина к нижегородцам» А. Д. Кившенко (1880), «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям» К. Е. Маковского (1896 г.) и др.

Ситуация резко изменилась в начале XX века. Эпоха русских революций превратила сотни, если не тысячи людей, в ораторов. Публичное политическое выступление стало распространенной практикой. Партийные лидеры буквально срывали голоса на многолюдных митингах. «Непревзойденным мастером революционной пропаганды и агитации был В. И. Ленин. Его ораторское наследие огромно: из 9 тысяч произведений и документов, вошедших в полное собрание сочинений, более 600 составляли речи, доклады и другие устные выступления» [6, с. 7]. А рядом с Лениным стояли такие признанные ораторы, как А. Керенский и Л. Троцкий, а следом за ними шли десятки других революционеров от разных партий. Фигура человека на трибуне начала восприниматься как нечто совершенно обыденное.

После прихода большевиков к власти многолюдные митинги и манифестации в течение нескольких лет оставались главной формой общественно-политической коммуникации. Постепенно утрачивая стихийный характер, они превращались в элемент организованных государством праздников и мероприятий. Порядок, последовательность, тематика выступлений ораторов на них были частью продуманной программы. Однако по мере становления тоталитарного режима количество уличных выступлений неуклонно уменьшалось, трибуны с площадей перемещались в интерьеры. Жанр призывов и воззваний уходил в прошлое: на съездах, конференциях, собраниях зазвучали доклады, рапорты, отчеты, планы. Из инструмента идеологической борьбы ораторские выступления окончательно превратились в ритуализированную, огосударственную форму устного публичного обращения. Их функция была скорее репрезентативной: свиде-

тельствовать о демократическом характере государства, о возможности каждого гражданина (в ленинской формулировке — «каждой кухарки») принимать участие в управлении государством. Примерно так же функционировала «сталинская» Конституция 1936 года.

В подобном историческом контексте образ оратора просто не мог не появиться в советском искусстве, а появившись, не мог оставаться неизменным.

На протяжении тридцати лет, с середины 1920-х до середины 1950-х годов, сюжет, ранее практически неизвестный в русском изобразительном искусстве, входил в число наиболее востребованных и распространенных. На многочисленных полотнах делегаты, депутаты, члены правления, секретари партийных организаций, председатели колхозов, то есть люди, облаченные любой властью, не просто беседовали или общались «с народом», но обращались к нему с монологическим посланием. Такой тип изображения требовал более пафосной «риторики», демонстрации значительности и знаковости происходящего. Данные характеристики усиливались кратно, когда объектом изображения становились «вожди пролетариата» — Ленин и Сталин.

В советской лениниане и сталиниане сюжет «вождь на трибуне» исполнял особые функции: демонстрировал безусловное и всеми признаваемое лидерство персонажа, его право указывать народу направление движения, его роль в качестве гаранта демократических основ государственного устройства, наконец, ораторский талант, умение «поднимать народ на борьбу, на реализацию грандиозных планов партии».

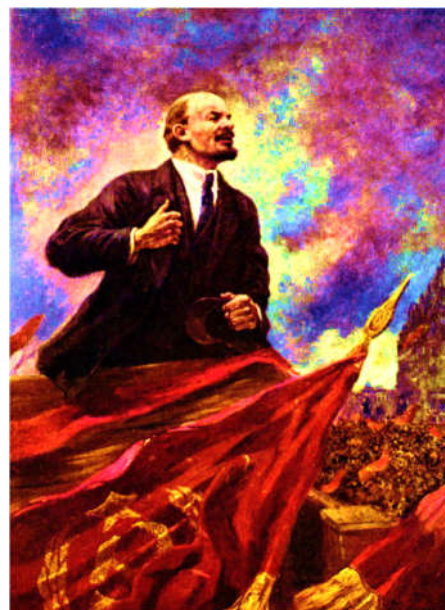
Раньше всего образ вождя в виде оратора появился в монументальной скульптуре, где подобный тип изображения имел многовековые традиции, сложившиеся еще в античную эпоху. Римские риторы, стоящие с поднятой вперед-вверх правой рукой, давали образец знаковой, клишированной формы, позволявшей безошибочно узнавать человека в момент произнесения публичного монолога, в момент обращения к слушателям. Все самые ранние памятники Ленину (Ф. П. Кузнецова в Глухово (1924 г.), С. А. Евсеева у Финляндского вокзала в Ленинграде (1925 г.), М. Я. Харламова на площади Восстания в Туле (1926 г.), В. В. Козлова у здания Смольного в Ленинграде (1927 г.) и др.) повторяли этот жест с небольшими вариациями, вкладывая в него удивительную по своей силе энергию призыва. В этих ранних монументах авторы наделяли образ Ленина небывалым темпераментом трибуна, подчеркивали его убежденность, политическую волю. Жест оратора, наделенный особой мощью, не просто приглашал зрителя двигаться «к светлomu будущему», но направлял, понуждал, подталкивал его.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов были созданы первые — самые известные и выразительные — живописные полотна на тему «Ленин на трибуне». Их можно разделить на две большие группы. На одних вождь представлен крупным планом, высоко вознесенным над толпой. Народные массы на них не изображались, но подразумевались. На других, напротив, разворачивалась широкая панорама, включавшая сотни, а порой и тысячи людей, направивших все внимание на оратора.

Классическими примерами работ первой группы являются произведения мэтров советского официального искусства И. И. Бродского «В. И. Ленин на трибуне» (1927 г.) и А. М. Герасимова «В. И. Ленин на трибуне» (1930 г.).

И. И. Бродский.
В. И. Ленин на трибуне. 1927 г.

А. М. Герасимов.
В. И. Ленин на трибуне. 1930 г.

Оба художника изобразили вождя на фоне неба. Оба отказались от фиксации указующего жеста руки, что, тем не менее, не лишило картины энергии и силы взывающего обращения. Резкие ракурсы, четкие силуэты, плакатная обобщенность композиции создавали образы не просто динамичные и целеустремленные, но страстные, взволнованные, исполненные революционного пафоса. Во многом характер подобных решений был предопределен эпохой 1920-х. Однако следует признать, что при изображении Ленина интонации романтической взволнованности сохранялись на протяжении последующих десятилетий.

Другой тип изображений, о котором мы упомянули выше, предполагал не символическое решение образа, а выстраивание детального, продуманного, наполненного множеством второстепенных персонажей нарратива. Показывая взаимодействие Ленина с народом, художник обязательно подчеркивал их единство, как бы подстраивая реакции аудитории под посыл вождя. Происходило ли событие на городской площади (как на картине И. И. Бродского «Выступление В. И. Ленина на проводах частей Красной Армии, отправляющихся на Западный фронт»), или в пышном дворцовом интерьере (В. А. Серов. «В. И. Ленин провозглашает советскую власть»), внимали ли оратору десятки или же тысячи человек, подчинение аудитории его энергией трактовалось как тотальное. Не только Ленин, но и те, к кому он обращался, на полотнах чаще всего выглядели энергичными, громкими, активно жестикулирующими.

В. А. Серов.

В. И Ленин провозглашает советскую власть. 1947 г.

Каждая эпоха имеет свой идеал оратора. Живопись, наравне с другими видами искусства (скульптурой, кинематографом) этот идеал не только отражала, но и во многом формировала. Когда читаешь мемуары очевидцев о публичных выступлениях Ленина, не покидает ощущение, что описывается не столько живой человек, сколько сконструированный и закреплённый визуальный стереотип: «Трудно подыскать точное определение для ленинских выступлений. Скорее всего это было похоже на порыв, призыв. Говорил ли он об успехах, недостатках, задачах, он всегда как бы звал вперед» [7, с. 33]. Советский человек видел своего вождя таким чуть ли не ежедневно: на экранах кинотеатров, на плакатах, картинах, на многомиллионных репродукциях этих картин, публикуемых в газетах и журналах. Образ Ленина-трибуна лидировал среди других ипостасей вождя, закреплённых в изобразительном искусстве (друг, соратник, мыслитель, государственный деятель, добрый дедушка и т. д.).

Вытянутая вперед ленинская рука стала советским клише, визуальным аналогом фразы «Вперед, к победе коммунизма!», красовавшейся на тысячах плакатов и транспарантов. Из года в год, от одного визуального воплощения к другому он все звал и звал, направлял и направлял советский народ. Указующе-призывающая функция была навсегда закреплена за Лениным.

Сталин не мог и не хотел дублировать ленинскую «маску оратора». Повсеместно повторяемый лозунг «Сталин — это Ленин сегодня» вовсе не означал тождественности или даже сходства во внешних проявлениях вождей. Сталин никогда не был замечен в стремлении к подражанию, всегда имел собственный ярко-индивидуальный образ, в том числе и образ оратора. Да и его темперамент, телесная пластика, темпоритмический рисунок никак не подходили для амплуа энергичного, подвижного, страстного трибуна. Он оказался идеальным героем другой эпохи. Эпохи, названной В. Паперным «Культурой Два» [8].

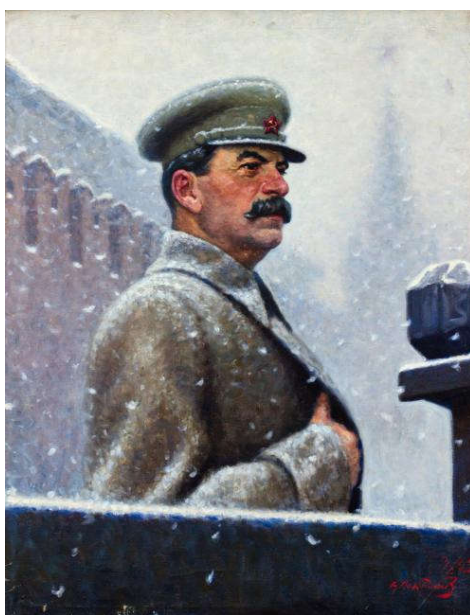

Когда на улицах городов появились первые памятники Сталину (это произошло в 1929 году, накануне его 50-летия), стало очевидно, что роль трибуна к новому вождю никто не собирался примерять. Большинство монументов, воздвигнутых на территории СССР на протяжении 1930–1950-х годов, представляют спокойно или даже величественно стоящего человека. Правая рука, которую Ленин так активно выбрасывал вперед, у Сталина либо заложена за полу шинели, либо прижата груди. Но даже в тех уникально-редких случаях, когда Сталин и вытягивал руку вперед, как, например, на монументе неизвестного автора из Челябинской области, жест его не был призывным или энергичным — это движение человека, что-то торжественно провозглашающего: от здравицы в честь коммунистической партии на партийном съезде до застольного тоста на торжественном приеме.

«Экономия» в жестах, неподвижность корпуса, отсутствие внешне выявленного напора и увлекающей энергии стали характерными и для образа Сталина-оратора, создаваемого в живописи.

Советские художники «увели» вождя с улиц и площадей в парадные интерьеры Дворца съездов, Колонного зала Дома союзов, Большого театра и т. д.

Исключением осталась только одна трибуна — Мавзолей. Но изображение Сталина на Мавзолее — это не изображение оратора. Он наблюдатель, главный зритель многотысячных парадов и демонстраций, он тот персонаж, который стоит в центре «сцены адорации» (и дети, и взрослые несут ему игрушки, рисунки, цветы). Но, находясь на главной трибуне страны, он, тем не менее, никогда с нее не обращается с речью. Это противоречие, неосознанно для художников, иногда проявлялось на уровне названия произведений. Так, на известной картине А. И. Лактионова «Речь товарища Сталина 7 ноября 1941 года» (1942 г.) в названии используется слово «речь», перед вождем стоит микрофон, но на полотне изображен абсолютно неподвижный человек, скорее принимающий парад, молча наблюдающий за происходящим, нежели обращающийся к солдатам с речью. Произведение создавалось Лактионовым в годы войны, оно должно было донести всю символическую значимость парада 1941 года. Молчаливо-торжественная репрезентация оказалась выразительнее, чем визуализация сталинского монолога.

А. И. Лактионов.

Речь товарища Сталина 7 ноября 1941 года. 1942 г.

Вообще изображение Сталина, произносящего речь, представляло для художников гораздо больше сложностей, чем изображение Ленина в качестве оратора. Прежде всего из-за предельной скупости его жестикуляции. Согласно определению И. Е. Даниловой, «жест в живописи — эквивалент слова, жест озвучивает немое изображение» [9, с. 65]. Ленинские жесты были «говорящими», свидетельствовали о быстрой, напористой, громкой речи. Такое ощущение возникало не только потому, что они изображались на картинах как жесты широкие, открытые, активные, но и потому, что для изображения Ленина очень органичным оказалось использование клишированных движений оратора, имеющих свой «словарь», хорошо известных зрителю, легко им расшифровываемых. Мелкие, закрытые, скупые жесты Сталина (во многом связанные с проблемой его больной левой руки) интерпретировать, переводить на язык визуальных символов намного сложнее. Приходилось создавать другой набор живописных жестов-знаков, и многие из них плохо согласовывались с амплуа оратора. Часто на картинах художники давали в руки Сталину листы бумаги — документы, проекты, постановления, причем он мог не только держать их в руке, но и непосредственно зачитывать (И. И. Бродский «Портрет И. В. Сталина»), отчего устное выступление становилось формой торжественной декламации.

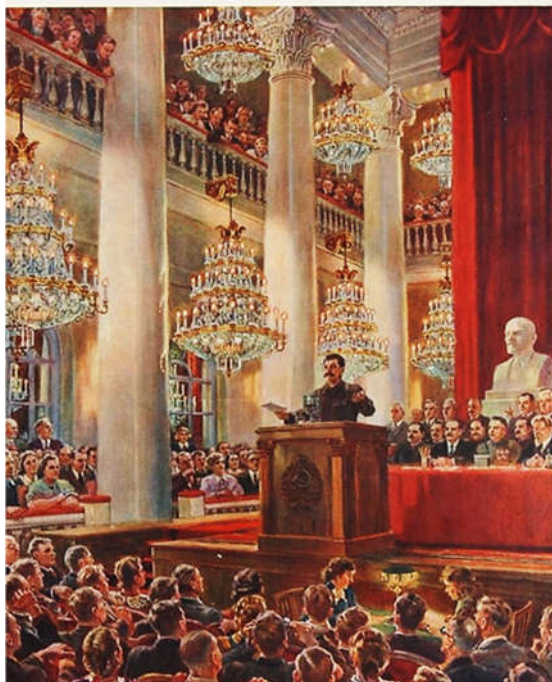
Самый широкий жест Сталина — поднятая вверх правая рука с вытянутым указательным пальцем, как, например, на картине Ф. А. Модорова «Доклад Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов о проекте Конституции СССР 25 ноября 1936 года» (1937 г.). Но энергии в таком движении нет — рука всегда присогнута в локте. Этот жест фиксировал кульминационный момент выступления. Нередко ему сопутствовала удовлетворенная улыбка вождя.

Ф. А. Модоров. Доклад Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов о проекте Конституции СССР 25 ноября 1936 года». 1937 г.

Кроме того, данный жест, направленный не вперед, в вверх, дополнительно акцентировал чрезвычайно устойчивую вертикаль, какую представляла собой фигура Сталина. Ленин мог наклоняться вперед или отклоняться назад, фигура Сталина всегда оставалась неподвижной, всегда строго вертикальной. Семантику вертикальных, сагиттальных, горизонтальных движений в жизни и искусстве исследовал А. Я. Бродецкий, фиксируя внимание не только на том факте, что «вертикаль рождает иерархические ассоциации» [10, с. 37], но и на связи вертикального положения с особыми темпоральными параметрами: «На-стоящее (над-стоящее) вертикально» [10, с. 54]. Неосознанно для себя, советские художники, желая придать значительности и торжественности образу Сталина-оратора, визуализировали изменившиеся временные параметры эпохи: на смену эпохе устремлений, порывов и движений, олицетворяемых фигурой Ленина, пришла эпоха, когда движение остановлено, цель достигнута. Оратор Сталин не зовет, не направляет, он провозглашает, возвещает, декларирует.

Особые усилия прикладывались в 1930–1950-х годах для разработки композиции, на которой Сталин выступал перед многолюдной аудиторией. Правда, численность персонажей, представленных в парадных интерьерах дворцов, не могла соперничать с численностью уличной толпы, слушавшей Ленина, зато, сократив количество людей, можно было детальнее показать их реакции на слово вождя.

А. М. Герасимов.
«Есть метро!» 1949 г.

В современных исследованиях нередко указывается: «...аудитория является продуктом речевых действий ратора; в ходе продолженной речи в аудитории происходят существенные изменения: одна часть ее меняется в ходе речи, другая покидает ратора, третья постепенно прибывает и осваивается с аргументацией» [11, с. 127]. Реакция на выступления Сталина, как известно, могла быть только одной: восторженное принятие каждого слова. Перед художником, в итоге, стояла весьма противоречивая

задача: на полотне все слушатели должны одинаково восторженно принимать речь Сталина, но в то же время каждый должен демонстрировать индивидуальные реакции. Задача немного облегчалась тем обстоятельством, что значительная часть людей чаще всего изображалась со спины, но все же оставались десятки персонажей, эмоции которых художнику приходилось прописывать, варьировать, придумывать.

Многие советские полотна поражают каким-то сладостно-улыбчивым настроением публики. Подобные изображения кажутся дурной театральщиной, дурным вкусом, да просто отсутствием чувства меры у художника-льстеца. Однако если сравнить данные изображения (вышеупомянутая картина Ф. А. Модорова может служить для этого хрестоматийным примером) с текстом человека здравого, критичного, не склонного к экзальтации, например с известным текстом из дневника К. И. Чуковского, станет очевидным, что художник не слишком преувеличивал: «Вчера на съезде (Пятый съезд ВЛКСМ) сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пошел к нему, взял его в передние ряды (рядом со мной было свободное место). Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его, просто видеть для всех нас было счастьем... Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства» [12, с. 141]. Эти «влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица» заполняли пространство сотен картин. В итоге возникал весьма идиллический живописный нарратив: оратор что-то провозглашает, мгновенно делая всех вокруг себя необыкновенно счастливыми и благодетельными. На месте трибуны, откуда исходят подобные эманации, вполне мог бы стоять трон (особенно, если принять во внимание дворцовый интерьер, в котором она расположена).

Сталин на трибуне — это удивительный «визуальный эвфемизм». В условиях провозглашенного «государства рабочих и крестьян», где «навсегда свергнуты царские троны», трибуна из символа демократического общественно-политического устройства была превращена в атрибут, имевший совершенно иные коннотации. Остались лишь его внешние формы, вписывающиеся в ритуализированные практики тоталитарной эпохи.

Список использованной литературы

1. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 1. М. : ОГИ, 2002. 608 с.
2. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 448 с.
3. Савельева М. Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Киев : ПАРАПАН, 2007. 411 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1997. 944 с.

5. Козьма Минин. 1916. № 18. 23 апр.
6. Риторика : (программа курса и конспект лекций) / сост. П. П. Терехов. Казань : КГУКИ, 2007. 97 с.
7. Андреев А. А. Ленин, каким он был на трибуне // Воспоминания о В. И. Ленине : в 5 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1979. С. 32–34.
8. Паперный В. Культура «Два». М. : НЛО, 1996. 384 с.
9. Данилова И. Е. О сюжетной и композиционной роли жеста в живописи Средних веков и Возрождения // Данилова И. Е. Искусство Средних веков и Возрождения. М. : Сов. художник, 1984. С. 65–74.
10. Бродецкий А. Я. Внеречевое общение в жизни и в искусстве. Азбука молчания. М. : ВЛАДОС, 2000. 192 с.
11. Волков А. А. Теория риторической аргументации. М. : МГУ, 2009. 398 с.
12. Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969 : в 2 т. Т. 2. 1930–1969. М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 672 с.

Попова Ольга Валентиновна,

доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург, o.popova@spbu.ru

УДК 32.019.5

Каналы получения политической информации российской молодежью: опыт межрегионального исследования

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению проблем политического лидерства российской молодежи (октябрь 2018 г.). Ключевой вопрос доклада — приоритетные каналы получения политической информации жителями российских регионов в возрасте от 14 до 30 лет. Выявляется влияние приоритетных каналов получения политической информации на политическую активность молодежи и формы политического участия. Тестируется гипотеза о взаимосвязи интереса к политике у студентов и каналами получения ими политической информации. В статье также исследуется социально-демографический профиль молодежи, предпочитающей получение политических новостей из различных источников информации.

Ключевые слова: молодежь, политическая информация, источники получения политической информации, политическая активность, формы политического поведения.

Olga Popova

Doctor of Sciences in Politics, Professor, Saint-Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

Channels of obtaining political information by Russian youth: the experience of interregional research

Abstract. A report presents results of an empirical research devoted to a study of a Russian youth political leadership problems (October 2018). A key issue of the report is a priority channels for obtaining political information by residents of Russian regions aged 14 to 30 years. The influence of priority channels for obtaining political information on a young people political activity and political participation forms is revealed. A hypothesis is tested about a relationship of student interest in politics and the channels for obtaining political information by them. The article also explores a socio-demographic profile of young people who prefer to receive political news from various sources of information.

Key words: youth, political information, sources of political information, political activity, forms of political behavior.

Материал подготовлен на основе результатов межрегионального эмпирического исследования (сентябрь — октябрь 2018 г.), проведенного в рамках реализации подержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)». Метод сбора информации — стандартизованное интервью. Объем выборки: 1014 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих в Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Новосибирской области и Алтайском крае. Выборка несвязанная, квотная, с контролем пола, возраста, уровня образования и района проживания. Исследовательская группа: руководитель проекта — О. В. Попова (СПбГУ), С. Ю. Асеев (АлтГУ), Т. А. Асеева (АлтГУ), Д. А. Казанцев (АлтГУ), О. В. Лагутин (СПбГУ), Е. О. Негров (СПбГУ), Я. Ю. Шашкова (АлтГУ).

Согласно результатам опроса (табл. 1), только 2,3% молодежи не используют никакие источники для получения информации о происходящих политических событиях. Наиболее популярным источником получения сведений о политических событиях для молодежи являются информационные интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т. д. (70,3%), почти не отличается по популярности и такой новостной источник, как социальные сети и мессенджеры (68,3%). Во вторую по значимости и популярности группу новостных источников о политике относятся федеральные ТВ-каналы (42%) и межличностная коммуникация с друзьями и знакомыми (41,4%). Со значительным отрывом идут такие каналы политических новостей, как общение с родственниками (27%), региональное или местное телевидение (17,2%), радио (10,6%), научная литература (8,4%). Наконец, абсолютно не популярны у молодежи такие каналы новостной информации, как региональные и местные газеты (4,9%), центральные газеты (4,4%), партийная литература, агитационные материалы (3,1%).

Таблица 1

Источники получения молодежью политической информации (%)

Информационные интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т. д.	70,3
Социальные сети, мессенджеры	68,3
Центральное телевидение	42,0
Друзья, знакомые	41,4
Родственники	27,0
Региональное/местное телевидение	17,2
Радио	10,6
Научная литература	8,4
Региональные и местные газеты	4,9
Центральные газеты	4,4
Партийная литература, агитационные материалы	3,1

Больше половины молодежи (55,1%) вообще не используют ни центральное, ни региональное или местное телевидение в качестве источника политических новостей. Смотрят политические программы на телеканалах всех этих трех типов — 14,3% молодежи. 21,1% молодежи общается по поводу политических событий и с родственниками, и с друзьями и знакомыми, но не общаются ни с кем в малом социальном круге на эти темы больше половины — 52,7% респондентов. 92,7% молодежи вообще не используют федеральные, региональные и местные газеты в качестве источника политической информации, используют все типы газет — менее 3%.

Молодежь из Санкт-Петербурга еще меньше, чем представители этой социально-демографической группы из других регионов, смотрят центральное и региональное/местное телевидение (соответственно 31,2 и 12,8% от подгруппы), но при этом несколько больше заинтересована в использовании научной литературы (13,6% от подгруппы). Молодежь из Новосибирской области чаще, чем в других регионах, получает политическую информацию из социальных сетей и мессенджеров (77,6%). Наиболее отличаются информационные предпочтения молодежи из Алтайского края, где она более привержена просмотрам программ центрального телевидения (52,7%) и читает региональные и местные газеты (8,3%), но при этом заметно реже общается на политические темы с друзьями, знакомыми (34,1%), родственниками (20,8%); очень небольшая группа читает научную литературу (4,5%).

С целью выявления высокой степени совместного использования различных каналов информации о политических событиях был проведен факторный анализ, выявивший 3 основные группы одновременного используемых каналов информации для получения сведений о мире политики: а) печатная продукция, объединившая партийную и научную литературу, агитационные материалы, региональные и местные газеты, центральные газеты; б) телевидение — радио vs Интернет (альтернативное использование традиционных СМИ или информационных интернет-ресурсов); в) личный круг общения, включающий коммуникацию с родственниками, друзьями и знако-

мыми в социальных сетях (это важно, поскольку политическая коммуникация у молодежи чаще происходит именно онлайн).

Обращаются ко всем формам интернет-источников, социальных сетей и мессенджеров для получения политической информации более половины — 51,0% представителей молодежных групп, смотрят только политические интернет-ресурсы, новостные ленты, видеоканалы во Всемирной паутине и т. д. — 19,3%, используют только соцсети и мессенджеры — 17,4% молодых людей; вообще не используют эти ресурсы 12,3% молодежи (табл. 2).

Таблица 2

Использование онлайн и офлайн политической информации молодежью в регионах РФ (% по столбцу)

	Вообще не использует ресурсы онлайн	Использует только интернет-сайты	Использует только соцсети и мессенджеры	Использует все формы источников онлайн	Всего по выборке
Санкт-Петербург	17,6 -1,6*	26,0	19,3	27,7	24,7
Ленинградская область	25,6	33,7 +2,5	26,7	20,3 -2,0	24,7
Алтайский край	37,6 +2,5	24,0	26,7	23,8	26,0
Новосибирская область	19,2	16,3 -2,3	27,3	28,2 +1,6	24,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Вторая цифра в ячейке — статистически значимый стандартизованный остаток (далее — с. з. с. о.).

Таблица 2 показывает, что молодежь из Санкт-Петербурга менее других склонна игнорировать онлайн-ресурсы для получения политической информации; молодежь из Ленинградской области несколько больше жителей других регионов использует только интернет-сайты, молодежь из Новосибирской области оказалась наиболее продвинутой в использовании политической информации из всех онлайн-источников, а молодежь из Алтайского края менее других использует онлайн-информацию (стандартизованные остатки равны соответственно -1,6, +2,5, +1,6, +2,5).

Хотя на уровне оценки коэффициентов корреляции значимых результатов получить не удалось (табл. 3–6), но стандартизованные остатки показывают, что между уровнем интереса к политическим объектам разного уровня и приоритетным типом получения политической информации онлайн есть определенная связь.

**Уровень интереса молодежи к политическим событиям в мире
пользователей различного типа онлайн-источников (% по вертикали)**

Вопрос: «В какой степени вы интересуетесь информацией о политических событиях в мире в целом, в других странах?»

	Вообще не использует ресурсы онлайн для получения политической информации	Использует только интернет-сайты для получения политических новостей	Использует только соцсети и мессенджеры для получения политических новостей	Использует все формы источников онлайн для получения политических новостей	Всего
Очень интересуюсь	11,2	15,8	7,4 -2,2*	15,1	13,4
Скорее интересуюсь	21,6 -3,5	41,3	38,6	48,7 +2,3	42,2
Скорее не интересуюсь	24,8	27,0	35,2 +1,8	26,5	27,9
Не интересуюсь совсем	27,2 +5,1	11,7	14,8	6,8 -3,2	11,6
Затрудняюсь ответить	15,2 +5,3	4,1	4,0	2,9 -2,0	4,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Вторая цифра в ячейке — статистически значимый стандартизованный остаток.

На уровне вербального заявления политическими событиями в мире интересуются 55,6% российской молодежи, интересуются минимально или не интересуются вовсе около 40%. При этом доля очень и скорее интересующихся политическими процессами на надгосударственном уровне молодых людей из числа тех, кто использует все типы онлайн-информации, оказалась равна 63,8%. Для сравнения: этот же показатель, но для тех, кто вообще не использует онлайн-информацию, едва превысила треть от возрастной когорты (33,8%). Использующие только социальные сети и мессенджеры для получения политических новостей склонны менее активно интересоваться международной политикой (35,2% от группы, с. з. с. о. равен +1,8).

Высокий уровень интереса молодежи к политическим событиям в России (табл. 4) составляет уже 71,3% от группы. И вновь сравнительный анализ данных показывает, что использующие все типы источников политической информации из онлайн-пространства более заинтересованы в ней (78%), чем те, кто ориентирован на использование только традиционных источников информации (53,6%).

Таблица 4

**Уровень интереса молодежи к политическим событиям в России
пользователей различного типа онлайн-источников (% по вертикали)**

Вопрос: «В какой степени вы интересуетесь информацией о политических событиях в России?»»

	Вообще не использует ресурсы онлайн для получения политической информации	Использует только интернет-сайты для получения политических новостей	Использует только соцсети и мессенджеры для получения политических новостей	Использует все формы источников онлайн для получения политических новостей	Всего
Очень интересуюсь	12,8 –2,3*	24,0	17,0 –1,6	26,7 +1,9	22,8
Скорее интересуюсь	40,8	48,0	45,5	51,3	48,3
Скорее не интересуюсь	16,0	19,4	27,3 +3,1	13,9 –2,0	17,6
Не интересуюсь совсем	23,2 +6,1	7,1	7,4	4,6 –2,6	7,9
Затрудняюсь ответить	7,2 +2,3	1,5	2,8	3,5	3,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Вторая цифра в ячейке — статистически значимый стандартизованный остаток.

Таблица 5

**Уровень интереса молодежи к политическим событиям
в регионе проживания пользователей
различного типа онлайн-источников (% по вертикали)**

Вопрос: «В какой степени вы интересуетесь информацией о политических событиях в регионе проживания?»»

	Вообще не использует ресурсы онлайн для получения политической информации	Использует только интернет-сайты для получения политических новостей	Использует только соцсети и мессенджеры для получения политических новостей	Использует все формы источников онлайн для получения политических новостей	Всего
Очень интересуюсь	14,4	16,8	18,2	19,5	18,1
Скорее интересуюсь	32,8	40,8	38,6	36,9	37,5
Скорее не интересуюсь	20,0	27,0	24,4	29,6	27,0
Не интересуюсь совсем	24,8 +3,6*	12,8	15,3	9,7 –2,2	13,1
Затрудняюсь ответить	8,0 +2,0	2,6	3,4	4,3	4,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Вторая цифра в ячейке — статистически значимый стандартизованный остаток.

Политические события региона кажутся молодежи менее интересными. В этом случае в группу заинтересованных попадают уже только 55,6% людей, а различие между указанными группами не выглядит столь существенным. Интересуются региональными новостями 56,4% молодых людей, использующих все типы онлайн-источников и 46% от группы, кто использует только источники политической информации офлайн.

Таблица 6

Уровень интереса молодежи к политическим событиям в месте проживания пользователей различного типа онлайн-источников (% по вертикали)

Вопрос: «В какой степени вы интересуетесь информацией о политических событиях в месте проживания?»

	Вообще не использует ресурсы онлайн для получения политической информации	Использует только интернет-сайты для получения политических новостей	Использует только соцсети и мессенджеры для получения политических новостей	Использует все формы источников онлайн для получения политических новостей	Всего
Очень интересуюсь	20,0	22,4	26,1	26,7	25,0
Скорее интересуюсь	27,2 -1,8*	38,3	41,5	37,7	37,2
Скорее не интересуюсь	19,2	21,9	19,3	20,5	20,4
Не интересуюсь совсем	22,4 +3,3	15,8	9,7	9,1 -2,0	12,1
Затрудняюсь ответить	11,2 +2,8	1,5 -2,3	3,4	6,0	5,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Вторая цифра в ячейке – статистически значимый стандартизованный остаток.

Интерес к политическим событиям в месте непосредственного проживания у молодежи чуть выше (62,2%), чем к событиям в регионе. Но различие уровня интереса получающих политическую информацию онлайн и офлайн существенно; величина этих групп равна 64,4 и 47,2% соответственно (табл. 6).

Ответ представителей молодежи на вопрос о типе государства, в котором они хотели бы жить (табл. 7), четко свидетельствуют о связи между способом получения политической информации и политическими взглядами. Ответы показали, что в государствах с либеральной идеологией хотели бы жить 19,6% российских представителей поколения до 30 лет, с социал-демократической идеологией – 13,6%, с националистической – 2,2%, с коммунистической – 4,3%, с консервативной – 4,7%. 18,5% никогда не думали на такую тему, 3,6% полагают, что для них это не имеет никакого значения, наконец, 33,4% не устраивает ни один из предложенных образцов. Анализ стандартизованных остатков показывает, что те молодые люди, которые используют

политическую информацию из офлайн-источников, в большей степени, чем другие, склонны позитивно относиться к мысли о возможном проживании в социалистическом (8,8%, с. з. с. о. равен +2,4) или националистическом (5,6%, с. з. с. о. равен +2,6) государстве. В то же время молодежь, получающая политическую информацию по всем возможным каналам онлайн-пространства, оказалась больше других склонна к нонконформизму. Среди них 37,9% (с. з. с. о. равен +1,8) не желают жить ни в одном из типов государств с реально существующим вариантом идеологии.

Таблица 7

Приоритетный тип государства, в котором хотела бы жить молодежь, получающая политическую информацию из различных типов источников онлайн (% по столбцу)

Вопрос: «Предположим, только от Вашей воли зависит, на каких принципах строится жизнь в нашем государстве. Что Вы предпочтете? Выберите, пожалуйста, один ответ.

1. Государство, которое контролирует исполнение законов и минимально вмешивается в экономические отношения в стране, но при этом люди сами полностью заботятся о себе и отвечают за свою жизнь.
2. Государство, где есть хорошие социальные программы поддержки людей, но при этом нужно платить очень высокие налоги — до 50% от дохода.
3. Государство, которого боятся все соседи, а жизнь в нем строится на принципе доминирования одной нации, остальные ограничены в правах.
4. Государство, где нет частной собственности, нет резкого имущественного расслоения между людьми, но есть очень жесткий идеологический контроль за людьми.
5. Государство, основанное на поддержании традиций, стабильное, но в котором доходы людей очень резко различаются.
6. Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов.
7. Для меня это не имеет значения.
8. Никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить».

Предпочитаемый для проживания тип государства	Вообще не использует ресурсы онлайн для получения политической информации	Использует только интернет-сайты для получения политических новостей	Использует только соцсети и мессенджеры для получения политических новостей	Использует все формы источников онлайн для получения политических новостей	Всего
1. Либеральное	13,6	18,4	18,8	21,9	19,6
2. Социал-демократическое (типа скандинавских стран)	7,2 -1,9*	13,8	11,4	15,9	13,6
3. Националистическое	5,6 +2,6	3,1	2,3	1,0 -1,9	2,2
4. Социалистическое (по образцу СССР)	8,8 +2,4	6,6	4,0	2,5 -2,0	4,3
5. Консервативное	4,8	4,6	6,8	4,1	4,7
6. Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов	26,4	33,7	25,0 -1,9	37,9 +1,8	33,4
7. Для меня это не имеет значения	5,6	1,5	5,7	3,1	3,6
8. Никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить	28,0 +2,5	18,4	26,1 +2,3	13,7 -2,5	18,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Вторая цифра в ячейке — статистически значимый стандартизованный остаток.

Попытки ученых проанализировать роль влияния политической информации из онлайн-пространства на политическую активность молодежи как одной из наиболее активных групп пользователей материалов Интернета все время натываются на необходимость получения достоверных эмпирических данных, отражающих тенденции изменения и приоритетных каналов получения сведений о политике и форм политического участия [1; 2, с. 115–129; 3; 4, с. 1–8]. Изучающие молодежь ученые стремятся понять механизмы взаимосвязи приоритетного выбора протестных форм гражданского активизма именно теми социальными группами, время пребывания которых в Интернете или использования мессенджеров заметно больше, чем у других людей. Ученые абсолютно объективно характеризуют политическое сознание значительной части молодежи как фрагментарное или незрелое, в то время как открытым остается вопрос о причинах более активного включения в гражданский протест людей в возрасте от 14 до 30 лет, чем в формы политического участия, ориентированного на поддержание стабильности политических институтов и политического режима конкретного государства.

Таблица 8

**Политические практики молодежи с различными
приоритетными источниками получения политической информации
онлайн (% от группы)**

Вопрос: «А в каких действиях Вы принимали участие в последние 2–3 года?»

Опыт политических действий в последние 2–3 года	Вообще не использует ресурсы онлайн	Использует только интернет-сайты	Использует только соцсети и мессенджеры	Использует все формы источников онлайн	Всего по выборке
Участвовал в выборах	44,0	36,2	29,5	36,0	35,9
Обращался в государственные органы	16,0	21,9	15,3	22,2	20,2
Обсуждал политику в социальных сетях, делал репосты политической информации	6,4 –2,6*	13,8	6,8 –3,0	21,7 +3,4	15,7
Участвовал в забастовках, митингах, демонстрациях	7,2	8,7	3,4 –2,6	12,2 +2,1	9,4
Участвовал в работе общественных организаций	4,8	4,1 –2,0	6,3	11,4 +2,5	8,3
Обращался в общественные организации	7,2	5,6	4,0 –1,6	8,7	7,1
Участвовал в работе политических партий	3,2	2,0 –1,7	0,0 –2,9	7,5 +3,1	4,6
Участвовал в несанкционированных акциях протеста	2,4	3,1	2,3	6,2 +1,9	4,4
Материально поддерживал политиков, их проекты	0,0	1,5	0,6	2,9 +1,7	1,9

* Вторая цифра в ячейке – статистически значимый стандартизованный остаток.

Уровень политической вовлеченности граждан России в возрасте до 30 лет, получающих политическую информацию онлайн, выше, чем у тех, кто не использует виртуальное пространство в этих целях (табл. 8; см. значения с. з. с. о.). По крайней мере в 6 из 9 проанализированных форм политического поведения уровень вовлеченности молодежи, использующей политическую информацию онлайн, оказался выше. Если только 15,7% молодежи в целом обсуждают политику в социальных сетях, делают репосты политической информации, то среди использующих онлайн-каналы политической информации их 21,7% (с. з. с. о. равен +3,4). Соответствующие показатели для участвовавших в забастовках, митингах, демонстрациях составляют 9,4 и 12,2% (с. з. с. о. равен +2,1), в работе общественных организаций — 8,3 и 11,4% (с. з. с. о. равен +2,5), в работе политических партий — 4,6 и 7,5% (с. з. с. о. равен +3,1), в несанкционированных акциях протеста — 4,4 и 6,2% (с. з. с. о. равен +1,9), материально поддерживавших политиков и их проекты — 1,9 и 2,9% (с. з. с. о. равен +1,7). Единственное исключение — участие молодежи в выборах; в эту форму политического поведения вовлечены 44,0% тех молодых людей, которые получают политические новости только из офлайн-источников и только 36% использующих все каналы получения политической информации из интернет-пространства.

Список использованной литературы

1. Михеева И. Интернет как главный мобилизационный ресурс. URL: <http://lawinrussia.ru/content/internet-kak-glavnyu-mobilizacionnyu-resurs> (дата обращения: 1.04.2019).
2. Радина Н. К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 115–129.
3. Строителева М. С. Политическая мобилизация в Интернете на примере деятельности Алексея Навального // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education: IX International Science Conference (USA, Boston, 08 March, 2016). URL: <https://scientific-conference.com/h/sborniki/politicheskie-nauki/277-politicheskaya-mobilizatsiya-v-internete-na-primere-deyatelnosti-alekseya-navalnogo.html> (дата обращения: 1.04.2019).
4. Шарапов Р. И. Условия политической мобилизации в сети Интернет // Социодинамика. 2017. № 10. С. 1–8.

Топчий Ирина Владимировна,

преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск, mm-is@mail.ru

УДК 070

Креативное комментирование политических новостей в социальных медиа

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00007.

Аннотация. На фоне громких скандалов вокруг увольнений и общественного порицания людей, достигших успеха, из-за их постов в социальных сетях прошлых лет, а также обсуждения в публичном пространстве уголовных дел, возбужденных за репосты, лайки, либо мемы в социальных сетях, актуальность приобретают исследования такой части политической коммуникации, как комментирование новостей. В статье предлагаются результаты исследования комментирования политических новостей в публичке meduza.io (выборка 30 апреля — 6 мая 2018 года): предложена интерпретация вовлеченности пользователей в креативное комментирование политических новостей, под которым понимается создание поликодового сообщения, требующего от автора использования различных элементов — видео, изображений и т. п., выявлен предпочитаемый тип визуальных элементов при создании креативных комментариев, определены функции данного типа контента. Исследование показывает значимость эстетического компонента в создании и восприятии комментариев.

Ключевые слова: комментарии пользователей, креативное комментирование, социальные сети, онлайн-комментирование, комментирование политических новостей, vkontakte.

Irina Topchiï

Lecturer at the Department of Journalism and Mass Communication, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Creative commentation of political news in social media

Supported by Russian Science Foundation, 18-18-00007.

Abstract. Against the background of loud scandals around the layoffs and public censure of people who have achieved success, because of their posts in social networks of past years, as well as discussing criminal cases in public space initiated for reposts, likes, or memes in social networks parts of political communication, like commenting on news. The report proposes the results of a study commenting on political news in public at meduza.io (sampling from April 30 to May 6, 2018): an interpretation of user involvement in creative commenting on political news was proposed, which means creating a polycode message requiring images, etc., identified the preferred type of visual elements when creating creative comments, defined the functions of this type of content. The study shows the importance of the aesthetic component in the creation and perception of comments.

Key words: user comments, creative commenting, social networks, online commenting, commenting on political news, social media, vkontakte.

Интернет-СМИ как субъект политической коммуникации

Развитие Интернета в целом и социальных сетей в частности неизбежно ведет к трансформации стратегий внутренней и внешней политической деятельности. Реальная политика, предполагающая ведение переговоров, применение силы или угрозу применения силы, реализуется сегодня в сочетании с инструментами «мягкой силы», на смену реальным войнам приходят гибридные [1, с. 22]. «Современная гибридизация войны движется дальше, чем просто перевес в пользу информационного отражения над реальными боевыми действиями. Известный тезис американского военного “мы не победили, пока об этом не сообщили по CNN” в силу развития сетевых медиа может звучать ещё более парадоксально: мы не победим никогда, потому что любое сообщение в Сети может быть опровергнуто “очевидцем событий”, приложившим в блоге фото или видео», — пишут О. В. Столетов и Д. С. Полулях [2, с. 171–172].

Любое интернет-медиа помимо стандартных признаков массовой информации обладает признаками, присущими сетевым ресурсам, такими как гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность. Что касается функций интернет-СМИ в политической коммуникации, то мы согласны с мнением исследователя Е. Г. Калугиной, считающей главной функцией функцию интерпретации, которая при освещении международных событий создаётся под воздействием медиаэффектов. Медиаэффектом первого уровня исследователь считает установление повестки дня. Он подробно описан в работах основоположников соответствующей теории М. Маккомбса и Д. Шоу [3; 4] и ряде последующих исследований. По мнению Е. Г. Дьяковой, эффект установления повестки дня проявляется только тогда, когда речь идёт о проблемах, находящихся за пределами непосредственного опыта людей [5, с. 111]. Представления о международных событиях, как правило, формируются именно за пределами опыта — главным образом на основе интерпретации, предлагаемой средствами массовой информации. Медиаэффектом второго уровня исследователи считают атрибутивную повестку дня, т. е. темы и вопросы, раскрываемые в рамках данных тем, к которым медиа обращается чаще всего. Как отмечают М. Маккомбс и Д. Шоу, то, как коммуникатор «обрамляет» проблему, может влиять на то, что мы о ней думаем [4, р. 63]. К третьему уровню исследователи относят фрейминг. Как пишет А. А. Казаков, фрейм — это окружающая действительность в том виде, в каком она преподносится прессой. «А значит, любой фрейм изначально несёт в себе не только отпечаток субъективного восприятия реальности, но и — вполне вероятно — элемент манипулятивного потенциала» [6, с. 87].

Исследователи выделяют вербальные и невербальные символические маркеры, способствующие формированию медиафреймов. В интернет-СМИ к невербальным маркерам можно отнести мультимедийные элементы, такие как фотографии, в том числе коллажи, инфографику, видео, а также некоторые интерактивные элементы, например модуль оценки материала. Вербальными маркерами могут выступать отдельные языковые средства, используемые непосредственно в текстах, гипертекстовых (заголовках, заголовочных комплексах, гиперссылках на материалы по теме) и интерактивных комментариях элементах, таких как комментарии [1, с. 23].

Комментирование постов как поле для дискуссий

Медиаисследователи всё чаще обращают внимание как раз на такой тип обратной связи, как комментарии. Например, М. В. Загидулина вводит понятие «публицистика 2.0» как разновидности контента, создаваемого самими пользователями. По мнению исследователя, «публицистика 2.0» — это высказывания авторов комментариев к актуальным новостным постам в социальных медиа, обладающие такими признаками, как социальная направленность, стремление указать на решение значимой проблемы, художественность, развернутость [7, с. 220].

Исследователи рассматривают комментарии как вторичный текст. Все комментарии можно разделить на 3 группы, в зависимости от их влияния на восприятие исходного материала:

- 1) с положительной оценкой содержания статьи;
- 2) с отрицательной оценкой содержания статьи;
- 3) комментарии, которые относятся к высказываниям другого пользователя, или в которых представлена другая точка зрения на материал либо другой комментарий.

Комментирование в социальных медиа интернет-СМИ можно считать трансформацией обратной связи с редакцией. Но стоит отметить, что как и существовавшие ранее формы в виде «писем в редакцию» могли быть фейком, созданным самой редакцией, так и при комментировании постов могут использоваться манипулятивные методы, такие как использование троллей и ботов [8]. В случае троллинга специально подготовленные пользователи создают осмысленные комментарии в благоприятном для политических субъектов ключе или стремятся в откликах на оппозиционные тексты дискредитировать сторонников неудобной для них позиции. Боты же управляются алгоритмами и зачастую распространяют спам.

Реакция пользователей заключается не только в форме создания комментариев, но и в виде просмотров, лайков и репостов. Причем это может относиться как к новости от СМИ, так и к каким-то конкретным комментариям под этой новостью. Дискуссии по тому или иному поводу становятся полноправной частью коммуникационного поля. Как отмечает М. В. Загидулина, дискуссия, разворачивающаяся вокруг социально значимой проблемы, может рассматриваться как идеал хабермасовой «публичной сферы». Это так называемая коммуникация 2.0 — сами пользователи создают контент, который читается и воспринимается другими наравне с постом-новостью (а иногда даже предпочтительнее, чем такой «нейтральный» текст) [7, с. 228]. Исследователь также отмечает, что такие коллективные формы создания контента обладают важным свойством сохранять плюрализм мнений за счет того, что аккаунты интернет-СМИ собирают представителей разных точек зрения и открывают возможность публичного диалога. Интернет-комментарий к медиаконтенту является своеобразным продолжением журналистского текста как текста принципиально не завершенного, как сообщения, которое ждет отзыва, ответа, и именно посредством интеракции, комментирования создается виртуальная реальность и осуществляется информационная власть как власть СМИ [9].

Вопросом изучения поведения комментаторов занимаются не только ученые, но и редакции изданий. Например, редакция издания «The Wall Street Journal» провела масштабное исследование — на протяжении 5 месяцев вся команда редакции изучала пользователей, участвующих в комментировании записей [10]. В результате наблюдения все комментаторы были разделены на 3 группы:

1. «Тяжёлые» комментаторы — те, кто часто и много комментирует, причем делает это зачастую, прочитав только заголовок.

2. «Лёгкие» комментаторы — те, кто комментирует избирательнее, а также возвращаются к статье несколько раз, чтобы увидеть реакцию на свой комментарий.

3. «Не комментаторы» — те, кто предпочитает не высказывать своё мнение, боясь быть осужденными или подвергнуться нападкам других комментаторов.

Благодаря данному исследованию компания внесла некоторые изменения в работу на своем сайте. Например, оставила возможность комментирования записей только авторизованным пользователям, а также ограничила время комментирования записей (материал можно комментировать только 48 часов после его выхода).

Креативное комментирование как ответ на визуальный поворот в СМИ

Теме «визуального поворота в СМИ» посвящено достаточно много научных работ, рассматривающих данное явление с разных сторон. Среди них работы исследователей, предпринимающих попытку комплексного осмысления феномена визуальности, визуального текста, визуальных коммуникаций, А. В. Якунина, Н. А. Симбирцевой, С. В. Пирогова [11, 12, 13]. А также работы исследователей процессов взаимодействия визуальности и средств массовой информации и коммуникации, медиаэстетики, вопросов трансформации медиасферы в эпоху тотальной визуализации (С. И. Симаковой, В. Л. Круткина, Я. В. Лайковой) [14, 15, 16, 17]. Исследователями выделены основные типы визуального контента:

- иллюстрации — графические формы контента, имеющие не столько информационное, сколько эстетическое предназначение [14, с. 214];

- фотографии — «конвенциональная система», которая выражает пространство в терминах законов перспектив (скорее одной перспективы) и объемов [15, с. 41];

- инфографика — креолизованный текст (сочетание вербальных и невербальных компонентов), основными функциями которого являются привлечение внимания аудитории СМИ, информирование и убеждение читателя, аргументация тезисов [16];

- различные разновидности мультимедийного контента (видеоролики, анимация и т. п.) [17, с. 34].

Журналистский визуальный контент срабатывает на формирование эмоционального восприятия предлагаемых сообщений у читателя, формируя, таким образом, лояльное отношение не только к материалам, но и в целом к изданию.

Ориентация на медиаэстетический потенциал авторских материалов в социальных сетях привлекает пользователей к активному соучастию в создании комментариев. Причём зачастую комментаторы также предпочитают добавление визуальных элементов, создавая таким образом «креативные комментарии». Под креативным комменти-

рованием мы понимаем сложные (поликодовые) формы комментариев, включающих в себя элементы визуализации (фото, карикатуры, мемы, стоп-кадры фильмов, скриншоты переписок, смайлики, гифки, видео), аудиоконтент, разные формы дизайна самого комментария, художественные элементы, требующие от пользователя временных, эмоциональных затрат [18].

Креативное комментирование политических новостей в социальной сети ВКонтакте

Объектом нашего исследования стали комментарии пользователей в социальной сети ВКонтакте официального паблика общественно-политического интернет-издания «Meduza». Эмпирическая база представлена материалами официального паблика одного из наиболее популярных общественно-политических ресурсов русскоязычного сегмента Интернета — сайта Meduza.io за недельный период с 30 апреля по 6 мая 2018 года в количестве более 240 единиц, к которым оставлено 15915 комментариев.

Все посты издания за данный период можно разделить на следующие тематические группы:

- внутренняя политика: митинги в поддержку в «Telegram» («В Москве прошел митинг против блокировки Telegram» и проч.), первомайские демонстрации («В Петербурге на первомайской демонстрации задержали активистов, которые несли флаги Украины и западных стран» и др.);
- внешняя политика («ФСБ опубликовала новые основы пограничной политики. С какими странами у России есть конфликты из-за границ? (Помимо Украины и Японии)» и др.);
- мировые новости («Сторонники оппозиции перекрыли улицы в городах Армении. В Ереване почти полностью прекращено движение» и др.);
- экономика («Сделка по продаже китайцам 14% «Роснефти» расторгнута» и др.);
- спорт («Александр Жуков уйдет с поста президента Олимпийского комитета России» и др.);
- культура (литература, кино, музыка) («"Он чувствовал себя так, будто его стремительно прогнали через все позы канцелярской Камасутры". Фрагмент романа Алексея Сальникова "Отдел"» и т. д.);
- новые технологии («Один из основателей WhatsApp Ян Кум объявил об уходе из компании. Решение связывают с его разногласиями с Facebook» и др.);
- здравоохранение («Самокопание — ложный путь, оно только крадет крупинцы времени». Интервью онколога Андрея Павленко. Он заболел раком и будет вести блог о том, как лечится» и др.);
- наука («Как изогнуть луч света, собрать наноградусник и создать искусственный интеллект агронома. Лекции победителей «баттлов ученых» Science Slam разных лет» и проч.);
- лайфстайл («ИКЕА выпустила линию одежды. В тон постельного белья, кресел и диванов стран»);

- досуг («Чем заняться в длинные выходные: 54 совета сотрудников “Медузы”»).

Также было отмечено, что в официальном аккаунте издания в социальной сети ВКонтакте публикуются материалы двух типов:

- 1) материалы, отсылающие на официальный сайт, для их полного прочтения;
- 2) материалы, которые можно просмотреть или прочесть непосредственно в социальной сети, без перехода на сайт (например, видеоинфографика «На каждого оправданного в российских судах — 445 осужденных», видеоматериал «Танец галактик вокруг Млечного пути» и проч.).

Стоит отметить, что преобладают материалы первого типа.

Редакция издания снабжает свои посты аннотациями, адаптированными именно к своей целевой аудитории. Благодаря этому сопровождающие тексты получаются живыми и интересными.

Помимо этого при создании публикации журналисты редакции обязательно добавляют визуальные элементы к записи. Причем зачастую это может быть просто белый заголовок на черном фоне. Либо затемненное на 70–80% изображение, перекрытое белым заголовком.

Все визуальные элементы, используемые журналистами при создании записей, можно разделить на категории:

- фотография, чаще всего репортажная (точнее, фотоотсылка к материалу на официальном сайте «Медузы» — это один из наиболее частотных типов визуального контента в паблике, встречающийся повсеместно), в основном выглядит как фото с текстом, выражающим основную мысль журналистского материала (или просто демонстрирующим его название); щелкнув по этому фото, мы оказываемся на сайте и можем прочесть журналистское сообщение;

- визуализированная цитата (встречается повсеместно, часто иллюстрирует новостные материалы с «Медузы», в которых нет визуального контента, как мы отмечали ранее, выглядит как контрастно выделенная совокупность слов (название материала) на черно-сером фоне;

- видео — профессионально подготовленные видеосюжеты, авторское видео с места событий, трейлеры и т. д.;

- видеографика и инфографика;

- рисунки (в основном иллюстрируют лайфхаки);

- карикатуры;

- комиксы;

- «неформат», например, фото с цитатой — активной ссылкой на таймлапс.

Такое тематическое и визуальное разнообразие журналистских материалов, ориентировано на получение обратной связи от читателей в виде комментирования записей, а также «лайков» и репостов. Материалы группы набирают в среднем 300–500 лайков (иногда и более тысячи), несколько десятков репостов, под постами оставляют десятки, а иногда и сотни комментариев.

Проведя контент-анализ комментариев к постам в период с 30 апреля по 6 мая 2018 года, мы выделили следующие группы контента, используемого при создании креативных комментариев:

- изображения (мемы, демотиваторы, скриншоты, картинки, ассоциирующиеся с текстом комментария или самой новостью);
- смайлы и стикеры (не простые эмодзи, а именно смайлы, загружаемые из специальных стикер-паков);
- гифки;
- видео (так же, как и в случае журналистских материалов, это могут быть видео с места событий, юмористические видео, так называемые видео-мемы, трейлеры к фильмам, видеоклипы и т. д.);
- аудиофайлы (чаще всего это аудиозаписи музыкальных групп и исполнителей).

Наиболее часто встречающимся типом визуального контента в комментариях являются мемы. В. В. Федоров считает, что данный тип визуализации является специфическим для социальных сетей средством деконструкции, так как сочетает в себе визуальные и вербальные компоненты. Пользователи избирают иронию и сарказм как стратегию в сообщении и комментировании всех официальных новостей, связанных с деятельностью органов власти и социальных институтов [19].

На рис. 1 представлены примеры использования мемов в креативных комментариях пользователей. Первый комментарий относится к новости «Трампа обвинили в сборе компромата на администрацию Обамы», второй относится к новости «РБК: Госдума приготовилась утвердить кандидатуру главы нового правительства 8 мая».

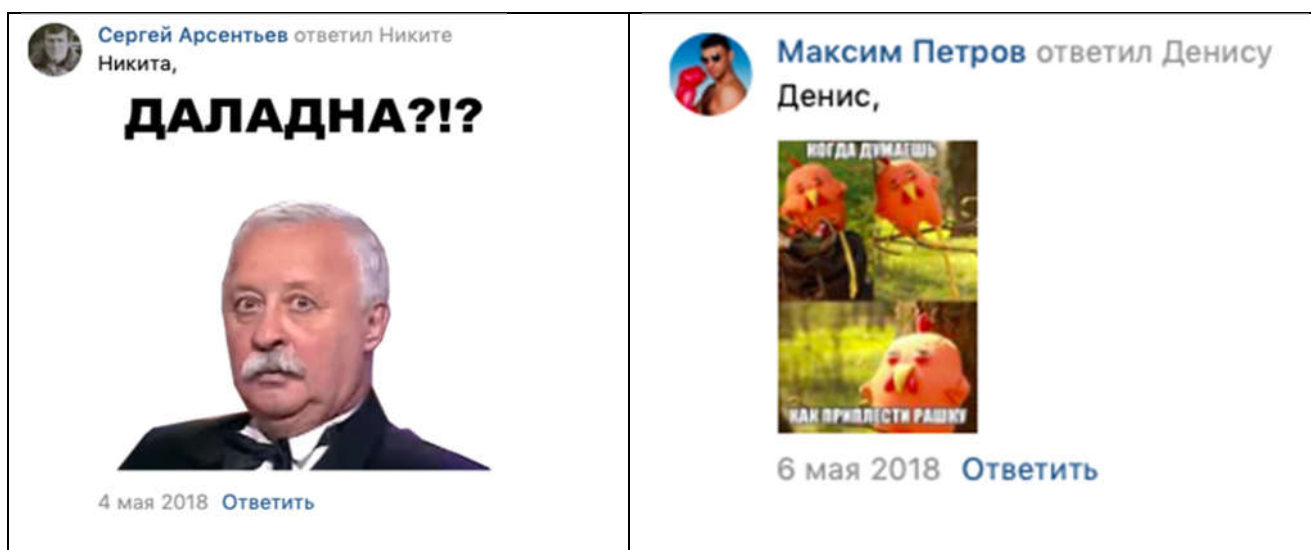

Рис. 1. Примеры креативных комментариев пользователей с использованием мемов

Исследователь Н. А. Зиновьева выделяет несколько функций интернет-мемов:

- репрезентация идеи — с помощью интернет-мема участники коммуникации в Интернете могут в конкретной форме выразить ту идею, которая ещё не сформулирована и не обсуждается активно в реальной жизни;
- трансляция идеологии — мемы транслируют мировоззрение авторов другим пользователям, играя роль в производстве и воспроизводстве культуры;
- репрезентация индивида — с помощью интернет-мемов участники коммуникации могут выразить свои эмоции и переживания и поделиться ими с другими пользователями, а затем найти единомышленников;
- репрезентация сообщества — мемы могут представлять идеологию целого сообщества, помогая его участникам отделить «своих» от «чужих»;
- коммуникация в сообществе — с помощью мемов все участники знакомятся с позициями других участников по тому или иному вопросу и высказывают свою, используя творчество и свои интеллектуальные способности для создания нового мема. Участники коммуникации обмениваются мемами, дополняя свою картину мира, узнают о существовании других мнений в их сообществе;
- интеграция сообщества — понимание и правильное употребление мемов позволяет идентифицировать себя с группой, проявлять солидарность;
- идентификация — мем требует включенности в определенные события или наличия какого-либо особенного опыта. Соответственно, использование мемов, понятных только тем, кто разделяет между собой некий опыт, «создает метаязык, понятный только «посвященным». Правильное понимание внутригрупповых мемов и их передача символически отграничивают членов группы от чужих;
- информирование — при желании быть включенным в круг тех, кто понимает определенные мемы, пользователь социальной сети может получить новую для себя информацию, обладая которой он тоже сможет понимать мем [20].

Обратную связь получают и сами комментаторы. Их записи активно оцениваются («лайкаются») другими подписчиками, а также получают ответные комментарии. Например, комментарий к новости «Глава Центрального района Санкт-Петербурга объявил, что на улице Рубинштейна будут широкие тротуары и одностороннее движение. Но они уже там есть» собрал от других участников обсуждения 45 лайков (рис. 2). Дискурсивная практика комментария, таким образом, становится прежде всего социальной практикой борьбы за свои интересы, отстаивания своих убеждений, моделирования собственно «правильного», безопасного социального мира и объединения с единомышленниками.

Дмитрий Нон

Тебе не придется тратить бюджетные деньги, если работа уже давно выполнена

6 мая 2018 Ответить

45

Рис. 2. Креативный комментарий пользователя получил положительную оценку от подписчиков

Таким образом, дискурсивная практика комментария становится прежде всего социальной практикой борьбы за свои интересы, отстаивания своих убеждений, моделирования собственно «правильного», безопасного социального мира и объединения с единомышленниками.

Список использованной литературы

1. Калугина Е. Г. Интернет-СМИ в аспекте ноополитики: построение подхода исследованию особенностей интерпретации действительности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2018. № 10(88), ч. 1. С. 22–25. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.4>
2. Столетов О. В., Полулях Д. С. Гибридная война: реконструкция против деконструкции // Будаев А. В., Демидов А. В., Манойло А. В. Мягкая сила в мировой политической динамике : учеб.-метод. пособие. М. : Известия, 2015. С. 163–173.
3. McCombs, M. E., Shaw, D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. № 2. P. 176–187.
4. McCombs, M. E., Shaw, D. L. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. P. 58–67.
5. Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–119.
6. Казаков А. А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2014. Т. 14. № 4. С. 85–89.
7. Загидуллина М. В. Публицистика 2.0: к определению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 220–235. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.206>
8. Gorwa, R., Guilbeault D. Understanding Bots for Policy and Research: Challenges, Methods, and Solutions. 2018. URL: <http://comprop.oii.ox.ac.uk/research/academic-articles/understanding-bots/> (дата обращения: 03.04.2019).

9. Лабутина В. В., Топчий И. В. Интерпретационные и коммуникативные стратегии пользователей при комментировании медиаконтента в онлайн-сообществах // Журналистский текст в новой технологической среде : сб. материалов III конф. PMMIS (Post massmedia in the modern informational society). Челябинск, 28–29 марта, 2019. Челябинск, 2019. С. 195–198.
10. Королева О. Вовлечение аудитории. Пример The Wall Street Journal // New Reporter, 2019. URL: <https://newreporter.org/2019/04/12/vovlechenie-auditorii-primer-the-wall-street-journal/>
11. Alexander V. Yakunin. Междисциплинарный подход к анализу визуальных коммуникаций: от частных задач к единой методологии исследования // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2015. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/1703>
12. Симбирцева Н. А. Визуальный текст как явление современной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7(33) : в 2 ч. Ч. I. С. 183–185.
13. Пирогов С. В. Горизонты исследований визуального // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4(24). 124–131.
14. Симакова С. И. Тенденции визуализации журналистского контента в современных СМИ // Вестник Северо-Осетинского государственного ун-та им. К. Л. Хетагурова. Сер. Общественные науки. 2015. № 3. С. 213–218.
15. Круткин В. Л. Пьер Бурдьё: фотография как средство и индекс социальной интеграции // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. № 3. С. 40–55.
16. Лайкова Я. В. Инфографика в российских СМИ: периодизация и тренды развития. Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2015. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/1712>
17. Симакова С. И. Инфографика как способ визуализации журналистского контента // Знак: проблемное поле медиаобразования : науч. журн. 2015. № 1(15). С. 34–40.
18. Топчий И. В. Креативное комментирование как критерий эффективности SMM средств массовой информации: к постановке проблемы // Журналистский текст в новой технологической среде : сб. материалов III конф. PMMIS (Post massmedia in the modern informational society). Челябинск, 28–29 марта, 2019. Челябинск, 2019. С. 339–342.
19. Федоров В. В. Эффект деконструкции существующего типа культуры и морально-этических норм общения в пространстве социальных сетей // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4(21). С. 80–85.
20. Зиновьева Н. А. Функции интернет-мемов в обществе. Социологический взгляд // Материалы XIII Всерос. объединенной конф. Санкт-Петербургский государственный университет. С. 54–56. URL: <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/2282/2282.pdf>

Антонова Екатерина Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права, Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург, e.e.antonova@usla.ru

Дженакова Екатерина Всеволодовна,

старший преподаватель кафедры информационного права, Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург

УДК 004.9:349

Интеграция научного потенциала как основа развития информационного общества

Аннотация. В статье обозначены проблемы формирования понятийного аппарата информационного права, обусловленные спецификой природы объектов информационной сферы, особенностями заимствования информационных терминов, проблемами перевода англоязычных терминов на русский язык. Делается вывод о необходимости интеграции усилий и организации совместной работы специалистов в области IT-технологий, лингвистики, юриспруденции, культурологии и пр. в процессе создания категориального строя науки информационного права.

Ключевые слова: информационное право, информационные технологии, проблемы терминологии, заимствования, понятия.

Catherine Antonova

Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate professor, Ural State Law University, Russia, Ekaterinburg

Catherine Janakova

The head teacher, Ural State Law University, Russia, Ekaterinburg

Intellectual assets integration as a foundation of development of the Information Society

Abstract. The article is considered problems of foundation the conceptual framework of Information Law. The seissues are determined by special aspects of information objects, naturalization information terms, translate difficulties. It is developed a conviction of intellectual assets integration and organization collaborative work of hard scientists and humanities scholars. Team-work of researchers and experts of information technology, linguistics, law, science of culture etc. is vitally important in the making of Information Law terminology.

Key words: Information Law, information technology, terms issues, naturalization, concepts.

Стремительно развивающиеся информационные технологии оказывают существенное влияние на все сферы жизни не только отдельно взятого государства, но и мирового сообщества в целом. Их (технологии) заслуженно сравнивают с «локомотивом эпохи», и сегодня ни одна из областей человеческой деятельности (экономическая, социальная, культурная, политическая) так или иначе не может избежать «встречи» с ними.

Продолжая и развивая положения, заложенные международными актами [1, 2], на протяжении последних десятилетий Российская Федерация реализует политику в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленную на развитие информационного общества в стране, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию важнейших приоритетов. В связи с этим принят целый ряд стратегических документов [3–6], которые определяют цели, задачи, принципы, ключевые направления и проводимые мероприятия в этой сфере.

К числу основных мероприятий относится нормативно-правовое регулирование общественных отношений, возникающих по поводу информации, информационных технологий, информационно-телекоммуникационных систем, информационной безопасности, международного информационного обмена, информационных процессов и управления ими (информатизации). Названную область правоотношений принято считать предметом информационного права. Его категории и понятия составляют основу содержания правового регулирования в информационной сфере, формируют информационную культуру и определяют уровень информационной безопасности во всех сферах жизни общества.

Категориальный строй информационного права содержит достаточное количество понятий, генетически возникших в других, как правило, технических, областях знаний, но оказавшихся «внедренными» в сферу информационного права в результате решения практических, научно-исследовательских задач и именно там получивших свое строгое научное определение, закрепляющее их правовой статус и включение в понятийный строй науки. Так, например, информационное право включает в свой понятийный аппарат такие «неорганичные» юридической науке понятия, как «идентификационный модуль» [7, п. 2], «роуминг» [7, п. 2], «сайт» [8, п. 13 ст. 2], «портал» [9, п. 7 ст. 2] и т. д.

Следует признать, что в основе развития информационного общества лежат открытия и достижения науки и техники, обуславливающие появление новых объектов информационного пространства, по поводу которых складываются принципиально новые общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании. В силу этого необходимы разработка и принятие новых норм права, содержащих определения новых понятий. Поэтому перед наукой информационного права стоит сложная двойная задача: сформулировать собственно научные определения понятий, а также подготовить определения этих понятий для законодательной практики с целью осуществления грамотного регулирования общественных отношений в информационной сфере, с соблюдением основных прав и свобод человека, реализацией принципов конституционности и законности.

Наименование новых информационно-технологических объектов происходит, как правило, либо методом заимствования наиболее подходящих терминов из соответствующих технических или естественных наук, либо посредством механического переноса терминов без проведения соответствующего содержательного анализа вводимого поня-

тия. Именно поэтому специфика правового регулирования информационных правоотношений характеризуется:

во-первых, наличием большого количества сложных для восприятия технико-правовых норм, содержащих специальные технические термины и их определения, перешедшие в правовую сферу из технических, инженерных, математических наук и информатики, например: «сетевой адрес» [8, п. 6 ст. 2], «вызов» [7, п. 2], «монтируемая емкость» [10, п. 8 ст. 2] и др.) ;

во-вторых, значительным количеством заимствованных, преимущественно из английского языка, терминов: «трафик» [10, п. 29 ст. 2], «блогер» [11, пп. 2 п. 6 ст. 1], «провайдер хостинга» [8, п. 18 ст. 2] и др.

Понятийно-категориальный аппарат любой науки представляет собой не «механическую совокупность понятий, а структурно упорядоченное единство» [12, с. 73], и формирование понятий и категорий должно проходить на основе взаимосвязанности и взаимообусловленности, а логическая структура понятийно-категориального аппарата обязана определить поле использования и интерпретации каждого понятия в отдельности и в их совокупности.

Упорядочение правовой терминологии невозможно без системной научной проработки юридических понятий и терминов, их семантического и логического анализа, который следует проводить на междисциплинарном уровне с учетом данных научных исследований в соответствующих областях. Необходимость совместных исследований имеет важное методологическое значение, поскольку наука информационного права создает и формирует такие понятия и обращает внимание ученых на такие явления, которые, являясь предметной областью именно информационного права, «втягиваются» в сферу научных интересов других областей знаний: философии, культурологии, искусствоведения, лингвистики, социологии и т. д. Характерным примером служат понятия «киберпространства», «информационного пространства» или «инфосферы», «информационного ресурса», «социальных сетей».

Соответственно, задача разработчиков текстов правовых актов сводится к следующей схеме работы, состоящей из нескольких этапов:

— определяется технологическое значение специальных понятий из физики, математики, биологии, информатики, технических наук (формулировка собственно научных определений понятий, которые позволяют наиболее полно, глубоко и точно выразить сущность информационных объектов);

— осуществляется лингвистическая адаптация понятия;

— формируется определение понятия, исходя из традиций юридической техники.

Процесс завершается оформлением юридического определения понятия для осуществления эффективного регулирования общественных информационных отношений с целью соблюдения основных прав и свобод человека, создания благоприятного правового климата в информационной сфере.

И здесь законодатель неизбежно сталкивается с практически преодолимым препятствием — временем. Процесс образования терминологического пространства —

процесс длительный, требующий, чтобы *новое явление* сначала получило своё «имя» в технико-технологическом пространстве, затем — при переходе в правовую область — это «имя» наполнилось юридическим смыслом и содержанием. Переход должен осуществляться на основе новых, альтернативных методологических концепций в праве, отвечающих требованиям времени, достижениям научной мысли не только в области естественных наук, математики, информатики, но и в сфере общегуманитарных наук.

Следующим шагом во времени, видимо, должна осуществляться работа над термином, в результате которой под влиянием научных достижений, экономических, социальных перемен происходит корректировка и уточнение смысла, а также становится возможной замена одного термина другим.

Информационное пространство является трансграничным и характеризуется активным использованием английского языка как языка международного общения, в силу чего в информационно-коммуникационной сфере имеет место массовое использование терминов английского происхождения. Обусловлено это совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов: распространённостью английского языка, историческими и географическими особенностями его формирования.

Включение в российское правовое пространство иноязычных терминов (преимущественно английского происхождения) сопровождается определенными трудностями.

Во-первых, сложности связаны с проблемой выбора в русском языке нужного слова для наиболее правильной и точной передачи смысловой нагрузки заимствованного (переводимого) термина.

Во-вторых, предметно-логическое значение слова в русском и английском языках не всегда совпадает, это обусловлено природой самого слова, его многозначностью, семантическим многообразием [13, с. 90].

И в-третьих, правовое значение вводимого понятия («правовой статус», «права и обязанности субъекта», «правовое положение» и т. п.) в российской и европейской (англо-американской) правовой традиции могут принципиально различаться.

Характерным примером заимствования является термин *«провайдер»*.

Оксфордский словарь английского языка определяет провайдера как лицо, которое обеспечивает что-либо; в свою очередь глагол «обеспечить» означает «сделать возможным для использования, удовлетворять (потребности)» [14]. В других словарях «provider» определяется как *«поставщик услуг; лицо, предоставляющее услуги»* [15].

В «Словаре иностранных слов» провайдер определяется как *«организация, предоставляющая информационные или коммуникационные услуги (напр., занимающаяся подключением к Интернету (Интернет)»* [16]. Национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 52872—2007 «Интернет-ресурсы. Требования доступности для инвалидов по зрению» [17] провайдер определяется как *«организация, предоставляющая информационные услуги»*. В «Большом юридическом словаре» под провайдером понимается *«производитель или распространитель информации в Интернет, в том числе оказывающий услуги по подключению»* [18].

Понятие поставщика услуг традиционно связывается с гражданско-правовыми обязательственными отношениями, и, видимо, для того, чтобы избежать смешения терминов «провайдер» и «оператор» и обозначаемых этими терминами субъектов, в российское законодательство вводится транскрибированный термин «провайдер», обозначающий субъекта, чья деятельность связана исключительно с оказанием услуг в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Понятие «поставщик информационных услуг» было включено только в один федеральный закон, регулирующий отношения, связанные с подготовкой и проведением в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, и определяется как «*юридическое лицо, оказывающее услуги в сфере информационных технологий для осуществления мероприятий*» [19, п. «е» ст. 2], при этом законодатель не уточняет, что понимается под сферой информационных технологий. В остальных случаях законодательная, правореализационная практика оперируют терминами «провайдер», «интернет-провайдер», «хостинг-провайдер», «оператор связи» и т. п. Механический перенос англоязычного термина привел к появлению в российском правовом пространстве нового субъекта информационных правоотношений — провайдера (интернет-провайдера), а в российской правоприменительной практике, в отсутствие легальной дефиниции данного понятия, — к формированию многозначности данного понятия, невозможности соотнесения нового субъекта с уже существующими, отсутствию единой позиции правоприменителя и, соответственно, отсутствию эффективного правового регулирования.

Вопросы необходимости и неизбежности заимствования терминов и проблемы, возникающие при формировании интернационального, межгосударственного правового языка, были рассмотрены Д. А. Керимовым в его работе, посвященной культуре и технике законотворчества, в которой он отмечал, что должно существовать три непереносимых условия, при соблюдении которых использование «интернационального» правового языка будет оправданно.

Во-первых, термины и выражения должны быть оптимальны и правильно обозначать соответствующие понятия; во-вторых, используемые выражения должны быть устоявшимися, прочно вошедшими в международный юридический лексикон, их употребление должно быть мотивировано; и, в-третьих, смысл введенных терминов и выражений должен расшифровываться и объясняться в самом законе [20, с. 97].

Лексика информационного права достаточно сложна и насыщена специфическими терминами. Но в этом и заключен парадокс — практически все термины информационной сферы приняли общеупотребительный характер. Однако кажущаяся простота (вызванная широким использованием этих терминов в обыденной жизни) порождает множество различных толкований, обусловленных: и уровнем общих теоретических и специальных знаний; и владением специальной технической терминологией; и наличием определенных умений и навыков в применении информационных технологий в различных сферах деятельности; и, безусловно, общим уровнем информационной культуры.

Таким образом, развитие современных информационных технологий, происходящие процессы глобализации оказывают серьезное влияние как на политические, так и на культурные парадигмы не только отдельно взятого государства, но и мирового сообщества в целом. В свою очередь, право, являясь регулятором общественных отношений, одновременно является отражением политических и культурных процессов, происходящих в обществе.

Между тем правовое регулирование общественных отношений, складывающихся по поводу объектов информационной сферы, имеет ряд сложностей. При этом ключевой проблемой, определяющей политическую стабильность и устойчивость развития правового регулирования информационной сферы, является вопрос формирования юридического понятийного аппарата в этой области (т. е. правовых понятий, их определений и терминов).

Эффективное решение обозначенной проблемы невозможно без совместной работы специалистов в области IT-технологий, лингвистики, юриспруденции, культурологии, политологии и пр.

Список использованной литературы

1. Окинавская хартия глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22. 07. 2000) // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.
2. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества Женева, 2003 г. – Тунис, 2005 г. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/7-R 18 ноября 2005 года Оригинал: английский. URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/07/TUNISSКОЕ-ОБЪАЗАТЕЛСТВО.pdf> (дата обращения: 03.04.2019).
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // РГ. 2008. 16 февр.
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
5. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552 и др.
7. Правила оказания услуг телефонной связи, утв. Постановлением Правительства РФ от 09.12.2014 № 1342 (ред. от 25.10.2017) // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7431.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.06.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
10. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

11. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.
12. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права : монография. Екатеринбург : УрГЮА, 1997. 180 с.
13. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. 125 с.
14. Оксфордский словарь английского языка. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/provider> (дата обращения: 03.03.2019).
15. URL: <https://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=provider> (дата обращения: 03.03.2019).
16. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 672 с.
17. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52872–2007 «Интернет-ресурсы. Требования доступности для инвалидов по зрению». URL: <https://www.ifar.ru/library/gost/528722007.pdf> (дата обращения: 11.03.2019).
18. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2009. 703 с.
19. Федеральный закон от 07.06.2013 № 108-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.08.2018) // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2866.
20. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М. : Юрид. лит., 1991. 160 с.

Минаева Людмила Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры международной коммуникации, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, lvm@fmp.msu.ru

УДК 659

Политический аспект образовательного телевидения

Аннотация. Много известно о том, как политическая повестка дня транслируется общественности при помощи телевизионных политических ток-шоу и новостных программ, но мало известно об использовании других программ в политических целях. Настоящая статья, основываясь на изучении влияния научной информации на международную аудиторию, позволяет по-новому взглянуть на роль телевидения в политической коммуникации. Результаты исследования демонстрируют политический потенциал образовательного телевидения, который проявляется в его модерерирующей функции при передаче научной информации.

Ключевые слова: образовательное телевидение, политическая коммуникация, международная аудитория, имидж страны.

Liudmila Minaeva

Doctor of Sciences at Philology, Professor at the Department of International Communication, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, lvm@fmp.msu.ru

Political Aspect of Educational Television

Abstract. We know much about how political agenda is transmitted to the public through television political talk shows and news programmes but little on how other TV programmes can be used for political purposes. This article contributes new insights by investigating how exposure to scientific information has an impact on political views of the international audience. Our finding highlights the political potential of educational television. The results of the research demonstrate the subtle moderating role of educational television in the political communication of scientific information.

Key words: educational television. Political communication, international audience, country image.

Как известно, понятие «мягкой силы» было введено в научный обиход Дж. Наем в 90-е годы. Вызвавшее поначалу резкую критику, данное понятие в настоящее время широко используется в политологических исследованиях, что связано с осознанием необходимости невоенного воздействия на противоположную сторону в условиях отсутствия единственного политического центра в мире.

«Мягкая сила» подразумевает привлекательность для других стран тех или иных положений, феноменов, образов действий и т. п. [1] Уместно в данной связи привести мнение заместителя министра иностранных дел РФ Г. Б. Карасина, который на вопрос о «мягкой силе» Российской Федерации определил ее как трансляцию за пределы национальных границ России информации о достижениях страны и российского общества в науке, спорте, технике, экономике и других сферах, призванной повысить привлекательность России в глазах зарубежной аудитории [2]. Подчеркнем, что привлекательность одной страны в плане ее экономики, культуры, образования должна быть «транслирована», то есть раскрыта и донесена до жителей других стран. Понятно, ведущую роль в данном процессе играют средства массовой информации, среди которых телевидение остается доминирующим.

Специальные исследования стран Европы, Южной Америки, США, Австралии и Китая показывают, что, несмотря на растущую популярность Интернета, страны инвестируют большие суммы в развитие за рубежом телевидения. Причиной является то, что телевидение не уступает своих позиций и его аудитория практически не уменьшается. Как показывает специальное исследование, в США время просмотра телевизора в среднем составляет 4ч:42м, что на час больше среднего показателя в исследовании. В Великобритании средний житель проводит возле телевизора 3ч:40м, что ровно на минуту меньше среднего показателя в мире. Меньше всего телевизор смотрят в Китае и Швеции (2ч:33м) [3].

В среднем все зрители России от 4 лет смотрят ТВ 4 часа в день. При этом зрители от 4 до 17 лет тратят меньше времени на просмотр (2 часа). Чем старше группа, тем больше времени приходится на просмотр (до 6 часов) [4]. В этой связи следует подчеркнуть, что уменьшение числа зрителей среди молодых людей не озна-

чают, что они «не смотрят телевизор». Просто контент, созданный телевидением, стал доступен на другом носителе. Молодежь переходит в Интернет, где получает возможность знакомиться с телевизионными передачами и сериалами.

Благодаря движущейся картинке, цвету, звуку телевидение создает иллюзию сопричастности аудитории описываемым событием и оказывает на нее огромное эмоциональное воздействие, что делает его мощным инструментом формирования общественного мнения. При этом благодаря совершенствованию технических возможностей передачи информации такое воздействие можно оказывать не только на внутреннюю, но и на внешнюю аудиторию, что нашло отражение в расширении международного вещания (или иновещания) разных стран.

Зарубежное иновещание используется:

- для формирования и продвижения положительного имиджа страны;
- пропаганды, в том числе религиозной;
- поддержки контактов с экспатриантами;
- осуществления просветительской деятельности.

В зависимости от страны та или иная задача выдвигается на передний план. Так, Франция и Германия особое внимание уделяют представлению своего языка и культуры, а также осуществлению контактов с экспатриантами. ВВС, хотя и является британской корпорацией, позиционирует себя как глобального игрока на медиарынке и главного «поставщика» мировых новостей. США считает для себя основной миссионерскую функцию и распространяет в мире определенные социальные и политические понятия и идеологии [5]. Все активнее работают китайские СМИ, при этом стараясь соответствовать западным стандартам телевидения [6]. Главной задачей для китайского иновещания является продвижение положительного имиджа страны путем распространения оперативной информации о ней, чего не могут сделать западные СМИ.

Функция просвещения выполняется образовательным или учебным телевидением. Телевидение имеет много преимуществ в деле распространения знаний, наглядно и просто рассказывая о достаточно сложных вопросах современной науки. Зрители сегодня имеют возможность получать знания из разных источников информации, но только телевидение может «упаковать» сложный научный контент в доступную и занимательную форму. Кроме того, «массовость, общедоступность, способность наиболее интересно и красочно донести информацию — все эти качества сделали телевидение незаменимым инструментом для повышения культурного и образовательного уровня населения» [7].

Образовательное телевидение активно развивается в разных странах прежде всего потому, что государство заинтересовано в повышении культурного и образовательного уровня общества. В СССР в 60-х годах на основных каналах существовали рубрики «Страницы творчества советских писателей», «Литературные беседы», «Клуб кинопутешественников», «Очевидное — невероятное». В 1965 году начинает вещание третья — учебно-образовательная программа Центрального телевидения. Для руководства подготовкой и проведением передач учебного телевидения были созданы творческое подразделение и методический совет из представителей заинтересованных

ведомств, организаций и Министерства образования СССР. Создавались передачи по физике, биологии, химии, иностранным языкам. Систематически велись передачи для учителей («Экран — учителю»), для поступающих в вузы, студентов заочных и вечерних вузов. Циклы передач для специалистов народного хозяйства позволяли без отрыва от производства повышать квалификацию [8].

В США в мае 1962 года президент Дж. Кеннеди подписал Акт о средствах образовательного телевидения, в 4-м пункте которого впервые говорилось о необходимости развития образовательного телевидения (educational television). Подчеркивалось, что аудиторию составляют, в первую очередь, дети, особенно дошкольники и ученики младших классов, однако образовательное телевидение предполагало программы и для более взрослых зрителей, которые хотели бы углубить свои знания в той или иной области или приобрести новые знания.

В настоящее время много зарубежных образовательных передач выходит в эфир общественных телеканалов: PBS в США; BBC в Великобритании; France 2 и TV 5 MONDE во Франции; ARD и ZDF в Германии; TVE La Primera, TVE 1 и TVE La 2 в Испании; ABC TV в Австралии; NHK в Японии, в Италии — телеканалы Rai [9]. Вследствие развития этого сегмента телевидения отмечается ежегодный стабильный рост интереса к науке и культуре среди населения зарубежных развитых государств.

Развитие электронных СМИ открыло новые возможности для государственной пропаганды, направленной в том числе и на внешнюю (внестрановую) аудиторию [10]. Образовательное телевидение приобретает при этом важное значение как инструмент «мягкой силы». Ведь речь идет не об информационных программах и ток-шоу, в которых участвуют известные политики, а о передачах, посвященных культуре, науке и образованию. Авторами или участниками научно-популярных программ являются ученые, пользующиеся известностью и авторитетом. Зрители им доверяют, тем более что в случае научной коммуникации в центре внимания находятся не политические вопросы, а достижения науки, которая, как известно, не создается партиями и политическими объединениями. А наличие именно доверительных отношений является одним из самых важных условий для влияния на жителей другой страны [11]. «Их отсутствие изначально влечёт за собой подозрительность, а в конечном итоге — нейтральное или даже негативное восприятие» [12].

Отличительной особенностью динамики современного мирового медиапространства является ориентация на целевую аудиторию. Научная информация по вполне понятным причинам предназначена, прежде всего, для ученых. Большое число научных журналов, которые существуют в печатном и электронном вариантах, содержит огромный объем информации, представленной в соответствии со стандартами интеллективного общения. Однако в сети есть много пользователей, которые интересуются наукой и техникой и для которых это более значимый тип информации, чем политические обзоры и комментарии. Образовательное телевидение позволяет включить этот сегмент пользователей в сети в политический процесс косвенным путем, продвигая

имидж государства как научного лидера и, следовательно, положительно воздействовать на международную общественность в интересах данного государства.

Эффект документальности и, следовательно, достоверности сообщения лежит в основе образовательного телевидения, которое обычно не рассматривается в пропагандистском аспекте. А между тем именно это его свойство создателям и заказчикам научно-популярных программ дает возможность транслировать выгодную для имиджа страны информацию, при этом не подчеркивая ее политическую значимость. Одновременно с познавательной информацией телевизионные программы этого рода включают в себе культурные коды страны-автора, которые диктуют аудитории «правильность» определенных политических установок, воззрений, моделей поведения и т. д. А в мировом медиапространстве, создавая такой культурный фон для передаваемого знания, образовательная передача ненавязчиво, но последовательно формирует у международной аудитории позитивный имидж страны-автора.

На сегодняшний день основными странами-производителями образовательных программ являются европейские государства и США. Условиями успеха на международном рынке образовательной передачи являются популярность у аудитории своей страны, а также финансовые и кадровые возможности компании, которые способствуют продвижению телевизионного продукта на зарубежных территориях.

Рассмотрим возможности образовательного телевидения в плане пропаганды и продвижения положительного имиджа страны на примере США. Американские образовательные телепрограммы предназначены для широкой аудитории разного возраста, и большинство программ может быть адресовано как детям, так и взрослым. Среди наиболее успешных образовательных каналов, пользующихся широкой популярностью в мире, NASA TV и Discovery Channel.

На сегодняшний день более чем в 220 странах вещает сразу 10 каналов семейства Discovery, а совокупный охват составляет почти 3 млрд подписчиков. Официальные представительства медиакомпаний есть в Австралии и Новой Зеландии, в Азии (Сингапуре, Китае, Японии), в Европе (Великобритании, Нидерландах), в США, на Ближнем Востоке, в странах СНГ, в том числе и в России. Большинство передач Discovery научно-развлекательные, целью которых является привлечение к науке большой аудитории. Для этого создатели передач прибегают к особым приемам, с помощью которых они обращаются к эмоциям зрителей.

В 2010 году начинает вещание канал NASA TV, который предлагает программы абсолютно нового формата. NASA TV с самого начала формирует серьезное отношение к науке и космосу. Создатели передач на NASA TV апеллируют не к эмоциям зрителей, а к их разуму. Интерес аудитории к программам возникает не потому, что наука — это несложно и интересно, а потому, что знания о космосе необходимы для любого жителя XXI века.

Несмотря на указанную разницу, оба канала сходны в одном: они всячески продвигают идею научного лидерства США, а через нее и примат данной страны на международной арене.

Для определения восприятия программ NASA TV и Discovery Channel международной аудиторией было проведено исследование методом фокус-группы с российскими студентами в качестве участников [13]. Участникам эксперимента были показаны два эпизода документального сериала «Discovery: Новый мир»: «Мегатрополис» и «Угрозы будущего» и прямой эфир NASA TV, который включал в себя интервью с американским астронавтом Кэтрин Салливан, онлайн-трансляцию с борта МКС и научный фильм о происхождении Земли. При обсуждении обоих каналов участники подчеркивали освещение исключительно американского опыта.

Любопытна в этом отношении онлайн-трансляция с борта МКС, представляющей собой, как известно, совместный международный проект, в котором участвуют 14 стран. На этот раз в экспедиции участвовали четыре американца и четыре россиянина. На связь с Землей в прямом эфире вышли все американские астронавты, в отличие от российских — лишь один из четырех оказался в кадре. В этой связи один из респондентов отметил: «У меня сложилось впечатление, что американцы идут русским навстречу, позволяют им “делить” с собой космическое пространство. Ощущение, что русские помогают американцам: в кадре было показано, как на станции живут только астронавты из США, российских не было видно. А в конце вообще показали, что наши им подарили матрешек — это что, получается, что мы их благодарим за то, что они нас в космос взяли?»

Исследование тактик, которые используются телевидением для продвижения положительного имиджа страны, показывает, что, прежде всего, обыгрывается возможность визуально подчеркнуть национальный характер научных достижений. С этой целью в кадр включаются американская государственная символика, фоновые картинки городских пейзажей США, указания в титрах национальности экспертов, абсолютное большинство которых является американскими учеными.

Вербальные тактики реализуют, прежде всего, технику умалчивания (сокрытие фактов разработки аналогичных технологий в других странах), которая делает научные достижения США особенно яркими. В закадровом тексте постоянно подчеркивается превосходство США в разных областях науки и техники. Фразы *впервые за историю человечества, уникальные разработки, никто еще до сих пор не делал такого* внедряют в сознание зрителя мысль о научном лидерстве США. Многие города стремятся решить экологические проблемы путем внедрения новейших научных разработок, но в передаче, посвященной экотехнологиям, в качестве примера приводится Сан-Франциско, а в связи с рассказом о достижениях Нью Йорка в этой области говорится: «Нью Йорк создает будущее!» Таким образом, выпячиваются заслуги американской науки и принижается значимость научных разработок в других странах.

В сочетании с визуальным образом текст за кадром меняет пропорции реального положения вещей в рассматриваемой научной области и таким образом создает ложное представление у зрителя о роли в ней США, отдавая приоритет этой стране. Привлекая внимание зрителей к такому представлению решения конкретной научной проблемы, телевидение формирует у аудитории искаженные оценки и подталкивает ее к выводу о научном лидерстве США.

Весьма эффективна в плане создания положительного имиджа вербальная тактика, опирающаяся на модель сравнения. Например, обсуждая небоскребы в Китае, эксперт указывает, что когда Центральная телебашня в Пекине будет достроена, «она будет вторым по величине зданием после Пентагона». А Пентагон, как известно, штаб-квартира Министерства обороны США. Иначе говоря, аудитория должна знать, что, несмотря на все заслуги азиатских архитекторов, на первом месте все равно находятся США.

Особенно важно подчеркнуть, что научно-популярные программы позволяют продвигать в массовое сознание идею исключительности и мессианской роли США в современном мире. Хорошо известно, что «в процессе становления и развития американских политических институтов в Соединенных Штатах возникла особая форма национально-государственной мифологии, символическая составляющая которой может быть названа “гражданской религией” США» [14]. «Гражданская религия» подразумевает конкретный идейный символизм: избранность американского народа, сакральность политических институтов США, освободительную миссию США в мире. Идея уникальности американского народа служит ценностной базой демократической системы США и придает особое значение не только философии американского образа жизни, но и политическим институтам страны, ее национальной истории.

В образовательном телевидении избранность США как спасителя мира показана не на примере политических действий этого государства, а применительно к перспективам выживания человечества. Проблемы экологии, нехватки продуктов питания, обусловленные ростом городского населения, обсуждаются, например, в связи с созданием «умных» городов. Показав соответствующие технические разработки экогородов, авторы программы «Мегатрополис» (канал Discovery) завершают ее словами: «У нас есть формула постройки города с нуля за 7 лет. Нас уже просили: “Сделайте нам такой город в Индии, на Среднем Востоке, в Китае”». Международная аудитория, таким образом, видит, что по сравнению с США многие страны являются отстающими, поэтому они нуждаются в американской помощи.

Уже привычным стало выражение «американская мечта», которое указывает на неограниченные возможности США, где любой может стать богатым и успешным. Эта особенность Соединенных Штатов реализуется в программах образовательного телевидения за счет демонстрации достижений молодых ученых. Зритель видит на экранах энергичных, увлеченных своим делом людей, причем некоторые из них являются студентами, а за кадром звучит рассказ об ученых, которые многого добились благодаря упорному труду в свободной стране. Если учесть, что аудитория состоит большей частью из молодежи, которая видит своих успешных ровесников, то понятна и цель авторов программы — не столько рассказать о науке, сколько показать превосходство американского образа жизни.

В целом можно сказать, что по своей сути наука интернациональна. Это выражается в тесных контактах ученых из разных стран, обмене научной информацией в публикациях и на конференциях, признании международным научным сообществом достижений ученых независимо от их национальности. Однако образовательные теле-

визионные программы не так уж беспристрастны. В них наука служит своего рода фоном при создании некоей иллюзорной действительности страны-автора, которая формирует у зрителя политически окрашенное мнение о ней.

Список использованной литературы

1. Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. 240 p.
2. Для России приоритет пространства СНГ очевиден... : интервью статс-секретаря – заместителя Министра иностранных дел России Г. Б. Карасина // Свободная мысль. 2010. № 12.
3. Исследование: Где до сих пор больше всего смотрят телевизор? URL: <https://itc.ua/blogs/issledovanie-gde-sih-por-bolshe-vsego-smotryat-televizor>.
4. World Content Market 2017: Телесмотрение в России стремительно меняется. URL: <http://www.proficinema.ru/mainnews/markets/detail.php?ID=232547>
5. Groebel, Jo. Die Rolle des Auslandsrundfunks. Eine vergleichende Analyse der Erfahrungen und Trends in fünf Ländern. Bonn : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2000. 86 s.
6. Гегелова Н. С. Научно-популярное телевидение на российских телеканалах: реалии и проблемы // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 3. С. 544–552.
7. Алешина М., Горшкова О. Имидж по-пекински. Как Поднебесная продвигает свой образ // Российская газета. Федеральный выпуск № 6707 (136). URL: <https://rg.ru/2015/06/24/kitai-site.html>
8. СССР. Радиовещание и телевидение. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/107/009.htm>
9. Шариков А. В. Телевидение и общество: нравственный конфликт // Социальная философия и социология художественной культуры. 2013. № 6. URL: <http://sias.ru/magazine/vypusk-6-2013/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/849.html>
10. Братерский М. В., Скриба А. С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 130–144.
11. Кононенко В. А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. № 2 (март – апрель). URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6562.
12. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 212–223.
13. Шацкая Д. С. Телевизионные образовательные программы в Соединенных Штатах Америки как инструмент продвижения положительного имиджа на международном рынке : дис.... магистра междунар. журналистики. М. : МГУ, 2018. 118 с.
14. Легойда В. Р. Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (феномен «гражданской религии») : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 16 с.

Francisca Foortai

Doctor of Arts, Professor, Russia, Leningrad state University n. a. A. S. Pushkin, Russia,
Pushkin, ira_oza@msn.com

УДК 7.00.11.3

Clip as a visual form of modern practical philosophy

Abstract. Analysis of the stages of development of the clip, during which he changed genres, styles, techniques and meaning, suggests that ultimately it formed as quasi short film, representing the product of web-design and cinema, and it marks an ontological border of cinema narrative. Imaginative-artistic specificity and technological marginality makes a clip unit of the media, able to influence society on a subconscious level. The spread of new technologies and programs to create videos led to the fact that the clip has become a form of not only the global digital folklore*, but visualize of modern ideologies and philosophical concepts. One of the important functions performed by clip is a function of social «starring», i. e. a visualization type of «cultural hero», adequate to different areas of reality – from subculture MTV («icon of style»), to the «Islamic state» propaganda video**.

Specifics of the representation of the image clip doesn't give him possibilities to translate philosophical discourse itself, but the peculiarity of the visual language of the clip is such that it is able to widely broadcast the mentality and behavioral norms, i. e. to encourage, put into practice the meanings of this or that philosophical (ideological) teachings, bringing, thus, the virtual representation into the sphere of social action (includes policy).

In our opinion, the clip broadcasts meanings are not on the system of value orientations of traditional religions, but on the basis of hipermyth. This phenomenon is a result of centuries of transformation of the traditional myth, finding its reflection, especially in art forms, but with the advent of cinema hypermyth expanded the scope of its influence in non-artistic spheres of culture. Within the framework of the research paradigm, the article analyzes the propaganda videos of the Islamic state and the advertising clip of Donald Trump's election campaign.

Key words: clip, practical philosophy, visual representations, mentality, cultural hero, clipping thought

Фуртай Франциска Викторовна,

доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия, г. Пушкин.

Клип как визуальная форма современной практической философии

Аннотация. Анализ этапов развития клипа, в ходе которых он менял жанры, стили, приемы и смыслы, свидетельствует о том, что в конечном итоге он сформировался в виде короткого фильма, представляющего собой продукт синтеза веб-дизайна и кинематографа и маркирующего онтологиче-

---

*Foortai F. Digital folklore as a new socio-cultural and artistic phenomenon//The science of culture in perspective «digital humanitie». -SPb. : Asterion, 2013. P. 290-296/ 600 p.

** Heidi Peters draws a historical and cultural parallel between the «stars» of the mass media and the Olympians of Ancient Greece, the saints of the middle Ages in terms of their claims to «divinity» and worship.

скую грань кинематографического нарратива. Художественно-образная специфика и технологическая маргинальность делают клип единицей медиа, способной влиять на общество на подсознательном уровне. Распространение новых технологий и программ для создания видеороликов привело к тому, что клип стал формой не только глобального цифрового фольклора, но и визуализации современных идеологических конструктов и философских концепций. Одной из важных функций, выполняемых клипом, является функция формирования социального лидерства, то есть визуализация типа «культурного героя», проявляющегося в различных сферах — от субкультуры MTV («икона стиля»), до пропагандистского видео «Исламского государства».

Специфика репрезентации образа в клипе не позволяет раскрыть собственно философский дискурс его идеи, но особенность визуального языка клипа позволяет ему широко транслировать ментальные идеи и поведенческие нормы, то есть культивировать и воплощать на практике смыслы того или иного философского (идеологического) учения, вводя, таким образом, виртуальное представление в сферу социального действия (включая политику).

На наш взгляд, в клипе транслируются смыслы не на основе системы ценностей религиозных традиций, а на основе гипермифа. Этот феномен является результатом многовековой трансформации традиционной мифологии, воплощенной главным образом в художественных формах, однако с появлением кинематографа сфера его влияния распространяется и на нехудожественные виды культуры. В рамках избранной исследовательской парадигмы в статье анализируются пропагандистские ролики Исламского государства и рекламный клип предвыборной кампании Дональда Трампа.

Ключевые слова: клип, практическая философия, визуальные представления, менталитет, культурный герой, клиповое мышление.

Cinema, which history dates back a little more than a hundred years, in the first decades of its existence has become the most popular among all kinds of arts. It movie authentic psycho mass consciousness. It is not necessary to be able to read for perception of film production, here it is not necessary to go from work to work as at exhibitions of painting or a sculpture, it is not necessary to see "uninteresting" static figure of the violinist or the pianist. However, in the movie involves almost all the senses: sight, hearing, touch, taste — after all, the modern cinema audience, not only watching and listening, but sitting in comfortable chairs and having popcorn, chips, ice cream. The mass character of cinema as an art form is not least connected with the availability of cinema tickets. Often the man in the street of mass culture satisfies his aesthetic needs, primarily through cinema. In other words, for the last few decades for the majority of the world's population cinema has become the main source of aesthetic experiences. Moreover, possessing a great strength of emotional impact, movies for a worldwide audience is a source of aesthetic, psychosocial patterns, gender patterns, philosophy.

Even Gilles Deleuze in his classic work "the Cinema", expressed the idea that classical philosophy as an elite intellectual thing died and its elements are "dissolved" in the various phenomena of popular culture, including (and perhaps primarily) in the movie[1].

Cinema is a collage in time that synthesizes not only all kinds of art — from architecture to dance, but also trends in design and technical achievements. Cinema can be called a mirror of mass culture, but this definition will really be one-dimensional, not taking into account the fact that the "cinema mirror" not only passively reflects reality, but also affects on it itself, translating into reality the system of values of its creators through various forms of visualization. Speaking metaphorically, cinema media and the reality which it creat-

ed, can be likened to the ocean on the planet of the same name from the film "Solaris" by A. Tarkovsky, that not only ate the feelings, thoughts and images of people, but it built on their basis his reality, its similar, but another world.

In turn, the mood of the mass-this "element of the unconsciousness" affects on the cinema, showing their acceptance or rejection of cinema in the most archaic way — the appearance or absence of such one. Because of this, new themes, images, forms appearing in the cinema are not accidental, but reflect the mentality and socio-cultural trends of modern mass culture.

Umberto eco, studying the mechanisms of the effects of screen text on the consumer, thought it possible to allocate a multi-level structure of visual coding, identifying codes of perception, codes of recognition, codes of transmission, tonal codes, iconic codes (including figures, signs, semes), iconographic codes, codes of taste, rhetorical codes, stylistic codes and codes of the subconscious [7].

Russian researcher Vitaly Kurennoy in one of his works has developed a method of research of modern cinema, which involves the rejection of the evaluation of the aesthetic component of cinema (originality and quality of Director's work or acting). First of all, the visual structure of the film, the images and symbols used in it, and other methods of broadcasting the main meaning of the film are evaluated. V. A. Kurennoy considers cinema as one of the types of mass culture, and therefore its main cultural units are not elite films of the art house series, but blockbusters that embody the basic stereotypes, behavioral strategies and values of modern society [3]. Fully here, in addition to the blockbusters the clip needs to be included.

The development of digital technology over time has led to the fact that the most popular, mass and, at the same time, democratic form of cinema has become a clip in all its diversity of genres. The phenomenon got its name from the English word "clip", which has a number of meanings, including "cut off", "break off" and "attach" (as an earring clip to the ear). This term defined the essence of the new phenomenon very accurately. The clip is a motley collection of "scraps" of the modern world, arbitrarily laid out in a certain image, obeying only the will of the author and which unfolds under the sound track, bringing to it additional and often unexpected aspects of perception.

According to the Genesis of its creative method, the clip has a historical predecessor in painting, in particular, in the technique of collage, which clearly declared itself at the turn of the XIX and XX centuries. Collage (from the Latin *collectanea* — collection of notes, mix) was born in the era of modernity, which was so noticeable Gothic influence, expressed, including in the revival of the art of stained glass. However, if the stained-glass window in modernity, as its Gothic predecessor, color fragments were put into a holistic image, then in the collage this integrity is blown up and the remaining fragments are formed into an arbitrary and meaningless picture in a literal reading. Even before the appearance of the video collage reflected the fragmentary, chaotic, fragile existence in the era of world wars. However, the clip has a significant difference from the collage, due to the different species belonging to these genres. Collage-a spatial visual art, as well as painting, preserving the integrity of the artistic image and perceived simultaneously and entirely.

While the clip as one of the types of cinema abandons the spatial sphere of material existence in favor of the temporal sphere of demonstration and presentation of images. In the clip how one of the film genres, created by a machine, lost forever the integrity of body, space, is not only the lack of things, but its breakage and thinning [5, 292–301].

Today we can talk about such a universal phenomenon in the field of visual culture as clipping, which, firstly, denotes the whole set of clips, including its existing types-music, advertising, news, art clip; secondly, it is a mechanism for virtualization of fragments of reality and a way of deploying hyperreality. Clipping is a global phenomenon of the aesthetization of simulacra, the hallmarks of which can be considered as a discrete narrative, enigmatically, associativity, the exaggeration of the sign [6, 126–135]. The field of existence of clipping is a virtual game with signs pointing to fragments of reality and artistic realities, during which the subject is its passive consumer.

It is by means of clipping and its "unit" – clip – in the conditions of modern information, multicultural civilization there is a translation of such cultural process as visualization, which is a mechanism of transition from concept to image, from noumenon to phenomenon, from sensations to "picture". What was previously the subject of philosophical discourse of the intellectual elite, in the conditions of digital technologies is replicated, coded into iconic and iconological images and introduced into the mass consciousness.

Analysis of the stages of development of the clip, during which he changed genres, styles, techniques and semantic load, suggests that in the end he took shape in a quasi-short film, which is a product of web-design and film, and is an ontological borderline film narrative, for which the viewer loses psycho-emotional and physiological ability to perceive the visual image. Figurative and artistic specificity and technological marginality makes the clip a unit of media that can influence on society at the subconscious level. Thus, the clip performs an important socio – cultural function in modern mass culture, namely, the function of "starring", i. e. the development of the type of "cultural hero" adequate to the modern cultural situation – from the subculture of MTV ("style icon"), to the video propaganda of the "Islamic state". English researcher Heidi Peters draws a historical and cultural parallel between the "stars" of mass media and the Olympians of Ancient Greece, the saints of the middle Ages in terms of their claims to "divinity" and worship [8].

Features of representation of the image of the clip do not give him the opportunity to reproduce philosophical discourse directly, but the peculiarity of the visual language of the clip is such that it is able to widely translate mentalities and behavioral norms, i. e. to encourage in practice to carry out the meanings of a philosophical (ideological) doctrine, bringing, thus, virtual representation in the sphere of social action.

In one of his interviews in the late 90-ies of XX century English film Director, artist, writer and philosopher Peter Greenway (Peter Greenaway) said that the art of cinema does not speak the language of objective reality. The viewer should remember that the film is a conditional artistic construction and that there will come a period in the development of digital means of expression, when everyone will be able to design their own version of cinematic reality. Foresight P. Greenaway fully confirms the modern mass videocontest, which can be called "digital folklore" (digital folklore) [4, pp. 290–296].

Mass video creation is really a product of modern digital information technologies, which, at the same time, are a condition of its existence. The vast majority of this Amateur video content is located on the YouTube channel. The channel became the most popular video hosting and the third site in the world by the number of visitors, thanks to the simplicity and ease of use (*in January 2012, the daily number of video views on the site reached 4 billion people. YouTube has become such a significant phenomenon in the media world that television and media companies have to reckon with it).

Such qualities of the resource contributed to the rapid development of cinema, which since the foundation of YouTube (2005) has become global. The spread of new technologies and programs to create clips in the last 10 years has led to the fact that the clip has become one of the forms not only of global digital folklore, but also a Visualizer of modern ideologies and philosophical concepts.

Thus, modern opportunities in the field of visual communications, firstly, allow broadcasting to a huge audience over national, political and religious barriers, and secondly, allow to have feedback with consumers of film content, and thirdly, enable the mass of Internet users to express their ideological, aesthetic, ethical and other preferences.

However, any text, including the video text of the clip as the leading language of mass communication, in order to be such (i. e. text) must contain meanings that are always in the system, which is set by a certain type of worldview. In the clip, the stream of meanings is not in the system of value orientations of traditional religions, but on the basis of myths of hypermyth [11].

In culture, this is a fairly new phenomenon, but is a result of centuries of transformation of the traditional myth, finding its reflection, especially in artistic forms, but with the advent of cinema hypermyth widened the sphere of its influence in non-artistic spheres of culture.

As a phenomenon of modern mass culture clip combines not only artistic and technical achievements, but also absorbs behavioral clichés, bad taste, elements of vulgarity, so widespread in the civilization of the masses. The clip can also be seen as one of the new socio-cultural phenomena of the era of globalization. The globalism of the clip as a unit of practical philosophy is manifested not only in the fact that video content has a worldwide circulation, but also in the fact that the expressive palette of the clip uses artifacts of all cultures and times.

Given the above, consider the specific methods of representation of philosophical and political discourse on the example of propaganda videos of the Islamic state and one of the advertising clips of the election campaign of Donald trump. For all the different political orientation of this material, they have a lot in common. First, those others are the products of clipping and not just because it quasarithmetic movies from a few seconds to 5–7 minutes. In both cases, the film narration is based on the logic of the clip's narration: non-linear, associative narration, the use of visual archetypes. Secondly, the video series of these clips uses images of different cultures, i. e. they are global in their visual and political messaging, constructing their own version of reality. Third, both video products use elements of mythological thinking, as they are based on a figurative non-reflective perception of reality.

Fourth, even the video production of ISIS, perceived by the world community as a rather marginal organization, is made at a high technical level with knowledge of the psycho-emotional impact of clip thinking. All this suggests that visual technologies have gained global distribution, and are not only an element of American-European culture.

The video production of ISIS (the author means the video about the execution against Palmyra and the footage of the flag-bearer climbing the hill with the flag of the Islamic state) is built in the imagery of a quasi-mythological narrative. It is, first of all, a certain theatricality in the mise-EN-scenes of frames, synchronicity of group movements, stately slowness of speed of video images. All this quasi-ancient theatricality is part of a sharp semantic clash in the footage of the real death of the victims of terrorists. The video series ceases to be perceived as a film production and acquires the features of an epic narrative, testifying to the arrival of a "great, inexorable force", with a ruthless determination to remove those who dared not to obey it. These subconscious feelings are amplified by the majestic background of ancient Palmyra, which seems to fit these frames into the General cultural canvas, giving them a "historical" value. In the video products of the Islamic state there are chromatic codes. So, in particular, the color of the warring parties (executioners and their victims) is always black and red-orange. These colors are included in the mythological chromatic picture of the world, where black is night, earth, basis, death, red is fire, man, victim, white is a symbol of day, top, light, life. Mapping in a single frame black and red on the archaic level of the subconscious is perceived as a Duo of the Victim and of the Earth, of Man and of Death, of Fire and Night, i. e. is perceived in the epic, and, consequently, inevitable as Fate, the natural way. It is impossible not to pay attention also to the fact that in the video of the execution against the background of Palmyra, the killing of victims takes place in the form of ritual action characteristic of Muslim culture, namely the sacrifice of sheep during the holiday of Kurban-Bairam (Eid al-Fitr) by cutting off the head of the animal. Looks like this religious ritual that gives the personnel punishment quasi-religious sound.

With the same claims to epic Majesty appears and the episode of climbing the hill with the banner of ISIS. Here the frames are arranged so that behind the standing on a hill standard-bearer except the sky does not appear any object, except a huge black banner with white Arabic letters on it. The banner flutters smoothly against the southern sky, occupying almost a third of the frame. Combining in its chromaticity extreme color points (symbolically a combination of black and white — is the top and bottom, night and day, death and life), the banner is perceived as something global, uniting initially unshakable things. Such visual techniques in the clips serve not only as a figurative representation, but also broadcast the necessary emotional perception and worldview at the subconscious level.

However, the video production of the Islamic state performed not only a political and propaganda task, but also an existential one. In the conditions of information civilization media and mediareality, which they produce, is the environment in which confirmed the existence of the subject or organization. The mass media give the mass person the opportunity to declare his existence, in addition, they provide information and cultural unity of

the modern world. That is also why (and maybe in the first place!) ISIS needed its own visual products to build its myth and its world in the media reality.

Visual products of Trump's election campaign, of course, did not solve the problems of the existential plan. Its main goal was to demonstrate Trump's advantage over his political opponent. Political strategists of his campaign staff coped with the task. On YouTube, whose audience reaches several billion users, these videos were broadcast, one of which deserves special attention.

This is a 15-second video (today it is a record short clip!) is an alternation of four pictures and four text boxes. It is interesting that this video is built on the principle of silent film, in the clip black and white frames with texts act as semantic pointers of the subsequent picture. So, the first frame of the video with the words "When it comes to a collision with our opponents" (When it comes to facing our toughest opponents) immediately introduces the viewer to the semantic field of the clip — it is a global confrontation of forces that pose a threat from the point of view of political strategists of Trump's election headquarters. After this phrase is followed by two frames, one of which the President of Russia Vladimir Putin in the clothes of a judoka on the Mat puts on the shoulder of the opponent. In the next frame on the screen there is someone in all black, visible only his eyes, which look directly at the viewer, in the hands of his gun, which is also aimed at the viewer. This is a collective, easily recognizable image of a terrorist at the beginning of the XXI century. All this is accompanied by Arabic subtitles. These shots on the scale of generalization, socio — cultural and archetypal codes clearly represent two main threats (as Trump understands them) for the United States-modern Russia and international terrorism. This is followed by a frame with the words "the Democrats have a great answer to this" (Democrats have a perfect answer for this), after which should not be a documentary frame, and editing, in which the speaker at the election rally Hillary Clinton barks the voice of a small room dog. He is followed by a documentary frame—a clipping from one interview with Putin, during which he laughs. Mounted one after another, these shots, in fact, have nothing to do with each other, acquire a new, unambiguous sound — a strong Russian leader laughs at the decrepit United States. This is followed by the final frame of this propaganda clip, on the black background of which is written in large white letters: "trump. To make America great again" (Trump. Make America great again).

In fact, on the example of this clip clearly demonstrated the features (and capabilities) of the impact of visual information on the viewer, and secondly, in the clip there are mechanisms of influence on the public, which should broadcast certain political ideas, ie, act ka tool of practical philosophy (ideology). What are these mechanisms? Of the four frames involved in the video, two (Putin on the tatami, laughing Putin) — a documentary, not staged shots, shot with a threatening terrorist, to some extent directed misseen scene, but its message in the current political environment is perceived as a real, not a cinematic threat. And only one frame with Hillary Clinton is cinematic, which was used editing technique in which the picture does not correspond to the sound track. This technique produced a "third value" (*a Term coined in the movie S. Eisenstein), through which trump's political opponent appeared as something comic, frivolous and useless for the country. In the clip there is another wash, perceived at the subconscious level. Putin is a Terrorist, Trump is the characters, brutal men of the world, not aging, "barking cute" women.

Both the propaganda videos of ISIS and the election video of Trump convincingly show that the video sometimes uses insignificant video materials, they acquire the necessary value when they are built in a given sequence in order to create the desired ideological image.

Thus, both examples of the use of the clip as a translator of their political ideas indicate that the representation of these ideas in the information society is not in a logical verbal channel, and to a greater extent visually, and changing images in the clip are video-semes (we can say that it is the mythologems of clip thinking), affecting the mass audience at the level of the archetypal subconscious.

Literature and Notes

1. Делёз Ж. Кино. М. : Ад Маргинем, 2004. 624 с.
2. Клип как ведущий язык массовой коммуникации: возможности и пределы аналитики : (материалы теоретического семинара). URL: <http://anthropology.ru/ru/projects/media/seminars/20020522/index.html#texts>
3. Куренной В. А. Философия фильма: упражнения в анализе. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 232 с.
4. Фуртай Ф. Digitalfolklore как новое социокультурное и художественное явление. «Науки о культуре в перспективе “digital humanities”». СПб. : Астерион, 2013. С. 290–296 .
5. Фуртай Ф. Текст в кино как желание сущего. Кинематография желания и насилия. СПб. : Изд. дом «Петрополис», 2015. С. 292–301.
6. Фуртай Ф. Явление клипинга в современной массовой культуре: попытка культурологического анализа // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 4. Т. 1. Сер. Философия : науч. журнал. СПб. : ЛГУ, 2009. С. 126–135.
7. Эко У. О членениях кинематографического кода // Структура фильма. М. : Радуга, 1984. 280 с.
8. Heidi Peeters. The Semiotics of Stars: It must Be Written within Music Videos. London, 2004.
9. Stacey Jacky. Stargazing: Hollywood Cinema and Female Spectatorship. «Routledge». London ; New York, 1998.
10. Williams Raymond. Television. Technology and Cultural Form. «Routledge». London, 1990.
11. Термин **гипермиф** был введён Франциской Фуртай. Разработка концепции и её отдельных положений в работах: Дизайн мифа и миф дизайна. Философия нового художественного стиля // Стратегии этической и эстетической рефлексии : материалы Всерос. конф. 18–19 ноября 2005 г. СПб. : 2006. С. 220–224; Явление неомифа в массовой культуре // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 3(6). Сер. Философия : науч. журнал. СПб. : ЛГУ, 2007. С. 113–121; Искусство массовой культуры как источник ее изучения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 2(11). Сер. Философия : науч. журнал. СПб. : ЛГУ, 2008. С. 108–119; Киммерийские тени на заре эпической фэнтези (к вопросу о социальной роли киногероя в массовой культуре) // Антропотопос :

теоретический журнал в области философских наук. Омск, 2008. № 1–2. С. 89–94; Феномен виртуальности в массовой культуре, или Добро пожаловать в наш кошмар // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 3. Т. 2 (Сер. Философия) : науч. журнал. СПб. : ЛГУ, 2009. С. 112–120; Явление клипинга в современной массовой культуре: попытка культурологического анализа // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 4. Т. 1 (Сер. Философия) : науч. журнал. СПб. : ЛГУ, 2009. С. 126–135; Ночь и День как архетипы большого художественного стиля // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 3. Т. 2 (Сер. Философия) : науч. журнал. СПб. : ЛГУ, 2010. С. 219–225; «Культ глаза» и «эффект упаковки». Арт-объект в современном искусстве // Международный журнал исследований культуры. International Journal of Cultural Research, «Теория искусства и художественное воображение XXI века» «Art theory and Artistic imagination in the twenty-first century». 2011. № 2(3). С. 44–55. URL: <http://www.culturalresearch.ru>; К вопросу об архетипической преемственности неоготики // Омский научный вестник : сер. Философия, психология, социальные науки, культурология и искусствоведение. 2012. № 1. Омск, 2012. С. 213–223; Кино XXI века: сумеречная зона // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 3. Т. 2. (Сер. Философия) : науч. журнал. СПб. : ЛГУ, 2011. С. 222–229; «Digital folklore» как новое социокультурное и художественное явление // «Науки о культуре в перспективе “digital humanities”» : материалы междунар. науч. конф. 3–5 октября 2013 г. / под ред. Л. В. Никифоровой, Н. В. Никифоровой. СПб. : Астерион, 2013. С. 290–296; Трейлер как пограничная форма кинотекста: апофатика нарратива и энигматичность образа // VI Междунар. конф. «Актуальные вопросы теории и практики искусства» «Actual problems of theory and practice of art» : материалы конф. М., 2015. С. 27; Специфика художественного пространства в пограничных видах кинотекста // VII Междунар. конф. «Актуальные вопросы теории и практики искусства» «Actual problems of theory and practice of art» : материалы конф. СПб., 2016. С. 341.

Юрлова Светлана Валерьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург, yurlova2000@yandex.ru

УДК 323(73) + 342.71 + 316.622:398

Мифологема героя-демиурга как основа медиаобраза В. Путина

Аннотация. В статье проводится анализ реализации мифологеми героя-демиурга при формировании медиаобраза Президента России В. В. Путина. В качестве методологии исследования используется конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана. Основная цель исследования — показать, как «работают» медиа и в какой мере данная мифологема является органичной для менталитета современного общества. В качестве материала для анализа избран ряд ТВ и цифровых медиа, как российских, так и зарубежных.

Ключевые слова: В. В. Путин, культурный герой, мифологема, медиа, социальное конструирование, герой-демиург, современный миф.

Svetlana Jurlova

Candidate of Sciences in Philosophy, associate Professor, Department of history of philosophy, philosophical anthropology, aesthetics and theory of culture, Ural Federal University a. n. B. N. Yeltsin, yurlova2000@yandex. ru

The mythologeme of the hero-demiurge as the basis of V. Putin's media image

Abstract. The article analyzes the implementation of the mythologem of the hero-demiurge in the formation of the media image of Russian President Vladimir Putin. The constructivist approach of P. Berger and T. Lukman is used as a research methodology. The main purpose of the study is to show how the media "work" and to what extent this mythologeme is organic to the mentality of modern society. A number of TV and digital media, both Russian and foreign, were chosen as the material for the analysis.

Key words: V. V. Putin, cultural hero, mythologeme, media, social construction, hero-demiurge, modern myth.

Современное общество и культура возродили миф. Безусловно, миф в том или ином виде продолжал существовать в истории человечества всегда, но XX век придал мифу совершенно новый характер. Понимание природы мифологического мышления, сформировавшееся в современных исследованиях (Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Р. Барт, К. Хюбнер и др.), опирается на главные особенности мифа — формировать непротиворечивую гармоничную картину мира и регулировать поведение человека в соответствии с этой моделью. Безусловно, миф всегда остается мифом, а следовательно, современный миф сохраняет ключевые характеристики мифа архаического. Однако сознание современного человека существенно отличается от сознания человека далекого прошлого. В современном мире человек обладает ярко выраженной индивидуальностью, а это означает, что и характер воздействия на его поведение меняется. Процесс регуляции поведения индивида, осуществляемый посредством строгого следования обычаю и комплексу ритуалов, доминирующий в архаическом обществе, невозможен. Именно поэтому ключевое слово, раскрывающее природу этого воздействия, — манипуляция. Важная особенность современного мифа состоит в том, что миф не носит глобального и универсального характера, а актуализируется лишь в отдельных сферах жизни современного общества. Наиболее чувствительны к возникновению мифологической реальности такие сферы, как политика, потребительская сфера и, разумеется, сфера медиа.

В рамках нашего исследования главный интерес сосредоточен на той сфере, где возникает глубокое взаимодействие политики и масс-медиа. Благодаря масс-медиа события политической жизни, ранее известные лишь узкому кругу посвященных, проникают в сферу повседневной жизни обычного человека. Становясь частью медийной реальности, эти события (впрочем, как и сами политики) начинают функционировать по законам массовой культуры и трансформируются в ее сюжеты и персонажей.

Обосновывая продуктивность исследования политической сферы сквозь призму мифотворчества, следует уточнить ряд моментов.

Во-первых, ядро любого политического феномена составляет идеология. Однако идеология является продуктом осознанного формулирования идеи и возникает в рамках рациональной (проективной) деятельности. Миф же — сложное взаимодействие рационального и эмоционального. На деле это означает бинарный характер мифотворчества в политической сфере: мифы создаются и транслируются определенными субъектами (политики, масс-медиа, пиар-компании и т. п.), а также одновременно поддерживаются и распространяются в массовом сознании. Парадокс ситуации состоит в том, что сами творцы мифов в конечном счете оказываются «втянутыми» в пространство мифологической реальности и, так же как и все, строят свое поведение на основе этого мифа.

Во-вторых, миф можно рассматривать как одну из форм социального конструирования (П. Бергер и Т. Лукман) [1]. Рассмотрим вопрос о применимости концепции социального конструирования более подробно.

Одна из основополагающих идей труда П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» состоит в том, что реальность, создаваемая человеком, являясь по сути реальностью второго порядка, замещает собой реальность первого порядка. «Объективность социального мира означает, что последний противостоит человеку как нечто внешнее по отношению к нему. Главный вопрос заключается в том, сознает ли еще человек, что, каким бы объективированным ни был социальный мир, он создан людьми и может быть ими переделан...» [1, с. 61] Эта особенность раскрывается авторами через понятие «реификация», что означает превращение реальности, создаваемой сознанием человека, в объективный миропорядок, детерминирующий восприятие этого мира и человеческое поведение. Понимание социальной реальности как типизированной и легитимизированной [1, с. 48–52] позволяет применить данный подход к исследованию проблемы функционирования и принятия образа политика как части мифологизированной картины мира.

Объектом нашего исследования является мифологема культурного героя и ее реализация в политическом мифе. Следует отметить, что в разных политических ситуациях актуализируется та или иная версия мифологемы культурного героя (герой-демиург, герой-борец, герой-трикстер). В ситуации, когда перед политиком стоит задача стабилизации политической ситуации и укрепления власти, наиболее эффективной является версия героя-демиурга. Традиционная мифология закрепляет за героем-демиургом две главные функции — создание социального порядка и борьбу с хаосом.

Образ любого политика, основанный на мифологеме героя-демиурга, возникает на основе ряда характеристик. Во-первых, в момент выхода политической фигуры на первый план ситуация в обществе должна интерпретироваться как состояние тотальной нестабильности и непредсказуемости. Во-вторых, на протяжении определенного периода нахождения у власти политик должен подвергаться целому ряду испытаний, разрешающих острые проблемы сегодняшнего дня. И наконец, в-третьих, итог его политической деятельности всегда связывается с установлением порядка и стабильности.

Цель нашего исследования — рассмотреть, как в современных СМИ (как западных, так и российских) формируется образ российского президента В. В. Путина, и показать, что в основе его медиаобраза лежит мифологема героя-демиурга.

Логично будет начать с анализа современных российских СМИ. В первую очередь, медиаобраз президента В. В. Путина является важнейшей составляющей деятельности официальных средств массовой информации. Объем данной статьи не позволяет охватить материал всех форм СМИ, поэтому мы ограничимся материалом ТВ и некоторых цифровых изданий.

Формирование медиаобраза президента происходило на протяжении 2000-х годов. В дальнейшем этот образ закреплялся, получал новые способы репрезентации и новые акценты. Первичной доминантой образа становятся молодость, брутальность, активность и целеустремленность в решении государственных задач. Появление новой политической фигуры, резко контрастирующей с имиджем действующего президента Б. Н. Ельцина, было встречено обществом позитивно. Вот что пишет в своей книге «Время Путина» Р. Медведев: «И в России, и на Западе нашлось немало объективных наблюдателей, которые констатировали, что деятельность Путина еще с момента его назначения премьером полностью соответствовала общественным ожиданиям и даже требованиям, среди которых главными были требования порядка и ожидания сильного лидера, который способен этот порядок обеспечить. Из наказов избирателей Владимиру Владимировичу Путину на первых местах стояли также требования активно преодолевать бедность и нищету в стране, очистить свое окружение от коррупционеров, ограничить влияние олигархов» [2, с. 33].

В этот период СМИ активно формируют брутальный характер образа В. В. Путина, акцентируя внимание не только на его деятельности по борьбе с боевиками на Северном Кавказе, но и на его спортивных увлечениях. Никакого тенниса, только «мужские» виды спорта, требующие силы, воли, целеустремленности и высокой концентрации (борьба дзюдо, горные лыжи, хоккей и т. п.). Безусловно, все это создавало предпосылки для постепенного формирования мифологемы культурного героя как ядра медиаобраза. На наш взгляд, окончательное оформление образа героя-демиурга происходит начиная с 2014 года. Наряду с традиционными теле- и фотоматериалами, показывающими президента за работой, появляется целая серия фото и видео, явивших массовому зрителю нового президента. Речь идет о фотографиях и видеороликах, посвященных отдыху В. В. Путина на Алтае (замечу, что, по информации официальных российских СМИ, туристический поток в этот регион резко возрос.) Эти материалы развивали и закрепляли брутальный характер медиаобраза, одновременно смягчая ореол власти, сформировавшийся вокруг президента. Необходимо подчеркнуть, что данная особенность демонстрирует важное свойство культурного героя: он всегда характеризуется единством сакрального и профанного, и акцент на досуге президента, безусловно, делает его личность более близкой и понятной гражданам страны. Эти материалы были стремительно растиражированы мировыми СМИ. Обращает на себя внимание тот факт, что фото с В. В. Путиным верхом на лошади

трансформировалось в образ президента верхом на медведе, что абсолютно соответствует мифологизированному образу России в сознании западного общества.

Квинтэссенцией образа В. В. Путина как героя-демиурга в официальных российских СМИ этого периода можно считать фильм В. Соловьева «Президент», вышедший в 2015 году [3]. Фильм появляется на канале РТР в апреле 2015 года, поэтому в нем особое внимание уделяется итогам Олимпиады в Сочи и, разумеется, событиям 2014 года в Крыму. Заметим, что в тексте фильма не так много самого Путина, значительное место занимают интервью с представителями российской политической элиты, общественного движения «Народный фронт», спортсменами. Главное, что хотят донести до зрителя авторы фильма, — это ощущение движения страны из состояния хаоса к гармонии и стабильности. Источником этой стабильности и прорыва, безусловно, выступает президент В. В. Путин. Через три года, в 2018 году, выходит фильм А. Кондрашова «Путин», в котором тенденция к героизации образа становится еще более мощной [4]. Отметим, что ряд политических обозревателей и аналитиков обращают внимание на постепенное сращивание образа Путина и образа России. Так, в интервью журналу «Гэфтер», в котором и обсуждается фильм А. Кондрашова, профессор Пенсильванского университета Кевин Платт говорит: «Когда я начал смотреть этот фильм, я думал, что там, во-первых, будет представлена биография Путина и будет показана деятельность Путина с точки зрения Кремля за последние 18 лет. В каком-то смысле это было воплощено в фильме, но это фильм, который пытается создавать общую мифологию и России, и Путина. Фильм создает имидж Путина, который не может существовать без России, и России, которая не может существовать без Путина» [5]. Говоря о конструировании образа президента в сознании российского общества, нужно подчеркнуть, что это слияние существенно усиливает современные тенденции формирования российской национальной идентичности. «Субъективная реальность всегда зависит от специфических вероятностных структур, то есть от специфического социального базиса и требуемых для ее поддержания социальных процессов. Держаться идентичности важной персоны можно только в среде, которая подтверждает такую идентичность» [1, с. 103]. Легитимация медиаконструкта героя-демиурга реализуется прежде всего в рамках мифологической картины мира. Как указывают П. Бергман и Т. Лукман, «дотеоретические легитимации составляют мотивационную динамику институционализованного поведения. Они аккумулированы в мифологиях, моральных принципах и предписаниях, в пословицах, поговорках, ценностях и верованиях. Этот уровень легитимаций является основой “самоочевидного знания”, на которое опираются все последующие теории» [1, с. 109]. Особую роль в легитимации именно такой доминанты образа играет ежегодная телевизионная программа «Прямая линия с В. В. Путиным», которую президент проводит начиная с 2001 года. В данном случае мы имеем дело с прямой реализацией функции героя-демиурга по установлению социального порядка. Как известно, на такого рода встречах часто возникают ситуации непосредственного обращения рядовых граждан к президенту для решения бытовых проблем (дороги, школы, больницы и т. п.). Результат всегда один: прямое указание В. В. Путина — и проблема решена.

Одной из особенностей развития медиаобраза президента В. В. Путина в настоящее время является постепенное смягчение его брутальной составляющей. Так, в преддверии нового 2018 года был выпущен календарь, составленный из фотографий президента с собаками, среди которых встречаются и вполне сентиментальные образы. Анализируя последнюю прямую линию с президентом, К. Калачев отмечает: «...образ президента трансформируется — в этот раз было меньше “мачизма”, брутальности, больше было взвешенности, спокойствия, уверенности. Но это понятно, собственно говоря, президент не молодеет, поэтому образ проходит трансформацию от “брутального мачо” к “отцу нации”. Сегодня он уже выглядит, как “патриарх”» [6].

Важное место занимает фигура президента и в оппозиционных российских СМИ. Находясь в противоборстве с действующей властью, такие СМИ, как телеканал «Дождь», радио «Эхо Москвы», журнал «Новое время» и др., в первую очередь обсуждают недостатки и пороки этой власти. Заметим, что когда речь заходит о власти в стране, то никого, кроме В. В. Путина, оппозиция не видит. Одна из главных (если не основная) претензия к действующей власти — глобальный авторитаризм во всех сферах общественной жизни.

Какое же место занимает образ президента в либеральной картине мира? Отношение к действующему политическому режиму как к форме авторитаризма волеё-неволей выводит фигуру президента на первый план. В глазах сторонников либеральной оппозиции это предполагает не только отсутствие прав и свобод граждан, но и непосредственное участие правителя (в данном случае В. В. Путина) во всем, что происходит в обществе. Важным аргументом в пользу того, что оппозиционные СМИ видят в президенте основу существующего миропорядка, можно считать активное обсуждение проблемы «Что будет после Путина?» и «Станет ли В. В. Путин пожизненным президентом?». Так, интервью Д. Сатарова Д. Быкову для журнала «Собеседник» озаглавлено так: «После Путина будет подъем и облегчение» [8]. В январе 2019 года в журнале «Новое время» формируется дискуссионная рубрика с хештегом #Проблема 2024#. «Чего хочет В. Путин?», в рамках которой в дальнейшем выходит целая серия статей и интервью, посвященных проблеме пожизненного президентства [9]. Транслируя и развивая идею деятельности президента как основу существующего миропорядка, оппозиционные СМИ в определенном смысле «присоединяются» к процессу превращения его образа в мифологического героя-демиурга. Термин «путинизм» [7, с. 29] активно используется представителями либерального крыла оппозиции, однако, как правило, ему придается негативный смысл. Кроме того, термин «путинизм» созвучен слову «сталинизм», что соответствует значительной части представлений о политическом режиме современной России западного общества. В целом можно сказать, что в этом сегменте российских медиа исследуемый феномен не имеет специфических способов репрезентации.

На сегодняшний момент можно смело утверждать, что ведущие мировые СМИ интересуют только две политические фигуры — В. Путин и Д. Трамп. При этом фигура В. Путина присутствует на страницах ведущих журналов и в программах миро-

вых телеканалов начиная с 2000-х годов. Главный вопрос начала 2000-х «Who is mister Putin?» по-прежнему остается на повестке дня мировых СМИ.

Для начала проанализируем динамику образа Путина на обложке журнала *Time* [9]. Впервые его фотография появляется в 2000 году по заголовком «Выйти из тени. Однако человек, который будет следующим российским президентом, остается загадкой». В дальнейшем образ президента остается вполне нейтральным. Однако начиная с 2007 года (после знаменитой мюнхенской речи) главным мотивом становится его прошлое, и в первую очередь служба в КГБ. Темные очки, холодный взгляд и непроницаемое выражение лица — вот характерные черты образа президента России на обложках журнала *Time*. В декабре 2007 года впервые возникает связь образа В. В. Путина и идеи возврата холодной войны. С этого периода в западных СМИ наблюдается мощная тенденция к демонизации образа Президента России.

Однако в контексте нашего исследования наиболее интересным представляется появление образа, который условно можно назвать «Путин — царь всея Руси» (рис. 1, 2). Справедливости ради стоит сказать, что представление о правителе России (не важно, какова реальная форма политического устройства) как о царе или императоре является важнейшим аспектом мифологизации образа России в западном обществе.

Рис. 1

Рис. 2

Как уже было сказано выше, процесс мифологизации образа политика в массовом сознании детерминирован как культурным контекстом, так и особенностями менталитета конкретных людей. На наш взгляд, «превращение» В. Путина в европейских и американских СМИ в царя вполне закономерно. Россия в глазах западного общества на сегодняшний момент ассоциируется с двумя идеями — авторитаризмом и имперскими амбициями. Именно поэтому данный образ вполне встраивается в устоявшийся миф о России. Важно заметить, что в нашем сознании такая версия невозможна, ибо в русской традиции царь — фигура, наделенная сакральным статусом в гораздо большей степени, чем герой. А учитывая негативный образ монархии, сложившийся в период советской власти, процесс мифологизации реализовался в образе героя-демиурга, а не царя.

Одним из последних наиболее заметных событий (в контексте нашего исследования) в западных СМИ стало появление в марте 2017 года на канале CNN доку-

ментального фильма, снятого известным журналистом Ф. Закарией, о Президенте России Владимире Путине. Название фильма говорит само за себя — «The most powerful man in the world» [1]. Фильм задумывался как развернутое доказательство российского вмешательства в американские выборы 2016 года, в результате которых Х. Клинтон проиграла. Однако нас интересует другое. Практически вся первая серия фильма посвящена личности В. Путина, где из биографии выбирается сюжет, связанный с работой в КГБ в Восточной Германии, что не только не противоречит сложившемуся мифу, но и закрепляет его. Логика выстраивания аргументации соответствует мифологической логике, где вопрос «почему?» невозможен. Логика мифа иная — «так было». Как писал М. Мамардашвили, «в мифе мир освоен, причем так, что любое происходящее событие уже может быть вписано в тот сюжет и в те события... о которых в нем рассказывается» [12, с. 14]. При всем негативном характере формируемого образа доминирует идея могущества Путина в управлении миром. Фактически в фильме утверждается способность Президента России контролировать и управлять любыми процессами, начиная от жизни рядового россиянина и заканчивая характером американской политики. Сложившийся мировой порядок создан именно Путиным, и иная версия возможна только тогда, когда «великий и ужасный» президент России исчезнет с политического Олимпа.

В итоге следует сказать, что на сегодняшний момент в СМИ, как западных, так и российских, образ президента В. Путина сформировался и функционирует на основе мифологемы культурного героя-демиурга.

Однако у этого процесса есть одно неожиданное следствие. Образ культурного героя — один из наиболее укорененных в массовом сознании, а значит, существуют и различные формы его репрезентации в массовой культуре. Не является исключением и образ В. Путина. Наиболее заметных тенденций две. Во-первых, важной характеристикой медиаобраза Президента России является не просто брутальность, а брутальность, сформированная по типу героев массовой культуры (герои блокбастеров, рекламные образы, комиксы и т. п.). Это приводит не только к «встраиванию» образа Путина в образ супергероя, но и к превращению этого образа в хорошо продаваемый бренд (футболки, статуэтки, календари с изображением Путина). На сегодняшний момент можно утверждать, что медиаобраз В. Путина (а не сам В. Путин) становится культурным брендом. В 2016 году вышла книга «В главной роли. Путин в современной культуре» [13]. Комментируя это событие, британская газета The Guardian дает интересную подборку материалов, подтверждающих идею превращения образа В. Путина в культурный бренд [14]. К сожалению, этот интересный аспект функционирования образа президента В. Путина требует отдельного исследования и не может быть раскрыт в рамках данной статьи.

Общие выводы нашего исследования таковы.

1. Мифологема культурного героя является одной из самых востребованных в современной массовой культуре, а значит, и в сфере публичной политики. В ситуации укрепления власти политического лидера и повышения стабильности в обществе наиболее эффективной оказывается версия героя-демиурга.

2. Становление медиаобраза В. Путина происходит на фоне тяжелого наследия 90-х годов, и основная тенденция состоит в преодолении хаоса и установления необходимого социального порядка. Главной силой в этом процессе выступает деятельность президента В. Путина.

3. На сегодняшний момент в официальных российских СМИ доминирует героизированный образ президента, отличающийся брутальным характером и одновременно транслирующий идею человечности и близости к народу.

4. Название фильма Ф. Закарии «Самый могущественный человек в мире» достаточно верно фиксирует тот образ, который транслируют западные СМИ. Весь существующий миропорядок порожден и поддерживается лично Президентом России.

5. За последние годы «медийный Путин» стал частью массовой культуры и культурным брэндом.

Список использованной литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Медведев Р. А. Время Путина М. : Время, 2014. 719 с.
3. «Президент», фильм В. Соловьева. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f7icEwqHEJU>
4. «Путин». Фильм Кондрашова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3RK2xmLVkDI>
5. Быть Владимиром Путиным. URL: <http://gefter.ru/archive/24869> (дата обращения: 21.01.2019).
6. Калачев К. «Образ Путина трансформируется от брутального мачо к отцу нации и даже патриарху». URL: <https://www.nakanune.ru/articles/112991/> (дата обращения: 14.12.2018).
7. Никонов В. Путинизм // Современная российская политика : курс лекций / под ред. В. Никонова / Международный университет. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2003. 222 с.
8. Сатаров Д. После Путина будет подъем и облегчение. URL: <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20181113-georgij-satarov-posle-putina-budet-podem-i-oblegchenie> (дата обращения: 12.02.2019).
9. #Проблема 2024# Чего хочет Путин? URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/176310/> (дата обращения: 1.04.2019).
10. Time. URL: <http://time.com> (дата обращения 21.12.2018).
11. «The most powerful man in the world». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=052NHa39opk>
12. Мамардашвили М. Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. 824 с.
13. В главной роли. Путин в современной культуре. М. : Интернет-портал Gosindex.ru, 2016. 288 с.
14. Book celebrates Vladimir Putin as 'global cultural phenomenon'. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/07/book-celebrates-vladimir-putin-as-cultural-phenomenon-russia-birthday> (дата обращения: 25.01.2019).

Беляева Мария Алексеевна,

доктор культурологии, профессор кафедры социокультурного развития территории, Екатеринбургская академия современного искусства (институт), Россия, г. Екатеринбург, 2012marysia@mail.ru

УДК 008

Музейные практики как инструмент региональной политики брендинга территории

Аннотация. В центре внимания автора процесс «производства» городского и регионального бренда, т. е. концептуальное моделирование его образа и выбор средств продвижения этого образа в массовое сознание, в том числе на международном уровне. В провинциальных городах музеи являются важным и часто единственным действующим инструментом культурной политики в целях брендинга территории. Опыт Свердловской области по формированию «феномена места» представлен на примере нескольких городов.

Ключевые слова: музейные практики, региональная политика, брендинг территорий (геобрендинг), Уральская горнозаводская цивилизация.

Maria Belyaeva

Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Socio-cultural development of the territory, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (institution), Russia, Ekaterinburg

Museum practices as a tool of regional policy on the geobrending

Abstract. The focus of the author of the "production" of urban and regional brand, i. e., the conceptual modeling of its image and selecting means of promotion of this image in the public consciousness, including at the international level. In provincial towns, museums are an important and often the only existing instrument of cultural policy for the branding of the territory. The experience of the Sverdlovsk region to form "the phenomenon of space" presented at the example of several cities.

Key words: Museum practice, regional policy, geobrending, Ural Mountain-factory civilization.

В последние годы тема брендов и брендинга как процесса создания и продвижения запоминающегося образа товаров и услуг оказалась популярной, и это не мимолетная мода, а объективный тренд развития общества потребления. Обладать брендом — значит обладать чем-то уникальным, желанным и незаменимым для потребителя, но насколько это достижимо в отношении территорий, особенно для российских нестоличных городов, которые долгое время развивались по единым (советским) стандартам, а свое наследие прошлых эпох вынужденно приносили в жертву ради консенсуса с властью (происходил снос не только храмов, но и ряда других культурных объектов из идеологических или прагматических соображений). Особенно трудно найти свою уникальность малым городам, а таких в России более 70%.

Актуальность проблемы формирования самобытного образа территории на практике предопределила появление устойчивого интереса к этой проблематике в

науке, прежде всего, с экономических, политических и социологических позиций. Культурологическая составляющая теории создания и продвижения городских брендов находит свое отражение в трудах уральских исследователей различных аспектов региональной культуры и организации городских пространств (М. А. Беляева, Т. Ю. Быстрова, Е. Е. Захарова, Г. М. Казакова, Т. А. Ладыгина, Н. Ю. Ландцевская, Н. И. Тюленева и др.), но в целом только еще формируется.

Рассмотрим проблему брендинга территории и значимости ее для международного сотрудничества на примере городов Свердловской области.

Свердловская область — крупный регион РФ, 16-й по размеру территории (более 194 тыс. кв. км), 5-й по численности (4 315 702) [7]. Всего в регионе проживает более 40 этносов, помимо русских, самые распространенные этносы — татары, башкиры, украинцы, марийцы, немцы [8].

Екатеринбург — административный центр Свердловской области (1 468 833 чел.) и одновременно административный центр Уральского федерального округа, куда входит еще пять субъектов (3 области и 2 автономных округа). Екатеринбург — четвертый в общероссийском рейтинге городов, имеет неофициальный статус «Столица Урала» и соответствующие столичные амбиции по созданию современного «хайтековского» мегаполиса, и этот образ неотделим от истории и самобытности Урала.

Для России Урал — особый регион, о котором лучше Твардовского пока никто не сказал: «...Урал! Опорный край державы, ее добытчик и кузнец, ровесник древней нашей славы и славы нынешней творец...» [9] Здесь сосредоточена горнодобывающая, металлургическая, машиностроительная промышленность и производства, обеспечивающие оборонные задачи. По Уралу проходит геологическая граница между частями света — Европой и Азией, а значит, и символическая граница между Западом и Востоком. Урал отделяет хорошо обжитую европейскую часть России (1/4 часть территории, 3/4 части населения) от труднодоступных и суровых по климатическим условиям территорий Сибири и Дальнего Востока.

В культурном отношении Урал породил феномен горнозаводской цивилизации (XVIII—XX вв.), основанной на урбанизации и индустриализации территории через создание городов-заводов, населению которых присущи свои ментальные особенности, свой эпос, свои высокие образцы в отдельных видах деятельности, связанных с добычей и переработкой природного богатства (металлов), камнерезным и ювелирным искусством; свои традиции градостроения и городского управления; с конца XIX века и до настоящего момента самобытное художественное творчество в области литературы (Д. Мамин-Сибиряк, П. Бажов, В. Крапивин, А. Белый, А. Иванов), театра, кино, музыки (уральская рок-музыка), живописи (М. Брусиловский, В. Волович, Г. Метелев).

В Свердловской области 47 населенных пунктов имеют статус городских поселений, из них 35 относятся к малым городам с населением менее 50 тысяч жителей. Появление и развитие большинства из них связано с горнорудным и металлургическим производствами. Что происходит с городами Урала в постиндустриальную эпоху? Каковы их перспективы, какую роль играют музейные практики в процессе брендинга территории?

Для отбора городов из полного списка для анализа в рамках данной статьи были выбраны такие критерии:

- 1) степень известности;
- 2) наличие роста численности населения как одного из показателей процветания территории;
- 3) удаленность от областного центра.

С точки зрения известности более всего повезло тем городам, которые вошли в проект Министерства культуры и туризма Свердловской области «Серебряное кольцо Урала». Это кольцевой маршрут, объединяющий Екатеринбург, Нижний Тагил (353 950 чел. — второй по численности и экономическому потенциалу город области), малые города — Алапаевск (37 526 чел.), Верхотурье (8651 чел.), Качканар (38 996 чел.), Невьянск (23 200 чел.), Реж (37 142 чел.) и села — Меркушино, Махнево, Верхнюю и Нижнюю Синячиху [10].

Проект представляет историю горнозаводского края («Демидов-парк» в Н. Тагиле) и современность (горно-обогатительный комбинат «Ванадий» в Качканаре как пример инновационного металлургического предприятия), а кроме этого — этнографическое наследие уральской культуры и быта (Нижняя Синячиха); места, связанные с походом Ермака и последними днями царской династии Романовых, а также центр православного паломничества (Верхотурье, Меркушино). Проект рассчитан на внутреннего и иностранного туриста и является отражением культурной политики региональных властей по продвижению Свердловской области.

Бренд «Серебряное кольцо Урала», с одной стороны, вторичен по отношению к раскрытому бренду «Золотое кольцо России», но, с другой — обеспечивает преемственность смыслов. «Золотой» маршрут демонстрирует историю древнерусских городов (за исключением г. Иваново), а «серебряный» есть продолжение этой истории вплоть до наших дней. Принципиальное отличие кроется в целевых аудиториях и видах туризма. Контент «Серебряного кольца» включает событийный туризм, производственный и экологический туризм, паломничество, агротуризм. По оценкам московских экспертов [11], все точки маршрута различаются историческими судьбами, социальным укладом, внешним обликом, расположены в разных природных зонах, и это разнообразие — залог успеха.

Проект был запущен в 2011 году и предусматривал масштабные государственные и частные инвестиции в жилое строительство, реконструкцию городской инфраструктуры, строительство туристических объектов, информационное освещение в СМИ, организацию ежегодных туристских форумов «Большой Урал», поддержку уже существующих и создание новых музейных практик.

Музеи, разные по профилю и своему потенциалу, активно включились в этот проект, особо следует отметить: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», Невьянский государственный историко-архитектурный музей, Нижнесинячихинский музей-заповедник деревянного зодчества, Режевской минералогический музей, Алапаевский дом-музей П. И. Чайковского. Новый уровень ожиданий от их работы в том числе предполагал готовность к коммуникации на английском языке, что

вызывало определенные трудности, и сегодня сайты музеев представлены только на русском языке, но решение задачи лингвистического сопровождения иностранных гостей возложено на официальные информационные источники Центра развития туризма Свердловской области и частных туроператоров (например, один из лидеров — ресурс «Туры по Уралу и Сибири», URL: [https://www. eng. rusgo. ru/](https://www.eng.rusgo.ru/)).

В целях брендинга региона и международного сотрудничества в последние годы получила развитие туристско-рекреационная зона «Духовный центр Урала», связанная с Верхотурьем — местом православного паломничества. Этот город, единственный в Свердловской области, входит в список 115 городов России, располагающих ценными градостроительными ансамблями и комплексами: 68 памятников, находящихся на госучете, 22 объекта федерального значения и один объект культурного наследия международного значения. Оценочная стоимость инвестиционных проектов в Верхотурье, составляет 2 млрд руб. [12]

Проекты «Духовный центр Урала» и «Серебряное кольцо Урала» сегодня представлены в СМИ; выпущен путеводитель [13], построены некоторые инфраструктурные объекты для туристов, а того размаха и темпов развития, которые были запланированы, пока не наблюдается. Но проект «Золотое кольцо России» существует уже более полувека, а уральскому детищу нет еще и 10 лет.

От самих городов, вошедших в главный кольцевой маршрут, тоже многое зависело в процессе геобрендинга. Город Невьянск, на мой взгляд, справился с этой задачей лучше других.

Невьянск основан по указу Петра I в 1701 году в связи со строительством «железодельного» завода. Наклонная Невьянская башня — символ города, памятник истории и культуры федерального значения, построена в 1732 году, это самое известное архитектурное сооружение периода ранней индустриализации Урала. Невьянский государственный историко-архитектурный музей раньше других включил в свою работу интерактивные музейные практики: мастер-классы, квесты, костюмированные театральные перформансы с прицелом на детско-юношескую аудиторию. В итоге познавательная однодневная поездка в Невьянск, отвечающая целям краеведения, оказалась популярным турпродуктом для школьников. Удачное географическое положение (примерно в 70 км от самых крупных городов области — Екатеринбурга и Н. Тагила) и хорошая транспортная доступность также сыграли свою положительную роль.

Приближенность к региональному центру — это универсальное преимущество, дающее стимул к развитию и другим городам Свердловской области.

В ближнем периметре (до 25 км) от Екатеринбурга находятся три города: Арамил (15 162 чел.), Берёзовский (население — 57 892 чел.), Верхняя Пышма (70 160 чел.). В каждом из них наблюдается рост населения, что говорит о привлекательности этих территорий.

Исторически именно Арамил (Арамилская слобода, основана в 1675 году) — одно из первых поселений беглых людей на среднем Урале, искавших лучшей жизни и свободы от крепостного рабства. К ведению Арамилской слободы

первоначально относился и Верх-Исетский завод, с которого началось становление города Екатеринбурга.

Главной исторической достопримечательностью города Арамилы (название жен. рода) является комплекс цехов Арамилской (Злоказовской) суконной фабрики, выстроенной в середине XIX века. В 1887 году суконные изделия этой фабрики на Всемирной выставке в Париже были награждены золотой медалью. На внутреннем рынке Арамилская суконная фабрика прославилась выпуском шинелей. В годы Великой Отечественной войны в шинелях, выпущенных в Арамили, ходил каждый четвертый солдат. Фабрика официально закрылась в 2000 году, некоторые связанные с ней артефакты хранятся в краеведческом музее, и в 2013 году был открыт памятник шинели на набережной городского пруда.

Арамилский краеведческий музей создан в 2003 году и размещается во Дворце культуры, хотя его очевидное место — это исторические здания суконной фабрики, но они являются частной собственностью и пустуют, постепенно ветшая.

В последние годы в городе активизировались негосударственные культурные индустрии, которые развиваются по пути создания парков развлечений (частные инвестиции), в том числе с элементами музейных экспозиций и театрализованных перформансов:

- в 2015 году открыт Парк сказов — тематический парк семейного отдыха, посвящённый уральским сказам, в котором проводятся ежегодные фестивали, например фольклорный фестиваль и ярмарка народных ремесел «Малахитовая шкатулка» (6–7 июля 2019 г.);

- В 2017 году открыт этнографический парк «Арамилская слобода», где реконструирован деревянный Арамилский острог (изба жилая, изба войсковая, скотный двор, смотровая вышка с пушкой). Услуги парка носят развлекательный характер — организация корпоративных событий и свадеб.

Оба парка нацелены на привлечение жителей Екатеринбурга и иностранных гостей, насколько прибыльные эти предприятия — трудно судить, отзывы потребителей противоречивы, но конкуренция в этом сегменте (парки развлечений на открытом воздухе) не велика.

Таким образом, Арамилы живут и развиваются за счет близости Екатеринбурга, и при минимальном наборе государственных учреждений культуры частные инициативы заполняют пустующую нишу досугово-рекреационных услуг, включая в свой арсенал и музейные практики. Население растет за счет новых жилых кварталов, привлекательных удобной логистикой относительно Екатеринбурга (15 км, до центра — 25) и сочетанием «загородного» формата жилья с современной инфраструктурой.

Другой город-спутник — Берёзовский — развивается значительно быстрее и в 2010 году перерос формат малого города, когда его население составило 51 651 чел. Это шахтерский город (золоторудные шахты). Первое золото здесь было найдено в 1745 году, две шахты разрабатываются и в настоящее время — это самый долгодействующий золотой рудник в мире. Благодаря уральскому золоту Россия стала одним из мировых лидеров по золотодобыче и золотому запасу.

Музей золота (подразделение Свердловского областного краеведческого музея) демонстрирует современные экспозиционные технологии, в том числе один из залов виртуально погружает посетителя в шахту, где благодаря спецэффектам появляются тени старателей. Конкурирует или, скорее, дополняет работу официального городского музея частный «музей-шахта», который дает возможность погрузиться не виртуально, а реально под землю, покататься старательскую вагонетку, поработать шахтерским инструментом. Музей сделан на базе учебной шахты горноспасателей. Экскурсии пользуются большой популярностью.

Иных музейных практик в городе нет, и архитектурных объектов культурного наследия мало (только 3), большинство каменных дореволюционных зданий в Берёзовском было утрачено. Но у города есть символическое наследие в области архитектуры XX века, так как в 1945 году был построен «Берёзовский завод строительных конструкций» и собран первый в СССР панельный дом. Этому предшествовало изучение опыта за рубежом, еще в 30-е довоенные годы в Германии. Местные разработки активно использовались по всей стране, в том числе в послевоенном восстановительном строительстве Москвы. Возможно, эстетическая ценность панельных сооружений вызывает сомнения, но роль этой строительной технологии в повышении уровня жизни советских граждан в период 1950—1990 годов очень велика.

В современных культурных практиках в Берёзовском заметны попытки следовать модным трендам в развитии городских пространств. Классический исторический сквер с памятником первооткрывателю золота Ерофею Маркову дополнен экстрим-парком для молодежи «Горизонт». Среди явно удачных и простых решений — создание «тропы здоровья» в сосновом лесу, окружающем город. К сожалению, лес находится под угрозой в результате новой застройки.

В целом этот город-спутник Екатеринбурга постепенно меняет свое лицо. Неспешный зеленый малоэтажный Берёзовский с мужественным шахтерским прошлым и эксклюзивным «золотым брендом» превращается в высотный «муравейник» эконом-класса — типичный спальный район большого города, не претендующий на уникальность.

По соседству с Берёзовским расположена Верхняя Пышма — город-спутник среднего масштаба с развитой инфраструктурой и промышленностью. В прошлом это деревенское поселение (1701 г.), где была остановка паломников, следовавших к христианским святыням Верхотурья. Индустриальный этап в истории города начался с добычи медной руды (1854 г.) в истоках реки Пышма. Современное развитие этой территории идет быстрыми темпами и определяется интересами частного капитала — Уральской горно-металлургической компанией (ООО «УГМК-Холдинг»), которая вкладывает средства не только в производство, но и в образование, сферу культуры и спорта. В 2013 году открыт корпоративный вуз — Технический университет УГМК; в 2015 году был построен Музейный комплекс УГМК — крупнейший частный музей России. Этот музей военной и автомобильной техники пользуется большой популярностью в регионе и у иностранных туристов, имеет более 200 тыс. посетителей в год

и затмевает местный историко-краеведческий музей, который по-прежнему работает по своим направлениям, но не оказывает заметного влияния на образ города.

Верхняя Пышма не хочет становиться еще одним спальным районом Екатеринбурга, а работает над созданием полноценной инфраструктуры, повышением занятости населения внутри города и возвращением своих брендов, в том числе в сфере культуры и образования.

Однако, согласно давно (около 20 лет) обсуждаемому проекту региональных властей «Большой Екатеринбург» [14], перечисленные города, а также город Сысерть должны развиваться в направлении создания единой агломерации, где у каждого территориального субъекта есть определенная специализация: Арамиль — ввиду близости аэропорта — логистический центр; Орджоникидзевский район Екатеринбурга и Верхняя Пышма — территория промышленного кластера для крупного бизнеса; малому и среднему бизнесу будет место для развития в Берёзовском и Сысерти. Это мнение не бесспорно, муниципалитеты городов-спутников не хотят терять своей самостоятельности, но реальный вектор их развития в неразрывной связи с областным центром согласуется с проектом «Большой Екатеринбург». Например, в 2018 году УГМК и областное правительство заключили контракт о строительстве и запуске к 2020 году трамвайной линии (18 станций), соединяющей Екатеринбург и В. Пышму. В этом проекте совместное будущее этих городов получит еще одно наглядное доказательство.

Город Сысерть (20 962 чел.) находится в 53 км к югу от Екатеринбурга и включен в проект «Большой Екатеринбург» на том основании, что играет роль дачного места для горожан. Город не столько растет, сколько остается стабильным по числу населения (в 1979 году здесь проживали 21 365 человек, это чуть больше, чем сегодня). В Сысерти красивая природа. Сысертский пруд, окруженный сосновым бором, Д. И. Менделеев после своей поездки по Уралу назвал «Сысертской лесной дачей» — одним из лучших лесов России! В историческом центре сохранилось много старинных домов. Например, здание цифирной школы, построенное по распоряжению В. Н. Татищева в 1735 году, в ней обучали наукам будущих работников завода, здесь и сегодня действуют вечерняя школа и библиотека [15].

Но главная историческая достопримечательность — казенный чугуноплавильный и железоделательный завод, построенный в 1732 году. Сысертское железо с клеймом, изображающим цаплю, получало высокие награды на зарубежных выставках. Павел Бажов посвятил Сысертскому заводу и его продукции сказ «Не та цапля».

Со сменой владельцев и управляющих завод переживал взлеты и падения, в советское время (1942 г.) на его базе было создано предприятие нового профиля — Уралгидромаш, выпускающее гидротурбины и насосы. В наши дни это градообразующее предприятие, уникальное для России, располагается уже в современных корпусах.

В городе имеются еще три крупных завода, в том числе ЗАО «Сысертский фарфор», созданный в начале XX века, в его составе есть музей сысертского фар-

фора, проводятся экскурсии. Сысертский фарфор знаменит своей ручной росписью по мотивам уральских сказов Бажова, русских былин и пейзажей.

Значимый музейный объект города — мемориальный дом-музей П. П. Бажова, где писатель родился и провел школьное детство. Для популяризации творчества уральского писателя указом губернатора Свердловской области 2019 год объявлен Годом Павла Бажова. Тематические годы — это одна из традиционных для России форм культурной политики по продвижению территорий.

Ведущий музейный центр Сысерти — краеведческий музей, основанный в 1957 году; он располагается в двухэтажном здании бывшей конторы Сысертского горного округа. На фасаде имеются старинные чугунные плиты с надписями: «САФТ кантора строена 1779 года», здесь, благодаря владельцу завода А. Ф. Турчанинову, в глухом уральском уголке второй половины XVIII века появились минералогический и археологический музей, солидная научная библиотека, а рядом был создан ботанический сад и небольшой зоопарк.

В настоящее время от прогрессивных устремлений уральских горнозаводчиков осталась мощная для того времени плотина, реконструированная в 1978 году, и здание завода — памятник промышленной архитектуры середины XIX века (1840—1850 гг.). Пока городские власти только высказывают намерение превратить здание и прилегающие территории в музейный кластер, нацеленный на брендинг Сысерти и повышение туристической привлекательности города как классического примера рождения и развития «города-завода», а тем временем здание завода пустует и разрушается...

Несмотря на трудности, у всех вышеперечисленных городов есть все шансы на стабильность, экономическое и культурное развитие, а что делать тем территориям, которые не являются городами-спутниками, дачным пригородом и не вошли в целевые проекты развития территории? Рассмотрим два примера: Дегтярск и Красноуфимск.

Дегтярск — молодой шахтерский город (1954 г.), в 60 км от Екатеринбурга. Самые интересные факты в его недолгой истории неожиданно оказались связаны с США. Во-первых, в 1957 году Дегтярск посетил 36-й вице-президент, а впоследствии 37-й президент США — Ричард Никсон, он спускался в шахту, общался с жителями. Его интерес к этой точке на карте был вызван личной историей его семьи, так как родители работали на местном медном руднике, взятом в концессию американской фирмой «Лена-Голдфилдс» [16].

Во-вторых, именно здесь произошли трагические события 1 Мая 1960 года, когда в небе над Дегтярском был сбит самолет американского летчика-шпиона Пауэрса, он остался жив, а трагически погиб советский летчик Сергей Сафронов, самолет которого был случайно сбит силами ПВО. Самолет мог врезаться в праздничную демонстрацию, но пилот сумел отвести его за город. Этот факт предпочитали не вспоминать, памятник летчику был установлен только в начале 2000-х годов, и в память о нем 1 Мая проводится легкоатлетический пробег.

В 2009 году Дегтярск был включен в список участников маршрута Всемирной федерации АЦК ЮНЕСКО «Мировое культурное наследие. Диалог культур, диа-

лог цивилизаций». В Свердловской области еще три города (Екатеринбург, Нижний Тагил, Нижние Серьги) включены в этот маршрут.

В 2012–2017 годах Дегтярск демонстрировал неожиданную положительную динамику населения: от 15 669 к 16 141, но его максимальная численность (27 430) была зафиксирована более полувека назад (1959 г.). После 1970-х годов начался процесс истощения рудников, и они были окончательно законсервированы в 1999 году. Шахтерский город превратился в депрессивную территорию и зону экологического бедствия. Но природа постепенно «зализывает раны» и живописные окрестности привлекают туристов, интересующихся «урбантрипом».

Такой вид туризма актуален для Свердловской области и в некоторых других ее городах-призраках с мертвыми зданиями промышленных и жилых объектов. Своеобразие такого направления туризма в эстетике ржавчины, в переживании особого настроения покинутости и заброшенности человека, пережившего ядерную зиму. Руины производственных зданий рудоуправления дегтярских шахт насквозь пропитались ядовитыми солями меди и серы, всюду виден зеленоватый налет, свисают зеленые сталактиты, содержащие медь, в теплое время повсюду буро-фиолетовые лужи и озера.

Культурный смысл такого рода путешествия, на мой взгляд, в побуждении к сохранению природы и всего того прекрасного культурного наследия, которое мы еще не успели разрушить сознательно или бросить в забвении. Для деятелей искусства в жанре «постапокалиптика» (post-apocalyptic) — это то место, где они ищут вдохновения, новых мистических впечатлений и эмоций.

Но жителей города такая экзотика не радует, им нужны нормальные условия жизни и отдыха. В их распоряжении сегодня несколько школ, библиотек, один крупный физкультурно-оздоровительный комплекс, один культурно-досуговый центр, на базе которого существует Дегтярский историко-производственный музей. Музей не имеет своего сайта, ведется страница на официальном портале города. Музей, как может, сохраняет культурное наследие города, но задачу осмысления и продвижения бренда не в состоянии решать, хотя уникальность Дегтярска с его «американскими» страницами истории и магией города-призрака может представлять интерес для целевых групп потребителей.

Для сравнения рассмотрим опыт Красноуфимска. Город расположен в 224 км к юго-западу от Екатеринбурга, население — 38 395 человек. Это пример успешного использования музейных практик в качестве инструмента региональной политики по брендированию территории. Причем, в отличие от Верхней Пышмы, музейные проекты не финансировались из частных или государственных дополнительных источников; в отличие от Арамили или Сысерти не имели «пуповинной» связи с мегаполисом; выгодного для туризма расположения между двумя крупными городами, как в случае с Невьянском, тоже не имели; и история не приносила в этот город неожиданные происшествия, как в случае с Дегтярском.

Успех в продвижении бренда Красноуфимска стал возможен только благодаря желанию и объединению усилий профессионального сообщества (коллектив краеведческого музея и других городских учреждений культуры) и равнодушной общественности.

История возникновения города Красноуфимска отличает его от других уральских городов. Это город-крепость, основанная казаками (1734 г.), впоследствии город всегда имел сельскохозяйственную специализацию. С 2015 года местный краеведческий музей разрабатывает и последовательно воплощает концепцию бренда: «Красноуфимск — город земских традиций», идея которого базируется на периоде расцвета города — земском периоде 1870—1917 годов, когда в Красноуфимском уезде наблюдалось активное развитие купечества, земской медицины, образования, культуры, науки и промышленности (сельскохозяйственного машиностроения).

Для формирования уникального образа города ведется планомерная работа по выстраиванию коммуникаций с разными сообществами (горожане, власть, бизнес-сообщество, туристы). Представители краеведческого музея готовят информационные материалы для СМИ, участвуют в тематических конференциях, сотрудничают с турагентствами, используют потенциал современных цифровых технологий для общения с потенциальным потребителем (подробнее см. [17]), вовлекая его в многочисленные музейные проекты, как правило разворачивающиеся в городском пространстве, а не в музейных залах («Историческая эстафета», «Автоквест», «Красноуфимские пленэры» и др.). В результате в 2016 году был создан новый оригинальный путеводитель по городу; в 2017 году на значимых архитектурных сооружениях (19 объектов являются памятниками областного значения) появились QR-коды; медиаимидж музея в сетевых ресурсах на порядок вырос; музейные проекты привлекают внимание горожан, туристов, администрации города и получают региональные гранты.

И все это для того, чтобы жить с чувством собственного достоинства, которого не будет «без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти» (отсылка к цитате П. В. Киреевского, см. [18]), а национальная память начинается с понимания того места, в котором живешь — с региональной памяти.

Благодаря событийно активным музейным практикам и профессионализму работников сферы культуры и туристической индустрии в целом, Свердловская область ежегодно входит в десятку лучших субъектов РФ по темпам развития туризма, а в 2018 году стала обладателем премии «Золотое яблоко» международной организации «FIJET», объединяющей писателей и журналистов, пишущих о туризме [19].

Выводы. Поиск запоминающегося образа, консолидирующей и вдохновляющей идеи, т. е. своего бренда, — актуальная задача для многих уральских городов, синергетический эффект которых воплотился в уникальном феномене региональной культуры «Уральской горнозаводской цивилизации» [20]. Целенаправленная культурная политика по продвижению региона объективно присутствует в Свердловской области и выражается не только в туристических проектах, представленных в данной статье. На уровне муниципалитетов ситуация различна, осмысление феномена места, его культурных кодов и их последующего продвижения требует финансовых и кадровых ресурсов, одни муниципалитеты бездействуют, другие решают эти задачи за счет частного капитала, третьи изыскивают внутренние ресурсы, связанные с музейными практиками. Независимо от профиля, музеи уральских городов проводят краеведческую работу, являются хранителями исторической (региональной) памяти и трансляторами «пуб-

личной истории», способствуя формированию городской идентичности и привлекательного образа города для внешнего мира. Одни музейные институции используют самые современные методы музейных коммуникаций, другие работают по старинке. Наилучший результат достигается там, где усилия профессионального сообщества деятелей культуры объединяются с общественными инициативами и находят поддержку городской администрации и областных властей.

Список использованных источников

1. Беляева М. А. Региональная культура // Прикладная культурология : энциклопедия / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. М. : Согласие, 2019. С. 487–495.
2. Быстрова Т. Ю. Система расселения Урала как объект наследия и фактор развития региона (Ч. 2) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2018. № 3(38). С. 45–51.
3. Захарова Е. Е. Общественные пространства как факторы социокультурного развития локальных территорий // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2(50). С. 122–126.
4. Казакова Г. М. Региональная идентичность, вернакулярный район и российский «низовой регионализм» // Вестник культуры и искусств. 2016. № 4(48). С. 53–58.
5. Ланцевская Н. Ю. Провинциальный город в поисках бренда // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 11(340). Сер.: «Философия. Социология. Культурология». Вып. 32. С. 116–119.
6. Тюленева Н. И. Концепция «культурного ландшафта» в применении к горнозаводской цивилизации Урала : автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров : Вят. гум. ун-т, 2015. 22 с.
7. Численность населения Свердловской области на 1 января и в среднем за 2003–2019 гг. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population/
8. Официальный сайт правительства Свердловской области. URL: <http://www.midural.ru/community/100332/100689/100690/>
9. Твардовский А. Т. За далью даль // Страна Муравия. М., 1981. 288 с.
10. «Серебряное кольцо Урала» : интерактивная туристическая карта Свердловской области. URL: <http://f.cityscanner.ru/>
11. Токарева Н. Эксперты в области территориального брендинга высоко оценили туристские ресурсы Свердловской области // JustMedia от 21. 11. 2011. URL: <http://www.justmedia.ru/news/society/123773>
12. Верхотурье: практика инвестиций в туризм // Техсовет: специалисты для специалистов. URL: <http://tehsovet.ru/pressrel/partners/1384.html>
13. Серебряное кольцо Урала. Екатеринбург : Азимут, 2012. 104 с.
14. Проект Большого Екатеринбурга готов: какой будет первая уральская агломерация // ФедералПресс от 5.07.2017. URL: <http://fedpress.ru/article/1814898>
15. Распопов П. Город Дегтярск и его достопримечательности // Ураловед. URL: <https://uraloved.ru/goroda-i-sela/sverdlovskaya-obl/gorod-degtyarsk>

16. Распопов П. Город Сысерть // Наш Урал. URL: <https://nashural.ru/mesta/sverdlovskaya-oblast/sisert/>
17. Ладыгина Т. А. Музейные коммуникации: продвижение историко-культурного наследия малого города // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 5. С. 155–162.
18. Надь И. Вступительное слово // Культура Венгрии и России: историческая память и национальный контекст : материалы междунар. науч. конф. Будапешт, 2018. С. 6–8.
19. Свердловская область получила «Золотое яблоко» ...// Информационный портал Свердловской области. URL: <http://xn--b1ag8a.xn--p1ai/news/3015>
20. Иванов А. Горнозаводская цивилизация. Хребет России. М. : АСТ, 2013. 288 с.

Новосёлов Михаил Владимирович,

магистрант, кафедра социологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск, Michael652341@gmail.com

УДК 316.77

«Старые» и «новые» медиа: влияние на имидж мусульманских государств

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных тенденций конструирования имиджа мусульманских государств в «старых» и «новых» медиа на примере Индонезии – страны с наибольшей численностью мусульман в мире. Показано, что данная страна демонстрирует имидж, характерный для светского государства и крупного партнёра на международной арене. Определена коммуникационная стратегия поведения государственного информационного агентства, перешедшего в разряд «новых медиа».

Ключевые слова: «старые» медиа, «новые» медиа, имидж, Интернет, коммуникация.

Mikhail Novosyolov

Master's student, program «Sociology of management», National Research, Tomsk State University, Russia, Tomsk

The «old» and «new» media and its influence on image of Muslim states

Abstract. The article is devoted to consideration of current trends in Muslim states' image construction in “old” and “new” media. A case of Indonesia is considered – this state has the largest number of Muslims in the world. It is shown that this state has built image of secular state and large international partner. The communication strategy of the state news agency, which has moved into the category of “new media”, is defined.

Key words: “old” media, “new” media, image, Internet, communication.

Существующие на данный момент средства массовой информации можно разделить на две группы: «старые» и «новые» медиа [1, р. 30]. Первые из них представляют собой более традиционные СМИ (газеты, радио, телевидение), а «новыми медиа» в современных условиях можно назвать Интернет-СМИ, имеющие более широкие функциональные и тематические возможности, в том числе связанные с механизмами обратной связи. Выделяется также такой вид медиа, как социальные медиа, у которых интерактивность сопряжена с продолжающейся генерацией информации, доступной в режиме реального времени [2, р. 3]. Скорость появления новых материалов при этом значительно возрастает по сравнению с традиционными СМИ. Под определение «социальных медиа» подпадают, в частности, социальные сети и блоги. «Новые» медиа — быстроразвивающийся современный феномен, цельного знания о котором пока не имеется ни у компаний, ни в академической среде.

К. Ф. Чипп и Д. Чакраворти приводят классификацию существующих на данный момент медиа:

— Традиционные медиа (основаны на собственном — брендированном — контенте, создаваемом и распространяемом профессионально в ограниченной среде).

— «Стеновые сообщества» — полагающиеся на контент, продуцируемый пользователями и сообществом в целом в рамках ограниченного окружения.

— Контентная гиперсиндикация — полагающиеся на профессиональный, кроссплатформенный контент, находящийся в свободном доступе в открытой среде.

— Агрегаторы новых платформ — зависящие от пользовательского контента в открытой среде [3, р. 375].

В чём заключаются вызовы, с которыми сталкиваются традиционные медиа в эпоху практически вездесущего доступа к Интернету? Медиапотребители в эпоху «новых» медиа способны самостоятельно выбирать интересующие их материалы бесплатно или с минимальными затратами. Это приводит к усилению вариативности транслируемых мнений во всех слоях общества независимо от уровня дохода, а традиционные СМИ вынуждены сталкиваться с падением прибыли или необходимостью адаптации к новым условиям. Сами пользователи оказались способны создавать собственные медиа [4, р. 7]. Многие из них существуют в рамках крупнейших «новых» медиа мира — «Facebook», «YouTube», «Twitter». С ними связано возникновение в XXI веке т. н. «медиализованной толпы», «опосредованной толпы», фигурирующей в протестных акциях, таких как «Occupy Wall Street», «Арабская весна», в международном движении хакеров «Anonymous» [5, р. 44, 46].

Создавать свои собственные медиа в Интернете могут и коммерческие компании, заинтересованные в выстраивании коммуникации между собой и конечными пользователями продукции их бренда, вокруг которого создаётся своеобразная субкультура со своими ценностями, мифами, иерархией, ритуалами, словарём. Цели компаний в данной ситуации состоят в обеспечении пула лояльных клиентов, в то время как сами клиенты в рамках таких медиа могут общаться и между собой, обмениваясь опытом использования продуктов компании. Эта коммуникация может управляться

компаниями-владельцами медиа, чьи бюджеты на поддержку данного направления деятельности постоянно растут [6, р. 330].

Интерес к новомедийной коммуникации обусловлен несколькими причинами, в их числе ослабление и игнорирование индивидами традиционной рекламы, ослабляющееся влияние традиционных медиа на молодёжь со смещением этой возрастной группы в онлайн-пространство, широкая аудитория, возможность увидеть мнения других людей, в особенности своих друзей (интернет-пользователи больше доверяют друг другу, чем фирмам), а также экономическая эффективность (выстраивание бренда в Интернете привлекает больше клиентов, чем телевизионная рекламная кампания при существенно более низкой стоимости мероприятий) [6, р. 331].

Одним из феноменов, на который способны влиять СМИ, является имидж. СМИ позволяют формировать в широких массах имиджи объектов, имеющих разного рода отдалённости от аудитории СМИ — географическую, культурную, религиозную и т. д., отсутствие интереса к освещаемой тематике, взаимодействия с ней — те факторы, что не позволяют воспринимать какой-либо объект напрямую, получать непосредственное представление о нём. Освещая события в различных государствах и их взаимодействие, СМИ актуализируют вопросы их имиджа, аудитория получает представления о них. В свою очередь, образ страны обуславливает её восприятие, влияющее на её международные взаимодействия. В этой связи особый интерес вызывают мусульманские государства, имеющие противоречивый имидж: с одной стороны, он омрачён радикальными террористическими группировками, с другой стороны, динамично развивающиеся мусульманские страны предпринимают действия по улучшению своего имиджа. До широкого использования Интернета на формирование корпоративной репутации, например, влияли, по большей части, однонаправленные коммуникации, запускаемые в отношении заинтересованных сторон. Возможности взаимодействия между адресатами и адресантами информационных сообщений были ограниченными [7, р. 492].

Актуальные в современности важные в процессах межгосударственного взаимодействия вопросы восприятия мусульманских государств, играющих всё большую роль на международной арене, находят ответы в плоскости, в первую очередь, их имиджа, основывающегося на получаемой извне информации о них. «Старые» и «новые» медиа по-разному влияют на политическую культуру и политическое поведение, поэтому возникает интерес к вопросу о возможной разнице представлений, транслируемых о мусульманских государствах в медиа этих типов.

Метод контент-анализа возможно применить для рассмотрения как «старых», так и «новых» медиа. При этом медиа мусульманских государств, как и они сами, являются довольно разнообразными в социальном, языковом, культурном, политическом, экономическом и иных аспектах. Индонезия — страна с наибольшей численностью мусульман в мире, в связи с чем она представляет особый интерес для рассмотрения её имиджа. По итогам проведения контент-анализа материалов индонезийского государственного информационного агентства «Antara News» за декабрь 2018 года (479 информационных сообщений) были сделаны следующие выводы. Наиболее ча-

сто встречающимися темами информационных сообщений являются: политика (48% сообщений), социальная сфера (16,9%), экономика (16,2%), природа и экология (12,2%), культура (6,1%). Анализируя темы сообщений на более глубоком уровне, мы можем выделить следующие выделяющиеся проблематики: внешняя политика (17,6%), борьба с преступностью (10,8%), внутренняя политика и стихийные бедствия (по 8,1%), митинги (7,5%), борьба с нелегальным наркотрафиком (4,1%). Такое выделение наиболее значимых проблематик за определённый период позволяет понять, какой имидж государства транслируется исследуемым СМИ. В контексте ислама появляется необходимость вычисления количества сообщений, содержащих упоминание данной религии. В указанный период ислам прямо или косвенно упоминается в текстах сообщений в 12,8% случаев. Также определено, как часто ислам возникает на фотографиях, сопровождающих текст сообщения — в 13,5% случаев, что не намного больше, чем упоминания данной религии в текстах анализируемых материалов. Для сравнения можно отметить, что позиции христианства, встречающегося в материалах, являются слабыми — 1,4% случаев. Небольшое расхождение между упоминаниями ислама в текстах и появлением исламской атрибутики на фотографиях объясняется широким культурным проявлением ислама в индонезийском обществе, в частности распространённостью ношения определённой одежды. Имеет место некоторая связь ислама и темы информационных сообщений, например, с политикой (3,5% случаев одновременного присутствия в тексте материалов, 9,8% случаев при появлении исламской атрибутики на фотографиях), социальной сферы (40 и 32%, соответственно), экономики (8,6 и 13%) природы и экологии (5,5 и 0%). В целом ислам не является лейтмотивом повестки дня, задаваемой информационным агентством «Antara News», хотя он и занимает свою довольно объёмную нишу в его материалах; образ Индонезии дополняется чертами светского государства. Отдельно следует отметить частые упоминания внешнеполитической деятельности Индонезии: среди её партнёров выступает множество международных организаций и других государств (Австралия, АСЕАН, Бруней, Венесуэла, Германия, Италия, Камбоджа, Катар, Колумбия, Лаос, Малайзия, Марокко, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, ОАЭ, ООН, Папуа — Новая Гвинея, Республика Корея, Уганда, Саудовская Аравия, Сингапур, Словакия, Суринам, Филиппины). Появление каждого из этих акторов в повестке дня имеет место в 0,7—2,7% случаев, однако их численность говорит о транслируемом образе Индонезии как партнёра широкого круга государств и организаций.

Информационное агентство «Antara News» было рассмотрено с позиции традиционного СМИ. В то же время оно представлено и в интернет-пространстве как «новое медиа». Что возможно изучить в данном аспекте функционирования данного СМИ? Например, способы использования потенциала «новых» медиа при коммуникации с аудиторией. Итальянские экономисты П. Б. Флоредду и Ф. Кабидду на основе изучения страниц некоторых итальянских компаний в «Facebook» присвоили им репутационные индексы на основании имеющихся на страницах оценок пользователей и выявили, что компании с различными значениями данных индексов по-разному ведут себя в ситуации онлайн-коммуникации с индивидами. Авторы приводят шесть

вторичных коммуникационных стратегий (по отношению к основным — стратегиям размещения информационных материалов). Вторичные коммуникационные стратегии — это стратегии обратной связи с пользователями. Выделяются следующие их виды:

1. Эгоцентричная — фирма публикует информационные материалы на своей странице в социальных медиа, однако не вовлечена в двустороннее общение с индивидами. Организации с такой стратегией не желают иметь индивидуальные отношения с пользователями, а цель их присутствия в социальных медиа — создание собственной видимости в них.

2. Стратегия диалога — цель организации состоит в создании глубоких отношений и диалоге с индивидами. Согласно этой стратегии организация отвечает на каждое сообщение, каждый пользовательский комментарий, тем самым ведя беседу с пользователями, а также модерировать возникающие конфликты.

3. Выборочная стратегия — коммуникационная стратегия, при которой происходит фильтрация публичных комментариев пользователей: если они содержат отрицательные отзывы, то такие комментарии игнорируются. Ответы даются только на положительные комментарии. Приверженцы данной стратегии стремятся не управлять конфликтами, а выстраивать отношения своей компании только с поддерживающими её пользователями.

4. Стратегия открытости — цель данной стратегии состоит в обеспечении прозрачности диалога «пользователь — организация». Комментарии пользователей не удаляются, компании публично отвечают на них.

5. Стратегия скрытности — согласно ей при попытке начать диалог с организацией им предлагается перейти в приватное пространство коммуникации через электронную почту или функцию личных сообщений с целью предупреждения потенциальных конфликтов. «Нежелательные» сообщения пользователей удаляются.

6. Поддерживающая стратегия нацелена на предоставление информации о предложениях организации и помощи пользователям на всех этапах жизненного цикла продукта или услуги (поиск информации, покупка или предоставление услуги, пост-продажное обслуживание) [7, р. 494].

Было выявлено, что организациям с высоким репутационным индексом свойственно применение стратегий диалога и открытости, а с низким — эгоцентричная стратегия. Предложенную классификацию коммуникационных стратегий можно применить к рассмотрению медиа, транслирующих имидж. Репутация является составной частью имиджа, и стратегии диалога и открытости позволяют выстроить имидж, более воспринимаемый в положительном свете. Наоборот, эгоцентричная стратегия и стратегия скрытности приводят к понижению репутационных индексов. Информационные агентства, в современных условиях приобретающие черты «новых» медиа, могут различным образом выстраивать свои коммуникационные стратегии через официальные сайты. На сайте рассмотренного с точки зрения контент-анализа индонезийского информационного агентства «Antara News» присутствует возможность обсуждения новостей предварительно зарегистрированными читателями. Более активное обсуждение происходит не на официальном сайте, а среди аудитории представительств агентства в

социальных сетях «Facebook» (808 082 подписчиков), «Twitter» (188 подписчиков), «Instagram» (58 100 подписчиков) и «YouTube» (9 452 подписчика), при этом само агентство, размещая в них ссылки на появляющиеся на официальном сайте новости, не вступает в видимое общение с пользователями и не прибегает явно к стратегии скрытности — таким образом, в данном случае мы имеем дело с эгоцентричной стратегией коммуникации.

Зафиксировано отставание традиционных медиа в плане отслеживания интересов аудитории, чего нельзя сказать о «новых» медиа. Процесс взаимодействия со СМИ стал гораздо более демократичным, как и само потребление медиаконтента с появлением возможности его более широкого выбора. С другой стороны, всё ещё существуют потребители медиаконтента, желающие, чтобы им предлагали некую определённую среду, основанную на их предпочтениях, не прикладывая усилий по их обозначению. Традиционные медиа в этих условиях должны адаптироваться или потерпеть неудачу [4, р. 8–9]. Конкретные шаги к такой адаптации можно наблюдать в появлении интернет-представительств традиционных медиа — речь идёт не только об официальных сайтах медиаинституций, но и об их страницах в социальных сетях. Всё это в совокупности с появлением в социальных сетях страниц государственных, политических структур приводит к появлению более открытого общества с положительно воспринимаемым имиджем государства, однако в этой связи важно выбрать надлежащую стратегию коммуникации.

Список использованной литературы

1. Sinanan J. The social media landscape: New media and 'old' media // *Social Media in Trinidad: Values and Visibility*. London : UCL Press. 2017. P. 30–56.
2. Arnaboldi M., Sidorova Yu., Azzone G. Governing social media: the emergence of hybridised boundary objects [electronic resource] // *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2017. Vol. 30 Issue: 4. URL: <http://dx.doi.org/10.1108/AAAJ-07-2015-2132> (access date: 03.04.2019).
3. Chipp, K. F., Chakravorty, D. Producer push to consumer pull: Who curates new media content? Developing strategies for new media environments // *Journal of Product & Brand Management*. 2016. № 25(4). P. 373–386.
4. A new democracy for new media: challenges to traditional media and adapting to modern consumers // *Strategic Direction*. 2016. Vol. 32 Iss. 11. P. 7–9.
5. Baker S. A. From the criminal crowd to the “mediated crowd”: the impact of social media on the 2011 English riots // *Safer Communities*. 2012. Vol. 11 Iss. 1. P. 40–49.
6. Tsimonis G., Dimitriadis S. Brand strategies in social media // *Marketing Intelligence & Planning*. 2014. Vol. 32 Iss. 3. P. 328–344.
7. Floreddu P. B., Cabiddu F. Social media communication strategies // *Journal of Services Marketing*. 2016. Vol. 30 Iss. 5. P. 490–503.

Кабанова Анастасия Владимировна,

магистрант кафедры социологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск, anastasiya.kabanova@bk.ru

УДК 316.354

Политическое влияние социальных движений как новых медиа

Аннотация. В статье рассмотрен такой политический аспект социальных движений, как их переход в сферу новых медиа. Данное преобразование стало возможным благодаря развитию технических средств коммуникации, в частности интернет-коммуникации, а также сопутствующему распространению сетевых взаимодействий в социальном мире. Социальные движения, приступившие в роли новых медиа к конкуренции с традиционными СМИ, обрели медийные характеристики. Однако способны ли классические социальные теории объяснить взаимодействия медиа и общества в современных условиях? В работе отражены современные тенденции медиaprостранства и его влияния на общество. Показано, что полностью отвергать классические теории не следует, но в настоящий момент происходит уточнение роли изменяющихся медиа в социальной жизни.

Ключевые слова: медиа, старые медиа, новые медиа, коммуникация, социальные теории, социальные движения.

Anastasiya Kabanova

Master of Science student, Department of Sociology, National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

The political influence of social movement as new media

Abstract. This article is devoted to transition of social movements into the sphere of new media. This transformation became possible due to the development of technical means of communication, in particular, Internet communication, as well as concomitant spread of network interactions in the social world. Social movements that began to compete with traditional media have gained media characteristics. However, are classical social theories capable of explaining the interaction of media and society in modern conditions? The paper reflects the current trends in the media space and its impact on society. It is shown that classical theories should not be completely rejected, but at the moment there is a clarification of the role of changing media in social life.

Key words: media, 'old' media, 'new' media, communication, social theories, social movements.

Социальная жизнь отличается высоким уровнем динамичности, в частности динамичностью изменения характера информационного потребления. Это проявляется на примере появления и развития новых медиа — на современном этапе это интернет-источники информации, такие как новостные сайты, группы в социальных сетях, блоги и т. д. Несмотря на расширяющийся охват Интернетом всех возрастных категорий населения, старшее поколение является приверженцем традиционных СМИ — телевидения, реже радио и газет [1, р. 331]. На молодую аудиторию большее влияние оказывают новые медиа, интернет-СМИ, имеющие по сравнению с традиционными СМИ ряд преимуществ: широкие возможности обратной связи, экономическую эффективность, возможность увидеть мнения друзей и знакомых, расширение каналов

распространения благодаря сетевому характеру коммуникации между самими пользователями. Процессы компьютеризации и глобализации, происходящие в современном обществе, не могут не провоцировать социальные изменения. Кроме того, существуют социальные движения, цели деятельности которых состоят в проведении изменений в жизнь общества. На современном этапе они присутствуют в том числе и в онлайн-пространстве, играя роль одного из видов «новых медиа». Требуют ли классические теории, объясняющие социальные взаимодействия, пересмотра в новых условиях? Нельзя однозначно сказать, что они утратили актуальность. Рассмотрим некоторые из них.

Концепция М. МакКомса и Д. Шоу основана на утверждении о ведущей роли медиа, прежде всего газет и телевидения, в формировании повестки дня. Теория повестки дня заключается в воздействии масс-медиа на общественное сознание, заставляя индивидов обращать внимание на определённые события, освещаемые средствами массовой информации, и игнорировать события, не отражающиеся в массовых изданиях. Данная теория не утверждает, что СМИ навязывают людям, что думать о проблеме, но полагает, что масс-медиа диктуют людям, о чём думать, на каких событиях как более важных на настоящий момент акцентировать внимание. Таким образом, средства массовой информации конструируют социальную реальность в общественном сознании, задают ценности, направление политической активности, формируют имидж отдельных индивидов, организаций, государств и т. д. [2, р. 400–401]

Следует рассмотреть теорию Н. Лумана о конструировании реальности в масс-медиа. Обращаясь к его работе «Реальность масс-медиа», мы можем сказать, что автор рассматривает общество как систему, охватывающую все виды коммуникаций. Однако средства массовой информации выделяются отдельно, поскольку при таком способе коммуникации информация распространяется опосредованно, в большинстве случаев отсутствует обратная связь. Помимо этого Луман рассуждает о понятии публичности, что можно понимать как «непрозрачность», отсутствие контроля над доступом. Иными словами, контент масс-медиа существует для всех, вне зависимости от каких-либо условий, по причине отсутствия контроля за теми, кто его получает. Следовательно, масс-медиа не создаёт сферу публичного, а лишь репрезентирует её [3, с. 12].

Суть теории распространения инноваций американского социолога Э. Роджерса заключается в распространении информации по различным моделям. Люди могут принять новую информацию достаточно быстро, или же людям требуется время для осмысления и принятия новшеств, также возможна ситуация непринятия инноваций совсем. В книге «Диффузия инноваций» Э. Роджерс выделяет пять типов индивидов:

1. Новаторы. Данный тип людей является основным распространителем информации в обществе, быстро принимают новшества, способны устанавливать контакты на дальних расстояниях.

2. Ранние принимающие. Этот тип имеет сходства с предыдущим, однако масштаб передачи информации значительно меньше, распространяется только на круги, в которых индивид занимает лидерскую позицию.

3. Раннее большинство. Прежде чем принять какую-либо информацию, такие люди взвешивают все «за» и «против», ориентируются на авторитетные источники, по причине долгих раздумий принимают новую информацию медленнее.

4. Позднее большинство. Люди данного типа характеризуются ориентацией на мнение большинства и недоверием к новой информации. Соответственно, принимают новшества эти индивиды только после принятия их большинством населения.

5. Отстающие. Люди, относящиеся к этому типу, склонны придерживаться традиционных убеждений, поэтому, когда они принимают какую-либо информацию, она уже утрачивает свою новизну [4, с. 136–137].

«Новаторы» как тип людей в классификации Э. Роджерса способны организовывать социальные движения. Французский социолог А. Турен в статье «Социальные движения: частный случай или центральная проблема социологического анализа?» определяет их как особый тип конфликта, посредством которого основные культурные модели (знания, распределение ресурсов, моральные ценности) трансформируются в формы социальной организации и характеризуются определённой властью. С этих позиций можно говорить о попарном существовании социальных движений, придерживающихся противоположных точек зрения на ту или иную проблематику [5, р. 7].

На протяжении десятилетий социальные движения изменяли свою форму. С появлением новых технических средств коммуникации возникло и новое социальное пространство, не только отражающее реальность, но и своеобразно влияющее на неё. Интернет-пространство стало местом действия социальных движений, продвигающих свои взгляды и функционирующих как в физическом мире, так и в виртуальном.

Социальные движения, представленные в интернет-пространстве, создают в нём свои дискурсы. Интернет создаёт ситуацию широкого выбора получаемой информации, в отличие от более ограниченных в этом смысле традиционных СМИ, транслирующих позицию своего владельца по поводу тех или иных феноменов и процессов социальной жизни. Директор Центра по изучению гражданских медиа при Массачусетском технологическом институте И. Цукерман отмечает, что раньше была модель курирования, при котором сам источник информации, например «New York Times», определял, что читателям стоит знать о происходящем в мире. На сегодняшний день действует модель поиска, когда люди находят то, что они хотят, а не то, что им необходимо или, по чьему-то мнению, «стоит» узнать. Социальные сети, в частности Facebook, позволяют увидеть новости глазами друзей, таким образом помещая пользователя в определённые рамки [6, р. 111].

Эти рамки кристаллизуются в так называемые «эхо-камеры» — феномен, объясняющий склонность пользователей выбирать информацию, подходящую к системе их убеждений, формируя тем самым поляризованные сообщества, выступающие эхо-камерами. Склонность верить информации, приходящей из «избранных источников», превращается в социальный, политический и экономический риск в случае оказания доверия ложной информации. Цифровая эпоха с появлением новых способов коммуникации обострила масштабы дезинформации. Группы единомышленников, внутри которых происходит обсуждение своих позиций, влияет на эмоции пользователей, усили-

вает групповую поляризацию [7]. Информация в таких сообществах может приниматься как достоверная даже в случае, когда она содержит заведомо ложные утверждения; утверждения, противоположные позиции группы, игнорируются или усиливают групповую поляризацию. В новых медиа это проявляется через публично оформленные одобрения распространяемой информации — отметки с количеством людей, одобривших размещённый материал, а также поделившихся им с другими пользователями. Ведя свою деятельность в интернет-пространстве, социальное движение действует по тем же законам, что и все остальные сообщества в социальной сети; значительный отпечаток накладывает ещё и то, что распространение информации движением подпадает под концепцию новых медиа.

Таким образом, отмеченный ранее поколенческий разрыв вносит сомнения относительно теории повестки дня, поскольку пользователи Интернета (неравномерно представленные в различных возрастных группах населения) самостоятельно могут формировать окружающие их информационные потоки. С другой стороны, появляются новые теории, такие как теория эхо-камеры, объясняющие относительность самостоятельности индивида в формировании его повестки дня в современных условиях. В этой связи новые медиа в целом и социальные движения, ведущие интернет-активность, могут оказывать непосредственное влияние на повестку дня своих подписчиков, и поэтому теорию эхо-камеры можно считать своеобразным расширением Agenda setting theory. Теория Н. Лумана несколько утрачивает актуальность в связи с трансформацией модели СМИ — появление новых медиа выстроило систему значимой обратной связи, сетевой характер социальных взаимодействий способствует непосредственному распространению информации, сфера публичного обрела возможность не только отражаться, но и конструироваться с помощью медиа; однако среди некоторых социальных групп всё ещё востребована продукция традиционных, старых медиа, а медиа в целом по-прежнему существуют для всех.

Список использованной литературы

1. Tsimonis G., Dimitriadis S. Brand strategies in social media // Marketing Intelligence & Planning. 2014. Vol. 32. Issue: 3. P. 328–344.
2. Lowery S., De Fleur M. Milestones in mass communication research: Media effects. 3rd ed. White Plains, N. Y. : Longman, 1995. 432 p.
3. Луман Н. Реальность масс-медиа / пер. с нем. ; пер. Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005. 256 с.
4. Брайант Дж, Томпсон С. Основы воздействия СМИ / пер. с англ. М. : Изд. дом «Вильямс», 2004. 432 с.
5. Touraine A. Les mouvements sociaux: objet particulier ou problème central de l'analyse sociologique? // Revue française de sociologie. 1984. 25-1. P. 3–19.
6. Zuckerman E. Rewire: Digital Cosmopolitans in the Age of Connection / E. Zuckerman. New York : W. W. Norton & Company, Inc., 2013. 328 p.
7. Del Vicario M. et al. Echo Chambers: Emotional Contagion and Group Polarization on Facebook [electronic resource] // Scientific Reports. 2016. № 6(1). URL: <https://www.nature.com/articles/srep37825.pdf>

Гузельбаева Ирина Александровна,

кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Казань, cherri-91@mail.ru

УДК 94(470)

Официальное искусство как инструмент власти (опыт периода перестройки в Татарской АССР)

Аннотация. Партийно-государственная политика в области культуры и искусства в период перестройки (1985–1991 гг.) претерпевает изменения, выразившиеся в определенном смягчении идеологической цензуры. Однако это означало лишь установление новой формы влияния и контроля. В статье рассмотрен процесс воздействия власти в Татарской АССР на культуру и искусство. С привлечением архивных материалов проведен анализ использования властями таких отраслей искусства, как литература и театр.

Ключевые слова: перестройка, культурная политика, Татарская АССР, официальное искусство, творческая интеллигенция и власть.

Irina Guzelbaeva

Candidate of Sciences in History, Assistant at the Department of history and philosophy, Kazan State University of Architecture and Engineering, Russia, Kazan

Official art as an instrument of power (the experience of the period of perestroika in the Tatar ASSR)

Abstract. Party-state policy in the field of culture and art in the period of perestroika (1985-1991) undergoes changes, expressed in a certain softening of ideological censorship. However, this meant only the establishment of a new form of influence and control. The article describes the process of the impact of power in the Tatar ASSR on culture and art. Archaeological materials held in the theater.

Key words: perestroika, cultural policy, Tatar ASSR, official art, creative intelligentsia and power.

Для советского времени характерно осуществление государственного и партийного контроля всех сфер общественной жизни. В частности, особое внимание уделялось сфере культуры и искусства. Трансляторами социальных и политических партийно-государственных установок становились и представители творческой интеллигенции. Одной из функций официального искусства на протяжении всей советской истории неизменно являлось идеологическое воспитание и образование советского человека. Изменения культурной политики периода 1985–1991 годов, вошедшего в историю как «перестройка», принято связывать с началом проведения реформ, инициированных М. С. Горбачевым и окружавшей его политической элитой. Отправной точкой становится XXVII съезд КПСС, на котором провозглашается принцип гласности, отражается настрой обновления культурной политики, что было положительно воспринято представителями творческой интеллигенции. Новые политические элиты получают поддержку широкого круга деятелей культуры, которые транслируют декларируемые

партией принципы. То есть искусство выступает в качестве инструмента власти по достижению собственных целей.

Одна из целей власти — укрепление собственной легитимности, достижение общественной поддержки путем влияния идеологическими средствами в культурной, образовательной, политической сфере. Социалистическая идеология в советском обществе имела воплощение на разных уровнях: как сфера партийно-государственной политики, как ценностно-мировоззренческая система, как теория, обосновывающая легитимность власти и существующего общественно-политического строя. Однако важно отметить, что во всех обозначенных воплощениях идеология претерпевала на протяжении советской истории деформацию, в том числе в период перестройки (1985—1991 гг.).

Трансляция идеологии осуществлялась через государственное формирование культурно-идеологической политики и управление наукой, искусством и образованием. Фундамент системы партийно-государственного управления и руководства в области культуры и искусства закладывался на рубеже 1920—1930-х годов.

Одной из главных целей регуляции выступало создание социально ориентированной личности советского общества. Исток данной идеологической цели находится в принципах и идеях эпохи Просвещения, на которых базировалось советское государство. Б. Кагарлицкий справедливо подчеркивает: «Если Советский Союз когда-либо и был обществом, пытавшимся реализовать утопию на практике, то эта практическая утопия была не коммунистической (поскольку коммунизм был именно теоретической утопией, отодвинутой в будущее), но скорее жизненным воплощением западноевропейской просветительской утопии XVIII в.» [1, с. 60]

Директивы, принципы культурного строительства, задачи, необходимые к исполнению культурными учреждениями, творческими коллективами, деятелями искусств, «спускались» не только от соответствующих органов, но также обсуждались на партийных съездах и пленумах.

XXVII съезд ЦК КПСС содержал положения с призывами к обновлению, в том числе в культурной политике: «Главную задачу своей культурной политики партия видит в том, чтобы открыть самый широкий простор для выявления способностей людей, сделать их жизнь духовно богатой, многогранной. Нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяются состоянием литературы и искусства. Наша литература, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала в его становлении, формируя человека этого мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста. Общество ждет от писателя художественных открытий, правды жизни, которая всегда была сутью настоящего искусства. Но правда — не отвлеченное понятие, она конкретна. Она — в свершениях народа и противоречиях развития общества, в героизме и повседневности трудовых будней, в победах и неудачах, то есть в самой жизни, во всей ее многогранности, драматизме и величии. Только литература — идейная, художественная, народная — воспитывает людей честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени. Естественный принцип жизнедеятельности нашего общества — критика и

самокритика. Без них нет развития» [2, с. 113–114]. Примечательно, что при провозглашении «обновления» данная Программа КПСС создана была с включением в нее характерных для прежних программных документов принципов. С. И. Никонова верно описывает этот факт: «На XXVI съезде партии было принято решение подготовить важнейший партийный документ — новую редакцию Программы КПСС, которая была утверждена на XXVII съезде партии в 1986 году. Однако и этот документ был разработан партийными идеологами по традиционным шаблонам с использованием привычных штампов» [3]. Принципы критики и самокритики стали в дальнейшем составляющими политики гласности, которая в первую очередь нашла отражение в литературе, искусстве и СМИ. Призывы к обновлению, обозначенные на XXVII съезде, встретили одобрение и широкую поддержку творческой интеллигенции.

Таким образом, власть продолжала задавать культурно-идеологические рамки деятельности творческой интеллигенции, при расширении которых позиционировала себя силой, поддерживающей преобразования демократического характера. Это способствовало повышению авторитета власти в глазах интеллигенции и общества в целом.

Яркими иллюстрациями функционирования официального искусства в качестве инструмента власти являются примеры из развития театра и литературы на территории Татарской АССР в рассматриваемый период. Многие произведения искусства, создаваемые в первый период перестройки, были призваны показать в действии решения XXVII съезда партии. Это нашло отражение на центральном и региональном уровне, в том числе в учреждениях культуры Татарской АССР.

Расширялся репертуар крупных театров республики. Например, в Казанском Большом драматическом театре имени В. И. Качалова традиционный репертуар, включавший постановки по произведениям М. Горького, В. Маяковского и т. п., дополняется пьесами новых авторов. В периодической печати отмечаются постановки, отражающие заявления XXVII съезда: «Недавно Качаловский театр показал премьеру спектакля по пьесе В. Дозорцева “Последний посетитель”, вызвавшего большой интерес зрителей (режиссер В. Саракваша, художник Плотников, руководитель постановки С. Ярмолинец). Интерес этот не случаен: в спектакле со всей остротой ставятся злободневные вопросы общественной жизни, о которых много говорится сегодня в печати, по радио и телевидению, которые обсуждались на XXVII съезде КПСС. Рассказанная со сцены история о том, как человек, назвавший себя просто нашим современником, приходит в кабинет заместителя министра и предлагает ему уйти с поста, поскольку тот совершил ряд проступков, лишаящих его морального права руководить людьми, заставляет о многом задуматься» [4]. Спектакль стал репрезентацией заявлений съезда о гласности, необходимости критики и самокритики со стороны власти. Эти принципы на региональном уровне не были заметны на первом этапе перестройки, а реализованы были значительно позднее центральных городов страны.

Наряду с расширением тем, поднимаемых в театральном искусстве, продолжается выход произведений, отражающих партийно-государственную политику и соци-

альные реформы. В ряду социальных реформ 1985 года находится антиалкогольная кампания (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма»), которая предусматривала не только сокращение выпуска алкогольных напитков, числа мест продажи, ограничение времени продажи, но и пропагандистскую работу культурных учреждений.

Архивные материалы Татарской АССР содержат документы, среди которых отчеты, информации культурных учреждений и творческих союзов о выполнении Постановления КПСС от 7 мая 1985 года «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». На сценах театров в Казани, Альметьевске, Мензелинске идут постановки, в которых поднимается проблема влияния алкоголя на человека и его положение в обществе.

«Репертуар театров и концертных коллективов пополнился произведениями, ярко бичующими пьянство и алкоголизм. В Альметьевском драмтеатре осуществлена постановка пьесы Ш. Шагалиева “Пожар” о разрушительном влиянии увлечения алкоголем на человеческие судьбы. В Мензелинском драмтеатре ведется работа над спектаклем “Беда” по пьесе С. Шакурова, глубоко раскрывающей механизм падения человеческой личности под пагубным влиянием алкоголя.

В программы выступлений эстрадных коллективов включены такие тематические сатирические миниатюры, как “История одной любви” Ф. Шафигуллина, “Свет не угадал” Б. Бронштейна, публицистика в стихах Ю. Тихонова — лениногорского поэта, ранее известного по стихотворному памфлету “Письмо президенту Рейгану”.

Первого апреля в казанском Доме актера традиционный вечер сатиры и юмора был проведен под девизом “Пьянству — бой”» [5, с. 44].

В. Воронков, рассматривая преобразования периода перестройки, подчеркивает разворачивание тенденции демократизации в культуре и коммуникации: «Джинн был выпущен из бутылки. И дальше все развивалось по экспоненте. Так тщательно поддерживаемая прежде граница была прорвана и, в конце концов, пала. Мы могли наблюдать, как стремительное развитие свободы слова привело вскоре к исчезновению табуированных тем» [6, с. 20].

Постепенная либерализация коммуникативного и культурного пространства воплощалась в снятии запрета на прежние репертуарные ограничения, в том числе в театре. В Казани в театре им. В. И. Качалова были поставлены спектакли, которые ранее не могли быть допущены до широкой публики: «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце» (спектакли по одноименным произведениям М. Булгакова, инсценировка С. Таюшева. 1988 г.), «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого, «Преследование и убийство Жана-Поля Марата» П. Вайса (постановки Е. Табачникова, 1990 г.).

Коллектив «Театра-99» при Казанском театральном училище (руководитель Г. Н. Прытков) ставит спектакль «Лолита» (драма Э. Олби по роману В. Набокова). Открытие табуированной прежде темы интимных отношений было характерным для киноискусства и театрального искусства перестройки. Данная тенденция изначально было характерна для центральных городов страны, позднее находя отражение в регионах.

Происходит изменение отношения власти к освещению тем, связанных с развитием национальной и религиозной культуры. Например, в рассматриваемый период на сцену республиканских театров возвращаются спектакли по пьесам Н. Исанбета, который в 1950-х годах был обвинен в «буржуазно-националистических идеологических извращениях», в том числе за упоминание в пьесах о Ш. Марджани как просветителя, о муллах, суфиях, муэдзинах и т. д. [7, с. 279–285]

Вместе с этим подъем националистических движений, выступающих за возрождение религиозных традиций и темы религии в культуре, определенным образом влиял на жизнь татарского театра. Так, около здания Татарского государственного академического театра им. Г. Камала проходили митинги, участники которых требовали снять с репертуара пьесы Тинчурина «Казанское полотенце» и «Голубая шаль» как бросающие тень на служителей ислама [см. 8]. Но театр, благодаря усилиям главного режиссера М. Салимжанова, пережив кризисный период, стремился выстраивать умеренную и разумную репертуарную политику. Напоминанием об идее интернационализма страны, необходимости народов мирно взаимодействовать друг с другом стал спектакль «Ильгизар + Вера», в котором повествуется о любви татарского парня к русской девушке, показано сложное общение семей с разными укладами и традициями.

Смена политико-идеологических установок периода перестройки ярко отразилась в репертуаре Татарского государственного академического театра им. Г. Камала. Театр зачастую выступает первопроходцем в освоении запрещенного прежде драматургического материала, осуществляя постановки таких авторов, как Ч. Айтматов, Г. Исхаки, К. Тинчурин и др.

Снятие запретов или смягчение цензурной политики было характерно и в отношении произведений ряда писателей и поэтов. Для литературной жизни конца 1980-х — начала 1990-х годов характерна нацеленность на «возвращенные имена», то есть переиздание ранее запрещенных авторов или произведений, посвященных их жизни и творчеству; проведение литературных вечеров, бесед с читателями в библиотеках.

1. Зеленодольская Центральная библиотечная система (ЦБС) проводит литературные вечера «Во всем мне хочется дойти до самой сути», посвященные 100-летию Б. Пастернака.

2. Сотрудники Чистопольской ЦБС собрали большое количество ценного материала о жителях г. Чистополя, репрессированных в 30–40-х годах. Идет сбор материалов о видном татарском писателе Г. Исхаки, уроженце Чистопольского района. В Нижнекамской ЦБС проведен поэтический вечер «Сабыртэбеалтынмы», литературная викторина-аукцион «Возвращенные имена», вечер дискуссий по книге «Триумф и трагедия» Д. Волкогонова, вечер-воспоминание о репрессированных земляках Халитове и Хасанове.

3. Республиканская заключительная конференция проведена Республиканской юношеской библиотекой по творчеству Х. Туфана, Г. Исхаки, Ф. Бурнаша, Е. Тинчурина, Ф. Карима, И. Салахова с участием профессоров КГУ, писателей, артистов

ТССР [9, с. 13–14]. Эти события демонстрируют общесоюзные тенденции культурной жизни: рост интереса к национальной культуре и ее деятелям; развитие процесса реабилитации жертв репрессий, в том числе представителей творческой интеллигенции.

В художественной литературе и публицистике стала активно рассматриваться тема жизни в отделениях ГУЛАГа, начали выходить в свет книги, созданные задолго до перестройки. Тема репрессий и лагерной жизни раскрывалась не только в произведениях А. И. Солженицына, но и освещалась писателями, жизнь которых была связана с Татарской Республикой: И. Н. Салахова, А. М. Гилязова, Е. С. Гинзбург. Так, общесоюзную известность имел автобиографический роман Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». В романе описываются трагические страницы жизни автора: от ареста, разлуки с семьей в Казани до пребывания в местах заключения. Данное произведение впервые выходит в свет в конце 1980-х годов. Читатели смогли познакомиться с романом «Крутой маршрут» через его опубликование по частям в журналах [см., напр.: 10, 11].

Можно согласиться с определением советского литературного пространства периода перестройки Л. Гудкова и Б. Дубина, которые указывают: «Время как бы деформировалось, “спрессовалось” или “сплющилось”. Для одних новизна — это сокращение разрыва между письмом и печатаньем. Для других она выразилась в геологической подвижке или смещении временных пластов, поскольку к моменту современного печатания разом подошло полтора-два поколения, не говоря уже о тех, кого допечатывают всякий раз (и опять предлагают допечатывать) еще с 1910–1930-х годов. Получается, что люди, вошедшие в культуру в начале века, снова стартуют сейчас вместе с начинающими» [12, с. 35].

Среди «возвращенных» имен и произведений авторов Татарской Республики труды религиозных мыслителей, ученых рубежа XIX–XX веков. Так, в свет выходят произведения дореволюционного мыслителя, историка, философа и религиозного деятеля Ш. Марджани [13].

Издаются историко-биографические труды, в которых рассматривается жизненный и творческий путь ученых, публицистов, писателей, чье имя было под запретом по идеологическим причинам. К числу таких деятелей можно отнести Р. Фахретдина, Х. Атласи, Г. Исхаки и др.

Итак, период перестройки в СССР и республиках страны, в том числе в Татарской АССР, характеризовался серьезными сдвигами в политико-идеологических установках, которые отразились в культуре и различных областях искусства. Среди новых тенденций в культуре и искусстве можно выделить: расширение освещаемых тем (выпуск ранее запрещенных книг, постановка спектаклей и т. д.); отражение в культуре нового витка реабилитации жертв репрессий 1930–50-х годов; расширение творческих возможностей для культурных деятелей и коллективов в области установления межкультурных контактов.

Однако в данном контексте трансформирующегося общества представители творческой интеллигенции оставались одними из трансляторов идеологических, социальных и политических установок партийно-государственного аппарата. То есть искус-

ство в период перестройки отчасти продолжает выступать в качестве инструмента власти для достижения собственных целей, в первую очередь, утверждения собственной легитимности. При этом размывание культурного, коммуникационного, политико-идеологического пространств — приводит к постепенному выходу сферы искусства из власти партийного влияния. Уже после распада Советского Союза «диктат партии» и политико-идеологических установок сменится «диктатом денег».

Список использованной литературы

1. Кагарлицкий Б. Советская культурная политика и традиция просвещения // *Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 50–63.*
2. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года : стеногр. отчет. Т. 1. М. : Политиздат, 1986. 320 с.
3. Никонова С. И. Трансформация идеологической парадигмы в последние десятилетия советской власти // *Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.* URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=11268> (дата обращения: 12.03.2019).
4. Огни рампы // *Вечерняя Казань. 1986. 13 марта.*
5. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ) Ф. П-15. Оп. 14. Д. 492.
6. Воронков В. Перестройка как смерть советского публичного пространства // *Die sowjetische Öffentlichkeit zur Zeit der "Perestrojka" (1985–1991): Materialien zur Internationalen Konferenz in Moskau 13. –15. November 2008 / Hrg. :L. Errer; Red. : L. Errer, A. Kudryashova. Moskau, 2009. С. 12–21.*
7. ГА РТ Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 341.
8. Игламов Н. Театр имени Камала // *Официальный сайт общества Ватаным. URL: http://www.vatanym.ru/?an=vs206_art1* (дата обращения 10.03.2019).
9. ГА РТФ. П-4034. Оп. 49. Д. 230.
10. Крутой маршрут // *Даугава. 1988. № 7–12; 1989. № 1–6.*
11. Крутой маршрут: фрагмент // *Юность. 1988. № 9.*
12. Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М., 1995. 192 с.
13. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Казань, 1989. 200 с.

Раздел 3. Язык и образование в диалоге национальных культур и политических идей

Медведева Наталья Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, nemedvedeva@list.ru

УДК 81-42

Национально-культурная специфика смены установок в структуре языка политического лидера

Аннотация. Материалом исследования явились интервью Президента Чеченской Республики Рамзана Кадырова, данные им российским теле- и радиоканалам в период с 2015 по 2019 год, с целью выявления системы дискурсивных стратегий и тактик, используемых политиком для изменения вектора политических установок. В статье представлен лишь один из возможных подходов к изучению феномена языковой личности политика, и перечисленные особенности не исчерпывают всего многообразия специфики современного российского политического дискурса. В силу исторической непредсказуемости и постоянной интерпретируемости междисциплинарный анализ российского политического дискурса представляется комплексной научной задачей.

Ключевые слова: национальные интересы, информационное противоборство, интерпретация, национальная культура, религия.

Natalya Medvedeva

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor at the Department of theory of foreign language teaching, Lomonosov State University, Russia, Moscow

National-cultural specifics of changing public attitudes in the language structure of political leader

Abstract. The paper focuses on the discourse strategies and tactics used by the political leader to persuade his audiences towards political and ideological changes. The paper examines the interviews of the Chechen President Ramsan Kadyrov which he gave to different national and international broadcast agencies in 2015 -2016 year period. The article presents only one of the approaches to examine speech characteristics of political leader therefore speech peculiarities identified do not cover a rich diversity of the political discourse of modern Russia. The paper stresses that due to historic unpredictability and ongoing interpretation interdisciplinary analysis of the Russian political discourse is a formidable scientific task.

Key words: national interests, information warfare, interpretation, national culture, religion.

Глава Чеченской Республики входит в число наиболее заметных политиков России. Высказывания Рамзана Кадырова с одинаковой скоростью транслируют и его сторонники, и критики. Соцопросы, проводимые исследовательскими институтами, позволяют суммировать представления народа о «кодексе чести» политического лидера: он должен уважать народ и служить его интересам, быть не продажным, реши-

тельным, бескомпромиссным и дееспособным, иметь прочные нравственные устои, уметь гибко реагировать на любые изменения политической ситуации¹. По данным «Левада-Центра», в 2017 году Кадыров вошел в десятку общественных деятелей, пользующихся наибольшим доверием россиян². Сегодня чеченский лидер занимает в этом рейтинге седьмую строчку, опережая Патриарха Кирилла, мэра Москвы Сергея Собянина. Представляется, что народу нравится образ, транслируемый Кадыровым, ибо он воплощает людские чаяния.

Контент-анализ интервью Президента Чеченской республики в период 2005–2013 годов выявил стратегии и тактики речевой коммуникации, используемые им с целью изменения вектора социально-политических установок. Социально-политические установки играют роль компенсатора когнитивного дефицита, так как моделируют реакцию людей не только на знакомые, но и на неясные, непонятные социально-политические процессы и, тем самым, позволяют минимизировать риски и опасность [1, с. 156] при формировании политиком картины реальности, которая внедряется в сознание аудитории. Соотношение лексических единиц позволило сделать вывод, что изменение установок осуществлялось путем укрепления патриотических чувств, дискредитации терроризма, усиления религиозного и духовно-нравственного воспитания чеченского народа [2]. В результате было достигнуто немало, и десятилетнее правление Р. Кадырова ознаменовалось следующим:

- был подписан ряд указов, подразумевающих буквально полное искоренение терроризма: в результате количество терактов в Чечне снизилось в 3 раза;
- воцарился долгожданный мир на территории республики;
- достигнуто глубокое взаимопонимание с федеральным центром;
- возрождена инфраструктура республики через инвестиции;
- создаются новые архитектурные проекты;
- развивается спорт и туризм;
- бережно охраняются духовность и традиционные семейные ценности.

По окончании двух чеченских войн народ республики выбрал жизнь в составе России, Чечня возродилась из руин, создаются рабочие места. *«Республика, так скажем, уверено движется вперед»*. Но чеченская тема продолжает оставаться одной из самых востребованных во многих СМИ.

В условиях непростой геополитической реальности и информационного противоборства, когда противник направляет совокупность подрывных операций на разрушение общественного и индивидуального сознания и подсознания населения, в основе которого лежат национальные ценности и национальные интересы, исследование механизма структурирования «действительности» и построения национальной картины ми-

---

¹ Исследование ВЦИОМ: Главные качества политического деятеля с точки зрения россиян. 03.12.2007. Источник: <https://gtmarket.ru/news/polittech/2007/12/03/1493/> (дата обращения 5.04.2019).

² «Левада-центр»: уровень доверия россиян Кадырову превысил официальный. 31.05.2017 // Источник: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/303542/> (дата обращения 5.04.2019).

ра политическим лидером представляется весьма актуальным. Говоря о национальных интересах, некоторые исследователи отмечают, что «у нации существуют константные ценности, к которым она стремится постоянно, в любых условиях» [3, с. 235–236]. К их числу относят выживание и безопасное развитие социума, культурную самобытность нации, возможность самостоятельно решать вопросы своего развития и обеспечивать суверенитет, поддерживать статус страны в мировом сообществе.

Проведенный анализ интервью с чеченским лидером¹ показал, что противостояние современным подрывным информационным технологиям осуществляется им на основе общенародной консолидации путем возрождения исторической памяти и самосознания народа. Наряду с этим он прилагает усилия по повышению на международном уровне заметности и притягательности России.

1. Россия отстояла свою суверенность, доказала, что она — сильное государство, что не позволит никому шутить с ее народом.

2. Россия своих не бросает. Россия еще раз доказала в Сирии, что как бы ни было сложно — Россия готова отстаивать интересы справедливости во имя народа другого государства. Сегодня мы видим политику Запада, они разрушают государства и уничтожают целые народы. То же самое хотели сделать и в Сирии. Но Россия до конца отстаивала интересы народа Сирии.

В отличие от остальных региональных политиков Кадыров намного чаще и резче высказывается по вопросам международной политики. При этом он не только проявляет понимание текущей ситуации, предшествующих процессов и знание исторического фона, но и демонстрирует способность дать адекватное вербальное описание происходящих событий.

1. Используя Украину как инструмент, США преследуют далеко идущие цели. Были Ливия и Сирия — в этих странах Америка снабжала оружием террористов, экстремистов. Сейчас она переключилась на Украину.

2. Кавказ — это хребет России, это безопасность в первую очередь. Поэтому на Кавказе больше воинов, чем в других округах. Потому что во все времена здесь происходили военные действия. И всегда для России, для царской России, всегда мы

---

¹ 1. Интервью главы Чечни Р. Кадырова каналу «Реальное время» <https://realnoevremya.ru/articles/87776-bolshoe-intervyu-ramzana-kadyrova>

2. Интервью главному редактору Daily Storm Анастасии Кашеваровой <https://realnoevremya.ru/articles/87776-bolshoe-intervyu-ramzana-kadyrova>

3. Интервью Рамзана Кадырова телеканалу Russia Today 20 апреля 2017 г. <https://www.youtube.com/watch>

4. Интервью Рамзана Кадырова агентству Reuters: <http://babr24.com/?IDE=83008>

5. Рабочая встреча Владимира Путина и Рамзана Кадырова. Кремль, 19 апреля 2017 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54342>

6. Интервью Рамзана Кадырова американскому телеканалу HBO <https://petrimazepa.com/news/kadirov-hbo-postavim-mir-rakom>

7. Интервью Рамзана Кадырова Наиле Аскер-Заде <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/737600/cid/4641/>

давали воинов. И войны всегда достойно выполняли приказы президентов и царей. И на сегодняшний день то же самое.

3. То, что было в Сирии, — это то, что было у нас. Тот же сценарий, те же хозяева и те же шайтаны. Разницы никакой. Но ребята полностью изучали там ситуацию и готовы, в случае необходимости, выполнять и другие задачи.

Психологи отмечают действие «принципа постоянства» при восприятии политической информации: люди предпочитают интерпретировать политические стимулы в соответствии со своими уже сложившимися пониманиями и ожиданиями [4]. Из приведенных примеров видно, что информация подается путем типизации событий, которые фиксируются в социальном опыте и сознании индивида, и в случае повторного возникновения сходных ситуаций, будут воспроизводиться, позволяя строить модель интерпретаций [5, с. 47]. Это чрезвычайно важно, ибо в стратегиях информационной войны противник умело использует характерную особенность, которая заключается в возможности неоднозначных интерпретаций поступающих сообщений.

Говоря о социально-политических установках личности, Г. Г. Дилигенский выделяет когнитивную и эмоциональную (ценностную) компоненту. Он также отмечает особую значимость последней при формировании политической реальности в сознании членов социума, поскольку эмоции компенсируют дефицит необходимой информации, заполняя имеющиеся когнитивные лакуны: «...установка, не имеющая отчетливо выраженного эмоционального компонента, скорее всего является “слабой” и не играет большой роли в мотивации и поведении человека» [6, с. 187]. Того же мнения придерживаются Ч. Элдери и Р. Коббу, подчеркивая, что «людей в политические группы объединяет не столько однородность мотиваций, сколько общность аффективных реакций» [4, с. 116]. Соответственно, эмоциональные реакции на определенные ситуации способствуют социальной солидарности или отчуждению.

Оппозиция «свои/чужие» является не только культурной константой, которая определяет специфику политического, но играет ведущую роль в формировании ориентационного пространства в условиях информационного противостояния. К специализированным знакам интеграции относятся следующие маркеры «свои», характерные для речи Чеченского лидера:

— Инклюзивное «мы», «нас», «наши», «свои».

1. У нас так принято, если кто-то накосячил, то весь род отвечает за это. Институт семьи у нас всегда был сильным. ...Институт семьи если мы разрушим, то станем европейцами.

2. У нас, у чеченцев, богатая история. Мы третья нация в России. 1 400 000 уже проживает в Чечне, а так еще несколько миллионов в других регионах и за рубежом. Мы не просто хулиганы, которые присоединились к России. Мы всегда были достойные граждане, так что не пытайтесь избавиться от нас.

3. Мы не Америка, у нас свобода слова и демократия превыше всего. Мы не говорим об этом, что демократию и свободу слова мы защищаем, а просто делаем.

— Лексемы совместности «вместе», «все», «единство».

1. *Мой народ понимает, когда ты находишь с ним общий язык, находишь частоты. Власть и общество — мы все должны быть вместе.*

— Формулы причастности «как и все».

1. *Вы знаете, что сейчас у нас сложности, ситуация сложная вокруг нашего государства, и, соответственно, в Чеченской Республике.*

2. *...Сложности — из-за того, что введены санкции против России. В частности, против нас.*

3. *Мы знаем, что такое терроризм, что такое война. Поэтому мы совместно с народом боремся с этим злом и в России в целом, и, в частности, в Чеченской Республике.*

Характерно, что семантикой кода «я — свой» политик пользуется не столько для обозначения референта или политической ситуации, сколько в качестве доказательства приверженности определенной идеологии и принадлежности к определенной группировке, потому что семантика «присоединение к...» создает видимость общих интересов. Здесь весьма показательным является частое повторение слова «уверен», столь характерное для речей Президента РФ В. В. Путина, и «Россия своих не бросает».

1. *Уверен, что этот год... будет трудным, но Чеченская Республика справится, год будет успешным.*

2. *Уверен, что те, кого посадили за Немцова, — невиновны.*

Подобная разновидность цитирования (интертекст) может рассматриваться как апелляция к авторитету. По мнению Л. В. Минаевой, «чужое слово в речи политика, как правило, является средством усиления идеологического содержания речи» [6, с. 197–199].

К вербальным маркерам «чуждости» относятся:

— **Дейктические и полнозначные знаки**, содержащие компонент дистанцирования «эти», «они», «те».

1. *Эти люди бегают туда-сюда и не знают, под кого лечь. Эти люди для нас не представляют опасности. Мы к ним с иронией относимся.*

2. *...Пока они сами не поймут, что ловить здесь нечего, — они не остановятся.*

3. *Будь они прокляты, что на нас наговаривают. Они перед Всевышним все равно ответят за это.*

— **Показатели умаления значимости** «всякие», «разные», «какой-нибудь» [7, с. 36].

1. *У нас практически нет острых проблем, но стараются всякие «герои всех времен», приезжают к нам, защищают права.*

— **Показатели недоверия к оппоненту:** «якобы», «так называемый».

1. *...Говорят, он [Бакаев] в Бельгии был. Все знают, кроме так называемых правозащитников. Все знают, а они не знают и ищут. Сумасшедшие.*

2. *А на самом деле ненавидят нас те люди, которые якобы защищают нас.*

— **Навешивание ярлыков**, которое, по мнению Р. Г. Апресяна, есть не что иное, как маркирование социокультурных различий и проявление нетерпимости к иному [8].

1. *И все, кто говорит, что не может куда-то поехать, тот черт конченный. Даже черт не может такое придумать. Он хуже, чем черт.*

2. *А им, шавкам, не нравится, что Чеченская Республика выиграла борьбу с терроризмом, уничтожила терроризм, выиграла борьбу не просто с какими-то шайками, а с целыми институтами западными, террористами из 51 страны.*

3. *Поэтому статистические данные, которые сегодня приводят европейские, западные или продажные им же шайтаны, нас это не касается.*

Суть ярлыка заключается в том, что он используется не столько для характеристики денотата и отнесенности его к определенному классу, сколько для обвинения в опасных для общества свойствах. Именно поэтому для ярлыка характерна субъективность и предубежденность: «...отрицательная оценка, которую несет в себе ярлык, не выясняет объективные свойства явлений, событий, деятельности, а обозначает их по признаку идеологической инородности» [9, с. 92]. Вот очень показательный пример:

1 — **Надеюсь, вы про европейцев говорите?**

— *Про европейцев, про тех, кто продались европейцам.*

— *Либералы?*

— *У нас либералов нет. У нас есть те, которые продались.*

2. — **Вот сегодня про вас Собчак сказала...**

— *А кто она?*

— *Она кандидат в президенты теперь. Потребовала освободить Аюба.*

— *У кого?*

— *У вас, открытым письмом.*

— *Вот она кандидат в президенты и не знает, что у меня нет таких полномочий. Я — не судья, не прокурор, не руководитель МВД. Я — глава республики. Вот она глупая, я не понимаю ее. Откуда такие глупые люди берутся?*

3. *[про Немцова] Он никто, только агент. Работал с западными спецслужбами. Что он есть, что его нет — нам все равно. Он болтал, ну, болтун. Таких болтунов много в России, что их, каждого убивать?*

Как можно заметить, говорящий, выражая крайнюю степень презрения, сознательно избегает называть объект нападок по имени. И как бы лишая его имени, навешивает ярлык: предатели — «те, кто продались Западу», Собчак — «глупая», Немцов — «болтун».

— **Слова с семантикой изгнания.** Изгнание как «выталкивание чужого за пределы своей территории» является агрессивным действием, которое, как правило, осуществляется с применением физической силы, поэтому и соответствующие речевые акты можно рассматривать как вербальные эквиваленты этих действий и считать их символическими.

1. *Кто не осознает сегодняшнюю ситуацию, значит, он не достоин жить на этой территории, потому что мы настрадались.*

2. *Если их сын и брат встал на путь терроризма, а семья ему помогает, и при этом... получают пенсии и пособия, но прикрывают вставших на преступный путь — таких людей мы будем выселять. Зачем нам их кормить, обеспечивать, если они помогают убивать нас? Это соучастники терроризма, и таких людей у нас не будет.*

3. *Н. А-Э. : Кто из чеченских националистов, воевавших на стороне боевиков, сегодня в Киеве занимается политикой?*

Р. К. : Чеченцами я их не могу назвать и политиками тоже. Это отщепенцы, которые не нашли себя в этой жизни, которые совершали преступления на территории Чеченской Республики и в России в частности. Думаю, в ближайшем будущем их перестреляют, потому что Украине они тоже не нужны на самом деле.

Приведенные выше фразы — это примеры конфронтационной риторики, придающей речи политика особую остроту и позволяющей говорить о вербальной агрессии, под которой понимаются речевые акты и коммуникативные ходы, направленные на причинение ущерба политическому противнику [5, с. 230]. Суть вербальной агрессии заключается в нацеленности на ниспровержение оппонента, понижении его политического статуса и ухудшении его публичного имиджа. Достигаемая при помощи этого приема цель позволяет не относиться к противнику как к равному, а пренебрегать его мнением, не вступать с ним в переговоры и, соответственно, вытеснять с политической арены.

1. *Америка не такое сильное государство, чтобы мы рассматривали его как врага России. У нас сильное государство и ядерная держава. Если даже наше государство полностью разрушат, автоматически наши ядерные ракеты полетят туда. И весь мир мы перевернем. И раком поставим.*

2. *Почему мировое сообщество спокойно смотрит и молчит? Или оно считает Америку всемогущим государством? Это далеко не так.*

В отличие от многих политиков, стремящихся к бесконфликтному общению и проявляющих осторожность, Кадыров не пытается предстать перед публикой «белым и пушистым». Намеренное использование неточного языка как средства, позволяющего политику избегать крайностей и занимать нейтральную позицию при обсуждении спорных вопросов, совершенно не типично для Кадырова. Он не боится высказывать собственное мнение: *«Но когда я вижу несправедливость, я не могу молчать. Все равно — хотим мы, не хотим — я свою точку зрения высказываю. И я, может, из-за этого могу навредить своему народу»*. Его резкие заявления звучат не только в адрес либеральной оппозиции и Запада, которых он «одаривает» россыпью красочных эпитетов. Он открыто высказывается и по значимым для России событиям. Так, например, решение МОК о запрете российским спортсменам выходить под российским флагом, было прокомментировано Кадыровым так: *«Олимпиада — это спортивное мероприятие, поэтому я считаю, что абсолютно неправильно, если наши спортсмены будут искать другие государства и будут бороться под другими флагами. Это позор для всех государств, которые пытаются так поступать, и позор тем нашим спортсменам, которые будут выступать под другим флагом. Им нужно просто отказаться и все»*.

Кадыров — не чиновник, послушный Москве. Он не скрывает своей преданности России, но вместе с тем, отстаивая интересы своей республики, может позволить себе сказать Президенту РФ следующее: *«Нас не может устраивать предлагаемый Минфином вариант проекта бюджета. Если и дальше продолжится практика урезания бюджета, республика не сможет развиваться, нам не удастся выполнить взятые на себя социальные обязательства».*

Р. Кадырова отличает продуманная позиция по разным вопросам, о чем свидетельствует четкость изложения и непроницаемость для провокаций, что свидетельствует о важной черте характера политика — уверенности, граничащей с категоричностью.

1. Н. А-З. : Приемника подыскиваете?

Р. К. : Это прерогатива руководства государства и решение народа.

2. — Получается, что институт семьи выше законодательства, Коран выше Конституции...

— Для меня самое святое — это Коран. Коран — это моя жизнь. Жизнь Пророка, сунна Пророка — для меня это все. Если ты будешь жить по Корану, то никогда не нарушишь традиции и обычаи всех народов, культуры. Это превыше всего. ...Если бы я не прислушивался к Корану, то я не был бы главой и не служил бы народу и государству. Потому что все, что я должен делать, написано в Коране и в жизни Пророка. Не надо при каждом случае пытаться противопоставить Коран и Конституцию.

3. Н. А-З: Вы уже много лет находитесь под санкциями, это как-то мешает вам жить?

Р. К: Наоборот — мне приятно! Я же под санкциями не за воровство или хищение бюджета, или за выдачу каких-нибудь тайн. И я, и народ попали под санкции из-за своего государства, поэтому это очень приятно, и если честно — абсолютно не мешает.

Рисуя вербальный портрет Кадырова, нельзя не отметить самобытность речей. Он известен как человек, который умеет ярко и с юмором выразить свою мысль.

1. — Ты цензуру устроил?

— Да, если не соответствуют слова в песнях, наши артисты не поют.

— Не соответствуют чему?

— Нашим обычаям, слова, которые там такие непонятные.

— Ругательные?

— Даже можно сказать, непристойно ласкательные. Танцы — у нас целая комиссия... смотрит, есть ли там движения ненужные, были ли такие движения у нас.

2. — Женщина может управлять Чечней?

— Абсолютно не справится женщина. А правитель должен быть более мобильный, более привлекательный, не страшный. Очки. Чуть-чуть длинные волосы. Я думаю о будущем Чечни.

3. «...Говорили, что у Кадырова есть котельная, и он там держит людей. У меня европейский хороший котел в доме, но туда человека никак не посадишь. Ну,

представьте, я дома, среди детей, семьи, забираю людей и в подвале в котельной держу. До чего же сумасшедшие. Определенный контингент верит в это».

Однако нельзя сказать, что употребление образных средств и эффектных фраз является органичным для картины мира политика. Более типичны для него такие синтаксические приемы, как риторические вопросы, параллелизмы, отрывистые фразы, которые создают необычайную экономию слова, скупой, сжатый до крайности, лапидарный стиль.

1. И то, что к нам приезжают, — мы же не в крепости живем. Нам тоже нравятся разные культуры, разные песни, танцы. Смотрим, берем хорошее, плохое отталкиваем.

2. Если из-за меня пострадает род, регион?.. Я боюсь Всевышнего. Скажет мне — я что отвечу? «Винovat, исправлюсь?» Там так не получится. Винovat — салам алейкум.

3. Н. А-З. : Часто с Путиным общаетесь?

Р. К. : Когда он вызывает — всегда, по стойке смирно. А так — редко получается.

Поэтому, очевидно, что употребление «запоминающихся» выражений происходит намеренно, с явным расчетом на резонанс, на некую ожидаемую реакцию, что опять свидетельствует о продуманной коммуникативной стратегии.

Р. Кадыров, с учетом кавказско-мусульманской специфики, вполне типичен для российской политической системы: несколько лет он позиционирует себя и как светский, и как религиозный глава республики, который стал своего рода связующим звеном между РФ и развитыми исламскими странами. Показательно, что он пытается говорить от имени мусульман всего мира:

1. Саудовская Аравия видит Россию как стратегического партнера.

2. Такие союзники, как Россия, арабскому миру нужны.

3. Арабский мир сейчас совсем иначе относится к России.

В приводимых ниже заявлениях угадываются амбиции молодого чеченского лидера, который открыто действует и в общероссийских масштабах:

1. То, что меня заблокировали, означает, что нас было слышно и мы говорили правду. А правда Западу не нравится. Поэтому они придумали там какой-то список, санкции и — салам алейкум. Они могут закрыть Instagram, Facebook. Но нас все равно читают, нас слышат, мы говорим только правду.

2. Америка ведет политику против России, против руководства государства. Они знают, что я один из тех, кто готов отдать жизнь за Россию. И что у меня хорошая армия, которая может нападать и защищать. Посмотрим, что у кого получится.

Эффективность стратегии информационного противодействия Р. Кадырова в решающей степени определяется четким осознанием и осмысливанием национальных ценностей и интересов не только собственного народа, но и Российского государства. Благодаря грамотной и продуманной политике, проводимой Президентом Чеченской Республики, образ чеченца ассоциируется с героизмом, честностью, порядочностью, трудолюбием и, конечно же, патриотизмом.

Список использованной литературы

1. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М. : Новая школа 1996. 352 с.
2. Медведева Н. Е. Речевой портрет политического лидера как инструмент мягкой силы // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. № 2(7). С. 24–29.
3. Цеханская К. В. Глобализм и проблемы современной этнорелигиозной идентификации русских // Проблемы национальной стратегии. РИСИ. 2015. № 6. С. 221–241.
4. Elder C. D., Cobb R. W. The Political Uses of Symbols. New York : Longman, 1983. 173 p.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
6. Минаева Л. В. Речь в мире политики : монография. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. 224 с.
7. Пеньковский А. Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М. : Наука, 1995. С. 36–40.
8. Апресян Р. Г. Сила и насилие слова // Человек. 1997. № 5. С. 133–137.
9. Дмитриева Н. А., Вольпе Б. М. Способы представления идеологически пристрастных точек зрения в газетном тексте // Текст: структура и функционирование : сб. науч. тр. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–64.
10. Даниленко В. П. Профессионализм парламентской речи // Культура парламентской речи. М. : Наука, 1994. С. 57–65.

Майорова Алла Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики, Московский государственный технический университет им. Э. Н. Баумана, Россия, г. Москва, Logos48@yandex.ru

УДК 811

Эвфемия в политическом дискурсе

Аннотация. Использование эвфемизмов в политическом дискурсе как средства языкового манипулирования связано с их воздействием на массовое сознание, когда прямое наименование предметов или явлений, вызывающих отрицательную оценку, становится запретным и заменяется более нейтральным с целью маскировки определённых, чаще всего негативных, фактов действительности.

Ключевые слова: эвфемизмы, политический дискурс, манипулирование, массовое сознание.

Alla Maiorova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of linguistics, Moscow state Technical University E. N. Bauman, Russia, Moscow

Euphemisms in political discourse

Abstract. The use of euphemisms in political discourse as a means of linguistic manipulation is associated with their impact on mass consciousness, when the direct name of objects or phenomena that cause a negative assessment becomes taboo and is replaced by a more neutral in order to mask certain, often negative, facts of reality.

Key words: euphemisms, political discourse, manipulation, mass consciousness.

Язык и политика всегда были связаны между собой, потому что любой политический режим не может существовать без коммуникации. К сфере коммуникации относится и политический дискурс, так как связь между языком и политикой носит преимущественно дискурсивный характер. Термин «дискурс» многозначен и употребляется в гуманитарных науках, изучающих функционирование языка.

Общепринятого определения политического дискурса нет. Можно встретить определение дискурса как понятие политической лингвистики, «важной задачей которой является исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией и политическим состоянием общества в конкретные исторические периоды» [1]. Другие рассматривают политический дискурс как совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [2]. Но чаще всего его рассматривают как вербальную коммуникацию в определённом социально-политическом контексте [2].

Политический дискурс является как бы знаком солидарности с другими членами общества, которые употребляют тот же язык, претендуя на абсолютную истину. Его цель — внушить гражданам необходимость политически правильных действий или оценок. Поэтому политический дискурс является особым типом общения, для которого характерна высокая степень манипулирования. Причём для власти не важно, какой строй общества в данный момент подвергается манипулированию. Это может быть диктатура. Тогда язык используется в качестве средства тотального контроля, причём даже больше, чем спецслужбы. При демократическом обществе язык помогает формировать нужное власти общественное мнение. Но и в том, и в другом случае язык является важным средством завоёвывания и удержания власти. Именно он помогает политику войти в личностную сферу адресата, используя различные простые и сложные приёмы.

Высокая степень манипулирования в политическом дискурсе связана с процессом навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которых адресат может считать заведомо ложными, но выгодными для себя. Манипулятивные приёмы направлены на понижение критического мышления со стороны населения. И это достигается с помощью использования эвфемизмов.

В переводе с греческого *eupheteo* — говорю вежливо [3, с. 133].

С точки зрения социального аспекта в основе эвфемии лежат моральные, религиозные и политические мотивы. Именно под их воздействием прямое наименование предметов, вызывающих отрицательную оценку, становится запретным и заменяется более нейтральным с целью маскировки определённых, чаще всего негативных, фактов действительности.

Эвфемия — довольно распространённое явление в языке политики.

Политическая коммуникация всегда играла главенствующую роль в жизни любого общества. Чтобы заинтересовать общественность, вызвать поддержку политического режима, необходимо, чтобы текст был эффективным, а главное, скрывал суровую реальность и обещал благополучие и лучшую жизнь. Поэтому в политическом дискурсе так широко используются эвфемизмы, которые помогают вуалировать неприятные явления в обществе и приукрасить действительность. Тем самым эвфемистические замены помогают воздействовать на сознание, влияя на общественное мнение.

Способность эвфемизмов к манипулированию связана с тем, что они как бы камуфлируют истинную сущность явления, создавая нейтральную коннотацию. Особенно наибольшее манипулятивное воздействие эвфемизмы оказывают в средствах массовой коммуникации, так как имеют разносторонние возможности влияния на сознание широких масс. И конечно, в первую очередь это воздействие осуществляется с помощью так называемых политических и экономических эвфемизмов. Их главная задача — заменить слова и выражения, которые являются нежелательными в данной ситуации и могут вызывать негативную реакцию, на более мягкие, тем самым помогая избегать конфликта в общении и скрывать неприятные явления действительности.

Для современного этапа развития общества можно выделить несколько основных групп эвфемизмов, используемых в политическом дискурсе как прямой комментарий оценки какого-либо события, которое может вызвать негативную реакцию населения. Например, *деструктивный* вм. разрушительный, *размещённый контингент* вм. военно-политическое иностранное вмешательство, *горячие точки* вм. обозначения места, где ведутся локальные войны, и др. А эвфемистические сочетания со словом *операция* стали уже почти устойчивыми: *контртеррористическая операция*, *операция по наведению порядка*, *операция по уничтожению бандитов*, *операция по принуждению к миру*, *операция по зачистке* и т. п.

Эвфемизмы в первой части слова с морфемой *спец-* призваны тоже скрывать неприятную суть действий: *спецоперация*, *спецконтингент*, *спецназ*, *спецотряд*.

Для вуалирования негативных явлений, происходящих в экономике, используются эвфемизмы: *либерализация цен* — частичная или полная отмена государственного регулирования рыночных цен; *ликвидность* — нехватка денег; *оптимизация* — сокращение; *реструктуризация* — государство влезает в долги, выплачивая пенсии, пособия, заработную плату; *серая, теневая экономика* — не регистрируемая экономическая деятельность и др.

Стремление власти смягчить удары, наносимые населению в области экономики, привело к появлению аморфного по смыслу и эвфемистического по существу словосочетания *непопулярные меры*.

«Эвфемизмы недолговечны, — писал Б. А. Ларин. — Существенным условием действительности эвфемизма является наличие “грубого”, “недопустимого”. Как только это подразумеваемое неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои “облагораживающие” свойства, так как переходит в разряд “прямых” наименований и тогда требует новой перемены» [4, с. 120].

Как и раньше, в современной России политические эвфемизмы используются, чтобы нейтрализовать истинный смысл прямого наименования, которое является нежелательным по каким-то политическим причинам. Эвфемизации подвергаются формы правления: *управляемая демократия* в значении «демократия, корректируемая правящей партией», *вертикаль власти* — государственное управление, основанное на безусловном подчинении нижних уровней верхним.

Стало привычным использование эвфемизмов *ликвидация* или *уничтожение* вместо прямой номинации — *убийство*. Говоря прямо об обстоятельствах, связанных со смертью, можно шокировать общество. Употребление же этих эвфемизмов помогает выставить такое событие в положительном свете, а органы, совершившие ликвидацию, выступают защитниками этого общества, подкрепляя ещё и иллюзию об образе правительства как единственного защитника своего народа.

Для смягчения репрессивных действий соответствующих органов используется эвфемизмы *задержать* вм. арестовать, *фигурант* вм. участник. Широкое распространение получил канцелярский эвфемизм *гуманитарная катастрофа*. Под гуманитарной катастрофой следует понимать событие с трагическими последствиями для жизнедеятельности и существования населения в определенном районе, регионе, стране. Иными словами, это такое состояние общества или событие, при котором возникает угроза уничтожения населения. Но полной маскировки негативного явления не происходит, так как слово «гуманитарная» содержит положительную коннотацию, поэтому весь эвфемизм несколько смягчает элемент действительности.

В политическом дискурсе в последнее время часто употребляется эвфемизм *обезвредить* в смысле *убить*. Значение слова *обезвредить* — сделать безвредным, то есть не причиняющим вреда, и оно воспринимается положительно в обществе. Поэтому власть, используя данный эвфемизм, внедряет установки, не совпадающие с его собственными. Употребление эвфемизма *обезвредить* вместо *убить* вызывает устойчивую положительную коннотацию за счёт возникающих ассоциаций с чем-то полезным, остановившим вред [5, с. 91].

Главной задачей политических публикаций является защита позиции страны, поддержка правительства. Для этого и вуалируются негативные явления, события.

В связи с политическими событиями широкое распространение получил эвфемизм *санкции*.оборот *применить санкции* имеет довольно размытое значение и может обозначать как штраф, привлечение к уголовной ответственности, лишение свободы, так и принудительную меру или ограничения, применяемые государством к госу-

дарству, экономическую и военную блокаду. Данный эвфемизм смягчает именно негативный денотат.

Канцелярский эвфемизм *силовые методы* относится к сфере репрессивных действий различных социальных и властных структур. Под силовыми методами понимаются именно репрессивные действия со стороны власти, такие как арест, убийства, экономическое и физическое давление, угрозы. Но смысл его затушёвывается и смягчается при восприятии обществом.

Так как основная цель использования эвфемизмов в политическом дискурсе — это психологическое воздействие на человека, контроль над его поведением и чувствами, то подача информации искажается и доносится до адресата своеобразным способом. Одним из продуктивных способов является заимствование или калькирование иноязычных слов, с помощью которых гораздо проще вуалировать суть каких-то явлений, объектов. В последнее время это стало особенно престижно и модно, а главное — не все понимают смысл заимствования, что помогает иноязычным словам выступать в роли эвфемизмов.

Заимствованные слова могут использоваться в прямом их значении. Например, канцелярский эвфемизм *девальвация* — от французского *evaluat* — оценка, снижение номинативного курса бумажных денег до уровня рыночного курса, по которому и производится обмен на металлические деньги [6]. То есть девальвация — это падение стоимости валюты. Под этим термином скрываются экономические проблемы страны. Но негативный смысл «зашифрован», а главное — подобные замены вводят в заблуждение неосведомлённую часть населения, что и позволяет сохранять положительное их отношение к власти.

Широкое распространение получили слова *либерал*, *либеральный*. В переводе с латинского *liberalis* от *liber* — граждански свободный, стоящий за свободный образ правления [6]. Но в контексте «либерализация цен» в специфическом смысле ничего не проясняется. А на самом деле речь идёт о повышении цен. Именно слово *либерализация* удачно вуалирует этот неприятный факт.

Таким образом, иностранные заимствования терминов тоже являются одним из способов эвфемизации политического дискурса. Широкому кругу населения иноязычные слова непонятны, их внутренняя форма затемнена: они не имеют нежелательных коннотаций и используются говорящими, чтобы «улучшить» денотат даже при его прямом обозначении. А наличие в речи таких слов придаёт адресату ореол респектабельности, вызывает доверие к источнику информации.

В публикациях на политические темы эвфемизмы чаще всего употребляются для создания положительного имиджа страны, выгораживания отечественной политики, а также для формирования антитезы «наши — не наши».

В своё время ещё Дж. Оруэлл в эссе «Политика и английский язык» писал об использовании разных методов в употреблении вычурных слов, эвфемизмов и витиеватых фраз в описании чудовищных преступлений, для того, чтобы они воспринимались как нечто приемлемое: «...политический язык должен состоять по большей части из эвфемизмов, тавтологий, всяческих расплывчатостей и туманностей...» <...> «Но даже более невинное злоупотребление языком может влиять на то, как мы мыслим... Когда есть разрыв между вашими истинными целями и провозглашаемыми, вы, так

сказать, инстинктивно прибегаете к длинным словам и затрепанным идиомам. В наш век невозможно быть “вне политики”. Все проблемы — политические проблемы, а сама политика — это масса лжи, уверток, безрассудств, ненависти и шизофрении. Когда общая атмосфера отравлена, язык страдает...» [7, с. 291]

Таким образом, эвфемизмы используются в политическом дискурсе для создания неадекватной информационной модели действительности (искажение, смещение приоритетов), для реализации на языковом уровне метода преобразования информации в соответствии с конкретными целями, а именно: внедрение в общество установок, не совпадающих с изначально у него имеющимися. Используемые эвфемизмы, с одной стороны, отражают какие-то сдвиги в общественном сознании, а с другой — способствуют их закреплению в этом обществе, камуфлируя обозначаемое понятие.

Список использованной литературы

1. Середина Е. В. Политическая коммуникация. Особенности языка политического дискурса: к истории вопроса // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2016. № 2. URL: <http://Port-u-ru>...intem/1706-politicheshaya-kommunikatsia>.
2. Синеокая Н. А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://Group-global.org>ru/node/30681>
3. Суслова Н. В., Усольцева Т. Н. Новейший литературоведческий словарь-справочник. Мозырь : Белый ветер, 2003. 152 с.
4. Ларин Б. А. Об эвфемизмах. Проблемы языкознания. Л., ЛГУ, 1961. С. 101–114.
5. Майорова А. В. Манипулятивная функция эвфемизмов в современном обществе // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования : монография. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 252 с.
6. Большой толковый социологический словарь терминов... URL: <http://onlinedics.ru/slovar/soc.html>
7. Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 280–294.

Туранин Владислав Юрьевич,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород, turanin@mail.ru

УДК 340.113

Системность юридических терминов как форма проявления культуры законотворчества

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белгородского государственного национального исследовательского университета в рамках научного проекта 2018–2019 гг. «Государство созидающее». Ключевая инициатива: «Государство созидающее: влияние юридической терминологии на развитие современного российского законодательства».

Аннотация. В статье представлена авторская позиция, касающаяся необходимости восприятия системности юридических терминов в качестве формы проявления культуры законотворчества. Юридическая терминология — это основа любого правового текста, поэтому квалифицированное использование терминов является залогом эффективности правовых норм и предпосылкой для их правильного применения. Автором исследуются структурные особенности юридической терминологической системы: анализируется первичное звено — юридические термины, рассматриваются терминологические ряды и аппараты. Показываются вертикальная и горизонтальная связи между элементами системы, формулируется вывод о важности системности юридических терминов в правовых текстах в контексте формирования культуры законотворчества.

Ключевые слова: система, юридический термин, юридическая терминологическая система, нормативные правовые акты, культура законотворчества.

Vladislav Turanin

Doctor of law, Head of the Department of theory and history of state and law, Belgorod State University, Russia, Belgorod

Systematic legal terms as a form of manifestation of the culture of lawmaking

Abstract. The article presents the author's position on the need to perceive the consistency of legal terms as a form of manifestation of a culture of lawmaking. Legal terminology is the basis of any legal text, therefore qualified use of terms is the key to the effectiveness of legal norms and a prerequisite for their correct application. The author studies the structural features of the legal terminological system: the primary link is analyzed — legal terms, terminological series and devices are considered. Vertical and horizontal connections between elements of the system are shown, a conclusion is formulated on the importance of the systematic nature of legal terms in legal texts in the context of forming a culture of lawmaking.

Key words: system, legal term, legal terminological system, regulatory legal acts, culture of lawmaking.

Культура законотворчества представляет собой элемент общей правовой культуры. Можно говорить о том, что это чётко определённая система ценностей и идей участников законотворческой деятельности, которая положительным образом влияет на формирование российского законодательства. Так, в частности, С. В. Кабышев под культурой законотворческого процесса понимает «систему знаний и навыков его участников, основанную на соответствующих ценностях, которая определяет содержание, организацию и результат данного процесса» [1, с. 136]. Культура законотворчества проявляется, прежде всего, в соблюдении участниками законотворческой деятельности требований юридической техники, относящихся к процессу подготовки и принятия нормативных правовых актов, а также к их оформлению, структуре и содержанию.

Важнейшим вектором проявления культуры законотворчества является логико-языковая грамотность нормативных правовых актов, которая основывается, в том числе, на системности юридических терминов, активно используемых в официальном тексте. Отметим, что юридическая терминология — это языковая основа любого нормативного правового акта, а каждый термин представляет собой своеобразное «ядро», вокруг которого концентрируются все другие слова и словосочетания. Юридическими

терминами, к примеру, являются: «право», «государство», «преступление», «правонарушение», «трудовой договор», «сервитут» и др. Каждый пользователь, сталкиваясь с термином, закреплённым в том или ином источнике права, открывает для себя новые исследовательские грани, соприкасается с мыслью о праве. Можно сказать, что юридическая терминология является той самой «заветной дверцей» в самую суть права.

Использование терминов всегда было и остаётся самым эффективным способом донесения информации, заложенной в правовых нормах, до каждого конкретного адресата. При этом хаотичное употребление юридических терминов (происходящее, зачастую, на стадии подготовки правовых актов) неизбежно ведёт к «разбалансировке» законодательства, снижению качества правовых норм, а значит, — к падению культуры законотворчества. Соответственно, для того, чтобы купировать развитие данных негативных процессов, юридическая терминология должна проходить процесс систематизации, то есть её упорядочения в целях организации юридической терминологической системы [2, с. 90–91].

В философском понимании, по мнению одного из основоположников общей теории систем Л. фон Берталанфи, система — это «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [3, р. 33]. По убеждению А. Н. Аверьянова, система представляет собой некое «отграниченное множество взаимодействующих элементов» [4, с. 43]. В соответствии с концепцией П. К. Анохина, система — это «комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [5, с. 35]. Это может быть и «множество связанных между собой элементов, составляющее определенное целостное образование» [6, с. 320]. Д. А. Керимов с позиции теории права отмечает, что «любая система представляет собой интеграцию однотипных по своей сущности образований в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью, автономностью функционирования и взаимодействием с внешней средой для достижения заданных целей» [7, с. 218]. Исходя из анализа представленных научных трактовок системы, можно сделать вывод о том, что ее признаками являются: множественность элементов, их взаимодействие, однотипность, интегративность, упорядоченность, а также относительная самостоятельность, устойчивость, автономность функционирования, но и взаимодействие с внешней средой (по отношению к данной системе).

Первичным и основным звеном юридической терминологической системы является юридический термин. С его помощью формируются и другие элементы системы — ряды и аппараты.

Юридические терминологические ряды объединяют юридические термины и играют определяющую роль в укреплении системных связей. Юридические терминологические ряды «пронизывают» право и все его отрасли. Идея о наличии юридических терминологических рядов является логическим продолжением разработок А. М. Васильева, касающихся определения сущности понятийных рядов в правовой теории. По

его мнению, «понятийный ряд представляет собой такое подразделение в системе правовых категорий, с помощью которого фиксируются логические связи между включенными в него юридическими понятиями, отражающие моменты единства и разнообразия правопроявлений в установленном отношении» [8, с. 134]. Действительно, выделение понятийных рядов в рамках общей системы юридических понятий представляется не только возможным, но и необходимым. Формирование ряда как структурной составляющей системы юридических понятий помогает в процессе ее внутренней организации, служит проявлением логических связей элементов, обеспечивает их координацию.

В большинстве случаев понятийные ряды — это видовые иерархические структуры. Иерархические, потому что в них можно выделить некоторые базовые элементы (понятия), вокруг которых концентрируются другие понятия, выраженные соответствующими терминами. Например, в теории гражданского права в качестве такого элемента структурно упорядоченного понятийного ряда можно выделить юридическое понятие, выраженное термином «вещь», которое является образующим элементом для понятий, выраженных такими терминами, как «неделимая вещь», «сложная вещь», «главная вещь», «принадлежность» и т. д.

Признаками юридического терминологического ряда являются:

- смысловое единство составляющих ряд терминов;
- зависимость составляющих ряд терминов друг от друга;
- иерархичность построения терминологического ряда.

Проследим особенности существования юридических терминологических рядов по отношению к конкретным законам на примере Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации». В статье 4 данного закона выделяются и определяются двенадцать основных юридических терминов: «агитация по вопросам референдума», «адрес места жительства», «бюллетень», «вопрос референдума», «инициативная агитационная группа», «инициативная группа по проведению референдума», «кампания референдума», «комиссия референдума», «подписной лист», «политическая партия», «право на участие в референдуме», «участники референдума» [9]. В определении одиннадцати из них (за исключением термина «адрес места жительства») содержится ключевое слово — «референдум», а сам термин «референдум» определяется в статье 1 данного закона. Эти термины (как минимум) и составляют юридический терминологический ряд, ведь они:

а) объединены смысловым единством: их использование сфокусировано и направлено на раскрытие сущности правового регулирования общественных отношений, связанных с проведением референдума;

б) зависимы друг от друга при использовании в законе: например, употребление юридического термина «агитация по вопросам референдума» невозможно без использования терминов «вопрос референдума» и «референдум», применение юридического термина «право на участие в референдуме» невозможно без использования терминов «участники референдума» и «референдум»;

в) характеризуются иерархией: в тексте закона есть ключевой юридический термин — «референдум» — и термины, образующие с ним логико-подчинительную цепочку.

Обратим особое внимание на иерархичность в построении юридических терминологических рядов, которая является признаком, позволяющим идентифицировать каждый ряд в данной системе (по аналогии с понятийными рядами).

Иерархичность юридического терминологического ряда подразумевает существование основных (ключевых) и образующих с ними логико-подчинительную цепочку элементов. Наличие стержня — ключевого термина — является той связующей нитью, без которой правильное восприятие законодательного текста практически невозможно. Это элемент, за счет которого прирастает и формируется сопутствующая терминология. По такому пирамидальному принципу построено большинство законодательных актов. Так, к примеру, в Федеральном законе «О государственной службе российского казачества» [10] подобными основными терминами являются «казачество» и «казачье общество», вокруг которых сконцентрированы и объединены все другие термины данного закона. В тексте Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» в качестве основных терминов следует воспринимать такие, как «присяжные заседатели», «список кандидатов в присяжные заседатели», а в качестве терминов, образующих с ними логико-подчинительную цепочку, — «общий список кандидатов в присяжные заседатели», «запасной список кандидатов в присяжные заседатели» и т. д. [11]

Отметим, что юридические терминологические ряды могут быть как оконченными, так и неоконченными. Так, например, оконченный терминологический ряд представлен в рамках Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [12]: «кредитные организации» (основной термин), «банки», «небанковские кредитные организации» — термины, образующие с ним логико-подчинительную цепочку. Неоконченный терминологический ряд — в рамках ГК РФ: «ценные бумаги» (основной термин), «акция», «вексель», «закладная», «инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда», «коносамент», «облигация», «чек» — термины, образующие с ним логико-подчинительную цепочку. При этом отметим, что в ст. 142 ГК РФ, устанавливающей виды ценных бумаг, их перечень неисчерпывающий, подтверждением этому является формулировка «и иные ценные бумаги».

Кроме возможности объединения юридических терминов в соответствующие ряды существует, на наш взгляд, реальная перспектива выделения в юридической терминологической системе и терминологических аппаратов.

Для определения сущности юридического терминологического аппарата, с нашей точки зрения, прежде всего, необходимо определить пределы его реализации. Это обусловлено в том числе и семантикой самого термина «аппарат», основанной на свойстве некой обособленности по отношению к схожим объектам. Отметим, что данный термин может восприниматься как «прибор, механическое устройство, предназначенное для выполнения определенной работы под наблюдением человека» или, например, как «учреждение или совокупность учреждений, обслуживающих какую-либо об-

ласть управления или хозяйства» [13, с. 48]. Таким образом, мы видим несколько значений слова «аппарат», связанных с конкретной, определенной деятельностью. Интересна и сама применимость этого термина в филологической или юридической науке, с помощью которой раскрываются его дополнительные смысловые грани.

Выделенное свойство обособленности является основополагающим для индивидуализации юридического терминологического аппарата. Учитывая связь юридической терминологической системы с юридическим языком (в целом), логичным будет предположить возможность существования юридического терминологического аппарата как структурного элемента юридической терминологической системы в рамках функциональных разновидностей юридического языка: языка юридической науки, языка юридической практики и юридического разговорного языка. Иными словами, в данном случае своеобразной смысловой «матрицей», позволяющей «вычлени́ть» юридический терминологический аппарат, является юридический язык, а обособление аппарата происходит по видовому критерию. Если следовать заданной логике и воспринимать в качестве такой «матрицы» право, то можно предположить, что юридическая терминологическая система относится к праву вообще, а юридические терминологические аппараты существуют в рамках отраслей права. Соответственно, их обособление возможно и по отраслевому критерию.

Проецируя предложенный тезис на законодательство, отметим, что терминологические аппараты можно обособить не только по отраслевому критерию (терминологический аппарат гражданского законодательства, терминологический аппарат уголовного законодательства и т. д.), но и по критерию индивидуальности каждого закона в системе законодательства, что дает возможность говорить о терминологических аппаратах конкретных законов. При этом, конечно же, справедливой будет оговорка о том, что приведенные примеры обособления юридического терминологического аппарата имеют относительный (условный) характер.

В качестве элементов юридического терминологического аппарата выступают отдельные термины и терминологические ряды. В свою очередь, их структурное единство и логическая взаимосвязь являются еще одними особенностями, характеризующими каждый юридический терминологический аппарат.

Исходя из изложенного, можно выделить следующие признаки юридического терминологического аппарата:

- относительная обособленность в рамках юридической терминологической системы;
- структурное единство элементов (юридических терминов и рядов), составляющих юридический терминологический аппарат;
- логическая взаимосвязь данных элементов.

Приведем некоторые примеры. Так, терминологический аппарат российского уголовного законодательства составляют отдельные юридические термины («обратная сила», «амнистия»), а также юридические терминологические ряды:

- «преступление», «категории преступлений», «совокупность преступлений», «рецидив преступлений», «преступник» и др.;

— «вина», «формы вины», «умысел», «неосторожность», «вред», «невиновное причинение вреда» и др. (УК РФ). При этом данные элементы юридического терминологического аппарата отличаются структурным единством (они последовательно определяют соответствующие им понятия) и логической взаимосвязью (они объединены общим уголовно-правовым понятийным вектором).

Терминологический аппарат Федерального закона «О клиринге и клиринговой деятельности» также составляют:

— отдельные термины («контролирующее лицо», «организованные торги»);
— терминологический ряд («клиринг», «внутренний учет клиринговой организации», «индивидуальное клиринговое обеспечение», «клиринговая услуга», «клиринговая деятельность», «клиринговая организация», «клиринговый пул», «клиринговый брокер», «коллективное клиринговое обеспечение», «неттинг», «правила клиринга», «участник клиринга» и др. [14]). В данном случае также можно четко проследить структурное единство и логическую взаимосвязь элементов.

Как мы отмечали ранее, в юридической терминологической системе должны существовать как вертикальная, так и горизонтальная связь между элементами (юридическими терминами, рядами и аппаратами) [15, с. 85–86].

Вертикальная связь основана на возможности объединения первичных элементов системы (юридических терминов) и, как следствие этого, формирования терминологических рядов, аппаратов и самой системы. Здесь уместно говорить о том, что термин является своеобразным «кирпичиком», заложенным в фундамент системы. Вертикальную связь, присутствующую в юридической терминологической системе, можно представить следующим образом:

термин
↓
ряд
↓
аппарат
↓
система

Горизонтальная связь обусловлена однородным составом элементов юридической терминологической системы: и терминологические ряды, и терминологические аппараты формируются с помощью первичных элементов системы — юридических терминов. И все это в итоге является предпосылками для образования системы:

термин → ряд;
термин → ряд → аппарат;
термин → ряд → аппарат → система.

Представление о существовании вертикальной и горизонтальной связи между элементами юридической терминологической системы крайне важно для установления режима ее непротиворечивости.

Соответственно, саму юридическую терминологическую систему можно охарактеризовать как структурно упорядоченное множество элементов (юридических терминов, рядов и аппаратов), обладающих вертикальной и горизонтальной связями.

В заключение отметим, что наличие юридической терминологической системы является залогом эффективного функционирования российского законодательства и его надлежащего применения. В свою очередь, системность юридических терминов в правовых текстах — это важная форма проявления культуры законотворчества, а также показатель высокого уровня подготовки участников законотворческой деятельности.

Список использованной литературы

1. Кабышев С. В. Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 136–142.
2. Туранин В. Ю. О необходимости систематизации юридической терминологии в условиях осуществления региональной законотворческой деятельности // Теория государства и права. 2018. № 4. С. 90–94.
3. Bertalanffy L. von. General system theory; foundations, development, applications / L. von Bertalanffy. New York : G. Braziller, 1969. 295 p. : ill.
4. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методол. пробл. М., 1985. – 263 с.
5. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций : сб. ст. / АН СССР, Науч. совет по физиологии высш. нервной деятельности и нейрофизиологии ; отв. ред. П. К. Анохин. М., 1973. С. 5–61.
6. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. 2-е изд. М., 1968. 432 с.
7. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М. : Мысль, 1986. 330 с.
8. Васильев А. М. Правовые категории: методол. аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
9. О референдуме Российской Федерации: федер. конституц. закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ. URL: <https://zrf. su/zakon/o-referendume-5-fkz/>
10. О государственной службе российского казачества: федер. закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ. URL: <https://legalacts. ru/doc/federalnyi-zakon-ot-05122005-n-154-fz-o/>
11. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ. URL: http://www. consultant. ru/document/cons_doc_LAW_48943/
12. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1. URL: http://www. consultant. ru/document/cons_doc_LAW_5842/
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 4-е изд., стер. М., 2001. Т. 1. 622 с.
14. О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте: федер. закон от 07.02.2011 № 7-ФЗ. URL: http://www. consultant. ru/document/cons_doc_LAW_110267/
15. Туранин В. Ю. Феномен юридической терминологии. М. : Юрлитинформ, 2018. 184 с.

Абгарян Наталья Борисовна,

старший преподаватель, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет И. В. Сеченова, Россия, г. Москва, natali.abgaryan@mail.ru

УДК 811.14.06

Ситуация диглоссии в политическом дискурсе на этапах становления новогреческого языка

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть особенности языковой ситуации, наблюдаемой на разных этапах развития греческого языка: эллинистический период, римская эра, византийское государство – с точки зрения социальной двуязычности. «Социальный билингвизм», характерный для языковой ситуации в истории греческого языка с древних времен до второй половины XX века, имел непосредственную связь с политической сферой жизни нации. Анализ различных этапов становления современного греческого языка в свете ситуации диглоссии позволяет говорить об основных направлениях в её развитии с точки зрения политических тенденций в национальном вопросе.

Ключевые слова: диглоссия, языковая ситуация, койне, языковой раскол, национальная языковая политика.

Natalia Abgaryan

Senior Lecturer, Institute of Linguistics and Intercultural Communication of the First Moscow State Medical University named after I. S. Sechenov, Russia, Moscow

The situation of diglossia in political discourse at the stages of formation of modern Greek language

Abstract. The purpose of the article is to consider the peculiarities of the language situation observed at different stages of the development of the Greek language: the Hellenistic period, the Roman era, the Byzantine state – from the point of view of social bilingualism. "Social bilingualism", characteristic of the language situation in the history of Greek from ancient times to the second half of the twentieth century, had a direct connection with the political sphere of the life of the nation. The analysis of the various stages of the formation of modern Greek in the light of the situation of diglossia allows us to speak about the main directions in its development from the point of view of political tendencies in the national question.

Key words: diglossia, language situation, koine, language split, national language policy.

1. Приступая к обсуждению обозначенной темы статьи, считаем необходимым дать определение того понятия, которое имеет термин «диглоссия» (англ. *diglossia*). По данным словаря С. Куманудиса [1], этот термин был применен К. Иконому в 1830 году. В 1885 году термин «диглоссия» был использован Эммануилом Рондисом для описания языковой ситуации в Греции и двух сосуществующих вариантов греческого языка: кафаревусы (литературный вариант) и димотики (разговорный вариант), первый из которых преимущественно использовался в письменной сфере, а второй – в устной.

Психарис характеризует впервые диглоссию как ситуацию конфликта [2; 3, с. 210]. Пристальное внимание было уделено разработке данного вопроса в XX веке американскими учеными. Термин «диглоссия», вновь введенный в научный обиход Чарльзом Фергюсоном в 1959 году [4], характеризовал языковую ситуацию, при которой члены одного и того же языкового сообщества, владея разными коммуникативными подсистемами одного и того же языка — диалектами, стилями, — пользуются то одной, то другой подсистемой, в зависимости от социальных функций общения. При этом говорящие делают сознательный выбор, используя ту из подсистем, которая наилучшим образом способна обеспечить успех коммуникации, в соответствии с правилами, установленными в данном языковом сообществе.

В качестве примеров такой языковой ситуации Фергюсон рассматривал следующие языки: новогреческий, арабский, швейцарский немецкий и креольский о. Гаити. Все четыре ситуации относятся к употреблению именно *вариантов одного языка* (или генетически очень близких языков), а не разных языков (ситуации сосуществования на одной территории типологически или генетически различных языков не рассматривались в качестве диглоссийных), что ограничивало употребление термина. По мнению Ч. Фергюсона, подобная ситуация вполне стабильна, спокойно воспринимается носителями языка и не чревата конфликтом.

Х. Клосс первым из исследователей обратился к анализу собственно речевой деятельности (language). Так, исследователь говорит, что, с одной стороны, существует дифференцированное функционирование языков в обществе, а с другой стороны, *внутреннее отношение* к языкам или вариантам языка в сознании его носителей. Для Клосса важны отношения между языками или их вариантами в том виде, как они представлены в сознании носителей. В трактовке данной проблемы Хайнц Клосс идет от индивида к обществу, а не наоборот, он рассматривает их в количественном и качественном аспектах, что делает модель динамической и способной прогнозировать будущее. В этой перспективе им выделяются следующие возможные ситуации: все члены общества одинаково хорошо владеют вариантом Lv и Hv, или же все говорят на Lv и только часть на Hv. В данных конфигурациях Клоссом различаются ситуации, при которых Lv и Hv относятся к генетически разным языкам или к одному и тому же. В последнем случае переход от низкого варианта к высокому может ощущаться как более простой, а сами языки — в качестве единого континуума [5].

Далее в исследование данного понятия внесли свой вклад многие отечественные учёные, среди которых можно упомянуть В. И. Беликова [6, с. 56–58], В. И. Виноградова [7, с. 32], Л. П. Крысина [8, с. 33], Н. Б. Мечковскую [9, с. 67]. Было расширено его первоначальное значение, введены понятия *внутренняя диглоссия* и *внешняя диглоссия*. С помощью этого же понятия делались попытки рассмотреть достаточно запутанные языковые ситуации, характеризующиеся наличием двух и более неродственных языков и/или нескольких подсистем одного и того же языка внутри одного и того же языкового сообщества, его соотносимость с термином *билингвизм* и др. Так, Н. Б. Мечковская формулирует черты диглосийной ситуации и указывает

на схожесть ситуации диглоссии в ареале *Slavia Orthodoxa*, с церковнославянским языком в качестве *sacralingua* (лат. «священный язык»), и в Греции [10, с. 171–174].

В нашей работе понятие «диглоссия» будет использоваться как научный термин социолингвистики в его расширенном значении, подразумевающим, что не только разновидности одного и того же языка, но и неродственные языки, используемые в одном языковом сообществе, можно считать явлением диглоссии, если между ними есть разница в аспекте функционального разделения, престижности (H- и L-языки) и экзоглосности (надэтничности) (для территорий с пёстрым этническим составом). Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить противопоставлению в сознании носителей «престижности/непрестижности» наличествующих в отдельные периоды разновидностей греческого языка. Исходя из этого, рассмотрим возможность употребления данного термина применительно к языковым сообществам, которые использовали греческий язык на протяжении достаточно длительного промежутка времени.

2. Следует отметить, что единого греческого языка в современном понимании до эпохи эллинизма не существовало. Бытовали диалекты, которые образовывали группы языков: ионийско-аттическую, эолийскую, дорийскую, аркадско-кипрскую. Кроме этого наблюдалось поистине уникальное явление существования литературных диалектов, когда каждый литературный жанр, поэтический или прозаический, отождествляется с диалектом того греческого племени, которое первым породило этот жанр. По нашему мнению, именно этот факт послужил исходным пунктом, своеобразной точкой отсчета в формировании и развитии языковой ситуации в разные периоды существования греческого языка.

В V–IV веках до н. э. экономическое и политическое возвышение Афин, расцвет литературы, появление философских школ, подъём ораторского искусства выделили аттический диалект и способствовали росту его престижа и значимости: «...всякий грек, желавший казаться образованным, ломал свою родную речь на аттический лад» [11, с. 11]. А принятие его в качестве официального языка двором Филиппа Македонского ещё в большей степени укрепило это главенство.

Завоевательные походы Александра Македонского на Восток и покорение Персидской державы, Древнего Египта и частично Индии привели к тому, что аттический диалект становится языком управления, торговли, экономики, дипломатии, академического образования. Естественно, как разговорный язык ежедневного общения он постепенно меняется и упрощается. Уже при Александре Македонском были введены строчные буквы, разделение слов, ударение. Кроме того, исследователями отмечается, что *κοινή* («общее» наречие) уже с самого своего начала не было одинаково, а делилось на «говоры» (как, к примеру, великорусское наречие делится на акающие и окающие говоры).

Здесь надо остановиться на разном понимании самого термина «*κοινή*». Греческий грамматик середины II века н. э. Аполлоний Дисколос называл термином *κοινή* раннегреческий язык, в то время как другие грамматикологи — любую разговорную форму греческого языка, т. е. язык, который в какие-то периоды отличался от литературного языка. Когда эллинистическое *κοινή* в I веке д. н. э. стало и языком литературы

своего времени, тогда снова изменилась терминология: одни учёные начали подразделять язык на греческий (прямой продолжатель языка классической эпохи) и на разговорный, на котором говорили разные народы, в том числе и греки.

Мы придерживаемся точки зрения, что термин «койнэ» означает разные уровни языка с последующими стилистическими отклонениями, которые греческий мир использовал в устной, а отчасти и в письменной речи с эллинистической до ранней византийской эпохи. Но в этом моменте прослеживаются разнонаправленные тенденции развития и бытования языка в эллинистический период. С одной стороны, отмечается тенденция к выработке единого, универсального, понятного всем слоям населения Римской империи языка (как разговорного, так и нормированного литературного). С другой стороны, фактическая невозможность выработать данное единство в области литературного языка, подкрепленная, в свою очередь, стремлением к сохранению классической традиции.

Что касается литературного греческого языка эллинистического периода, то он значительно отличался от разговорной речи и приближался более или менее к аттическому литературному языку: сочинение, предназначенное для простого народа, было ближе к разговорному языку; литература для образованного сословия была ориентирована на архаичный аттический диалект. Можно говорить о некоторой искусственности литературного языка данного периода, он никогда не предназначался для повседневного общения. Но его архаизация была разной в разные периоды бытования: уже в I веке н. э. возникает реакция, усиливающаяся с течением времени, в пользу употребления в литературных произведениях аттического диалекта классического периода. Такое положение дел приводило, естественно, к все большей дифференциации двух вариантов греческого языка, но эта дифференциация не вызывала никакого «конфликта» в языковой ситуации.

Приверженцы аттического диалекта, аттицисты, придерживались принципа употреблять только те слова, которые встречались у того или иного аттического автора (известное, $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\ \eta\ \omicron\upsilon\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha$ (встречается или не встречается), поэтому, их насмешливо называли $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\omicron\upsilon\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \eta\ \tau\iota\pi\omicron\upsilon\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\omicron\upsilon\varsigma$ (что встречается, где встречается?), и с презрением относились ко всем неаттическим элементам. Таким образом, между языком образованного общества и простого народа возникла пропасть, учёный язык казался смешным простым людям, и наоборот. Педантизм и категоричность аттицистов, конечно, не могли не возбудить недовольство, но, несмотря на протесты, учение аттицистов постепенно получило силу закона для последующих веков. В этом нам видится ещё одна из причин последующего укрепления тенденции к социальной дифференциации разновидностей греческого языка, тенденции, приведшей, в конечном итоге, к возникновению конфликта в языковой ситуации.

Разумеется, что общий язык эллинистического периода видоизменялся постепенно, затрагивая все разделы грамматики: фонетику (дифтонги начали произноситься как монофтонги, согласные β , γ , δ стали произноситься как в современном языке), морфологию (теряется двойственное число, сливаясь со множественным, многие существительные 3-го склонения переходят в 1-е), синтаксис (утрачивается синтаксическая

роль неопределённой формы глагола и причастия, а также и дательный падеж), лексику (многие древние слова заменяются новыми, и многие меняют значение). Можно сказать, что сформировавшийся койнэ гораздо больше похож на современный греческий язык (несмотря на почти 20 разделяющих эти языки столетий), чем на тот греческий язык, на котором писали Фукидид и Платон. Затруднительно назвать точное время этого перехода, но ученые говорят приблизительно о середине первого тысячелетия новой эры. С этого момента возможно говорить о византийском периоде существования греческого, а точнее — протоновогреческого языка.

3. Исследователями отмечается парадоксальность языковой картины византийского периода.

Империя, претендовавшая на правопреемство по отношению к Римской и унаследовавшая ее институты, никогда не говорила на латыни. До VI века этот язык оставался официальным лишь в юриспруденции. Без сомнения, латынь обогатила греческий множеством заимствований (прежде всего в военной и административной сферах), латинские грамматисты ориентировались на ранневизантийский Константинополь. Но все же латынь не была настоящим языком даже ранней Византии.

Нельзя сказать точно, когда возникает Византийская империя, в какой именно момент римский император становится византийским: провести четкую границу не позволяет формальное тождество институтов. И здесь в поисках ответа на этот вопрос способствует обращение к не формализуемым культурным различиям. Римская империя отличается от Византийской тем, что в последней оказываются слиты римские институты, греческая культура и христианство и осуществляется это на основе греческого языка. Поэтому одним из критериев, на которые мы могли бы опереться, становится язык: византийскому императору, в отличие от его римского коллеги, проще изъясняться на греческом, чем на латыни.

Закономерно возникает вопрос: какого качества этот греческий язык? Существовали две крайние точки зрения в ответе на него. Западноевропейские филологи-классики до утверждения византистики как самостоятельной научной дисциплины видели в греческом языке Византии неизбежный закат и деградацию древнегреческого языка. Многие греческие ученые времен формирования греческой нации в XIX веке называли его протоновогреческим и видели в нем неминуемое прорастание современного им новогреческого языка.

Действительно, византийский греческий трудноуловим. Его развитие нельзя рассматривать как череду поступательных, последовательных изменений, поскольку на каждый шаг вперед в языковом развитии приходился и шаг назад. Это явление было связано, в первую очередь, с отношением к языку самих византийцев. Социально престижной была языковая норма классиков аттической прозы. Писать хорошо значило писать историю неотличимо от Геродота или Фукидида (последний историк, решившийся ввести в свой текст аттические элементы, казавшиеся архаичными уже в классическую эпоху, — это Лаоник Халкокондил, написавший «Историю» в 10 книгах), а эпос — неотличимо от Гомера. От образованных византийцев на протяжении всей истории империи требовалось в буквальном смысле говорить на одном

(живом, развивающемся), а писать на другом (застывшем в классической неизменности) языке. Отсюда возникающая и усиливающаяся на протяжении всего периода, вплоть до новейшего времени, раздвоенность языкового сознания.

Но следует отметить, что предпосылки такого положения существовали и прежде. Так, еще со времен классической древности за определенными жанрами были закреплены определенные диалектные особенности: эпические поэмы, историографию, некоторые виды лирической поэзии, такие как элегия, эпиграмма, ямб, писали на ионийском диалекте, трагические поэты использовали аттический диалект в диалогах, а дорийским украшали хоровые части; произведения мелической поэзии (Сапфо, Анакреонт) писали на эолийском диалекте. Нечто подобное можно обнаружить и в византийский период: в эллинистическую эпоху противопоставление гласных по долготе ушло из греческого языка, но тем не менее и через тысячу лет героические поэмы и эпитафии писались так, как будто фонетическая система осталась неизменной со времен классического периода. Различия пронизывали и другие языковые уровни: нужно было строить фразу, как у знаменитых авторов, подбирать слова, склонять и спрягать их в соответствии с парадигмой, отмершей в живой речи тысячелетие назад.

Однако следовать древним авторам, писать с античной живостью и простотой удавалось не всем; нередко в попытке достичь аттического идеала византийские авторы теряли чувство меры, стремясь писать правильнее своих кумиров. Так, например, дательный падеж, существовавший в древнегреческом, в новогреческом почти полностью исчез, но, вопреки логике, в византийской высокой словесности дательный падеж используется куда чаще, чем в литературе классической древности. Однако именно это увеличение частоты и говорит о расшатывании нормы.

В то же время несомненно, что живая языковая стихия брала свое. Об этом свидетельствуют ошибки переписчиков рукописей, нелитературные надписи и так называемая народноязычная (δημώδης) литература. Термин «народноязычная» неслучаен: он гораздо лучше описывает интересующее нас явление, чем более привычный «народная», поскольку нередко элементы простой городской разговорной речи использовались в памятниках, созданных в кругах константинопольской элиты. Настоящей литературной модой это стало в XII веке, когда одни и те же авторы могли работать в нескольких регистрах, сегодня предлагая читателю изысканную прозу, почти неотличимую от аттической, а завтра — едва ли не площадные стишки.

Диглоссия, или двуязычие, породила и еще один типично византийский феномен — метафразирование, то есть переложение, пересказ пополам с переводом, изложение содержания источника новыми словами с понижением или повышением стилистического регистра. Причем сдвиг мог идти как по линии усложнения (вычурный синтаксис, изысканные фигуры речи, античные аллюзии и цитаты), так и по линии упрощения языка. Ни одно произведение не считалось неприкосновенным, даже язык священных текстов в Византии не имел статуса сакрального: Евангелие можно было переписать в ином стилистическом ключе (как, например, сделал это Нонн Панополитанский (Νόννος), пересказав гекзаметром Евангелие от Иоанна) — и это

не обрушивало анафемы на голову автора. Нужно было дожидаться 1901 года, когда перевод Евангелий на разговорный новогреческий (по сути, та же метафраза) вывел противников и защитников языкового обновления на улицы и привел к десяткам жертв (Евангельские бунты). Два года позже, в 1903 году, последовали так называемые «Орестейские события», вызванные переводом «Орестей» Эсхила на новогреческий язык для постановки в Национальном театре. Волнения студентов и университетских профессоров вновь привели к столкновениям и гибели людей. В этом смысле возмущенные толпы, защищавшие «язык предков» и требовавшие расправы над переводчиками Александром Паллисом и Г. Сотириадисом, были куда дальше от византийской культуры, чем подвергшиеся их нападкам переводчики.

Начиная с конца XI века Византия постоянно подвергается набегам османов, а в 1204 году Константинополь завоевывают крестоносцы, что приводит к разделу Византийской империи и переходу ряда греческих земель во владение итальянцев. В результате этого значительно понизился престиж литературного языка. Хотя еще оставались сторонники того, что письменный язык не должен меняться (особенно в Константинополе), народный язык все больше проникает в литературу, и в XIII–XIV веках появляются многочисленные произведения, язык которых приближается к разговорному греческому языку этой эпохи. Однако большая часть этих произведений являлась своего рода стилистическими экспериментами образованных авторов, стремящихся найти новые выразительные средства для развлекательной литературы. Серьезные произведения все еще создавались на архаизированном языке.

4. После падения Константинополя, в период османского завоевания в разных частях греческого мира начинают складываться новые литературные языки, в основе которых лежали местные диалекты. Однако греческая аристократия, а также церковь продолжали использовать традиционный письменный язык. В конце XVIII века под влиянием политической ситуации Греция вступает в более тесные контакты с Европой. Все больше произведений переводится или создается на греческом языке, что, конечно, ставит вопрос о создании греческого литературного языка.

С конца XVIII – начала XIX века среди греческих просветителей начинаются споры о том, какой язык должен стать языком нации. Вариантов два: народный, димотики, или архаизированный, язык филологов и грамматиков. А. Кораисом было предложено третье решение. Он предложил использовать народный язык, димотики, предварительно «облагородив» его, главным образом, в области морфологии. У этой теории было много противников как с одной стороны, так и с другой, считавших, что это будет искусственный язык. Но нашлись и многочисленные сторонники теории Кораиса, благодаря тому что предложенный им язык имел понятную лексику и простую грамматику. «Исправленный» народный язык получил название «кафаревуса» и стал официальным языком Греческого государства. Споры о создании литературного языка продолжались в течение всего XIX и XX века. В 1917 году правительство Э. Венизелоса издало постановление об использовании димотики в школах — изучение кафаревусы предписывалось только в двух старших классах.

Так, важнейшая сфера государственной языковой политики стала ареной языкового соперничества. В рамках системы образования вызревал конфликт, продиктованный требованием государства формировать в подрастающем поколении национально ориентированный языковой репертуар и соответствующее отношение к другим языкам. В то же время популярна была и идея о том, что использование разговорного языка приводит к утрате духовной традиции и лишает греческий народ античного наследия.

В XX веке споры об использовании кафаревусы или димотики приобрели политическую окраску. В 1974 году после падения хунты использование кафаревусы стало связываться с режимом диктатуры, и вскоре димотика была объявлена государственным языком Греции.

Итак, мы наблюдаем разнонаправленные тенденции в отношении двух разновидностей греческого языка в разные периоды социальной жизни его носителей. В эллинистический период идет формирование общего языка империи, его территориальное расширение на завоеванные области, в то же время к концу периода возникает тенденция к вытеснению разговорного наречия из сферы литературы, из круга письменных источников. Течение «аттицизм» обостряет конфликтную языковую ситуацию в рамках греческого языка в этот период и определяет борьбу двух разновидностей на протяжении почти полутора тысяч лет его бытования.

В византийскую эпоху и Средние века, с одной стороны, происходит закономерное развитие протоновогреческого языка, формирование новых наречий, последовательное проникновение элементов этого языка в литературу, с другой стороны, усиливается стремление сохранить архаизированную разновидность языка в письменности и образовании, что зачастую связывается с социальными протестами и национальной греческой идеей. Период становления новогреческого литературного языка характеризуется обострением этой борьбы, её политической окраской, но закономерной «победой» димотики над кафаревусой. Искусственное, нежизненное отмирает, живая языковая стихия охватывает и письменную разновидность языка.

Если же подвести итог в рассмотрении ситуации диглоссии в греческом языке, то, по нашему мнению, имея своим источником специфику в становлении классического (древнего) литературного языка греков, а также особенности формирования единого наречия в эллинистический период, возможно говорить о закономерном её обострении в византийский период становления новогреческого и, особенно, в эпоху возникновения литературного новогреческого языка. Одной из основных черт в описании языковой ситуации диглоссии греческого языка, по нашему мнению, является характеристика языкового сознания социума на каждом этапе его бытования.

Таким образом, диглоссийная ситуация в греческом языке констатируется на каждом из этапов его развития, другое дело, что качественный анализ каждого этапа имеет свои отличительные особенности. Данные качественные черты ситуации диглоссии расширяют, на наш взгляд, представление о самом явлении и требуют пристального внимания исследователей при его дальнейшем изучении. Само выделение (или определение) диглоссии на том или ином этапе функционирования греческого языка

требует, по всей видимости, учета не столько лингвистических, сколько историко-культурных параметров, не структурных характеристик языковых разновидностей, а описания языкового сознания диглоссийного социума, во многом определяемого политической ситуацией в определенный период его существования.

При этом возможно отметить тесную связь языка с проблемой идентичности в современных национальных государствах. В силу данного факта любые языковые реформы имеют свою политическую окраску, что, без сомнения, может вызывать общественную напряженность, а иногда и открытое противостояние: «Межобщинные конфликты, ведущим механизмом которых остается политика идентичности, практически всегда имеют языковое измерение и часто вовлекают языковую идентичность своих участников» [12, с. 322]. Степень выраженности подобной конфликтности может чередоваться на отдельных этапах развития языковой ситуации — от политических дискуссий до общественного и даже военного противостояния.

Список использованной литературы

1. Κουμανούδης Σ. Συναγωγή νέων λέξεων. Αθήνα: Σακελλαρίου, 1900.
2. Mackridge P. Language and National Identity in Greece 1766–1976. Oxford : University Press, 2009.
3. Kremnitz G. Diglossie/Polyglossie // Sociolinguistics. An International Handbooks of the Science of Language and Society, edited by U. Ammon, N. Dittmar & K. J. Mattheier, 1. P. 208–218. Berlin ; New York: deGruyter.
4. Ferguson Ch. A. Diglossia // Word. 1959. 15. P. 325–340.
5. Kloss H. Types of Multilingual Communities: A Discussion of Ten Variables // Sociological Inquiry. 1966. 36(2). P. 135–145.
6. Беликов В. И. Надёжность советских этнодемографических данных // Малые языки Евразии. Социолингвистический аспект. М. : Наука, 1977. С. 56–58.
7. Виноградов В. А. Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 32.
8. Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 33–37.
9. Мечковская Н. Б. Языковой контакт // Общее языкознание. Минск : Выш. шк., 1983. С. 67.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. спец. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2001. С. 171–174.
11. Соболевский С. А. Греческий язык библейских текстов. Κοινη'. М. : Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2013. 176 с.
12. Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова. М. : ИЭА РАН, 2018. 334 с.

Белоусова Валентина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, valentina.belousova1@gmail.com

УДК 811.16

Лингвокультурная медиация: эффективная деятельность специалиста в поликультурной среде

Аннотация. В современном мире важнейшим инструментом осуществления социального взаимодействия представителей различных культур является лингвокультурная медиация. В условиях стандартизованного дискурса на английском языке, в случае диалога, осуществляемого носителями славянских языков, эффективность коммуникации будет определяться знанием особенностей этнокультурных установок партнера и правильным выбором стратегии переговоров с учетом специфики национального коммуникативного стиля. В статье рассматривается проблема лингвокультурной интерференции как явления, определяющего коммуникативный успех или неудачу.

Ключевые слова: медиация, лингвокультурная интерференция, славянские языки, национальный коммуникативный стиль, коммуникативная неудача.

Valentina Belousova

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor at the Department of Slavic Languages and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Language and culture mediation: Specialist's efficiency of working in a multicultural environment

Abstract. The article deals with the actual linguistic and cultural issues associated with the effectiveness of communication when using an intermediary language. Linguistic and cultural interference means a complete or partial discrepancy of cultural connotations, taking place at the level of concepts, associations, assessments, emotions, and norms of behavior. The article analyzes the manifestations of national communicative styles in the choice of strategies and the specific of standardized discourse in English, which is not the native language to any of the parties.

Key words: mediation, linguistic and cultural interference, Slavic languages, national communicative styles, communication failure.

В условиях глобализации эффективность деятельности специалиста в поликультурной среде определяется как уровнем его владения английским языком, так и знанием особенностей этнокультурных установок партнера по коммуникации. Именно поэтому возникает необходимость в базовых знаниях в области медиации, причем не только в ее классической интерпретации (способ эффективного разрешения конфликтов и споров), но и в более широком понимании, охватывающем межкультурное общение. В этом случае речь идет о лингвокультурной медиации, которая является важнейшим инструментом осуществления социального взаимодействия представителей различных культур, говорящих на одном или на разных языках.

Рассмотрим «моносоциумную межкультурную коммуникацию» [1, с. 98] в условиях стандартизованного дискурса на английском языке, не являющимся родным ни для одной из сторон и служащим исключительно «средством общения, а не источником идентичности или общности» [2, с. 87]. Наша задача — определить, чем обусловлены коммуникативный успех или неудача в случае диалога, осуществляемого носителями славянских языков, с использованием языка-посредника (English).

«Славянский мир» в рамках данной статьи будет представлен только чешской и русской стороной, но рассматриваемая проблема, несомненно, касается всех вовлеченных в сферу делового и научного общения на английском языке, для кого он является функционально не первым. Именно потому, что «функционально не первый язык обладает меньшим масштабом языковых средств, меньшей коммуникативно-стилевой парадигмой, меньшим числом функциональных субкодов и меньшим набором освоенных жанров речи» [3, с. 34], особую значимость приобретает влияние этноспецифических коммуникативных стратегий и норм общения. Близость славянских языков нередко становится причиной ошибочного представления о близости менталитетов славянских народов, хотя внутри «славянского мира» разница осознается достаточно остро.

Pro svou velikost, perspektivu dalšího rozvoje a mnoho dalších vlastností (kvalifikovaná levná pracovní síla, obrovské přírodní bohatství apod.) se ruský trh stal lákavým pro mnohé zahraniční podnikatele. Aby se však podnikání na tomto mimořádně specifickém a často i rizikovém trhu neproměnilo v noční můru, je nezbytné se na každé obchodní jednání důkladně připravit. Neexistuje univerzální recept, jak úspěšně překonat nástrahy ruského prostředí [4, с. 22]. Отмечая потенциал российского рынка и перспективность развития деловых отношений, чешские партнеры тем не менее подчеркивают его специфичность, высокую вероятность неудач на переговорах и отсутствие универсального рецепта преодоления рисков и «капканов» российской действительности.

Во многих работах чешских исследователей, посвященных деловой коммуникации, отмечается важность выбора языка переговоров. Но если во времена Первой республики (1918–1938 г.) традиционно считалось хорошим тоном вести диалог на языке партнера, и это не обязательно был один из «мировых» языков, то сегодня ситуация иная — «U nás dnes převažuje zcela nesprávný, zjednodušený názor, že stačí ovládat angličtinu (spíše Czenglish)» [5, с. 23]. Английский язык становится основным даже в славянской среде, где долгое время роль «lingua franca» принадлежала русскому.

Процессы глобализации способствуют распространению культурных моделей, которые подаются как общезначимые в рамках единого информационно-коммуникативного поля, границы «своего» и «чужого» постепенно стираются, среди различных групп распространяются однообразные стандарты и символы. В этих условиях идентичность неизбежно претерпевает изменения, приобретая ряд новых, не свойственных данной культуре оттенков [6, с. 329].

Такие изменения отражаются не только в сфере деловой коммуникации. Влияние глобализации и «маркетизации» академической среды приводит к определенной смене ориентиров, что проявляется в разной степени и на разных уровнях в национальных академических дискурсах.

Являясь в определенном смысле контактной зоной, в которой встречались и встречаются различные философские, культурные и языковые нормы, чешский язык науки развивался под влиянием немецкой и русской традиций, опираясь при этом и на собственные источники (Пражский лингвистический кружок). Интеграция европейских посткоммунистических государств (Чехия, Польша, Венгрия, Румыния, Болгария) в сферу европейской и мировой науки сопровождалась объективной необходимостью следовать требованиям международного сообщества, определяющего критерии и форму презентации результатов научного исследования. Под влиянием английского языка, ставшего «новой латынью» [7, с. 11], доминанты чешского национально-коммуникативного стиля (эксплицитность, рациональность, точность, нейтральность, личностная ориентированность, специфичность) стали по-новому проявляться в конкретных образцах академического дискурса, отражая расхождения с немецкой, английской и русской традициями [8]. В “The Semiperiphery of Academic Writing” [9] автор приводит интересную статистику, анализируя научные труды чешских ученых, и проводит параллели между чешской и англоязычной традицией академического письма.

Стремление интегрироваться в мировую науку и желание быть понятым мировым научным сообществом не должно лишать ученого индивидуальности в момент презентации результатов его исследования, однако при этом очень важно учитывать культурную специфику академической ситуации конкретной страны, дабы избежать «обманутых ожиданий» и обусловленной межкультурными несовпадениями негативной оценки работы коллегами. Эффективность общения будет определяться и правильным выбором стратегии коммуникации с учетом специфики национального коммуникативного стиля

Стандартизация процесса коммуникации не гарантирует успех, поскольку принадлежность участников к различным лингвокультурам приводит к различному декодированию высказывания. Коммуникативный сбой может возникнуть на всех уровнях: семантическом, грамматическом, прагматическом и когнитивно-культурологическом, — что объясняется наличием лакун функционально не первого языка.

В ситуации межкультурного диалога принципиально важно выделять прагматический и социокультурный контекст, чтобы правильно определить характеристики коммуникантов, влияющие на эффективность процесса.

«Точно так же, как бывают языковые акценты, бывают акценты и в отношении культуры, являющиеся следствием интерференции сталкивающихся моделей поведения, и от них бывает так же трудно (или нежелательно) избавляться, как и от языковых акцентов...» [10, с. 63].

Один из коммуникантов передает сообщение, представленное в вербальном, а также паравербальном и невербальном кодах. Оно поступает на фильтр другого коммуниканта, каковым является его культурная картина мира. Одновременно на фильтр поступает информация по контекстуальному каналу: из социокультурного контекста и из ситуационного контекста [6, с. 334]. Различные виды информации, поступающие по разным каналам, вступают во взаимодействие с фоновыми знаниями, ценностными

ориентациями и контекстом жизненного опыта. Следовательно, адекватное вербальное и невербальное реагирование на ситуацию возможно только в случае полного понимания реципиентом коммуникативного намерения говорящего. Это практически нереально, если коммуниканты общаются на функционально не первом языке, поскольку отклонения от языковой нормы не симметричны и в сочетании с «конфликтными моментами», возникающими в силу незнания или не точного знания явлений иной культуры могут привести к коммуникативной неудаче. При этом следует различать «non-hearing — реципиент не слышит речь, non-listening — слышит, но не слушает, mis-hearing — слышит не так» [3, с. 40].

В случае диалога, осуществляемого носителями славянских языков на английском, основной причиной коммуникативных неудач становится лингвокультурная интерференция (далее — ЛКИ).

Лингвокультурной интерференцией обозначают полное или частичное несовпадение культурных коннотаций одного языка с культурными коннотациями других языков, контактирующих друг с другом. Источником этого подвида интерференции выступают несовпадающие лингвокогнитивные картины мира разных культур, и механизм ее элиминации реализуется благодаря формированию отсутствующих, «надстраиванию» недостающих и коррекции искаженных знаний о иноязычной культуре на лингвистическом, дискурсивном и социокультурном уровнях [11, с. 4].

Остановимся на некоторых особенностях проявления ЛКИ на лингвистическом, дискурсивном и социокультурном уровнях.

Очень важно не смешивать понятия языковой (лингвистической) интерференции и лингвокультурной. Явление интерференции изучается давно и во многих аспектах: для лингвистики важно установить причины интерференции; для методики — определить эффективные пути устранения ошибок, а в психолингвистике интерференция рассматривается как актуализация не необходимого, а более устойчивого ранее сформированного навыка. При этом отмечается, что интерференция может проявляться буквально с первых занятий новым языком. В случае с ЛКИ знание языка должно быть достаточным для того, чтобы общение с носителями языка проходило свободно. У партнеров в сферах делового и научного общения предполагается приблизительно одинаково высокий уровень владения английским языком, несмотря на то что он является для них функционально не первым. Но при этом возможные отклонения от языковой нормы не будут одинаковы — асимметрия обусловлена воздействием родного (функционально первого языка).

На лингвистическом уровне ЛКИ проявляется:

а) в акцентологии — носители чешского языка хорошо различают долготу/краткость гласных звуков, но и в английских словах привычно делают ударение на первом слоге (а для русского реципиента именно ударный слог становится начальным сегментом речевого сигнала и когнитивной проверки на совпадение);

б) в редукации гласных — очень часто наблюдается у носителей русского языка;

в) в воспроизведении интонационных конструкций родного языка — характерно для всех участников диалога, особенно при достаточно высоком темпе речи;

г) в ассоциативной асимметрии — сбой связи «концепт — слово» приводит к тому, что в потоке речи проскальзывают слова другого языка;

д) в лакунах в лексиконе — сначала «национальные» учебники английского языка, а потом реальные практические потребности формируют разный лексический запас у чешских и русских участников коммуникативного акта.

Интересно отметить, что в случае, когда общение происходит на языке-посреднике, грамматические недочеты и ошибки реже ведут к коммуникативным неудачам. «Как правило, сбой грамматического уровня компенсируется базой ситуации, на которую опираются и говорящий, и реципиент».

«База ситуации» включает в себя два аспекта:

1. Прагматические параметры ситуации — характеристика участников речевого акта, социальные роли коммуникантов, их эмоциональное состояние, степень официальности общения, стандартность обстановки etc.

2. Социокультурный фон — «от того, в какой этнолингвистической среде и каком культурном социуме был усвоен функционально не первый язык, напрямую зависят фоновые знания личности и актуализация индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов» [3, с. 65].

Рассмотрим их с точки зрения проявления ЛКИ на дискурсивном и социокультурном уровнях. «Результат коммуникации представляет собой итог реализации определенной дискурсивной стратегии» [12, с. 82]. Во многом он зависит от установок коммуникантов. Для коммуникации с использованием English в качестве языка-посредника наиболее продуктивной является кооперативная стратегия коммуникации, которая, в отличие от стратегии конфронтации, отражает английскую систему ценностей и конвенций — демонстративная вежливость, сдержанность, контроль над эмоциями и стремление сгладить «острые углы». И поскольку эти черты свойственны также коммуникативному поведению чехов, то им легче дается освоение определенных речевых тактик. Коммуникативное поведение русских в ситуации англоязычного общения требует большей корректировки коммуникативно-психологических установок.

Будет ли итог коммуникативного акта успешным, зависит не только от числа коммуникативных неудач, но и от обоюдного желания говорящего и реципиента их преодолеть, несмотря на ряд объективных, внешних, или субъективных, внутренних, помех общения. Отказ хотя бы одного из партнеров коммуникации от усилий по созданию совместного дискурса приводит к коммуникативной неудаче, временной или окончательной [3, с. 61].

Построение дискурса на языке, не являющемся функционально первым для всех участников коммуникации, имеет ряд особенностей: с одной стороны, он достаточно стандартизирован и мало вариативен, с другой — не слишком предсказуем.

Роли автора/реципиента постоянно меняются, при этом оба должны приспосабливаться по ходу развития перспективы высказывания к тому, что придется использовать различные стратегии речевого поведения:

а) задавать уточняющие вопросы;

б) менять формулировки (в т. ч. и их звуковую форму);

в) открыто признаться в непонимании смысла высказывания;

г) заполнять лакуны в своем лексиконе, используя слова из лексикона партнера;

д) понимать (и принимать) отклонения от языковой нормы и т. д.

Основной доминантой для успешного коммуникативного акта на функционально не первом языке является, на наш взгляд, установка на осознание разницы между собственным культурно-интеллектуальным фоном и культурно-интеллектуальным фоном, которым обладает реципиент. Подобное осознание меняет лингвоповеденческие стратегии коммуникантов, адаптируя их высказывания практически по всем параметрам: звуковому, интонационному, лексическому, грамматическому [13, с. 271].

Осознание разницы культурно-интеллектуального фона затрудняется использованием общего языка-посредника, диктующего свои законы построения дискурса, однако национально-культурная специфика проявляется в процессе переговоров независимо от используемого *lingua franca*. Определяющими, на наш взгляд, являются такие культурные параметры, как дистанция власти, коллективизм/индивидуализм и стремление избегать неизвестности.

Чешские культурные стандарты [14] предполагают ориентацию на отношения, стремление избегать конфликтов, пересечение формального и неформального уровня общения, сильный коммуникативный контекст, умение работать в условиях многозадачности и хорошую адаптивность. В деловой коммуникации это проявляется в том, что доброжелательная атмосфера и хорошие отношения с партнером важнее, чем содержание обсуждаемых проблем; значительная часть информации остается не выраженной вербально; переговоры проходят в довольно быстром темпе, и чешская сторона ориентируется на долгосрочное сотрудничество и двустороннюю выгоду.

Русский стиль ведения деловой коммуникации характеризуется в чешских источниках [4] как некая смесь европейского, советского, а временами восточного и мусульманского. Отмечается обязательное наличие команды, жесткая иерархия и важность формального статуса. В отношениях считают компромисс признаком слабости, в переговорах занимают жесткую позицию, любят тянуть время и предпочитают схему «победитель – проигравший».

Интересно отметить, что самым ярким культурным отличием американских деловых партнеров чехи считают желание выиграть все переговоры любой ценой, преувеличенную самоуверенность, неформальный стиль ведения переговоров. Наибольшим препятствием в коммуникации становится преувеличенная формальная вежливость, неспособность пойти на уступки, признать собственные ошибки, нежелание озвучить свою истинную точку зрения, стремление оставаться позитивным в любой ситуации.

Распространенность английского языка как средства международного общения, несомненно, облегчает задачу участникам коммуникации в любой сфере, поскольку хорошего знания одного языка может быть достаточно для решения определенных задач. Однако осуществлять эффективную деятельность в поликультурной среде невозможно без понимания специфики общения на функционально не первом языке, так

как в этом случае «участники процесса воспринимают друг друга через призму чуждого им языка и неких особенностей англоязычных культур, подсознательно ассоциируемых с ним» [15, с. 111]. Говоря о современном влиянии англо-американской лингвокультуры на русскую, необходимо помнить, что русская корпоративная культура полностью ориентируется на американскую, которая у современного носителя русского языка ассоциируется с высокими стандартами ведения дел, лучшими мировыми образцами. Современной русской лингвокультурой заимствуются и некоторые черты американского национального характера («позитивное мышление», культ обложки, культ обертки и культ первого впечатления) [16].

Рассмотрев «моносоциумную» (деловая/академическая среда) межкультурную (славяно-славянский диалог) коммуникацию с использованием языка-посредника (английский), можно сделать следующие выводы:

1. Причиной коммуникативной неудачи в ситуациях с заданными шаблонами поведения является лингвокультурная интерференция на социокультурном уровне, проявляющаяся в переносе определенных стереотипов на партнеров по коммуникации.

2. Знакомство с основами лингвокультурной медиации и повышение уровня языковой компетенции играет позитивную роль в развитии коммуникации в деловой сфере, хотя пока остается открытым вопрос о влиянии выбора языка-посредника на успешность проведения славяно-славянских переговоров.

3. Знание актуальных тенденций и понимание специфики национального академического дискурса формирует адекватное представление о способах презентации результатов научных исследований, дает ученому возможность успешно интегрироваться в мировое научное сообщество и позволяет ощутить себя поликультурной личностью, способной к эффективной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
2. Хангтингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
3. Пуссинен О. Типы коммуникативных неудач при владении русским языком в качестве функционально непервого // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. С. 32–69.
4. Gullová S. Mezinárodní obchodní a diplomatický protokol. Praha : GRADA, 2013.
5. Šronek I. Kultura v mezinárodním podnikání. Praha : GRADA Publishing, 2001.
6. Морозова И. Взаимодействие языков и социокультурная идентичность в условиях современного мультикультурного общества // Езикът и културата в съвременния свят : сб. с материали от Международна научна конференция, Бургас, 22–23 юни 2012. С. 329–338.
7. Šesták Z. Jak psát a přednášet o vědě. Praha : Academia, 2000. 234 p.

8. Белоусова В. В. Чешский язык для специальных целей: проблемы и перспективы интеграции в европейское академическое пространство // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Т. 2. МГИМО–Университет Москва, 2017. С. 159–163. URL: http://inno-conf.mgimo.ru/i/inno-magic-2017_tom-2.pdf
9. Dontcheva-Navratilova O. The changing face of Czech academic discourse. In: Karen Bennett. The Semiperiphery of Academic Writing. Great Britain : Palgrave Macmillan, 2014. P. 39–61.
10. Хауген У. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 61–80.
11. Тимачев П. В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. В. Тимачев. Волгоград, 2005. 17 с.
12. Афанасьева Л. А. «Зоны риска» для успешного результата коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. С. 79–82.
13. Мустайоки А. Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории // Л. А. Вербицкая и др., ред. Русский язык и литература во времени и пространстве : XII конгресс междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Т. 2. Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. С. 269–281.
14. Nový I., Schroll-Machl S. : Spolupráce přes hranice kultur. Praha : Management press, 2005.
15. Полуяхтова С. В. Феномен интерференции в иноязычной профессиональной межкультурной коммуникации // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 108–111.
16. Григорян А. Э. Следы англо-американского лингвокультурного влияния в русском языке и речи // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 107–115.

Логинова Полина Гарриевна,

кандидат филологических наук, преподаватель французского языка, кафедра международной коммуникации, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва, polina-loginova@inbox.ru

УДК 81:39 =112.2 =161.1

Вербальный имидж Эмманюэля Макрона как средство формирования образа главы французского государства

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических особенностей политического дискурса Эмманюэля Макрона. Лингвокогнитивному анализу подвергнуты фрагменты речи французского президента в ходе его публичного выступления в Бундестаге (немецкий парламент.– П. Л.) в Берлине 18 ноября 2018 года. Обозначены отличительные характеристики риторики французского лидера, и проведен анализ когнитивных аспектов нестандартного механизма его коммуникации, определивший актуальность исследования. Посредством лингвокогнитивного анализа политического дискурса французского президента (вычленению интертекстуальности, выделению лексических инноваций, коннота-

тивных лексем, метафор и эпитетов), сделан вывод о формировании нового стиля «лингвистического поведения» французского лидера.

Ключевые слова: политический дискурс, Эмманюэль Макрон, лингвокогнитивный анализ.

Paulina Loginova

Candidate of Sciences in Philology, International communication department, Faculty of world politics, Moscow Lomonosov State University, Russia, Moscow, polina-loginova@inbox.ru

Cognitive analysis of the peculiarities of Emmanuel Macron's verbal behaviour

Abstract. The paper goes on analysis of the peculiarities of E. Macron's political discourse. The author analyses speech of the french president at Bundestag in Berlin on 18th of November 2018. Within the frame of cognitive viewpoint, it is attempted to distinguish peculiar linguistic features of E. Macron's political discourse. It is noted that such emphasized features as dynamism, creativity and intellectualism that characterize his political discourse influence social consciousness by modelling the relative attitude towards his personality. Verbal behavior of the acting french president is considered to be a kind of mental and flexible instrument that influences the unconscious and stimulates the increase of his political power.

Key words: political discourse, Emmanuel Macron, linguistic units, paroemia, metaphor.

Политическая коммуникация, как политическая лингвистика в целом, наравне с отдельной риторикой политического лидера, представляет собой синтез коммуникативно-информационных систем, служащих для реализации информационного обеспечения политических процессов социума. Понятие политического дискурса рассматривается как многоаспектный феномен, синтез экстралингвистических, социокультурных, прагматических и когнитивных процессов. Охватывая единицы как вербальной, так невербальной и перформансной коммуникации, вербальная составляющая политического дискурса, а именно дискурса Эмманюэля Макрона, действующего французского президента, являющаяся объектом исследования настоящей работы, включает в себя речи, выступления, интервью, дебаты, дискуссии и переговоры.

Анализ особенностей дискурса политических лидеров и выявление их отличительных характеристик представляет собой одну из последних тенденций в области дискурсивного анализа, что определяет актуальность работы. Несмотря на то, что исторически именно выступления членов британского парламента представляют собой идеальный образец политической риторики, следует подчеркнуть огромную роль именно французского языка, доминировавшего в го-сударственном управлении Великобритании на протяжении более трехсот лет. К примеру, практически вся терминология государственного управления в английском языке этимологически восходит к латыни и французскому языку в силу того, что законотворчество осуществлялось на латинском языке. Понятия составляющих системы управления появились во время нормандского завоевания: лексемы government (англ.) — gouvernement (фр.), parliament (англ.) — parlement (фр.)

Президент Французской Республики Э. Макрон, рассматриваемый экспертами как «политтехнологический “феномен Франции”», задавший после вступления в должность президента высочайший темп работы, не свойственный ранее французской дипломатии, представляет собой загадку как для политологов, так и для лингвистов и становится пристальным объектом изучения политической лингвистики. Немаловажную роль в этом играют особенная, несравнимая с предшественниками Э. Макрона, риторика и речевое поведение политика. Изучение когнитивных аспектов нестандартного механизма политического дискурса действующего французского президента представляется необходимым при определении тенденций политической коммуникации в целом, что свидетельствует об актуальности работы. Несмотря на политический вес исследуемого государственного деятеля, работ, нацеленных на скрупулезный анализ особенностей риторики Э. Макрона, в настоящий момент развития политической лингвистики, немного, что также свидетельствует об актуальности настоящего исследования.

В России политическая лингвистика широко изучается в разных ракурсах, сочетая в себе лингвистический, когнитивный, социологический, психологический подходы и становится предметом исследования работ В. Н. Базылева, А. Н. Баранова, О. И. Воробьевой, В. И. Карасика, В. А. Масловой, Л. В. Минаевой, Д. В. Шапочкина, А. П. Чудинова и прочих ученых. В настоящей работе под политической лингвистикой, вслед за А. П. Чудиновым, понимаем «анализ стратегий, тактик и приемов политической коммуникации, исследование композиции, лексики и фразеологии политических текстов, использование в них разнообразных образных средств» [1, с. 9]. Понятие «политического дискурса» трактуется как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям» [1, с. 8] и «сложное соединение вербальных, невербальных и перформансных способов передачи информации и воздействия на общественное мнение» [2, с. 86].

Вслед за Л. В. Минаевой, нами выделяются такие функции политического дискурса, как «персуазивная (функция убеждения), информативная, аргументативная, персуазивно-функциональная (создание убедительной картины лучшего устройства мира), делимиативная (отличие от иного) и групповыделительная, подразумевающая содержательное и языковое обеспечение идентичности» [2, с. 8]. Все вышеобозначенные функции политического дискурса в полной мере свойственны особенностям речевого поведения Э. Макрона, исследуемым ниже.

Объект исследования представляет собой вербальная составляющая политического дискурса Эмманюэля Макрона. Лингвокогнитивному анализу подвергнуты фрагменты речи президента в ходе его публичного выступления в Бундестаге (немецкий парламент. – *П. Л.*) в Берлине 18 ноября 2018 года, представляющего собой «профессионально-политический субдискурсивный тип политического дискурса» [2, с. 9]. В определении субдискурсивного типа мы опирались на теорию Л. В. Минаевой [2, с. 7–9].

Целью работы является дополнение уже имеющихся в политической лингвистике работ, посвященных анализу отличительных характеристик риторики Э. Макрона и политической коммуникации в целом наряду с попыткой определения и разработки так называемого «президентского стиля» Э. Макрона с выделением ключевых особенностей его политического дискурса.

В структуре политического имиджа, являющейся неотъемлемой частью «президентского стиля», заложены персональные, социальные и символические группы характеристик. Как отмечает Т. Э. Гринберг, «имидж подчеркивает специфичность и уникальность объекта, чем принципиально отличается от стереотипа, который обобщает, интегрирует, а не индивидуализирует явления» [3, с. 140]. В состав структуры политического имиджа входят персональные характеристики политического деятеля, включающие «физические и психофизиологические особенности, профессиональные особенности (умение убеждать, опыт, интеллект), наличие харизмы; социальные характеристики (авторитет, известность, статус); символические характеристики (биография, идеология, программы, мировоззрение, культурные архетипы)» [3, с. 143–145]. Однако, согласно Л. В. Минаевой, «не умаляя значения средств, используемых для создания визуального образа политического деятеля, чрезвычайно важное место в процессе конструирования его имиджа принадлежит речи» [2, с. 180]. Политическая риторика должна являться образцом культуры поведения и быть этически корректной.

Итак, рассмотрим и выделим отличительные особенности речевого поведения Э. Макрона с попыткой дать характеристику политическому дискурсу французского президента на базе указанного выше лингвистического материала (а именно публичного выступления французского лидера в Бундестаге в Берлине 18 ноября 2018 года).

Анализируемое выступление относится к категории информационных политических речей и соотносится с монологическим жанром. В результате анализа указанного публичного выступления выделен следующий языковой инструментарий, используемый французским президентом и характеризующий его политический дискурс:

1. Изобразительно-выразительные средства языка (эпитеты, метафоры, образные выражения, коннотативные лексемы, сравнения, олицетворения, гиперболы, аллюзия; частотны лексемы, употребленные в переносном смысле).
2. Явление интертекстуальности (опосредованность текста выступления межтекстовыми отношениями).
3. Лексические авторские инновации.
4. Специфика употребления личного местоимения первого лица «je», «я».

Рассмотрим каждый из указанных пунктов на базе исследованного лингвистического материала.

Коннотативная лексика, образные выражения, метафоры придают дискурсу Э. Макрона особую убедительность, выразительность и колоритность, определяя индивидуальный речевой стиль французского лидера. Согласно В. А. Масловой, «речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во “вселенную” мнений и оценок (то есть во все множе-

ство внутренних миров) его адресатов, “потребителей” политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию» [4, с. 2].

Метафоре отводится особая роль в политическом дискурсе Э. Макрона, данный стилистический феномен является в своем роде отражением национальной системы ценностей государства. Как отмечает Л. В. Минаева, «рассмотрение метафор позволяет реконструировать концептуальные структуры в сознании создателя речевого сообщения, которые были использованы для достижения определенных политических целей» [2, с. 191]. Метафоры выступают в качестве определенных средств манипулирования общественным сознанием и используются в политическом дискурсе с целью приукрашивания реальной картины происходящего и налаживания контакта с аудиторией. Французский президент использует данное стилистическое средство, в частности, с целью воздействия на сознание аудитории и моделирования определенной политической реальности.

Приведем соответствующие примеры изобразительно-выразительных средств языка (а именно образных выражений, метафор, коннотативной лексики), встречающихся в текстах рассматриваемого политического выступления (*здесь и далее перевод примеров автора статьи, если не указано иное*).

В ходе своей речи в Бундестаге в Берлине по случаю Народного дня скорби Э. Макрон, говоря об ужасах войн, следующим образом характеризует врагов немецкого народа, образно именуя их «кровавыми демонами национализма»: *«l'Allemagne n'a pas renoncé à être elle-même; le miracle allemand est au contraire cette faculté de tout un peuple a conjurer les demons sanguinaires du nationalisme»*, «Германия не изменила самой себе, — уникальность немецкого народа заключается в том, что, в отличие от прочих государств, Германия не заклеила кровавых демонов национализма» [5].

Экспрессивной и колоритной представляется идиома *«sauver des enfers»*, дословно означающая «спасти из ада», употребленная президентом в следующем контексте: *«C'est cette Allemagne des philosophes, des savants, des ingénieurs et des poètes, des artisans et des capitaines d'industrie que vous avez su sauver des enfers où votre pay savait longé»*, «Германия — страна великих философов, ученых, инженеров, поэтов, промышленных гигантов, спасенных вами из настоящего ада, в который была буквально погружена ваша страна» [5].

Любопытно такое образное выражение, также употребленное Э. Макроном в ходе данного выступления, как *«lucidité de la réconciliation»*, дословно «свет перемирия»: *«Après les erreurs de l'après 1918, nous avons su trouver en 1945, ensemble, la force, la grandeur et la lucidité de la réconciliation»*, «После всех ошибок 1918 года мы смогли найти в себе силы прийти к светлому перемирию» [5]. Метафоричное употребление языковой единицы *«lucidité»*, «ясность сознания, «проблеск», «свет», которая представляет собой своего рода коннотативную лексему, весьма часто встречается в ходе различных речевых выступлений французского президента, свидетельствуя о высокопарности его речи и придавая выступлениям французского лидера убедительность и экспрессивность.

Интертекстуальность (включение в текст фрагментов прочих текстов, цитат) представляется весьма частотным в политической коммуникации и является мощным инструментом воздействия на аудиторию, позволяя осуществлять манипуляцию сознанием индивидов. «Обращение к другому тексту наряду с внедрением его определенного элемента в исходный собственный текст позволяют политику обозначить его идеологические принципы и культурные ценности, а также сделать его речь более информативной и убедительной» [2, с. 197], что в полной мере свойственно политическому дискурсу действующего Президента Пятой Республики.

В статьях французских журналистов и политологов отмечается, что политическому дискурсу Э. Макрона свойственно цитирование философов и деятелей культуры [6, 7]. В отличие от Ш. де Голля, также обращавшегося к цитированию, Э. Макрон предпочитает ссылаться на менее знаменитых ученых, но не менее авторитетных. В политическом дискурсе цитаты знаменитых политиков рассматриваются как своего рода «аргумент к авторитету» [2, с. 198], усиливая позиции при отстаивании своей идеологии политическими деятелями. Цитирование философов, отсылка к великим ученым, как отмечает лингвист Мариэтте Дарригран (Marianne Darrigrand), придаёт политическому дискурсу Э. Макрона и, как следствие, самой политике президента «концептуальное ядро»: «Il faut faire crédit à Emmanuel Macron de remettre du conceptuel dans la politique, ce qui est important pour penser la société» [6]. «Надо отдать должное Эммануэлю Макрону, что он привнес в политику некую новую концептуально значимую составляющую, что очень важно, когда думаешь об обществе». Французский эксперт отмечает, что благодаря Э. Макрону французский язык обрёл свою былую красоту: «Un peu cuistre, Emmanuel Macron, qui court le risqué de ne pas être compris du plus grand nombre? Point du tout, répondent les linguists que nous avons interrogés heureux devoir la langue française élevée si haut», «Будучи немного педантом, не рискует ли Э. Макрон не быть понятым большинством населения? Ничуть нет; лингвисты, которых мы опросили, лишь счастливы в связи с тем, что французский язык в лице Э. Макрона поднялся на такой высокий уровень», – отмечает французский журналист Натали Шак [7].

Говоря о «европейском единстве», Э. Макрон употребляет следующее метафоричное высказывание: «*Ce sentiment européen existe parmi nous, responsables politiques; il est le quotidien de nos institutions et de nos entreprises; il dessine l'horizon de notre jeunesse et des peuples*» [5], «Это чувство единства, пронизывающее нас, европейцев, свойственно нам как людям, определяющим ход политического развития; оно неразрывно связано с нашими институтами власти и нашими корпорациями; оно (данное чувство. – П. Л.) очерчивает горизонты нашей молодости и наших народностей». На примере рассматриваемого монолога президента, исследуя метафоричный характер его речи, думается возможным сделать вывод о своеобразной, свойственной лишь ему одному, поэтике политического дискурса как отличительной особенности его риторики.

Лингвистического внимания в анализируемом выступлении заслуживает также колоритная метафора, употребленная президентом в рамках следующего контекста: «La France vit en revanche *dans la nostalgie d'un club des six, en oubliant qu'il l'effrayait déjà*

quand il s'est mis en place dans les années 60» [5], «Однако же Франция продолжает свое существование, ностальгируя и с грустью вспоминая о временах клуба большой шестерки (Сб. – П. Л.), забывая о том, что он (клуб) являлся, по сути, весьма устрашающим для Франции с момента своего основания в 60-е годы». Употребление метафор подобного рода придает политическому дискурсу французского лидера философскую содержательность, в связи с чем представляется возможным сделать вывод о формировании нового стиля «лингвистического поведения» Э. Макрона, отличающего действующего французского президента от своих предшественников.

Среди колоритных эпитетов, встречающихся в анализируемом политическом выступлении, своей поэтичностью особо выделяются следующие: «*le fanatisme sans repères*», «безграничный фанатизм»; «*les formidables acquis de la modernité*» [5], «выдающиеся достижения современности». Использование вышедшей из употребления, устаревшей лексемы «formidable», свойственной французскому литературному языку XIX века и встречающейся в произведениях Ги де Мопассана, А. Дюма (сына. – П. Л.) также частотно для дискурса Э. Макрона. С целью придания еще большей значимости дружественным отношениям между Францией и Германией, в выступлении в Бундестаге Э. Макрон следующим образом характеризует дружбу между данными государствами, изящно употребляя поэтичное определение «*indéfectible*», «верный», «нерушимый»: «*le peuple français ait pu venir réaffirmer son amitié indéfectible pour le peuple allemand*», «французскому народу в полной мере удалось вновь доказать свою безграничную дружбу и преданность народу Германии».

Речь Э. Макрона в Бундестаге буквально «пронизана» интертекстуальностью. Цитирование ученых и деятелей культуры придает речи политика больше достоверности и мысленно перенаправляет аудиторию к другой реалии (в данном случае к великому И. В. фон Гёте) и служит сильным инструментом политического воздействия на аудиторию): «Etre ici, en ce jour particulier, tĳmoigne de ce chemin fait ensemble, car nous retournant sur nos pas, nous pouvons affirmer que nous avons rĳpondu avec force a la cĳlĳbre injonction de que Goethe: “*Und so, ũber Gräber vor wärts*”, “*Par-delà les tombes, en avant!*”» [5], «Быть сегодня здесь, выступать перед вами в этот особенный день, означает пройденный вместе путь, – оглядываясь назад, мы можем смело утверждать, что исполнили завет Гёте: “По ту сторону могилы, вперед же!”» (ср. с русск. «Отступать некуда, позади Москва!»).

Цитирование Гёте применяется Э. Макроном с целью усиления идеологического содержания своего выступления, реализуется своего рода побудительная стратегия. Подчеркивая свою сопричастность к высказываниям великих ученых, отсылка, или «аргумент к авторитету», прослеживается также в следующей фразе Э. Макрона из этого же выступления: «*Nous avons ensemble, durant ces dernières décennies, fait du rêve d'Erasmus, de Goethe, de Hugo et de Zweig une réalité*» [5]. «В течение всех прошлых десятилетий мы воплотили мечту Эразма Роттердамского, И. В. фон Гёте, В. Гюго, С. Цвейга в реальность». Внимание аудитории приковывает также высокая интеллектуальная составляющая и высокопарность речи политика.

С целью произвести мощное впечатление на аудиторию, вызвать доверие и продемонстрировать свой высокий интеллектуальный уровень, Э. Макрон, завершая свой монолог, обращается к Э. Штадлеру, цитируя отрывок из произведения писателя «Пробуждение», написанного в 1913 году: *«Peu avant de mourir, Stadler avait publié son recueil, Der Aufbruch, où on lit ces vers d'une humanité singulière: "Vielleicht würden uns am Abend Siegesmärsche umstreichen, Vielleicht lägen wir irgendwo aus gestrecktunter Leichen. Aber vordem Erraffen und vordem Versinken Würden unsre Augensich an Welt und Sonnesatt und glühend trinken."»*, *«Peut-être le soir serions-nous cernés de défilés victorieux. Peut-être girions-nous quelque part, démembrés, sous les cadavres. Mais avant l'empoignade et avant le naufrage nos yeux se seraient ardemment rassasiés du monde et du soleil»* [5],

«Незадолго до смерти Э. Штадлер опубликовал сборник своих произведений "Пробуждение", где мы читаем об уникальном характере человеческой природы:

«Возможно, вечером победные мы будем слушать марши,

А может быть, стервятники клевать будут тела наши.

Но прежде чем судьба распорядится,

Земною жизнью и светом Солнца мы успеем насладиться» [8].

Упоминание в своем выступлении великих государственных деятелей, в том числе своих предшественников, свидетельствует о высокой самооценке лидера Пятой Республики и создает новое смысловое позиционирование монолога: *«Mais je pose ces deux questions: est-il préférable de rester en fermés dans nos immobilismes? Surtout je demande: était-ce plus facile pour ceux qui nous ont précédés? Pour Briand et Stresemann, pour Adenauer et de Gaulle, pour Mitterrand et Kohl?»*, «Я продолжаю задаваться двумя вопросами: зачем же нам продолжать погрязать в своей косности и безынициативности, но самое главное, я спрашиваю себя: оставались ли таковыми наши великие предшественники, а именно А. Бриан. Г. Штресеман, Ш. де Голль, Ф. Миттеран, К. Аденауэр и Г. Коль?»

Присутствие в политическом дискурсе Э. Макрона лексических авторских инноваций, несочетаемых лексем и словосочетаний придают риторике президента определенный динамизм, энергетику и выглядят нестандартно с точки зрения стилистики.

В выступлении в Бундестаге Э. Макрон употребляет такие словосочетания, как *«multilatéralisme commercial, sécuritaire, migratoire et environnemental»* [5], «многосторонний, широкий подход к вопросам торговых взаимоотношений, проблемам международной безопасности, вопросам миграции и защиты окружающей среды»; *«l'art du contournement»* [5], дословно «искусство обходить острые углы», «виртуозно преодолевать препятствия»; *«lot d'hésitations»* [5], «преимущество неопределенности, выжидательная позиция»; *«le narcissisme mortel de nos petites différences»* [5], дословно «смертельная самовлюбленность наших маленьких различий», подразумевающее отсутствие широты взглядов и толерантности. Употребление вышеуказанных колоритных несочетаемых лексем представляет собой гибкий механизм воздействия на психику аудитории и свидетельствует о виртуозном владении ораторским искусством и нестандартном мышлении, наряду с высоким уровнем интеллекта французского президента.

Речевое поведение Э. Макрона отличает также весьма частое употребление личного местоимения первого лица единственного числа «je», «я». В соответствии с данными работы Aude Lorgiaux [9], Э. Макрону более, чем другим политическим деятелям, свойственно употребление местоимения «я» в своих выступлениях. Например, только на первой странице своей речи в Бундестаге, лексему «je» Э. Макрон употребляет 6 раз: «*Je regarde ce lieu, je regarde vos visages et je songe à notre histoire*», «Я смотрю на это место, я смотрю на ваши лица, и я думаю о нашей истории»; «*J'y songe particulièrement en ce jour de deuil populaire ...*», «Я особенно думаю о ней (нашей истории. – прим. П. Л.) в этот день всенародного траура»; «*Me voici ici devant vous et je vous le dis avec respect: je vous reconnais bien là*», «Я стою перед вами, и я говорю вам с огромным уважением: французский народ с вами» (дословно: я признаю вас. – П. Л.).

Думается, что такое частое употребление лексемы «je», «я», может свидетельствовать о продуманной стратегии политической коммуникации французского лидера, целью которой является акцентирование внимания на собственной персоне, а также уверенности в непоколебимости собственного авторитета, что свидетельствует о высокой самооценке действующего Президента Пятой Республики.

Таким образом, осуществив лингвистический анализ выступления Э. Макрона перед немецким парламентом, думается возможным выделить следующие отличительные черты политического дискурса французского лидера.

Риторике Э. Макрона свойственно обращение к своим предшественникам, цитирование ученых, отсылка к авторитетам, то есть явление интертекстуальности, что представляет собой мощный инструмент воздействия на аудиторию, позволяя осуществлять в той или иной мере манипуляцию сознанием общества. Представляется возможным сделать вывод о постмодернистской тенденции политического дискурса действующего французского лидера.

Употребление изобразительно-выразительных средств языка, а именно метафор, эпитетов, ярких определений, стилистически маркированных языковых единиц и коннотативной лексики, придает красоту дискурсу Э. Макрона, иллюстрирует любовь французского президента к своему родному языку, буквально «врезаясь» в память аудитории. Французскому президенту свойственна гибкость, нестандартность мышления и подходов, отражающаяся в его политическом дискурсе. Смелость в создании лексических инноваций подчеркивает амбициозность, динамизм и энергетику государственного деятеля, говоря о желании достигать скорых результатов.

Анализ речевого произведения политического деятеля представляет возможным глубже проникнуть в природу взаимосвязи языка и политики, языка и власти. Вследствие политической коммуникации реализуется языковое воздействие, благоприятствующее достижению определенных политических установок, что является, в частности, одной из задач политики действующего французского президента.

Список использованной литературы

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Изд-во «Флинта» ; «Наука», 2006. 254 с.
2. Минаева Л. В. Речь в мире политики : монография. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. 224 с.
3. Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама : учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд., испр. М. : «Аспект Пресс», 2012. 280 с.
4. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика / ГОУ ВПО «УрГПУ». Екатеринбург, 2008. Вып. (1)24. С. 43–47.
5. Discours d'Emmanuel Macron devant le Bundestag. URL: <https://www.voltairenet.org/article204016>. Html (дата обращения: 26.01.2019).
6. Bilan Macron – Les trois langages du Président. URL: https://www.lesechos.fr/21/04/2018/lesechos.fr/0301526041916_bilan-macron---les-trois-langages-du-president.htm (дата обращения: 16.01.2019).
7. Parlez-vous le Macron? URL: <http://www.leparisien.fr/politique/do-you-speak-macron-02-02-2018-7538088>. Php (дата обращения: 16.01.2019).
8. Штадлер Э. Пробуждение (Перевод Бориса Крылова). URL: <https://www.stihi.ru/2012/08/30/5422> (дата обращения: 26.01.2019).
9. Le «je» d'Emmanuel Macron. URL: https://www.scienceshumaines.com/le-je-d-emmanuel-macron_fr_38469.html (дата обращения: 16.01.2019).

Зубанова Людмила Борисовна,

доктор культурологии, директор Института культурной политики и проектного менеджмента, профессор кафедры культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры, Россия, г. Челябинск, milazubanova@gmail.com

УДК 008/001.89

Культура и культурная политика в восприятии современной российской молодежи

Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ № 3200.2018.6), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Аннотация. В статье обобщаются результаты общероссийских опросов, проведенных в трех городах России (Москва, Екатеринбург, Челябинск). На основе результатов исследования осуществляется сравнительная диагностика функционирования различных аспектов восприятия современной культурной жизни молодежью: оценка культурного наследия и традиций; ценностное поле актуальной российской культуры (морально-нравственные ориентиры, основания интеграции, духовное единство); внимание государства к сфере культуры, фиксация основных проблем функциониро-

вания различных художественных направлений; представления о приоритетах осуществляемой государственной культурной политики.

Ключевые слова: культура России, культурная политика, современная молодежь, ценностные ориентации.

Lyudmila Zubanova

Doctor of Cultural Studies, Director of the Institute of cultural policy and project management, Professor of the Department of cultural studies and sociology, Chelyabinsk state Institute of culture, Russia, Chelyabinsk

Culture and cultural policy in the perception of modern Russian youth annotation

Abstract. The article summarizes the results of all-Russian surveys conducted in three cities of Russia (Moscow, Yekaterinburg, Chelyabinsk). Based on the results of the study, a comparative diagnosis of the functioning of various aspects of the perception of modern cultural life by young people is carried out: the assessment of cultural heritage and traditions; the value field of actual Russian culture (moral guidelines, the basis of integration, spiritual unity); the state's attention to the sphere of culture, fixing the main problems of the functioning of various artistic directions; ideas about priorities of the state cultural policy.

Key words: culture of Russia, cultural policy, modern youth, value orientations.

Культура и политика — сферы, воспринимаемые в обыденном сознании скорее по линиям разграничения, чем объединения. Так, нередко можно услышать, что культура должна быть «вне политики», «выше политики»; устойчивы представления о вневременном значении культуры как универсального измерения — в противовес ситуативным и узко-прагматическим задачам политической сферы. Своеобразным соединяющим «мостом» здесь может рассматриваться культурная политика.

В определении смысла и значения культурной политики можно выделить трактовки, акцентирующие внимание на деятельностном характере порождения и регуляции ценностно-смыслового поля действительности (О. Н. Астафьева, С. Б. Синецкий); поддержании основ национальной и региональной идентичности (Н. М. Генова, И. В. Малыгина); создании путей и средств вовлечения человека в культурную жизнь общества, результатом чего определяется «интенсивность и качество социально-культурной деятельности, ее вклад в решение проблем конкретных социальных групп, а развитие инфраструктуры выступает как средство совершенствования культурной жизни» [1, с. 143].

Названные подходы не столько противоречат, сколько дополняют друг друга, обеспечивая сочетание фундаментально-концептуального — стратегического (задающего ценностно-смысловые образы будущего) и тактико-операционального (конкретные механизмы и технологии воплощения разработанных стратегий) направлений [2, с. 73].

Особую актуальность вопросы социокультурного регулирования (и в ценностно-смысловом значении, и в прикладных аспектах приобщения населения к культурной жизни) приобретают в отношении социально-демографических групп, с которыми

напрямую связываются как формирование инновационно-креативного потенциала социума, так и образы его будущего, — студенческой молодежи.

Студенчество видится исследователями «локомотивом перемен», активным субъектом социально-творческих преобразований, готовым к реальному отстаиванию собственных убеждений и интересов [3, с. 81].

И в этом контексте оценка студенческой молодежью культурного наследия и традиций; сценарии самоопределения молодых людей в ценностном поле актуальной российской культуры (морально-нравственные ориентиры, основания интеграции, духовное единство); представления о приоритетах осуществляемой государственной культурной политики могут рассматриваться как маркер актуальных социокультурных процессов современности.

В 2018–2019 годах автором были проведены общероссийские опросы студенческой молодежи в трех городах России: Москве, Екатеринбурге, Челябинске.

Выбранные города репрезентировали три типа социально-культурных локаций: центр культурной жизни (Москва), культурно-креативный деловой плацдарм (Екатеринбург) и индустриально-периферийный культурный локус (Челябинск). Всего в трех городах было опрошено 1750 респондентов — студентов ведущих вузов.

Первый блок вопросов касался общей оценки культуры России, значения культурного наследия и традиций для молодежи (табл. 1).

Таблица 1

Общая оценка культуры России, культурного наследия и традиций

Позиции ответов (суждения) ¹	Населенные пункты: ответы (%)		
	Москва	Екатеринбург	Челябинск
Важны, прежде всего, лично для человека, так как помогают лучше узнать свои традиции, понять самих себя, историю своей страны	73.18	75.00	69.66
Важны, прежде всего, для государства, так как помогают на государственном уровне продемонстрировать специфику страны и ее особенности на фоне других стран и иных культур	24.50	21.63	21.98
Просто существуют в нашей жизни, без каких-то особых задач	2.98	4.33	3.72
Только отягощают нашу жизнь «грузом прошлого», былых заслуг, не особо востребованных в современности	1.32	2.40	2.48

Ответы на данный вопрос во многом коррелируют с исследовательским выходом на диагностику оснований культурной идентичности современного студента, как

¹ Здесь и далее в таблицах представлено процентное распределение ответов без учета позиций: «затрудняюсь ответить», «другое», «нет ответа».

бы «вписывающего» себя в предшествующий и актуальный культурно-исторический опыт существования страны.

Оценка культурного наследия и традиций в предложенных ответах связывалась как с *лично значимым* уровнем идентификации (включенность индивидуальной биографии в коллективно-исторический контекст), так и с *внешне-презентационными* проявлениями (культура как значимый и уникальный ресурс позиционирования достижений). Как можно увидеть, результаты опроса демонстрируют выраженный индивидуальный уровень идентификации с образом страны, ее историей, культурой, традициями. При сравнении полученных ответов в трех городах не наблюдается существенных отличий.

Вполне предсказуемо, что ответы на подобные вопросы (близка ли человеку культура и традиции своей страны) вряд ли могут озвучиваться через форму явной дистанции или оппозиционности самоопределения. Поэтому в анкете были предложены уточняющие формулировки вопросов, конкретизирующие динамику отношения студентов к истории России и культурам народов России за последние три года. Наиболее популярными вариантами ответов стали: «интерес немного вырос», «интерес остался на прежнем уровне», «интерес гораздо вырос». Незначительный процент ответов (менее 5%) среди студентов всех городов был зафиксирован по отношению к позиции «интерес отсутствует». Заметно и то, что возрастающая динамика интереса к культурам народов России в наибольшей мере проявлена среди студентов Москвы (что вполне объяснимо, учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер населения столицы).

Демонстрируя в целом возрастающий интерес к истории, традициям и культурам народов России, среди опрошенных студентов во всех городах, было заметно явное снижение (или полное отсутствие) интереса к религиозной составляющей (табл. 2).

Таблица 2

Динамика отношения к религиям народов России за последние три года

Позиции ответов (суждения)	Населенные пункты: ответы (%)		
	Москва	Екатеринбург	Челябинск
Интерес к религиям народов России гораздо вырос	20.53	7.21	9.60
Интерес к религиям народов России немного вырос	21.19	17.31	21.98
Интерес к религиям народов России немного снизился	4.97	3.85	4.02
Интерес к религиям народов России гораздо снизился	1.32	0.96	4.33
Интерес к религиям народов России не изменился	32.45	38.46	25.08
Интерес к религиям народов России отсутствует	14.90	26.44	28.79

Осмысляя стратегии культурной политики применительно к аспектам межкультурного взаимодействия, А. Я. Флиер обобщенно выделяет охранительный тип (основанный на принципах абсолютизации/выраженного приоритета собственной культуры и религии) и трансформационный, или развивающийся, — продвижение принципов мультикультурализма, признание равноценности различных культур и, следовательно, культурных различий [4].

В достаточно обобщенном виде варианты полученных в ходе опроса ответов свидетельствуют о транслируемой установке современных студентов на развивающиеся, трансформационные стратегии — в противовес охранительным сценариям.

Так, приоритетными направлениями культурного развития, по мнению большинства респондентов (лидирующая тройка ответов по выборке в каждом из трех городов), стали:

- поддержка науки и инноваций, внедрение новых технологий в любых сферах (медицина, инженерия, информация и т. д.);
- увеличение разнообразия культурных инициатив, создание атмосферы свободы и творчества;
- развитие системы международных научных и учебных обменов, гастролей творческих коллективов, международных общественных контактов, международного туризма и т. п.

Напротив, наименьший процент ответов связывается со следующими позициями:

- сохранение самобытности, максимальное ограничение контактов с представителями иных стран и культур;
- создание монокультурного общества, объединенного монолитной культурной средой;
- широкое внедрение религиозного воспитания, строительство новых культовых сооружений различных конфессий (церкви, мечети, синагоги и т. п.).

Современная студенческая среда, отвечающая принципам поликультурной направленности, характеризующаяся развитой системой академической мобильности, способна к рекрутированию особого сегмента «проводников разнообразия» — позитивно настроенных и открытых всем форматам культурного взаимодействия субъектов.

Нельзя не согласиться в данном вопросе с И. В. Малыгиной, что этот качественно новый тип личности должен обладать выраженной настроенностью на стратегии центрирующего равновесия: «...не “глобальный человек” — маргинал с “разомкнутой” идентичностью, фланирующий по смысловым поверхностям многих культур, но ни в одной из них не укорененный по-настоящему, а человек глобально мыслящий, в идеале — универсально образованный и одинаково комфортно существующий в культурных мирах и Востока и Запада; такой тип личности, для которого презумпция невинности традиции — ценна столь же безусловно, как преимущества модернизации» [5, с. 47].

При этом на фоне позитивной настроенности большинства представителей современной студенческой молодежи на практики социокультурного разнообразия и открытости в межкультурных контактах (расширение границ взаимодействия) вполне очевидно фиксируется и установка на утверждение самобытности собственной культуры и избираемого ею пути (фиксация границы).

По мнению исследователей, дуализм подобного идентификационного самоопределения совпадает с общемировыми тенденциями в поиске оснований идентичности: как «в сторону расширения границ и формирования нового наднационального (цивилизационного) уровня в ее структуре, так и в сторону локализации границ и актуализации локальных, партикулярных оснований идентичности» [6, с. 47].

Так, исследуя представления студенческой молодежи о культурно-историческом пути России, мы отмечаем колебание лидирующих позиций: от признания культурно-исторического пути как соединения Востока и Запада до обозначения его уникальности и самобытности, несводимой ни к одному из «полюсов» (табл. 3).

Таблица 3

Представления о культурно-историческом пути России

Позиции ответов (суждения)	Населенные пункты: ответы (%)		
	Москва	Екатеринбург	Челябинск
В большей мере ориентирован на западные ценности и жизненные установки	13.91	15.38	16.10
Скорее, ближе к Востоку	2.65	1.44	1.86
Культура России всегда объединяла в себе два мира: Восток и Запад	30.13	37.98	31.89
У России особый самобытный духовный путь, несводимый ни к одному «полюсу»	43.05	33.65	33.44

Аналогичной видится и сформированная в сознании молодежи «промежуточность» актуального ценностного самоопределения — между ожиданиями появления новой и «свежей» системы ценностей и прямым указанием на нахождение в ситуации «перепутья», при которой уже не работают прежние базовые основания и ориентиры, но пока не сформировались и новые (табл. 4).

Сразу подчеркнем, что состояние переходности и транзитивности в целом обозначаются как отличительные характеристики сознания современной студенческой молодежи, фиксируемые исследователями при сравнительном анализе общероссийских опросов [7, с. 108].

Оценка современной системы ценностей и нравственных ориентиров

Позиции ответов (суждения)	Населенные пункты: ответы (%)		
	Москва	Екатеринбург	Челябинск
Всё держится на ценностях прошлого	18.54	17.79	12.38
Формулируется новая, свежая система ценностей и морально-нравственных ориентиров	23.84	34.62	31.89
Россия находится ныне на перепутье: уже «не работает» прошлый духовный опыт, но так и не сформировались новые ориентиры	48.68	39.90	47.06

По сути, и в оценках культурно-исторического самоопределения России (Восток, Запад, уникальный вектор пути), и в обозначении ценностно-временной перспективы (ценности прошлого, настоящего или будущего) речь идет о своеобразных процессах «*Мы-образования*», «*Мы-собирания*», то есть фиксации той основы, которая может выступать как наличествующее и осознанное большинством единство.

Однако, как свидетельствуют результаты опроса, большинство студентов указывают на заметную разобщенность и отсутствие духовного единства в современной России (подчеркивая его наличие лишь со своим непосредственным окружением).

Такая ситуация, с одной стороны, вполне закономерна: наибольшее доверие человек, в принципе, склонен оказывать «ближнему кругу», тем, с кем связаны его повседневная жизнь и эмоционально окрашенные контакты. Тем не менее измерение так называемого генерализованного (или обобщенного) доверия, по мнению специалистов, следует учитывать как весьма показательную симптоматику текущего момента: «Этот вид доверия выступает индикатором атмосферы в обществе, раскрывая установки населения относительно того, можно ли в современном социуме доверять окружающим, предсказуемы ли их действия, надежны ли возможные партнеры по социальному взаимодействию» [8, с. 31].

Собственно, обобщенное доверие во многом формирует эмоциональный фон и актуальное социальное самочувствие индивидов, косвенно влияет на прорисовку образов настоящего и будущего.

Отметим, что при анализе ответов респондентов, относительно формирования общественно значимых перспектив и образов будущего со стороны государственных институтов, большинство студентов указывали на определенный дефицит той самой «устремленности в будущее», о необходимости которой утверждалось на высшем государственном уровне².

Основа формирования государственной культурной политики в представлениях молодежи (лидирующий ответ среди студентов Москвы, Екатеринбурга и Челябин-

² Глава государства В. В. Путин обратился к школьникам с предложением написать сочинение о том, каким они видят будущее страны на рубеже 2040–2050-х годов, в День знаний, 1 сентября 2017 года, во время Всероссийского открытого урока.

ска) обозначается, в основном, через опору на прошлое (ранее достигнутые достижения, победы в разные исторические периоды).

В целом мнение студенческой молодежи о необходимой направленности государственной культурной политики связывается, скорее, не с мировоззренческим (обозначение содержательных приоритетов, ценностей и идеалов духовного развития общества), а с техническим администрированием деятельности учреждений культуры и искусства, повышением культурного уровня населения и созданием условий (прежде всего, материальных) для развития и творческого самовыражения профессиональных деятелей культуры и искусства (без вмешательства в содержание их работы).

Полученные результаты подтверждают фиксируемое исследователями общее снижение зависимости населения от власти в идеологически-мировоззренческом контексте; причем «самодостаточная часть общества» локализуется, преимущественно, именно среди молодежи [9, с. 30–31].

Стратегические задачи культурной политики, направленные на духовно-нравственную консолидацию нации, как уже подчеркивалось нами ранее, не исключают и обращенности к конкретно-прикладным аспектам оценки качества культурно-художественной и культурно-досуговой среды. Эффективность реализуемых мер в сфере культурной политики предполагает, в том числе, и фиксацию общественного мнения по проблемам эффективности функционирования учреждений культуры и искусства, диагностики воздействия системы художественного предложения на ценностные и поведенческие установки населения (особенно — подрастающего поколения).

Направленность и результативность государственной культурной политики на прикладном уровне связывается с интенсификацией культурной жизни, приобщением (закреплением и воспроизводством контактов) населения к системе культурно-художественного предложения.

Опираясь на результаты проведенного нами исследования в целом, можно говорить об определенной стабилизации включенности студентов в культурно-художественную жизнь своего города. По большинству позиций не наблюдалось доминирования показателей, свидетельствующих о явном сокращении или увеличении зоны художественных контактов студенческой аудитории с учреждениями культуры и искусства.

Вместе с тем сам инструмент исследования предлагал достаточно гибкую шкалу оценивания позиции опрошенных респондентов (шесть вариантов ответов).

При осуществлении процедуры укрупнения показателей (суммирование процентов ответов в графах: «гораздо чаще», «немного чаще» и противоположных позиций — «гораздо реже», «не посещаю вовсе»), ситуация выглядела следующим образом:

- *кинотеатры*: незначительное увеличение контактов в Москве и значительное увеличение (более чем на 10% в сравнении с отрицательными позициями ответов) в Екатеринбурге и Челябинске;
- *театры*: увеличение контактов в каждом из трех городов;
- *картинные галереи*: увеличение контактов в Москве и значительное (более чем на 10% в сравнении с положительными позициями ответов) сокращение контактов в Екатеринбурге и Челябинске;

- *краеведческие музеи*: сокращение контактов в каждом из трех городов;
- *библиотеки*: значительное сокращение контактов в каждом из трех городов;
- *концертные залы (филармонии)*: относительное равновесие между положительными и отрицательными выборами (в сторону незначительного усиления позиций увеличения контактов).

Как видим, лидирующие позиции частоты посещения связаны с деятельностью кинотеатров (что вполне объяснимо в силу массовости, зрелищности и устойчивой популярности данной культурной практики среди молодежной аудитории), театров (синтетическое искусство, соединяющее драматические, музыкальные, художественно-пластические элементы воздействия на публику) и концертных залов (разнообразие транслируемых форматов художественного предложения). Тем не менее в отношении учреждений культуры, ориентированных, преимущественно, на сохранение и трансляцию культурно-художественного достояния (библиотеки, краеведческие музеи), наблюдается явный спад интереса студенческой молодежи.

Интересным видится распределение внимания молодежи к передачам и программам об искусстве и культуре на телевидении и в сети Интернет. Здесь явно наблюдается не столько приоритет контента, сколько формата его донесения (безусловно, по-своему влияющего на контент, а в некоторых случаях — и значительно трансформирующего содержание):

- при выборе телевидения лидирующими ответами среди студентов всех городов стали: «внимание осталось на прежнем уровне», «не смотрю (и не смотрел раньше) программы о культуре и искусстве»;
- при выборе сети Интернет: «стал уделять гораздо больше времени просмотру интернет-материалов о культуре и искусстве», «стал уделять немного больше времени просмотру интернет-материалов о культуре и искусстве».

В заключение студентам было предложено обозначить основные проблемы развития культуры на современном этапе (табл. 5).

Таблица 5

Основные источники проблем в развитии культуры

Позиции ответов (суждения): с чем связаны проблемы	Населенные пункты: ответы (%)		
	Москва	Екатеринбург	Челябинск
С материальными, финансовыми аспектами: нехваткой средств и ресурсов развития	37.75	47.60	34.37
Со смысловыми аспектами: отсутствие «свежих» идей преобразования	19.54	16.83	17.96
С идеологическими аспектами: невыраженность государственной позиции в вопросах культуры	15.23	16.35	14.24
С управленческими аспектами: неэффективная система администрирования работы учреждений	13.58	11.06	9.91
С пассивностью населения в развитии собственного культурного уровня	25.17	31.73	29.10
Не вижу существенных проблем, российская культура развивается вполне стабильно	1.66	2.40	3.10

Большинство опрошенных связали источники проблем с материальными и финансовыми аспектами, нехваткой средств и ресурсов развития (лидирующий ответ в каждом городе). Вторая по лидерству ответов позиция напрямую касалась пассивности населения в развитии собственного культурного уровня. Абсолютное меньшинство опрошенных считают, что российская культура развивается стабильно и не испытывает каких-то существенных трудностей и проблем.

В целом полученные в ходе общероссийского опроса студенческой молодежи ответы, как нам представляется, позволяют обеспечить ту «обратную связь» с аудиторией, необходимость которой в Указе Президента Российской Федерации об утверждении основ государственной культурной политики [10] определяется в качестве эффективной и актуальной оценки внедряемой культурной политики, измерения ее действительных эффектов.

Список использованной литературы

1. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М. : Академический проект : Екатеринбург : Деловая книга, 2002. 492 с.
2. Астафьева О. Н., Синецкий С. Б. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4(52). С. 70–80.
3. Тишков В. А., Бараш, Р. Э., Степанов В. В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81–87.
4. Флиер А. Я. Культурная политика и стратегии культурного взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5(73). С. 10–18.
5. Малыгина И. В. Динамика российской идентичности: тренды XXI века // Проблемы культуры в XXI веке : кол. монография. М., 2018. С. 34–47.
6. Малыгина И. В. Мировые тенденции и российская специфика динамики этнокультурной идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5(73). С. 42–52.
7. Магранов А. С., Деточенко Л. С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116.
8. Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.
9. Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 26–34.
10. Основы государственной культурной политики : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, свободный. Загл. с экрана.

Хантурова Ирина Евгеньевна,

старший преподаватель, Российский университет транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва,
hanturova@bk.ru

УДК 81

**Основные вызовы и тенденции в обучении
межкультурной коммуникации
в профессиональном образовании (высшая школа)
в условиях глобализации и информатизации современного общества**

Аннотация. В статье исследуются основные тенденции в современном образовании в условиях глобализации и информатизации.

Ключевые слова: современное образование, речевые коммуникации, глобализация, информационные технологии, информационное общество.

Irina Khanturova

Senior lecturer, Russian University of Transport (RUT), Russia, Moscow

The main trends and challenges in teaching intercultural communication in professional education (higher school) in the conditions of globalization and informatization of modern society

Abstract: in the article the author analyzes the main trend in modern education in the conditions of globalization and information.

Key words: modern education, globalization, information technology, speech communication, information society.

Сегодня многие социально-экономические изменения в мире приписывают влиянию глобализации и информатизации основных общественных институтов. Американский обществовед-теоретик Д. Кельнер сформулировал свою идею глобализации следующим образом: «Globalization is the buzz world of the decade» [1]. Термин «глобализация», по мнению профессора А. Л. Назаренко, активно используется в правительственных документах, газетах, журналах и на телевидении. Автор продолжает: «Глобализация действительно вошла в жизнь — в большей или меньшей степени — всего человечества, изменила многие привычные и устойчивые представления о незыблемых понятиях и вызвала радикальные, качественные изменения в экономике, финансах и социально-политических структурах» [2]. Глобализацию как явление предсказал еще академик В. И. Вернадский в своем учении о ноосфере.

В современном постиндустриальном обществе объединяются этнические группы, расширяются возможности интеграции, в том числе и культурные. Особенно усилились явления обширного взаимодействия с решением мировых проблем и опре-

деленных мировых задач в планетарном масштабе в сферах экономики, политики, социально-культурной и информационной областей. Классическое определение глобализма было сформулировано американским социологом Р. Робертсоном. Он определил его как процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах [3, с. 65–73]. Актуальность данной темы доказана все возрастающим интересом к вопросу активного распространения глобальных мировых процессов учеными различных областей науки, пытающимися проанализировать основные тенденции в его развитии. По мнению Гидденса, эра национальных государств закончилась. Его точку зрения разделяют многие современные теоретики и исследователи, которые связывают стремление к масштабному распространению глобальных мировых стандартов современного мироустройства, с переходом индустриального общества — в информационное. В основе подобного мирового порядка лежит свойство информации взаимодействовать с духовной и с материальной частью внутреннего мира человека. Таким образом, информация определяет одновременно все составляющие бытия человека. Эта проблема хорошо изучена философом В. А. Кутыревым. Он показывает, как формируется искусственная среда существования, превращаясь, в конечном итоге, в средство тотального уничтожения человека. Оказавшись во власти техники и технологий, человек становится оторванным не только от Бога, но и от природы. Между искусственной и естественной средой обитания идет непримиримая борьба за человека. Идет процесс трансформации человеческого духа в техногенный интеллект [4].

Со второй половины 1960-х годов наблюдается небывалый рост информации, получившей название «информационного взрыва». А. Л. Назаренко пишет: «Беспрепятственный доступ к информации становится возможен благодаря развитию новых информационных (в первую очередь, компьютерных) технологий. От людей требуется ряд дополнительных умений по освоению новой информационной среды, которая, по мнению некоторых специалистов, оказывает влияние на традиционные представления о грамотности. Прогнозируется проблема раскола общества на две популяции: технически грамотных и технически не осведомленных людей» [5]. Возникает потребность в умении общаться, так как образуется свободный, ничем не ограничиваемый обмен информацией. Речевое общение с момента его появления всегда было и остается объективной необходимостью, продиктованной жесточайшими законами борьбы человека за выживание, главным условием существования индивида в социуме. В условиях глобализации у собеседников появляется возможность вести диалог в режиме беспрепятственного контакта, причем время и пространство определяются самими субъектами. Они могут не только свободно обмениваться информацией, но и решать вполне серьезные деловые вопросы, принимая оптимальные решения. Умение общаться — коммуникативная компетенция, которая становится первоочередной задачей. Как определяет А. Л. Назаренко, «это один из аспектов нового мира, требующих особого внимания со стороны общественных институтов»

[6]. Не случайно ключевыми компетенциями личности XXI века, по определению Совета Европы, являются: коммуникация на родном языке, коммуникация на иностранном языке, навыки в области информационно-коммуникационных технологий, способность к обучению на протяжении всей жизни, навыки межличностного общения и правовая компетенция, культурная компетентность. Мы видим, что коммуникативная компетенция названа первой. Включает она общение не только на родном языке, но и на иностранном, что является еще одним следствием глобализации. Немаловажную роль в передаче информации играет язык. Какова же главная тенденции развития национальных языков в современном информационном обществе?

В период глобализации среди языков сложилась иерархия, которая становится все более очевидной. Если раньше вести языковую политику в рамках одного государства было вполне эффективно, то сейчас это стало нереальным — в силу информационной глобализации. Телевидение, Интернет — все это мощнейшие факторы функционирования языков. Английский язык еще долгое время будет продолжать выполнять роль связующей коммуникационной системы на глобальном уровне, поскольку это место он уже занял фактически с середины XX века. К этому времени произошли подвижки и в самом английском языке. Английский все в большей степени начинает подстраиваться под функцию мирового языка, то есть перестает быть языком только тех народов, для которых является родным. Английский язык становится так называемым универсальным «кодом доступа». Для этого язык должен был стать компактным и легким для усвоения большим количеством людей, которым необходимо было к нему прибегнуть. Поэтому английский язык никогда не прекращал меняться. Долгое время английский был единственным глобальным языком Интернета. В настоящее время во Всемирной паутине используются 10–12 языков — важный момент для современного языка. По структуре английский язык компактный и предметный. Это язык слайдов и клипов.

Русский язык входит в пятерку мировых языков, и одним из важнейших факторов закрепления считается становление русского языка как языка Интернета. Русскоязычный Интернет интенсивно развивается и успевает оказывать поддержку всем направлениям науки и техники. Языковая глобализация формируется не на основе разделения языков по географическому признаку, а по профессиональному. Идет процесс образования языков профессий. Языковые различия возникают все больше не по национальному, а по профессиональному распределению. Например, русский финансист гораздо быстрее поймет своего американского коллегу, чем русского программиста. Можно выделить следующую классификацию языков по профессиональному признаку: административный, финансовый, нефтегазовый, компьютерный, юридический языки. Идет фрагментация человеческой деятельности и глобальная эрудиция сменяется компетентностью в конкретной сфере. В заключение хочется сказать, что, как и все остальные области человеческой деятельности, образование также вовлечено в процесс глобализации и информатизации и должно отвечать на ее вызов. Глобализация и информатизация заставили думать о перспективах высшего образования по-новому. Влияние мировых процессов на современное общество ощутимо, и

мы осознаем, что не считаться с ними было бы, по крайней мере, неосмотрительно по отношению к будущим поколениям. Глобальные мировые процессы, происходящие в экономике, задают тон профессиональному образованию, и образовательные учреждения должны смотреть и уметь видеть, в силу сложившихся обстоятельств, поверх традиционных методов. Возникает острая необходимость ориентироваться в сфере образовательных услуг в ответ на смену рыночной ситуации, используя цифровые телекоммуникации, уже ставшие электронной инфраструктурой экономики. Считаю, что каждый современный преподаватель должен уметь работать с интерактивными средствами обучения, чтобы обеспечить право на качественное образование каждого желающего. Сегодня педагог, действующий в рамках только традиционной схемы, существенно уступает своим коллегам, ведущим занятия, принимая все вызовы и тенденции современного информационного общества.

Список использованных источников

1. Kellner D. Globalization and the Postmodern Turn. URL: <http://pages.gseis.uscla.edu/faculty/kellner/essays/globalizationpostmodernturn/pdf/>
2. Назаренко А. Л. ИКТ в лингводидактике; дистанционное обучение. М. : МГУ, 2013. URL: <http://www.iprbookshop.ru/54628.html>
3. Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. Vol. 3. P. 65–73.
4. Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб. : Алетейя, 2009. 264 с.
5. Назаренко А. Л. ИКТ в лингводидактике; дистанционное обучение. М. : МГУ, 2013. URL: <http://www.iprbookshop.ru/54628.html>
6. Назаренко А. Л. ИКТ в лингводидактике; дистанционное обучение. М. : МГУ, 2013. URL: <http://www.iprbookshop.ru/54628.html>

Мартынова Марина Дмитриевна,

кандидат философских наук, проректор по внеучебной работе, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Россия, г. Саранск, martynovamd@mail.ru

УДК 316.444

Интегративные и адаптивные практики студентов-мигрантов в современной системе высшего образования России (на примере провинциального города)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00710.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процессов адаптации студентов-мигрантов к новой для них образовательной среде в России. Социальные практики таких студентов анализируются

в контексте теории сегментной ассимиляции и концепции силы слабых связей. Пространство провинциального постсоветского города способствует увеличению числа слабых связей студентов-мигрантов. Ценностная ассимиляция студентов-мигрантов демонстрирует «глокализацию» — взаимопроникновение глобальных и локальных социальных процессов. Кампус вуза в провинциальном городе выступает особой поликультурной средой в силу того, что вуз целенаправленно создает условия для адаптации и интеграции студентов-мигрантов.

Ключевые слова: студенты-мигранты, сила слабых связей, сегментная ассимиляция, адаптация, социальный капитал, транснационализм, трансмигранты.

Marina Martynova

Candidate of Sciences in Philosophy, Vice-rector for student affairs National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Russia, Saransk

**Integrative and adaptive practices of migrant students
in the modern system of higher education in Russia
(on the example of a provincial city)**

Annotation. The article is devoted to the processes of adaptation of migrant students to the new educational environment in Russia. Social practices of such students are analyzed in the context of the theory of segment assimilation and the concept of the weak ties strength. The space of the provincial post-Soviet city contributes to the increase in the number of migrant students' weak ties. Value assimilation of migrant students demonstrates "glocalization" — the interpenetration of global and local social processes. The University campus in the provincial city is a special multicultural environment due to the fact that the University purposefully creates conditions for the adaptation and integration of migrant students.

Key word: migrant students, weak ties strength, segment assimilation, adaptation, social capital, transnationalism, transmigrants.

Современные тенденции увеличения количества иностранных студентов в вузах России делают актуальным изучение процессов адаптации студентов-мигрантов к новой для них образовательной среде. С ростом количества таких студентов создается совершенно новая поликультурная среда, имеющая как свои характеристики, так и ряд проблем. Изучение социальных практик целевой аудитории целесообразно осуществить в контексте теории сегментной ассимиляции, предложенной А. Портес [1], М. Чжоу [2] и др. и концепции силы слабых связей М. Грановеттера [3]. Пространство провинциального постсоветского города способствует увеличению числа слабых связей студентов-мигрантов. Слабые связи оказываются более продуктивными для адаптации личности к новой социальной среде. Еще одним теоретически значимым концептом является концепт «глокализации», интерпретируемый как процесс взаимопроникновения глобального и локального.

Методы исследования включали в себя анкетный опрос (66 студентов из Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Сирии, Ирака, Гвинеи-Биссау, Зимбабве, Судана, Индии в возрасте от 17 до 33 лет) и глубинное интервью со студентами и выпускниками из иностранных государств, которые успешно интегрировались в местное сообщество (20 человек из стран СНГ и дальнего зару-

бежья) провинциального города. Кампус вуза в таком городе выступает особой поликультурной средой в силу того, что вуз целенаправленно создает условия для адаптации и интеграции студентов-мигрантов. В свою очередь сами студенты-мигранты используют городскую среду (внутри кампуса и за его пределами) для успешной адаптации к местным условиям. Наличие слабых межнациональных связей и их количество является наиболее эффективным инструментом успешной ассимиляции и интеграции в городское пространство.

Ключевая цель для большинства студентов из иностранных государств состоит в том, чтобы получить диплом о высшем образовании. Доля студентов-мигрантов, продолживших обучение в магистратуре/ординатуре/аспирантуре не так велика. Потребность в качестве образования зачастую находится на втором месте. Так, за последние три года в среднем 15,9% выпускников из иностранных государств Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева продолжили учебу (по годам: 2016 г. — 16,9%; 2017 г. — 14,9%; 2018 г. — 16%) в магистратуре/ординатуре/аспирантуре. Примерно такой же процент опрошенных студентов предполагает остаться в стране обучения и найти хорошую работу — 15,7%.

Студенты из иностранных государств опираются в достижении своих целей в первую очередь на «слабые связи», что объясняется фактическими обстоятельствами другой страны. «Сильные связи» (strongties), по определению Марка Грановеттера, складываются между близкими людьми [3, с. 33]. Они практически не влияют на адаптацию студентов на месте учебы в другой стране. Здесь играют роль «слабые связи», начиная с момента выбора вуза в другом государстве и заканчивая теми отношениями, которые складываются во время учебы. По М. Грановеттеру, к «слабым связям» (weakties) относятся люди, с которыми не сложились крепкие родственные или дружеские отношения [3, с. 41]. Это ситуативные отношения, новые контакты, они не отличаются продолжительностью, эмоциональной интенсивностью и взаимным доверием. Сила слабых связей состоит в том, что они способны предоставить доступ к разнообразным ресурсам, а именно новой информации, знаниям и навыкам. Согласно теории М. Грановеттера, слабые связи являются основным источником пополнения социального капитала в теории П. Бурдье [4], а следовательно, наиболее мощным инструментом социальной мобильности. По его мнению, именно благодаря информации от таких связей происходит максимальное продвижение и развитие человека в социуме.

Практически для всех студентов-мигрантов существует сформированный канал дислокации для получения высшего образования. Они приезжают в те регионы, где есть дальние родственники, диаспора той или иной национальности, или просто в результате случая. Рекрутинговые агенты в основном работают с ограниченным перечнем вузов, благодаря чему со временем складываются принимающие сообщества студентов-мигрантов из той или иной страны. Иностранные студенты выбирают учебу в России, потому что здесь доступно образование за счет принимающей стороны, доступные цены на образование по сравнению с общемировыми ценами, здесь дают качественное образование — 31,4%, в российских вузах можно получить не только хо-

рошую теоретическую базу, но и практические навыки — 28,6%, российское образование ценится в этих странах — 14,3%.

Ряд иностранных студентов настойчиво работают над тем, чтобы укрепить «слабые связи», сформировать свой социальный капитал, «инвестируя» свое внимание и время в отношения с преподавателями и представителями администрации факультета. Они часто заходят поговорить, добиваются расположения, задают несущественные вопросы, в том числе рассказывают о неблагонадежности своих соотечественников и т. п., тем самым формируя доверительные отношения, и заводят неформальные дружеские отношения, особенно с молодыми преподавателями. Глубинное интервью показывает, что они хорошо понимают, как формировать доверительные отношения с местным университетским сообществом, от которого в определенном смысле зависит успешность их сегментной ассимиляции. *«Я стараюсь быть полезным на факультете — чиню технику. Но не пользуюсь этим, стою в общей очереди за справками, чтобы не думали, что у меня корыстные цели»* (магистрант из Таджикистана, 29 лет, татарин по национальности, двойное гражданство). Студенты-мигранты придают большое значение совместной деятельности, особенно спорту — игре в футбол, занятиям плаванием, это дает общую тему для беседы. 82,9% студентов отмечают, что преподаватели и администрация факультета оказывают им существенную помощь.

Надо отметить, что студенты из иностранных государств очень дорожат тем, что у них складываются доверительные отношения с официальными лицами и преподавателями. Вертикальные связи сокращают социальную дистанцию, открывая доступ к большим ресурсам [5, р. 951]. Значение слабых связей для студентов-мигрантов состоит в том, что это возможность эффективной адаптации к учебному процессу, они нейтрализуют опасения, связанные с прохождением промежуточной аттестации, и позволяют получить некоторое снисхождение, снять напряжение, связанное с этими рисками и угрозами, улучшить условия проживания, например переместиться из трехместной в двухместную комнату в общежитии, получить отсрочку в оплате обучения, способствуют успешному разрешению конфликтов и т. д. Прибегая к использованию этих связей, студенты-мигранты осуществляют влияние на трансформацию случайных связей в связи, которые предполагают обязательства.

Происходит накопление социального капитала, который вкладывается в последующий жизненный успех и достижение целей. Пьер Бурдьё определял социальный капитал как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [4, с. 60]. Ресурсами социального капитала студентов-мигрантов являются отношения (социальные связи) с русскими студентами, преподавателями, администрацией факультета/университета, русскими друзьями/друзьями, совместные активности с резидентами в университетской и городской среде. Солидарность принимающего общества выступает неким ресурсом и гарантом, во-первых, безопасности, во-вторых поддержки и участия. Эти же ресурсы социального капитала влияют на формирование и человеческого капитала, поскольку именно они способствуют наибольшему накоплению профессиональных знаний, умений и

навыков, в том числе и русского языка. Становится возможным интегрирование в последующем времени и в экономическую систему России, а именно стать доверительным лицом для администрации университета. Так, например, для выпускника-мигранта, который планирует создать общество любителей русского языка в Таджикистане, это доверие администрации выступает «верительной грамотой» для использования этого общества в качестве рекрутингового агентства. Таким образом, социальный капитал имеет потенциал трансформации в экономический капитал.

В этой системе очевиден привилегированный доступ к информации для студентов-мигрантов, вовлеченных в студенческое самоуправление и социальные активности. Так, например, они сознательно ограничивают участие новых студентов-мигрантов в популярном фестивале «Огаревский колорит» в качестве как активных участников, так и зрителей (концертный зал вмещает 1000 человек, студентов-мигрантов в МГУ им. Н. П. Огарева свыше 2000 человек). Участие в фестивале дает возможность почувствовать себя в центре внимания всего университетского сообщества, рассказать/показать культуру своей страны, включиться в тесное общение с признанными студенческими лидерами из числа студентов-мигрантов, которые сами отбирают активных творческих участников из своей среды и сами распределяют пригласительные билеты на фестиваль. Информационный ресурс — важнейшее проявление социального капитала, который активизируется через социальные отношения в форме особого ресурса как базиса действий [6, р. 95].

Для понимания сущности адаптационных процессов, которые происходят со студентами-мигрантами, следует различать два ключевых фактора, влияющих на отношение студентов-мигрантов к стране, где они получают высшее образование. Первый фактор касается сроков проживания в принимающей стране: есть студенты и выпускники, прожившие более 10 лет и прошедшие все ступени образования от подготовительного до аспирантуры, став преподавателями в этом же вузе, и те, кто прожил 2—3 года. Второй фактор — это тип страны: студенты из стран СНГ и студенты из стран дальнего зарубежья. Для студентов-мигрантов, проживших значительное время в принимающей стране, характерны процессы ассимиляции, для студентов-мигрантов из стран дальнего зарубежья и проживших несколько лет, характерны процессы адаптации. Эти категории студентов-мигрантов различаются ключевой мотивацией выбора страны обучения, определенностью/неопределенностью отношения к принимающей стране, ценностными установками, что определяет их поведенческие стратегии и в конечном счете миропонимание. Они все проходят процесс адаптации, у одних она осознанная и целенаправленная, у других она стихийная. И только малая часть студентов-мигрантов, которые либо приезжают в Россию уже с целью последующего переселения, либо в процессе учебы у них складываются такие обстоятельства, что они задерживаются в России на 10 и более лет, включаются в процесс ассимиляции.

Адаптироваться к чужой стране и к системе образования русскоговорящим студентам-мигрантам более всего помогают преподаватели — 42,9%, русские студенты — 24,3%, и только затем соотечественники — 20%. Для англоговорящих студентов-мигрантов в первые годы учебы ведущую роль играют англоговорящие студен-

ты-мигранты старших курсов, которые, в свою очередь, начиная с III курса и далее, начинают сами выступать в качестве наставников и все больше обращаются к русским студентам: *«Помощь моих соотечественников по приезде очень мне помогла, теперь сам помогаю молодым студентам»*. Отношения с преподавателями у англоговорящих студентов и студентов-мигрантов, плохо владеющих русским языком, складываются по-разному: *«Преподаватели придираются, потому что я иностранец»* (студент, выходец из Ирака, 23 года), *«Русские преподаватели помогают разобраться с предметом, дают распечатанные лекции для чтения. Относились с пониманием и терпением на I и II курсе, потому что языковой барьер сильно мешал»* (студенты, выходцы из Сирии и Зимбабве).

Среди инструментов адаптации на первом месте стоит Интернет — 37,1%, помощь, оказываемая русскими студентами, — 22,9% соотечественниками — 22,9%, а также доброжелательность русских граждан — 15,7%. Много внимания студенты из иностранных государств уделяют укреплению связей с русскими студентами. Они вместе участвуют в университетских мероприятиях — 40%, ходят в кафе — 11,4%, приглашают русских студентов на свои национальные праздники — 28,6%. *«Русские студенты помогали учить язык, готовить уроки по математике и физике, с ними легче, чем с соотечественниками. Я скучал по ним в субботу и воскресенье, когда они уезжали домой. Меня приглашали в гости в свою деревню»* (студент из Таджикистана, 27 лет, таджик по национальности, двойное гражданство). *«Они (русские студенты. — примеч. автора) заполняли пустое пространство (тоска по дому. — примеч. автора), есть поддержка, компания, мы познакомилась с родственниками и братьями, круг друзей становится шире и шире»* (выпускник, мигрант из Сирии, 33 года, все ступени обучения, работает преподавателем, двойное гражданство). Для многих из них бывшие русские однокурсники стали ближе, чем соотечественники: *«Я с русскими вижу чаще, чем со своими. Они уехали работать в свое село, приезжают, и мы всегда встречаемся, сидим в кафе»* (выпускник, мигрант из Таджикистана, все ступени обучения, таджик по национальности, работает преподавателем, двойное гражданство).

Еще одним важным фактором использования слабых связей для студентов из иностранных государств является то, что, благодаря общению с людьми из числа слабых связей, совершенствуется русская речь и ее понимание. Свыше трети опрошенных студентов отмечают в качестве трудностей в обучении плохое понимание русского языка. Языковой барьер выступает главной трудностью в первые годы учебы. Преодолеть его, выучить язык помогает общение с русскими студентами, совместная деятельность и досуг, дружеские отношения. Лучше понимать язык, традиции и обычаи страны, где они обучаются, помогают совместное времяпрепровождение с русскими студентами — 40%, университетские мероприятия — 22,9%, а также передачи по телевидению — 14,3% и российские праздники — 10%. Общаются с русскими студентами ежедневно — 67,1%, редко — 27,1%, не общаются — 5,7%. Основанием для общения выступают дружеские отношения — 52,9%, по необходимости — 31,4%, общение во время занятий — 5,7%. Все интервьюированные отмечают, что участие в

студенческом самоуправлении и досуговые студенческие мероприятия решительным образом повлияли на вхождение в принимающее сообщество: *«Я хожу с ними (русскими студентами) в детский дом, дарим подарки, играем, поем, танцуем. Здесь я чаще общаюсь с русскими однокурсниками»* (студент из Ирака, 23 года).

Общение с русскими студентами влияет и на моральную атмосферу, складывающуюся в принимающем сообществе: *«В стратегии для адаптации должен быть футбол. В команде должны быть студенты иностранцы и русские, 4 иностранца и 2–3 русских студента — смешанные команды. Эта командная игра располагает к общению и обсуждению. Мы стесняемся ругаться при русских. Это воспитывает нашу культуру, снижает наши конфликты»* (преподаватель, выходец из Сирии, 33 года, двойное гражданство).

Вследствие включенности в социальную и экономическую жизнь двух государств, студенты из иностранных государств сами себя понимают и окружающими воспринимаются как обладатели двух идентичностей: *«Россия — это второй дом, удобная страна, мне там (в родной стране) не очень удобно, а здесь комфортно. Грустно. Когда встал вопрос уехать домой, не хочу, столько друзей и воспоминаний»*. Так говорят выпускники, которые приехали с первой волной иностранных студентов в Россию и прожили здесь уже более 10 лет. Многие из них имеют двойное гражданство, уже устроились на работу, в том числе и преподавателями в вуз.

Для тех выпускников-мигрантов, кто принял решение остаться в России, ключевыми причинами является то, что, по их мнению, здесь легче добиться своих целей, проще жить в бытовом отношении, меньше значимость бюрократии, клановости и связей, чем в родной стране. Все интервьюированные студенты-мигранты из стран СНГ приняли российское гражданство как второе гражданство по Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, выпускники-мигранты из стран дальнего зарубежья — через комиссию территориального органа УВМ России о признании носителем русского языка [7].

В соответствии с теорией сегментной ассимиляции можно наблюдать, что студенты из иностранных государств встраиваются в студенческую/университетскую среду как в определенный сегмент принимающего общества, но и не порывают с отправляющим обществом, поскольку большая часть студентов планирует вернуться в родную страну. Тем не менее это оказывает значительное влияние на процесс ценностной адаптации, поскольку для молодежи приемлемые нормы и ценности помогают быстрее адаптироваться к новой среде. Этому процессу значительно способствует глобальная цифровизация. Глобальные процессы, связанные с цифровыми технологиями, формируют паттерны поведения молодежи, которые являются общими именно для поколения и не имеют отношения к той или иной стране или национальности. Для современных цифровых поколений молодежи — поколений Y и Z — процессы адаптации значительно облегчены. «Миллениалы разных стран отличаются друг от друга, но, благодаря социальным сетям, глобализации и скорости перемен, у молодого человека из од-

ной страны куда больше общего с людьми из другой страны, чем со старшими поколениями внутри его собственного народа» [8].

Студенты активно пользуются цифровыми социальными сетями, что позволяет им оперативно получать важную информацию. Для студентов-мигрантов цифровые социальные сети выполняют еще и адаптационную роль: *«Очень много узнаю, как правильно планировать свою жизнь здесь в России», «Очень много узнаю, как правильно учиться. Домашние задания. Темы для рефератов, презентации», «Очень помогает ориентироваться в расписании занятий. Староста размещает там важную информацию об учебе, учебные планы, методички, тесты, задания»* (анкетный опрос).

Студенты из иностранных государств могут быть определены как трансмигранты [9]. Транснационализм определяет трансмигрантов как людей, чья жизнь сильно зависит от контактов по обе стороны границы. Эта зависимость и психологическая, и экономическая — материально они в большинстве своем зависят от родителей. Лишь единицы из них содержат себя сами, в основном это студенты магистратуры. *«Нам так важен дом. Мы не можем уезжать от родителей. Мой отец упустил большую возможность в молодости, он не смог уехать, хотя была квота на обучение в Москве. И он заставил уехать меня (аспирант, выходец из Сирии, 29 лет)».*

Для выпускников-мигрантов из стран СНГ этого возраста очень важна общая история наших государств. Они указывают на нее как на первую причину, почему им в России комфортно жить: *«Я отношусь к России, как к родному государству, все мои предки воевали за это государство — семейная традиция, бабушка 27 лет была бригадиром колхоза. Мое внутреннее ощущение — мне неловко, что я числюсь иностранным студентом, хотя мои родные воевали».* Победа в Великой Отечественной войне выступает значимым событием общей истории. *«Вопрос: Победа в Великой Отечественной войне — что это значит для тебя? Ответ: Это семейное — трепетное отношение к памяти, дед водил на парад 9 Мая. Есть часы, которые он получил в 85-м году, я их ношу на праздники и на важные для меня мероприятия. А обычно ношу Командирские часы механические. Эта память определяет мое миропонимание»* (магистрант, выходец из Туркменистана, татарин по национальности, 27 лет, двойное гражданство).

Россия воспринимается студентами из иностранных государств так: *Место для меня успешной мечты; Моя вторая родина; Огромная территория; Дружная страна; Страна возможностей; Россия — это для меня лучшая страна в мире; Дом2; Родная уже; Самая хорошая страна, Мое будущее; Как родная страна; Для меня почти второй дом; Мой второй дом! Люблю Саранск так как есть! Прошлом году уехала каникул в свою страну, очень скучал Россию!; Страна больших возможностей; Россия это страна молодежи, студентов, здесь можно развиваться, показать свои таланты; Вторая родина; Второй дом; My career building country; Любимый город; Good country with peace furniture of people and betteren vironment for study* (открытый вопрос анкетного опроса, ответы сохранены в оригинальном виде).

Принимающее государство прилагает серьезные усилия для того, чтобы сформировать восприятие вуза в качестве *Alma mater*. Вуз и его культурно-образовательная среда играют непосредственную роль в формировании второй идентичности студентов-мигрантов. Задачи, которые ставит перед собой вуз по отношению к студентам из иностранных государств, коррелируются с государственной политикой. Это формирование и поддержание многонациональной и мультирелигиозной среды на основе принципов взаимопомощи и добрососедства. В первую очередь, это помощь студентам в организации и проведении совместных праздников, поддерживающих национальные традиции (Навруз, Курбан-байрам, Дивали, Холи), через участие в которых студенты-мигранты могут получить очень важную для них моральную поддержку принимающего сообщества. Кроме того, проводится ряд мероприятий, непосредственно направленных на успешную адаптацию студентов: спартакиада среди иностранных студентов университета, интеллектуальная игра «Рюхи» для иностранных студентов, выездные мероприятия в детские дома республики и т. д. Для иностранных студентов I курса проводится адаптационный курс «Я — студент МГУ!». Специалисты Управления международных связей университета регулярно проводят встречи студентов из иностранных государств с администрацией вуза, представителями Федеральной службы безопасности, Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия, Министерства внутренних дел Республики Мордовия. Основными темами беседы являются: профилактика правонарушений и юридическая ответственность, профилактика наркомании в молодёжной среде, методы и пути вербовки молодёжи представителями террористических организаций.

Студенты старших курсов привлекаются Управлением международных связей университета для помощи, адаптации и поддержки студентов младших курсов разных национальностей. Целенаправленно создаются условия для того, чтобы студенты выходили за пределы своих национальных групп и чаще оказывались в позиции оказывающего помощь, что ведёт к повышению самоуважения и чувства причастности, важности социальных взаимосвязей (в том числе медицинская помощь, перевод документов, сопровождение по городу и на мероприятия, бытовая помощь). Это делается для того, чтобы студенты понимали, что главной отличительной чертой студента является его факультет (институт), а не национальность или религиозная принадлежность.

Иностранные студенты вовлекаются в работу студенческого самоуправления. Они принимают участие в выездных студенческих семинарах, направленных на разработку и реализацию социальных проектов в вузе и на территории Республики Мордовия. Ключевым традиционным мероприятием в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева, на котором студенты могут рассказать о культуре своей страны, является Фестиваль культур «Огарёвский колорит». Он проводится ежегодно, и студенты из иностранных государств активно вовлекаются в корпоративную атмосферу вуза. Основным результатом является снижение социальной напряжённости среди студентов. В качестве организаторов и активных участников выступают около 600 студентов Мордовского государственного университета, а это почти треть всех иностранных студентов. Культуру своих народов в оригинальных творческих номерах

представляют студенты-представители народов кавказских республик России, студенты из Армении, Афганистана, стран Африки, Бангладеш, Вьетнама, Индии, Ирака, Йемена, Китая, Парагвая, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Выступления вокалистов и танцоров сопровождаются короткими видеороликами, в которых студенты разных национальностей рассказывают, что для них значит Мордовия. В рамках мероприятия обычно организована выставка стран-участниц фестиваля.

Со стороны администрации университета поддерживается формирование и развитие национальных групп (автономий) в качестве принимающего сообщества. Здесь выдвигаются лидеры, которые разделяют ценности мира и добрососедства, религиозной терпимости, являются примером отличной учёбы и успехов в спорте и творческой жизни. Через лидеров ведётся воспитательная работа, сбор информации о происходящем в общезжитиях и вне их, разрешение жалоб.

Применяя классификацию Милтона Гордона [10], можно наблюдать различные типы ассимиляции студентов-мигрантов:

аккультурация (*«Мне нравится простота русского народа, не нужно учитывать много аспектов в отличие от других национальностей, не нужно заморачиваться в отношениях, живут без маски доброжелательности. Все настроение видно сразу»* — магистрант, выходец из Казахстана, 27 лет);

структурная ассимиляция (*«Я создал АНО “Русский без границ”, хочу продвигать русский язык в странах СНГ. Открою в Таджикистане филиал, курсы по русскому языку, чтобы приезжали сюда учиться»* — магистрант, выходец из Таджикистана, 28 лет, двойное гражданство);

идентификационная (когда возникает чувство единения скорее с принимающим обществом, чем со своей родной страной) и ценностная ассимиляция (*«Я просоветский человек, мне дорога наша общая история»* — магистрант, выходец из Туркменистана, татарин по национальности, 27 лет, двойное гражданство);

гражданская ассимиляция, когда человек больше не испытывает конфликта внутренних представлений и ценностей принимающей культуры.

Таким образом, процессы адаптации и ассимиляции имеют разное значение и разное состояние для студентов-мигрантов, что зависит от страны-Родины — ближнее зарубежье/дальнее зарубежье — и от сроков проживания студентов-мигрантов в принимающей стране; их мотивационных целей и намерений по отношению к процессу образования и принимающей стране; от интенсивности использования слабых связей и особенностей формирования социального капитала для интегрирования с сегмент общества — систему высшего образования России и ту социальную среду, которую оно создает.

Список использованной литературы

1. Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood, *Ethnic and Racial Studies*, 2005(28). P. 1000–1040.

2. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993, 530. P. 74–96.
3. Грановеттер М. Сила слабых связей // *Экономическая социология*. 2009. № 10. С. 31–50.
4. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
5. Ryan L. Looking for Weak Ties: Using a Mixed Methods Approach to Capture Elusive Connections // *The Sociological Review*. 2016. P. 951–969.
6. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*, 1988. Vol. 94. P. 95–121.
7. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/
8. Stein J. Millennials: The Me MeMe Generation: Why millennials will save us all / Monday, May 20, 2013. URL: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,2143001,00.html#ixzz2jaE8RTBk>
9. Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration, *Anthropological Quarterly*, 1995, 68(1). P. 48–63.
10. Gordon M. *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. New York : Oxford University Press, 1964.

Лесничкова Лиляна,

доктор по филология, доцент в катедрата по класическа и унгарска филология, Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България, l.lesnichkova@uni-sofia.bg

УДК 81; 81.27; 81.272

Етнолингвистичното многообразие в фокуса на унгарската и българската езикова политика

Анотация. Статията разглежда в сравнителен план ключови аспекти на езиковата политика на Унгария и България с оглед на етнолингвистичното многообразие в двете страни; анализира се мястото на малцинствените езици в съвременната унгарска и българска езикова ситуация, присъствието им в училищното образование; посочват се основните проблеми и тенденции, свързани с изучаването им; разглеждат се факторите за запазване на етнокултурното и етнолингвистичното многообразие, за изработването на адекватна и ефективна езикова и образователна стратегия.

Ключови думи: етнолингвистично многообразие, българска и унгарска езикова политика, малцинствени езици, езикови права.

Лесничкова Лиляна Димитрова,

доктор филологии, доцент кафедры классической и венгерской филологии, Софийский университет имени святого Климента Охридского, Болгария, г. София, l.lesnichkova@uni-sofia.bg

**Этнолингвистическое многообразие
в фокусе венгерской и болгарской языковой политики**

Аннотация. В докладе представлены в сопоставительном плане ключевые аспекты языковой политики Венгрии и Болгарии с учетом этнолингвистического многообразия в обеих странах; анализируется место языков национальных меньшинств в современной венгерской и болгарской языковой ситуации, их присутствие в школьном образовании; намечаются основные проблемы и тенденции, связанные с их изучением; рассматриваются факторы сохранения этнокультурного и этнолингвистического разнообразия, разработки адекватной и эффективной языковой и образовательной стратегии.

Ключевые слова: этнолингвистическое многообразие, болгарская и венгерская языковая политика, языки национальных меньшинств, языковые права.

Lilyana Lesnichkova

PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Classical and Hungarian Studies, Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Bulgaria, Sofia

**Ethnolinguistic diversity in the focus of Hungarian
and Bulgarian language policy**

Abstract. This paper compares key aspects of the language policy of Hungary and Bulgaria with a view to the ethnolinguistic diversity in both countries. It analyses the place of minority languages in the contemporary Hungarian and Bulgarian language situation and their presence in school education; further, it outlines the main problems and trends related to their study. The factors for preserving the ethnocultural and ethnolinguistic diversity and for developing an adequate and effective linguistic and educational strategy are considered as well.

Key words: ethnolinguistic diversity, Bulgarian and Hungarian language policy, minority languages, linguistic rights.

Унгария и България не са етнически монолитни държави. Миграционната динамика в земите им не стихва през различните исторически епохи. Едни от народите се заселват временно на териториите им, други трайно. Въпреки че в демографската структура на населението трайно присъстват исторически обособени етнически групи, езиковата ситуация и в двете страни се преценява по-скоро като моногlossen: унгарската езикова идентичност се разполага върху цялата политическа територия на Унгария и е водеща — 99% от населението говори унгарски като първи език, поради което етническото многообразие не е източник на напрежение в междуезиков план. В България български се говори като първи език от 85,2% от населението. И в двете страни официалният държавен език има значителен превес

над останалите езици. В основата на повсеместното му усвояване стои държавната езикова политика чрез задължителното училищно обучение.

Етнолингвистичната картина в Унгария е по-комплексна от българската поради присъствието на 13 официално признати малцинствени езика: арменски, български, гръцки, немски, полски, румънски, русински, словашки, словенски, сръбски, украински, хърватски и цигански (романи и бояш). В интерлингвистичен план те имат повече културно-историческа, отколкото реална тежест, функционират в рамките на малцинствената общност, и то в строго маркирани ситуации.

Поради отсъствието на официално признати малцинства българската езикова ситуация има формално по-проста структура, но за сметка на това е функционално усложнена и много по-трудно предвидима, най-вече по отношение на турското и ромското етническо малцинство. Техните езици, в сравнение с езиците на националностите в Унгария, играят по-голяма социална роля, намират се в по-силна позиция, защото имат реална употреба и са ключов елемент от груповата идентичност на носителите си. Вследствие на добре изразеното етническо съзнание и чувство за принадлежност към отделна етническа общност българските роми и турци изостават от процесите на унификация около книжовния стандарт. От една страна, ромите и турците са приемани с резерви от мнозинството, а от друга, те нямат особена мотивация да променят езиковата и етническата си принадлежност, тъй като обществото не им предлага успешен социален модел на развитие.

При сравняване на официалните данни от преброяванията през 2001 и 2011 г. се вижда, че и в България, и в Унгария спада относителният дял на основния етнос. Причините са най-вече от демографски и икономически характер. На фона на тази обща тенденция се установява различие в степента на езиковото многообразие: в България то намалява, макар и с малко [1, с. 267; 2, р. 187], а в Унгария се покачва [3, р. 8496; 4, р. 251]. Нарасналият брой на лицата, които се самоопределят като принадлежащи към някое от националните малцинства в Унгария, се дължи до голяма степен на създадените в страната етностабилизиращи фактори: добре функционираща институционална мрежа от обществени организации (дружества, клубове, училища, църковни общини, културни учреждения, медии) като пилони на етнокултурната идентичност; разширяване на връзките с културно-просветните институции в страната майка и др.

Няма съмнение, че занапред мултиетничността и на българското, и на унгарското общество ще се разширява както поради естественото, така и във връзка с механичното движение на населението, а необходимостта от урегулиране на междуетническите отношения ще става все по-насъщна с оглед на вътрешноезиковата ситуация.

Прогнозни експертни изследвания сочат, че към 2050 г. гражданите на България от небългарски етнически произход ще възлизат на около една четвърт. Близо една трета от младежкото население ще е от небългарски произход, а около една пета от поколението до 30-годишна възраст ще са роми [5; 6].

Данните от проведено през есента на 2016 г. минипреброяване на населението в Унгария свидетелстват, че многократно се е увеличил броят на трайно установилите се в страната виетнамци, китайци и араби. По своята многочисленост (11700) арабската общност успява да изпревари дори автохтонното сръбско малцинство (11100 души) [7].

Промените в етнодемографския пейзаж, свързани с постоянното намаляване на абсолютния брой на мнозинството и нарастването на относителния дял на етническите общности, се превръщат в основен аспект на националната и езиковата политика. Това създава нови културно-психологически бариери както пред мнозинството, така и пред малцинствата, и поставя с още по-голяма острота въпроса за съжителството на различните езици и култури, за преодоляването на комуникационните затруднения на първия (майчиния) език, който обслужва предимно семейно-битовата среда, и втория (официалния) език, използван в обществената, икономическата и културната сфера. Съвременната ситуация на миграция и влияние на различни култури още повече издига ролята на официалния език като интегративен фактор, гаранция за социална, културна и езикова консолидация на всички етноси.

Задълбочаващата се тенденция към отрицателен естествен прираст на населението, активната емиграция на добре образовани и квалифицирани кадри, насърчена допълнително от свободното движение в рамките на езиковата ситуация, притесняват широката общественост поради реалната опасност от промяна на етническия баланс.

Най-голямо напрежение в балансирането на съвременната езикова ситуация генерира постоянно нарастващата по численост ромска общност.

Освен ромите немалка роля в българската езикова ситуация имат и турците — най-многобройната етническа група, която традиционно присъства по българските земи, но езиково не е интегрирана напълно. Турците възприемат себе си като самостоятелна езикова общност, в рамките на която турският език има висок престиж, изпълнява реални комуникативни функции, използва се от носителите му като основно средство за общуване на битово равнище. Нещо повече: в областите с компактно турско население са налице предпоставки за превръщане на българския език във вторично средство за комуникация.

Останалите малцинствени общности са по-малобройни, сравнително добре интегрирани и практически не създават проблеми със своето етническо различие. Те имат атрибути по-скоро на културни, отколкото на етнолингвистични общности. Изцяло от малцинствените езици се обслужват само отделни речеве ситуации, например в религиозния живот. В непринудената битова комуникация (в рамките на семейството и тесния приятелски кръг), в организационния живот на малцинствените групи държавният и миноритарният език се използват паралелно, като в условията на конкуренция помежду им все повече взема превес официалният език.

Етноезиковото многообразие прави актуален проблема за провеждането на ефективна политика за сближаване и социално хомогенизиране на етносите, за изработването на адекватна и ефективна езикова и образователна стратегия, която да

осигури устойчиво равновесие и равнопоставеност между различните етнически общности, да им помогне да осмислят културната и езиковата си идентичност и пълноценно да се интегрират в обществения живот.

По отношение на езиковата интеграция на малцинствата ситуацията в България изглежда по-сложна. Независимо от действащите в момента Национална стратегия на Република България за интегриране на ромите (2012–2020), Стратегия за намаляване на дела на преждевременно напусналите образователната система (2013–2020), Национална стратегия за насърчаване и повишаване на грамотността (2014–2020), Стратегия за образователна интеграция на деца и ученици от етническите малцинства (2015–2020) българската образователна система все още е далече от решаване на проблемите, свързани със създаването на предпоставки за успешна социализация на етническите малцинства и за преодоляване на сегрегацията, негативните стереотипи и културните дистанции, с недостатъчното обхващане на децата от уязвимите етнически общности в предучилищната подготовка, с високия процент на отпадналите от училище, с обучението по майчин език, с усвояването на официалния език на страната при съхраняване на етнокултурната самобитност на малцинствените групи, с повишаване на дела на ромите със средно и висше образование и т. н.

Ниското образователно равнище на ромите им отрежда място сред най-долните нива в социалната стратификация, създава условия за етническо самоизолиране и социално изключване, за възникване на междуетнически конфликти. Засилват се опасенията, че ранното отпадане от училище на ромските деца, съчетано с масовата безработица при възрастните роми и нарасналата им пространствена сегрегация, изграждат два паралелни свята с различни ценности, с различно отношение към труда, законите и нормите в страната, което е предпоставка за остри противоречия в бъдеще, ако не се създадат равни условия за образование на децата, чийто майчин език е различен от официалния.

Основни огнища на напрежение в България са селищата с преобладаващо турско или ромско население. Там общуването се осъществява на малцинствения етнически език. Подрастващите нямат подходяща среда, за да научат български: те или изобщо не го говорят, или усвояват негов креолизиран вариант. Недоброто владение на официалния държавен език затруднява усвояването на учебния материал. Съществен проблем е и по-ниското ниво на обучение в селските училища, където учат около две трети от децата на българските турци и около половината от ромските деца. Особено ниски са качеството и организацията на учебния процес в сегрегирани училища в големите ромски махали. Вследствие на етноцентризма в българското училище немалко деца от големите малцинствени общности отпадат преждевременно от образователната система. Така се създават диспропорции в степента на образованост на населението — относително компактни групи остават в периферията на обществения живот и са допълнително затруднени в интеграцията си.

Сериозно изпитание за българската образователна система е високият процент ромски деца, които достигат училищна възраст, без да говорят (добре) официалния

български език и без да са усвоили основни знания и умения, необходими за справяне с учебния процес. Това обуславя тревожно високия брой ученици, необхванати или отпадащи от училище. Според данни на МОН над 15% от учениците отпадат от училище след начален етап, а броят на необхванатите в образователната система е още по-голям. По тази причина днес особена актуалност придобиват въпросите, свързани с обучението по български език като обучение по втори език. Без ефективна училищна интеграция на ромското малцинство образователната система остава чужда на значителен процент български граждани и не би могла да отговори на изискванията на трудовия пазар за квалифицирана работна сила. А това буди тревога предвид прогнозите, че през 2020 г. една четвърт от новите работници в страната ще бъде от ромски произход. Ето защо първостепенна задача пред образователната политика на българската държава е да се мотивират подрастващите от малцинствените групи да се приобщят към българската образователна система. Проучванията показват, че ако в първите години на обучение в училище се изградят устойчиви и благоприятни условия за общуване на официалния език, ще се ограничи или предотврати отпадането на учениците от малцинствените групи в следващи етапи и степени на образованието [8, с. 681].

В сравнение със ситуацията в България решаването на проблемите с интеграцията на ромското население в Унгария е улеснено поради постепенното изчезване на ромските диалекти. Езикова смяна протича в условията на двуезичие при строго функционално разпределение, но ясно очертана е тенденцията към нарастване на относителния дял на ромите, говорещи само на унгарски език. Резултатите от последното преброяване сочат, че 90% от унгарските цигани са монолингви и си служат изцяло с унгарски език; само 5% смятат за свой майчин език ромският, а останалите 5% — беашкият.

Значим фактор за запазване на етнолингвистичното разнообразие е законодателната база, която предоставя достатъчно широка защита на правата и свободите на представителите на малцинствените етноси с цел запазване и укрепване на малцинствената идентичност. В унисон с европейската езикова практика и в двете разглеждани държави изучаването на майчиния език е право, закрепено в Конституцията и в Рамковата конвенция за защита на националните малцинства, по която Унгария и България са страни. Макар че за разлика от Унгария България не е ратифицирала Европейската харта за регионалните или малцинствените езици, на национално равнище четири малцинствени езика са официално одобрени за изучаване в училище от първи до седми клас като предмет „Майчин език“: арменски, иврит, ромски и турски.

Съгласно чл. 49 от Закона за радиото и телевизията Българското национално радио и Българската национална телевизия излъчват национални и регионални предавания, предназначени за българските граждани, чийто майчин език не е българският, включително и на техния език.

Националностите в Унгария са законово овластени сами да решават въпросите, свързани с културната, етническата и религиозната си самобитност. Малцинствените

езици присъстват във всички етапи и степени на училищното образование; те са по-широко представени и в медиите — обстоятелство, породено и от културната политика на Унгария спрямо унгарските малцинства извън страната. Влезият в сила през 2012 г. Закон CLXXIX за националностите стимулира националните общности да съхранят основните елементи на своята идентичност (религия, език, традиции и културно наследство), да поддържат и развиват своята култура, да участват активно в живота на страната. В съответствие със Закона за медиите от 1996 г. Националното радио и Националната телевизия излъчват два пъти седмично 30-минутни програми на езика на официално признатите националности. Радиостанциите MR4, Rádió © предават изцяло на малцинствени езици. Всяка от 13-те националности издава свой печатен орган — важно средство за запазване на езика, културата и традициите ѝ.

Езиковите малцинства в Унгария, в това число и най-малобройните, разполагат със свои институционални форми, които имат право на финансиране, на материална база и на представителство в държавната управленска структура. Обществената роля на националностите намира поле за изява в рамките на различни граждански организации. Изградената система от местни, столични и републикански самоуправления забавя значително процеса на естествена асимилация на етнокултурните общности.

Според езиковата си ситуация представителите на различните етноси в България са билингви, другоезични монолингви (владееят само етническият си диалект) или българоезични монолингви, т. е. говорят само някоя от формациите на българския език.

Тенденциите в езиковите процеси в Унгария са в полза на официалния език, което на свой ред отслабва мотивацията за изучаването на националните езици. Билингвизмът на представителите на националностните групи е с доминиращ унгарски език и постепенно преминава в индивидуален. Монолингви, владеещи само своя етнически език, почти няма. За сметка на това все повече се разраства едноезичието, при което официалният унгарски език се налага като първи език във функционално отношение, включително и в неформалното общуване. Важно е обаче да се отбележи, че днес езикът на официално признатите националности и потомците им не е единен феномен, а е представен от различни варианти, тясно свързани с типа поколение и типа семейство, към които принадлежат носителите на техните езици [4, с. 252–255].

Поради разлики в степента на владеење на миноритарния и на официалния (унгарски) език при отделните националности, както и в зависимост от културните им особености, програмите за възпитание и обучение на малцинствата са разнообразни (цялостно обучение на малцинствен език в т. нар. националомалцинствени училища, смесено обучение в двуезични училища, факултативно изучаване на малцинствения език в унгарски училища). Всяка програма за малцинствено обучение отразява както историческият опит на дадената националност, така и съвременното състояние на нейното образование.

Обучението в малцинствените училища се осъществява в съответствие с Националния базов учебен план. Това осигурява единство на образователните изисквания в рамките на унгарската образователна система, в същото време дава равни шансове за реализация на децата, които се обучават в тези училища. Съгласно Националния базов учебен план цел на малцинственото обучение е да „укрепи съзнанието на учениците за принадлежност към националното малцинство“ [9, с. 1065].

Участието на неунгарските общности в обучението по матерен език е различно — най-активно се възползват от него представителите на циганското и на немското малцинство. Преобладаващото мнозинство от децата, участващи в организираното обучение за малцинства, изучават миноритарния език като чужд. Малцина са тези, които постъпват в училище с придобити в семейството умения за общуване на дадения етнически език. С това се обяснява фактът, че след изучаването му в продължение на 8–10 години учениците така и не успяват да го усвоят на ниво майчин език.

Относно обучението по малцинствени езици се установяват някои съществени разлики между унгарската и българската образователна система.

В България се отдава голямо значение на ранното езиково обучение, но в предучилищното образование се предлага изучаване само на чужд език, не и на езиците на традиционните за страната етнически малцинства. В Унгария на предучилищно ниво се изучават само малцинствени езици.

В България обучението по малцинствени езици е предназначено единствено за деца от малцинствата, в Унгария то е достъпно за всички ученици. Малцинствените езици се предлагат или като отделни предмети, или като средство за обучение. В България не се допуска използването на майчин език като език на преподаване в училищата, тъй като това би създавало огромно напрежение в районите със смесен етнически състав и особено в селата, в които малцинството е доминиращото или единственото население. Училището е мястото, където системно и последователно може да бъде усвоен държавният езиков стандарт и това определя значението му за личността и обществото.

В Унгария палитрата от малцинствени езици, официално предлагани в образователната система, е по-широка. В България условията за защита и насърчаване на малцинствените езици са по-ограничени. Обучението по майчин език се осъществява в рамките на задължително избираемата подготовка като алтернатива на часовете по чужд език. Майчин език може да се изучава и като свободноизбираем предмет с допълнително финансиране от общината и извън задължителния хорариум. Това е причина много от децата с майчин език турски да не го записват и техният брой да намалява с всяка изминала година. Данните на Министерството на образованието и науката очертават ясна тенденция към спад в броя на учениците, желаещи да изучават своя майчин език [10, с. 21]. Това обаче не води до повишаване на успеваемостта при обучението по български език в районите с етнически нееднородно население. Напротив, резултатите на учениците от етническите

малцинства свидетелстват за затруднена езикова адаптация, за ниска степен на грамотност, за липса на умения за комуникация на български език, което от своя страна води до ширещата се функционална неграмотност.

Като цяло може да се каже, че системата за изучаване на малцинствени езици в Унгария е по-развита и обхватна: законово е регламентирано изграждането на мрежа от държавни и частни образователни институции за малцинствено обучение в различните образователни степени – предучилищно, основно, средно, професионално и висше образование. По-малобройните националности, които не представляват компактна общност, култивират майчиния си език в рамките на неделни училища. Учители по всички малцинствени езици, с изключение на арменски и русински, се подготвят в шест висши учебни заведения. Няколко унгарски висши училища подготвят педагози с профил ромски език [4, с. 261]. Към момента българското Министерство на образованието и науката не осигурява обучение на педагози по ромски език, така на практика не позволява провеждането на качествено обучение по майчин ромски език.

Във връзка с обучението по малцинствени езици се очертават някои общи проблеми и тенденции в сравняваните езикови ситуации. Слабостите в обучението произтичат не от липсата на нормативна обезпеченост, а от недостатъчна решимост да се прилагат законите. Правната рамка за подкрепа на малцинствените езици е ясно установена, но са необходими конкретни действия в областта на практическото прилагане на многоезичието.

Причините за намаляващия брой на учениците, които се възползват от възможността да изучават майчиния си език, са свързани най-вече със слабата заинтересованост от страна на родителите, с недостига на педагогически кадри с подходяща квалификация, с дефицита на одобрени учебни помагала по всички предлагани езици. На практика в България няма стандартизация нито на съществуващите основни ромски патоя, нито на писмената система. Това прави трудноосъществима идеята да се откриват училища с преподаване изцяло на ромски език. Нещо повече, част от хората, които се самоопределят или биват определяни от другите като роми, не говорят ромски език. Техният първи (майчин) език е съответният регионален диалект на българския, турския или румънския език [11, с. 13].

В Унгария малцинственото обучение губи своето значение за част от представителите на националните малцинства заради ниското ниво на езикова компетентност, с което децата от тези общности постъпват в училище. Решението на родителите дали децата им да изучават малцинствения език е повлияно в значителна степен от оценката за престижността на езика и за практическата полза от усвояването му. А престижността е тясно свързана със социалната репутация на носителите на езика. С това се обяснява например повишеният интерес към немското малцинствено образование в Унгария или към т. нар. еврейско училище в София. Някои от унгарските програми за изучаване на майчин език функционират като прикрити форми на чуждоезиково обучение, особено в случая с немския, където

много от децата нямат малцинствен произход. Училищата се възползват от етикета на малцинственото образование, за да осигуряват допълнително финансиране на дейността си.

В резултат на проведеня анализ могат да се направят следните изводи.

През последните десетилетия се наблюдават количествени и качествени изменения в употребата на миноритарните езици в Унгария. Те все повече стесняват функционалния си обхват. В рамките на унгарските националности протича интензивна езикова асимилация, отколкото сред етническите малцинства в България, въпреки това са очевидни положителните нагласи към многоезичните умения там, където по-младото поколение е силно мотивирано да изучава различни чужди езици поради нарастващата им конвертируемост.

Провежданата в Унгария езикова политика по отношение на националностите има по-конструктивен характер, отчита разпространеността на малцинствените езици и социалните им функции, насочена е към запазване и насърчаване на езиковото и културното многообразие в страната.

За българската езикова политика са характерни не особено системни и последователни действия. Въпреки мащабните програми за модернизация на образованието и разширяване на възможностите за качествено обучение по майчин език, липсва дългосрочен и ясен закон, административен и финансов ангажимент на българската държава спрямо етническите малцинствени общности.

Список использованной литературы

1. Алексова К. Езиковата ситуация в София на фона на езиковата ситуация в България (върху данни за етнолингвистичното разнообразие) // Проблеми на социолингвистиката. Т. 12. Езиковата ситуация – състояние и тенденции. София : Международно социолингвистическо дружество, 2016. С. 254–270.
2. Koeva S. The language situation in Bulgaria // Gerhard Stickel (ed.) . National language institutions and national languages. Contributions to the EFNIL Conference 2017 in Mannheim. Budapest : Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, 2018. P. 183–193.
3. Magyarország területén élő nemzetiségek helyzetéről. URL: [http:// nemzetisegek.hu/repertorium/2016/01/belivek_32-48.pdf](http://nemzetisegek.hu/repertorium/2016/01/belivek_32-48.pdf) (дата достъпа 26.02.2019).
4. Knipf E. Nem magyar nyelvű kisebbségek magyar nyelvi közegben // Tolcsvai N. G. (szerk.). A magyar nyelv jelene és jövője. Budapest : Gondolat Kiadó, 2017. P. 239–264.
5. Тодоров Ив. Т. Как ще изглежда България след 20 години? // 24 часа, 07.05.2014. URL: <https://www.24chasa.bg/Article/4067814> (дата достъпа 12.03.2019).
6. Бърдаров Г., Илиева Н. Хоризонт 2030. Демографски тенденции в България. София, 2018. 33 с. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/sofia/14730.pdf> (дата достъпа 14.03.2019).
7. Vietnami, orosz és arab népességrobbanás, roma tragédia Magyarországon. // HVG, 28.03.2019. URL: https://hvg.hu/itthon/20190328_Vietnami_orosz_es_arab_nepessegrobbanas_roma_tragedia_Magyarorszagon (дата достъпа 28.03.2019).

8. Мандева М. Обучението по български език – инструмент за предотвратяване отпадането от училище // Педагогика. 2015. № 5. С. 678–692.

9. Nemzeti Alaptanterv 2012. URL: http://ofi.hu/sites/default/files/attachments/mk_nat_20121.pdf (дата доступа 24.02.2019).

10. Стратегия за образователна интеграция на деца и ученици от етническите малцинства (2015–2020). URL: https://www.mon.bg/upload/6599/strategy_integration.pdf (дата доступа 24.02.2019).

11. Колев Д., Крумова Т. Ромите в България. Информационен справочник. София : Институт «Отворено общество», 2008. 95 с. URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/view/29359447/-/9> (дата доступа 22.02.2019).

Симеонова Кристияна Симеонова,

доктор филологии, главный ассистент, Институт болгарского языка, Болгарская академия наук, Болгария, г. София, e-mail: krisi1@mail.bg

УДК 81.42

О некоторых явлениях и тенденциях в современном болгарском и русском политическом дискурсе

Аннотация: Данная статья посвящена некоторым интересным языковым явлениям, которые наблюдаются сегодня в болгарской и российской общественно-политической лексике. Эти явления имеют сходный характер, который объясняется сходным характером некоторых политических и экономических процессов в обеих странах. Такими типичными для обоих языков являются растущая обусловленность общественно-политической лексики экстралингвистическими факторами, вхождение в эту лексику более раскрепощенного, более экспрессивного и более образного языка, выход из активного употребления части лексики, связанной с периодом социализма, и др. Автор рассматривает примеры, взятые в основном из российских средств массовой информации, которые иллюстрируют эти явления.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, политическая терминология, идеология, экстралингвистические факторы, метафора.

Christiana Simeonova

PhD in Philology, Institute of Bulgarian language Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria, Sofia

On some phenomena and trends in the contemporary Bulgarian and Russian political discourse

Summary: This paper is devoted to some interesting language phenomena that are happening today in Bulgarian and Russian socio-political vocabulary. These phenomena are of a similar nature, which is explained by the similar nature of some political and economic processes in both countries. Such phenomena typical of both languages are the increased conditioning of the socio-political vocabulary by extra-linguistic factors, the introduction into this vocabulary of a more expressive, more expressive and more expressive language, the exiting from active use of part of the vocabulary related to the period of socialism and oth-

ers. The author points out many interesting examples, taken mostly by Russian media, to illustrate these phenomena.

Key words: public-political vocabulary, political terminology, ideology, extralinguistic factors, metaphor.

Общеизвестным является факт, что язык как общественное явление не может оставаться равнодушным и не затронутым тем, что происходит в жизни общества. Наоборот! Коренные изменения в общественно-политической, экономической и социальной жизни неизбежно находят свое отражение в языке и прежде всего в лексике, поскольку она наиболее быстро и остро реагирует на эти изменения, отражая их новыми лексическими и фразеологическими единицами. Любое радикальное изменение условий, в которых живут носители данного языка, находит наиболее полное отражение в основном в области общественно-политической лексики, которая меняется с интенсивностью, зависящей от величины изменений в политической и экономической обстановке.

Вопрос о самых характерных явлениях, происходящих сегодня в болгарском и русском политических дискурсах, чрезвычайно обширен и не может быть исчерпан в рамках короткого изложения. Здесь я попытаюсь остановиться только на самых важных из них. Современная политическая лексика на болгарском и русском языках отражает на лингвистическом уровне динамические и крупные изменения, наступившие в общественно-политической, экономической и социальной жизни в обеих странах и во всем мире за последние двадцать лет.

Неоспоримым фактом признается то, что одной из важнейших особенностей политической лексики является ее прямая связь с идеологией. Идеология представляет собой очень сложный общественный феномен. Как система определенных политических, философских и других взглядов, идей, представлений и понятий, присущих определенной партии, классу или социальной группе, идеология является отражением общественного, политического и экономического строя определенной эпохи. Этот факт находит свое лингвистическое выражение в идеологизированности политической терминологии, учитывая то обстоятельство, что идеологически релевантными являются только те термины, которые возникли в результате идеологического переосмысления реальности. Ряд философских и общенаучных терминов, которые входят в состав политической терминологии, не идеологизированы [1, с. 15]. Интерес вызывает тот факт, что русский исследователь Т. Крючкова говорит о так называемой *потенциальной идеологизированности*. Под этим она понимает, что в определенных контекстах и при определенных ситуациях чуть ли не любое идеологически нейтральное слово может получить идеологическую окраску [1, с. 17].

При этом для сегодняшней болгарской и русской политической речи характерным признаком является ее усиленная обусловленность экстралингвистическими факторами. В сфере политики у нас наблюдается вербальная коммуникация как между политическими субъектами в рамках самой политической системы, так и между ними, с одной стороны, и остальной частью общества — с другой. Очень существенным

моментом является то, что при этой коммуникации целью является не только предоставление информации, но и воздействие на зрителей или слушателей, формирование или изменение определенных убеждений, взглядов, ориентаций и пр. Это определяет все более полное проникновение в болгарский и в русский политический дискурс раскрепощенного языка, экспрессивного заряда, образности и эмоциональности высказывания с целью достижения более крупного и более яркого воздействия на слушателей. Все это вписывается в сегодняшние процессы общей демократизации языка. Однако эта демократизация была в какой-то степени неправильно воспринята как вседозволенность. В официальный политический устный дискурс и в язык печатных и электронных СМИ хлынули элементы просторечия, жаргонизмы, вульгаризмы и даже, к сожалению, цинизмы. Конечно, мы не можем оправдать этот способ формального выступления, даже против аргумента, что язык как общественное явление является зеркалом общества, следуя за общественным развитием, и вседозволенность во всех сферах общественной жизни логически также наблюдается и в языке. Сегодня в значительной степени ослабевают и расходятся строгие и четкие границы, которые в прошлом отделяли официальное общение от неофициального. Кроме того, из-за своего своеобразного (а может быть, и неправильного) понимания свободы слова почти отсутствует самоконтроль у говорящих за их собственной речью. Сегодня в официальных публичных выступлениях наблюдается сильное увеличение употребления элементов низкого стиля (т. е. разговорных, жаргонных, вульгарных и других слов). Для того, чтобы нейтрализовать сухую и скучную книжную официальность из недавнего прошлого, сегодняшняя политическая речь сознательно ищет свежее, колоритное и красочное речевое поведение, потому что такое поведение очень выразительно и увлекательно для народных масс, оно заражает своей непринужденностью. Эти языковые средства очень привлекательны для выполнения стилепонижающей и экспрессивной функции. Игнорируя строгие и в некоторой степени искусственные нормы и правила политической речи, существовавшие во время социализма, политики, министры и депутаты, возможно, стремятся сократить дистанцию между собой и избирателями, показать свою близость к народу, быть ясными и понятными для простых людей через свое говорение. Несмотря на это, однако, стилистическое снижение и сильное влияние просторечной речи в политическом дискурсе болгарского и русского обществ, по всей вероятности, уже перешли предельно допустимые границы. Не только в Болгарии, но и в России речевая деятельность многих современных политиков и журналистов вызывает тревогу у болгарских и русских лингвистических обществ, а также у общества в целом. Сегодня едва ли не постоянной рубрикой во многих авторитетных русских средствах массовой информации, таких как «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Итоги» и т. п., стала публикация т. наз. «жемчужин» речевой деятельности политиков и журналистов. Я позволю себе указать на интересный факт. Валентина Ивановна Матвиенко (российский политик, которая в 1998 году стала заместителем Председателя Правительства Российской Федерации и оставалась на этом посту до 2003 года, а с 21 сентября 2011 года является Председателем Совета Федерации России) в своем интервью рассказывает, что более полу-

года пыталась отучить одного из высокопоставленных государственных чиновников от употребления грубой и просторечной лексики во время заседаний правительства. «Я добилась весьма скромных успехов», — был ее вывод. Интервью было дано газете «Комсомольская правда» в ноябре 2000 года. Беспокойство в российском обществе по этой теме настолько велико, что в 1994 году выходит книга «Культура парламентской речи», а в 2010 году вышло третье переработанное и дополненное издание книги «Не говори шершавым языком».

Очень важным и характерным процессом в современном болгарском политическом дискурсе является **выход из активного употребления части лексики, связанной с периодом социализма**, из-за исчезновения или деактуализации понятий, которые она означает. Напр., такие понятия, как *ленински съботник, преходно червено знаме, колхоз, совхоз, комсомол, чавдарче, стахановец, агитпропотдел, отечественофронтовец, пролетарий* и др., не понятны самому молодому поколению. Однако другая часть появившейся во время социализма лексики не вышла из активного употребления и известна даже самым молодым. Напр. *партиен секретар, централен комитет, стенвестник, орденосец, ударник, народна власт, социалистическа революция, политическа пропаганда, идеологическа диверсия* и др. На это интересное явление обращают внимание болгарские исследователи Л. Крумова-Цветкова и Д. Благоева. По мнению Л. Крумовой-Цветковой, эта лексика не устарела, а устаревает, так как при ней процесс старения во многих случаях еще не закончился [2, с. 366]. Д. Благоева отмечает, что, «однако, когда речь идет о лексике близкого переходного периода, нередко наблюдается неравномерность в деактуализационных процессах. Это означает, что возможно, чтобы лексические единицы, деактуализованные для лингвистического сознания определенных социальных групп, оставались в силе для других частей общества» [3, с. 133].

Как уже было упомянуто, в настоящее время и в Болгарии, и в России есть стремление к тому, чтобы в политическую речь вошли раскрепощенный язык, экспрессивный заряд, образность и эмоциональность высказывания. Одним из наиболее часто используемых в обоих языках способов для всего этого является расширение употребления метафор, метонимий, фразеологических словосочетаний, устойчивых сравнений и т. д. Российский исследователь А. Чудинов говорит: «Метафоричность — один из важнейших признаков современной русской агитационно-политической речи... Метафорические модели ярко отражают современные представления о российской действительности и языковой вкус эпохи... В метафорическом зеркале отражаются мировосприятие граждан России, их представления о специфике современного этапа экономического и политического развития страны, их отношение к властным структурам и оппозиции, к политической деятельности и новым условиям жизни, их реакция на важнейшие события в жизни государства [4]. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих употребление метафор, метонимий, фразеологизмов и устойчивых сравнений в русском политическом дискурсе. «*Избранный президент и страна — как жених и невеста, инаугурация — как вступление в брак, а последующий период — как медовый месяц*» (отрывок из публицистической передачи по Первому каналу); «*Цзян*

Дзэминь сделал Путину предложение, от которого невозможно отказаться, а именно: юридически оформить брак с Россией» (отрывок из рубрики комментариев в печати); *«Представители президента – это не только лицо исполнительной власти, это ее и глаза, и уши, и все остальное»* (отрывок из публицистической передачи по Первому каналу); *«Финансовый кризис дал депутатам серьезный шанс попробовать на зуб прочность президентской власти»* (отрывок из публицистической передачи по Первому каналу); *«Нашей партии нет необходимости прятаться за чью-то спину»* (отрывок из выступления Вл. Жириновского); *«Многие голосуют ногами, то есть попросту не ходят на выборы»*; *«Кавказ давно уже называют ахиллесовой пятой России»*; *«Еще с лета 1990 г. Россия начала переговорный процесс с другими союзными республиками о мирном, нежном разводе»* (последние примеры – из русской печати). Другие часто употребляемые в сегодняшнем русском политическом дискурсе метафорические выражения, имеющие соответствия в болгарском языке: *удар ниже пояса* (использование незаконных средств в политической борьбе), *получить красную карточку* (в случаях, когда политик теряет поддержку и доверие избирателей и пр.), *хамелеон меняет окраску* (о политике, который часто меняет свои взгляды с целью остаться у власти), *страус прячет голову под крыло* (когда кто-то не хочет узнать неприятную для него правду), *косметический ремонт* (о незначительных, несущественных и ничтожных реформах), *камень преткновения* (о препятствии, затруднении) и др. Яркую образность придают языку такие словосочетания, как *нужен как рыбе зонтик (или как прошлогодний снег)*, *вертеться (или крутиться) как береста на огне*, *жить (или чувствовать себя) как на вулкане*, *(за)путаться как муха в паутине*, *звучать словно набат*, *бродить (или жить) как в потемках*, *пропасть (или погибнуть) как швед под Полтавой* и др.

Путем метафорического переноса в болгарской и русской терминологии получены термины *блокада*, *корпус*, *имунитет*, *марионетка*, *интервенция*, *реставрация* и др. Напр., при слове *марионетка* в результате метафорического переноса из прямого значения *кукла с подвижными ртыце, крака и глава, която се привежда в движение чрез дърпане на конци* получается метафорическое *несамостоятелен човек, който изпълнява чужди желания и заповеди и действа по чужда воля*. То же самое и в русском языке: *марионетка* – из значения *театральная кукла, приводимая в движение при помощи нитей*, путем метафоры получается значение *человек или политический деятель, лишенный подлинной самостоятельности и действующий по воле других*. При слове *имунитет* из значения *вродена или придобита невъзприемчивост спрямо определени заразни болести* путем метафоры получается значение *гарантия за неприкосновеност на дадено лице, според която по отношение на него действието на наказателния закон е ограничено и лицето не може да бъде задържано, арестувано, привлечено към съдебна отговорност и пр.* В русском языке также встречаются оба значения: *имунитет* – *невосприимчивость организма к возбудителям инфекционных заболеваний* и *имунитет* – *предоставленное кому-нибудь исключительное право не подчиняться некоторым общим законам и правилам*. При слове *реставрация* из значения *възстановяване в първоначалния им вид на архитектурни паметници, исторически находки и произведения на изкуството* путем метафоры получается значение *възстановяване на предишен по-*

литически строй, на предишно статукво. То же самое и в русском языке: *реставрация* — восстановление обветшалых или разрушенных памятников искусства, старины в прежнем, первоначальном виде и *реставрация* — восстановление прежнего, свергнутого политического строя.

Путем метафоры в болгарском и русском языках формируется также значение многих словосочетаний. Здесь я должна отметить, что существуют в основном два случая, а именно: при некоторых терминах метафора охватывает все части словосочетания, а при других — метафорическое употребление затрагивает только один терминологический элемент. Более интересными случаями терминов-словосочетаний, в которых метафоризированы все терминологические элементы, причем данное словосочетание имеет новое метафорическое значение как понятие, являются следующие: *желязна завеса* (рус. *железный занавес*), *студена война* (рус. *холодная война*), *изтичане на мозъци* (рус. *утечка мозгов*), *вятър на промяната* (рус. *ветер перемен*), *лов на вещици* (рус. *охота на ведьм*), *нежен развод* (рус. *нежный развод*), *нежна революция* (рус. *нежная, или бархатная, революция*). Напр., *желязна завеса*. Это понятие было сформировано путем метафорического переноса значений существительных *желязо* и *завеса* для обозначения политико-пропагандистского термина, служащего популярным названием разделения между восточноевропейскими социалистическими странами, зависящими от Советского Союза, и западными некоммунистическими странами. То же самое можно сказать и о термине *студена война*, вошедшем в употребление после Второй мировой войны для обозначения напряженной международной обстановки и острого противопоставления между западными капиталистическими государствами, с одной стороны, и восточными социалистическими — с другой, в таких областях, как политика, экономика, идеология, культура и многое другое, причем все это сопровождается усилением гонки вооружений, угрозой использования силы, стремлением к диктату и пр. Существительное *война* и прилагательное *студен* начинают означать острый конфликт, отъявленное противопоставление и бескомпромиссную борьбу. Другой пример: *нежен развод* — *разделяне на бивша федеративна социалистическа република на отделни суверенни държави, което е извършено по мирен, ненасилствен път*.

Более интересными являются случаи, при которых метафорический перенос и метафорическое употребление затрагивает только один (или не все) терминологический элемент: *транспортен коридор* (рус. *транспортный коридор*), *депутатски имунитет* (рус. *депутатский иммунитет*), *дипломатически имунитет* (рус. *дипломатический иммунитет*), *информационно затъмнение* (рус. *информационное затмение*), *информационна завеса* (рус. *информационный занавес*), *марионетно правителство* (рус. *марионетное правительство*) и др. При словосочетании *марионетна партия*, *марионетно правителство* и др. метафора затрагивает первый терминологический элемент, который является прилагательным, а при *депутатски имунитет*, *дипломатически имунитет*, *информационна завеса*, *транспортен коридор* и др. — второй терминологический элемент, который является существительным. Напр. при *транспортен коридор* терминологический элемент *транспортен* сохраняет свое прямое значение, а процессу метафоризации подверглось значение *коридор*, и данное словосочетание начинает означать *международно пространство, което се предоставя на ня-*

кого (обыкновенно на чуждестранни военни части) за достъп до дадена територия по силата на предварително сключени договори и споразумения.

Основным выводом настоящего исследования является то, что сегодняшние тенденции и явления в болгарском и русском общественно-политическом дискурсе имеют сходный характер, который объясняется, с одной стороны, некоторыми сходными политическими и экономическими процессами в обеих странах, а с другой – некоторыми общими чертами и направлениями в развитии самих языков, которые ведут к специфическому способу письменного и устного выражения, сформировавшемуся в рамках данной институциональной сферы, в данном случае политики.

Конечно, это не нетипично, когда речь идет о двух генетически связанных и родственных языках. Сопоставительное рассмотрение данных явлений способствует их более глубокому изучению и познанию. В этом отношении болгарский и русский языки – эти великие и богатые славянские языки – предлагают нам еще много вопросов, открытых для будущих исследований.

Список использованной литературы

1. Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М. : Наука, 1989. 149 с.
2. Крумова-Цветкова Л. Остаряващи думи, значения и форми в съвременния български книжовен език // Езиковедски изследвания в чест на чл. -кор. проф. д-р Т. Бояджиев, проф. д-р В. Попова и проф. П. Пашов». София : Университетско издателство «Св. Кл. Охридски», 2009.
3. Благоева Д. Актуални процеси в българската обществено-политическа лексика // Магията на думите. София : Академично издателство «Проф. М. Дринов», 2012.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. URL: http://philology.ru/linguistics2/chudinov_01.htm

Барысенка Вольга Уладзіміраўна,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускай мовы і літаратуры ўстановы адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт», Рэспубліка Беларусь, Мінск

УДК 811.271 : 378

Беларуская мова як аснова фарміравання полікультурнай кампетэнтнасці замежных студэнтаў у Рэспубліцы Беларусь

Анатацыя. Фарміраванне полікультурнай кампетэнтнасці адбываецца на працягу ўсяго часу навучання студэнта ў вышэйшай навучальнай установе пры вывучэнні ўсіх прадметаў гуманітарнага цыклу. У выніку атрымліваюць сваё развіццё такія асобныя характарыстыкі, як талерантнасць, свядомасці, гуманістычныя каштоўнасці, арыенціры, адаптыўнасць і дыялагічнасць да іншай культуры.

туры, уменне ажыццяўляць прафесійную дзейнасць ва ўмовах полікультурнага адукацыйнага асяроддзя. У працэсе вывучэння беларускай мовы іншаземец знаёміцца з новай канцэптуальнай карцінай свету, адбываецца асэнсаванне нацыянальных і міжкультурных стэрэатыпаў. У артыкуле разглядаюцца спосабы інтэрпрэтацыі беларускага светапогляду ў навучальных мэтах на прыкладзе працы з песняй. Песня — гэта арыгінальны неадаптаваны тэкст, які можа быць прапанаваны вучням на самых ранніх этапах навучання. Песня — гэта факт беларускай культуры і прыклад вуснай мовы. У песні аб'ядноўваецца тэкст і музыка, што дае магчымасць дабратворна ўздзейнічаць на пачуцці і эмоцыі студэнтаў.

Ключавыя словы: неадаптаваны тэкст, беларускі менталітэт, нормы паводзінаў, культура-лагічная кампетэнцыя.

Борисенко Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусского языка и литературы, Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, г. Минск, olga.volha1964@gmail.com

Белорусский язык как основа формирования поликультурной компетентности иностранных студентов, обучающихся в Республике Беларусь

Аннотация. Формирование поликультурной компетентности происходит на протяжении всего времени обучения студента в высшем учебном заведении при изучении всех предметов гуманитарного цикла. В результате получают свое развитие такие личностные характеристики, как толерантность сознания, гуманистические ценностные ориентиры, адаптивность и диалогичность к иной культуре, умение осуществлять профессиональную деятельность в условиях поликультурной образовательной среды. В процессе изучения белорусского языка иностранец знакомится с новой концептуальной картиной мира, происходит осмысление национальных и межкультурных стереотипов. В статье рассматриваются способы интерпретации белорусского мировоззрения в учебных целях на примере работы с песней. Песня — это оригинальный неадаптированный текст, который может быть предложен учащимся на самых ранних этапах обучения. Песня — это факт белорусской культуры и пример устной речи. В песне объединяются текст и музыка, что дает возможность благотворно воздействовать на чувства и эмоции студентов.

Ключевые слова: неадаптированный текст, белорусский менталитет, нормы поведения, культурологическая компетенция.

Volha Barysenka

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Belarusian language and literature, Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus, Minsk

The Belarusian language as a basis for the formation of multicultural expertise of foreign students studying in the Republic of Belarus

Abstract. The formation of multicultural competence occurs throughout the student's training in higher education in the study of all subjects of the cycle of the liberal arts. As a result, such personal characteristics as tolerance of consciousness, humanistic values, adaptability and dialogicity to another culture, the ability to carry out professional activities in a multicultural educational setting are developed. In

the process of studying the Belarusian language, a foreigner provides with a new conceptual picture of the world, there is an understanding of national and intercultural stereotypes. The article is about the ways of interpretation of the Belarusian picture of the word for educational purposes through the song. A song is an ingenious unadapted text that can be offered to students at the earliest stages of studying. The song is a piece of Belarusian culture and an example of spoken language. The song combines lyric and music, which makes it possible to have a general influence on the feelings and emotions of students.

Key words: unadapted text, Belarusian mentality, rules of conduct, cultural competence.

У дакладзе міжнароднай камісіі ЮНЕСКА аб глабальных стратэгіях развіцця адукацыі ў XXI стагоддзі гаворыцца, што адукацыя павінна спрыяць таму, каб, заднаго боку, чалавек ўсвядоміў свае карані і тым самым мог вызначыць сваё месца ў свеце, і з другога — прышчапіць яму павагу да іншых культур. На сучасным этапе няма адзінага падыходу да вызначэння паняцця полікультурнай кампетэнтнасці. Разглядаючы праблему вызначэння структуры полікультурнай кампетэнтнасці, В. Мельнік адзначае: «розныя даследчыкі ў якасці складнікаў яе элементаў называлі веды, уменні, навыкі, здольнасці, матывы, каштоўнасці, перакананні, вопыт, асобныя якасці чалавека і г. д. Прычым адны робяць акцэнт на кампетэнтнасці як інтэгральнай, асобнай якасці чалавека, іншыя — на апісанні складнікаў яго дзейнасці, якія дазваляюць індывідууму паспяхова спраўляцца з рашэннем праблем» [1, с. 3]. Фарміраванне полікультурнай кампетэнтнасці адбываецца на працягу ўсяго часу навучання студэнта ў вышэйшай навучальнай установе пры вывучэнні ўсіх прадметаў гуманітарнага цыклу. У выніку атрымліваюць сваё развіццё такія асобныя характарыстыкі, як талерантнасць свядомасці, гуманістычныя каштоўнасныя арыенціры, адаптыўнасць і дыялагічнасць да іншай культуры, уменне ажыццяўляць прафесійную дзейнасць ва ўмовах полікультурнага адукацыйнага асяроддзя. У працэсе вывучэння беларускай мовы іншаземец знаёміцца з новай канцэптуальнай карцінай свету, адбываецца асэнсаванне нацыянальных і міжкультурных стэрэатыпаў. Неабходнасць уключэння міжкультурнай кампетэнцыі ў працэс навучання гэтаксама або нават больш важная, чым кампетэнцыя камунікатыўная. Важнасць міжкультурных ведаў для правільнага ўзаемадзеяння настолькі вялікая, што з'яўляецца неабходнасць увядзення ў адукацыйны працэс навучання міжкультурнай кампетэнцыі не толькі на занятках замежнай мовы. Веданне мовы не з'яўляецца поўным без яе сацыяльнага аспекту. Таму і падмаецца, акрамя праблемы моўнай кампетэнцыі, праблема кампетэнцыі сацыялінгвістычнай. Гэта адзін з тых навыкаў, які з'яўляецца часткай камунікатыўнай кампетэнцыі, і таму неабходны для яе дасягнення. Сацыялінгвістычная кампетэнцыя вызначаецца здольнасцю выкарыстоўваць мову адпаведным чынам у розных кантэкстах або моўных сітуацыях. У больш шырокім сэнсе, такім чынам, становіцца відавочнай важнасць ролі адукацыі, якая павінна шукаць шляхі развіцця міжкультурнай камунікацыі. «Абагульненне, згладжванне адрозненняў або проста неўцтва з'яўляюцца аднымі з перашкод на шляху да міжкультурнай камунікацыі. Паняцце камунікатыўнай міжкультурнай кампетэнцыі з'яўляецца універсальным з'явай незалежна ад месца і часу» [1, с. 490]. Навучыцца такой кампетэнцыі цяжка, таму што набываецца яна шляхам назірання за культурнымі элементамі. Студэнту важна назіраць іншую культуру,

каб ведаць яе лепш. Гаворка ідзе пра назіранні культурных мадэляў, з якімі можна пазнаёміццаў розных галінах пры кантакце з іншай культурай. Культура можа быць вызначана як набор звычак, агульных для ўсіх членаў групы, якія пражываюць на адной геаграфічнай прасторы, біялагічна абумоўленых, такія як сродкі зносінаў (з якіх базавым з'яўляецца мова), сацыяльныя адносіны на розных узроўнях, розныя віды паўсядзённай дзейнасці, прадукты гэтай групы і спосаб іх выкарыстання, тыповыя праявы асобы, як на нацыянальным, так і на індывідуальным узроўні і іх ўяўленні аб сваім уласным месцы ў свеце. Навукоўцы вызначаюць культуру як від светапогляду і спосаб быцця ў свеце чалавека, які падзяляе дадзеныя погляды з пэўным супольнасцю. Грунтуючыся на дадзенай канцэпцыі культуры, міжкультурную кампетэнцыю можна было б лёгка звязаць у розных кантэкстах з паняццем сучаснага грамадства. Каб пазбегнуць культурнага сутыкнення і мець эфектыўную міжкультурную камунікацыю, неабходна мець зносіны на адной мове, ведаць культуру суразмоўцы (у той жа час прызнаючы сваю ўласную культуру), не дапускаць прадузятасці і мець эмпатыю да прадстаўніка іншай культуры. Добры ўзровень кампетэнцыі ў галіне міжкультурнай камунікацыі неабходны для правільнага разумення паміж людзьмі, якія паходзяць з розных культур. Нават людзі, якія размаўляюць на адной мове, могуць сутыкнуцца з праблемамі міжкультурнай камунікацыі. Усведамляючы важнасць набыцця гэтага ўмення для пазбягання непаразуменняў у працэсе зносінаў, няправільнага тлумачэння або непрыязнасці ў адносінах да суразмоўцы, выкладчык павінен навучыць дадзенай кампетэнцыі разам з навучаннем замежнай мове.

Народныя песні дэманструюць стэрэатыпныя ўяўленні пра асноўныя нацыянальныя канцэпты. Яны могуць быць выкарыстаны ў якасці рэсурсаў на занятках па замежнай мове, песні прапануюць студэнтам падыход, неабходны для развіцця міжкультурнай кампетэнтнасці. Песня — гэта арыгінальны неадаптаваны тэкст, які можа быць прапанаваны навучэнцам на самых ранніх этапах навучання БМЭ. Песня — гэта факт беларускай культуры і ўзор вуснага маўлення. У песні яднаецца тэкст і музыка, што дае магчымасць дабратворна ўздзейнічаць на пачуцці і эмоцыі студэнтаў. Калі іншыя аўдыяматэрыялы студэнты слухаюць максімум тры разы, то песні спяваюць хорам, завучваюць на памяць. У вучэбных мэтах могуць выкарыстоўвацца розныя жанры песень як народных, так і аўтарскіх. Пры гэтым пры выбары песень выкладчыку вельмі важна ўлічваць узроставыя, гендарныя, нацыянальныя этнапсіхалагічныя асаблівасці навучэнцаў. Праца з песняй накіравана на выпрацоўку навыкаў аўдыявання і гаварэння, а таксама на ўзбагачэнне ведаў навучэнцаў пра беларускую культуру, нацыянальны характар. Песні маюць вялікі патэнцыял і для навучання моўнай сістэме, для фарміравання навыкаў маўленчай дзейнасці, развіцця камунікатыўнай кампетэнцыі студэнтаў. Працуючы з песенным тэкстам на занятках, студэнт мае магчымасць пазнаёміцца з рознымі тыпамі (аповяданне, апісанне, разважанне), стылямі маўлення (гутарковы, мастацкі, публіцыстычны). У песні можа быць простая і ўскосная мова.

Выкладчыкі замежных моў даўно выкарыстоўваюць песню на занятках. Маюцца нават вучэбныя песні, адмыслова напісаныя для падручнікаў. Гэта спецыфічныя

практыкаванні, у якіх адпрацоўваецца пэўны лексічны ці граматычны матэрыял. Напрыклад, у Бельгіі выдадзены вучэбны комплекс “Eventail” па французскай мове як замежнай з такім аўдыядадаткам. Ёсць дапаможнікі з песеннымі аўдыядадаткамі, у якіх падаецца спецыяльна падобраныя аўтэнтчныя песні, тэксты якіх могуць быць выкарыстаны ў вучэбных мэтах.

На жаль, па беларускай мове як замежнай не створана яшчэ такіх вучэбна-метадычных комплексаў, і таму выкладчыку самому прыходзіцца распрацоўваць дыдактычныя заданні да заняткаў, у тым ліку і падбіраць песні да пэўных момантаў працы ці над граматыкай, ці над лексікай. Ужо на пачатковым этапе можна выкарыстоўваць песні для замацавання вымаўлення і інтанацыі. Студэнты засвойваюць пэўныя беларускія моўныя клішэ без граматычнага ці структурнага аналізу фразы. Песня паўстае аўтэнтчным маўленчым узорам. Метадысты рускай мовы як замежнай Т. Саўчанка і К. Какорына лічаць, што песня з’яўляецца «вяршыняй, на якой сумуюцца ўсе атрыманыя моўныя веды, навыкі, ўменні, і асноўнай адзінкай навучання выступае тэкст <...>, а музыка — адзін з найбольш эфектыўных спосабаў уздзеяння на пачуцці і эмоцыі навучэнцаў» [2, с. 46]. Песня адначасова адчыняе некалькі каналаў успрымання, што павышае эфектыўнасць заняткаў, ствараючы спрыяльны псіхалагічны клімат, зніжаючы псіхалагічную нагрузку. Гэта актывізуе моўную дзейнасць, павышае эмацыйны тонус, падтрымлівае інтарэс да вывучэння мовы.

Эфектыўнасць навучання БМЗ пры рэгулярным звароце да беларускага песеннага матэрыялу была пацверджаная ў занятках у Мінскім дзяржаўным універсітэце, а таксама на Міжнароднай летняй школе беларусістыкі (Мінск, РІВШ). На розных этапах вывучэння БМЗ і з навучэнцамі розных узроўняў валодання выкарыстоўваліся розныя песні, адпаведныя тэме і зместу моманту вучэбнага працэсу.

Пры ўсёй разнапланавасці гэтых кампазіцый, можна адзначыць агульнае: песні падабаюцца студэнтам: мелодыя выклікае інтарэс да вывучэння тэксту; і словы, і музыка лёгка запамінаюцца; названыя песні дастаткова папулярныя — студэнты могуць пачуць іх і па-за заняткамі. Разуменне прычын папулярнасці музычных кампазіцый садзейнічае разуменню замежнікам беларускага менталітэту, нормаў паводзінаў.

Як правіла, праслухоўванню песні папярэднічаюць перадтэкставыя практыкаванні, накіраваныя на развіццё лінгвістычнай здагадкі, папярэдняе лексікону, тлумачэнне пэўных выказаў. Лінгвістычная праца вядзецца на краязнаўчым і культурознаўчым інфармацыйным фоне. На наступным этапе перад непасрэдным праслухоўваннем песні перад студэнтамі ставяцца задачы на агульнае разуменне тэксту. Далейшыя паслятэкставыя заданні залежаць ад узроўню валоданням беларускай мовай навучэнцамі. На самым пачатковым этапе гэта можа быць сумеснае чытанне тэксту песні з пастаноўкай гукаў і інтанацыі ды абмеркаванні зместу. На больш прасунутым ужо варта прапанаваць рэцэптыўныя, рэканструктыўныя, рэпрадуктыўныя і творчыя практыкаванні. Рэцэптыўныя заданні — гэта ідэнтыфікацыя пэўных лексічных адзінак ці граматычных формаў падчас аўдыявання. Рэканструктыўныя заданні накіраваны на ўзнаўленне элементаў тэксту (прапушчаных слоў, літар, граматычных формаў). Узнаўленне можа быць і культуралагічным: запіс уласных імёнаў, геаграфічных

назваў. У якасці паслятэкставых рэпрадуктыўных заданняў могуць быць прапанаваны трансфармацыі на ўзроўні слоў і фраз, канструяванні на ўзроўні словазлучэнняў і фраз. І нарэшце, творчыя заданні, якія фарміруюць камунікатыўныя навыкі студэнтаў.

Народная песня “Касіў Ясь канюшыну” прапануецца студэнтам-пачаткоўцам. Натуральна, варта выкарыстоўваць не толькі аўдыяматэрыял, але і відэарад, які адразу дапамагае вырашыць лексічныя праблемы. Перад праслухоўваннем можна ўспомніць поры году і назвы (этымалогію назваў) месяцаў, якія заняты адпавядаюць той ці іншай пары года. Студэнты першы раз слухаюць песню і адказваюць, у якую пару года адбываюцца падзеі, як зваць герояў. Імёны герояў (Ясь, Яніна, Станіслава) даюць магчымасць даць культурознаўчы фон да заняткаў: прадэманстраваць беларускія трансфармацыі класічных імёнаў, а таксама ўгадаць беларускіх дзеячоў культуры і мастацтва.

Студэнтам была прапанавана для запаўнення табліца некаторых мужчынскіх і жаночых імёнаў (кананічная, традыцыйная і памяншальнай формы).

Песня дае магчымасць пагаварыць пра сямейныя адносіны, успомніць беларускія намінацыі гэтых адносін. Студэнтам прапануецца сказаць, кім яны з’яўляюцца ў сваёй сям’і. Напрыклад, можна адначасова быць сынам, братам, стрыечным братам, дзядзькам, пляменнікам, унукам.

Сумеснае чытанне тэксту песні дае магчымасць адпрацаваць правілы чытання, калі вымаўленне часціцы “не” напісанне не супадае з напісаннем:

Каб я жоначку меў, // Я б не [н’а] піў і не [н’а] еў. Параўнаем, Станіславу не [н’э] хачу, // Бо на лаву не [н’э] ўсаджу.

З моўных практыкаванняў можна выканаць рэцэптыўныя і рэканструктыўныя заданні на формы дзеяслова “мець”, на адрозненне семантыкі дзеясловаў “любіць”, “кахаць” і “падабацца”.

У песні дэманструюцца стэрэатыпныя беларускія народныя ўяўленні пра станоўчыя якасці жанчыны. Спачатку ўзгадваем іх, а потым пашыраем сінанімічны рад да прыметнікаў “працывітая”, “лянівая”, і, нарэшце, праводзім дыскусію пра станоўчыя і адмоўныя мужчынскія і жаночыя якасці характару з пазіцыі ўжо нацыянальных уяўленняў студэнтаў. Не лішнім будзе успомніць лексіку апісання знешнасці і апісаць знешнасць тыповай беларускі і тыповага беларуса, а потым мужчынскі і жаночы тыпаж радзімы навучэнцаў.

Народную песню “Касіў Ясь канюшыну” для практыкі аўдыявання можна рэкамендаваць на пачатковым этапе вывучэння БМЗ. Твор мае ярка выражаны рытм, але не вельмі хуткі тэмп, нескладаную лексіку. Як паказала практыка, песня лёгка была засвоена студэнтамі, яны з задавальненнем спявалі яе на занятках і па-за вучэбнай аўдыторыяй.

Натуральна, што вывучыць мову толькі па песнях нельга, але пры гэтым яны робяць заняткі больш эмацыйнымі і цікавымі, а значыць, эфектыўнымі, з’яўляюцца сродкам фарміравання культуралагічнай кампетэнцыі студэнтаў.

У Еўропе склалася культуралагічная канцэпцыя адукацыі, якая патрабуе навучанне замежных мовах праводзіць у кантэксце дыялогу культур. Структурна-

семантычнае апісанне моўнай сістэмы, дапоўненае культуралагічных і камунікацыйных-маўленчых аспектамі, павінна інтэрпрэтавацца ў вучэбна-метадычных мэтах выкладання беларускай мовы як замежнай (БМЗ). Вывучэнне фактаў беларускай культуры адбываецца ў кантэксце новай парадыгмы: культура (мэта навучання) — мова (сродак навучання).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Мельник О. А. Организационно-методические аспекты формирования поликультурной компетентности участников образовательного процесса : учеб.-метод. пособие. Минск : АПО, 2017. 84 с.
2. Супрунов С. Е. От межкультурной коммуникации к межкультурному обучению // Молодой ученый. 2017. № 11. С. 490–493.
3. Какорина Е. О базовых принципах и методах преподавания РКИ в школе // Методика и технологии обучения русскому языку как иностранному (РКИ) детей младшего школьного возраста : материалы науч.-практ. конф. М., 2009. С. 46–55.

Кныш Ларыса Сяргееўна,

доцэнт, Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Рэспубліка Беларусь, г. Мінск, Loriknysh@gmail.com

УДК 338.48

Адукацыйны турызм як крыніца лінгвакультуралагічнай кампетэнтнасці студэнтаў-замежнікаў

Кныш Ларыса Сергееўна,

кандыдат філалагічных наук, доцэнт, Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Рэспубліка Беларусь, г. Мінск

Образовательный туризм

как источник лингвокультурологической компетентности студентов-иностранцев

*Анотацыя. **Образовательный туризм** — одно из активных направлений в рамках общей государственной программы экономико-туристического развития Республики Беларусь. В 2017 году в Беларуси училось более 20 тысяч иностранных граждан из 102 стран. Это бакалаврские и магистерские программы, повышение образования, дистанционное образование, курсы русского языка, дополнительное образование, летние школы. Образовательный туризм известен всем в мире, география его расширяется с каждым годом. Все больше и больше людей стремится посетить ту или иную страну, совмещая активный отдых с возможностью изучения языка этой страны, языковой практикой, с возможностью более глубоко через новую языковую картину мира постичь культуру, быт, историю этого народа. Если брать в целом современный геополитический контекст, то интерес к белорусскому языку — это результат общеевропейской образовательно-языковой политики, направленной на укрепление принципов многоязычия и поликультурности образования, признание многоязыко-*

вой личности в условиях глобализации приоритетом и ценностью (известная формула 1+2 родной язык и минимум два иностранных). Обучение языку сегодня декларируется не только как овладение предметными навыками (читать, писать, воспринимать, говорить), но и как часть метапредметных (общекультурных, когнитивных) компетенций, как способ формирования поликультурности, что требует выхода на лингвокультурный и лингвокогнитивный уровень изучения языка. В статье анализируется и обобщается опыт работы в Международной Школе Белорусистики (2015–2017 гг.), рассматриваются этапы работы МШБ (подготовка, заселение, открытие, культурная программа, обучение, закрытие) и др.

Ключевые слова: образовательный туризм, поликультурность, белорусский язык.

Larisa Knysk

Candidate of Sciences in Philology, associate professor, Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus, Minsk

Educational tourism as a source of linguistic and cultural competence of foreign students

Abstract. Educational tourism is one of the active areas within the framework of the common state programme of economic and tourist development of the Republic of Belarus. In 2017 more than 20,000 foreign students from 120 countries studied in Belarus. These are Bachelor and Master's programmes, improvement of education, distance learning, Russian language courses, additional training, summer schools. Educational tourism, the geography of which is expanding every day, is known all over the world. More and more people are trying to visit various countries combining active holidays with a possibility of learning the language of the country, practicing the language, understanding the culture, the way of life, the history of the nation through a new linguistic view of the world. If we take modern geopolitical context, then the interest in the Belarussian language is the result of pan-European educational linguistic policy aimed at strengthening the principles of multilingualism of education, making a multilingual personality a priority in the conditions of globalization. (a well known formula 1+2 a native language and at least two foreign languages). Learning a foreign language nowadays means not only acquiring the skills of reading, writing, listening and speaking, but also metadisciplinary (culture-universal, cognitive) competences, as a means of forming multiculturalism, which requires moving to linguocultural, linguo-cognitive level of studying the language. In the article the experience of working in the International School of Belarussian studies is analyzed, the stages of the work of the school (preparation, moving, opening, cultural programmes, training, closing) and so on are examined.

Key words: educational tourism, multiculturalism, Belarussian language.

У Беларусі ў цэлым сфера турыстычных паслуг — адзін з перспектыўных напрамкаў развіцця эканомікі краіны. Кожнае пятае працоўнае месца занятае ў гэтай сферы.

Ёсць версія, што адкрыццё беларускага Палесся старажытнымі грэкамі абавязана турызму. Гэта адкрыццё звязваюць з імем старажытнага грэчаскага вучонага-вандроўцы Герадота, празванага бацькам гісторыі, які згадвае Беларускае мора 2,5 тысячы гадоў таму назад. Ён адзначаў, што на поўначы Скіфіі (тэрыторыя сучаснага Палесся) ёсць вялікае возера ці мора. Сёння гісторыкі ўмоўна называюць гэта мора "морам Герадота». Яго цяпер на Палессі не знойдзеш, але штогод увесну, калі разліваецца Прыпяць, яно часткова вяртаецца [1].

Беларусь — краіна, якая мяжуе адначасова з Украінай і Расіяй, а таксама з краінамі Еўрасаюза (Польшчай, Літвой, Латвіяй), з'яўляючыся злучным звяном паміж імі. Ва ўмовах супярэчнасцяў паміж буйнымі гульцамі сусветнай палітыкі

Рэспубліка Беларусь нярэдка прадстаўляла канфліктуючым бакам пляцоўку для перамоваў, займаючы міратворчую пазіцыю.

Беларусь — шматнацыянальная і полікультурная рэспубліка. У выніку гістарычных працэсаў яна стала домам для прадстаўнікоў больш за 130 нацый. Гэта і шматканфесійная дзяржава. Тут прадстаўлены ў рознай ступені ўсе сусветныя рэлігіі (праваслаўная, каталіцкая, пратэстанцкая, хрысціян веры евангельскай і інш.), увогуле ў краіне дзейнічае 3524 рэлігійныя арганізацыі [2]. Рэспубліка Беларусь — шматмоўная краіна. Дзяржаўныя мовы дзве — беларуская і руская.

Такім чынам, для развіцця турызму тут спрыяе ўсё:

- выгаднае геаграфічнае становішча Рэспублікі Беларусь;
- наяўнасць трансэўрапейскіх транспартных магістраляў і турыстычнай інфраструктуры;
- шматлікія помнікі гісторыі і культуры;
- багацце фаўны і флоры краіны;
- прасоўванне станоўчага іміджу «Спартыўная Беларусь» на міжнароднай арэне;

• рэалізацыя дзяржаўных праграм і ўказаў у гэтай сферы. (УказыПрэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі (№ 115 ад 09.03.2015 г.; № 8 ад 09.01.2017 г.; № 462 ад 26.12.2017 г.) “Аб устанаўленні бязвізавага парадку ўезду і выезду замежных грамадзян” дае магчымасць замежнікам з 80-і краін (праз Нацыянальны аэрапорт Беларусі) знаходзіцца на тэрыторыі нашай краіны да 30 сутак).

Так, напрыклад, колькасць замежных грамадзян (топ-10 краін: Расія, Украіна, Польшча, Малдова, Літва, Казахстан, Турцыя, Ізраіль, Латвія, Грузія), якія наведалі Беларусь у 2015 г. складае 4.385.596. І гэта колькасць бясконца расце. У 2018 г. Беларусь наведалі амаль 4,8 мільёны турыстаў [3]. Для гэтага ў краіне функцыянуюць самыя розныя турыстычныя кірункі:

- Паляўнічы турызм
- Медыцынскі лячэбна-аздараўленчы (санаторна-курортны)
- Прамысловы
- Спартыўны
- Кулінарны
- Культурна-музычны
- Гісторыка-пазнавальны
- Ваенна-гістарычны
- Экатурызм
- Агратурызм і інш.

Шмат каму з еўрапейцаў вядомыя такія трыумфальныя мерапрыемствы міжнароднага характару, як: «Славянскі базар», «Александрыя збірае сяброў», "Шлях Вікінгаў», фолк-фэст «Камяніца», «Рыцарскі фэст" у Замку Мір і інш., а таксама такія знакавыя мясціны, якія карыстаюцца цікавасцю і попытам у турыстаў: Полацкая зямля, Мірскі замак, Нясвіжскі замак, турысцка-рэкрэацыйная зона

“Брэст”, Хатынь, турысцка-рэкрэацыйны парк “Аўгустоўскі канал”, азёрная Віцебшчына, Нарач і інш.

Адукацыйны турызм — адно з актыўных кірункаў у рамках агульнай дзяржаўнай праграмы эканоміка-турыстычнага развіцця краіны. У 2017 г. у Беларусі вучылася больш за 20 тысяч замежных грамадзян з 102 краін свету. Гэта і бакалаўрскія і магістарскія праграмы, павышэнне адукацыі, дыстанцыйная адукацыя, курсы рускай мовы, дадатковая адукацыя, летнія школы.

Адукацыйны турызм у свеце вядомы ўсім, геаграфія якога прасціраецца ад Мальты да Вялікабрытаніі, і да Крыма, Беларусі, да самых аддаленых куткоў Расіі. Усё больш і больш людзей імкнецца наведаць тую ці іншую краіну, сумяшчаючы актыўны адпачынак з магчымасцю вывучэння мовы гэтай краіны, моўнай практыкай, з магчымасцю больш глыбока праз новую моўную карціну свету спасцігнуць культуру, побыт, гісторыю гэтага народа.

Арганізаваць і правесці ў Беларусі міжнародную школу для замежных грамадзян на беларускай мове за савецкім часам не ўяўлялася магчымым. І магчымасць гэта з’явілася толькі ў 90-я гады ў сувязі з імклівым палітычным і сацыяльна-эканамічным развіццём краіны, з прызнаннем дзяржаўнай незалежнасці Рэспублікі Беларусь і атрыманнем беларускай мовай статусу дзяржаўнай мовы.

Першая Міжнародная школа беларускай мовы, літаратуры і культуры была арганізавана на базе БДУ ў 1991г., удзельнікамі якой сталі вучоныя— славісты прафесар Герман Бідэр з універсітэта горада Зальцбург, Моніка Банькоўскі-Цулінг з бібліятэкі горада Цюрыха (Швейцарыя), Рунасака Курода, кіраўнік русістаў з тэхнічнага ўніверсітэта ў Японіі, прафесар Мары Роз са Швейцарыі, Ян Жучка, сын беларусаў-эмігрантаў з Германіі, Паола Гальвані, магістрант і супрацоўнік часопіса “Паэзія” з Мілана, Італія і інш. [цыт па 4,с 38]. Але без дзяржаўнай падтрымкі і адсутнасці фінансавага забеспячэння школа спыніла сваю дзейнасць.

У 1999 г. па ініцыятыве кафедры сучаснай беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта праект Міжнародная школа беларусістыкі быў адноўлены (дырэктар — загадчык кафедры сучаснай беларускай мовы дацэнт Лідзія Сямешка, намеснік — Вікторыя Ляшук). “Міжнародная летняя школа-семінары (5—19 ліпеня 1999.) аб’яднала больш за 60 навукоўцаў, выкладчыкаў, аспірантаў і студэнтаў з Эстоніі, Польшчы, Аўстрыі, Венгрыі, Германіі, Чэхіі, Ізраіля США. Сярод іх былі як маладыя даследчыкі-славісты Бэрман Мэцью — (Эстонія) — пытанні акцэнтацыі ў беларускіх дыялектах; Шродэр Брыта Лізелотэ (Германія) — сацыялінгвістычныя аспекты функцыянавання беларускай мовы, так і такія вядомыя вучоныя, як сацыёлаг з Польшчы прафесар Рышард Радзیک (удзельнічаў разам з жонкай спадарыняй Ядвігай Зофіяй Радзیک); прафесар лінгвістыкі Польш Вэкслер (Ізраіль) — спецыяліст па славянскіх мовах, і найперш беларускай, аўтар многіх манаграфій артыкулаў, у тым ліку па гістарычнай фанетыцы беларускай мовы і інш ” [4, с. 39]. І зноў-такі зрабіць гэтыя курсы пастаяннымі па розных прычынах не атрымалася.

У жніўні 2015 г. праз доўгі час праект быў зноў адноўлены Рэспубліканскім інстытутам вышэйшай школы. З 24 жніўня па 8 верасня 2015 г. была праведзена

Міжнародная летняя школа беларусістыкі (дырэктар — прафесар Лідзія Іванаўна Сямешка). Перавагу ўдзельнікаў Школы складалі аспіранты і студэнты (3 групы па 10 чалавек) з Чэхіі, Славакіі, Германіі, Венгрыі, Расіі, Польшчы, Японіі.

У 2016 г. Міжнародная школа працавала з 30 чэрвеня па 15 ліпеня. (Заявы ў Школу падалі больш за 100 чалавек, але, на жаль, усіх прыняць не атрымалася). У 2016 г. навучанне прайшлі больш за 60 чалавек. Школа актыўна працавала і ў 2017 г. (з 2 ліпеня па 15 ліпеня) і ў 2018 г. (з 20 жніўня па 1 верасня). За гэты час больш за 200 навучэнцаў-замежнікаў змаглі наведаць нашу краіну, авалодаць беларускай мовай, пазнаёміцца з беларускай культурай, бытам, гісторыяй, набыць новых сяброў, узбагаціцца новымі ведамі, уражаннямі, эмоцыямі. Удзельнікі — прадстаўнікі самых розных краін (Германія, Чэхія, Славакія, Кітай, Японія, Румынія, Расія, Украіна, Польшча, Венгрыя, Літва, Латвія, Аўстралія, Індыя і інш.)

Прычыны прыезду:

1. Для адных — гэта проста пазнавальная паездка, каб пазнаёміцца з новай краінай, яе культурай, людзьмі, бытам.

2. Для іншых — павысіць узровень валодання беларускай мовай (гэта магістранты, аспіранты-славісты, перакладчыкі, выкладчыкі, вучоныя, даследчыкі).

3. Для трэціх — вывучыць рэдкую, самабытную (з катэгорыі «малых») славянскую мову.

4. Чацвёртыя вывучаюць беларускую мову ў сувязі з сяброўскімі адносінамі з беларускімі і беларускамоўнымі сябрамі.

5. Ёсць катэгорыя — этнічныя беларусы, якія разглядаюць МШБ як магчымасць прыехаць на радзіму, сустрэцца са сваякамі, бліжэй пазнаць свае карані (прыязджалі нават сем'і).

6. І нарэшце, шостыя — гэта тыя, якія ўпершыню праз інтэрнэт даведаліся, што ёсць такая краіна — Беларусь, такія людзі — беларусы, такая славянская мова — беларуская.

Этапы працы:

1. Прыезд, засяленне, знаёмства. Вечарына з прэзентацыямі ад кожнай краіны-ўдзельніцы (знаёмства, прэзентацыі, кухня, песні, танцы і інш.).

2. Урачыстае адкрыццё МШБ (3 удзелам высокіх асоб: Рэктар РІВШ — Віктар Гайсёнак, дырэктар Школы Лідзія Сямешка, дэкан філфака БДУ — Іван Роўда і інш., а таксама прадстаўнікі прэсы і тэлебачання).

3. Культурная праграма ўключала ў сябе як экскурсіі па Мінску, Беларусі (Полацк, Азярцо, Нясвіж, Хатынь, Мір, Брэст), так і наведванне музеяў (музей Вялікай Айчыннай Вайны, музей Янкі Купалы, музей старажытнай культуры Беларусі і інш.); тэатраў, выставак, Нацыянальнай бібліятэкі, а таксама сустрэчы з фольк-гуртамі, артыстамі, мастакамі, святкаванне «Купалля», вечары беларускай песні, паэзіі і інш.

4. Навучанне: праграма разлічана на 48 гадзін: лекцыі і практыка беларускага маўлення, якія ўключалі міждысцыплінарны кампанент (мовазнаўства, літаратуразнаўства, гісторыю, культуру, мастацтвазнаўства, этнаграфія).

Заняткі праводзілі лепшыя выкладчыкі МДЛУ і БДУ (дацэнт Вольга Барысенка, дацэнт Ларыса Кныш, дацэнт Наталля Клішэвіч, ст. выкладчык Аксана Семянькевіч, дацэнт Надзея Старавойтава, ст. выкладчык Святлана Балотнікава і інш.) . Лекцыі па розных напрамках гісторыі, мовы, літаратуры чыталі вядучыя спецыялісты прафесары АН, МДЛУ, БДУ: Аляксандр Лукашанец, Ірына Дубянецкая, Людміла Сінькова, Ігар Капылоў, Таццяна Рамза, Сяргей Новікаў; дацэнты Сяргей Важнік, Сяргей Запрудскі, Ганна Кулеш і інш.

5. Закрыццё. Выступленне кожнай групы. Падвядзенне вынікаў. Уручэнне пасведчанняў і граматаў.

Цікаваць да да любой мовы ў наш час, у тым ліку і да беларускай, — гэта вынік агульнаеўрапейскай адукацыйна-моўнай палітыкі, накіраванай на ўмацаванне прынцыпаў шматмоўя і шматкультурнасці адукацыі, прызнанне шматмоўнай асобы ва ўмовах глабалізацыі прыярытэтам і каштоўнасцю (вядомая формула 1 + 2 родная мова і мінімум дзве замежныя). Сістэма навучання, аднаго боку, стандартная, якая ўключае лексіку (розныя спосабы яе семантызацыі), чытанне, дыялог, маўленне, пісьмо, аўдзіраванне, гульнявыя практыкаванні, з другога боку, у самой лінгвадыдактычны мадэлі навучання з'явілася шмат інавацый: сучасныя тэхналогіі і камунікатыўна-педагагічныя стратэгіі прэзентуюць працэс навучання не толькі як авалоданне прадметнымі навыкамі (чытаць, пісаць...), але і як спосаб набывання полікультурнасці з выходам на лінгвапазнавальны, лінгвакультурны і лінгвакагнетыўны ўзровень спасціжэння мовы праз культуру.

Адукацыйны турызм, летнія міжнародныя школы беларусістыкі і беларусазнаўства і падобныя праекты, безумоўна, з'яўляюцца крыніцай лінгвакультуралагічнай кампетэнтнасці стуэнтаў-замежнікаў і іншых навучэнцаў. “Удзел у Летняй праграме Міжнароднай школы беларусістыкі, як адзначае прафесар Л. І. Сямешка, — гэта ўнікальная магчымасць за кароткі час навучыцца гаварыць па-беларуску, глыбей успрыняць, беларускі свет, з яго моўнай і сацыякультурнай адметнасцю, узбагаціцца цікавымі ведамі і новым эмацыйным вопытам [4, с. 41].

У цяперашні час геаграфія Міжнародных школ беларусістыкі пашырылася. Так, у 2019 г. аб'яўлена I Міжнародная школа беларусазнаўства ў Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце. Спадзяёмся на выдатныя вынікі. Шчыра запрашаем у госці. Вас чакаюць новыя праграмы, сустрэчы, эмоцыі і ўражанні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Юрый Гладчук. Дастукацца да нябёсаў. У пошуках мора Герадота і караля Стаха на Hyundai Accent Greta: URL: abw.by/novosti/autotravel (дата обращения: 03.04.2019).
2. Общество. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: president.gov.by (дата обращения: 03.04.2019).
3. Безвизовый въезд. URL: <https://vetliva.ru> (дата обращения: 03.04.2019).
4. Сямешка Л. І. Міжнародная летняя школа беларусістыкі: з гісторыі правядзення // Беларуская мова як замежная. 2017. № 1. С. 37–41.

Азисова Надия Низаметдиновна,

кандидат социологических наук, доцент, председатель правления Региональной национально-культурной автономии татар Республики Мордовия «Якташлар» («Земляки»), Россия, г. Саранск, azisov@rambler.ru

УДК 061.232:316.356.2–053.81

Влияние национально-культурных общественных организаций на формирование традиционных семейных ценностей молодежи в условиях глокализации

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №18-011-00710.

Аннотация. В статье представлен анализ влияния национально-культурных общественных организаций на формирование семейных ценностей современной молодежи, живущей в глокальном мире. В статье исследованы особенности вовлечения молодежи в общественную деятельность, которая связана с сохранением традиций, обычаев, культуры этнических групп, проживающих на территории Республики Мордовия.

Ключевые слова: семейные ценности, молодежь, национальная культура, традиции, глокализация.

Nadiya Azisova

PhD in Sociology, Associate Professor Chairman of the Board, Regional National Cultural Autonomy of Tatars of the Republic of Mordovia «Yaktashlar» («Countrymen»)

Influence of national-cultural public organizations on the formation of traditional family values of young people in conditions of glocalization

Abstract. The article presents an analysis of the influence of national-cultural public organizations on the formation of family values of modern youth living in the glocal world. The article explores the peculiarities of youth involvement in public activities, which is associated with the preservation of traditions, customs, and culture of ethnic groups living in the territory of the Republic of Mordovia.

Key words: family values, youth, national culture, traditions, glocalization.

В современных условиях развития общества семья является одним из важнейших социальных институтов, где формируются ценностные ориентации подрастающего поколения, где происходит передача духовных и семейных ценностей, социокультурного опыта от поколения к поколению. К сожалению, в последние годы институт семьи во всем мире претерпевает серьезные изменения, особенно стали заметными изменения в традиционных семейных ценностях.

Отечественные исследователи указывают на общемировые тенденции, связанные с деформацией семейных ценностей, которые влияют и на формирование и изменение ценностных ориентаций современной молодежи.

Социологи А. И. Антонов и В. М. Медков определяют понятие «семья» как «основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества, родительства-родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [1]. Советский социолог А. Г. Харчев определяет брак как «исторически меняющуюся социальную форму отношений между женщиной и мужчиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности», а семья, по мнению автора, «исторически сложившаяся система взаимоотношений между супругами, родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [2].

Мы привыкли к понятию семьи как к демографической и структурной единице, которая характеризуется совместным проживанием, общностью быта и т. п. Многие ученые, западные и отечественные, пришли к такому выводу, что сегодня нет одной единственной модели семьи, но существует многообразие образцов семейной жизни [3]. Хотелось бы остановиться на нескольких моделях семьи, которые, на наш взгляд, характеризуют современное состояние семьи. Необходимо отметить, что, несмотря на проникновение в семейную сферу либеральных ценностей, по-прежнему сохраняются в провинции традиционные семейные ценности, характеризующиеся уважением и поддержкой старших членов семьи, помощью бабушек и дедушек в воспитании внуков, материальная, чаще натуральная помощь молодым семьям, наблюдаются отличия в семейном образе жизни городских и сельских семей.

Для российского общества, особенно для регионального социума, характерной остается *традиционная модель семьи*, особенно для сельских семей, но тенденция к уменьшению наблюдается особенно за последние годы. Задача национально-культурных общественных организаций и заключается в формировании у молодежи традиционных семейных ценностей. Кроме традиционной модели семьи были выделены несколько моделей семьи, которые характерны для молодых семей.

Первая модель — можно назвать ее *ценностно-психологической*. Проводимые социологические исследования показывают, что среди приоритетных ценностей россияне по-прежнему указывают *семью как важнейшую ценность*. На это указывают 80—85% опрошенных. В студенческой аудитории мною на протяжении двух десятилетий задается вопрос: «Кто свое будущее видит без семьи, без детей?» За время моего наблюдения только 2 человека ответили, что в их будущем нет места семье и детям.

Как и на западе, идет *процесс модернизации* внутрисемейной структуры. На фоне низкой рождаемости, соответственно и нуклеаризации семейной структуры, происходит процесс психологического сближения супружеской пары, привязанности супругов друг к другу. В современной российской семье главной функцией становится не ведение совместного хозяйства, не физическое рождение детей, а отношения между

супругами. Речь идет об оказании психологической поддержки членам семьи, что приобретает особую актуальность в условиях системного кризиса в России, когда жизнь насыщена изменениями, стрессами и волнениями.

Вторая модель — семья с низким репродуктивным поведением. За последние годы увеличивается количество семей, откладывающих рождение даже первого ребенка на более поздний период. Если в недалеком прошлом средний возраст матери при рождении первого ребенка составлял 21 год, затем 24, то сейчас 29–30 лет. Соответственно, увеличивается и средний возраст женщины при рождении последующих детей, если таковое наступает. Доказано, что женщины с более высоким уровнем образования и с высокими карьерными ожиданиями чаще откладывают рождение детей. Брачный статус и рождение детей для современной женщины не рассматриваются в качестве поведенческой модели при выборе «семья или карьера». Чаще женщины, к сожалению, выбирают карьеру.

Третья модель — семья с нетипичными ролями.

Традиционное распределение ролей в семье, к которым мы привыкли на протяжении исторического развития общества, также уходят. Нередкими стали случаи, когда в декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком уходит отец, в связи с тем что жена имеет более стабильный и большой уровень доходов. Социологические исследования показывают усиление роли женщины в семье, женщины не только хранительницы домашнего очага, но женщины-добытчицы, а иногда и единственного кормильца в семье. В связи с этим «феминность мужчин» и «маскулинность женщин» становятся нормой жизни, а не исключением из правил.

Четвертая модель — либеральная модель семьи.

Из года в год растет количество нерегистрируемых союзов, то есть добрачное сожительство, при котором супруги не берут на себя ответственность за материальные, воспитательные и иные взаимные обязательства по обеспечению жизнедеятельности семьи. В настоящее время таких семей в РФ чуть более 30%, и данный процесс имеет тенденцию к увеличению. Причем семей со свободными отношениями больше в молодежной среде.

Пятая модель — семья «общества комфорта», когда молодые люди сознательно не вступают в брак и откладывают создание семьи на более поздний период. Они не хотят обременять себя семьей, детьми, заботами. Им комфортно жить для себя. Они строят карьеру, обеспечивают свой досуг и отдых.

На наш взгляд, это те модели семьи, которые стала выбирать современная молодежь. Традиционная модель семьи остается приоритетной, но новые современные модели семьи также присутствуют.

За последние десятилетия для поддержки семьи и семейных ценностей в Российской Федерации сделано немало — это мероприятия, направленные на возрождение семьи, семейного образа жизни, возвращение семье органически присущих ей социальных функций, на укрепление семьи как социального института, что подтверждается принятием федеральных и региональных программ поддержки семьи, выделением президентских грантов некоммерческим организациям на укрепление традиционных

семейных ценностей, традиций и обычаев. Несмотря на все предпринимаемые меры со стороны государства в поддержку семьи и семейных традиционных ценностей, ценности западной культуры, направленные на однодетные семьи, на свободные супружеские отношения, все чаще проникают и в сферу семейных отношений.

Несмотря на глобализационные процессы, связанные со снижением брачности и увеличением разводимости, сокращением рождаемости и увеличением смертности, характерны для семей Мордовии и глокальные процессы, которые, в первую очередь, характеризуются низким количеством незарегистрированных союзов, близкими отношениями как с родственниками, так и свойственниками, а также большой ролью пра-родителей в формировании ценностных ориентаций молодежи.

Особое место в формировании традиционных семейных ценностей молодежи занимают национально-культурные общественные организации, цель деятельности которых вовлечение молодежи в общественную деятельность, которая связана с сохранением традиций, обычаев, культуры той или иной этнической группы, проживающей на данной территории.

Основной состав населения Республики Мордовия, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, составляют русские — 53,2% мордва — 39,9%, татары — 5,2% и 1,7% другие национальности (более 100) [1, с. 5].

Для Мордовии, поликультурного региона, где на протяжении многих веков в дружеской, добрососедской обстановке проживают славянские, финно-угорские и тюркские народы, характерна межэтническая и межконфессиональная стабильность. Регион аграрный, сохранилась тесная взаимосвязь городского и сельского населения.

На территории Республики Мордовия зарегистрировано 26 национально-культурных общественных организаций, наиболее активными являются: Некоммерческая ассоциация «Поволжский центр культур финно-угорских народов», Региональная национально-культурная автономия татар Республики Мордовия «Якташлар» (далее — РНКАТ РМ «Якташлар»), Мордовская республиканская общественная организация татарских женщин «Чулпан», Мордовская республиканская общественная организация «Союз эрзянских женщин “Литова”», Общественная организация Республики Мордовия «Ассоциация мокшанских женщин “Юрхтава”», Исламский культурный центр, Местная национально-культурная автономия украинцев г. Саранска. Деятельность этих организаций направлена на сохранение языка, традиций, обычаев и культуры той или иной этнической группы, на формирование традиционных семейных ценностей.

Таким образом, актуализируется такое направление исследований, как анализ влияния национально-культурных общественных организаций на формирование семейных ценностей современной молодежи, живущей в глокальном мире.

Современные национальные общественные организации для формирования ценностно-нормативного пространства молодежи умело сочетают коммунитаристские и либеральные подходы, которые, с одной стороны, направлены на сохранение национального самосознания и трансляцию этнокультурного опыта, с другой — на достижение индивидуальных ценностей. Учитывая современные реалии жизни, применять

только традиционные методы воспитания молодежи нет необходимости, так как эти методы будут отвергнуты большей частью молодежи.

У народов, проживающих на территории республики, сформировалась своя система духовно-нравственных, семейных ценностей и традиций.

Так, татары Мордовии среди других этнических групп оказались менее подверженными влиянию ценностей западной европейской культуры, что сказывается и на отношении к браку, семейным ценностям. Среди них наименьшее количество пар, которые «сожительствуют» (чуть менее 1%), хотя за межпереписной период (с 2002 по 2010 год) в республике отмечена неутешительная тенденция: увеличение доли людей, состоящих в так называемом «незарегистрированном браке» (сожительство без официальной регистрации), с 10 до 13%. Причём среди молодёжи 16–29 лет эта доля достигла 23%, хотя российские показатели гораздо выше и составляют 30%.

Рождаемость в татарских семьях также выше, это подтверждают статистические данные. Среди татарских семей больше многодетных семей, что обусловлено традициями многодетности. В сельской местности нередкими являются семьи с 3 и более детьми. Это связано ещё и с тем, что в последние годы наблюдается исламизация татарских семей. Каждая молодая пара перед государственной регистрацией брака проходит обряд «никах» (фактическое вступление в брак по мусульманскому семейному праву), если раньше муфтияты, мечети не выдавали свидетельства о браке, то теперь это является практически обязательной процедурой. До настоящего времени обязательным является сватовство невесты, хотя некоторые традиционные семейные обряды уже не выполняются. Среди татарского населения большую часть составляют моноэтнические семьи, процентное соотношение которых 75–80%.

Татарское население республики меньше подвержено ассимиляции, знают татарский язык и разговаривают на нем в семье более 80% населения.

Основой семьи является взаимное уважительное отношение к старшим и детям, ответственность за детей, сохранение языка, культуры и традиций. Центрами притяжения молодежи за последние годы становятся национальные культурные центры, где проводятся спортивные, культурные мероприятия, фестивали и конкурсы для молодежи и старшего поколения, курсы по изучению национального языка, клубы знакомств для молодежи, этнические вечеринки и дискотеки.

Интересным и заслуживающим внимания является проект РНК АТ РМ «Якташлар» «Что в гнезде, то и в полете», который состоит из цикла мероприятий, таких как «Моя свекровь — вторая мама», «Умелая сноха», «Бабушкин пирог» и др. В ходе проведения мероприятий старшее поколение делится опытом совместного проживания с невестками, дает советы, учит молодежь толерантному отношению, передает наработанный опыт традиционной национальной кухни, искусство татарского гостеприимства. Невестки, снохи, в свою очередь, показывают свое кулинарное мастерство, искусство вышивания, доказывая при этом, что каждая из них заслуживает звания «умелая сноха». На «Бабушкин пирог» приглашаются несколько поколений семей, но задача младших расхвалить и рассказать про тонкости приготовления блюда их бабушками, угостить присутствующих и набрать наибольшее количество баллов от зри-

телей. Эти мероприятия помогают транслировать опыт современным поколениям, вовлечь молодежь в этнокультурную среду, передать традиционные семейные ценности.

Исламский культурный центр стал базой проведения в Республике Мордовия мероприятий, направленных на межэтническое и межконфессиональное согласие. Проекты «Мордовия — наш общий дом», «Россия — наш общий дом» были поддержаны Фондом президентских грантов. В рамках данных проектов прошли фестивали, кубки, поединки между иноязычными и российскими студентами, финалом которого было представление творческих номеров и угощение блюдами национальной кухни.

Проведенный в октябре — ноябре 2018 года конкурс «Татар кызы Мордовия — 2018» (конкурс татарских девушек) также был направлен на привлечение молодежи к национальным традициям и культуре, в рамках этого мероприятия прошли конкурсы на знание родного края, был проведен конкурс «Татарча — диктант» (на знание татарского языка), кулинарный конкурс, круглый стол «Роль семьи в формировании духовных и нравственных ценностей молодежи». Финал конкурса представлял театрализованное шоу в национальном татарском колорите, где был представлен богатый опыт татарского народа — национальный костюм, фольклор, обычаи и обряды — сватовство, обряд «никах», свадебное торжество и передача невесты в дом жениха. Данный конкурс будет проводиться ежегодно при поддержке Исламского культурного центра и РНК АТ РМ «Якташлар».

Много мероприятий проводится Поволжским центром культур финно-угорских народов, которые также показывают всю красоту мордовской национальной кухни, традиций и культуры.

Необходимо отметить, что Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия проводит множество мероприятий, фестивалей, конкурсов, конференций, направленных на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений в республике, на сохранение традиционных ценностей и культуры народов, проживающих на территории республики. Фестиваль «Шумбрат, Мордовия!» стал традиционным творческим конкурсом, где представлено умелое сочетание современных национальных песен и танцев с фольклорными номерами.

Указом Главы Республики Мордовия национальные праздники: татарский «Сабантуй», мордовские «Акша Келу» и «Раськенъ Озкс», Дни славянской письменности — проводятся на государственном уровне. Все мероприятия направлены на дружеское сосуществование, толерантное отношение друг к другу народов, проживающих на территории Мордовии. Республика Мордовия вошла в число регионов с комфортным для проживания всех национальностей. По данным социологических исследований, 97% опрошенных отмечают, что в республике сложились дружеские, добрососедские отношения между людьми разных национальностей, нет конфликтов на национальной почве.

Проводимые национально-культурными общественными организациями мероприятия формируют в молодежи национальное самосознание, чувство сопричастности к своим корням, культуре и традициям, особенно важным является формирование традиционных семейных ценностей через конкурсы, игры, фестивали, что не отталки-

вает молодежь, а привлекает и делает ее сопричастным к общему, целому, единому, традиционному.

Государство должно быть заинтересовано в существовании такой семьи, которая способна обеспечить национальные интересы, сыграть значимую роль в развитии государства, становлении гражданского общества. Хотелось бы отметить, что в республике созданы все необходимые условия для сохранения и передачи современной молодежи национальных традиционных семейных ценностей, языка и культуры.

Список использованной литературы

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению и специальности «Социология» М. : МГУ, 1996. 304 с.
2. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979. 367 с.
3. Cheal D. J. Families in today world: comparative approach. N. Y., 2008.
4. Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) : стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2013. 99 с.

Абаева Гульнар Бариевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Казахско-Русский международный университет, Республика Казахстан, г. Актобе, gulnar.abaeva@mail.ru

УДК 372.8

Полиязычное образование в Казахстане

Аннотация. В статье автор раскрывает определение «полиязычного образования» как систематического преподавания и обучения на двух или более языках. Такое образование обеспечивается тем, что предусматривается в учебных программах и имеет различные модели. Все эти модели можно поделить на две основные группы: слабые и сильные.

Ключевые слова: полиязычие, лингвистическое сознание, моноязычие, модель образования, язык, культура.

Gulnar Abaeva

Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant professor of the Department of Humanities, Kazakh – Russian International University, The Republic of Kazakhstan, Aktobe

Multilingual Education in Kazakhstan

Abstract. The author reveals the definition of «multilingual education» as a systematic teaching and learning in two or more languages. Such education provides for different models of use in education program. All these models can be divided into two main groups: weak and strong.

Key words: multilingualism, linguistic consciousness, monolingualism, model of education, language, culture.

Полиязычие как важное направление развития человечества осознавалось давно. Сегодня невозможно представить себе, что где-то еще существуют страны, жители которых владели бы только одним языком, как и нет государств, где жила бы одна нация. Для нормального функционирования любого многонационального государства весьма существенно формирование полиязычия [2, с. 56].

Годы развития суверенного Казахстана показывают, что полиязычие в обществе не только не ущемляет права и достоинства казахского языка, но и создает все необходимые условия для его развития и прогресса.

Важнейшей стратегической задачей образования Казахстана является, с одной стороны, сохранение лучших казахстанских образовательных традиций, с другой — обеспечение выпускников вузов международными квалификационными качествами, развитие их лингвистического сознания, в основе которого овладение государственным, родным и иностранными языками [3, с. 23].

В своем Послании к народу Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев отметил, что в целях обеспечения конкурентоспособности страны и ее граждан предложена поэтапная реализация культурного проекта «Триединство языков», согласно которому необходимо развитие трех языков для успешной интеграции в глобальную экономику [1, с. 59].

По мнению Президента Н. Назарбаева, «Казахстан уникален и силен своей многонациональностью. На его земле сформировалось уникальное поликультурное пространство... Поликультурность Казахстана — это прогрессивный фактор развития общества. Евразийские корни народов Казахстана позволяют соединить восточные, азиатские, западные, европейские потоки и создать уникальный казахстанский вариант развития поликультурности» [1, с. 122].

Казахстан представляет собой многонациональное государство. На его территории мирно сосуществуют около 130 национальностей. Здесь созданы равные условия для развития языков и культуры разных народов. Развивается культура межэтнического общения. В Государственной программе функционирования и развития языков на 2011—2020 годы говорится, что в стране «создана эффективная система государственной поддержки языков этносов, проживающих в Казахстане (из 7516 общеобразовательных школ 1524 — с русским, 58 — с узбекским, 14 — с уйгурским, 2 — с таджикским языками обучения, 2097 школ — смешанные)».

Многоязычие, как отмечает Э. Д. Сулейменова, является неоспоримой и существенной характеристикой языковой ситуации Казахстана. Оно создается активным участием в нем казахского, русского, английского и других языков. Казахская, русская и английская языковые компетенции являются естественным отражением потребности практического и профессионального владения несколькими языками для получения реальных шансов занять в обществе более престижное социальное и профессиональное положение [1, с. 117].

Казахстану, находящемуся в сердце Евразии, на стыке интересов крупных цивилизаций, всегда была необходима многокультурность и толерантность. Великий Абай видел в языке важный фактор развития общества. В 25-м Слове назидания он говорит: «Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них, не унижается ничемными просьбами». Абай призывал учить русский язык, чтобы «перенять их достижения», «постичь их науку. Потому что русские стали такими, какие они есть, узнавая иные языки, приобщаясь к мировой культуре» [2, с. 71]. Шокан Уалиханов считал, что просвещение должно быть европейским и общечеловеческим.

Эти заповеди актуальны и сейчас, в XXI веке. Исторические, геополитические, социально-экономические и культурные факторы вывели на первый план важность изучения международных языков. Сегодня из 7,2 млрд людей Земли 2/3 говорят на одном из 12 языков как на родном. Это английский (527 млн), китайский (1,39 млрд), хинди-урду (588 млн), арабский (467 млн), испанский (389 млн), русский (254 млн), бенгальский (250 млн), португальский (193 млн), немецкий (132 млн), японский (123 млн), французский (118 млн) и итальянский языки (67 млн) [3].

Президентом Казахстана Н. Назарбаевым, начиная с 2006 года, были даны поручения, направленные на интеграцию английского языка в сферы общественной жизни, в т. ч. образование.

Культурный проект «Триединство языков» предполагал следующие роли языков: «Казахский язык — государственный язык, русский язык как язык межнационального общения, и английский язык — язык успешной интеграции в глобальную экономику» [5, с. 15].

Согласно проведенному социальному опросу в 2016 году, 78% казахстанских родителей хотят, чтобы их дети владели английским языком и 52% населения поддерживают внедрение обучения на трёх языках в школах. Только 28% родителей делают для этого все от них зависящее, как, например, посещение репетиторов, языковых курсов, развивающих языковых школ. У 25% родителей отсутствуют возможности, единственную надежду они связывают со школой [4, с. 154].

Поручения Главы государства об обучении на трех языках:

- XII сессия АНК 2006 года: знание, как минимум, трех языков важно для будущего детей.
- Послание 2007 года: поэтапная реализация проекта «Триединство языков» и привлечение в школы зарубежных преподавателей английского языка.
- Послание 2011 года: к 2020 году доля населения, владеющего английским языком, должна составлять не менее 20%.
- Послание 2012 года: «Мы должны провести модернизацию казахского языка». «Трёхязычие должно поощряться на государственном уровне». «Мы должны сделать рывок в изучении английского языка».
- Послание 2014 года (Казахстанский путь — 2050): «Выпускники школ должны знать казахский, русский и английский языки».

• «100 конкретных шагов» 2015 года: 79-й шаг — «Поэтапный переход на английский язык обучения в системе образования — в старшей школе и вузах».

В том же году Информационно-аналитическим центром Министерства образования и науки РК был изучен мировой опыт, готовность вузов и общеобразовательных школ к внедрению обучения на трех языках.

Как показал анализ, в научной литературе общепринято определение «полиязычного образования» как систематического преподавания и обучения на двух или более языках. Такое образование обеспечивается тем, что предусматривается в учебных программах и имеет различные модели. Все эти модели можно поделить на две основные группы: слабые и сильные. При слабых моделях родной (первый) или второй язык преподается только как языковой предмет. Например, в англоязычной школе обучение испанскому ведется только на уроках по предмету «Испанский язык». Слабость подобных моделей заключается в том, что они ведут к моноязычию, даже если при поступлении на обучение учащийся знал два языка.

Сильные модели полиязычного образования предполагают некий процент погружения в целевые языки, когда в одной школе на протяжении обучения первый и второй (в некоторых странах — третий) языки поочередно выполняют роли основного языка обучения.

Нетрудно догадаться, что существующее издавна в Казахстане школьное обучение языкам относятся к слабым моделям полиязычного образования. Поэтому, думаю, мало кто будет спорить с тем, что уровень владения английским или другим иностранным языками у выпускников общеобразовательных школ, как правило, невысокий. Сильные модели используют в Казахстане Назарбаев Интеллектуальные школы и бывшие казахско-турецкие лицеи (Білім инновациялық лицейлері).

Подхода, близкого к сильным моделям полиязычного образования, придерживались еще Ыбырай Алтынсарин и Жусипбек Аймауытов. Ы. Алтынсарин в своей школе главной целью ставил изучение казахскими мальчиками русского языка и граммоты, при этом изучение истории, географии и ряда других предметов были подчинены этой цели. Иными словами, освоение неязыковых предметов осуществлялось вначале через устное пояснение, потом письменное повествование на русском языке. Такое обучение приносило свои плоды, так, большинство выпускников, будучи в моноязычной среде, после окончания курса могли вести работу на русском языке [1, с. 65].

Руководствуясь наработками и опытом отечественных и международных ученых, в соответствии с поручениями Главы государства, с 2019 года начинается поэтапный переход к преподаванию некоторых предметов на английском языке в 10–11-х классах. В классах с общественно-гуманитарным направлением 2 предмета — STEM (интегрированное обучение) и ИКТ, с естественно-математическим направлением 4 — физика, химия, биология и информатика. Данное решение содержит элементы полиязычного образования, так как речь не идет о переходе на английский язык как язык обучения значительной части предметов, а лишь некоторых. Но и это, пусть частичное внедрение полиязычного образования, по замыслу авторов, и как

показывает эмпирический опыт, куда более эффективно в изучении английского языка, чем существующая модель.

Такая практика позволит выпускникам школ подойти более подготовленными для продолжения обучения на английском языке в вузе. В соответствии с Государственной программой развития образования и науки на 2016–2019 годы с 2017–2018 учебного года будет осуществлен переход на англоязычное обучение в 15 базовых вузах, осуществляющих подготовку кадров по 4 педагогическим специальностям естественно-математического направления. Для этого предусмотрена разработка образовательных программ, учебников и УМК на английском языке [2, с. 89].

Кроме того, такой подход также должен облегчить поступление молодых людей вне зависимости от языка обучения и места нахождения их школы (город или село) в ведущие университеты страны — Назарбаев Университет, КИМЭП, КБТУ, IT университет, где основным языком преподавания — английский.

В целом изучение готовности вузов и общеобразовательных школ к внедрению обучения на трех языках позволяет сделать следующие выводы:

- обучение на трех языках находит поддержку населения, коллективов школ и вузов;

- однако подготовительные меры направлены в основном на переподготовку и повышение квалификации действующих учителей и переоснащение школ, педагогическая подготовка требует к себе большего внимания;

- недостаточно качественное обучение языкам — главная причина низкого уровня готовности школ и вузов к обучению на трех языках;

- в школах и вузах по-прежнему преобладает устаревший репродуктивно-грамматический подход к обучению языков;

- имеется региональный дисбаланс в уровне владения казахским и русским языками, неправильное понимание педагогами сути обучения на трех языках;

- поэтапное внедрение обучения на трех языках требует выполнения как специфических задач (кадровые, методические и др.), так и решение общесистемных проблем образования (низкий статус педагога, бюрократическая нагрузка и др.).

Недавнее международное исследование качества математического и естественнонаучного образования TIMSS среди школьников 4-х и 8-х классов показал интересный и уникальный результат для Казахстана. Наши двуязычные ученики, которые обучаются на одном языке, а дома общаются на другом, демонстрируют более высокую успеваемость. При этом с возрастом этот разрыв увеличивается [2, с. 145]. Данный факт еще раз подтверждает множество других научных доказательств о повышении интеллектуальных способностей детей благодаря полиязычию.

Более 150 крупных научных исследований за последние 50 лет говорят о том, что дети, изучающие 2 и более языка в начальной школе, глубже понимают язык, эффективнее коммуницируют, гибче и самостоятельнее [3, с. 46].

Возвращаясь к двум основным целям современного образования, мы, конечно же, за целью конкурентоспособности не должны забывать о цели культурной. В этом смысле как нельзя лучше подходят цитаты из Всемирного доклада ЮНЕСКО «Ин-

вестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами», где сказано о том, что язык — это показатель жизнеспособности культуры. И правда, «языки... представляют собой не только средство коммуникации, но и призму, через которую люди и сообщества осознают и наполняют смыслом свои взаимоотношения и свою среду. ...В действительности упадок языка является следствием политического, общественного, административного и культурного статуса языка» [4, с. 92].

Некоторые объективные риски полиязычного образования в РК, которыми необходимо управлять:

- Фольклоризация языка — когда родной язык не интегрируется во все сферы жизни, превращается в язык разговорной речи, коротких фраз, пословиц и поговорок.

- Смещение языков — люди, обладающие двумя или более языками, порой их невольно смешивают. Затем это становится привычным делом.

- «Языковое негостеприимство». По мнению российского полиглота, переводчика и педагога Дмитрия Юрьевича Петрова, в Казахстане не очень гостеприимные люди в плане изучения казахского языка. Он, имея опыт изучения более 30 языков, изучил определенный набор казахских слов. Затем на улице пытался говорить с прохожими на казахском. Большинство, видя его затруднения, переходили на русский язык: «Да говори уже на русском».

- Преобладание экономической целесообразности над стремлением сохранения и развития государственного языка [6, с. 231].

Поэтому при проведении политики обучения на трех языках экономическая и культурная составляющие должны в определенной степени балансировать. Думаю, этот консенсус возможен, более того, он жизненно важен для нашего государства в XXI веке. Для этого необходимо учесть объективные риски и сплотить все силы, которые есть в нашем обществе, для их управления и недопущения.

Список использованной литературы

1. Назарбаев Н. А. Новый Казахстан в новом мире // Казахстанская правда. 2007. 1 марта.
2. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011–2020 годы.
3. Назарбаев Н. А. Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. 2012. 10 июля.
4. Государственная программа развития языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы.
5. Храпченков Г. М. К. Д. Ушинский и И. Алтынсарин // Психолого-педагогические проблемы учебно-воспитательной работы в школах : сб. ст. Алма-Ата, 1981.
6. Казахстан в TIMSS и PISA-2015: результаты и факторы влияния (Презентация президента АО «Информационно-аналитический центр» С. Ирсалиева на Расширенном заседании коллегии Министерства образования и науки Республики Казахстан, которое состоялось 24 февраля 2017 г.).

Емельянова Елена Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казахско-Русского международного университета, директор Русского центра, Казахстан, г. Актобе, jemeljanowa@mail.ru

УДК 800

Языковые процессы в Казахстане и их влияние на интеграцию страны в мировое культурное пространство

Аннотация. В статье автор рассматривает языковые процессы, происходящие в полиэтничном обществе Казахстана, их влияние на формирование национальной картины мира, развитие коммуникативной и межкультурной компетенций, что, в свою очередь, способствует интеграции республики в мировую культуру и укреплению авторитета на мировом уровне.

Ключевые слова: интеграция культур, межкультурная коммуникация, интеркультурное взаимопонимание, культурный компонент слова, речевая коммуникация, полилог.

Elena Yemelyanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities, Kazakh-Russian International University, Director of the Russian Center, Kazakhstan, Aktobe jemeljanowa@mail.ru

Language processes in Kazakhstan and their influence on the country's integration into the world cultural space

Abstract. In the article, the author examines the language processes taking place in a multi-ethnic society of Kazakhstan, their influence on the formation of a national picture of the world, the development of communicative and intercultural competences, which, in turn, contributes to the integration of the republic into world culture and strengthening authority on the world level.

Key words: integration of cultures, intercultural communication, intercultural understanding, cultural component of the word, speech communication, polylogue.

Интеграция Казахстана в мировое культурное сообщество является залогом всех последующих поступательных процессов, касающихся как духовной, так и материальной стороны развития общества, регулирования политических взаимоотношений. Основой такой интеграции являются умения коммуникативной и межкультурной компетенции, базирующиеся на языковых процессах и их изучении.

Н. Г. Комлев был первым русским лингвистом, который ввел в лингвистику понятие культурно-исторического компонента значения. Он высказал мысль о том, что слово, отражающее предмет или явление действительности определенного социума, не только означает его, но и создает при этом некоторый фон, ассоциирующийся с этим словом. Поэтому в семантике слова должен содержаться некоторый компонент, фиксирующий именно данный социальный фон, в котором слово существует. «Признавая наличие “внутреннего содержания слова”, то есть факта, что слово-знак

выражает нечто кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента — зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума» [1, с. 220]. Изучение культурного компонента слов является важным условием успешного овладения иностранным языком и усвоения культурно-исторических значений соответствующей социальной действительности. Второй момент является важным условием использования языка как средства общения. По мнению О. С. Ахмановой, непременным условием реализации любого коммуникативного акта должно быть «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [2, с. 2]. Через изучение языка как отражения социокультурной реальности, как феномена культуры — национальной и общечеловеческой, формируется представление об инофонной картине мира, приобретает способность гармонично общаться в нашем собственном обществе и в других социумах, предупреждать и преодолевать конфликты, обусловленные историческими, политическими и религиозными различиями культур. Таким образом, через язык создается эффективная основа для интернационального и интеркультурного взаимопонимания. Современный культурный мир стремится к интегрированию различных культур в единую мировую культуру. Результатом подобного полилога становится обогащение, становление принимающей культуры и принимающей литературы, а также их самоопределение относительно «иномира» исходной культуры и исходной литературы. «В основе когнитивного компонента, связанного с осмыслением картины мира иной социокультуры, познанием смысловых ориентиров другого лингвоэтносоциума, лежат знания о... культуре страны изучаемого языка, а также общие знания о культуре и коммуникации» [3, с. 6].

Уточнение смыслового содержания слов, обозначающих важные, ключевые понятия социологии, политики, этики, философии, происходит чаще всего в ходе политической борьбы. Такими уточнениями, разъяснениями терминов политического, философского, мировоззренческого характера, публицистических номинаций, за которыми стояли важные понятия, определявшие принципиальные позиции, кредо политических партий, группировок, того или иного деятеля, сопровождается развитие русской общественной мысли нового времени.

Взаимодействие языковых сознаний разных этносов происходит в результате контактирования наций, на которое оказывают влияние различные факторы. Если остановиться именно на взаимодействиях русского языка и казахского, то были частны именно факторы, такие как географический, политический, социально-экономический, культурный. Контакты этносов приводят к языковому контактированию. Если рассмотреть контакты русского и казахского этноса начиная с конца XIX века до настоящего времени, то надо заметить, что в конце XIX века и ранее из русского языка в казахский язык проникали слова, относящиеся к бытовой сфере: керует — кровать, Үтік — уют, Өттік — отдых, самаурын — самовар, шабадан — чемодан, Үстел — стол, сөмке — сумка.

С появлением периодической печати слова из русского языка заимствовались с сохранением графической формы. Так, например, Абай Кунанбаев в своих произведениях употребляет такие слова, как семинария, партия. Следует также отметить дея-

тельность казахских просветителей И. Алтынсарина и Ч. Валиханова, которые внесли большой вклад в просветительское дело, распространяя русскую культуру в Казахстане, что, несомненно, оказало влияние русского языкового сознания на отдельных представителей казахской национальности.

Кроме этого необходимо учитывать результаты следствия интралингвистических факторов. Здесь необходимо говорить о стимулирующем влиянии русского языка, что проявилось в активизации внутренних резервов казахского языка: появились новые слова, новые модели словообразования, словосочетания, изменения в грамматике, расширились социальные функции казахского языка, сформировались новые функциональные стили: научный, производственно-технический, разговорный, появились новые средства выразительности, в частности в публицистическом стиле. Русский язык явился источником современной научно-технической и общественно-политической лексики, потому что в этот период языковой контакт осуществлялся главным образом в рамках подсоциума таких двуязычных носителей казахского и русского языков, которые, владея двумя языками, усваивают достижения культуры (наука, техника, культура, политика, литература) на двух языках, в первую очередь на русском, и переводят его на казахский. Через посредство русского языка и из русского языка в казахский язык заимствуется интернациональная терминология. Например, лингвистическая: лексема, лексика, диалог, фрикатив, полисемантизм; литературоведческая: тип, лирик, памфлет, фабула, эпос; медицинская: укол, шприц, рахит, скальпель и др.; физическая: магнит, масса, мембрана; биологическая: цитолог, эмбриология, протеин; химическая: лакмус, парафин. Многие слова, которые вошли в казахский язык в начале XX века, связаны с наименованиями реалий советского быта — советизмы: актив, кулак, конфискация, советы, коллективизация, индустриализация, к середине этого периода исчезают из языка, переходя в разряд исторической лексики.

Заимствования из русского языка делятся на следующие группы: 1) слова, заимствованные без изменения. Среди них различаются слова с суффиксом или без них, с нулевой флексией или окончаниями, являющимися в русском языке грамматическими показателями рода и числа существительного, например: курс, рейд, смена, указ, устав, резерв, ведомство, баланс, миллионер, палата, пакет, репортаж и др. Определенное лексическое значение слов с суффиксами -ист,-изм,-тор, -тер, -итор, -ация, -изация, с приставками анти-, би-, де-, ре-, контр-, ультра- сохраняется и в казахском языке, например: *авиатор, мелиоратор, ректорат, мобилизация, фальсификация, демонтаж* и др.; 2) слова, заимствованные в усеченной форме, например: *анкет, контр, газет, машин, гранат, систем, брон, насеком* и др.; 3) слова, у которых суффиксы заменяются соответствующими казахскими аффиксами или происходит наращивание аффиксов, например: *агрессивтік, рационалдау, техникалық, учетта, товарлы, типтендірлу, рентабельділік* и др. [4, с. 254]

Влияние русского языка на казахский оказывается не только на количественном росте лексики, но и на её качестве — происходят изменения в семантике слов, потеря старых и приобретение новых значений, появление полисемии в результате расширения значения слова. Некоторые значения в семантической структуре казахских много-

значных слов появляются под воздействием изменений, совершающихся в лексико-семантической системе русского языка. В казахских словах появляются новые оттенки значения, которые и обусловлены не только метафорическими или метонимическими сдвигами значения под действием внутренних законов исконного языка, но и по аналогии с изменениями, совершающимися в структуре русских слов. Подобные изменения происходят в лексических системах многих тюркских языков. К. М. Мусаев отмечает изменения такого характера во многих языках, например, в таких словах, как мұше (колхоз мұшесі), жарыс (жарыс сөз), есеп (теперь означает учет, отчет), мусін (скульптура), тіл (орудие общения), құн (себестоимость) [6, с. 154].

В полиэтническом Казахстане в советское время русский язык оказывал и негативное влияние, вытесняя социальные функции казахского языка во многих важных сферах. Так, например, в сфере образования стали функционировать школы с русским языком обучения, что привело к тому, что у определенной части казахского населения русское языковое сознание стало преобладать над казахским языковым сознанием. Это можно подтвердить такими фактами: постановления по русскому языку были приняты также еще в 1948, 1961, 1978, 1983 годах, но в них языки других национальностей не были удостоены такого внимания. Механизм торможения в развитии языков еще более усилился в последующие годы за счет реорганизации национальных школ в русские или их закрытия. Несовпадение родного языка и этноса свидетельствует о наличии фактора языковой ассимиляции, смены родного языка. А смена родного языка — потеря самого дорогого духовного источника жизни человека. Одной из причин проявления такого фактора является фактическая реализация политики единообразия языков. Ни для кого не секрет, что русификаторская политика привела к закрытию национальных школ и необоснованному переименованию национальных топонимов в русские. Здесь нельзя не отметить, что, несмотря на проводившуюся политику, языковое строительство в Казахстане достигло определенных успехов. Начало XXI века отмечено бурным развитием культурологических связей и огромным интересом к изучению социокультурного языкового контекста. Все в большей мере стали преобладать взгляды на язык как на средство общения. Расширяются рамки в обучении общению на русском языке за счет включения элементов социокультурной коммуникации.

Влияние русского языкового сознания на языковое сознание казахов детерминировано факторами социолингвистического и психолингвистического характера; так, нами была составлена анкета с целью выявления выбора языка в различных ситуациях общения: на работе, в образовательных учреждениях, на досуге. Анализ анкетирования показал, что русские чаще всего при общении используют родной язык во всех случаях общения как с представителями своей нации, так и с представителями другой нации (98%). Представители казахской национальности могут выбирать язык общения в соответствии с национальностью собеседника.

Так, по мнению итальянского ученого Ф. Барджиэла-Чиаппини, новая политика трехязычия в Казахстане представляет особый интерес для многих экспертов, поскольку предоставляет «уникальную возможность пронаблюдать эволюцию существу-

ющих дискурсивных практик в стране, обусловленных задачами языкового планирования, индивидуальными языковыми компетенциями, корпоративным заказом, а также сопротивлением со стороны устоявшегося местного опыта и предпочтений» [7, с. 5]. В настоящий момент в рамках реализации «Государственной программы развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы», Национального культурного проекта «Триединство языков» (2007 г.) и других программных документов в нашей стране наблюдается государственная ориентированность на развитие политики трехязычия. В контексте данного направления особенно подчеркивается стратегическая значимость владения государственным языком, являющимся «главным фактором, “цементирующим” казахстанскую нацию» [8, с. 23], русским — как языком межнационального общения и английским — как средством делового международного общения, необходимого для успешного вхождения в глобальную экономику [9, с. 21].

Учитывая динамичное развитие международного и отечественного бизнеса, а также уникальную языковую ситуацию в нашей стране, можно утверждать, что современный деловой дискурс в Казахстане формируется под влиянием трех языков — казахского, русского и английского [10, с. 35].

Закономерности влияния языка на язык — явления экстралингвистические, лингвосоциологические. Можно попытаться определить три вида такого рода зависимостей и две примыкающие к ним особенности междуязычных влияний.

1. Зависимость влияния языка на язык от характера контакта между ними.
2. Зависимость влияния языка на язык от влияния культуры.
3. Зависимость влияния языка на язык от степени их родства.
4. Неравномерность влияния одного языка на различные сферы другого.
5. Возрастание устойчивости языка по мере роста культурности народа [11, с. 148].

По мнению Н. И. Ергазиевой, казахский язык испытал гораздо более сильное влияние русского языка, чем все прочие тюркские языки бывшего СССР [12, с. 18–19].

Во второй половине XIX века огромное влияние на специфику делового казахского языка оказал русский язык, который повлиял на возникновение некоторых широко используемых выражений: бұйырамын, тағайындаймын, аталмыш, төмендегі/жоғары көрсетілген, жоғарыда аталған, бекітіледі, атына, Қол Қою и многих других. Например, в работах казахских просветителей Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина по нормализации и стандартизации казахского литературного языка содержится много заимствований из русского языка: адвокат, әскери губернатор (военный губернатор), заң (закон), партия, сот(суд), болыс (волость), ояз начальнигі (глава уезда или административной единицы), кәтележке (каталажка или тюрьма), оязной (уездный или глава уезда), бітімші (посредник), тілмәш (переводчик), шағым (заявление), шеналу (получать звание) [4, с. 143–152].

Развитие казахоязычного делового дискурса также связано с возникновением и закреплением новых терминов, которые включают внутренние ресурсы казахского

языка (жиналыс, Қаулы, мӨр, нұсқа, тӨраға), переводные заимствования; комбинированные заимствования; перевод и заимствования напрямую с русского языка или с других языков посредством русского языка (протокол, номер, телефон, журнал); формирование основных лексико-семантических и тематических групп (указание должностей, статусов, степеней, названий учреждений, отделов, министерств, организаций, предприятий); аббревиатуры, полностью заимствованные из русского языка (например, гороно, горфо, облсобес, КазНУ) [4, с. 143–152].

С целью получения целостной картины современного языкового состояния в Республике Казахстан (г. Актобе) нами было проведено специально разработанное анкетирование и интервью среди представителей разных национальностей и бизнес-структур.

Отметим, что вышеупомянутое анкетирование проводилось с целью выявления:

- значимости казахского, русского и английского языков в казахстанском социолингвистическом пространстве;
- наиболее распространенных сфер использования казахского, русского и английского языков в профессиональной коммуникации Казахстана;
- основных мотивов и целей изучения русского языка бизнес-специалистами и общественностью.

В целом в исследовании приняли участие 525 казахстанских бизнес-специалистов, из которых 25 человек из шести разных компаний (две финансовые, одна производственная, три обслуживающие компании) были предварительно отобраны для проведения интервью. Относительно социальных характеристик респондентов следует отметить, что в анкетировании участвовали 285 женщин и 240 мужчин в возрасте от 23 до 45 лет, а также студенты, школьники, учащиеся средних специальных учебных заведений.

Для проведения интервью были разработаны вопросы, состоящие из трех блоков: а) личные данные; б) сфера и случаи использования казахского, русского и английского языков на работе; в) основные мотивы изучения казахского, русского и английского языков в профессиональной коммуникации. Впоследствии по результатам проведенного интервью был составлен подробный вопросник для решения дальнейших задач исследования.

Данная анкета включала следующие главные секции: а) биографические данные; б) место казахского, русского и английского языков в социолингвистическом пространстве Казахстана; в) сферы использования казахского, русского и английского языков в профессиональной деятельности; г) основные мотивы и цели изучения русского языка. Отметим, что вопросы относительно названия компаний, должности, названия отдела, типа и сферы деятельности компаний, общий трудовой стаж в данной компании и владение языками были также помещены в первую секцию вопросов о личных данных респондентов. Во втором блоке участникам опроса были заданы вопросы относительно места и роли казахского, русского и английского языков в контексте лингвистической ситуации Казахстана, в частности, им были заданы вопросы, к примеру, какой язык они используют в перечисленных ситуациях; какой язык в

большей степени является языком бытового, делового общения, языком культуры, СМИ и т. д., а также степень необходимости казахского, русского и английского языков в Казахстане (нет необходимости; необходимо, но не везде; необходимо; очень необходимо). В третьей категории вопросов респонденты должны были высказать свое мнение относительно мотивов владения казахским, русским и английским языками в рамках политики триединства языков, предполагающее обязательное знание каждым казахстанцем, как минимум трех языков. Четвертый блок вопросов выявлял основные случаи использования казахского, русского и английского языков непосредственно на их работе с целью выяснения частоты их использования.

Прежде всего мы попытались определить степень владения языками казахстанскими гражданами. Проведенный опрос показал, что большая часть респондентов являются полилингвами (казахский, русский, английский и другие языки) (67,3%) или билингвами (казахский и русские языки/русский и английский языки) (34,5%). Стоит отметить, что у большинства опрошиваемых уровень владения английским языком достаточно высок: 70,4% респондентов отметили, что они свободно говорят, пишут, читают, думают на английском, 28,7% опрошенных отметили, что говорят, пишут и читают на английском языке с некоторыми затруднениями. Более того, больше половины опрошенных (62,5%) указали, что раньше сдавали международные тесты на знание английского языка, такие как IELTS, TOEFL и др., средний результат которых составил 6,0 (IELTS) и 500 (TOEFL). Для многих международных компаний, предполагающих использование английского языка, наличие таких сертификатов стало одним из необходимых документов, подтверждающих владение языком, при приеме на работу в казахстанские международные и национальные компании.

Данные проведенного анкетирования свидетельствуют о значимости казахского, русского и английского языков в социальной жизни казахстанцев. Результаты проведенного анкетирования среди респондентов следующие: использование государственного языка на государственной службе — 93%, в сфере науки и образования — 90%, наряду с этим в сфере обслуживания населения — 86%. Однако следует отметить, что, по оценкам опрошенных, уровень востребованности казахского языка в частном бизнесе несколько ниже, чем в перечисленных выше сферах. В настоящий момент русский язык востребован в сфере науки и образования — 88%, в банковской и финансовой сфере — 87%, а также в частном бизнесе — 86%. Для большей половины респондентов в различных сферах социальной жизни языком общения все еще остается русский язык, а среди иностранных языков все большую популярность приобретает английский язык. Использование казахского, русского и английского языков в других социальных сферах более подробно представлено в таблице.

Случаи использования казахского, русского и английского языков

Случаи использования языков	Казахский, %	Русский, %	Английский, %
В школе (университете)	36,9	43,1	20,0
На работе	26,4	33,3	40,3
С друзьями	42,6	39,7	17,7
С соседями	44,4	55,6	0
В магазине	41,7	58,3	0
В транспорте	48,6	51,4	0
В банке	33,3	66,7	0
В госучреждениях	51,25	48,75	0
На рынке	32,0	65,3	0,7
При чтении газет и журналов	36,5	43,1	2,3
При чтении художественной литературы	25,6	58,9	1,5
При чтении научной литературы	18,1	68,1	3,8
При просмотре телевидения	31,5	49,9	8,6
При работе на компьютере	9,18	56,62	4,2

Степень необходимости русского языка в Казахстане относительно двух других функционирующих языков (казахского как государственного и английского как языка международного общения) 36,5% определили как «высокую», 37,4% респондентов ответили, что русский язык «необходим, но не везде», 24,3% ответили — «необходим», и только два человека (1,7%) заявили об отсутствии необходимости в русском языке.

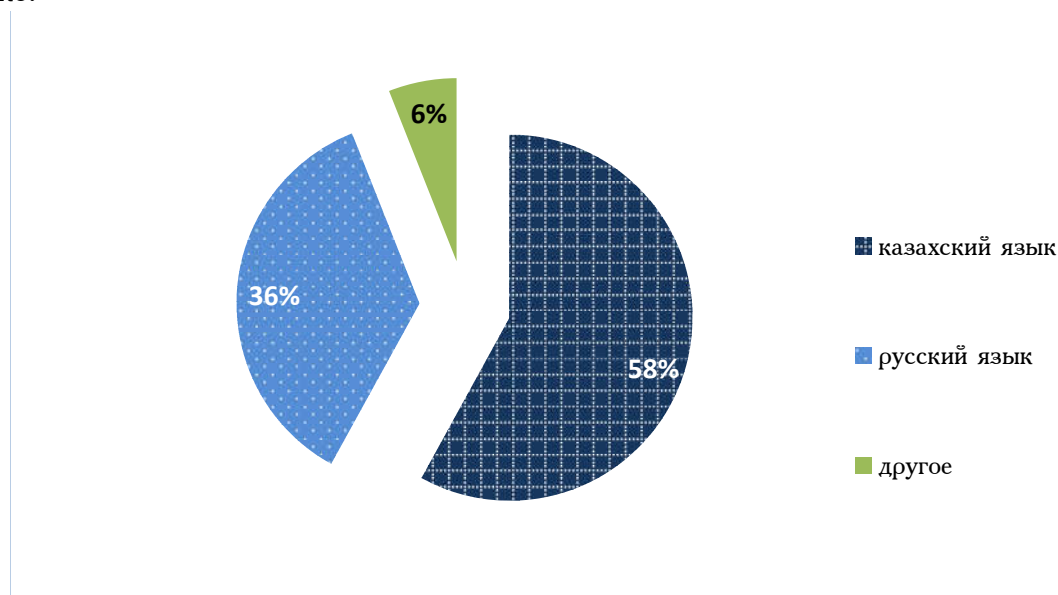

Рис. 1. Язык бытового общения в Казахстане

По мнению большинства респондентов, русский язык для казахстанцев необходим для интеграции и поддержания связей в постсоветском пространстве и, наряду с английским языком, для приобщения к мировому экономическому пространству. Более половины опрошенных полностью поддерживает политику триединства языков не в

ущерб другим функционирующим в стране языкам (2,25) и крайне отрицательно реагирует на утверждение о том, что знание языков для них не имеет никакого значения (5,26). Респонденты связывают русский язык со своим будущим в плане высокой степени информированности, большей возможности продвижения по карьерной лестнице (1,67), с приобретением более престижной и высокооплачиваемой работы.

Анализ проведенного анкетирования показал следующие результаты относительно использования языков в профессиональной коммуникации Республики Казахстан: согласно ответам респондентов, казахский язык, главным образом, является языком государственных законодательных актов (98,6%), работы государственных органов, организаций, силовых структур (95%), законодательных актов (85%) и официальных мероприятий (83%) и др., русский язык выступает в качестве одного из языков ведения учетно-статистической, финансовой и технической документации (87,5%), делового общения (85,6%), негосударственных СМИ (79,1%).

Кроме того, на вопрос, какие языки в Казахстане сегодня в большей степени являются языками бытового и делового общения, языками научной работы, теле/радио информации, культуры и искусства, английский язык наряду с другими языками был также отмечен большинством как язык делового общения в Казахстане (71,3%).

В связи с отсутствием официальных статистических данных особый интерес для настоящего исследования также представляет определение степени использования казахского, русского и английского языков в деловой документации в национальных, иностранных и совместных компаниях в Казахстане.

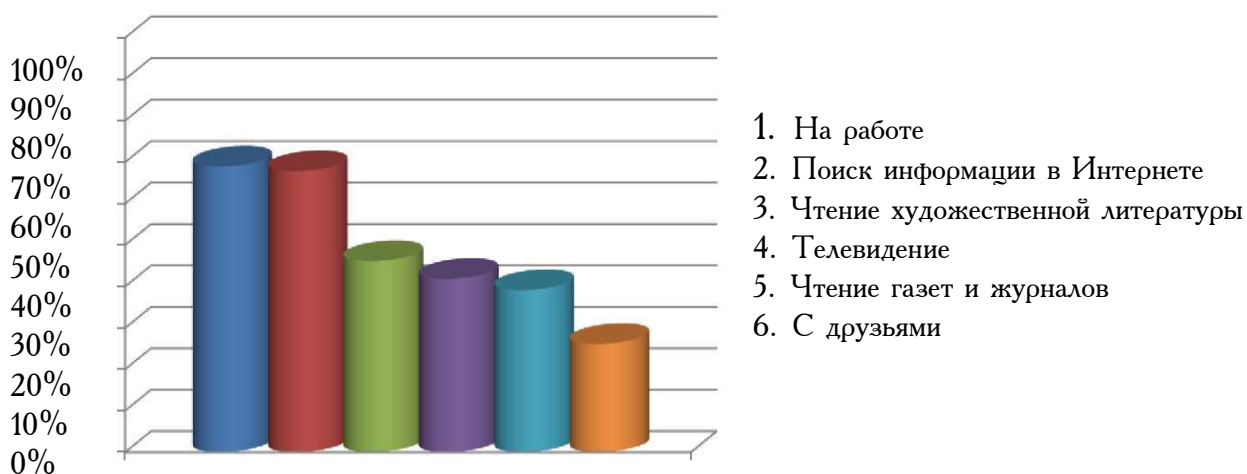

Рис. 2. Сферы использования русского языка

Было выяснено следующее: если государственные учреждения и организации ведут делопроизводство как на казахском языке, так и на русском (11%), то большинство частных компаний и фирм продолжает использовать в основном русский язык (19%). В то же время иностранные компании и компании, в которых иностранцы выступают в качестве деловых партнеров, используют в своей коммуникации английский и русский языки (14,3%). Как показали результаты интервью с резидента-

ми других стран, договоры и контракты в основном оформляются на русском и английском языках, деловые переговоры проходят на английском языке. В крупных совместных компаниях, наряду с казахским и русским языками, английский язык выполняет роль языка делового общения.

Ряд вопросов был посвящен выявлению основных мотивов изучения русского языка и основных причин необходимости знания его на современном этапе развития Казахстана. Практически все респонденты отметили, что знание русского языка очень важно для них как для специалистов соответствующего профиля (94,8%). Отметим несколько основных, по их мнению, причин изучения русского языка:

- дает новую информацию и способствует развитию кругозора (68,7%);
- возможность карьерного роста (64,3%);
- позволяет найти престижную работу (58,3%);
- повышает престиж личности и формирует чувство уверенности в себе (53,0%).

Кроме того, многие из респондентов отметили, что знание русского языка способствует их интеграции в мировое сообщество; открывает двери в международные компании; позволяет общаться с людьми из других стран; позволяет поделиться своими достижениями, обмениваться опытом.

По утверждениям С. К. Кенесбаева, русский язык привнес в казахоязычный деловой дискурс свою структуру и типологию, так же как и использование различных единиц, жанров и коммуникативных стратегий. Результатом стало появление в казахском языке русскоязычных заимствований и лексико-синтаксических заимствованных слов, образовавшихся при переводе (например, такие слова, как бюджет, бастық, қожайын, нақты капитал, сертификат, куәлік, делдал, аймақ) [5, с. 3–26].

На современном этапе влияние русского языка на казахский литературный язык практически не проявляется в прямом заимствовании слов, ср.: адаптированные «старые» русизмы (собственно русские и заимствованные через посредство русского языка слова): жәшік (ящик), шайнек (чайник), гармон (гармонь), зауыт (завод), өшірет (очередь), самауыр (самовар), сөмке (сумка), нөл (ноль), нөмір (номер), кереует (кровать) [4, с. 143–152].

Гораздо чаще русский язык выступает в качестве языка-посредника в процессе вовлечения в состав лексики казахского языка европейских заимствований (ср.: почта, тендер, банк, саммит, акт, комиссия, полиция, детектив, университет, инфляция, педагогика, конференция, акция, экономика, такси). При этом русский язык является не только языком-посредником, но и в некотором роде «языком-образцом». Европейское заимствование попадает в лексику казахского языка, если только оно освоено в русском языке, если есть прецедент его употребления в русской речи.

Национальная лингвокультурологическая система — это существенная основа, ориентир бытия народа, в силу чего освоение ее обучающимся должно быть определено общей универсальной задачей всех учебных дисциплин. Лишь в этом случае мы сможем говорить об эффективном межкультурном взаимодействии и интеграции культур.

Только зная свою культуру, человек способен научиться уважать культуру другого народа, не допускать проявлений агрессивности и непонимания по отношению к

иноязычным коммуникантам, а значит, способствовать развитию дружбы, взаимопонимания и сотрудничества между представителями разных наций и народностей, укреплению авторитета своего государства на мировом уровне.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что во многих отношениях русскоязычный деловой и бытовой дискурс продолжает сохранять свои позиции как с точки зрения многообразия жанров, так и масштаба коммуникативных функций. Функционирование казахского, русского и английского языков в казахстанском мультиэтническом сообществе, несомненно, требует более детального рассмотрения. Знание традиций и общего использования этих языков очень важно для понимания особенностей казахского, русского и английского языков и особенностей их функционирования в межкультурной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М. : Наука, 2009. 192 с.
2. Ахманова О. С. Некоторые вопросы семантики в современном языкознании. М. : Просвещение, 2007. 216 с.
3. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М. : Высш. шк., 2001. 192 с.
4. Худайбергенова А. Принципы построения переводного идеографического словаря банковской терминологий (на материале русского, английского и казахского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы : «Издательский дом КазГЮУ», 2003. 28 с.
5. Кенесбаев С. К. Прогрессивное влияние русского языка на казахский // Прогрессивное влияние русского языка на казахский Алма-Ата : Наука, 1965. С. 3–26.
6. Мусаев К. М. Языки и письменности народов Евразии региона бывшего СССР. Алматы : Гылым, 1993. 243 с.
7. Bargiela-Chiappini F. The handbook of business discourse. Edinburgh, Scotland : Edinburgh University Press, 2009. 533 p.
6. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XX сессии Ассамблеи народа Казахстана «Стратегия «Казахстан – 2050»: один народ – одна страна – одна судьба» от 24 апреля 2013 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_213672_vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xx-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana
8. Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 г. № 110 Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 гг. URL: <http://ru.government.kz/docs/u110000011020110629.htm>
9. Ережепова С. К. Официально-деловой стиль в казахском и русском языках: прагмалингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002. 166 с.
10. Комаров В. Д. Служебная этика. М. : Знание, 1998. 385 с.
11. Ергазиева Н. И. Формирование и развитие официально-деловой речи в казахском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002. 29 с.
12. Казкенова А., Жиренов С. Самостоятельное развитие и взаимное влияние казахского и русского языков в Республике Казахстан. Алматы, 2015. 278 с.

Научное издание

**Политика и культура:
проблемы взаимодействия в современном мире**

Корректор Т. Н. Котельникова
Компьютерная верстка А. А. Харунжевой
Оформление обложки — П. В. Попова

Подписано в печать 20.06.2019 г.
Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная
Усл.печ. л. 33,2
Тираж 500 экз.
Заказ № 29.

Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT), Венгрия

ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»,
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48, т. (8332) 262-390
www.raduga-press.ru
E-mail: raduga-press@list.ru

Отпечатано в полиграфическом цехе
ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
610002, г. Киров, ул. Ленина, 83
т. (8332) 262-390

ISBN 978-5-6042991-7-3

